ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEOPHILOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2025

ТОМ 11 | № 4

ISSN 2587-6953
25044 >
9 772587 695009

Print ISSN 2587-6953
Online ISSN 2782-5868

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2025. Том 11. № 4

Сквозной номер выпуска – 44

NEOPHILOLOGY

2025, volume 11, no. 4

16+

2025;11(4):822-824 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Политика журнала

Научно-теоретический журнал «Неофилология» – один из немногих в мире периодических изданий, предназначенных для обсуждения теоретических и практических проблем в области современной гуманитаристики. Отличительной особенностью журнала является разнообразная тематика статей, направленных на обсуждение актуальных вопросов в области традиционной и когнитивной лингвистики, теории текста и дискурса, речевой деятельности общества, межкультурной коммуникации, интернет-дискурса и языковой личности, что отражает «моментальный снимок» развития гуманитарной парадигмы XXI века – взгляд на язык, познание, культуру и сферы жизни общества как базовый гештальт образа современной неофилологической мысли. В своей издательской части концепция журнала опирается на русский язык, что обосновано ролью русского языка в сотрудничестве и взаимопонимании при освоении и присвоении человеческой культуры на межнациональном и глобальном уровнях. Русский язык укрепляет российское государство и одновременно является неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры, отражающей историю русского народа и его духовные искания.

Цели и задачи

Цели журнала – широкое освещение новых направлений развития филологической науки, научных достижений гуманитарной направленности в современном многополярном мире; содействие сохранению и развитию русского языка в отечественных и зарубежных СМИ и в сети Интернет.

Важнейшими задачами являются не только распространение результатов научных исследований в области современного гуманитарного знания, но и создание платформы для научного диалога и дискуссий, которые ведутся вокруг языка и когниции, языковой картины мира и динамики её фрагментов, а также развития интереса российских и зарубежных учёных к этим проблемам в связи с практикой применения результатов исследований в осмыслении проблем взаимоотношения вербального и невербального в языке и когниции.

Все статьи проходят проверку в программе **«Антиплагиат»** и **двойное слепое рецензирование** членами редколлегии и внешними экспертами, отобранными редакцией.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

Индексирование, представлен в каталогах DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ, ResearchBib, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка», e-ResearchBib, Scilit, Semantic Scholar, Google Scholar, OpenAlex, ROAD.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **5.9.1** – Русская литература и литературы народов Российской Федерации; **5.9.3** – Теория литературы; **5.9.5** – Русский язык. Языки народов России; **5.9.6** – Языки народов зарубежных стран (германские языки); **5.9.9** – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки); **5.10.1** – Теория и история культуры, искусства (культурология).

Журнал вошёл в российскую часть Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка–2025» (ЕГПНИ)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)
Издаётся с марта 2015. **Периодичность:** 4 раза в год.
Государственная регистрация: Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70137 от 16 июня 2017 г.

DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-4

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции: 8(4752)72-34-34 доб. 0440
Электронная почта редакции: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: https://neophilology.elpub.ru

OPEN ACCESS

© Оформление, оригинал-макет, редактирование. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, ant_scherbak@mail.ru

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР: Мызников Сергей Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, Институт Славяноведения РАН, г. Москва; заведующий отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН; профессор, РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, myznikovs@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ильина Ирина Валерьевна, ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, irina.ilyina@list.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агманова Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Республика Казахстан, agmanova@mail.ru

Акматалиев Абдылдажан Амантурович, действительный член Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор филологических наук, профессор, директор Института языка и литературы им. Ч. Айтматова, Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика, melis.a.-50@mail.ru

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научного центра «Русская литература и христианская традиция», Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация, Lanfra87@mail.ru

Бабакулов Исмаил Туркманович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания языков, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, Ургутский филиал, г. Ургут, Самаркандская область, Республика Узбекистан, ismailbabakulov@mail.ru

Бирюков Сергей Евгеньевич, доктор культурологии, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, sibirjukov@gmail.com

Гегелова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, mikhail0001@mail.ru

Григорьева Елена Ивановна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой управления и экономики культуры, Московский государственный институт культуры, г. Москва, Российская Федерация, grigorev_tmb@list.ru

Зверева Екатерина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, katya9_2001@mail.ru

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, s.ilchenko@spbu.ru

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ivaleon@mail.ru

Накано Юкио, доктор филологических наук, ассистентный профессор факультета глобальных и региональных исследований, Университет Досися, г. Киото, Япония, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Новикова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация, novikova58@bk.ru

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация, osmukhina@inbox.ru

Пронина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор, директор, Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина, г. Тамбов, Российская Федерация, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Прохоров Андрей Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, proh_and@rambler.ru

Рацибурская Лариса Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, racib@yandex.ru

Розенберг Наталья Владимировна, доктор философских наук, доцент. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация), заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Elya@sura.ru

Смеюха Виктория Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Российская Федерация, smeyha@yandex.ru

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, suprun@vspu.ru

Сысоев Павел Викторович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иноязычного образования Института международного образования, Московский педагогический государственный университет, г. Москва; руководитель Тамбовского Научного центра Российской академии образования, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, psysoyev@yandex.ru

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы гуманитарных наук, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, г. Павлодар, Республика Казахстан, zifakakbaevna@mail.ru

Трофимова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, gnt@mail.ru

Урюпин Игорь Сергеевич, доктор филологических наук, доцент. Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, isuryupin78@mail.ru

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, liudmila.furs@gmail.com

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, xworowa.mila@yandex.ru

Черникова Наталия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация, chernikvanat@mail.ru

Чжан Цзе, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, z-jie1016@hotmail.com

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, sharandin@list.ru

Шемчук Юлия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, shemchuk.j@mail.ru

Шестерина Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе Высшей школы (факультета) телевидения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, shesterina8@gmail.com

The mission of the journal

The scientific-theoretical journal "Neophilology" is one of the world's few periodicals designed to discuss theoretical and practical problems in the field of modern humanities. The distinctive feature of the journal "Neophilology" is its diverse subject matter of articles aimed at the discussion of relevant problems in the field of traditional and cognitive linguistics, text and discourse theory, society's speech activity, intercultural communication, Internet discourse and linguistic personality,which represents the "snapshot" of the development of the humanitarian paradigm of the XXI century – a view on language, cognition, culture, and spheres of social life as the basic gestalt of the image of modern neophilological thought. In its publishing part, the journal's concept is based on the Russian language, which is substantiated by the role of the Russian language in cooperation and mutual understanding during exploration and appropriation of human culture on international and global levels. The Russian language strengthens the Russian state, and at the same time it is an integral and most important part of national culture that reflects the history of Russian people and their spiritual quest.

Aim and Scope

The goals of the journal are to broadly cover new directions of the development of philological science, including those of an interdisciplinary nature, new scientific accomplishments of the humanities direction in the modern multipolar world; to assist the preservation and development of the Russian language in domestic and foreign media and on the Internet.

The most important tasks of the journal are not only to disseminate the results of scientific research in the area of modern humanitarian knowledge but also to create a platform for scientific dialogue and debates that take place around language and cognition, linguistic worldview and the dynamics of its fragments, as well as the development of interest of Russian and foreign scientists to these problems in connection with the practice of applying the results of research in understanding the problems of the relationship between the verbal and nonverbal in language and cognition.

All articles are **double-blind peer-reviewed** by members of the editorial board and external experts selected by editorial.

Business model: journal's financing is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

Indexed by the DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI, ResearchBib, Scientific Electronic Library "eLIBRARY.RU", Electronic Library "CyberLeninka", e-ResearchBib, Scilit, Semantic Scholar, Google Scholar, OpenAlex, ROAD.

The journal has been included in the Russian part of the Unified State Register of Scientific Publications – the "White List–2025".

Themes of the journal. Three main types of works are published: review scientific articles, original articles, reviews of monographs.

The main **headings** of the journal are:

Paradigms of Languages and Modern Linguistics
Literature Map in Persons, Facts, Events
Modern Media Text and Internet Discourse
Intercultural Communication: National Identity
Ideas of Young Scientists
Reviews

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation)
Published since March 2015. **Issued** 4 times a year.
State Registration: Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИ no. ФС77-70137 of June 16, 2017
DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-4

Editorial Office and Publisher address:
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440
E-mail: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: https://neophilology.elpub.ru

OPEN ACCESS

© Design, original layout, editing. FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2025

2025;11(4):825-827 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

EDITOR-IN-CHIEF: Antonina S. Shcherbak, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Professor of Russian Language and General Linguistics, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan,ant_scherbak@mail.ru

SCIENTIFIC EDITOR: Sergey A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Philology), Chief Research Scholar of Center for Areal Linguistics, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of Dialect Lexicography and Linguogeography of Russian Language Department, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russian Federation, myznikovs@rambler.ru

EXECUTIVE EDITOR: Irina V. Ilyina, Executive Editor of Incorporate Editorial of Scientific Journals, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, irina.ilyina@list.ru

EDITORIAL BOARD

Valeria G. Andreyeva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Research Scholar of Scientific Center "Russian Literature and Christian Tradition", A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Science (IWL RAS), Moscow, Russian Federation, Lanfra87@mail.ru

Sergey E. Biryukov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (Philology), Leading Research Scholar of the Scientific Laboratory of Comparative Literature and Cultural Diplomacy, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, sibirjukov@gmail.com

Natalia V. Chernikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation, chernikvanat@mail.ru

Lyudmila A. Furs, Dr. Sci. (Philology), Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, liudmila.furs@gmail.com

Natalia S. Gegelova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Mass Communications Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, mikhail0001@mail.ru

Elena I. Grigoreva, Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor, Head of Management and Economics of Culture Department, Moscow State Institute of Culture. Moscow, Russian Federation, grigorev_tmb@list.ru

Sergey N. Ilchenko, Dr. Sci. (Philology), Candidate of Art History, Associate Professor, Professor of "Higher School of Journalism and Mass Communications" Institute, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, s.ilchenko@spbu.ru

Zhang Jie, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, z-jie1016@hotmail.com

Liudmila E. Khvorova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, xworowa.mila@yandex.ru

Ivan V. Leonov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of Culture Department, Saint-Petersburg State University of Culture, St. Petersburg, Russian Federation, ivaleon@mail.ru

Olga N. Novikova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation, novikova58@bk.ru

Olga Yu. Osmukhina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department, National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, osmukhina@inbox.ru

Andrey V. Prokhorov, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, proh_and@rambler.ru

Lyudmila A. Pronina, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Director, Tambov Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin, Tambov, Russian Federation, Pronina.Luda2014@yandex.ru

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Modern Russian Language and General Linguistics Department, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, racib@yandex.ru

Natalya V. Rozenberg, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Head of Philosophy and Social Communication Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, Elya@sura.ru

Anatoliy L. Sharandin, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, sharandin@list.ru

Yuliya M. Shemchuk, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Linguistics and Professional Communication in the Humanities and Applied Sciences Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, shemchuk.j@mail.ru

Alla M. Shesterina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Deputy Dean for Research of the Higher School (Faculty) of Television Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, shesterina8@gmail.com

Viktoriya V. Smeyukha, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Journalism Department, Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russian Federation, smeyha@yandex.ru

Vasiliy I. Suprun, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language Department, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, suprun@vspu.ru

Pavel V. Sysoyev, Dr. Sci. (Education), Professor, Professor of the Department of Foreign Language Education, Institute of International Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation; Head of the Tambov Scientific Center of the Russian Academy of Education, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, psysoyev@yandex.ru

Zifa K. Temirgazina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Higher School of Humanities, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, zifakakbaevna@mail.ru

Galina N. Trofimova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Mass Communications Department, Peoples Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, gnt@mail.ru

Igor S. Uryupin, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Literature of the 20th – 21st centuries Department, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, isuryupin78@mail.ru

Nakano Yukio, Dr. Sci. (Philology), Assistant Professor of Faculty of Global and Regional Studies, Doshisha University, Kyoto, Japan, yunakano@mail.doshisha.ac.jp

Ekaterina A. Zvereva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, katya9_2001@mail.ru

2025;11(4):828-829 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 830

ОНОМАСТИКА

Калинкин В.М. Онимия авторских примечаний в зеркалах поэтонимологии: отражения и предложения 832

Яковлева О.И., Скуридина С.А. Семантический потенциал антропонимов романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» 844

Верховых Л.Н. Региональные ономастические маркеры в ономастическом пространстве 855

ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Попова Е.А., Плеханова Л.П. Эпистолярная коммуникация филологов как творческий диалог 865

Мызникова Я.В. Наименования частей тела человека в русских говорах Симбирского Поволжья 879

Виноградова С.Г., Тюрникова Д.В. Моделирование причинно-следственных отношений: когнитивный аспект (на примере английского языка) 893

Павлюк Т.П., Дубинец З.А. Семантико-когнитивные особенности вербализации парфюмерных запахов в интернет-отзывах русско- и англоязычного интернет-дискурса 903

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА В ЛИЦАХ, ФАКТАХ, СОБЫТИЯХ

Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник. Революция 1917 г. и Гражданская война 1917–1922 гг. в историософской оптике М.А. Волошина 916

Гуань Хайин, Ван Синь. Исследования творчества Андрея Белого в Китае: методы, подходы и значение 929

Марков А.В. Хармс и Блок: война искусства 942

Шульдишова А.А. Вербализация образов музыки в идиостиле А. Грина 954

Благодаров В.И., Сорокина Н.В. Религиозные мотивы в творчестве Б.Ш. Окуджавы 965

Хворова Л.Е., Коханов П.А. В.С. Высоцкий. Феномен синтетизма: истоки генезиса Б. Брехта, оригинальность и новаторство 975

СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ И ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС

Муха А.В. Аксиологическая функция литературного журнала «Дон» 988

Дементьева К.В., Говендяева П.Д. Газета «Вечерний Саранск»: история, этапы развития, анализ контента 999

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):828-829
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Терских М.В. Интервизуальность как стратегия конструирования смыслов в современной рекламной коммуникации 1017

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Жусупов Б.М. Вариативность эпического исполнения: *жыршы* между традицией и креативностью 1034

Никольская Т.М., Зыкова И.Н., Лавринова Н.Н. Художественное творчество периода Великой Отечественной войны как средство формирования патриотической культуры современности 1044

Сунь Цзямэй, Се Минци. Восприятие и распространение академических идей Б.А. Успенского в Китае 1065

Лю Хаосюань, Пржиленская И.Б. Особенности интермедиальных взаимодействий в китайском романтизме 1081

Чжи Линьци, Сунь Ланьсинь. Черты символизма и модерна в фортепианном творчестве С.В. Рахманинова: на примере Этюда-картины ор. 39 № 5 1095

ИДЕИ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

Кормакова С.Т. Компаративный анализ «выражений» персонажа Хозяйки Медной горы сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и актанта горной хозяйки уральской народной сказки «Каменная чаша» 1102

Расулова К.Ю. Влияние искусственного интеллекта на речевое поведение русскоязычной молодёжи в Республике Узбекистан 1118

Махрачёва Я.В. Творческая биография Б.А. Лазаревского: специфика формирования прижизненного собрания сочинений 1127

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):830-831
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

CONTENTS

ONOMASTICS

Kalinkin V.M. The onymy of authors' notes in the mirrors of poetonymology: reflections and suggestions 832

Yakovleva O.I., Skuridina S.A. The semantic potential of anthroponyms in M.A. Sholokhov's novel "They Fought for the Motherland" 844

Verkhovykh L.N. Regional onomastic markers in the onomastic space 855

PARADIGMS OF LANGUAGES AND MODERN LINGUISTICS

Popova E.A., Plekhanova L.P. Epistolary communication among philologists as a creative dialogue 865

Myznikova Y.V. Names of human body parts in Russian dialects of the Simbirsk Volga region 879

Vinogradova S.G., Tyurnikova D.V. Cause-and-effect relationships modeling: cognitive perspective (based on the English language) 893

Pavliuk T.P., Dubinets Z.A. Semantic and cognitive features of verbalizing perfume scents in internet reviews of Russian and English internet discourse 903

LITERATURE MAP IN PERSONS, FACTS, EVENTS

Priest Artemy Yudakhin (Artyom A. Yudakhin). The Revolution of 1917 and the Civil War of 1917–1922 in the historiosophical optics of M.A. Voloshin 916

Guan Haiying, Wang Xin. Andrei Bely's creative research in China: methods, approaches and significance 929

Markov A.V. Kharms and Blok: The War of Art 942

Shuldishova A.A. Verbalization of images of music in the idiosyncrasy of A. Grin 954

Blagodarov V.I., Sorokina N.V. Religious motives in the works of B.S. Okudzhava 965

Khvorova L.E., Kokhanov P.A. V.S. Vysotsky. Phenomenon of syntheticism: the origins of Bertolt Brecht's genesis, originality, and innovation 975

MODERN MEDIA TEXT AND INTERNET DISCOURSE

Mukha A.V. The axiological function of the literary magazine "Don" 988

Dementieva K.V., Govendyaeva P.D. Evening Saransk newspaper: history, stages of development, content analysis 999

Terskikh M.V. Intervisuality as a strategy for constructing meanings in modern advertising communication 1017

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):830-831
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

INTERCULTURAL COMMUNICATION: NATIONAL IDENTITY

Zhusupov B.M. Variability in epic performance: *zhyrshy* between tradition and creativity 1034

Nikolskaia T.M., Zykova I.N., Lavrinova N.N. Creative art during the Great Patriotic War as a means of shaping the patriotic culture of modern times 1044

Sun Jiamei, Xie Mingqi. The reception and dissemination of B.A. Uspenskiy's academic ideas in China 1065

Liu Haoxuan, Przhilenskaya I.B. Features of intermedial interactions in Chinese Romanticism 1081

Zhi Linqi, Sun Lansin. Features of symbolism and modernity in the piano work of S.V. Rachmaninov: on the example of Etude-painting op. 39 № 5 1095

IDEAS OF YOUNG SCIENTISTS

Kormakova S.T. Comparative analysis of the "expressions" of the character of the Mistress of the Copper Mountain in P.P. Bazhov's fairy tale "The Malachite Box" and the actant of the mountain mistress in the Ural folk tale "The Stone Bowl" 1102

Rasulova K.Yu. The influence of artificial intelligence on the speech behavior of Russian-speaking youth in the Republic of Uzbekistan 1118

Makhracheva Ya.V. Creative biography of B.A. Lazarevsky: the specifics of forming a lifetime collection of works 1127

2025;11(4):832-843 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81’373.2
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-832-843
Шифр научной специальности 5.9.5

Онимия авторских примечаний в зеркалах поэтонимологии: отражения и предложения

Валерий Михайлович Калинкин
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
284601, Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Горловка, ул. Рудакова, 25
kalinkin.valeriy@mail.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Сквозь призму традиции «авторские примечания» и методологических установок поэтонимологии представлена попытка осмысления проблем функционирования собственных имён в авторских комментариях русских писателей XVIII–XIX веков к художественным произведениям. Цель исследования – сформулировать ближайшие задачи поэтонимологии в дальнейшем изучении вопроса онимии авторских примечаний и осветить понимание автокомментариев в писательском опыте Г.Р. Державина. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Использован традиционный описательный метод с элементами анализа и интерпретации фактического материала, приёмов наблюдения, сопоставления и обобщения, а также функциональный и контекстуальный анализы. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Рассмотрены возможные варианты анализа этого рода примечаний к собственным текстам, приёмы их использования в писательской практике. Предложено понимание автокомментариев как традиционного в определённый период развития русской художественной словесности приёма доведения до сознания читателя, с одной стороны, смысла излагаемого в тексте, а с другой (по А.Д. Кантемиру) – личных намерений автора литературного произведения. Затронут вопрос участия иллюстративного материала в прижизненных (под «присмотром» автора) изданиях произведений Г.Р. Державина. Особое внимание уделено авторским комментариям к оде «Фелица». ЗАКЛЮЧЕНИЕ Отмечена необходимость строго различать примечания писателей и комментарии редакторов изданий, избегая смешения их при анализе, особенно в тех случаях, когда авторские примечания, в конечном итоге, либо сохранились только в рукописях и подготовительных материалах, либо только реконструировались текстологами по косвенным указаниям уже ушедших из жизни поэтов и писателей. Намечены перспективы использования полученных результатов в практике писательской онимографии.

Ключевые слова: имя собственное, ономастический комментарий, писательская онимография, поэтика, семантика, Г.Р. Державин

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: В.М. Калинкин – общая концепция статьи, поиск и анализ научной литературы, обработка фактического материала, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Калинкин В.М.* Онимия авторских примечаний в зеркалах поэтонимологии: отражения и предложения // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 832-843. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-832-843

© Калинкин В.М., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):832-843
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-832-843
OECD 6.02; ASJC 1203

The onymy of authors' notes in the mirrors of poetonymology: reflections and suggestions

Valerii M. Kalinkin
Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov
25 Rudakova St., Gorlovka, 284601, Donetsk People's Republic, Russian Federation
kalinkin.valeriy@mail.ru

Abstract
INTRODUCTION. Through the prism of tradition of "author's notes", and methodological approaches to poetonymy, the research attempts to understand the problems of proper name functions in the author's comments of 18th and 19th-century Russian writers on their literary works. The aim of the study is to formulate the immediate tasks of poetonymology in the further study of the issue of the onymy in author's notes and to shed light on the understanding of self-commentary in the writing experience of G.R. Derzhavin. MATERIALS AND METHODS. The traditional descriptive method was used, incorporating elements of factual material analysis and interpretation, observation techniques, comparison and generalization, as well as functional and contextual analyzes. RESULTS AND DISCUSSION. Possible options for analyzing the type of note to one's own texts are considered, as well as techniques for using them in writing practice. It is proposed to recognize authorial comments as a traditional technique in a certain period of the development of Russian artistic literature for conveying to the reader, on the one hand, the meaning presented in the text, and on the other (according to A.D. Kantemir), the personal intentions of the author of a literary work. The issue of the role of illustrative material in lifetime (under the author's "supervision") editions of G.R. Derzhavin's works is addressed. Special attention is given to the author's comments to the "Ode to Felica". CONCLUSION It is noted that it is necessary to strictly distinguish between writers' notes and editors' comments in publications, avoiding their mixing during analysis, especially in cases where the authors' notes ultimately either survived only in manuscripts and preparatory materials, or were only reconstructed by textologists based on indirect indications from poets and writers who had already passed away. The prospects for using the obtained results in the practice of writer's onymography are outlined.

Keywords: proper noun, onomastic commentary, writer's onymography, poetics, semantics, G.R. Derzhavin

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: V.M. Kalinkin – study concept, scientific literature research and analysis, factual material analysis, writing – original draft preparation, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Kalinkin, V.M. The onymy of authors' notes in the mirrors of poetonymology: reflections and suggestions. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):832-843. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-832-843

ВВЕДЕНИЕ

Задача трактовки собственных имён, употребляемых авторами художественных произведений в примечаниях, поставленная ещё на заре рождения поэтонимологии (тогда – «поэтики онима») как особой ономастической дисциплины, отличающейся рядом концептуальных положений от «материнской» литературной ономастики, вначале (на рубеже веков) всесторонне и обоснованно решена не была. В монографии автора статьи, по-

2025;11(4):832-843 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

священной лексикографии поэтонимов, проблема, по-видимому, в надежде на сообразительность читателя (?), по сути, не рассматривалась: «Вряд ли найдётся хотя бы одна работа, посвящённая роману «Евгений Онегин», в которой в связи с образом Татьяны не упоминались бы стих «Её сестра *звалась Татьяна*...» (II, XXIV) и пушкинское примечание к нему: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фёкла и проч. употребляются у нас только между простолюдинами» [1, с. 60].

На некоторое время удовлетворительным было признано паллиативное решение считать эти имена тоже поэтонимами и рассматривать их с точки зрения участия в формировании поэтики художественного произведения как эстетической целостности (см. подробно: [2; 3]). «Некоторое время» растянулось на четверть века, несмотря на то, что с того момента, когда было предложено собственное видение проблем, связанных с необходимостью различать денотат и референт в семантике объекта именования, вопрос о квалификации онимов и поэтонимов был уже поставлен достаточно остро.

Сегодня, ненадолго задержавшись на истории рождения традиции сопровождать личные художественные произведения собственными комментариями, рассмотрим автокомментарии в писательском опыте Г.Р. Державина к оде «Фелица». Цель исследования – сформулировать ближайшие задачи поэтонимологии в дальнейшем изучении вопроса онимии авторских примечаний.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе исследования используются традиционный описательный метод (анализ и интерпретация фактического материала, приёмы наблюдения, сопоставления, обобщения), функциональный и контекстуальный анализы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Генезис и эволюция. Отечественная традиция комментирования текстов как таковая, вне всякого сомнения, родилась, формировалась и эволюционировала уже в самом начале христианизации славян, в монастырских скрипториях, при переводе священных книг (Библии, Евангелий, Псалтири и пр.) и святоотеческих толкований к ним (Иоанн Златоуст, Феофилакт Болгарский и др.) на церковнославянский, а позднее и на русский язык. В проповеднической практике же сложилось правило объяснения избранных мест из священных книг в толковых проповедях и беседах, изъясняющих «тёмные места» Псалтири и псалмов. Добиваясь ясности в толковании священной литературы, проповедники прибегали к её комментированию.

В истории русской литературы основателем традиции автокомментариев значится Антиох Кантемир, который сопровождал тексты художественных произведений личными разъяснениями. В постскриптуме к предисловию[1] для издания сочинений в 1743 г. Кантемир писал: «Приложенныя подъ всякимъ стихомъ примѣчанійцы нужны для тѣхъ, кои въ стихотворствѣ никакого знанія не имѣютъ, и кромѣ того *къ совершенному понятію моего намѣренія* служатъ (курсив наш. – *В. К.*)».

Примечания разнообразны, в меру подробны и довольно часты. Вот лишь один пример. Из 60 стихов посвящения «Елисаветѣ Первой Августѣйшей Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской, государынѣ всемилостивѣйшей» книги сатир, половина (29 стихов) сопровождены авторскими примечаниями. Не оставлены без комментариев и некоторые собственные имена, использованные в обращении к *Ея Императорскому Величеству*. Так:

– этимологизирована перифраза: «Ст. 15. *Бѣлокурый богъ*. Аполлинъ съ италіанскаго *il biondo Nume*»;

[1] Предисловие, оформленное как «Письмо стихотворца къ пріятелю», открывается обращением «Государь мой!» и завершается традиционной для русского речевого этикета формулой: «Вашъ, государя моего, покорный слуга…». За ним следует цитируемый постскриптум: *Кантемиръ А.Д.* // Русскіе писатели XVIII и XIX ст. Сочиненія, письма и избранные переводы князя Антіоха Дмитріевича Кантемира. Съ портретомъ автора, со статьею о Кантемирѣ и сі примечаніями В.Я. Стоюнина. Редакція изд. П.А. Ивана Ильича Глазунова, 1867. С. 3.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):832-843
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

– разъяснён мифотопоним: «Ст. 28. *Пусть оставя Олимпъ*. Оставя *небо*. *Олимпъ* есть гора въ островѣ Кипрѣ. У Виргилія и другихъ стихотворцевъ значитъ *небо*, понеже та гора гораздо высока»;

– и «коллективный» мифоперсоним; «Ст. 29. *Три Благодати*. Богини отъ свиты Венериной; можно ещё и за дары душевные почитать»;

– уточнено словосочетание с отонимным прилагательным: Ст. 34. *Петрово время*. Время царствованія *Императора Петра Великаго*, безсмертныя славы государя»;

– в сочетании слов «*Въ Еликоне чину*» комментария заслужил ороним; «Ст. 38. <...> *Еликонъ*, гора в Беоціи, Музамъ посвящённая»;

– отмечена разъяснением выраженная собственным именем эпиклеза: «Ст. 41. *Августѣ*. Императрицы греческія *Августами* назывались, какъ императоры имя *Августа* сирѣчь *распространителя* носили»;

– использован приём отсылки к другому примечанию: «Ст. 47. *Парнасски палаты. Парнасъ*, гора въ Фоцидѣ, провинціи греческой»; см. примѣч. подъ ст. 20-мъ, сат. 1.

Каждый из приведённых примеров заслуживает отдельного обсуждения, равно, как и весь корпус автокомментариев А. Кантемира, что позволит сделать вывод о состоянии и характере как этого, прецедентного для русской литературной практики феномена в целом, так и о разновидностях способов комментирования собственных текстов поэтом в целом. Но это задача других работ. А вышеизложенное краткое вступление позволяет перейти к обсуждению онимной составляющей в авторских примечаниях и возникших в работе вопросов уже на ином материале – творчестве Г.Р. Державина.

Полное собрание фактов жизни и творчества Г.Р. Державина создал Я.К. Грот [4], в разделе предисловия к собранию сочинений Г.Р. Державина «О примечаниях» отметил важнейшее: «Самъ Державинъ всегда сознавалъ необходимость объяснительныхъ примѣчаній къ своимъ сочиненіямъ, въ которыхъ безпрестанно встрѣчаются намеки на современныя ему обстоятельства и лица. Въ Предувѣдомленіи къ изданію 1808 г. онъ положительно выразилъ намѣреніе приготовить со временемъ другое изданіе <...> съ примѣчаніями, «гдѣ», прибавляетъ онъ, «все касающееся до моихъ письменъ объяснено будетъ, если не мною самимъ, то по оставленнымъ мною записка мъ другимъ кѣмъ-нибудь» (с. XXXVIII–XXXIX)[2].

История создания Державиным объяснительных примечаний нуждается, как будет показано ниже, кроме литературоведческого, в поэтонимологическом истолковании той части автокомментариев, в которых тем или иным образом зафиксировались речемыслительные акты художественной обработки поэтом реалий, запечатлённые одновременно и в тексте произведения, и в авторских рефлексиях. Такой подход ведёт к формированию в науке особого, художественно-речевого и культурно-исторического осмысления онимосферы литературных текстов. Добрую службу здесь сослужит пристальное чтение переписки Державина с епископом Русской православной и митрополитом Киевской церкви Евгением (Болховитиновым Евфимием Алексеевичем), в которой, в частности, раскрываются подробности работы поэта над объяснениями к одам.

Так, в письме к Хвостову Евгений писал: «Похвалюсь вамъ, что онъ (Державин. – *В. К.*) прислалъ мнѣ самую обстоятельнѣйшую свою Віографію и пространныя примѣчания на случаи и на всѣ намеки своихъ одъ. Это драгоцѣннѣйшее сокровище для Руской Литтературы. Но теперь еще и на свѣтъ показать ихъ нельзя. Ибо много живыхъ витязей его намековъ...»[3].

В обсуждаемой работе анализировался только первый (из семи) том сочинений Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, изданный Императорской Академией наук. Печатание собрания сочи-

[2] *Грот Я.* Предисловие // Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи наукъ. Томъ первый. Стихотворенія. Часть I. Санктпетербургъ: въ типографіи Императорской Академіи наукъ, 1864. С. III-XLII.

[3] Там же. С. 71.

2025;11(4):832-843 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

нений, начатое в самом конце 1863 г. (публикация 1864 г.), было завершено только в 1872 г. Само собой разумеется, чтобы изучить сформулированную во вступлении проблему исчерпывающим образом, обработанного для статьи материала явно недостаточно, тем более что основное внимание в ней сосредоточено на примечаниях Державина и его комментаторов к оде «Фелица». Но такая задача и не ставилась. Излагаемые результаты имеет смысл рассматривать лишь как первичное обсуждение и ориентировочное формулирование направления исследования и предполагаемых его результатов.

В литературоведении проблема подстрочных примечаний ставилась уже давно, и определённые достижения в её осмыслении имеются. В данном случае достаточно обратить внимание на принадлежащие перу автора «Фелицы» «Объяснения на сочинения Державина относительно тёмных мест, в них находящихся, собственных имён, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся...»[4].

Несомненно, интересны защищённая в конце прошлого века диссертация В.С. Мыльникова[5] и несколько работ В.А. Мильчиной [5; 6]. К сожалению, публикаций, трактующих автокомментирование собственных имён как литературно-ономастическую (поэтонимологическую) проблему, в процессе работы над статьёй найти не удалось. Впрочем, это и неудивительно, ведь примечательно, что в указателе Г.Ф. Ковалёва [7], охватывающем всю историю русской литературной ономастики по 2010 г., не претендующем, впрочем, на исчерпывающее освещение материала, отмечено всего две публикации, в которых анализируются собственные имена в творчестве Державина (одна из них – публикация самого Гавриила Романовича[6], а вторая представляет собой фрагмент комментария к стихотворению «Любителю художеств»[7], касающийся всего одного поэтонима [8].

Более того, в любезно предоставленной Г.Ф. Ковалёвым рабочей электронной версии продолжения указанной библиографии, охватывающей ещё одно десятилетие развития литературной ономастики (по 2020 г.), снова выявлена всего лишь одна работа, относящаяся к онимному материалу и поэзии Г.Р. Державина [9]. Нужно отметить также, что рассыпанные по многочисленным трудам литературоведов отдельные крайне редкие замечания о собственных именах в текстах Державина проблемы целостного её освещения не решают.

Для начала, обратившись к комментированию оды «Фелица», художественного произведения, с которого начался великий поэт Г.Р. Державин, обрисуем ситуацию, позволив себе в некоторых случаях пространное цитирование, ибо лучше, чем это было сделано Я. Гротом, вряд ли скажешь. Старую орфографию в его комментариях, как и в цитате, открывающей параграф, по нашему мнению, имеет смысл сохранить: это передаёт «дух эпохи», что в нашем случае немаловажно.

В примечаниях, сопровождающих текст «Фелицы», Я. Грот извещает читателя: «Ода къ *Фелицѣ* доставила Державину богатый подарокъ отъ императрицы (золотую табакерку съ 500 червонцевъ) и честь представленія ей въ Зимнемъ дворцѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила противъ него гоненіе тогдашняго начальника его, гене-

[4] *Державин Г.Р.* Объяснения на сочинения Державина относительно тёмных мест, в них находящихся, собственных имён, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся... // Державин Г.Р. Сочинения. Москва, 1985. С. 305-360.

[5] *Мыльников В.С.* Авторский комментарий и его художественная функция в произведениях русских писателей XVIII–XX веков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1995. 20 с.

[6] *Державин Г.Р.* Объяснения на сочинения Державина относительно тёмных мест, в них находящихся, собственных имён, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; также изъяснение картин при них находящихся, и анекдоты, во время их сотворения случившиеся... С. 305-360.

[7] В указателе Г.Ф. Ковалёва не отражены тезисы Т.Г. Фоминой «Русские антропонимы в поэзии Г.Р. Державина». *Фомина Т.Г.* Русские антропонимы в поэзии Г.Р. Державина // Г.Р. Державин: личность, творчество, современное восприятие. Казань: Казан. ун-т, 1993. С. 97-99.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):832-843
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ралъ-прокурора кн. Вяземскаго. Вообще это сочиненіе имѣло рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу поэта». Далее автор примечаний обращает внимание на значение оды «Фелица» в русской литературе: «г. Галаховъ[8] такъ опредѣляетъ значеніе этой оды въ нашей литературѣ: «Стихотвореніе, подписанное буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ[9]), говоритъ, что Державинъ проложилъ *новый путь* на Парнассъ, что

...кромѣ пышныхъ, одъ,
Во стихотворствѣ есть „иной,
хорошій родъ"».

Признаки этого *новаго стихотворнаго рода* указаны его противоположностью *пышнымъ одамъ. Оды*, замѣчаетъ *Собесѣдникъ* въ одной статьѣ, *наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; Фелица написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались.* Въ другомъ стихотвореніи, Кострова[10], "также признается за Державинымъ слава обрѣтенія *новаго и непротоптаннаго пути*: ибо въ то время, какъ *слухъ нашъ оглохъ отъ громкихъ тоновъ, Державинъ сумѣлъ безъ лиры и Пегаса воспѣть простымъ слогомъ дѣянія Фелицы; ему дана была способность и важно пѣть и играть на гудкѣ...*" Назвавъ Державина *пѣвцомъ Фелицы*, современники его дали знать, что особенность его, какъ поэта, ярко выступила въ этой пьесѣ. Справедливое проименованіе до сихъ поръ не потеряло своей силы: для насъ Державинъ тоже *пѣвецъ Фелицы;* пѣвцомъ Фелицы останется онъ и для дальнѣйшаго времени»[11] [10].

Обратим внимание ещё на одно замечание редактора: «По всей вѣроятности, ода къ Фелицѣ, при появленіи ея въ *Собесѣдникѣ*, напечатана была и отдѣльными оттисками. Въ изданіи 1798 г. (с. 69) она носитъ ещё прежнее длинное заглавіе (разрядка наша. – *В. К.*); въ изданіи 1808 г. (ч. I, хп) она озаглавлена уже просто: *Фелица*»[12].

Как состоялось первое появление на публике и каким было «прежнее длинное заглавіе» [немаловажно (sic!) для поэтонимологического подхода к исследованию заголовков художественных произведений, в особенности, стилизуемых «под старину», и трактовки их вне зависимости от синтаксической структуры как имён собственных[13]] без особого труда можно увидеть в тех же комментариях Грота: «...княгиня Е.Р. Дашкова, въ качествѣ директора академіи наукъ, предприняла изданіе *Собесѣдника любителей россійскаго слова* и открыла одою Державина I-ю книжку этого журнала, вышедшую 20 мая 1783 г., въ субботу (*С-петерб. Вѣдом*. того года № 40). Тамъ на с. 5-14 эта ода напечатана безъ всякой подписи, подъ заглавіемъ: Ода къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ арабскаго языка 1782. Къ словамъ: *съ арабскаго языка* сдѣлана редакціею выноска: "Хотя имя сочинителя намъ и

[8] Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) – историк русской литературы, профессор, член-корреспондент Императорской Академии наук.

[9] Козодавлев Осип Петрович (1754–1819) – деятель Русского Просвещения, в течение последних 10 лет жизни бывший министром внутренних дел Российской империи, в молодости служил советником у княгини Дашковой, подготовил к изданию первое собрание сочинений Ломоносова.

[10] Костров Ермил Иванович (1755–1796) – русский поэт (первый переводчик «Илиады» Гомера). «Костров был от императрицы Екатерины именован университетским стихотворцем и в сем звании получал 1500 рублей жалованья» (Пушкин. Table-talk. "Херасков очень уважал Кострова"). Полный текст письма Кострова см. на сайте Электронной библиотеки ИРЛИ РАН. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5373&ysclid=mi8j3v7tx7879530201 (дата обращения: 15.06.2025).

[11] Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи наукъ. Томъ первый. Стихотворенія. Часть I. Санкт-петербургъ: въ типографіи Императорской Академіи наукъ, 1864. С. 131-132.

[12] Там же. С. 132.

[13] Первенство в постановке этой проблемы в ономастике принадлежит Ю.А. Карпенко (Специфика имени собственного в художественной литературе // Onomastica XXXI, 1986, с. 6-22), относившего заглавия к поэтической речи, а не к языку.

2025;11(4):832-843 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

неизвѣстно; но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ»[14].

Обратимся к «Объясненіям на сочиненія Державина...» и приведём избранное из комментариев автора к оде «Фелица», в котором так или иначе упоминаются собственные имена и апеллятивы, а также отонимные образования. В разных изданиях имеются некоторые иногда не существенные, но всё же различия в воспроизведении объяснений. Поэтому к краткому извлечению из комментариев И.И. Подольской, располагающемся в каждой иллюстрации первым[15], приложим текст из подготовленного к изданию Я. Гротом собрания сочинений, в котором принадлежащие автору примечания дополнены примечаниями комментатора.

<...>

Коня парнасска не седлаешь. – Императрица, хотя занималась иногда сочинением опер и сказок <...>, но стихов писать не умела и не писала, а когда надобно было, то препоручала статс-сектретарям Елагину и Храповицкому, потом и прочим (с. 308).

[4]·Екатерина не умѣла сочинять стиховъ, о чёмъ часто упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру, напр. въ письмѣ отъ 20 мая 1771 г.: *De ma vie je ri ai su faire ni vers ni musique*» (Галаховъ). Куплеты и аріи для драматическихъ сочиненій Екатерины писались, по ея порученію, И.П. Елагинымъ, А.В. Храповицкимъ и другими. Въ письмахъ де-Линя и въ Запискахъ Сегюра есть также разсказы, подтверждающіе, что стихотворство не давалось этой необыкновенной женщинѣ[16].

<...>

Скачу к портному по кафтан. – Относится к прихотливому нраву князя Потёмкина, как и все три нижеследующие куплета, который то сбирался на войну, то упражнялся в нарядах, в пирах и всякого рода роскошах (с. 308).

[7]·Относится, какъ и двѣ слѣдующія строфы, къ прихотливому нраву кн. Потёмкина (*Об.* Д.). Шутки насчётъ Потёмкина въ этой одѣ не оскорбили временщика; по крайней мѣрѣ онъ не обнаружилъ по поводу ихъ ни малѣйшаго гнѣва (*Зап. Держ., Русск. Бесѣда*, с. 308).

<...>

Лечу на резвом бегуне. – Относится тоже к нему, а более – к гр. Ал. Гр. Орлову, который был охотник до скачки лошадиной (с. 308).

[13]·Вся эта строфа относится отчасти къ Потёмкину же, но болѣе къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ *(Об.* Д.). Эту страсть онъ сохранилъ до старости. Проводя послѣдніе годы жизни въ Москвѣ (Орловъ умеръ въ 1808 г.), онъ каждое воскресенье устраивалъ передъ своимъ домомъ бѣги или скачки. Свидѣтель одного такого бѣга разсказываетъ: «Герой чесменскій, въ бархатной малиновой шубѣ, самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на двухъ любимыхъ рысакахъ своихъ»[17].

<...>

Или кулачными бойцами. – Тоже к Орлову относится, который охотник был до всякого молодечества русского, как и до песен русских (с. 308).

[14]·Тотъ же графъ А.Г. Орловъ любилъ русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество (*Об.* Д.).

<...>

И забавляюсь лаем псов. – Относится к Петру Ивановичу Панину, который любил псовую охоту (с. 308).

[15]·Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ любилъ псовую охоту *(Об.* Д.). Находясь въ командировкѣ на Волгѣ во время Пугачёвщины, Державинъ, вскорѣ послѣ поимки злодѣя, поѣхалъ представиться графу, какъ главнокомандующему, въ Симбирскъ. «Подъѣзжая къ сему городу рано поутру, при выѣздѣ изъ подгородныхъ слободъ, встрѣтилъ сего пышнаго генерала, съ великимъ поѣздомъ ѣдущаго на охоту» и проч.[18]

Я тешусь по ночам рогами // И греблей удалых гребцов. – Относится к Семёну Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда

[14] Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. С. 130.

[15] Каждое объяснение вместо полных ссылок на издание имеет только указание на страницу.

[16] Записки 1858 г. № 16, статья Г. Геннади о драматическихъ сочиненіяхъ Екатерины II.

[17] Там же. С. 32.

[18] Записки Держ., Русск. Бес. С. 97 и 100.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):832-843
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

егермейстером, который первый завёл роговую музыку (с. 308).

[16]Семёнъ Кирилловичъ Нарышкинъ (род. 1710, ум. 1775), бывшій тогда оберъ-егермейстеромъ, первый завёлъ роговую музыку *(Об.* Д.). Шлецеръ въ своей автобіографіи (A.L. Schlozers offentliches und privat-Leben, с. 176) разсказываетъ: «Григорій Орловъ ѣдетъ въ яхтѣ внизъ по Невѣ. За нимъ вереница придворныхъ шлюпокъ, а передъ нимъ лодка, въ которой около 40 человѣкъ: они производили музыку, какой я сроду не слыхалъ... то была изобрѣтенная Чехомъ Марешемъ и оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ русская полевая или охотничья музыка. Хоръ состоитъ изъ 40 молодцовъ, изъ которыхъ каждый трубитъ въ свой рогъ, и у каждаго рога свой особенный тонъ *и т. д.*[19]

<...>

За библией, зевая, сплю. – Относится до кн. Вяземского, любившего читать романы (которые часто автор, служа у него в команде, пред ним читывал, и случалось, что тот и другой дремали и не понимали ничего) – Полкана и Бову и известные старинные русские повести (с. 308).

[18]Князь Вяземскій былъ охотникъ до романовъ, и Державинъ, поступивъ къ нему на службу, часто читалъ ему вслухъ подобныя книги. Случалось, что за ними и чтецъ и слушатель дремали *(Об.* и *Зап.* Д.).

<...>

Между лентяем и брюзгой. – В вышеупомянутой сказке о царевиче Хлоре, сочинённой императрицею, названы *лентяем* и *брюзгой* царевной Фелицей вельможи. Сколько известно, разумела она под первым кн. Потёмкина, а под другим – кн. Вяземского, потому что первый <...> вёл ленивую и роскошную жизнь, а второй часто брюзжал, когда у него, как управляющего казной, денег требовали (с. 309).

[20] Въ сказкѣ Екатерины *о царевичѣ Хлорѣ*, какъ упомянуто выше въ примѣч. 1 (с. 130), являются между другими лицами мурза *Лѣнтягъ* и султанъ *Брюзга.* Первый живетъ въ нѣгѣ и роскоши, а второй никогда не смѣется и сердится на другихъ за улыбку. Сколько извѣстно, императрица разумѣла подъ *Лѣнтягомъ* Потемкина, а подъ *Брюзгою* – Вяземскаго *(Об.* Д.).

Ограничимся этой сопоставительной выдержкой, из которой с очевидностью следует, что при работе с материалом объяснений обнаруживаются и разночтения, и иногда лакуны при воспроизведении автокомментариев в разных изданиях, но и весьма полезные, особенно в комментариях Я. Грота, дополнительные данные, способствующие более глубокому проникновению в сущность объяснений авторских. Особо отметим, что Г.Р. Державин неоднократно комментировал свои произведения, в том числе в воспоминаниях и разных изданиях[20].

«Русские литераторы конца XVIII – начала XIX века нередко сопровождали собственные тексты, прозаические и поэтические, подстрочными примечаниями» [6, с. 106]. Это важное для поэтонимологии замечание порождает вопросы, связанные с необходимостью внести ясность в некоторые теоретические положения науки о поэтике собственных имён.

В нашей, естественно, не безупречной, но постоянно развивающейся практике исследований сложилось довольно простое представление о нескольких аксиомах и постулатах, на которые ориентируются учёные, придерживающиеся традиций Донецкой ономастической школы (далее – ДОШ), впервые достаточно подробно и системно осветившей методологические принципы трактовки поэтики онимов [11, с. 108-276; 12; 13]. Коснёмся лишь тех принципов, которые актуальны для дальнейшего обсуждения затронутых проблем.

Мы исходим из представления о художественном произведении как о вторичной семиотической моделирующей системе. В связи с этим, и онимия, если таковая представлена в произведении, является вторичной,

[19] Подробности описалъ Штелпнъ въ Beilagen zum Neuveranderten Russland (т. II, с. 115-122).

[20] Объясненія на сочинения Державина, им самим диктованныя родной его племяннице Елисавете Николаевне Львовой, в 1809 году. Изданные О.П. Львовымъ, въ четырехъ частяхъ. Санкт-петербургъ: в типографии Александра Смирдина, 1834. (без сквозной пагинации).

2025;11(4):832-843 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

моделирующей реальную. Художественное литературное произведение представляет в о о б р а ж ё н н ы й творческим сознанием мир. Он то, что в английском языке обозначается словом fiction или fictitious story. В нём нет и не может быть реальных объектов. Есть только их художественные воображаемые образы.

Литераторы всегда ясно осознавали, что между реальным ономастиконом и собственными именами художественного произведения имеется с у щ е с т в е н н о е р а з л и ч и е . Ориентация писателей-реалистов на правду жизни и соответственно на реальную онимию не мешала этому пониманию. Есть, правда, одно важное уточнение. По мнению Д.С. Лихачёва, древнерусская литература (а это XI–XVII века) «стремится рассказать не о придуманном, а о реальном. <...> вымысел в древнерусских произведениях маскируется правдой. Открытый вымысел не допускается. <...> Древнерусская литература <...> не знает или почти не знает условных персонажей. Имена действующих лиц – исторические; Борис и Глеб, Феодосий Печерский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергий Радонежский, Стефан Пермский... <...> История не сочиняется. Сочинение со средневековой точки зрения – ложь. <...> Есть только один жанр литературы, который, казалось бы, выходит за пределы средневековой историчности, – это притчи. Они явно вымышлены» [14, с. 11-16]. Но мы рассматриваем произведения русской литературы XVIII века, а это уже иное время и иное отношение и к художественной литературе в целом, и к реальности миров, в ней изображавшихся.

Среди аксиом поэтонимологии есть трактующая взаимное самоотражение имени и фиктивного предмета, описанного в художественном произведении. Из неё следует, что имя так же добавляет определённый смысл воображаемому предмету, как и описание предмета добавляет определённое содержание его имени. Исходя из того, что в наших теоретических установках строго различаются понятия *денотат* и *референт*, очевидно, что разные способы именования одного и того же референта могут отражать как различное представление об имени, роль его формы для именуемого объекта и тех, кто использует имя в своей речи, так и эволюцию отношения к самому именуемому объекту. Это принципиально важно в случае, когда перед исследователем в полный рост встаёт проблема отсутствия имени у предмета описания (например, вельможи, упомянутые в оде «Фелица», не названы, но «представлены») и возникает вопрос о «поэтике умолчания имени» и образных средствах экспликации аллюзий.

Кроме уже перечисленных положений поэтонимологии, сформировались в ней и иные, актуализирующиеся в процессе осмысления материала представляемого исследования. Так, существенна аксиома, согласно которой всякое собственное имя в художественном произведении есть акт и результат не только переживаемой автором действительности, но и воспринимаемой читателем авторской рефлексии. Таким образом, утверждается активность как переживания, так и восприятия-понимания. Произвол автора в выборе, изобретении и использовании того или иного собственного имени ограничивает стремление к взаимопониманию с читателем. Автор просто вынужден «укрощать» воображение из опасения оказаться не понятым или пользоваться «примечанийцами», цель которых выше объяснена Антиохом Кантемиром.

Поэтическая онимия в полной мере принадлежит речи. В этом её коренное отличие от общенародной онимии, которая принадлежит языку. Этим обстоятельством объясняются многие свойства поэтонимов, в том числе особенности функционирования «реальной» онимии в художественном произведении, из него вырастают и всевозможные приёмы использования средств перифразирования, апеллятивации онимной лексики, использование традиций реминисценций и аллюзий и, наконец, минус-приёма: умолчания имени, декодируемого с помощью различных средств экспликации. Поэтому вполне приемлемым представляется мнение Н.Л. Вершининой: «Объяснения на сочинения Державина...» как риторическое сопровождение лирического образа явно свиде-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):832-843
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

тельствует о том, что лирическая эмоция и её рациональное классифицирование мыслились как взаимодополняющие; иными словами, как рассудочно-чувственное равновесие[21], достигаемое только в творчестве» [15, с. 150].

Совершенно особо стоит вопрос о теоретико-литературной квалификации примечаний как приёма. Ведь только с формальной стороны автокомментарии (речь идёт об онимной составляющей) могут использоваться как внутритекстовое средство и, таким образом, рассматриваться наравне с другими в пространстве поэтонимосферы произведения как художественной целостности, как это показано на примере из «Евгения Онегина» (текст второй главы романа без приведённого в начале сообщения примечания не публикуется), либо воспроизводиться факультативно, частично или в сопровождении комментариев редактора издания, как в случае с «Фелицей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, использование сформулированного другими учёными в выводах к собственному сообщению и не принято правилами, рекомендуемыми редакцией «Неофилологии», но цитата из биографического очерка И.И. Подольской к книге «Г.Р. Державин. Сочинения»[22] заслуживает воспроизведения: «“Объяснения” и “Записки” – бесценный материал для истории литературы. Не только потому, что они раскрывают эпоху в её частных проявлениях и воссоздают её атмосферу. Они живой факт державинской биографии и возвращают стихи Державина к той почве, с которой они были неразрывно связаны, к впечатлениям бытия, вдохновлявшим и питавшим их на протяжении всей жизни поэта. Ибо деятельность, судьба и стихи Державина – единое целое, неделимое по своей сути»[23].

Литературное наследие Г.Р. Державина, выдающегося русского поэта рубежа XVIII и XIX веков, специалистами в области литературной ономастики и поэтонимологии исследовано крайне недостаточно. Актуальная научная задача, следующая из сформулированного вывода, такова: силами литературных ономастов (поэтонимологов) необходимо ликвидировать выявленную и пока существующую лакуну в литературно-ономастических исследованиях[24]. Надо полагать, что филологическое научное сообщество поддержит это направление державиноведения.

Полезно, но требует дальнейшего глубокого исследования, которое позволит откорректировать представление о квалификации собственных имён, функционирующих в тексте ХП и примыкающих к нему (в примечаниях и комментариях), о квалификации имён, в первую очередь антропоэтонимов, омонимичных(?) собственным именам исторических личностей, и хронотопонимов, о структуре семантики и денотативно-референтной квалификации объектов именования.

[21] Примечание автора статьи сохранено, как представляющее интерес для поэтонимологического осмысления примечаний Г.Р. Державина. «В связи с проблемой «жизни и смерти» в поэзии Державина о «равновесии» пишет современный исследователь: «Ни открытое радостное приятие мира, ни аскетическое отречение от него, а нечто третье, уравновешивающее эти крайности...» (*Николаев Н.И.* Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. С. 135)».

[22] *Державин Г.Р.* Сочинения / сост., биогр. очерк и коммент. И.И. Подольской. Москва: Правда, 1985. 575 с.

[23] Там же. С. 8.

[24] В планах «Фонда гуманитарных исследований и инициатив «Азбука» уже предусмотрена подготовка к опубликованию в материалах юбилейных XX Крымских Международных Михайловских литературно-ономастических чтений фрагментов первой в СССР (1956 г.) литературно-ономастической диссертации В.Н. Михайлова «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование», тем или иным образом касающихся творчества Г.Р. Державина.

2025;11(4):832-843 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Список источников

1. *Калинкин В.М.* Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). Донецк: Юго-Восток, 1999. 247 с.
2. *Калинкин В.М.* Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 18-27. https://elibrary.ru/wzvetn
3. *Калинкин В.М.* Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 10-17. https://elibrary.ru/xyfuen
4. *Гончарова О.М.* Г.Р. Державин в русской радикальной критике XIX века // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4-1. С. 121-134. https://elibrary.ru/wahonw
5. *Мильчина В.А.* Поэтика примечаний // Вопросы литературы. 1978. № 11. С. 229-247.
6. *Мильчина В.А.* Культура примечаний: князь Пётр Иванович Шаликов переводит виконта Франсуа-Рене де Шатобриана // Шаги/Steps. 2020. Т. 6. № 3. С. 106-136. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-3-106-136, https://elibrary.ru/doqljt
7. *Ковалёв Г.Ф.* Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2014. 346 с. https://elibrary.ru/upcggz
8. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Пифон или Тифон? (Из комментария к стихотворению Державина «Любителю художеств») // Новое литературное обозрение. 2002. № 55 (3). С. 132-150. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9146047
9. *Аюпов С.М.* О державинских реминисценциях в комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова // Творчество Г.Р. Державина. Тамбов, 1993. С. 200-204.
10. *Левицкий А.А.* Две Екатерины в поэзии Г.Р. Державина // Державинские чтения / науч. ред. В.П. Старк. Санкт-Петербург: Дорн, 1997. Вып. I. С. 62-75.
11. *Калинкин В.М.* Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
12. *Калинкин В.М.* О мыслях, «изречённых» поэтонимами (из филолософических опытов дилетанта) // Ономастика Поволжья: материалы XXI Междунар. науч. конф. / под общ. ред. И.Н. Хрусталёва, В.И. Супруна. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2023. С. 322-326. https://elibrary.ru/rimbeq
13. *Калинкин В.М.* Сумма поэтонимологии: филолософемы дилетанта. 4. В недрах ономастики // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф.: в 2 т. / науч ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. Т. 1. С. 50-57. https://doi.org/10.34216/2020-1.onomast.50-57, https://elibrary.ru/avjjmk
14. *Лихачёв Д.С.* Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII веков. Москва: Современник, 1987. 301 с. https://archive.org/details/B-001-034-768-ALL/B-001-034-768-05-06/
15. *Вершинина Н.Л.* Державинский «компонент» в поэтике «Евгения Онегина»: к проблеме лироэпических соответствий // Державинские чтения / науч. ред. С.М. Некрасов. Санкт-Петербург, 1997. Вып. 2. С. 148-157.

References

1. Kalinkin V.M. *Theory and Practice of Poetonym Lexicography (based on the works of A.S. Pushkin)*. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 1999, 247 p. (In Russ.)
2. Kalinkin V.M. Please meet poetonymology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya = Tambov University Review. Series: Philological Sciences and Culturology*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 18-27. (In Russ.) https://elibrary.ru/wzvetn
3. Kalinkin V.M. Please meet poetonymology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya = Tambov University Review. Series: Philological Sciences and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 10-17. (In Russ.) https://elibrary.ru/xyfuen
4. Goncharova O.M. G.R. Derzhavin in Russian radical criticism of the 19th century. *Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2020, vol. 21, no. 4-1, pp. 121-134. (In Russ.) https://elibrary.ru/wahonw
5. Milchina V.A. Poetics of notes. *Voprosy literatury = Russian Studies in Literature*, 1978, no. 11, pp. 229-247. (In Russ.)
6. Milchina V.A. The culture of footnotes: Prince Peter Ivanovich Shalikov translates Vicomte François-René de Chateaubriand. *Shagi/Steps*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 106-136. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2412-9410-2020-6-3-106-136, https://elibrary.ru/doqljt

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):832-843
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

7. Kovalev G.F. *Bibliography of Russian Literature Onomastics up to 2010*. Voronezh, Publ. and Print. Center "Nauchnaya kniga", 2014, 346 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/upcggz
8. Lappo-Danilevskii K.Yu. Python or Typhon? (from the commentary to Derzhavin's poem "To an Art Lover"). *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Observer*, 2002, no. 55 (3), pp. 132-150. (In Russ.) https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9146047
9. Ayupov S.M. On Derzhavin's reminiscences in A.S. Griboedov's comedy "Woe from Wit". *Tvorchestvo G.R. Derzhavina = The Works of G.R. Derzhavin*. Tambov, 1993, pp. 200-204. (In Russ.)
10. Levitskii A.A. Two Catherine's in G.R. Derzhavin's poetry. *Derzhavinskie chteniya = Derzhavin Readings*. St. Petersburg, Dorn Publ., 1997, issue I, pp. 62-75. (In Russ.)
11. Kalinkin V.M. *The Poetics of the onym*. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 1999, 408 p. (In Russ.)
12. Kalinkin V.M. On thoughts "uttered" by poetonyms (from a dilettante's philosophical essays). *Materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» = Proceedings of the XXI International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region"*. Ryazan, S.A. Yesenin Ryazan State University Publ., 2023, pp. 322-326. (In Russ.) https://elibrary.ru/rimbeq
13. Kalinkin V.M. The amount of poetonimology: philolosophemes of a diletant. 4. In the bowels of onomastics. *Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii«Onomastika Povolzh'ya»: v 2 t. = Proceedings of the XVIII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region": in 2 vols*. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2020, vol. 1, pp. 50-57. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/2020-1.onomast.50-57, https://elibrary.ru/avjjmk
14. Likhachev D.S. *The Great Path: The Formation of Russian Literature in the 11th–17th Centuries*. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 301 p. (In Russ.)
15. Vershinina N.L. Derzhavin's "component" in the poetics of "Eugene Onegin": toward the problem of lyrical-epic correspondences. *Derzhavinskie chteniya = Derzhavin Readings*. St. Petersburg, 1997, issue 2, pp. 148-157. (In Russ.)

Информация об авторе

КАЛИНКИН Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания, Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова, г. Горловка, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация, SPIN-код: 1233-5177, РИНЦ AuthorID: 335815, https://orcid.org/0009-0003-9648-9401, kalinkin.valeriy@mail.ru

Поступила в редакцию 13.10.2025
Поступила после рецензирования 18.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Valerii M. Kalinkin, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Russian Language and General Linguistics Department, Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov, Gorlovka, Donetsk People's Republic, Russian Federation, SPIN-code: 1233-5177, RSCI Author ID: 335815, https://orcid.org/0009-0003-9648-9401, kalinkin.valeriy@mail.ru

Received 13.10.2025
Revised 18.11.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

2025;11(4):844-854 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-844-854
Шифр научной специальности 5.9.5

Семантический потенциал антропонимов романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину»

Ольга Игоревна Яковлева[1], **Светлана Анатольевна Скуридина**[2] ✉
[1]ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
[2]ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
✉ saskuridina@yandex.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Представлен анализ антропонимов персонажей романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину». Рассмотрены личные имена, отчества и фамилии как семантические доминанты, позволяющие М.А. Шолохову дать любому герою произведения лаконичную, но ёмкую характеристику, отражающую идейно-тематическую концепцию романа. Цель исследования – выявить смысловое наполнение антропонимов романа «Они сражались за Родину». МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом работы являются главы романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину». Антропонимы романа входят в лексическую систему писателя. Их исследование помогает точнее интерпретировать художественный текст. В работе использованы как общенаучные, так и специальные лингвистические методы: метод лингвистического наблюдения и описания, этимологический, словообразовательный, ономастический, контекстуальный, стилистический и лингвокультурный виды анализа. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выявлена семантическая маркированность шолоховских антропонимов, участвующих не только в создании художественных образов, но и в раскрытии идейного содержания романа. Обнаружены мужские личные имена и фамилии (*Николай*, *Александр*, *Никифоров* и др.), образованные от лексем со значением «победа» и «защита», что даёт возможность автору уже на антропонимическом уровне транслировать мысль о победе русского народа над врагом. Женские же имена этимологически восходят к лексемам с семантикой «родной», «Родина» (*Наталья*), что обусловлено ассоциацией женщины с родной семьёй, с домом, домашним очагом, а значит, с мирной жизнью, ради которой герои романа готовы отдать жизни. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Смысловое наполнение антропонимов романа «Они сражались за Родину» превращает их в семантические доминанты шолоховского текста, передающие идею защиты родной земли и победы над врагом.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, антропоним, женские антропонимы, мужские антропонимы, личное имя, отчество, фамилия

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов. О.И. Яковлева – идея статьи, разработка методологии исследования, написание черновика рукописи. С.А. Скуридина – написание теоретической части, анализ фактического материала, редактирование текста рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Яковлева О.И., Скуридина С.А.* Семантический потенциал антропонимов романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 844-854. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-844-854

© Яковлева О.И., Скуридина С.А., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):844-854
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-844-854
OECD 6.02; ASJC 1203

The semantic potential of anthroponyms in M.A. Sholokhov's novel "They Fought for Their Country"

Olga I. Yakovleva [1], **Svetlana A. Skuridina** [2] ✉
[1]Tyumen State University
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russian Federation
[2]Voronezh State Technical Conference
84 20 let Oktyabrya St., Voronezh, 394006, Russian Federation
✉ saskuridina@yandex.ru

Abstract
INTRODUCTION. The study presents an analysis of the anthroponyms of the characters in M.A. Sholokhov's novel "They Fought for Their Country". The authors consider personal names, patronymics and surnames as semantic dominants, allowing M.A. Sholokhov to give any hero of the work a concise but succinct description reflecting the ideological and thematic concept of the novel. The purpose of the study is to identify the semantic content of the anthroponyms of the novel "They Fought for Their Country". MATERIAL AND METHODS. The material of this work is the chapters of M.A. Sholokhov's novel "They Fought for Their Country". The novel's anthroponyms are part of the writer's lexical system. Their research helps to interpret the artistic text more accurately. The work uses both general scientific and special linguistic methods: the method of linguistic observation and description, etymological, word-formation, onomastic, contextual, stylistic and linguocultural types of analysis. RESULTS AND DISCUSSION. The semantic labeling of Sholokhov's anthroponyms, involved not only in the creation of artistic images, but also in the disclosure of the ideological content of the novel, is revealed. Male personal names and surnames *(Nikolai, Alexander, Nikiforov, etc.)* are found, formed from lexemes with the meaning "victory" and "protection", which allows the author to convey the idea of the victory of the Russian people over the enemy on an anthroponymic level. Female names etymologically go back to lexemes with the semantics of "native", "Country" *(Natalia)*, which is due to the association of a woman with her family, with home, hearth, and therefore with a peaceful life, for which the characters of the novel are ready to give their lives. CONCLUSION. The semantic content of the anthroponyms of the novel "They Fought for Their Country" turns them into semantic dominants of the Sholokhov text, conveying the idea of protecting their native land and defeating the enemy.

Keywords: M.A. Sholokhov, anthroponym, female anthroponyms, male anthroponyms, personal name, patronymic, surname

Funding. This study received no external funding.

Author's contribution: O.I. Yakovleva – idea, methodology development, analysis of the actual material, writing – original draft preparation. S.A. Skuridina – writing the theoretical part, analyzing the actual material, has edited the manuscript.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Yakovleva, O.I., & Skuridina, S.A. The semantic potential of anthroponyms in M.A. Sholokhov's novel "They Fought for Their Country". *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):844-854. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-844-854

2025;11(4):844-854 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ВВЕДЕНИЕ

Имена собственные в художественных текстах являются семантическими доминантами, поскольку, вступая во взаимосвязь с апеллятивной лексикой, способствуют выявлению авторских интенций, в результате чего происходит понимание идейно-художественного содержания произведения читателем: «Имена собственные, представленные в разных комбинациях в художественных текстах, являются кумулятивными узлами авторского мировоззрения: оним, погруженный в новый контекст, расширяет свой семантический диапазон» [1, с. 5].

По мнению Г.Ф. Ковалёва, выбор имени собственного в художественном тексте зависит от взаимодействия четырёх факторов: авторского (автобиографического) сознания, системности именника, социальных характеристик персонажа, хронотопности [2, с. 10-11].

О значимости онимных единиц в творчестве М.А. Шолохова говорят исследователи, обращавшиеся как к романам, так и к рассказам писателя. В настоящее время художественные тексты М.А. Шолохова рассматриваются в работах литературоведов и лингвистов, затрагивающих разные произведения писателя и анализирующих особенности его ономастической лаборатории в разных аспектах: системно описывается антропонимия рассказа «Судьба человека» [3], рассматриваются лексико-семантические группы топонимов в романе «Тихий Дон» [4], выясняется специфика функционирования антропонимов в условиях диалектной среды [5], предлагается использовать антропонимы-доминанты шолоховских произведений как один из способов входа в художественный текст при его анализе на уроках литературы в школе [6].

Антропонимикон в творчестве М.А. Шолохова представляет собой яркий пример внимательного отношения писателя к народной традиции, истории и культуре донского края. Н.В. Кайзер-Данилова и Е.Н. Лоскутова находят отражение традиций русского именословия в антропонимических формулах «Донских рассказов» [7]. Г.А. Заварзина и И.Д. Ягодина отмечают, что имена женских персонажей «обладают национальной спецификой и этнокультурным содержанием и являются образцом сращивания разговорной речи, донских говоров и русского литературного языка» [8, с. 209]. По мнению С.А. Ефремова, анализирующего именник рассказа «Судьба человека» с позиций мифопоэтики, антропонимы семьи Соколовых «соответствуют православным нормам имянаречения, обладают внутренней связью между собой и образуют единый антропонимический комплекс, находящийся в сложном взаимодействии с представлением о судьбе» [9]. Любопытно наблюдение А.М. Кочетова относительно частотности имён, используемых М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон», и в реальной жизни: «на Дону практически отсутствовали древнерусские имена, имевшие традицию в Центральной России: Святослав, Ростислав, Ярослав и некоторые другие, которых нет в православных святцах, а также имена Вадим, Владимир, Всеволод, Владислав, Вячеслав, – которые в святцах есть» [10]. Подробный перечень научных работ по поэтической антропонимии М.А. Шолохова за 1977–2019 гг. представлен в библиографическом описании Н.В. Кайзер-Даниловой и О.И. Яковлевой [11]. Цель исследования – выявить смысловое наполнение антропонимов романа «Они сражались за Родину».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования является роман М.А. Шолохова «Они сражались за Родину», который в ономастическом аспекте практически не изучался, в связи с чем на материале глав данного произведения авторами настоящей работы проведён анализ женского и мужского антропонимикона, понимание специфики которого способствует более точной интерпретации художественного текста. В работе использованы как общенаучные, так и специальные лингвистические методы: метод лингвистического наблюдения и описания, этимологический, словообразовательный, ономастический, контекстуальный, стилистический и лингвокультурный виды анализа.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):844-854
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В романе М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» обнаруживаются семантически мотивированные антропонимы: личные имена собственные, отчества, фамилии и прозвища. По устоявшейся в ономастике традиции в художественном тексте М.А. Шолохова нами выделены прямо мотивированные и косвенно мотивированные. Из-за обилия материала исследования в статье рассматриваются только личные имена собственные, отчества и фамилии.

К косвенно мотивированным относятся личные имена собственные романа. Обратимся к их этимологии. М.А. Шолохов именует защитников Родины личными именами, включающими семы «победа» и «защита»: *Николай* (греч. *nikē* – 'победа' и *laos* – 'народ')[1] – один из главных героев романа, мужественно сражающийся на поле боя; *Александр* (греч. *alexō* 'защищать' и *anēr, andros* 'муж(чина)'[2] – брат Николая, офицер, прошедший несколько войн: «…двадцати лет пошёл в царскую армию, четыре года Мировой войны, потом – Гражданская война…»[3]. Таким образом, семантика личных имён собственных поддерживает героическую тональность текста.

В главах романа «Они сражались за Родину» героическое начало дополняется комичными ситуациями. Это отражается и в антропонимическом пространстве романа. Так, *ироническое* обнаруживается в этимологии имени доярки *Глаши* ← *Гликерии* (греч. *Glykeria*: *glykera* 'сладкая')[4]: «– Не знаю, как вас, *Глаша*, по отчеству, но прелесть вы, а не женщина! Просто взбитые сливки, да и только! На мой аппетит – вас целиком можно за один присест скушать: намазывать по кусочку на хлеб и жевать даже без соли…»[5]. Такой приём усиливает яркий образ вдовы и комичность ситуации.

В тексте обнаруживается корреляция между этимологией личного имени собственного *Пётр* (греч. *petra* 'скала, утёс; каменная глыба'[6], *Petros* 'камень'[7]) и действиями героя. Пётр Лопахин решает сбить вражеский самолёт любой ценой: «Нет, на этот раз Лопахин не мог, не имел права промахнуться! Он весь как бы *окаменел*, только руки его, железной крепости руки забойщика, слившись воедино с ружьём, двигались влево, да прищуренные глаза, налитые кровью и полыхавшие ненавистью, скользили впереди тянувшегося ввысь самолёта, беря нужное упреждение»[8]. Можно сказать, что в этом эпизоде романа через действие персонажа реализуется семантика его имени.

Упитанный повар *Пётр* Лисиченко противопоставлен жилистому бронебойщику Петру Лопахину. Он единственный, кто своими спокойными ответами и невозмутимостью может дать отпор Лопахину. Эти герои-тёзки непробиваемы (не зря их имена означают 'камень', 'скала'). Один непробиваем под нападками Лопахина, другой – в своём отношении к войне. Оба готовы стоять до последнего.

Семантика имени *Наталья* (← *Наталия*; женское к *Наталий*, лат. *Natalis* 'родной'[9]; ср. лат. *humusnatalis* 'родина'[10]) связана с названием романа «Они сражались за Родину» и его идейным замыслом. М.А. Шолохов писал слово *родина* в названии романа с маленькой буквы, но цензоры его исправили. То есть автор романа под словом Родина

[1] *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён: более 3000 единиц. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. С. 208.

[2] *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: сравнительно-историческое исследование. Происхождение. Письменность. Москва: Ирис-пресс, 2005. С. 28.

[3] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Наука ненависти. Они сражались за Родину. Судьба человека. Москва: Сов. писатель, 2005. С. 59.

[4] *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: сравнительно-историческое исследование. С. 274.

[5] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 164.

[6] *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён: более 3000 единиц. С. 226.

[7] *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: сравнительно-историческое исследование. С. 177.

[8] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 164. С. 170.

[9] *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён: более 3000 единиц. С. 204.

[10] *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: сравнительно-историческое исследование. С. 163.

2025;11(4):844-854 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

подразумевал малую родину. Это позволяет говорить, что солдаты-пехотинцы, которые находятся в центре романа, в первую очередь сражаются за свои семьи.

Крепкая связь солдат со своими семьями отпечаталась и на антропонимии романа. Так, раненого Ивана Звягинцева спасает санитарка: «…он чуть слышно прошептал: – Сестрица, *родная*, откуда же ты взялась?»[11]. Звягинцев называет санитарку дочкой, так как она внешне похожа на его дочь *Наталью*: «Вот и моя *Наташка* лет через шесть такая же будет: дурненькая с лица, а сердцем ласковая...» – а потом… проговорил: – Ты вот что, *дочка*... Ты брось меня, не мучайся... Я сам…»[12].

Родина ассоциируется также с домом, домашним очагом. При небольшом количестве женских имён в романе ещё один персонаж носит имя *Наталья*. *Наталья Степановна* – хозяйка дома, в котором остановились бойцы: «Нарядная хозяйка поправляла огонь, склоняясь могучим станом, помешивала в котле деревянной ложкой». *Наталья Степановна* предоставила уставшим и голодным бойцам не только ночлег, но, узнав, что именно они ожесточённо защищали Подонье, «сейчас же лапшу замесила, восемь штук курей зарубила…»[13]. Ей ничего не жалко для настоящих русских солдат, а дезертиров она презирает: «А то ведь мы, бабы, думаем, что вы опрометью бежите, не хотите нас отстаивать от врага, ну сообща и порешили про себя так: какие от Дона бегут в тыл, – ни куска хлеба, ни кружки молока не давать им, пущай с голоду подыхают, проклятые бегунцы!»[14]. Предполагаем, что М.А. Шолохов через образ этой женщины показал образ Родины – суровой наставницы, щедрой кормилицы.

Этимология имени может контрастировать с отведённой персонажу ролью. В романе жена Николая, *Ольга* (сканд. *Heilga*: *heila* ‘святая’)[15], не скрывает любовной связи с коллегой-учителем: «*Ольга* встречалась с Юрием Овражним не только в школе. Николай догадывался об этом, но заставить себя следить за женой не мог…»[16], героиня не заботится о сыне: «Ребенку она почти не уделяла внимания, целиком передав его на попечение бабушки»[17].

С именем *Ольга* связан образ княгини Ольги, мстившей за смерть мужа. В романе, наоборот, связь между Ольгой и мужем разорвана. Предполагаем, что выбор имени был обусловлен хронотопом художественного текста. В реальном именнике предвоенного времени имя *Ольга* встречалось среди интеллигенции [12, с. 66].

В судьбе некоторых персонажей реализуется этимология имени *Иван* (др.-еврей. *Yohanan* ‘Бог милует’)[18]. Иван Звягинцев молится на поле боя, и его чудом спасает хрупкая санитарка. Другой персонаж, Иван Степанович, был одним из немногих заключённых, кто вышел из тюрьмы: «А окончилось тем, что первых трёх из нашего бюро расстреляли, меня и ещё одного парня, начальника милиции, выпустили, а четырёх остальных членов бюро загнали в лагеря»[19].

Отчества в романе «Они сражались за Родину», как и личные имена собственные, относятся к косвенно мотивированным. Этимология отчества *может дополнять черту характера* персонажа. У «всегда сдержанного и молчаливого» Николая Стрельцова отчество *Семёнович* (← *Семён,* др.-евр. *šimōn* ‘(бог) слышащий’)[20]. Герой чаще других персонажей выступает в роли слушающего. Ему изливают душу Иван Степанович, Александр Михайлович и Иван Звягинцев. Николай

[11] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 225.
[12] Там же. С. 227.
[13] Там же. С. 292-293.
[14] Там же. С. 292.
[15] *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: сравнительно-историческое исследование. С. 325.
[16] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 40.
[17] Там же. С. 39.
[18] *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: сравнительно-историческое исследование. С. 115.
[19] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 49.
[20] *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: сравнительно-историческое исследование. С. 198.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):844-854
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

очень чуток к происходящим событиям. Знаковым является потеря слуха именно у этого персонажа. Тяжело переживая разрыв с женой, герой получает ещё и это испытание. Но тем сильнее оказывается сцена его возвращения на фронт. Контуженный, он находит своих товарищей и продолжает защищать Родину.

К прямо мотивированным антропонимам относятся две фамилии литературных героев: *Стрельцов* и *Голощёков*. Фамилия *Стрельцов* (стрелец – «тот, кто стреляет») тесно связана с должностью персонажа: «А сейчас *автоматчику* Николаю Стрельцову надо плотнее сжать губы…»[21], «Николай *стрелял* короткими очередями, экономя патроны, бил только наверняка…»[22]; «И он *стал стрелять*, глухой и равнодушный ко всему…»[23].

Фамилия *Голощёков* (← голые щёки) указывает на молодой возраст лейтенанта. Лопахин называет своего командира парнем: «Лейтенант приказал тебе передать, чтобы глядел в оба. Он с умом *парень* и думает, что танки на нас будут сначала силу пробовать»[24]. На похоронах Голощёкова старшина Поприщенко говорит: «У него там, на Украине, мать-старуха осталась, жинка и трое мелких детишек, это я точно знаю…»[25]. Наличие маленьких детей тоже признак молодости лейтенанта. Голые щёки могут означать выбритые щёки, то есть признак ухоженности. Лопахин, посетивший окоп лейтенанта, заметил, что в его окопе пахнет одеколоном, что подтверждает нашу мысль.

Обращает на себя внимание этимология фамилии *Никифоров* ← *Никифор* (греч. *Nikēphoros* 'победитель', 'победоносец'): «Пока он заряжал винтовку, сержант *Никифоров* со спокойной, деловитой неторопливостью двумя короткими очередями свалил бравого офицера и трёх солдат»[26]. Фамилия стоит в одном ряду с личными именами собственными, включающими семы «победа» и «защита», и указывает на идейное содержание текста: показать будущих солдат-победителей в самый суровый период Великой Отечественной войны.

Указание на возраст находим и в косвенно мотивированной фамилии. Пожилого старшину Поприщенко раздражает молодой и неопытный Василий *Хмыз* (хмыз 'хворост', 'кустарник', 'мелкая поросль', 'молодёжник')[27]. В тексте: «…А спрошу я вас, откуда *Васька Хмыз*, щенок такой молокососный, может знать, где есть самый важный участок?»[28], «Молчи, щеня! Человек для нашей же общей пользы старается, а ты гавкаешь»[29]. На молодость Василия указывает ещё один персонаж – снайпер Акимов: «Интеллигентный молодой человек, насколько мне известно, окончивший десятилетку, а усваиваете довольно дурную манеру – легко относиться к слову...»[30].

Фамилия персонажа может контрастировать с его прозвищем: «Тракторист Фёдор *Белявин* неспроста был прозван друзьями «Жуком *Чернявиным*»: сапоги, чёрные ватные брюки и такая же теплушка на широких плечах, чёрный треух с чёрным кожаным верхом, вороная чёлка, лихо свисающая из-под треуха, и смуглое лицо в неотмываемой копоти и мазуте – всё оправдывало прилипшую к нему кличку». Фамилия *Белявин* образована от прилагательного белявый 'светлый, весьма бледный, избелацветной'[31].

Внутренняя форма фамильных имён соотносится с характером персонажа. Фамилия *Лисиченко* (← Лисица – «хитрость, бесстыдство»): «голубые глаза повара Лисиченко… спокойно и, как показалось Лопахину, вызывающе и бесстыже щурились»[32], «Лопахин проигрывал игру: над ним явно издевались, а

[21] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 130.
[22] Там же. С. 138.
[23] Там же. С. 139-140.
[24] Там же. С. 176.
[25] Там же. С. 215.
[26] Там же. С. 201.
[27] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: I–IV. Москва: Рипол-Классик, 2006. Т. 4. С. 539.
[28] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 267.
[29] Там же. С. 280.
[30] Там же. С. 285.
[31] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: I–IV. Т. 1. С. 154.
[32] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 177.

2025;11(4):844-854 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

он не находил таких увесистых слов, чтобы достойно ответить»[33].

Фамилия *Овражний* имеет корень *овраж-*, предположительно происходит от слова «овраг». Носитель этой фамилии является любовником жены Стрельцова. Овраг символизирует духовно-нравственное падение Ольги. Также *Овражний* вызывает неприятные ассоциации со словами «вражда», «враг». Выбирая неблагозвучную фамилию, вызывающую перечисленные ассоциации, автор усиливает неприязнь главного героя к этому персонажу и показывает свою позицию: «…Николай неотрывно и жадно всматривался в лицо человека, разрушившего его жизнь, ставшего смертным врагом»[34].

Внутренняя форма фамилии может быть связана с происходящими событиями или обстановкой. Армеец по фамилии *Утишев* (← Утишь(е), затишье [13, с. 146]) появляется в эпизоде, когда утихла стрельба.

В довоенных главах романа Иван Степанович *Дьяченко,* директор МТС, вспоминает, как на допросе следователь назвал его «петлюровцем» и «украинским националистом». После таких обвинений Иван Степанович «от великой обиды» язвительно сказал на украинском языке: «Був я тоди архиреем у Житомири и пан гетьман Скоропадський мене пид ручку до стола водыв»[35]. Таким образом Иван Степанович посмеялся над следователем, который из-за украинской фамилии его в «петлюровцы» определил, и показал на примере, что это лишено здравого смысла. Если фамилия *Дьяченко* ← дьяк, то по логике следователя Иван Степанович должен быть служителем церкви.

Семантика фамилии персонажа может включать сразу несколько черт характера персонажа. Семантически разнопланово наполнена фамилия главного героя *Звягинцева* (← звягинец – житель или владелец Звягино, фамилия образована от прозвища)[36]. *Звяга* – одно из имён-оберегов, отглагольных существительных, чьё назначение – «уберечь ребёнка от действия, которое они называли: он должен был расти тихим, не кричать, не визжать, не будить родителей и нянек по ночам» [13, с. 146].

У слова «звягать» несколько значений.

1. «Шум», «крик», «звук»[37].

В романе Иван *Звягинцев* в своей рефлексии внимателен как к звукам, так и к тишине: «Он наслаждался блаженной тишиной и с детским вниманием, слегка склонив голову набок, долго прислушивался к сухому шороху осыпавшейся с бруствера земли. …гильзы тоненько, мелодично позвякивали, словно невидимые, скрытые под землёй колокольчики. Где-то совсем близко застрекотал кузнечик, Звягинцев послушно повернулся и на этот новый, привлёкший его внимание звук. Оранжевый шмель с жужжанием, похожим на вибрирующий стон низко отпущенной басовой струны, …легко пахнувший ветерок откуда-то издалека донёс до его слуха чистый и звонкий крик перепела <…> “Как будто и боя никакого не было, вот диковинные дела! – изумлённо думал он. – Только что кругом смерть ревела на все голоса, и вот тебе, изволь радоваться, перепел выстукивает, как при мирной обстановке, и вся остальная насекомая живность в полном порядке и занимается своими делами… Чудеса, да и только!» <…> Ему потребовалось ещё некоторое время, чтобы освоиться и привыкнуть к тишине. А тишина стояла настороженная, недобрая, как перед грозой…»[38].

2. «Болтливый человек» [14, с. 63].

Иван *Звягинцев* любит поговорить, особенно со своим другом Николаем Стрельцовым. После ранения Николая он страдает от нехватки общения: «Эх, беда, беда, нету Миколы Стрельцова, и поговорить толком не с кем»[39]. Лопахин говорит Звягинцеву: «Теперь я уже думаю, чем тебе рот заткнуть, чтобы ты помолчал немного…»[40].

[33] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 179.
[34] Там же. С. 42.
[35] Там же. С. 49.
[36] *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. Москва: Прогресс, 1989. С. 117.
[37] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: I–IV. Т. 4. С. 276.
[38] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 187-189.
[39] Там же. С. 191.
[40] Там же. С. 152.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):844-854
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

3. «Брань», «брюзжанье», «сварливый человек», «так говорят о бранчливом или докучливом человеке: брюзжать, браниться, ворчать.»[41]. В тексте: «Иди ты со своей помощью!.. – задыхаясь от негодования и бессильной злобы, сказал Звягинцев. – Вредитель ты, верблюд облезлый, чума в очках! Что ты с казёнными с сапогами сделал, сукин сын? А если мне их к осени опять носить придётся, что я тогда с поротыми голенищами буду делать? Слезами плакать? Ты понимаешь, что обратно, как ты их ни сшивай, они всё равно будут по шву протекать? Стерва ты плешивая, коросточная! Враг народа, вот ты кто есть такой! Санитар… спросил весёлым, чуть хрипловатым фельдфебельским баском: – Кончил ругаться, Илья Муромец?»[42].

Лопахин – одна из самых неоднозначных фамилий с точки зрения этимологии. С.А. Комаров, анализируя аналогичную фамилию героя «Вишнёвого сада» А.П. Чехова, выделяет две семы: «лопа» и «хин»: «Лопа+хин содержит и удерживает целый комплекс значений, их источник – словарь Даля» [15, с. 111]. Эта точка зрения идёт в разрез с лингвистическим анализом, но интересна с литературоведческой позиции.

Фамилия *Лопахин* этимологически связана с корнем *лоп,* встречающимся в таких словах, как лопух и лопата, а также с корнем *лап-* (лапа). Лопаха – большая лопата; человек с большими руками и ступнями [16, с. 531]. В.И. Даль приводит лексему *лопатник* в значении «землекоп»[43].

Лопахин до войны работал шахтёром: – «А я шахтёр, до войны в забое по триста с лишним процентов суточной нормы выгонял»[44]. «Лопахин тоже любил природу – и любил её так, как только может любить человек, долгие годы жизни проведший в тяжёлом труде под землей»[45]. В одном из эпизодов Лопахин заставляет Звягинцева рыть окоп, а на его отказ говорит: «ты его грудью защищаешь от танков, а он лишний раз лопаткой ковырнуть ленится…». Лопата как инструмент, с помощью которого выполняют тяжёлую, но необходимую работу, связана с образом Лопахина, тогда как Звягинцев его берёт с неохотой.

Корень в фамилии *Лопахин* созвучен глаголу *лопотать* – «болтать бойко», «неумолчно», «бестолково», лопотун – «болтун»[46]. За пустые разговоры Звягинцев называет Лопахина «балалайкой» и «пустозвоном».

Молодой боец Александр *Копытовский* носит фамилию зооморфного происхождения (← копыто – «копытное животное», ассоциации: сильное, пугливое, глупое). С фамилией гармонирует внешность персонажа, напоминающая копытное животное – лошадь или быка: «…молодой, неповоротливый парень, с широким, как печной заслон, лицом и свисавшей из-под пилотки курчавой чёлкой»[47], которая ассоциируется с конской гривой. Возникает ассоциация с поговоркой «здоров как конь», которая находит воплощение в тексте: «*Копытовский* молодецки выпятил массивную грудь, горделиво сказал: – Здоровье моё подходящее, это ты правду говоришь»[48].

Копытные животные очень пугливы, а их физиология такова, что им необходим частый приём пищи: «– И курить страшная охота, а жрать – не говори! Это у кого какая натура: у иного от страху все наружу просится, а я чем больше пугаюсь, тем сильнее жрать хочу»[49], «А на чём же мы там переправляться будем? – испуганно спросил *Копытовский*»[50]. Автор часто применяет при описании поведения *Копытовского* слово «фыркнул», что вызывает ассоциации с лошадью: «негодующе фыркнул», «фыркнул и

[41] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: I–IV. Т. 4. С. 276.
[42] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 231.
[43] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: I–IV. Т. 2. С. 274-275.
[44] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 155.
[45] Там же. С. 238.
[46] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: I–IV. Т. 2. С. 274-275.
[47] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 157.
[48] Там же. С. 261-262.
[49] Там же. С. 204.
[50] Там же. С. 210.

2025;11(4):844-854 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

отвернулся, боясь рассмеяться», «фыркнул, как лошадь, почуявшая овёс».

М.А. Шолохов к первому номеру расчёта бронебойщику Лопахину применяет наречия «хищно», «злобно». Второй номер, *Копытовский*, безобиден: «покорно умолк», «виновато оправдывался», «примирительно сказал». Лопахин выступает как бы в роли хищника, а *Копытовский* – травоядного. *Копытовскому* приходится терпеть нападки Лопахина*:* «Вон лучше бы штаны залатал, щёголь, а то ходишь, как святой в раю, срамом отсвечиваешь... – Запекли тебе душу мои штаны! – обиженно проговорил *Копытовский*»[51].

Жилистый Лопахин в этом тандеме – ум, «пышущий здоровьем» Копытовский – сила: «– …Ты, с твоим телячьим рассудком, ясное дело, повёл бы людей к разбитому мосту, огня хватать»[52], «– …ты ко мне не жмись, я тебе не корова, и ты мне не телёнок, понятно?»[53]. В отрывках вновь прослеживается тема копытных животных.

Вызывает иронию и то, что два бойца, несущие бронебойное оружие, со стороны похожи на коня. Копытовский говорит Лопахину: «Что же, мы с тобой наше ружье пополам переломим, что ли? Ты остаёшься – и я остаюсь. Мы же с тобой, как рыба с водой... Будем вместе дуться до победного конца. А бросить тебя я не могу, ты без меня с тоски подохнешь: ругать-то некого будет! Я терпеливый, а другой может и не смолчать тебе, – на какого нарвёшься»[54].

[51] *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. С. 242.
[52] Там же. С. 210.
[53] Там же. С. 210.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, смысловое наполнение антропонимов шолоховских героев характеризует внутренний мир персонажей, определяет их роль в произведении. Семантически маркированные антропонимы участвуют в создании художественных образов в романе М.А. Шолохова и в раскрытии идейного содержания романа. Семантика антропонимов может указывать на профессию, должность, возраст, внешность или черты характера персонажа. При этом этимология имени находит своё отражение в создании художественных образов, но не всегда учитывается автором. В исключительных случаях писатель, выбирая между этимологией имени и именником хронотопа художественного текста, отдаёт предпочтение последнему. Некоторые мужские личные имена и фамилии (*Николай, Александр, Никифоров*) образованы от лексем со значением «победа» и «защита», что даёт возможность автору уже на антропонимическом уровне транслировать мысль о победе русского народа над врагом. Женские же имена этимологически восходят к лексемам с семантикой «родной», «Родина» (*Наталья*), что обусловлено ассоциацией женщины с родной семьёй, домом, домашним очагом, а значит, с мирной жизнью, ради которой герои романа готовы отдать жизни.

[54] Там же. С. 264.

Список источников

1. *Скуридина С.А.* Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 343 с. https://elibrary.ru/snmoaq
2. *Ковалёв Г.Ф.* Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. 447 с. https://elibrary.ru/uoundt
3. *Кайзер-Данилова Н.В., Каюмова О.И.* Антропонимическая система рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» // Вёшенский вестник: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» («Шолоховские чтения-2019»). Ростов-на-Дону, 2019. № 19. С. 136-149.
4. *Гафинец В.А.* Лексико-семантические группы топонимов в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2018. С. 182-186. https://elibrary.ru/ytzojf
5. *Петрова И.А.* Функционирование антропонимов в условиях диалектной среды (на материале произведений М.А. Шолохова) // Русское слово: литературный язык и народные говоры: материалы Все-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):844-854
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

рос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д-ра филол. наук, проф. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 2008. С. 321-384. https://elibrary.ru/vjeuel
6. *Шутан М.И.* Антропоним как художественная доминанта литературного произведения (об изучении рассказа М.А. Шолохова «Чужая кровь» в 7 классе) // Литература в школе. 2023. № 5. С. 84-95. https://doi.org/10.31862/0130-3414-2023-5-84-95, https://elibrary.ru/flxdsc
7. *Кайзер-Данилова Н.В., Лоскутова Е.Н.* Отражение традиций русского именословия в антропонимических формулах «Донских рассказов» М.А. Шолохова // Православные истоки русской культуры и словесности: сб. науч. ст. Тюмень, 2015. С. 132-137.
8. *Заварзина Г.А., Ягодина И.Д.* О системе номинаций женских персонажей в художественных произведениях М.А. Шолохова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы X Междунар. науч. конф. Воронеж, 2019. С. 209-214. https://elibrary.ru/gsiliq
9. *Ефремов С.А.* Имена и судьбы в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 3. С. 218-225. https://elibrary.ru/qcoqkv
10. *Кочетов А.М.* Имена в романе «Тихий Дон » и в жизни // RELGA. 2019. № 12 (365). https://relga.ru/articles/5974/?ysclid=mi9cn22cra521796908.
11. *Кайзер-Данилова Н.В., Яковлева О.И.* Поэтическая антропонимия М.А. Шолохова (библиографическое описание) // Мир Шолохова. 2022. № 2 (18). С. 162-168. https://elibrary.ru/orpshw
12. *Никонов В.А.* Имя и общество. Москва: Наука, 1974. 278 с.
13. *Щетинин Л.М.* Русские имена: (Очерки по донской антропонимии). Ростов-на-Дону, 1972. 252 с.
14. *Кюршунова И.А.* Антропоцентрический аспект семантико-мотивационной реконструкции региональной исторической антропонимии // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 54-75. https://elibrary.ru/xbgwah
15. *Комаров С.А.* «Вишнёвый сад» А.П. Чехова в аспекте неклассической поэтики // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2017. № 4. С. 96-121. https://elibrary.ru/ymilka
16. *Решетников Н.И.* Русские имена, прозвища, фамилии. Материалы к именослову. Ч. 1. Русские имена славянского происхождения. Москва, 2020. 1077 с.

References

1. Skuridina S.A. *The Onomastic Code of F.M. Dostoevsky's Literary Texts*. Voronezh, 2022, 343 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/snmoaq
2. Kovalev G.F. *Favourites. Literary Onomastics*. Voronezh, 2014, 447 p. https://elibrary.ru/uoundt
3. Kaizer-Danilova N.V., Kayumova O.I. The anthroponymic system of M.A. Sholokhov's short story "The Fate of Man". *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Izuchenie tvorchestva M.A. Sholokhova na sovremennom etape: problemy, kontseptsii, podkhody» («Sholokhovskie chteniya-2019») «Vyoshenskii vestnik» = Proceedings of the International Scientific Conference "Studying the Work of M.A. Sholokhov at the Present Stage: Problems, Concepts, Approaches" ("Sholokhov Readings-2019") "Vyoshensky Bulletin"*. Rostov-on-Don, 2019, no. 19, pp. 136-149. (In Russ.)
4. Gafinets V.A. Lexico-semantic groups of toponyms in M.A. Sholokhov's novel "Quiet Flows the Don". *Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Formirovanie professional'noi kompetentnosti filologa v polikul'turnoi obrazovatel'noi srede» = Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference "Formation of Professional Competence of a Philologist in a Multicultural Educational Environment"*. Simferopol, 2018, pp. 182-186. (In Russ.) https://elibrary.ru/ytzojf
5. Petrova I.A. Functioning of anthroponyms in a dialectal environment (based on the works of M.A. Sholokhov). *Materialy Vserossijskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskih nauk, professora G.G. Melnichenko «Russkoe slovo: literaturnyi yazyk i narodnye govory» = Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of G.G. Melnichenko, Dr. Sci. (Philology), Professor*. Yaroslavl, 2008, pp. 321-384. (In Russ.) https://elibrary.ru/vjeuel
6. Shutan M.I. Anthroponym as an artistic dominant in a literary work (on studying the story "Stranger's Blood" by M.A. Sholokhov in the 7th grade). *Literatura v shkole = Literature at School*, 2023, no. 5, pp. 84-95. (In Russ.) https://doi.org/10.31862/0130-3414-2023-5-84-95, https://elibrary.ru/flxdsc

2025;11(4):844-854 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

7. Kaizer-Danilova N.V., Loskutova E.N. Reflection of the traditions of Russian Nomenology in the anthroponymic formulas of M.A. Sholokhov's "Tales of the Don". In: *Pravoslavnye istoki russkoi kul'tury i slovesnosti = Orthodox Origins of Russian Culture and Literature*. Tyumen, 2015, pp. 132-137. (In Russ.)
8. Zavarzina G.A., Yagodina I.D. On the system of nominations of female characters in the works of M.A. Sholokhov. *Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletii» = Proceedings of the 10th International Scientific Conference "Problems of Studying the Living Russian Word at the Turn of the Millennium"*. Voronezh, 2019, pp. 209-214. (In Russ.) https://elibrary.ru/gsiliq
9. Efremov S.A. The names and fate in the story of Mikhail Sholokhov "The Destiny of Man". *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 2013, no. 3, pp. 218-225. (In Russ.) https://elibrary.ru/qcoqkv
10. Kochetov A.M. Names in the novel "Quiet Flows the Don" and in life. *RELGA*, 2019, no. 12 (365). (In Russ.)
11. Kaizer-Danilova N.V., Yakovleva O.I. Poetic anthroponomy of M.A. Sholokhov (bibliographic description). *Mir Sholokhova*, 2022, no. 2 (18), pp. 162-168. (In Russ.) https://elibrary.ru/orpshw
12. Nikonov V.A. *Name and Society*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 278 p. (In Russ.)
13. Shchetinin L.M. *Russian Names: (Essays on Don Anthroponymy)*. Rostov-on-Don, 1972, 252 p. (In Russ.)
14. Kyurshunova I.A. Anthropocentric aspect of semantic and motivational reconstruction of regional and historical anthroponymy. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2016, no. 11 (59), pp. 54-75. (In Russ.) https://elibrary.ru/xbgwah
15. Komarov S.A. "Cherry Orchard" A.P. Chekhov in the aspect of nonclassical poetics. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem*, 2017, no. 4, pp. 96-121. (In Russ.) https://elibrary.ru/ymilka
16. Reshetnikov N.I. Russian Names, Nicknames, Surnames. *Materials for the Book of Names. Part 1. Russian Names of Slavic Origin*. Moscow, 2020, 1077 p. (In Russ.)

Информация об авторах

ЯКОВЛЕВА Ольга Игоревна, аспирант, институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация, https://orcid.org/0009-0004-0282-9901, yakovleva.tmn@yandex.ru

СКУРИДИНА Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, SPIN-код: 5975-9507, РИНЦ AuthorID: 654307, https://orcid.org/0000-0002-2313-2482, saskuridina@yandex.ru

Для контактов:
Скуридина Светлана Анатольевна
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.09.2025
Поступила после рецензирования 10.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Olga I. Yakovleva, Post-Graduate Student of the Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University, https://orcid.org/0009-0004-0282-9901, yakovleva.tmn@yandex.ru

Svetlana A. Skuridina, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, SPIN-code: 5975-9507, RSCI AuthorID: 654307, https://orcid.org/0000-0002-2313-2482, saskuridina@yandex.ru

Corresponding author:
Svetlana A. Skuridina
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Received 20.09.2025
Revised 10.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):855-864
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81’373
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-855-864
Шифр научной специальности 5.9.5

Региональные ономастические маркеры в ономастическом пространстве

Людмила Николаевна Верховых
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394036, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
lverhovyh@mail.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время лингвокраеведческие исследования охватывают различный спектр актуальных проблем, среди которых и комплексное изучение и описание региональных онимических систем. Важным для изучения специфики регионального ономастического пространства является пласт регионально маркированной ономастической лексики – онимов, отражающих связь с регионом. Цель исследования – обосновать необходимость выделения региональных ономастических маркеров для изучения специфики регионального ономастического пространства, ономастической картины мира; описать основные виды региональных ономастических маркеров на материале воронежского ономастикона. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Региональные ономастические маркеры изучаются в контексте лингвокраеведческой субпарадигмы. Использованы приёмы сравнительно-исторического метода, лингвокраеведческого анализа ономастических единиц; основным является дескриптивный метод. Материалом исследования являются единицы воронежского ономастикона. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Охарактеризовано понятие «региональные ономастические маркеры», выделены и описаны виды региональных ономастических маркеров. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. На основе ареального, историко-культурного, географического, лингвокультурологического, этно- и атропоцентрического принципов, а также принципа диалектной спецификации региональных ономастических единиц выделены виды региональных ономастических маркеров, анализ которых необходим для более полного исследования языковой картины мира.

Ключевые слова: региональная ономастика, лингвокраеведение, ономастическая картина мира, региональные ономастические маркеры, Г.Ф. Ковалёв, Воронежская ономастическая школа

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Л.Н. Верховых – разработка концепции и постановка проблемы исследования, обобщение опыта исследователей, анализ и интерпретация воронежского ономастического материала, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Верховых Л.Н.* Региональные ономастические маркеры в ономастическом пространстве // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 855-864. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-855-864

© Верховых Л.Н., 2025

2025;11(4):855-864 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-855-864
OECD 6.02; ASJC 1203

Regional onomastic markers in the onomastic space

Lyudmila N. Verkhovykh ✉
Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russian Federation
✉ lverhovyh@mail.ru

Abstract
INTRODUCTION. Currently, linguistic regional studies cover a wide range of relevant issues, including the comprehensive study and description of regional onomastic systems. An important aspect for studying the specifics of the regional onomastic space is the layer of regionally marked onomastic vocabulary – onyms that reflect a connection to the region. The aim of the study is to justify the need to identify regional onomastic markers for studying the specifics of the regional onomastic space and the onomastic picture of the world; to describe the main types of regional onomastic markers based on the material of the Voronezh onomasticon. MATERIALS AND METHODS. Regional onomastic markers are studied within the context of the linguo-regional studies subparadigm. The methods used are those of comparative-historical analysis and linguistic regional studies of onomastic units; the main method is descriptive. The research material consists of units from the Voronezh onomasticon. RESULTS AND DISCUSSION. The concept of "regional onomastic markers" is characterized, and types of regional onomastic markers are identified and described. CONCLUSION. Based on the areal, historical-cultural, geographical, linguo-cultural, ethno- and anthropocentric principles, as well as the principle of dialectal specification of regional onomastic units, types of regional onomastic markers have been identified, the analysis of which is necessary for a more complete study of the linguistic worldview.

Keywords: regional onomastics, linguistic regional studies, onomastic world picture, regional onomastic markers, G.F. Kovalev, Voronezh onomastic school

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: L.N. Verkhovykh – concept development and research problem statement, generalization of researchers' findings, analysis and interpretation of Voronezh onomastic material, writing – original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Verkhovykh, L.N. Regional onomastic markers in the onomastic space. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4) 855-864. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-855-864

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития ономастики характеризуется активным изучением и подробным описанием региональных ономастических систем и их компонентов, что обусловлено как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. Над решением данной проблемы работают и отдельные лингвисты, и коллективы учёных в разных уголках нашей страны.

Лингвокраеведческие исследования охватывают различный спектр актуальных проблем, связанных с функционированием региональных ономастических единиц: осуществляется всесторонний анализ и описание[1] различных типов региональных имён

[1] *Климкова Л.А., Гузнова А.В.* Неофициальная антропонимия Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: словарь. Ульяновск: Зебра, 2022. Ч. 1. 437 с.; Ч. 2. 434 с.; Ч. 3. 267 с.; *Ковалёв Г.Ф.* Словарь микротопонимов Воронежской области: в 3 т. Воро-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):855-864
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

собственных [1–9 и др.], ведётся изучение ономастической картины мира, в том числе и с позиций когнитивной лингвистики [10; 11], характеризуется диалектная картина мира [12], изучаются вопросы диалектной ономастики и ономастического лингвокраеведения [13; 14], региональный ономастикон рассматривается в этнолингвистическом контексте [15], исследуется специфика фунционирования онимов (в том числе и региональных) в произведениях местных писателей [16; 17] и др.

Вместе с тем в ономастике недостаточно изучена проблема региональных ономастических маркеров, или регионально специфичного. В данном исследовании нами предпринимается попытка охарактеризовать указанную проблему и предложить подход к её решению в рамках идей Воронежской ономастической школы (научный руководитель – профессор, доктор филологических наук Г.Ф. Ковалёв); об основных подходах к изучению имён собственных в Воронежской ономастической школе [18].

Цель исследования – обосновать необходимость выделения региональных ономастических маркеров для изучения специфики регионального ономастического пространства, ономастической картины мира; описать основные виды региональных ономастических маркеров на материале воронежского ономастикона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Специфика региональной ономастической лексики изучается нами в рамках лингвокраеведческой субпарадигмы – исторически сложившегося научного направления изучения единиц языка, «интегративной модели исследования системы русского языка, предполагающей привлечение краеведческих данных для лингвистического исследования»[2]. Лингвокраеведческая субпарадигма находится на стыке сравнительно-исторического, антропоцентрического и системно-структурного подходов к изучению единиц языка и поэтому позволяет, как полагаем, достаточно объективно определить и охарактеризовать региональные ономастические маркеры.

В работе используются приёмы сравнительно-исторического метода, лингвокраеведческого анализа ономастических единиц; основным является дескриптивный метод. Материалом исследования являются единицы воронежского ономастикона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из постулатов, позволяющих лингвистам рассуждать о национально специфичном в русском языке, является мысль о тесной связи языка и миропонимания, уже ставшая аксиомой лингвистических исследований. В результате исследования языковой картины мира учёные приходят к выводу о том, что «языковая картина мира лингво-, или этноспецифична, то есть отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков. Реально «особый способ мировидения» проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [19, с. 35].

Национально специфичное в языке изучают А. Вежбицкая, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв и другие исследователи. А.Д. Шмелёв справедливо указывает на связь особенностей мышления человека и родного языка: «В языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим

нież: Изд. дом ВГУ, 2023. Т. 1: А-Й. 526 с.; Т. 2: К-О. 535 с.; Т. 3: П-Я. 582 с.; Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населённые пункты, наслеги, улусы, районы / гл. ред. Т.М. Никаева. Якутск: Алаас, 2024. 448 с.

[2] *Верховых Л.Н.* Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка: на материале воронежского ономастикона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2022. С. 15.

2025;11(4):855-864 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

языком; <…> овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле лингвоспецифичные концепты одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка» [20, с. 12]. Являясь единицами языковой системы, онимы также вбирают в себя и сохраняют особенности мировосприятия нации, отражая при этом историю, традиции и культуру региона.

В ономастическом пространстве региона функционируют различные типы онимов, они имеют универсальные ономастические признаки и региональные, специфические, которые и отражают сущностную связь имени собственного с регионом.

Понятие «маркеры» достаточно активно используется в ономастике (в том числе и учёными Воронежской ономастической школы – Г.Ф. Ковалевым, С.А. Скуридиной и др.); С.А. Скуридина изучает ономастические маркеры хронотопа в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон»[3].

Под региональными ономастическими маркерами (ОМ) понимаем такие ономастические единицы, которые включают лингвистические признаки (эксплицитно или имплицитно выраженные), отражающие связь с регионом (культурно-историческую, географическую, этнографическую и др.). Эти региональные ОМ транслируют регионально специфичное в ономастическом пространстве региона.

В региональном ономастиконе все имена собственные являются региональными онимами, поскольку образуют ономастическую систему со своей спецификой, только некоторые языковые единицы могут принадлежать и другим региональным ономастическим системам (названия типа улица А.С. Пушкина, посёлок / хутор / село / деревня Добринка, аптека «Будь здоров» и др.), а региональные ономастические маркеры, как правило, являются принадлежностью только изучаемой территории.

Полагаем, что пласт региональной ономастической системы, транслирующий регионально специфичное, составляет важную часть российского ономастикона и требует дополнительного изучения.

Региональные ономастические маркеры были выделены нами с учётом следующих принципов:

– *ареального* (ономастические системы каждого региона имеют свой (специфический) набор региональных ОМ);

– *историко-культурного* (отдельные региональные ОМ отражают факты истории и культуры региона);

– *географического* (региональные ОМ, представленные топонимами, содержат информацию о географической специфике региона);

– *лингвокультурологического* (региональные ОМ являются важными лингвистическими единицами, позволяющими восстанавливать фрагменты региональной (ономастической) картины мира);

– *этно- и антропоцентрического* (региональные ОМ транслируют этническую специфику региона и отражают разнообразные характеристики человека (его мировоззрение, ценностные установки, особенности профессиональной деятельности), дающие общее представление о жителе данного региона);

– *принципа диалектной спецификации региональных ономастических единиц* (региональные ОМ могут отражать диалектные особенности речи жителей региона).

В соответствии с приведёнными принципами выделим виды региональных ономастических маркеров (на материале воронежского ономастикона).

1. Региональные ОМ, включающие признаки ‘ареал функционирования’, ‘имя собственное, характерное для данной территории’: Богучар, Битюг, Бутурлиновка, Воронеж, Дон, Хопёр (топонимия); Алейников/Олейников, Балабанов, Бондаренко, Бирюков, Зуев/Зуйков, Колесников, Кострыкин, Кочетов и др. (данные антропонимы восходят к прозвищам, широко распространённым

[3] *Скуридина С.А.* Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2020. С. 234.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):855-864
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

в Воронежской области, в том числе и с диалектной основой) (антропонимия); акционерное общество «Воронежская областная типография – издательство имени Е.А. Болховитинова» (типография), «Воронеж-АвтоСити» (компания по продаже автомобилей), Детская городская библиотека им. Ю.Ф. Третьякова (библиотека в Борисоглебске), «Воронежфармация» (государственное областное предприятие – сеть аптечных учреждений) (эргонимы) и др.

2. Региональные ОМ, включающие признаки ‘связаны с историей края’, ‘связаны с культурой края’: улица Пескова, улица Загоровского в Воронеже, улица Корнаковского в Борисоглебске (улицы названы в честь выдающихся земляков); улица Печковского, улица Пешкова в Борисоглебске (улицы названы в честь борисоглебцев – Героев Советского Союза); фамилии, функционировавшие в ономастиконе Воронежского края в XIX веке (село Красное Новохопёрского района): Байчуров[4], Масковой[5], Бахмицкой[6], Шацкой[7], Яицкой[8], Ялтинской[9], Ярковой[10] (данные фамилии отражают особенности заселения Воронежского края, миграционные процессы).

Также к этой группе отнесём оним Анна (название посёлка городского типа в Воронежской области). Несмотря на то, что имя собственное на первый взгляд не имеет признаков, свидетельствующих о его связи с Воронежским краем, всё же изучение происхождения топонима с помощью приёмов лингвокраеведческого анализа помогает установить связь номинации с регионом, то есть безусловная связь ойконима Анна с Воронежским краем может быть установлена только путём специального исследования.

Возникновение топонима непосредственно связано с историей Воронежского края: населённый пункт Анна «основан как слобода около 1697 года. Назван по р. Анна…» [21, с. 19]. В.А. Прохоров указывает на тюркские корни лексемы: «В названии речки видно переосмысленное иноязычное слово, всего вероятнее тюркское – «ана», означающее одновременно два родственных понятия – высокий куст и ольха»[11]; «в данном случае неясное для русских тюркское слово «ана» было заменено на более понятное – личное имя Анна»[12].

Исторические свидетельства о том, что территория Воронежского края в древности подвергалась нападениям тюркских, монгольских завоевателей, можно найти в летописях, других исторических источниках. Так, Е.А. Болховитинов пишет: «Но знатнее всех с юга нападавших на Россию были половцы. Нестор первое их нашествие полагает в 1061 году»[13]; «когда появились нашествием своим на Россию татаре, то Воронеж был первым местом, где рязанские князья имели нещастнейшее сражение с татарским ханом Батыем в 1237 году»[14].

В Воронежском крае также широко употребляется оним Битюг. Е.С. Отин полагает, что гидроним Битюг (древнее Битюк/Бетюк) «по-видимому, представляет собой один из фонетических вариантов широко распространённого в тюркских языках прилагательного со значением «высокий»[15]. По мнению Е.С. Отина, гидроним Битюг – архаичная лексема, её создателями «могли быть обитавшие на Дону в IV–X веках племена, говорившие на древних диалектах булгарской группы языков»[16]. В «Словаре микротопонимов Воронежского края» Г.Ф. Ковалёва приведено семь микротопонимов с корнем *битюг- / битюж- / битюц-*[17].

[4] Ревизские сказки по г. Новохопёрску и Новохопёрскому уезду Воронежской губернии 10 марта – 6 августа 1816 г. // Государственный архив Воронежской области. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 205. С. Красное. Л. 782.
[5] Там же. Л. 775, 851, 852.
[6] Там же. Л. 741, 742.
[7] Там же. Л. 843, 844.
[8] Там же. Л. 905.
[9] Там же. Л. 886.
[10] Там же. Л. 836.

[11] *Прохоров А.А.* Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1973. С. 22.
[12] Там же. С. 22-23.
[13] *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж: Тип. Губернского правления, 1800. С. 7.
[14] Там же. С. 9.
[15] *Отин Е.С.* Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997. Т. 1. С. 239.
[16] Там же.
[17] *Ковалёв Г.Ф.* Словарь микротопонимов Воронежской области: в 3 т. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2023. Т. 1: А-Й. С. 172.

2025;11(4):855-864 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Наличие онимов с тюркскими корнями для Воронежского края объясняется историческими фактами.

3. Региональные ОМ, включающие признаки ‘географические особенности края’, ‘наличие в составе онима местного географического термина’.

К данному виду региональных ономастических маркеров могут относиться топонимы, отражающие географические особенности края; топонимы и микротопонимы, включающие местные географические термины; топонимы, восходящие к географическим номинациям, характерным для Воронежского края; имена собственные, восходящие к названиям животных и растений, характерных для Воронежского края. Так, в XIX веке функционировали следующие воронежские топонимы: Тавровская крепость[18]; Шипов лес, Телерманский лес[19], Вилковская пристань[20], Икорецкая мель[21], Хазарское поле, Хазарское городище[22], ухожай Икорецкий, Белозатонский юрт[23], слободы в Воронеже: Чижевская, Стрелецкая, Напрасная, Успенская, Пушкарская, Ямская, Беломестная, Троицкая, Шишкина[24].

4. Региональные ОМ, включающие признаки ‘отражающие мировосприятие жителей региона’.

Поскольку «национальную языковую картину мира формирует широкий спектр компонентов, к числу которых относится и ономастическая картина мира, включающая в себя региональную картину мира, выстраивающуюся на основе диалектной языковой картины мира»[25], то изучение фрагментов региональной картины мира через анализ региональных ономастических маркеров представляется целесообразным.

На основе лингвокультурологического принципа выделим следующие региональные ОМ для Воронежской области: топонимы и антропонимы, транслирующие представление жителя Воронежского края о профессиях человека, его качествах, духовной и материальной культуре Воронежского края. Приведём здесь только некоторые фамилии, отражающие представление человека о флоре и фауне Воронежского края: Аистов, Бирюков, Быков, Волков, Воробьёв, Воронин, Гусев, Жуков, Зайцев, Козлов, Лебедев, Медведев, Окунев, Орлов, Пищугин, Соловьёв, Сорокин, Стерликов, Шишкин (указаны частотные фамилии города Борисоглебска – более двадцати номинаций в телефонном справочнике города).

В книге Е.А. Болховитинова находим одно из ранних описаний природы нашего края, сделанное в XIV веке во время путешествия по Дону Митрополита Пимена (1389 г.); путешественники отмечают значительное число встретившихся им животных: «Бысть же сие путное шествие печально и унынливо. Бяше бо пустыня зело; не бяше бо видеши тамо ни града, ни села. Аще бо и быша прежде грады красны и нарочиты зело виденим: точию места пустошь все и не населено; не бе бо видеши человека, точию пустыня велия и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и проч.»[26].

5. Региональные ОМ, включающие признаки ‘этническая характеристика’, ‘характеристика человека – жителя данного региона’.

Это имена собственные, отражающие этническую специфику региона, характеризующие человека по роду занятий, распространённому на данной территории: Половцево (посёлок и железнодорожная станция в Новохопёрском районе Воронежской области), Калмык (прежнее название села Октябрьского в Поворинском районе Воронежской области, железнодорожная станция);

[18] Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 год / под ред. Н.И. Второва. Воронеж: Воронеж. Губернский статистический комитет, 1856. 303 с. Отд. III. С. 31.

[19] Там же. С. 36.

[20] Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 год / под ред. Н.И. Второва. Воронеж: Тип. Гольдштейна, 1861. С. 13.

[21] Там же. С. 24.

[22] Там же. С. 70.

[23] Там же. С. 109.

[24] Там же. С. 137.

[25] *Щербак А.С.* Введение в ономастическое лингвокраеведение. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. С. 36.

[26] *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. С. 10.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):855-864
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

фамилии Абраменко, Агафоненко, Аксененко, Болдырев, Горобец, Калмыков, Мокшанцев, Васильченко, Гунченко, Давыденко, Денисенко, Дмитренко (фамилии жителей села Красного Новохопёрского района);

Бондаренко (бо́ндарь – «южное, западное, тверское бочар, обручник, работающий обручную или вязаную деревянную посуду»[27]); Ковалёв («кова́ль южное , кова́ч во сточное, ковéц псковское – кузнец»[28]); Олейников (оле́йник – «юж. зап. маслобой, маслобойщик, масляк»[29]) и др.

6. Региональные ОМ, включающие признак ‘с диалектной основой’. На основе принципа диалектной спецификации региональных ономастических единиц выделим следующие онимы: Алейников (аканье), Балабан (*ворон.* балабан – «коршун»[30]; Бирюков (бирюк в воронежских говорах «волк; перен. страшилище, которым пугают детей; прен. нелюдимый, угрюмый, одинокий человек»; «рыба Acerina cernua Linne, сем. окуневых; донской ёрш, ёрш-носарь»[31]; Кострыкин (*ворон., ряз.* кострыка «крапива двудомная»[32]). Имена собственные с иной (не воронежской) диалектной основой также значимы для изучения регионально специфичного – данные онимы могут отражать переселенческие процессы прошлого.

Полагаем, в дальнейшем региональные ОМ можно будет выделить на основе *принципа преемственности и динамичности ономастикона,* используя результаты стратиграфических исследований. Каждому временному отрезку характерен свой набор онимов региона, поэтому сравнительный анализ онимических систем разных периодов времени даст возможность определить группы онимов, функционировавшие ранее и сохранившиеся до наших дней, а также группы онимов ушедших – эти ономастические данные тоже можно отнести к региональным ономастическим маркерам, поскольку состав онимов для каждого региона будет разным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ региональных ономастических единиц позволяет выделить региональные ономастические маркеры – особый пласт онимов, отражающих связь с регионом. В ходе исследования были выделены следующие региональные ономастические маркеры: региональные ОМ, включающие признаки ‘ареал функционирования’, ‘имя собственное, характерное для данной территории’; региональные ОМ, включающие признаки ‘связаны с историей края’, ‘связаны с культурой края’; региональные ОМ, включающие признаки ‘географические особенности края’, ‘наличие в составе онима местного географического термина’; региональные ОМ, включающие признаки ‘имена собственные, отражающие мировосприятие жителей региона’; региональные ОМ, включающие признаки ‘этническая характеристика’, ‘характеристика человека – жителя данного региона’; региональные ОМ, включающие признак ‘с диалектной основой’.

Изучение региональных ономастических маркеров, специфики ономастических картин мира позволит приблизиться к пониманию национально специфичного в языке, будет способствовать постижению языковой картины мира.

[27] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1 (А-З). Санкт-Петербург; Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. С. 114.

[28] Там же. Т. 2. (И-О). С. 129.

[29] Там же. Т. 2. (И-О). С. 670.

[30] Словарь воронежских говоров. Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 60.

[31] Там же. С. 106-107.

[32] Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Кортусы – Куделюшки. Ленинград: Наука, 1979. С. 83.

Список источников

1. *Васильев В.Л., Добровольская М.В., Смирнов А.Л., Вихрова Н.Н.* Население водораздела Волги, Западной Двины и Полы в древности и средневековье (по данным топонимики, археологии, палеодемографии). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. 200 с. https://doi.org/10.34680/978-5-89896-894-6/2023.toponymy, https://elibrary.ru/jskpfe

2025;11(4):855-864 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

2. *Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.* Исследователи костромских говоров: деятельность по заветам московской диалектологической комиссии // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 4. С. 204-216. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-204-216, https://elibrary.ru/cwagki
3. *Ковалёв Г.Ф.* Легенды микротопонимии Воронежского края // С любовью к Слову: сб. ст. участников Всерос. с междунар. участием науч. конф., приуроченной к 80-летнему юбилею д-ра филол. наук, проф. Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования / отв. ред. О.В. Никифорова. Арзамас: Арзамас. ф-л ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2021. С. 236-247. https://elibrary.ru/mqexkk
4. *Ковалёв Г.Ф.* О древности слова «Воронеж» и происхождении гидронима Воронеж // Ономастический вестник. 2025. № 3. С. 7-18. https://elibrary.ru/fpozgr
5. *Кошарная С. А.* Гидроним как маркер этнокультуры // Лингвофольклористика. 2023. № 37. С. 6-13. https://elibrary.ru/ftwwiv
6. *Попов С.А.* Освещение проблемы исчезнувших ойконимов на страницах Петропавловской районной газеты «Родное Придонье» Воронежской области // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 2 (53). С. 19-23. https://doi.org/10.36622/2587-9510.2024.53.2.002, https://elibrary.ru/hwanct
7. *Попов С.А.* Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 266-273. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-266-273, https://elibrary.ru/zjwrtu
8. *Супрун В.И.* Казачья топонимия Волгоградской области // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы XIV Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Мусаева Магомед-Саида Мусаевича. Махачкала: Дагестан. гос. ун-т, 2025. С. 149-151. https://elibrary.ru/knpgdu
9. *Супрун В.И.* Корпусная ономастика: имена собственные в Национальном корпусе русского языка // Ономастика Поволжья: материалы XXII Междунар. науч. конф. Саратов: Изд-во СГМУ, 2024. С. 72-76. https://elibrary.ru/rkvsqc
10. *Щербак А.С.* Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. 319 с. https://elibrary.ru/vdieml
11. *Щербак А.С., Казанкова А.А.* Лексические группировки слов: взаимоотношение языковой и ономастической картины мира // Неофилология. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 42-49. https://elibrary.ru/zxhibf
12. *Белякова С.М.* Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005. № 2. С. 79-88. https://elibrary.ru/jwwtjn
13. *Щербак А.С.* Проблемы изучения диалектной ономастики // Ономастика Поволжья: материалы XX Междунар. науч. конф. / сост. и ред. Н.А. Кичикова, В.И. Супрун. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 41-44. https://elibrary.ru/srybkr
14. *Верховых Л.Н.* Основные проблемы лингвокраеведческого анализа регионального ономастического материала // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 100-105. https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.90.31.014, https://elibrary.ru/dwrkxf
15. *Супрун В.И., Багомедов М.Р., Беданокова З.К.* Исторические предпосылки этноязыковой картины юга России (Адыгея, Дагестан, Калмыкия, Волгоградская область) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 10. С. 3672-3680. https://doi.org/10.30853/phil20240519, https://elibrary.ru/cnoadv
16. *Бугакова Н.Б.* Специфика ономастикона А. Платонова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. 322 с. https://elibrary.ru/qtnmqt
17. *Бугакова Н.Б., Скуридина С.А.* Имя собственное как смыслообразующий элемент циклов произведений в творчестве А.П. Платонова: к 125-летию со дня рождения // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 3 (54). С. 50-61. https://elibrary.ru/thahkt
18. *Ковалёв Г.Ф.* К исследованиям ономастики в Воронежской ономастической школе // Ономастический вестник. 2025. № 1. С. 7-21. https://elibrary.ru/vyhfer
19. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др.* Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2006. 912 с. https://elibrary.ru/pwasxb
20. *Шмелёв А.Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
21. *Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А.* Топонимия Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с. https://elibrary.ru/ytnpil

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):855-864
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

References

1. Vasil'ev V.L., Dobrovol'skaya M.V., Smirnov A.L., Vikhrova N.N. *The Population of the Volga, Western Dvina, and Pola Watersheds in Ancient and Medieval Times (Based on Toponymy, Archeology, and Paleodemography)*. Veliky Novgorod, Yaroslav the Wise Novgorod State University Publ., 2023, 200 p. (In Russ.) https://doi.org/10.34680/978-5-89896-894-6/2023.toponymy, https://elibrary.ru/jskpfe
2. Gantsovskaya N.S., Neganova G.D. Researchers of Kostroma dialects: in the wake of the Moscow dialectological commission. *Filologicheskii klass = Philological Class*, 2023, vol. 28, no. 4, pp. 204-216. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/2071-2405-2023-28-4-204-216, https://elibrary.ru/cwagki
3. Kovalev G.F. Legends of the microtoponymy of the Voronezh region. *Sbornik statei uchastnikov Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 80-letnemu yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Lyudmily Alekseevny Klimkovoi, spetsialista v oblasti leksikologii, dialektologii, onomastiki, slovoobrazovaniya "S lyubov'yu k Slovu" = Collection of articles from participants of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, a specialist in lexicology, dialectology, onomastics, and word formation "Collection of articles from participants of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, a specialist in lexicology, dialectology, onomastics, and word formation".* Arzamas, Arzamas Branch of the "National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod", 2021, pp. 236-247. (In Russ.) https://elibrary.ru/mqexkk
4. Kovalev G.F. About the antiquity of the word "Voronezh" and the origin of the hydronym Voronezh. *Onomasticheskii vestnik = Onomastic Bulletin*, 2025, no. 3, pp. 7-18. (In Russ.) https://elibrary.ru/fpozgr
5. Kosharnaya S. A. Hydronym as a marker of ethnoculture. *Lingvofol'kloristika = Linguofolklore Studies*, 2023, no. 37, pp. 6-13. (In Russ.) https://elibrary.ru/ftwwiv
6. Popov S.A. Coverage of the problem of disappeared oikonyms on the pages of the Petropavlovsk regional newspaper "Native Pridonye" of the Voronezh region. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki = Current Issues in Modern Philology and Journalism*, 2024, no. 2 (53), pp. 19-23. (In Russ.) https://doi.org/10.36622/2587-9510.2024.53.2.002, https://elibrary.ru/hwanct
7. Popov S.A. Regional toponymy as a material for the work of journalists of regional mass media. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 266-273. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-266-273, https://elibrary.ru/zjwrtu
8. Suprun V.I. Cossack toponymy of the Volgograd region. *Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora Musaeva Magomed-Saida Musaevicha «Problemy obshchei i regional'noi onomastiki» = Proceedings of the XIV International Scientific Conference in Memory of Professor Magomed-Said M. Musaev "Problems of General and Regional Onomastics"*. Makhachkala, Dagestan State University Publ., 2025, pp. 149-151. (In Russ.) https://elibrary.ru/knpgdu
9. Suprun V.I. Corpus onomastics: proper names in the national corpus of the Russian language. *Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Onomastika Povolzh'ya" = Proceedings of the XXII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region"*. Saratov, Saratov State Medical University Publ., 2024, pp. 72-76. (In Russ.) https://elibrary.ru/rkvsqc
10. Shcherbak A.S. *Cognitive Foundations of Regional Onomastics*. Tambov, Tambov State University Publ., 2012, 319 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/vdieml
11. Shcherbak A.S., Lexical classifications of words: relations of linguistic and onomastic world views. *Neofilologiya = Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 4 (12), pp. 42-49. (In Russ.) https://elibrary.ru/zxhibf
12. Belyakova S.M. The past and the future in the dialectal picture of the world. *Vestnik VGU. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya» = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics And Intercultural Communication*, 2005, no. 2, pp. 79-88. (In Russ.) https://elibrary.ru/jwwtjn
13. Shcherbak A.S. Problems in the study of dialectal onomastics. *Materialy XX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Onomastika Povolzh'ya" = Materials of the XX International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region"*. Volgograd, PrinTerra-Dizain Publ., 2022, pp. 41-44. (In Russ.) https://elibrary.ru/srybkr
14. Verkhovykh L.N. Main problems of linguistic local analysis of regional onomastic material. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki = Current Issues in Modern Philology and Journalism*, 2022, no. 2 (45), pp. 100-105. (In Russ.) https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.90.31.014, https://elibrary.ru/dwrkxf

2025;11(4):855-864 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

15. Suprun V.I., Bagomedov M.R., Bedanokova Z.K. Historical preconditions for the ethnolinguistic picture of Southern Russia (Adygea, Dagestan, Kalmykia, Volgograd Oblast). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology Theory & Practice*, 2024, vol. 17, no. 10, pp. 3672-3680. (In Russ.) https://doi.org/10.30853/phil20240519, https://elibrary.ru/cnoadv
16. Bugakova N.B. *The Specificity of A. Platonov's Onomasticon*. Voronezh, NAUKA-YUNIPRESS Publ., 2023, 322 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qtnmqt
17. Bugakova N.B., Skuridina S.A. Proper names as meaning-creating elements in cycles of works in the creative output of A.P. Platonov: on the occasion of the 125th anniversary of his birth. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Theory of Language and Intercultural Communication*, 2024, no. 3 (54), pp. 50-61. (In Russ.) https://elibrary.ru/thahkt
18. Kovalev G.F. Towards onomastics research at the Voronezh onomastic school. *Onomasticheskii vestnik = Onomastic Bulletin*, 2025, no. 1, pp. 7-21. (In Russ.) https://elibrary.ru/vyhfer
19. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E. et al. *The Linguistic Picture of the World and Systemic Lexicography*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2006, 912 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/pwasxb
20. Shmelev A.D. *The Russian Linguistic Model of the World: Materials for a Dictionary*. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2002, 224 p. (In Russ.)
21. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboedova E.A. *Toponymy of the Voronezh Region*. Voronezh, Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region Publ., 2018. 336 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/ytnpil

Информация об авторе

ВЕРХОВЫХ Людмила Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный университет, Борисоглебский филиал, г. Борисоглебск, Воронежская область, Российская Федерация, SPIN-код: 6416-3507, РИНЦ AuthorID: 830463, Scopus Author ID: 57204921873, https://orcid.org/0000-0003-2690-5716, lverhovyh@mail.ru

Поступила в редакцию 27.10.2025
Поступила после рецензирования 10.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Lyudmila N. Verkhovykh, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Voronezh State University, Borisoglebsk Branch, Borisoglebsk, Voronezh Region, Russian Federation, SPIN-code: 6416-3507, RSCI AuthorID: 830463, Scopus Author ID: 57204921873, https://orcid.org/0000-0003-2690-5716, lverhovyh@mail.ru

Received 27.10.2025
Revised 10.11.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):865-878
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81’38/42
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878
Шифр научной специальности 5.9.5

Эпистолярная коммуникация филологов как творческий диалог

Елена Александровна Попова ✉, **Людмила Петровна Плеханова**
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Ленина, 42
✉ elenapopova2410@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Современная русистика в силу своей антропоцентрической ориентации большое внимание уделяет изучению различных типов языковой личности, среди которых выделяется элитарная языковая личность учёного. Широкие перспективы для изучения персоналий отечественной науки, особенно гуманитарных направлений, открывает эпистолярий учёного, в целом эпистолярная коммуникация, в которой ярко проявляется авторское, личностное начало. Цель исследования – рассмотреть эпистолярную коммуникацию филологов как опосредованный творческий диалог её участников и на основе эпистолярия выявить черты учёного как элитарной языковой личности. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили письма профессора Е.П. Барышникова к его ученику и коллеге Н.М. Валееву и подробные комментарии Н.М. Валеева к каждому письму учителя, что создаёт ощущение полноценного диалога, своеобразного эпистолярного бинома, с исчерпывающей глубиной раскрывающего языковую личность выдающегося учёного, талантливого педагога, мудрого наставника. В ходе исследования использовались общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, описание); специальные филологические методы (контекстуального, жанрового, семантического анализа). РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Рассмотрены особенности эпистолярия Е.П. Барышникова как незаурядной языковой личности. Доказано, что адресант в совершенстве владел жанром дружеского письма, ставшего средством интеллектуального, духовного, эмоционального общения. Особое внимание уделяется педагогическому аспекту эпистолярного диалога, который характеризует педагогический дар Е.П. Барышникова, сумевшего воспитать благодарного ученика и наследника своих творческих и педагогических идей. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Глубокие по содержанию и совершенные по форме письма Е.П. Барышникова свидетельствуют о высокой филологической культуре адресанта, обладающего собственным идиостилем и системой выразительных языковых средств для его текстовой реализации. Имя Е.П. Барышникова является прецедентным не только для персоносферы вузов, где он работал, но и для персоносферы отечественной филологической науки в целом. Полученные результаты открывают перспективы для всестороннего исследования эпистолярной коммуникации учёных.

Ключевые слова: Е.П. Барышников, Н.М. Валеев, эпистолярный диалог, эпистолярий, элитарная языковая личность, персоносфера, прецедентное имя, дружеское письмо, дистанционный мастер-класс

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Е.А. Попова – обоснование концепции исследования, обзор современных исследований по проблеме, анализ результатов эмпирического исследования, написание рукописи – рецензирование и редактирование, оформление рукописи статьи в соответствии с требованиями редакции, критический пересмотр и коррекция текста рукописи. Л.П. Плеханова – анализ результатов эмпирического исследования, обзор современных исследований по проблеме, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Попова Е.А., Плеханова Л.П., 2025

2025;11(4):865-878 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Для цитирования: *Попова Е.А., Плеханова Л.П.* Эпистолярная коммуникация филологов как творческий диалог // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 865-878. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878
OECD 6.02; ASJC 1203

Epistolary communication among philologists as a creative dialogue

Elena A. Popova ✉, **Lyudmila P. Plekhanova**
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
42 Lenina St., Lipetsk, 398020, Russian Federation
✉ elenapopova2410@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. Modern Russian studies, due to its anthropocentric orientation, pays great attention to the study of various types of linguistic personality, among which the elite linguistic personality of a scientist stands out. The scientist's epistolary, and epistolary communication in general, which vividly reveals the author's personal and individual character, opens up broad prospects for studying the personalities of Russian science, especially the humanities. The aim of the study is to consider the epistolary communication of philologists as an indirect creative dialogue of its participants and, based on the epistolary, to identify the features of the scientist as an elite linguistic personality. MATERIALS AND METHODS. The research material consisted of Professor E.P. Baryshnikov's letters to his student and colleague N.M. Valeev, and N.M. Valeev's detailed comments on each of the teacher's letters, which creates the feeling of a full-fledged dialogue, a kind of epistolary binomial, with exhaustive depth revealing the linguistic personality of an outstanding scientist, talented teacher, wise mentor. The research used general scientific methods (observation, comparison, description); special philological methods (contextual, genre, semantic analysis). RESULTS AND DISCUSSION. The features of the epistolary of E.P. Baryshnikov as an outstanding linguistic personality are considered. It is proved that the addressee perfectly mastered the genre of friendly writing, which became a means of intellectual, spiritual, and emotional communication. Special attention is paid to the pedagogical aspect of epistolary dialogue, which characterizes the pedagogical gift of E.P. Baryshnikov, who managed to raise a grateful student and heir to his creative and pedagogical ideas. CONCLUSION. The letters of E.P. Baryshnikov, which are deep in content and perfect in form, testify to the high philological culture of the addressee, who possesses his own idiosyncrasy and a system of expressive linguistic means for its textual realization. The name of E.P. Baryshnikov is a precedent not only for the personosphere of the universities where he worked, but also for the personosphere of Russian philological science as a whole. The obtained results open up prospects for a comprehensive study of epistolary communication of scientists.

Keywords: E.P. Baryshnikov, N.M. Valeev, epistolary dialogue, epistolary, elite linguistic personality, personosphere, precedent name, friendly letter, remote master class

Funding. The research received no external funding.

Authors' Contribution: E.A. Popova – substantiation of the research concept, review of modern research on the problem, analysis of the results of empirical research, writing of the manuscript – reviewing and editing, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements, critical revision and correction of the manuscript text. L.P. Plekhanova – analysis of the empirical research results, review of modern research on the problem, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):865-878
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

For citation: Popova, E.A., & Plekhanova, L.P. Epistolary communication among philologists as a creative dialogue. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):865-878. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-865-878

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентризм как основной принцип современной лингвистики и лингвоперсонология как одно из самых перспективных его направлений выдвинули в качестве главного объекта исследования феномен языковой личности, под которым понимается «образ человека по данным языка». Многообразие трактовок этого парадигмообразующего термина можно привести к некоему общему знаменателю – «способности человека воспринимать и порождать речь (дискурс), в определённой степени владеть системой языка и использовать её для достижения тех или иных коммуникативных задач» [1, с. 188].

В зависимости от степени владения языком исследователями выделяются несколько типов речевой культуры [2; 3], среди которых особое место принадлежит элитарному типу, который также называется полнофункциональным. Критериями отнесенности носителя языка к этому типу речевой культуры являются такие показатели, как высокий уровень общей и гуманитарной культуры, духовно-нравственных принципов и этических норм общения, владение широким спектром выразительных ресурсов языка и целесообразное их использование, а также постоянное стремление к самообразованию, расширению кругозора, ответственность и самодисциплина в сфере вербальной коммуникации и способность к критической оценке своего речевого поведения.

Отмечено, что высокий уровень речевой культуры выделяет представителей её элитарного типа из круга других носителей языка и отводит им роль эталона, образца, ориентира для окружающих [3, с. 224]. Будучи редким явлением национальной культуры, но определяющим её духовный потенциал, элитарная языковая личность русского интеллигента может быть квалифицирована как прецедентный феномен и рассмотрена как факт национальной персоносферы, соотносимый с таким источником, как наука (наука может быть добавлена к четырём источникам национальной персоносферы, выделенным Г.Г. Хазагеровым: истории, литературе, православию, фольклору [4]). К персоналиям подобного типа справедливо относят языковую личность учёного, что доказано исследовательским опытом составления речевых портретов известных деятелей науки. Как показывают наблюдения, коммуникативная стратегия при этом соответствует требованиям успешного, эффективного общения и реализации «гармонизирующего диалога» как риторического идеала современности [5, с. 449]. «Наполняя особым, глубинным содержанием понятие “общения”, представители данного типа языковой личности расценивают феномен межличностного взаимодействия как возможность реализации ключевой человеческой потребности – удовлетворения взаимной “нуждаемости” (В.М. Бехтерев) людей друг в друге», – отмечает А.В. Курьянович [1, с. 190]. Как неоднократно подчёркивалось, такая стратегия общения особенно актуальна и своевременна сегодня, в условиях абсолютной свободы слова и тенденции к утилитарному употреблению языка [6, с. 32-46].

Приобщение к фактам персоносферы, изучение персоналий отечественной науки, является, по нашему мнению, действенным аксиологическим ресурсом становления и развития интеллектуальных, духовных и гражданских качеств молодёжи, так как имена выдающихся личностей, их «живые образы» переводят духовно-нравственные ценности общества из разряда абстрактных понятий в область культурно-исторических реалий. По определению Г.Г. Хазагерова, термин «персоносфера» многозначен. «Можно говорить не только о национальных или даже транснациональных (скажем, религиозных) персоносферах, – утверждает учёный, – но и

2025;11(4):865-878 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

о персоносферах различных локальных сообществ. В качестве такого сообщества может быть рассмотрен и университет» [7, с. 127]. Рассматривая персоносферу университета как семантическую сеть, узлами которой являются образы учёных, Г.Г. Хазагеров и Т.В. Ульянова подчёркивают важность её социальных функций.

Роль персоносферы проявляется в способности «сплачивать сотрудников университета», «мотивировать их, увеличивать вовлечённость в педагогическую и научную деятельность», реализуется в том, «что на более привычном в университетской среде языке называется воспитанием студентов, выработкой у них самоуважения и уважения к стенам университета, к своим учителям» и, наконец, «способствует продвижению университетского бренда, укрепляет связь с выпускниками, повышает культурный престиж университета» [7, с. 127].

При создании образа учёного как прецедентной личности открываются самые широкие возможности для исследователя, так как учёный «объективно оказывается включённым сразу в несколько сюжетов» [7, с. 129]: он транслирует ценностные ориентиры своей эпохи, научные идеи и их полемическое, а порой и драматическое, столкновение и служит связующим звеном между поколениями, воспитывая учеников и последователей.

Отмечено, что широкие перспективы для изучения персоналий отечественной науки, особенно гуманитарных направлений, открывает «эпистолярная сфера коммуникации со свойственной ей установкой на открытый, искренний диалог, особой ролью вербальных и графических средств, ярким проявлением авторского личностного начала» [1, с. 191]. Являясь уникальным материалом для характеристики когнитивных, лингвистических и социокультурных способностей участников коммуникации и ценной эмпирической базой для изучения элитарной языковой личности, эпистолярий ряда учёных, в том числе филологов (В.Я. Проппа, Ю.М. Лотмана, В.В. Виноградова, В.И. Вернадского и др.), уже стал предметом рассмотрения в трудах современных лингвистов [1; 8–11], однако по-прежнему считается недостаточно исследованным в русистике, чем объясняется интерес авторов данной статьи к этой проблеме.

В работах последних десятилетий эпистолярный дискурс рассматривается как «опосредованный диалог, в котором присутствуют реальные адресант и адресат» и который «сохраняет основные признаки устного диалога», но «обладает специфическими признаками конститутивного и регулятивного характера» [12, с. 4-5]. Письма учёных как представителей творческой интеллигенции – это «своеобразные документы эпохи, отражающие высокую духовную культуру, поиски социальных и художественных идеалов их авторов и имеющие непреходящее значение для современной культуры как в собственно языковом отношении, так и в культурно-историческом» [13, с. 5].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для настоящего исследования послужили письма профессора Евгения Петровича Барышникова (1929–1991) к его ученику и коллеге Наилю Мансуровичу Валееву, представленные в книге последнего «Эпистолярный диалог с учителем Е.П. Барышниковым»[1], в которой с исчерпывающей глубиной раскрывается языковая личность выдающегося учёного-толстоведа, талантливого педагога и мудрого наставника [14]. Тексты писем убедительно доказывают, что имя Е.П. Барышникова является прецедентным и относится не только к персоносфере тех учебных заведений, где он работал, – Елабужского государственного педагогического института (в настоящее время это Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета) и Липецкого государственного педагогического института (ныне Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского), но и к персоносфере отечественной филологической науки в целом.

Хотя объёмное издание содержит только письма учителя, подробные комментарии ученика – автора книги – к каждому письму

[1] Ссылки на источник [14] приводятся в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):865-878
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

создают впечатление полноценного диалога понимающих друг друга, близких по духу людей, с годами переросшего в крепкую дружбу. Каждое письмо и комментарий к нему, по которому можно реконструировать ответ адресата, составляют содержательное единство, подобное конструирующей диалог модели «стимул-ответ» и названное исследователями «эпистолярным биномом» [12, с. 5]. В классическом виде эпистолярный бином является единицей макродиалога – всего корпуса переписки между двумя коммуникантами, где отдельное письмо – «не изолированное монологическое по форме высказывание, а макрореплика» [12, с. 5], то есть компонент общения, направленный адресату. В ходе исследования нами использовались общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, описание) и специальные филологические методы (контекстуального, жанрового, семантического анализа).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В эпистолярном диалоге со своим учеником профессор Е.П. Барышников предстаёт как личность широкого творческого диапазона, высокой культуры и редкостной человечности. Наличие только одной стороны переписки – писем адресанта – и статус коммуникантов как учителя и ученика обусловливают наше предпочтительное внимание к педагогическому аспекту рассматриваемого эпистолярного диалога.

Комментируя письма своего учителя, Н.М. Валеев, прежде всего, обращает внимание на его огромный научный потенциал, подчёркивает те фрагменты, где Е.П. Барышников предстаёт как учёный-интеллигент, сочетающий обширные знания с влюблённостью в русскую литературу, с поклонением ей. *«Необъятность кругозора Евгения Петровича поражает»*, – признаётся Н.М. Валеев и замечает, что *«внимательный читатель, особенно специалист – философ, литературовед – извлечёт из его писем десятки тем для научных исследований»* (с. 57). Спектр, имён, входящих в круг его научных интересов, впечатляет: это писатели-классики Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев и др.; религиозные философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, Н.О. Лосский и др.; литературоведы М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев, Г. Гачев и др. Друзьями-однокашниками Е.П. Барышникова были выдающиеся учёные П.В. Палиевский, В.В. Кожинов, С.Г. Бочаров. Все названные, а также другие известные имена составляют персоносферу эпистолярного дискурса Е.П. Барышникова.

Н.М. Валеев отмечает, что одним из самых ценных качеств его учителя была *«сильная, неугасимая жажда познания. До конца дней своих он жил чтением новинок и писанием своих трудов, оставшихся в основном неопубликованными»* (с. 94). Евгений Петрович любил и ценил книгу, которая была для него *«источником новых знаний и большой радости»* (с. 48). Он с увлечением и юношеским задором читал каждую новую книгу, часто добытую с трудом и риском. Книжные предпочтения Евгения Петровича относились к «полузапрещённой» литературе: произведения свободных от официальной идеологии литературоведов, русских религиозных философов, славянофилов, русских писателей, забытых и позже отнесённых к так называемой «возвращённой» литературе.

Письма Е.П. Барышникова дают представление о разнообразии тех научных проблем, которые интересовали учёного, и об оригинальности их интерпретации.

Так, совершенно нетипичной для советского времени является трактовка Барышниковым поэтики Ф.М. Достоевского и образа Раскольникова. Связав её с теорией полифонизма М.М. Бахтина, Евгений Петрович отмечал, что в поэтике Достоевского *«диалогическое саморазвитие человека пронизывает всю структуру произведения, вплоть до речи, вплоть до монологов, которые тоже изнутри диалогизированы»* (с. 25). В этом ключе, в частности, Барышников рассматривал образ Раскольникова как внутренне полемичный, в котором *«диалогическое сближение идеи “всё позволено” со страстной натурой героя, их встреча и превращение в идею-страсть»* (с. 29) приводит к его преступлению.

2025;11(4):865-878 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

В эпистолярном диалоге Е.П. Барышникова и Н.М. Валеева значительное место занимают размышления о творчестве Л.Н. Толстого, чья образная концепция мира стала главным предметом исследования учёного. В комментарии к одному из писем учителя Н.М. Валеев отмечает, что в достижении поставленной цели – с новых позиций рассмотреть прозу Толстого – Е.П. Барышников *«провидит путь, по которому нужно идти, чтоб "продраться" сквозь дебри понаписанного о нём предшественниками к истинному пониманию творческих исканий великого писателя земли русской»* (с. 240).

Так, в частности, для тогдашнего, атеистически ориентированного гуманитарного знания новой стала мысль о неразрывной связи толстовского миросозерцания с христианской моралью. Барышников подчёркивает в творчестве Толстого неприятие *«"двойной морали" общества, когда все признают на словах высоту Евангельской морали, а на деле приспосабливаются к условиям мира сего»* (с. 65). По мысли учёного, *«именно Толстой пробудил религиозное сознание в России, чем подготовил русский духовный ренессанс»* (с. 66). В комментарии к письму читаем справедливое утверждение: *«Понятно, сколь много потеряло современное толстоведение страны, не напечатав своевременно работу выдающегося учёного-мыслителя»* (с. 66).

Основой толстовской концепции мироустройства Е.П. Барышников считает целостность картины мира, создание писателем особой поэтики: внутренней двойственности и в то же время единства правды-истины и правды-справедливости, *«но это единство не рационалистическое или пантеистическое, а христианское, признающее личность, её тайну как соединение божьих и человеческих начал, как "нераздельность и неслиянность"»* (с. 108). Этот творческий метод Барышников определяет как *«особый символический реализм», где нет «смешения и подчинения одного начала другому»* (с. 108). Трудно поверить, что эти мысли были высказаны почти полвека назад, и нельзя не согласиться с мыслью о том, что идеи Е.П. Барышникова опередили своё время. Об этом свидетельствует тот факт, что монография учёного «Образная концепция мира в прозе Л.Н. Толстого», содержащая материалы его незащищённой докторской диссертации и изданная Н.М. Валеевым в 2014 г. [15], не утратила своего научного значения до сегодняшнего дня и воспринимается как новое слово в толстоведении.

Включение творчества Л. Толстого в христианский контекст русской культуры для Е.П. Барышникова не случайно. Учёный был человеком глубоко верующим, знающим труды отечественных религиозных философов и принимающим их духовные ценности. Он рассматривал христианство как *«величайшее достижение человеческой мысли»* (с. 26), как религию, которая опирается на *«этику благодати и этику творчества»*, свободные от всякого порабощения (с. 39) По мнению учёного, *«Бог действует на нас не принуждением, <…> а через благодать и свободу, творчество, красоту, любовь, героические акты. Он действует не необходимостью, а свободой, духовно, а не магически»* (с. 39). Исходя из этого, главная задача становления личности – *«в себе постигнуть зерно мысли Бога»* (с. 43). В комментарии Н.М. Валеева, создающем эффект эпистолярного бинома – единства теоретического положения и его оценки – отмечается, что в этом письме *«Барышниковым задана траектория умственного развития человечества»* (с. 44). Таким образом, задолго до того, как в нашей стране изменилось отношение к религии, Е.П. Барышников пришёл к пониманию христианства, православия как прочнейшей основы тысячелетней культуры Руси (с. 262), а следовательно, к признанию христоцентричности русской классической литературы.

Среди других проблем, доказывающих многообразие научных интересов своего учителя, Н.М. Валеев отмечает его глубокие размышления о современном состоянии мироустройства, о положении в стране и в мире; обращение к сопоставительным характеристикам национальных литератур и обнаружение общих тенденций в их развитии; осмысление проблемы духовного испытания человека в русской классической литературе и др. Эпистолярное наследие Е.П. Барышни-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):865-878
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

кова раскрывает его образ как незаурядной языковой личности, которая обладает неповторимым идиостилем, создающим ценность его научных изысканий не только с точки зрения того, что в них написано, но и того, как об этом написано. Прежде всего, обращает на себя внимание плотность и насыщенность содержания, обусловленная системным подходом к изучаемому материалу, что отмечено Н.М. Валеевым. Нельзя не отметить, что те стилеобразующие факторы, которые формируют индивидуальный речевой облик научных работ Е.П. Барышникова, нашли отражение и в письмах, где используется широкий арсенал разнообразных средств выразительности.

Неоднократно отмечалось, что учёным-гуманитариям присущ метафорический тип мышления – способность осмысливать мир в образных категориях. В эпистолярии Е.П. Барышникова это качество проявляется очень ярко. Например, при характеристике литературы XIX века у учёного рождается уникальный образ несущейся вскачь России, сопоставимый с образом гоголевской Руси-тройки: *«Россия – комета. И одновременно ощущение, что Россия – анекдот. <…> Россия сказала нет своему прошлому и вместе со своим захолустьем понеслась вскачь. Бешеная скачка заставляет смешивать космическое с анекдотическим. Пересечение этих двух начал становится основной категорией литературы. Основная тема – смешение понятий и вещей. Человеку не писан никакой закон в том смысле, что он на свою душу может напялить самую невероятную маску-лик или подняться страшно высоко. Всё вместе: окрылённость и косность, детскость и преступность, геройство и зверство, восторг и скука, свет и смрад»* (с. 56-57). Здесь использовано несколько средств выразительности, высвечивающих друг друга и усиливающих стилистический эффект: метафора, антитеза, градация.

В одном из писем при анализе творчества высоко ценимого им филолога С.С. Аверинцева Е.П. Барышников подхватывает и развивает предложенный выдающимся учёным образ культуры как духовного дома человечества. Углубляя смысл метафорического определения С. Аверинцева, Е.П. Барышников отмечает, что филолог *«описывает два дома, в которых жили наши предки и в которых теперь живём мы, – античную Грецию и библейскую древность с их миросозерцаниями, которые в сложном переплетении дают тип мыслящей жизни сегодня»* (с. 62).

Характеризуя христианство как религию духовной свободы, Барышников использует такие метафорические образы, как «демоны», «духи», «бесы»: *«На заре христианской цивилизации демоны и духи терзали людей совсем как современные, как ты пишешь, органы»* (с. 26). Учёный называет подобную идеологию *«демонократией»*, современную цивилизацию – царством *«мелких бесов»*, которые и сегодня «повергают к отчаянию простого человека» (с. 26).

Метафоры Е.П. Барышникова часто носят игровой, иронический характер и проявляются в переосмыслении семантики слова, словотворчестве: *«канарейки»* (о политических пустословах) (с. 26), *«демонократия»* (об идеологии власть имущих) (с. 26), *«горбострoйка»* (о перестройке) (с. 24), *«царство Скалозуба»* (о книжном дефиците) (с. 116), *«жевание мочала»* (о повторении чужих мыслей в научных сочинениях) (с. 118), *«начальственная метла»* (о стиле руководства вузом) (с. 132) и т. д.

Письма Е.П. Барышникова демонстрируют ещё одну показательную черту элитарной языковой личности – «выраженность навыков самоконтроля» [3, с. 224], критическое отношение к своему языковому поведению. Н.М. Валеев отмечает, что Евгений Петрович всегда тщательно следил за уровнем своей научной продукции, по несколько раз перерабатывал статьи и монографии. Приведём в пример фрагмент одного из писем: *«У меня не то несчастье, не то благодать (скорее, второе): зарубили книгу о Толстом в издательстве. Я приступил к полной переработке её в соответствии с новым открывшимся мне видением Толстого. И в этом смысле рад, что свет не увидит старых, незрелых рассуждений»* (с. 94). Наставник и своего ученика призывает к постоянной работе над языковой формой научных сочинений: *«стиль надо чистить»*; смотреть, *«нет ли*

2025;11(4):865-878 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

стилистических погрешностей»; переписывать *«ради органичности стиля»* (с. 173).

Отдавая должное огромному интеллектуальному влиянию учителя, приобщившего своего ученика к безбрежному миру науки и воспитавшего большого учёного, Н.М. Валеев с исчерпывающей полнотой раскрывает другие ценные качества Е.П. Барышникова – педагогический дар и талант наставника.

Уже описание первого студенческого впечатления о Евгении Петровиче как о преподавателе кафедры русской и зарубежной литературы Елабужского педагогического института показывает его как знаковую фигуру в персоносфере вуза: *«Всегда спокойный, как будто даже неяркий, не "взрывающийся", <…> он был носителем не только высокой интеллектуальности, но и духовности, которой веяло от него»* (с. 9). Высокий уровень его лекций, семинаров и кружковых занятий сделали его легендой вуза, любимым преподавателем, у которого студенты не пропускали даже первых пар.

«После переезда Евгения Петровича в Липецк мы, его кружковцы, осиротели, – пишет Н.М. Валеев, – *но для меня началась новая жизнь – эпистолярная. С ноября 1970 года по конец 1990-го, два десятилетия, общались мы по переписке. Ныне в моём домашнем архиве 200 писем моего удивительного собеседника и более 250 моих посланий ему. <…> Письма Евгения Петровича – живое свидетельство настоящего высококлассного педагогического эксперимента – дистанционного обучения (это 40–50 лет назад!)»* (с. 11) студента, затем учителя и вузовского преподавателя – процесса, показавшего, как *«можно из обычного студента "сделать" личность»* (с. 20).

Как отмечено исследователями, во многих российских вузах «всегда царил особый дух интеллигентности, который связан с высокой внутренней культурой профессуры, которая прививалась и студентам, <…> с уважительными отношениями среди преподавателей, а также между преподавателями и студентами» [16, с. 20]. Этот особый университетский дух – главное средство воспитания студентов – создавался персоносферой вуза.

Е.П. Барышников, безусловно, был одним из самых ярких представителей персоносферы тех вузов, где он работал – Елабужского и Липецкого педагогических институтов. И хотя далеко не всегда атмосфера вуза отвечала высоким духовно-нравственным критериям, Евгений Петрович своим примером показывал студентам образец высочайшего профессионализма, доброты и человечности: *«Для него всегда было характерно состояние спокойной сосредоточенности, высокого интеллекта, интеллигентности в самом точном значении этого слова. Те, кто интуитивно чувствовал это, становились его приверженцами, хотели быть похожими на него, искали возможности ещё и ещё раз пообщаться с ним»* (с. 12).

Педагогический талант Е.П. Барышникова особенно ярко проявлялся в стиле его общения со студентами. Н.М. Валеев так описывает занятия своего преподавателя: *«Он совершенно серьёзно рассуждал с нами на любую тему. <…> На вопросы отвечал просто и ясно. <…> Беседа с ним иногда принимала спорный характер, в дискуссию с ним мы вступали, имея за душой мизерный багаж школьных и начальных вузовских знаний. Но, несмотря на реально осознаваемую и ощущаемую огромную разницу в уровне нашей подготовленности к диалогу со светилом литературоведения и философии, он никогда не давал это почувствовать, хотя мы чаще всего говорили примитивные вещи. С ним легко и приятно было общаться, поскольку он вёл себя с нами, как с равными»* (с. 14).

Впечатлениям Н.М. Валеева о занятиях учителя, организованных в форме творческой дискуссии с молодыми коллегами, созвучны воспоминания авторов настоящей статьи, которым выпало счастье учиться у Е.П. Барышникова в Липецком педагогическом институте и впоследствии работать с ним в стенах этого вуза.

Наиболее запоминающимися при чтении книги Н.М. Валеева являются те строки писем Е.П. Барышникова, которые связаны с личными отношениями двух духовно близких людей и отражают редкостный человеческий талант учёного – роль наставника в

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):865-878
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

профессии и в жизни. С благодарностью вспоминая творческий диалог с учителем, Н.М. Валеев пишет: *«Считаю, что судьбоносной для меня была встреча в студенческие годы в ЕГПИ с замечательным учёным, совершенно удивительным педагогом-наставником и постепенное сближение, переросшее в настоящую мужскую дружбу, которую мы с честью пронесли до очень обидного и безвременного конца его земной жизни»* (с. 94).

Учитывая зависимость содержания и языка письменного документа от жанра, статуса участников переписки и характера отношений между ними, можно определить жанр посланий Е.П. Барышникова своему ученику как дружеское письмо, которому свойственны теплота и расположение к адресату. Как показывают исследования, жанр дружеского письма обладает ярко выраженной содержательной и структурной спецификой.

Доминантной категорией этого типа текста признается диалогизация, под которой понимается направленность речи на адресата, своеобразное двуначалие, реализующее коммуникативно-прагматическую ось «Я – Ты» и репрезентирующее факт личностно ориентированного общения [13, с. 14]. Диалогизация предполагает наличие в структуре письма двух субъектных сфер: «Я»-сферы и «Ты»-сферы со своими средствами лингвостилистического выражения, изобразительными, эмоционально-оценочными и экспрессивными элементами, средствами этикета.

Письма Е.П. Барышникова показывают, что он в совершенстве владел жанром дружеских писем, которые в его исполнении становились средством интеллектуального, духовного и эмоционального общения. Содержательной особенностью писем учёного является их политематичность: наряду с темами личного, бытового характера в них обсуждаются вопросы науки и литературы, искусства, общественно-политические и нравственные проблемы. Разница в возрасте и статусе коммуникантов обусловливает наличие в письмах советов, пожеланий, рекомендаций, наставлений, выраженных в форме побудительных и аналогичных им конструкций.

Приведём некоторые примеры: *«Дерзай, Наиль! Внимательно перечитывай Бахтина»* (с. 26); *«Думай над вопросом об авторской речи у Достоевского»* (с. 35); *«Двигайся в аспирантуру, бей в барабан!»* (с. 51); *«Курс держи на аспирантуру и начинай потихоньку разрабатывать какую-нибудь свою тему, обкатывать, обмасливать её». <…> Как только родится свой подход в подобном духе, <…> можно сказать, что ты подключился к большому делу практически. Словом, читай да подумывай»* (с. 59); *«Возьми на прицел книги* (далее приводится список книг, среди которых переписка Ф.М. и А.Г. Достоевских, сборники научных трудов со статьями С.С. Аверинцева, П.В. Палиевского, В.В. Кожинова, С.Г. Бочарова, которые надо приобрести («достать») и изучить. – *Е. П., Л. П.*)» (с. 95); *«Решил ли ты остановиться на Амирхане? <…> Мой совет – останавливайся на нём – можно написать интересную работу»* (с. 115); *«Не оплошай насчёт публикаций»* (с. 125); *«Подумай, чем я могу тебе помочь относительно диссертации»* (с. 133).

Следует заметить, что прямых наставлений побудительного характера в письмах Е.П. Барышникова сравнительно немного, чаще советы мудрого наставника облечены в форму опосредованных рекомендаций, где императивность значительно снижается деликатностью пожеланий и расположением автора писем к адресату. Такого рода наставления могут содержать синтаксические конструкции с семантикой долженствования, цели, потенциальной возможности, квалификации объекта, например: *«Надо учиться у патристики, как соединять силы духа в единую силу, а наша собственная задача состоит в том, чтобы обрести свою веру, ибо без веры цельности не достичь, она зрение ума»* (с. 33); *«Пора тебе, аспиранту, знать светила нашей человечности и нашей науки»* (с. 65).

В отдельных случаях рекомендательный характер предложения смягчается формой вопроса-пожелания: *«Стать татарским Аверинцевым, т.е. открыть своеобразную “Византию” в татарской литературе – думал ли ты над этой задачей?»* (с. 101). Встречаются в письмах Евгения Петровича и пожелания, содержащие лексические средст-

2025;11(4):865-878 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ва выражения побудительности: *«Заканчиваю призывом к тебе обратить внимание на тему просветительства применительно к татарской литературе»* (с. 106).

Иногда советы наставника могут вообще не содержать языковых средств побудительного характера, и их рекомендательная семантика может быть выражена имплицитно. Таков, например, совет учителя, касающийся чтения научных трудов: *«Это большая разница – прочитать их однажды и перечитывать при нужде снова и снова. Открывается множество смыслов, не понятых ранее»* (с. 36).

В комментариях к письмам учителя Н.М. Валеев отмечает, что одной из главных тем их эпистолярного диалога, который с течением времени углублялся и становился взаимообогащающим, была тема свободы творчества. Так, при обсуждении работ В.В. Кожинова Е.П. Барышников, характеризуя творческий процесс, даёт ему, по сути, метафорическое определение-рекомендацию: *«Творчество ведь такая вещь – приходит без приглашения, врывается совершенно неожиданно. Но врывается только по линии твоего прогресса в работе над чем-либо»* (с. 59). Такой же намёк-наставление просматривается в пожелании сблизиться с кругом известных учёных, войти в академическую среду, потому что *«молодым нужен чистый горный воздух творческих интересов»* (с. 115).

В оценочных комментариях Н.М. Валеев неоднократно подчёркивает, что «каждое письмо – призыв к творческому диалогу, к работе над собой, наставление, как и что читать, на что обращать особое внимание» (с. 30); не перестаёт удивляться, как они с учителем *«много читали, успевая в письмах или изустно, при встречах в Липецке, обсудить прочитанное»* (с. 76). Многие письма содержат совет учиться на работах его друзей – выдающихся учёных, *«чтобы быть на уровне литературоведческой мысли эпохи»* (с. 88). Вдохновляющим является и приглашение к творческому сотрудничеству, подчёркнутое глагольной формой совместного действия: *«Ну, будем надеяться и дерзать!»* (с. 103). Этот призыв, по словам Н.М. Валеева, стал для него путеводным: *«всю жизнь я надеюсь на лучшее и дерзаю, т.е. неустанно тружусь за себя и за моего учителя <...>»* (с. 103).

Коммуникативное поведение Е.П. Барышникова отличалось сдержанностью, однако его письма содержат большое количество эмоционально-экспрессивных средств, отражающих богатый гонорифический потенциал русского языка и обладающих как позитивным, так и негативным гонорифическим зарядом [17, с. 3]. Заметим, однако, что по отношению к ученику используются только языковые единицы с положительной оценочностью. Ср.: *«С удовольствием прочёл Ваше письмо»* (с. 22); *«Твои письма меня порадовали»* (с. 47); *«Рад твоему письму. Конечно, всегда рад тебя видеть»* (с. 84); *«Восхищён твоими планами и книжными успехами»* (с. 99).

Как показывают наблюдения, эпистолярный диалог учителя и ученика проникнут атмосферой дружеского расположения, тепла и взаимной благодарности за общение. Так, в письмах наставника встречается множество свидетельств тёплого отношения к ученику, с течением времени ставшим близким человеком. Это и чувство удовлетворения от позитивных событий в жизни подопечного: *«Рад, что у тебя тучи рассеялись над головой»* (с. 53); *«Очень приятно, что дух твой не слабеет, интерес к однажды начатому не скудеет»* (с. 34); и радушные приглашения встретиться: *«Всегда буду рад Вас видеть»* (с. 23); *«Жду тебя с нетерпением в любое время»* (с. 84); *«Ко мне в любое время, всегда рад и буду ждать»* (с. 127), *«Сижу и жду тебя. И рад-радёхонек, что ты приедешь со смыслом творчества и философией»* (с. 87), *«Двери тебе всегда открыты»* (с. 184); и поздравления с праздниками и значимыми для семьи Валеевых событиями: *«Поздравляю тебя с праздником! Желаю исполнения желаний, достижения достижимого и недостижимого!»* (с. 157); *«Пусть исполнятся в Новом “счастливом” году твои лучшие творческие и жизненные замыслы! И замыслы твоей семьи!»* (с. 154), *«Дорогой победитель! Горячо поздравляю с утверждением! Обнимаю тебя дружески и желаю всех не-*

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):865-878
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

обходимых дальнейших успехов» (с. 168), *«Поздравляю тебя с прибавлением семейства! <…> мы все вместе желаем Вам с Надей счастливо растить сына, здоровья ему и благополучия! А насчёт духовной стороны – это дело таинственное: он молча впитает в себя стиль дома отца и матери»* (с. 114).

Переписка людей, связанных близкими отношениями, обычно содержит перед подписью фразы-концовки типа позитивных пожеланий. В письмах Е.П. Барышникова такие концовки многочисленны и разнообразны: *«Жму руку и желаю успехов»* (с. 21), *«Желаю успехов. Обнимаю»* (с. 35), *«Желаю больших творческих и жизненных успехов»* (с. 65), *«Желаю тебе и семейству твоему процветания»* (с. 114); *«Желаю творческих успехов и постоянного духовного подъёма»* (с. 117).

Исследователи эпистолярия отмечают, что в структуре письма особую роль играют такие средства его диалогизации, как эксплицитно выраженные обращения и подписи, которые «являются “ритуальными” эпистолярными элементами и определяют границы письма – фиксируют его начало и конец» [13, с. 14], а также манифестируют субъектные сферы адресанта и адресата. В первых письмах к Н.М. Валееву-студенту ещё встречается обращение на «Вы», но по мере интимизации общения оно переходит в обращение на «Ты». Номинация адресата почти всегда одинакова – *Наиль* (с. 20, 22, 25, 28) или позже *дорогой Наиль* (с. 26, 30, 32, 34, 36, 48, 54, 73, 87, 98, 139, 169, 173, 175, 218, 219, 235 и др.). И лишь однажды, поздравляя ученика с утверждением его кандидатской диссертации, Евгений Петрович обращается к нему с помощью словосочетания *дорогой победитель* (с. 168), заменяя обычную номинацию по имени оценочным словом.

Высказывания, представляющие собой подписи к письмам, также претерпевают изменения: нераспространённые, включающие лишь имена собственные – имя и отчество, в том числе инициалы, фамилию (*Евг. Петр.* (с. 26, 122, 123, 147, 158 и др.), *Е. П.* (с. 33, 35, 38, 110 и др.), *Е. Петр.* (с. 146), *Бар...в* (с. 30, 31, 39, 41, 42, 43, 46 и др.), сменяются словосочетаниями с притяжательным местоимением «твой» – *твой Е. П.* (с. 48, 201), *Твой Евг. Петр.* (с. 143, 147, 148, 149, 151, 153, 154, 159 и др.), *Твой Евгений Петрович* (с. 168) полное имя адресанта иногда заменяется подписями *Женя* (с. 60, 61) или *твой Женя* (с. 54, 132). По поводу такой интимизации подписи Н.М. Валеев замечает: *«“Твой Женя”, – думаю, многого стоит такая подпись более чем скромного человека, одного из мыслящих людей страны, большого учёного»* (с. 132); *«<…> для меня же он всегда был Ев-Гений Петрович!»* (с. 56).

Наставническую роль Е.П. Барышникова в становлении своей личности Н.М. Валеев оценивает очень высоко: *«В том, что я стал тем, кем я стал, огромная заслуга этого мудрого и бесконечно доброго человека с большим сердцем и мятущейся душой. Встреча-дружба с ним, как мне кажется, предназначенная свыше, оказалась для меня судьбоносной»* (с. 18).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переписка профессора Е.П. Барышникова с Н.М. Валеевым представляет собой своеобразный эпистолярный диалог, отражающий интеллектуальный, духовный и эмоциональный аспекты общения коммуникантов. Письма Е.П. Барышникова со всей полнотой отражают многогранность его языковой личности, которая относится к элитарному типу речевой культуры. Адресант предстаёт в них как выдающийся учёный, талантливый педагог и мудрый наставник, сумевший воспитать благодарного ученика и достойного последователя своих творческих идей.

Письма учителя и комментарии ученика, вместе создающие впечатление полноценного диалогического общения, раскрывают образ учёного как прецедентной личности, являющейся знаковой фигурой персоносферы не только отдельного учебного заведения, но и всей отечественной филологической науки в целом. Глубокие по содержанию и совершенные по форме письма свидетельствуют о высокой филологической культуре адресанта, обладающего собственным идиостилем и системой выразительных языковых средств для его текстовой реализации.

2025;11(4):865-878 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Обстоятельные и тонкие комментарии к письмам учителя обнаруживают также высокую культуру личности адресата, ставшего ныне известным в России учёным (Н.М. Валеев – доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, заведующий Камским научным центром Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН Республики Татарстан; в 2000–2007 гг. занимал должность ректора Елабужского государственного педагогического университета, в 2007–2009 гг. – должность министра образования и науки Республики Татарстан; в 2024 г. в Казани состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая 75-летию учёного, ставшая крупным научным событием для Татарстана и России в целом, что отражено в сборнике материалов конференции [18]) и сохранившим в себе редкий человеческий дар благодарного ученичества, который он пронёс через десятилетия. Как отмечают Г.Г. Хазагеров и Т.В. Ульянова, выдающаяся личность становится фактором персоносферы только тогда, когда она описывается как живой образ, «когда мы хоть в каком-то смысле можем отождествиться с нею», то есть воспринять её как образец для своего поведения в обществе, иначе публикация о своём учителе рискует превратиться в «обезличенный канон “похвального слова”, в котором все похвалы могут относиться почти ко всем учёным» [7, с. 129]. Н.М. Валеев пишет о своём учителе без ложного пафоса, очень личностно, передавая «счастье быть в непрерывном диалоге с выдающимся, глубоким мыслителем» [14, с. 177].

Эпистолярный диалог учителя и благодарного ученика, представленный в книге Н.М. Валеева, ценен тем, что отражает глубокие и многогранные творческие и личностные отношения близких по духу людей, взаимообогащающие, переросшие в дружеские и выдержавшие испытание временем. Несмотря на личностно ориентированный характер переписки, она может служить образцом для подражания многим нашим современникам, особенно молодым людям, не только в их отношениях с наставниками, но и в осознании необходимости осмысленного «моделирования своего поведения в этом мире» [4, с. 134]. Воспитательное значение опубликованных в книге писем состоит в возможности рассмотрения их как «дистанционного мастер-класса по формированию созидательного, патриотического мировоззрения у молодого поколения» [14, с. 5].

Полученные научные результаты открывают перспективы для дальнейшего исследования проблем эпистолярия, касающихся рассмотрения диалогичности эпистолярного текста и средств её лингвистического выражения.

Список источников

1. *Курьянович А.В.* Языковая личность учёного – носителя элитарной речевой культуры (на материале эпистолярного дискурса В.И. Вернадского) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 188-197. https://elibrary.ru/mqhtyv
2. *Сиротинина О.Б.* Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2003. С. 343-347.
3. Хорошая речь / О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович и др.; под ред. М.А. Комилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 320 с. https://elibrary.ru/viovjl
4. *Хазагеров Г.* Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133-145.
5. *Михальская А.К.* Основы риторики. Москва: Дрофа, 2001. 496 с.
6. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. Москва: Гнозис, 2013. 320 с.
7. *Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В.* Персоносфера университета: функции и культивирование // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1 (81). С. 127-131. https://elibrary.ru/trnkxh
8. *Лаппо М.А.* Языковая игра в эпистолярии В.Я. Проппа // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2 (27). С. 287-297. https://elibrary.ru/uoiziy
9. *Парсамова В.Я.* Языковая личность учёного в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М. Лотмана: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 223 с. https://elibrary.ru/nnkqtx

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):865-878
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

10. *Курьянович А.В.* Элитарная языковая личность: опыт моделирования (на материале русского эпистолярия XX–XXI вв.) // Вестник науки Сибири. 2014. № 3 (13). С. 100-110. https://elibrary.ru/smtosx
11. *Никитин О.В.* «Жду перемен в своей судьбе»: о вятских письмах В.В. Виноградова к жене (к 130-летию со дня рождения учёного) // Русская речь. 2025. № 5. С. 113-127. https://doi.org/10.31857/S0131611725050098, https://elibrary.ru/cevhjy
12. *Кокунина Е.В.* Переписка как опосредованный диалог: лингвопрагматический аспект (на материале переписки И.С. Тургенева и его повести «Переписка»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Череповец, 2005. 22 с. https://elibrary.ru/nnnyqp
13. *Белунова Н.И.* Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем). Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 140 с. https://elibrary.ru/ttjfkr
14. *Валеев Н.М.* Эпистолярный диалог с учителем Е.П. Барышниковым. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2025. 268 с.
15. *Барышников Е.П.* Образная концепция мира в прозе Л.Н. Толстого. Москва: Перо, 2014. 272 с.
16. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 171 с. https://elibrary.ru/qtsxmv
17. *Федорченко П.Ю.* Гонорифический потенциал речи как основа идеального речевого поведения: автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2001. 21 с. https://elibrary.ru/qdlasb
18. «Высокое служение Отечеству»: персоналии в историко-культурной жизни Российской провинции (к 75-летию академика АН РТ Н.М. Валеева): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / Ахметова М.А., Хамидуллин Б.Л. (сост.). Казань: Изд-во АН РТ, 2024. 424 с. https://www.elibrary.ru/onoydk

References

1. Kuryanovich A.V. The linguistic personality of a scientist – the carrier of elitist speech culture (on the material of V.I. Vernadsry's epistolary discourse). *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2010, no. 1, pp. 188-197. (In Russ.) https://elibrary.ru/mqhtyv
2. Sirotinina O.B. Speech culture. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka = Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2003, pp. 343-347. (In Russ.)
3. Sirotinina O.B., Kuznetsova N.I., Dzyakovich E.V., et al. *Good Speech*. Saratov, Saratov University Publ., 2001, 320 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/viovjl
4. Khazagerov G. The personosphere of Russian culture. *Novyi mir = New World*, 2002, no. 1, pp. 133-145. (In Russ.)
5. Mikhalskaya A.K. *Fundamentals of Rhetoric*. Moscow, Drofa Publ., 2001, 496 p. (In Russ.)
6. Karasik V.I. The *Linguistic Matrix of Culture*. Moscow, Gnozis Publ., 2013, 320 p. (In Russ.)
7. Khazagerov G.G., Ulyanova T.V. The personosphere of university: functions and cultivation. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = The Scientific Thought of the Caucasus*, 2015, no. 1 (81), pp. 127-131. (In Russ.) https://elibrary.ru/trnkxh
8. Lappo M.A. The language game in the epistolary of V.Ya. Propp. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa = Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: the Linguistics of Creativity*, 2018, no. 2 (27), pp. 287-297. (In Russ.) https://elibrary.ru/uoiziy
9. Parsamova V.Ya. *The Linguistic Personality of a Scientist in Epistolary Texts: Based on the Letters of Yu.M. Lotman. Cand. Sci. (Philology) diss.* Saratov, 2004, 223 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/nnkqtx
10. Kuryanovich A.V The elite linguistic personality: modeling experience (based on the material of 20th-21st century Russian epistolary). *Vestnik nauki Sibiri = Bulletin of Siberian Science*, 2014, no. 3 (13), pp. 100-110. (In Russ.) https://elibrary.ru/smtosx
11. Nikitin O.V. "I'm waiting for changes in my fate": on V.V. Vinogradov's Vyatka letters to his wife (to the 130th anniversary since the scientist's birth). *Russkaya rech' = Russian Speech*, 2025, no. 5, pp. 113-127. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S0131611725050098, https://elibrary.ru/cevhjy
12. Kokunina E.V. *Correspondence as mediated dialog: a linguopragmatic aspect (based on the correspondence of I.S. Turgenev and his story "Correspondence"). Cand. Sci. (Philology) diss. abst.* Cherepovets, 2005, 22 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/nnnyqp
13. Belunova N.I. *Friendly Letters of the Creative Intelligentsia of the Late 19th – Early 20th Century (Genre and Text of the Letters)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2000, 140 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/ttjfkr

2025;11(4):865-878 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

14. Valeev N.M. *Epistolary Dialog with Teacher E.P. Baryshnikov*. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2025, 268 p. (In Russ.)
15. Baryshnikov E.P. *The Figurative Conception of the World in L.N. Tolstoy's Prose*. Moscow, Pero Publ., 2014, 272 p. (In Russ.)
16. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. *Educational environment. Language situation. Speech culture*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2007, 171 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qtsxmv
17. Fedorchenko P.Yu. *The Honorific Potential of Speech as the Basis of Ideal Speech Behavior. Cand. Sci. (Philology) diss. abst*. Belgorod, 2001, 21 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qdlasb
18. Akhmetova M.A., Khamidullin B.L. (comps.) *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "High Service to the Fatherland": Personalities in the Historical and Cultural Life of the Russian Province (on the Occasion of the 75th Anniversary of Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan N.M. Valeev)*. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2024, 424 p. (In Russ.) https://www.elibrary.ru/onoydk

Информация об авторах

ПОПОВА Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация, SPIN-код: 8450-3052, РИНЦ AuthorID: 693607, https://orcid.org/0000-0001-7757-1352, elenapopova2410@mail.ru

ПЛЕХАНОВА Людмила Петровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация, SPIN-код: 2184-3775, РИНЦ AuthorID: 829013, https://orcid.org/0000-0002-7157-9350, plehanov1947@mail.ru

Для контактов:
Попова Елена Александровна
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Поступила в редакцию 20.10.2025
Поступила после рецензирования 11.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Elena A. Popova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language and Literature Department, Head of the Russian Language and Literature Department, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation, SPIN-code: 8450-3052, RSCI AuthorID: 693607, https://orcid.org/0000-0001-7757-1352, elenapopova2410@mail.ru

Lyudmila P. Plekhanova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation, SPIN-code: 2184-3775, RSCI Author ID: 829013, https://orcid.org/0000-0002-7157-9350, plehanov1947@mail.ru

Corresponding author:
Elena A. Popova
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Received 20.10.2025
Revised 11.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):879-892
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.282.2
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892
Шифр научной специальности 5.9.5

Наименования частей тела человека в русских говорах Симбирского Поволжья

Янина Валерьевна Мызникова
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
y.myznikova@spbu.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Представлено исследование наименований частей тела в русских говорах Ульяновской области. Значимость соматизмов определяется тем, что это наиболее древний и устойчивый пласт основного словарного фонда языка. Изучение данной группы лексики позволяет выявить связанные с телом представления и стереотипы, которые нашли отражение в русской языковой картине мира. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В исследовании соматизмов применялись когнитивный, функциональный подходы, а также контекстуальные методики сбора и анализа материала. Анализ собранных в Симбирском Поволжье полевых данных, а также лексикографических источников позволил выявить специализацию диалектных и общерусских лексем. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В исследовании показано, что в нейтральных речевых контекстах достаточно редко удаётся зафиксировать какие-либо слова, отличные от литературных наименований частей тела. Для фиксации диалектных лексем необходимы типизированные речевые ситуации, когда диалектоноситель реагирует экспрессивным высказыванием. Опыт сбора и анализа такого рода лексики в Симбирском Поволжье показал, что нейтральные в эмоциональном отношении наименования частей тела диалектного характера являются единичными. При этом экспрессивное использование соматизмов, как правило, ограничивается рамками определённых устойчивых конструкций с вариативными компонентами (*куда тянешь (суёшь) свои пакши (краги, цапки), убери (подвинь) лапы (копыта, жерди, лытки, мослы)* и т. д.). ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Наибольшее число диалектизмов отмечено среди экспрессивных наименований рук, ног, живота, рта, губ. При этом очень часто в типизированных речевых оборотах с экспрессивными номинациями частей тела используется общеупотребительная просторечная лексика.

Ключевые слова: русские говоры, диалектная лексика, соматическая лексика, экспрессивная лексика, заимствование, просторечие, субстратная лексика

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Я.В. Мызникова – постановка проблемы исследования, сбор и анализ материала, формулировка выводов и результатов исследования, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Мызникова Я.В.* Наименования частей тела человека в русских говорах Симбирского Поволжья // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 879-892. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892

© Мызникова Я.В., 2025

2025;11(4):879-892 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892
OECD 6.02; ASJC 1203

Names of human body parts in Russian dialects of the Simbirsk Volga region

Yanina V. Myznikova ✉
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
✉ y.myznikova@spbu.ru

Abstract
INTRODUCTION. A study of body part names in Russian dialects of the Ulyanovsk region is presented. The significance of somatisms is determined by the fact that this is the most ancient and stable layer of the basic vocabulary of the language. The study of this group of vocabulary allows us to identify body-related ideas and stereotypes that are reflected in the Russian linguistic view of the world. MATERIALS AND METHODS. The study of somatisms utilized cognitive and functional approaches, as well as contextual methods of data collection and analysis. Analysis of field data collected in the Simbirsk Volga region, as well as lexicographic sources, allowed us to identify the specialization of dialectal and common Russian lexemes. RESULTS AND DISCUSSION. The study shows that in neutral speech contexts, it is quite rare to fix any words other than literary names for body parts. To record dialectal lexemes, typical speech situations are required, where the dialect speaker responds with an expressive utterance. Experience in collecting and analyzing this type of vocabulary in the Simbirsk Volga region has shown that emotionally neutral dialectal names for body parts are quite rare. Moreover, the expressive use of somatic expressions is generally limited to certain fixed constructions with variable components (*kuda tyanesh* (*suyosh*) *svoyi pakshi* (*kragi, tsapki*), *uberi* (*podvin*) *lapy* (*kopyta, zherdi, lytki, mosly*), etc.). CONCLUSION. The greatest number of dialectal words was found among expressive nouns for arms, legs, stomach, mouth, and lips. However, typical speech patterns with expressive nominations of body parts often use common vernacular vocabulary.

Keywords: Russian dialects, dialectal vocabulary, somatic vocabulary, expressive vocabulary, borrowing, colloquialism, substrate vocabulary

Funding. This study received no external funding.

Author's Contribution: Y.V. Myznikova – research problem statement, data collection and analysis, final conclusions formulating, writing – original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Myznikova, Y.V. Names of human body parts in Russian dialects of the Simbirsk Volga region. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):879-892. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-879-892

ВВЕДЕНИЕ

Соматическая лексика является частью основного словарного фонда любого языка, древнейшим пластом словарного состава, его наиболее стабильной частью. При этом исследователи-диалектологи отмечают специфику соматической лексики в русских народных говорах, ведь она выявляет представления человека о себе, как о естественной части окружающего мира [1, с. 36]. Изучение данной группы лексики в говорах показывает необходимость применения не только традиционных методов анализа тематической группы слов, но и других подходов, выявляющих специфику лексем именно этой сферы. Укажем часто применяемый исследователями соматизмов когнитивный подход,

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):879-892
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

кроме того, принципиально важный для данной группы функциональный подход, а также методики контекстуального анализа. Комплексный антропоцентрический подход к изучению традиционных представлений русских о человеке и его теле применяется в монографии Н.Е. Мазаловой [2].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Как предполагает В.Н. Гришанова, в названиях частей тела животного и человека первоначально или не было различия, или происходил перенос названия с животного на человека, так как он осознавал себя частью живой природы. «Неотделимость человека от окружающей природы, анатомическая невыделенность его среди других живых существ как свойство древнего мировосприятия оставили следы в диалектной речи» [3, с. 60-61]. Ощущая себя единым целым с природой, человек давал параллельные названия частям тел животных и подобным же частям своего тела (*морда, коготь, лапа, хвост, клешня*). Как считает Т.Е. Никулина, в диалектных системах указанные слова «законсервировали» свои значения. В литературном же языке произошло разделение анатомических наименований для человека и животных, в связи с чем указанные лексемы ушли на периферию, получили просторечную окраску и даже бранные коннотации [4, с. 311]. Указанные наименования, имеющие в настоящее время статус просторечных, в говорах можно расценивать как семантические диалектизмы, не имеющие стилистических вариантов [3, с. 62].

М.О. Леонтьева рассматривает соматическую лексику Русского Севера в функциональном аспекте и приходит к выводу: «Потребность номинаторов-диалектоносителей в обозначении частей тела во многом «покрывается» общенародной лексикой, а ресурсы собственно диалектной речи используются для того, чтобы отразить специализацию частей тела в условиях окружающего быта, «ущербность» отдельных органов или их болезненность» [5, с. 63]. Исследователь задаётся вопросом о том, чем обусловлено появление «избыточных» обозначений тех частей тела, которые уже имеют общенародное наименование. В качестве одной из основных причин М.О. Леонтьева указывает потребность языка в экспрессивах, в первую очередь, для тех частей тела, которые несут наибольшую функциональную нагрузку (глаза, руки, ноги, голова, рот). Также исследователь указывает на важность для носителей говоров в специальных наименований определённых рабочих частей тела (например, верхней части спины, лопаток) или чем-либо выделяющихся частей тела (например, толстого живота) [5, с. 59-61]. Наконец, учёный обращает внимание на привязку таких экспрессивных соматизмов к определённым контекстам «в составе однотипных возгласов, цель которых – одёрнуть собеседника, неумело выполняющего какую-либо работу, бездельничающего или ведущего себя неподобающим образом: «Ну и покалюки у тебя!» [5, с. 62].

Материалом для данного исследования послужили записи автора, сделанные во время диалектологических экспедиций с 2012 по 2024 г. в населённых пунктах Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского, Николаевского, Сурского, Сенгилеевского районов Ульяновской области, а также фрагменты диалектной речи из коллективной монографии «Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь» (Москва, 2012). Замечание М.О. Леонтьевой относительно контекстов или типизированных речевых ситуаций, когда говорящий-диалектоноситель реагирует экспрессивным высказыванием на взгляд собеседника, его неопрятную внешность, неумелые действия, является важным в методическом отношении при выработке принципов полевого сбора соматической лексики, так как в нейтральных речевых контекстах значительно реже удаётся зафиксировать какие-либо слова, отличные от литературных наименований частей тела. Таким образом, в исследовании соматизмов применяются когнитивный, функциональный подходы, а также контекстуальные методики сбора и анализа материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опыт сбора такого рода лексики в Ульяновской области показал, что нейтральные в

2025;11(4):879-892 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

эмоционально-экспрессивном отношении наименования диалектного (или просторечного) характера в сфере соматической лексики являются единичными. В наших материалах это ряд лексем, относящихся к наименованиям **спины**, **позвоночника**, **дыхательной** и **кровеносной систем**:

зако́рки ‘плечи’: *Ребёнка посадил на закорки.* Крестово-Городище Чердаклин.; лексема приводится в БАС с пометой *Простореч.* и значением ‘верхняя часть спины; заплечье’[1];

о́стов ‘позвоночник’: *Если так фспомнит’ пра пазваночник, остов он вроде был, держал фсё.* Барановка Николаев.; лексема приводится в БАС в значении ‘скелет, костяк’[2]; зафиксирована в СРНГ в значении ‘спина’[3];

прозвоно́чник ‘позвоночник’: *Празвоночник тут, лопатки, рёбры пошли.* Красная Река Старомайн.; имеется в СРНГ с пометами Вост. Закамье, Свердл., Р. Урал, Новосиб.[4];

звоно́к ‘позвонок’: *Пръзвоночник – эт у меня мама так гъворила, звонки, он из звонкоф.* Рязаново Мелекес.; не зафиксирована в БАС и в СРНГ;

каря́з ‘спина, поясница’: *Фспомнила я, как спину ран’шэ называли – каряс: ой, каряс балит! Эта паясница, паясница называлас’ каряс. Эт вот Мишка наш гъварил, он в бал’ницы лежал, гъварил: я с карязникими лежу.* Барановка Николаев.

ды́халка ‘лёгкие’: *Дыхалка у меня слабовата.* Крестово-Городище Чердаклин.; в БАС имеется лексема *дыхало* с указанием «*В просторечии*. Дыхательное горло»[5];

жи́ла ‘кровеносный сосуд: артерия, вена’: *Ран’шэ-тъ гъворили, што кроф’ течот по жылам.* Рязаново Мелекес.; приводится в БАС как общеупотребительное название кровеносного сосуда[6].

Из других неэкспрессивных наименований укажем зафиксированную в селе Телятниково Николаевской области субстратную лексику мордовского (эрзя) происхождения: ***пи́льге*** ‘нога’ (*Нога вся, полностью нога – пильге называется*, ср. эрзя *пильге* ‘нога’[7]); ***се́ди*** ‘сердце’ (*Сердце называли седи*, ср. эрзя *седей* ‘сердце’[8]); ***по́ти*** ‘грудь’ (ср. эрзя *поте* ‘грудь (женская)’[9]); ***кы́рга*** шея (ср. эрзя *кирьге* ‘шея; горло’, мокша *крга* ‘шея; горло’[10]), ***се́льме*** глаз (ср. эрзя *се́льме* ‘глаз’[11]) и др. К заимствованиям из эрзя относится и приведённая выше лексема ***каря́з*** ‘спина’, эрзя *каряз* 1) ‘спина’, 2) ‘позвоночник’, 3) ‘поясница’[12], эта лексема хорошо известна в сёлах Барановка и Телятниково, имеется и производная лексема *каря́зник* ‘человек, у которого болит спина’: *Эт вот Мишка наш гъварил, он в бал’ницы лежал, гъварил: я с карязникими лежу*. Барановка Николаев.

Отметим также, что для **сердца** зафиксированы экспрессивные наименования, но без отрицательных коннотаций: ***ретиво́е*** (*Ох, што-та ретивое у меня заходица*. Крестово-Городище Чердаклин.; зафиксировано в БАС с пометой *Народно-поэт.*)[13]; ***мото́р*** (*Это в шутку, конечно, но могли сказать, что мотор барахлит*. Барановка Николаев.). Экспрессивный характер наименований сердца обусловлен как источником этих лексем (народно-поэтическая речь и метафорический перенос), так и словесным и ситуативным контекстом: употреблением в составе устойчивых оборотов (*ретивое заходится* и *мотор барахлит*) в эмотивном речевом акте.

Далее обратимся к функционально значимым частям тела, получившим многочис-

[1] Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева (глав. ред.) и др. Москва; Ленинград, 1948–1965 (в тексте – БАС). Т. 4. С. 558.
[2] БАС. Т. 8. С. 1185.
[3] Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021 (в тексте – СРНГ). Вып. 24. С. 68.
[4] СРНГ. Вып. 32. С. 140.
[5] БАС. Т. 3. С. 1209.
[6] БАС. Т. 4. С. 147.
[7] Эрзянско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова и др. Москва: Рус. яз., Дигора, 1993. 803 с. (в тексте – ЭРС). С. 480.
[8] Там же. С. 573.
[9] Там же. С. 503.
[10] ЭРС. С. 266; Мокшанско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. Москва: Рус. яз., Дигора, 1998. С. 290.
[11] ЭРС. С. 578.
[12] Там же. С. 238.
[13] БАС. Т. 12. С. 1252.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):879-892
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ленные экспрессивные обозначения, это голова, прежде всего, лицо и его наиболее выделяющиеся элементы: глаза, нос, рот (губы), также к таким частям тела относятся руки, ноги, живот, ягодицы. Е.В. Брысина и Р.И. Кудряшова характеризуют такие группы номинаций, как динамичные по составу: «незамкнутость, подвижность, открытость этой группы соматической лексики проявляется в потенциальной способности её пополнения новыми словами» [6, с. 262].

Для обозначения **головы** в говорах Симбирского Поволжья нами зафиксированы два наиболее частотных экспрессивных наименования – ***башка́*** и ***калга́н***. Отметим, что в диалектной речи эти лексемы не имеют какой-либо негативной окраски, представляют собой просторечное, с грубоватым оттенком обозначение головы: *Голаву у нас называли калган, башка.* Барановка Николаев.; *Пъдними калган-та, пасмотри!* Крестово-Городище Чердаклин. Лексема *башка* с пометой *просторечное* представлено в БАС[14]. Лексема *калган* зафиксирована в СРНГ с территориальными пометами Перм., Том., Хакас., Краснояр., Пенз., Куйбыш., Ульян., Моск., Свердл., Ср. Урал, Краснояр.[15] В эрзя-мордовском языке находим: *колган* ‘череп’, *пря колган* ‘голова’[16], вероятно, эрзянское слово заимствовано из русского языка. Были отмечены и другие разговорные и просторечные наименования головы, в основе которых лежит метафорический перенос (*котелок, тыква* и др.).

Из наименований **лица** наиболее употребительными являются лексемы ***мо́рда*** и ***мурло́***. Лексема *морда* в БАС в значении ‘лицо человека’ имеет помету *грубо простореч.*[17], при этом, как было указано выше, в говорах данная лексема является стилистически нейтральной. Лексема *мурло* в БАС приводится с пометой *Простореч.* и значением ‘о лице человека (обычно широком, толстом)’[18]. В говорах данная лексема используется с ироническим оттенком: *Люб, дай мне личыко тваё в магазин схадит’! Тваё дай, а маё мурло, мол, ваз’ми, фсё равно ты тут капашися с нём.* Астрадамовка Сур. [7, т. 2, с. 624]. Также зафиксировано производное слово ***мурлы́шка*** с уменьшительно-ласкательным значением ‘личико, мордочка’: *Што ш ты так зава́рзалас ’, иди-къ суда, я тебя запонам-та утру, мурлышку-тъ твою!* Крестово-Городище Чердаклин.

Глаза, как самая выразительная в социальном взаимодействии часть лица, в русских говорах получили значительное число экспрессивных наименований, что отражено в отдельных, посвящённых диалектным наименованиям глаз, научных статьях [8; 9]. М.О. Леонтьева полагает, что негативную экспрессивную номинацию получают, как правило, вытаращенные глаза в определённых речевых ситуациях. Такие номинации «встречаются в составе однотипных по структуре возгласов в адрес собеседника, который, по мнению говорящего, ведёт себя неподобающим образом» [9, с. 412]. Действительно, значительная часть экспрессивных наименований глаз в говорах используется в сочетании с глаголом *вытаращить* (иногда *выпучить*): *Што ты вытарашшыл зенки, глядиш на меня!* Рязаново Мелекес.; *Выпучыла буркалы-тъ свои!* Крестово-Городище Чердаклин.; *Ну вытарашшыла свои лупозены!* Рязаново Мелекес.

Некоторые употребительные в говорах Симбирского Поволжья экспрессивные обозначения глаз зафиксированы в БАС с пометами «просторечное», «уничижительное» и «презрительное»:

бе́льмы – зафиксировано в БАС с указанием «в просторечии и *обл.* <…> (уничиж.)»[19];

бу́ркалы – в БАС: «в просторечии глаза (в презрительном или насмешливом смысле)»[20], там же приводятся иллюстрации из произведений М. Горького; также зафиксирован фонетический вариант ***бу́ркулы*** (Верхняя Маза Радищев.);

зе́нки – зафиксировано в БАС с комментарием «простореч. То же, что глаза» и с иллюстрациями из произведений писателей

[14] БАС. Т. 1. С. 301.
[15] СРНГ. Вып. 12. С. 342.
[16] ЭРС. С. 277.
[17] БАС. Т. 6. С. 1255.
[18] Там же. С. 1374.
[19] БАС. Т. 1. С. 390.
[20] Там же. С. 698.

2025;11(4):879-892 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Повожья – П.И. Мельникова-Печерского, М. Горького, Е.Н. Чирикова[21];

гляде́лки – зафиксировано в БАС с указанием «в просторечии и *обл.*»[22].

Т.Е. Никулина характеризует как «реликт прошлого» экспрессивное наименование *лупыши*, соседствующее с номинациями *глаза* и *зенки*. Однако приводимые автором данные свидетельствуют о высокой активности данного корня (*луп-*) для экспрессивной номинации глаз в костромских говорах: «представлен словообразовательный синонимический ряд *лупыши – лупаны – лупетки* в значении ‘глаза’», однокоренные слова *лупыч* и *лупоглаз* ‘человек с большими навыкат глазами’» [4, с. 316].

Мотивирующая основа этих слов – глагол *лупить* – приводится в БАС с пометой *Простореч.* и значением «Широко раскрывать, таращить. О глазах.», там же есть и общеупотребительное слово *лупоглазый* (*Простореч.* «С глазами на выкате; с большими круглыми глазами»), а также *лупоглазенький* (*Простореч. Ласк.* к *лупоглазый*)[23].

В наших материалах зафиксировано несколько экспрессивных производных общерусского глагола: ***лупозе́ны*** ‘глаза (большие, выпученные)’: *Ну вытарашшыла свои лупозены!* Рязаново Мелекес.; ***лу́полки*** (Верхняя Маза Радищев.); ***лупо́шки*** (*Глаза – и гляделки гаварили на глаза, зенки, лупошки.* Барановка Николаев.). Лексема *луполы* (*луполки*) с вариантами зафиксирована в СРНГ[24], в целом же многочисленные производные от глагола *лупить* можно считать интердиалектными словами. Узколокальных наименований для глаз в наших материалах не зафиксировано, диалектоносители используют просторечные и интердиалектные слова.

Похожая ситуация выявляется для обозначения **носа** в русских говорах Симбирского Поволжья. Для экспрессивной номинации носа используются просторечные лексемы:

шнобель ‘большой нос’: *Если нос тарчит сильна, то скажут: «Вон какой у нево шнобель»*. Барановка Николаев.;

сопа́тка (*груб.*) ‘нос’: *Щас как поросну по сапатке-та, умоешся кровью!* Крестово-Городище Чердаклин., приводится в БАС с пометой *Грубо простореч.*[25];

сопе́льник ‘нос’: *Утри сопел’ник-та!* Крестово-Городище Чердаклин., просторечная лексема, не зафиксирована в БАС.

Лексемы *сопатка* и *сопельник* являются производными от глагола *сопеть* ‘издавать носом свистящие звуки’[26]. Лексема *сопатка*, как правило, используется в определённых речевых ситуациях в составе однотипных по структуре сочетаний типа *полоснуть (поросну́ть), съездить, треснуть по сопатке*[27].

Для экспрессивной номинации **рта** и **губ** в русских говорах Симбирского Поволжья используются лексемы, зафиксированные в СРНГ:

хаба́льник ‘рот’: *Да «не разевай хабал’ник-та!» могли сказат’.* Красная Река Старомайн.; *Што разинул хабал’ник?* Большая Кандала Старомайн.; приводится в СРНГ с иллюстрацией «Хабальник-то открыла, визжишь-то чего, чего ругаешься? Кириш. Ленингр., 2005»[28]; чаще всего используется в устойчивом сочетании *разинуть (раскрыть, открыть) хабальник* ‘начать кричать, ругаться’;

хайло́ (*груб.*) ‘рот’: *Он вет’ как раскроит своё хайло…* Крестово-Городище Чердаклин.; есть в СРНГ в значениях «рот, горло, глотка; пасть», с территориальными пометами Волог., Олон., КАССР, Сев.-Двин., Арх., Твер., Калин., Влад., Яросл., Ряз., Калуж., Курск., Пенз., Сарат. Волж.-Свияж., Морд. Ворон., Краснодар., Симб., Вят. и др.[29]; лексема является интердиалектной, зафиксирована в таком же значении у владимирских и костромских офеней [10, с. 661];

суса́лы ‘рот, губы’: *Вытри сусалы-та!* Крестово-Городище Чердаклин.; есть в СРНГ в значениях ‘рот’ (*Что сусалы-то разинул?* Яросл.), ‘губы’ (Иван.), ‘нижняя часть лица’

[21] БАС. Т. 4. С. 1213.
[22] БАС. Т. 3. С. 165.
[23] БАС. Т. 6. С. 399.
[24] СРНГ. Вып. 17. С. 198.
[25] БАС. Т. 14. С. 288.
[26] Там же. С. 292.
[27] Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 2. Санкт-Петербург: Наука, 2013 (в тексте – СРГМ). С. 1206.
[28] СРНГ. Вып. 49. С. 215.
[29] Там же. С. 240.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):879-892
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

(Яросл.)[30]; в СРГМ приводится устойчивое сочетание *дать по сусалам* в значении ‘ударить по скулам’[31]; в донских говорах фиксируется в значении ‘скулы’ с иллюстрациями *Сусалы вытри!* и *дать по сусалам*, в тульских говорах – ‘щёки, скулы’, в «Кашинском словаре»: ‘губы, лицо, рожа’ [11, с. 578; 12, с. 261; 13, с. 169]; таким образом, данная лексема преимущественно используется в устойчивых сочетаниях *сусалы вытри* и *дать по сусалам*, что, на наш взгляд, свидетельствует о диффузной семантике, связанной с губами и нижней частью лица;

брылы́ ‘губы’: *У нас мамка фсё время гъворила: чо брылы-тъ накрасили краснай краскай?* Рязаново Мелекес. *Как вот щас дам по брылам!* Рязаново Мелекес.; в СРНГ представлено в вариантах *брыле́*, *брыли́* ‘губы у человека’ и с иллюстрациями «*Ударил по брылям.* Тамб., Курск. *Чего брыле́ -то распустил? Подбери брыле́ !* Тул.», а также *бры́ли* ‘щёки’ Яросл., Тамб. и ‘лицо’ Дон.[32];

брюлы́ ‘губы’: *Падбери брюлы-та, распустила!* Крестово-Городище Чердаклин., в СРНГ зафиксировано: *брюла́* ‘нижняя губа’ с пометами Черепов., Новг.; *брю́ли* ‘слюни, текущие у детей, когда они плачут’ с иллюстрацией «*Что брюли-то распустил?* Онеж. Арх.,1885»[33].

Иллюстративный материал свидетельствует о том, что экспрессивные лексемы *брылы* и *брюлы* используются чаще всего в составе устойчивых сочетаний *подбери брылы (брюлы)*, *брылы (брюлы) распустил(а)*, как правило, в значении ‘перестань ныть, реветь’, а также в составе выражения *дать по брылам* ‘наказать’.

Отметим и ещё одно зафиксированное нами значение лексемы *брылы* – ‘брови’: *Тамара-тъ наша брылы-тъ апустила, как сердитый такой челавек* (показывает на брови). *Кагда ана такая не в настраении, мы гаварим, брылы-та апустила приехала.* Барановка Николаев. Таким образом, данной экспрессивной лексемой может быть обозначено всё, что выделяется, свисает на поверхности лица, часто используются сочетания *распустила брылы*, *опустила брылы*. Аналогичное значение зафиксировано в говорах Самарской области для лексемы *брыла́* – ‘брови’: *Вон пошёл, брыла навесил – обиделся, значит* (Приволж.) [14, с. 30].

К лексемам *брылы* и *брюлы* по формальным и семантическим признакам примыкает лексема ***брыжжи́*** ‘нижняя часть полных щёк’, которая тоже обозначает выделяющуюся, свисающую часть лица: *Брыжжыта пасмотри какие у нево.* Крестово-Городище Чердаклин. *Развесил, гът, брыжжы свои, как у свин’йи!* Рязаново Мелекес. Лексема не зафиксирована в БАС, в СРНГ приводится в значении ‘оборки на одежде’.

В целом экспрессивные номинации рта, губ содержат негативные коннотации, связывающие губы, рот с источником таких неприятных проявлений поведения человека, как крик, плач, ругань.

Для такой важной части лица, как **уши** в наших материалах зафиксирована только одна нелитературная номинация ***слышалки:*** *Уши у нас слышалки называли.* Барановка Николаев.

Для наименований волос, помимо литературной, преимущественно используется просторечная лексика: *патлы* (также *паталы*), *лохмы*, *космы*; для залысины – *плешина*, *проплешина*.

Один из самых больших синонимических рядов в сфере анатомической лексики составляют наименования **рук.** С.В. Барацевич пишет: «В семантической структуре диалектизмов данной подгруппы имеется сразу несколько значимых участков: это семантика действия, связанная с процессом трудовой деятельности, и различные ассоциативные связи, устанавливаемые языковым сознанием носителей языка в результате восприятия формы, размера и других значимых характеристик конечностей тела и их сопоставления с объектами хозяйственного и бытового окружения» [15, с. 104]. В этой подгруппе анатомической лексики большая часть единиц относится диалектизмам. Помимо просторечного общеупотребительного *лапы*, в говорах Симбирского Поволжья зафиксированы

[30] СРНГ. Вып. 42. С. 294.
[31] СРГМ. Ч. 2. С. 1275.
[32] СРНГ. Вып. 3. С. 217.
[33] Там же. С. 222.

2025;11(4):879-892 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

следующие, как правило, экспрессивные, наименования рук:

каля́пы ‘руки’ (Верхняя Маза Радищев.), лексема отсутствует в БАС, СРНГ; в русских говорах Мордовии приводится в значении ‘пальцы рук и ног’[34]; в костромских говорах зафиксированы *каляпы* ‘руки’ [4, с. 314] и *коля́пки* ‘руки’: «Что вот у тебя – руки или коляпки? Он делает, а у него из рук падает» (Костр.) [5, с. 60];

кли́псы (*груб.*) ‘руки’: *Чэво ты суёш свои… цапли, клипсы. Тожэ звали «клипсы» руки.* Красная Река Старомайн.; в СРНГ приводится *кли́пы* ‘о руках’ с территориальными пометами Кинеш. Костром.[35]; в русских говорах Мордовии зафиксирована лексема *клипа* – «*Экспр.* Рука»[36]; в ярославских говорах отмечены лексемы *клы́па* и *кли́па* – «*Пренебр.* Рука»[37];

кра́ги (*груб.*) ‘руки’: *Убери свои краги! Куда тянеш свои краги!* Рязаново Мелекес.; лексема отсутствует в БАС, СРНГ; возможен метонимический перенос значения: *краги* – ‘кожаные или меховые рукавицы’[38];

па́кши ‘руки’: *Руки вот бабушка называла пакшы.* Барановка Николаев.; в СРНГ приводится *пакша* со значениями ‘рука, кисть руки’ (с пометами Арх., Новг., Вят., Краснояр.), ‘ручища, лапища’ (Арх., Беломор., Вят.), ‘левая рука’ (Новг.), ‘ладонь’ (Арх.), ‘грязная рука’ (Арх.)[39];

лексемы ***ца́пли, ца́пки, ца́пы:*** *Куды ты тяниш-та сваи цапки?* Крестово-Городище Чердаклин.; в СРНГ приводится *цапли* (*Чего цапли выставляешь?* Морд.)[40]; лексемы являются производными от глагола *цапать* ‘хватать’ – наименование по функциональному признаку, по основному выполняемому действию.

Отдельно укажем диалектное наименование левой руки – ***люкша́***: *Опят’ люкшой еш, воз’ми лошку ф правую руку!* Крестово-Городище Чердаклин. Данная лексема зафиксирована в СРНГ в значении ‘левая рука’ и с территориальными пометами Твер., Нижегор., Симб. Эта же лексема имеет второе значение – ‘левша’, в СРНГ для этого значения приводятся пометы: Твер., Нижегор., Симб., Новг., Пенз., Сарат., Самар., Оренб., Уральск[41].

Диалектные наименования рук представляют собой экспрессивные наименования неловких, неумелых рук (*каляпы*) или ситуативную реакцию на нежелательное действие, в составе устойчивых оборотов типа *куда тянешь (суёшь) свои пакши (краги, цапки), убери свои пакши (краги, цапки).*

Ещё одну значительную группу лексем составляют наименования **ног** и их частей. Ввиду важности этой части тела в процессах трудовой деятельности и в социальном взаимодействии, а также при восприятии внешности человека существуют различные по способу номинации синонимы к слову *ноги*:

ити́ги (*экспр.*) ‘ноги’: *Ноги – итиги, бабушка у нас гаварила: чо вытянул сваи итиги?* Барановка Николаев.; фонетически вариантная лексема *ичиги* со значением ‘кожаная обувь без каблуков’ присутствует в СРНГ, пометы указывают на её использование на территории Сибири[42]; в данном случае, видимо, имеется результат метонимического переноса;

жерди (*экспр.*) ‘длинные ноги’: *А то: убери сваи жэрди!* Барановка Николаев.; лексема является результатом метафорического переноса на основе внешнего сходства;

[34] СРГМ. Ч. 1. С. 342.
[35] СРНГ. Вып. 13. С. 299.
[36] СРГМ. Ч. 1. С. 374; Словарь говора села Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия: в 2 ч. / авт.-сост. А.И. Витов и др., под общ. ред. Э.Н. Акимовой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022 (в тексте – СГСС). Ч. 1. С. 310.
[37] Ярославский областной словарь: в 10 т. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991 (в тексте – ЯОС). Т. 5. С. 38; Ярославский областной словарь. Дополнения: в 2 т. / сост. М.Т. Афанасьева и др. Ярославль: РИО ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2015 (в тексте – ЯОСД). Т. 1. С. 306.
[38] Псковский областной словарь с историческими данными / ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская и др. Вып. 1–28. Ленинград/Санкт-Петербург, 1967–2020. Вып. 16. С. 53; Словарь говоров Русского Севера / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького; авт.-сост. Ю.В. Алабугина и др.; под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018. Т. 1–7. Т. 6. С. 130.
[39] СРНГ. Вып. 25. С. 162.
[40] СРНГ. Вып. 52. С. 275.
[41] СРНГ. Вып. 17. С. 244.
[42] СРНГ. Вып. 12. С. 274.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):879-892
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

лы́тки (*экспр.*) ‘длинные ноги’: *Отрастила лытки-тъ, убери!* Крестово-Городище Чердаклин.; лексема присутствует в БАС с пометой *Простореч.* в значении ‘икры, голени’[43];

мослы́ (*экспр.*) ‘худые, длинные ноги’: *Худые ноги – маслы: убери сваи маслы!* Барановка Николаев.; в БАС находим *мосол* с пометой *Простореч.* в значении ‘большая кость, преимущественно бедренная, большой сустав; вообще – выступающая кость’[44]; используется в переносном значении;

мосоло́к (*уменьш.-ласк.*) ‘косточка, сустав’: *Там вон шишыкалка вот мъсолкú таке* . Красная Река Старомайн.; имеется в БАС с пометой *Простореч. Уменын.-ласк.* к *мосол*[45];

оглобли (*экспр.*) ‘ноги’: *Длинноногая, свои оглобли убери!* Барановка Николаев.; лексема представляет собой результат метафорического переноса на основе внешнего сходства;

пи́льге ‘нога’: *Нога вся, полностью нога – пильге называется.* Телятниково Николаев.; субстратная лексема из эрзя-мордовского языка, ср. эрзя *пильге* ‘нога’[46];

ходуны, ходунки ‘ноги’: *Ой, ходунки болят. Ходунки. Ходунки мои. Вот пожилые: ходуны-то болят у меня уже.* Барановка Николаев.; лексемы мотивированы глаголом *ходить,* представляют собой номинацию по функциональному признаку;

швырла́пы (*экспр.*) ‘ноги’: *Ноги швырлапы вот звали.* Большая Кандала Старомайн.; производное от лексемы *лапы*;

ла́па (*экспр.*) ‘ступня, нижняя часть ноги до щиколотки’: *Там вон шишыкалка вот мосолки таке. Там вот лапа, а эта вот шишыкалки пошли.* Красная Река Старомайн.; имеется в БАС с пометой *Простореч.* ‘о руке, ноге человека’[47];

голяшка ‘голень’: *У меня голяшки зябнут.* Красная Река Старомайн.; лексема представлена в БАС с пометой «*В просторечии и обл.*» ‘то же, что голень; голые икры ног’[48];

щи́колка ‘щиколотка’: *Там вот лапа, а эта вот шишыкалки пошли.* Красная Река Старомайн.; имеется в БАС с пометой *Простореч.* и значением ‘лодыжка’[49].

Помимо указанных выше, в отношении ног в целом используются и такие экспрессивные просторечные названия, как *лапы*, *копыта*. Чаще всего экспрессивные номинации используются в составе устойчивых сочетаний типа *убери (подвинь) лапы (копыта, жерди, лытки, мослы)* или *вытянул (отрастил, расставил) итиги (лытки, оглобли)*.

Способы номинации ног в говорах Симбирского Поволжья отличаются большим разнообразием: это и зооморфные наименования (*лапы, швырлапы, копыта*), различные способы переноса наименований (*жерди, оглобли, итиги, мослы, мосолки*), отглагольные производные функционального характера (*ходуны, ходунки*). С ареальной точки зрения среди наименований ног зафиксировано незначительное число диалектных слов: *итиги*, *пильге*, *швырлапы*; к интердиалектным лексемам можно отнести слова *голяшка* и *щиколка*. Остальные слова можно квалифицировать как просторечные (*лытки*, *мослы*, *ходунки*, *лапы*, *оглобли*).

Туловище человека имеет две выделяющиеся, выступающие части, тесно связанные с функционированием внутренних органов и здоровьем – это живот спереди и ягодицы сзади. **Живот** – это ещё одна часть тела, имеющая экспрессивные наименования, как правило, они относятся к большому, выделяющемуся животу. При этом значимое для литературного языка разграничение внешних и внутренних органов и выделение различных органов в системе пищеварения не является столь же важным и необходимым в лексической системе говоров. Внешние характеристики живота в говорах зачастую тесно взаимосвязаны с качеством работы внутренних органов пищеварения: проблемы во внутренних органах и переедание приводят к увеличению внешнего объёма живота. «Названные причины способствуют возникновению в сознании носителей языка ассоциативных связей между животом и желудком и

[43] БАС. Т. 6. С. 413.
[44] Там же. С. 1287.
[45] Там же.
[46] ЭРС. С. 480.
[47] БАС. Т. 6. С. 59.
[48] БАС. Т. 3. С. 210.
[49] БАС. Т. 17. С. 1690.

2025;11(4):879-892 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

развитию полисемантизма лексем, называющих эти части тела» [1, с. 42]. В связи с чем С.В. Барацевич находит целесообразным рассматривать диалектизмы, называющие живот и желудок, вместе [1, с. 42].

Помимо общеупотребительных лексем ***брюхо*** и ***пузо***, зафиксированы следующие диалектные наименования живота:

ке́зево (*экспр.*) ‘живот, брюхо’: *Жывот – кезева: атрастил кезева!* Барановка Николаев.; в СРНГ приводится с территориальными пометами Нижегор., Влад., Моск. Вост., Самар., Пенз., Ворон., Урал, Олон.[50]; также отмечено в СПГ: *кезево* ‘живот, брюхо’; в СРГМ: *ке́зев, ке́зево, ке́сево* ‘живот’; в СГСС: *кесево, кезево* ‘живот’[51];

ке́зя (*экспр.*) ‘живот, брюхо’: *Вот эта кезю нает!* Барановка Николаев.; в СРНГ приводится *Кезя* ‘прозвище человека с большим брюхом, брюхан’ с территориальными пометами Черепов., Новг., а также имеются словообразовательные и грамматические варианты *кезюк* ‘живот, брюхо’ (Пск., Твер., Костром.), *кезо* ‘большой живот, брюхо’ (Яросл.), *кезуля* ‘живот, брюхо’ (Олон.)[52];

те́зево (*экспр.*) ‘живот, брюхо’: *Вон он идёт, тезива-тъ распустил! Твоё тезива и камнями-та не прокормиш!* Крестово-Городище Чердаклин.; в СРНГ приводится с территориальными пометами Влад., Новг., Нижегор., Симб., Пенз., Самар., Вост. Закамье[53]; также зафиксировано в русских говорах Поволжья и смоленских говорах в значении ‘живот, брюхо’[54].

Для выявления источника указанных лексем обратимся к данным, приведённым в монографии М.Н. Приёмышевой «Тайные и условные языки в России XIX в.» (Санкт-Петербург, 2009): в словниках арготической лексики торговцев г. Нерехты Костромской губернии находим: ‘брюхо’ – *ке́зик, ке́зюк* [10, с. 116]; в словниках арготической лексики торговцев г. Кашина Тверской губернии находим: ‘брюхо, пузо, живот’ – *ке́зо* [10, с. 138].

Таким образом, источником лексем *кезево, кезя, кезо, кезюк* может быть арготическая лексика торговцев Костромской и Тверской губерний. Лексема *тезево* могла возникнуть в результате фонетического изменения *к’ > т’* (*к’езево > т’езево*), что является характерной фонетической особенностью для русских говоров в Симбирском Поволжье: *рук’и > рут’и, ног’и > нод’и*.

В ситуациях, когда информанты жалуются на дискомфорт внутри, в системе пищеварения, используется соответствующая лексика, связанная с внутренними органами. Семантика таких лексем не соотносится с отдельными анатомическими терминами (желудок, кишечник, поджелудочная, печень), синкретично включает либо часть, либо всю систему пищеварения:

требухá ‘кишечник, органы пищеварения’: *Чэм ты меня накормила: аш фся требуха болит!* Крестово-Городище Чердаклин.; приводится в БАС с толкованием «*Простореч.* О внутренностях человека»[55];

нутрó ‘живот, внутренности’: *Моя мама фсегда гъворила: фсё нутро ломит, фсё нутро болит.* Рязаново Мелекес.; отмечено в БАС с толкованием «*Простореч.* Внутренние органы человека»[56];

фонематические варианты: ***нутрá*** ‘живот, внутренности’: *У нево сгнила фся нутра.* Красная Река Старомайн.; в СРНГ приводится с территориальными пометами Орл., Вят.[57];

нутрё ‘живот, внутренности’: *В жывате – нутрё: ой, нутрё балит!* Барановка Николаев.; в СРНГ зафиксировано с территориальными пометами Тул., Орл., Ворон., Дон., Ряз., Пенз., Тамб., Смол., Калуж.[58].

[50] СРНГ. Вып. 13. С. 175.
[51] Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002 (в тексте – СПГ). Т. 1. С. 386; СРГМ. Ч. 1. С. 359; СГСС. Ч. 2. С. 302.
[52] СРНГ. Вып. 13. С. 176.
[53] СРНГ. Вып. 43. С. 337.
[54] Диалектный словарь Нижегородской области / редкол. Л.А. Климкова и др. Вып. 1–2. Нижний Новгород, 2013–2014. Вып. 2. С. 14; *Моисеенко М.Ф.* Словарь русских говоров Волжско-Свияжского Междуречья. Казань, 2002. С. 137; Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой, Е.Н. Борисовой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005. Вып. 10. С. 174; ЯОСД. Т. 2. С. 316.
[55] БАС. Т. 15. С. 858.
[56] БАС. Т. 7. С. 1454.
[57] СРНГ. Вып. 21. С. 318.
[58] Там же.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):879-892
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Следует отметить, что наименования внутренних органов используются преимущественно в устойчивых сочетаниях типа *нутро (требуха) болит (ноет, ломит)*.

Наименования **ягодиц** чаще всего отражают функциональные и визуальные особенности этой части тела. Так, общеупотребительная лексема *гузно́* источником происхождения имеет индоевропейский корень с семантикой ‘бугор, ком, нарост’ [16, с. 471]. Семантика наименований ягодиц в русских говорах отражает такие характеристики, как значительный объём, размер, а также функциональная характеристика ягодиц, как средства размещения человека на ограниченной поверхности. В говорах Симбирского Поволжья, помимо частотных грубо-просторечных наименований, были зафиксированы следующие лексемы:

гузно́ ‘седалище у человека или животного’: *Куда гузно-та своё приткнут’?* Крестово-Городище Чердаклин.; приводится в БАС с пометой «*В просторечии*: Зад у человека или животного»[59];

корма́ (*экспр.*) ‘ягодицы’: *Зат – карма: падвин’ сваю карму!* Барановка Николаев.; не отмечено в СРНГ, БАС, лексема является результатом метафорического переноса значения;

тононо́ (*экспр.*) ‘ягодицы’: *Прижми танано-та, подвин’ся!* Крестово-Городище Чердаклин.; диалектная лексема, является узколокальной, в словарях не зафиксирована.

Вновь отметим тяготение приведённых лексем к определённым контекстам: *подвинь (прижми) гузно (корму, тононо)*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрения соматической лексики в говорах Симбирского Поволжья, необходимо ещё раз остановиться на важнейших её особенностях. Во-первых, данную тематическую группу следует анализировать в функциональном аспекте. Тогда можно заметить, что в нейтральных контекстах используется общеупотребительная нормативная лексика. В то же время в некоторых типизированных ситуациях, в оценочных (порицающих) или директивных речевых актах с эмоциональной компонентой у диалектоносителей появляется потребность в дополнительных экспрессивных средствах для номинации частей тела. Прежде всего это относится к наиболее значимым частям тела как в функциональном отношении (руки, ноги), так и в социальном плане, например, для установления контакта и поддержания взаимодействия (голова, глаза, рот). Также выявляется потребность в дополнительных эмоционально окрашенных средствах для реализации выделительно-дифференцирующей функции номинаций таких частей тела, как живот, нос, губы и т. д.

При этом экспрессивное использование соматизмов, как правило, ограничивается рамками определённых устойчивых конструкций с вариативными компонентами (*куда тянешь (суёшь) свои пакши (краги, цапки), убери (подвинь) лапы (копыта, жерди, лытки, мослы), ретивое заходится, мотор барахлит*) и т. д. При этом в лексико-семантических группах (синонимических рядах) с преимущественно экспрессивными номинациями в рамках определённых типизированных оборотов используется большей частью общеупотребительная просторечная лексика: *мурло, лапы, брылы, мослы, сопатка* и др., часть которой в толковом словаре (БАС) имеет помету *«Грубое»*. В сельском социуме подобная лексика зачастую имеет скорее ироническую или просто шутливую окрашенность, ср. использование таких лексем, как *мурлышка, сопатка, кезя, лапы* и др. в шуточном обращении к детям.

Однако в некоторых подгруппах соматизмов зафиксирована и диалектная лексика. Наибольшее число диалектизмов отмечено среди экспрессивных наименований рук (*каляпы, клипсы, краги, цапли, пакши* и др.), живота (*тезево, кезево, кезя*; также грамматический и фонематический диалектизмы *нутра, нутрё*), рта, губ (*брюлы, сусалы, хайло, хабальник*). Единичные диалектные элементы выявлены среди наименований ягодиц (*тононо*), ног (*итиги*), спины (*каряз*), позвоночника (*прозвоночник*), глаз (*лупозены, лупошки*).

[59] БАС. Т. 3. С. 475.

2025;11(4):879-892 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Список источников

1. *Барацевич С.Б.* Названия частей туловища человека в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. С. 36-48. https://elibrary.ru/swrbdd
2. *Мазалова Н.Е.* Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2001. 192 с. https://elibrary.ru/qjbbrz
3. *Гришанова В.Н.* Анатомические названия в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. Санкт-Петербург: Наука, 2003. С. 59-65. https://elibrary.ru/qquesf
4. *Никулина Т.Е.* К специфике функционирования анатомической лексики в костромских говорах (на материале речи пыщуган) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. С. 310-317. https://elibrary.ru/swqwav
5. *Леонтьева М.О.* К изучению семантических особенностей соматической лексики Русского Севера // Актуальные вопросы филологической науки XXI века, сб. ст. VII Международной научной конференции молодых учёных. Часть I. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2018. С. 58-64. https://elibrary.ru/xrtpbz
6. *Брысина Е.В., Кудряшова Р.И.* Соматическая лексика в донских говорах Волгоградской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. Санкт-Петербург: Наука, 2004. С. 260-266. https://elibrary.ru/tjqqqh
7. Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Т. 2 / колл. авт. И.С. Кызласова, А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова и др. Москва: Индрик, 2012. 662 с. https://elibrary.ru/qpxrkn
8. *Барацевич С.В.* Диалектные названия глаз в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 280-286. https://elibrary.ru/ysvavu
9. *Леонтьева М.О.* Негативно маркированные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2019. № 13. С. 411-424. https://elibrary.ru/olbqup
10. *Приёмышева М.Н.* Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 2: Приложения. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 711 с. https://elibrary.ru/ubaykj
11. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 703 с. https://elibrary.ru/qwpxdz
12. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 3 (по итогам диалектологических экспедиций и разысканий 2010 г.) / Д.А. Романов, Н.А. Красовская. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. 285 с. https://elibrary.ru/rasopp
13. *Смирнов И.Т.* Кашинский словарь. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1901. 212 с.
14. *Баженова Т.Е.* Тематический словарь самарских говоров. Самара, 2020. 191 с. https://elibrary.ru/gkaaab
15. *Барацевич С.Б.* Названия рук и их частей в орловских говорах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 4. С. 103-112. https://elibrary.ru/pjcbgb
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. Москва: Прогресс, 1987. 576 с.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):879-892
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

References

1. Baratsevich S.B. Names of human body parts in the Orel dialects. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2013 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2013*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, pp. 36-48. (In Russ). https://elibrary.ru/swrbdd
2. Mazalova N.E. *Human Composition: The Human Being in Traditional Russian Somatic Conceptions*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001. 192 p. (In Russ). https://elibrary.ru/qjbbrz
3. Grishanova V.N. Anatomical names in the dialect of one village. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2000 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2000*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 59-65. (In Russ). https://elibrary.ru/qquesf
4. Nikulina T.E. On the Specifics of the functioning of anatomical vocabulary in the Kostroma dialects (based on the speech of the pyshchugans). *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2012 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2012*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 310-317. (In Russ). https://elibrary.ru/swqwav
5. Leonteva M.O. To the study of the semantic features of somatic vocabulary of the Russian North. *Sbornik statey VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh «Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka». Chast' I = Collection of articles from the 7th International Scientific Conference of Young Scientists "Current Issues of Philological Science in the 21st Century"*. Yekaterinburg, "Izdatel'stvo UMTs UPI" LLC, 2018, ch. 1, pp. 58-64. (In Russ). https://elibrary.ru/xrtpbz
6. Brysina E.V., Kudryashova R.I. Somatic vocabulary in the Don dialects of the Volgograd region. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2001–2004 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2001–2004*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 260-266. (In Russ). https://elibrary.ru/tjqqqh
7. Kyzlasova I.S., Lipatova A.P., Matlin M.G. et. al. *The Traditional Culture of the Ulyanovsk Prisurye. The Ethnodialect Dictionary. Vol. 2*. Moscow, Indrik Publ., 2012, 662 p. (In Russ). https://elibrary.ru/qpxrkn
8. Baratsevich S.V. Dialectal names for eyes in the Oryol dialects. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2008*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 280-286. (In Russ). https://elibrary.ru/ysvavu
9. Leonteva M.O. Eyes designations with pejorative semantics in Russian dialects from semantical and motivational viewpoint. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019 = Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2019*. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS Publ., 2019, pp. 411-424. (In Russ). https://elibrary.ru/olbqup
10. Priemysheva M.N. *Secret and Conventional Languages in 19th-Century Russia. Part 2: Appendices*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, 711 p. (In Russ). https://elibrary.ru/ubaykj
11. Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. *Dictionary of Don Dialects of the Volgograd Region: approximately 17,000 words*. Volgograd, Izdatel' Publ., 2011, 703 p. (In Russ). https://elibrary.ru/qwpxdz
12. Romanov D.A., Krasovskaya N.A. *Materials for the Dictionary of Tula Dialects. Part 3 (Based on the Results of Dialectological Expeditions and Research in 2010).* Tula, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University Publ. House, 2011, 285 p. (In Russ). https://elibrary.ru/rasopp
13. Smirnov I.T. *Kashin Dictionary*. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1901, 212 p. (In Russ).
14. Bazhenova T.E. *Thematic Dictionary of Samara Dialects*. Samara, 2020, 191 p. (In Russ). https://elibrary.ru/gkaaab
15. Baratsevich S.B. The nominations of arms and parts of the arms in Orel dialects. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2012, vol. 1, no. 4, pp. 103-112. (In Russ). https://elibrary.ru/pjcbgb
16. Vasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1*. Moscow, Progress Publ., 1987, 576 p. (In Russ).

2025;11(4):879-892 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Информация об авторе

МЫЗНИКОВА Янина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: 5287-5976, РИНЦ AuthorID 335849, ResearcherID: C-2422-2016, Scopus Author ID: 57219246323, https://orcid.org/0000-0003-1092-8219, y.myznikova@spbu.ru

Поступила в редакцию 18.10.2025
Поступила после рецензирования 15.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Yanina V. Myznikova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Russian Language Department, Saint Petersburg State University, Russian Federation, SPIN-code: 5287-5976, RSCI AuthorID 335849, ResearcherID: C-2422-2016, Scopus Author ID: 57219246323, https://orcid.org/0000-0003-1092-8219, y.myznikova@spbu.ru

Received 18.10.2025
Revised 15.11.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):893-902
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811.111
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-893-902
Шифр научной специальности 5.9.6

Моделирование причинно-следственных отношений: когнитивный аспект (на примере английского языка)

Светлана Григорьевна Виноградова [1] ✉, **Дарья Владимировна Тюрникова** [2]
[1] ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
[2] ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
✉ vinogradova.sg@yandex.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Причинно-следственные отношения (ПСО) являются объектом исследования ряда наук, прежде всего философии, логики и лингвистики. На современном этапе развития науки о языке актуальным представляется изучение ПСО исходя из положений когнитивной лингвистики, в контексте взаимодействия мыслительных и языковых структур. Цель исследования – предложить возможности моделирования ПСО в когнитивном аспекте и показать способы языковой репрезентации этих моделей. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование проводилось на материале английского языка – художественных произведений, данных Британского национального корпуса, онлайн-сервисов с доступом к словарям. Основные методы исследования – когнитивное моделирование и концептуально-репрезентативный анализ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Интерпретация ПСО представляет собой базовую когнитивную активность человека. В основе конструирования способов передачи ПСО, связанных с осмыслением событий, лежит принцип упорядочения знаний по пропозициональному типу. Моделирование концептуальных структур ПСО с учётом этого принципа позволило выделить 4 модели. В качестве ограничения в ходе моделирования использовались данные об осмыслении говорящим двух событий. Модели предложены исходя из порядка развёртывания ПСО: от причины к следствию, от следствия к причине, взаимного порядка. Способы языковой репрезентации выделенных моделей включают сложноподчинённые и сложносочинённые предложения разной природы, предложения с абсолютными, каузативными, субъектно-предикативными конструкциями и сверхфразовые единства со значением ПСО. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Возможности моделирования ПСО по пропозициональному типу являются открытыми при учёте количества познаваемых событий, отражающих ПСО, их восприятия как цепи причин и следствий.

Ключевые слова: причинно-следственные отношения (ПСО), когнитивный подход, событие, пропозиция, моделирование, языковая репрезентация, английский язык

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: С.Г. Виноградова – разработка общей концепции статьи, разработка теоретических основ и методологии исследования, подбор и анализ эмпирического материала, написание рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции. Д.В. Тюрникова – поиск и систематизация фактического материала, поиск научной литературы, подготовка проекта статьи, оформление списка источников рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Виноградова С.Г., Тюрникова Д.В.* Моделирование причинно-следственных отношений: когнитивный аспект (на примере английского языка) // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 893-902. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-893-902

© Виноградова С.Г., Тюрникова Д.В., 2025

2025;11(4):893-902 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-893-902
OECD 6.02; ASJC 3310

Cause-and-effect relationships modeling: cognitive perspective (based on the English language)

Svetlana G. Vinogradova [1]✉, **Darya V. Tyurnikova** [2]
[1]Derzhavin Tambov State University,
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000 Russian Federation
[2]Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russian Federation
✉ vinogradova.sg@yandex.ru

Abstract
INTRODUCTION. Cause-and-effect relationships (CER) are primarily examined in philosophy, logic, and linguistics. Studying CER at the current stage of language science development is relevant in the context of mental and linguistic structures interaction. The aim of this study is to propose CER modeling from a cognitive perspective, to describe conceptual structures and their representation in language. MATERIALS AND METHODS. The research material was acquired from literary works in English, the British National Corpus, and online services with access to dictionaries. The study employed cognitive modeling and conceptual-representative analysis. RESULTS AND DISCUSSION. Interpretation of CER is a basic human cognitive activity. Constructing linguistic means that convey CER and relate to events comprehension, the speaker operates with propositional structures. Having this in mind and using the speaker's comprehension of two events as a constraint, we identified four main models. The models reflect the order of CER development: from cause to effect, from effect to cause, and reciprocal order. Their representation in language includes complex and compound sentences of various nature, sentences with absolute, causative, subjective-predicative constructions, and supra-phrasal units. CONCLUSION. The possibilities of propositional CRE modeling are open due to the number of events reflecting CER, their perception as a chain of causes and effects.

Keywords: cause-and-effect relationships (CER), cognitive approach, event, proposition, modeling, linguistic representation, English

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: S.G. Vinogradova – general research concept development, theoretical research bases and methodology development, empirical material research and study, writing – original draft preparation, preparation of the article in accordance with the requirements of the Editorial Board. D.V. Tyurnikova – data research and systematization, scientific literature research, schematic draft preparation, preparation of the list of references in accordance with the requirements of the Editorial Board.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Vinogradova, S.G., & Tyurnikova, D.V. Cause-and-effect relationships modeling: cognitive perspective (based on the English language). *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):893-902. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-893-902

ВВЕДЕНИЕ

Причинно-следственные отношения (ПСО) находятся в центре внимания исследователей в течение продолжительного времени.

Причина и следствие прежде всего выступают как категории философии. «Причина – явление, непосредственно обусловливающее, порождающее другое явление (следствие)» [1, с. 370]. Под причинностью пони-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):893-902
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

мается «генетическая связь явлений, в которой одно явление – причина – при наличии определённых условий неизбежно производит, порождает другое явление – следствие (или действие)» [1, с. 370]. Явление (процесс, событие) называется причиной другого явления (процесса, события), если: 1) первое предшествует второму во времени; 2) первое является необходимым условием, предпосылкой или основой возникновения, изменения или развития второго, иными словами, если первое порождает второе. Причина и следствие существуют объективно: отношение между ними называется причинностью (каузальностью) или причинно-следственной связью [2, с. 462].

Характеризуя связи между причиной и следствием, учёные подчеркивают, что их взаимодействие строится на принципах обусловленности, непротиворечивости и вероятностности. При этом такое взаимодействие, как правило, представляется следующим образом: одно явление/событие (причина) порождает или изменяет другое явление/событие (следствие), то есть причина является активным началом по отношению к следствию – пассивному началу [3, с. 8].

ПСО наделены определённым содержанием. В логике формализация содержательных отношений была предложена Г. Фреге [4]. Каузальные отношения Г. Фреге формализует в виде материальной импликации: $A \rightarrow B$, под содержательным признаком понимая «истинность» и «ложность».

В логике высказываний ПСО представлены импликативным высказыванием, состоящим из двух частей – антецедента (причины или условия) и консеквента (следствия), связанных отношениями каузальной импликации. С точки зрения логики, импликация – это логическая операция, принятая в формализованных языках для образования сложных высказываний из простых и по смыслу равнозначная нестрогому условию «если…, то…», принятому в естественном языке. Вместе с тем это бинарный оператор, позволяющий из двух высказываний получить новое (импликативное) высказывание (см.: [5]).

Возможность выявления логических операций в высказываниях естественного языка имеет большое значение в раскрытии природы взаимоотношений языка и мышления, поскольку окружающая человека реальность определённым образом закрепляется в его сознании в виде различных форм мыслей (суждений, понятий, умозаключений), которые отражаются в языке [6].

В лингвистике причинность, каузальность и причинная обусловленность часто рассматриваются как синонимичные термины. Вместе с тем ПСО получают интерпретацию с позиций разных подходов к анализу языкового материала. Среди базовых направлений исследований выступают следующие: описание лексических и грамматических средств выражения причины и следствия; изучение способов выражения каузальных связей (связи между причиной и следствием) с точки зрения их структуры; описание способов передачи причинно-следственных отношений в логико-семантическом аспекте и с учётом логики высказываний; определение функционально-сематического статуса конструкций с ПСО разной сложности и их компонентов; аргументация системности, моделирование и типологизация средств передачи ПСО в языке на тех или иных основаниях, включая специфику коммуникации и прагматику высказывания (см.: [7–10 и др.]).

В современных лингвистических исследованиях причинные отношения связываются с онтологией взаимодействия объектов и явлений окружающего мира и определяются сквозь призму событий (или ситуаций) и определённый тип связи между ними. Вместе с тем ПСО всё больше изучают с учётом представлений о мыслительных структурах, в частности, концептуальных коррелятах причины и следствия и их связи в виде пропозиций. В анализе языкового материала исследователи исходят из таких важных фактов, что, например, каузативные глаголы кодируют не только действие, но и ментальную репрезентацию этого действия, включая намерения и мотивацию каузатора [11; 12].

Изучение взаимодействия мыслительных и языковых структур является целью активно

2025;11(4):893-902 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

развивающегося в настоящее время когнитивного направления в лингвистике. Основные положения данного направления на современном этапе связаны с представлением о языке как когнитивной способности человека, о концептуализации и категоризации как ключевых познавательных процессах, которые в своём большинстве опосредуются языком, о когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функциях языка, о возможности оперирования знанием в языке, осмыслении и обработки поступающей информации благодаря подключению целого ряда когнитивных механизмов [13].

Цель данного исследования – предложить возможности моделирования ПСО в когнитивном аспекте и показать способы языковой репрезентации этих моделей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проводилось на материале английского языка, а именно синтаксических единиц и сверхфразовых единств, отражающих ПСО, полученных методом сплошной выборки из художественных произведений современных авторов, а также поисковых запросов в Британском национальном корпусе (BNC), онлайн-сервисах с доступом к словарям.

В ходе исследования применялись следующие основные методы анализа: когнитивное моделирование и концептуально-репрезентативный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение познавательной деятельности, опосредованной языком, предполагает обращение к проблемам работы сознания, схематизации познавательного опыта человека, полученного в ходе процессов концептуализации и категоризации, репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях.

Способность человека обнаруживать и понимать причинно-следственные связи между явлениями или событиями лежит в основе его мыслительной деятельности и формирования представлений о мире с помощью языка. Вместе с тем, как отмечает О.В. Магировская, установление ПСО относится к одной из когнитивных способностей человека, активизируемой им при организации дискурса как интерпретативной деятельности [14, с. 272].

Подчеркнём, что с когнитивной точки зрения ПСО представляют собой единый ментальный конструкт, который интегрирует знания [15] о причине и следствии. Эти отношения существуют лишь в сознании человека, только человек может наделить те или иные явления и события статусом причины или следствия в ходе интерпретации поступающей информации. В своём единстве и обусловленности ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ являются одной из наиболее универсальных форм познания и, одновременно, форм языкового сознания (то есть форм концептуализации и интерпретации мира и знаний о нём в языке) наряду с такими концептами, как ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО (см. обобщение в [16]).

В основе конструирования способов передачи ПСО, связанных с осмыслением событий, лежит принцип упорядочения знаний по пропозициональному типу. Выделение и описание пропозиций или пропозициональных структур знания является одним из направлений когнитивного анализа языковых явлений и предполагает обращение к когнитивному моделированию [17]. Под пропозициональной моделью понимается ментальная структура, отражение некоторой ситуации и типов отношений в ней, обобщаемых и организуемых в нашем сознании [18]. Пропозиция – «наиболее распространённый способ концептуальной организации нашего знания», это «модель события как определённой области нашего опыта, в которой вычленяются элементы – аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, – даются их характеристики, указываются связи между ними» [19, с. 54].

Осмысление двух и более событий предполагает их представление на концептуальном уровне как некоторого пропозиционального комплекса, в структуре которого можно выделить от двух пропозиций, соединённых пропозициональной связкой. При этом составляющие пропозиций и пропозициональ-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):893-902
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ных комплексов не обязательно получают языковую репрезентацию, то есть могут передаваться имплицитно.

Разработка тех или иных моделей предполагает учёт некоторых ограничений в виде неизменяемых исходных данных. В этой статье в качестве ограничения используются следующие исходные данные: в ходе своей познавательной активности говорящий осмысливает фрагмент действительности, который включает два события.

Модели предложены с учётом порядка развёртывания ПСО. Базовым когнитивным механизмом выступает механизм логического следования. Способы языковой репрезентации выделенных моделей обсуждаются с применением концептуально-репрезентативного анализа [20], позволяющего соотносить ментальные и языковые структуры.

На основе изложенного выше были выделены следующие пропозициональные модели ПСО.

1. Модель ПСО «пропозициональный комплекс (объединение пропозиций)»: от причины к следствию.

Данная модель включает следующие компоненты: пропозицию причины, пропозициональную связку и пропозицию следствия. Она предполагает, что говорящий осмысливает два события как единый фрагмент действительности и приписывает им статус причины и следствия. Говорящий развёртывает полученную информацию в языке от причины к следствию.

В качестве языковой репрезентации этой модели выступают сложноподчинённые и сложносочинённые предложения с двумя частями, предложения с абсолютным причастным оборотом и сверхфразовые единства.

Сложноподчинённые предложения о ПСО, построенные по такой модели, могут открываться придаточными частями, вводимыми *as, because, since, lest, considering, for the reason that, by reason of* и т. д. с указанием на причину либо закрываться придаточными частями, вводимыми *so, so that, therefore, hence, then, thus* с указанием на следствие. В первом случае в этих придаточных профилируется знание о причине, во втором – о следствии. Например: *Since they meet many customers each year, they become familiar with solutions to common problems*[1]. *Kids grow out of things, therefore she can't do it anymore* (BNC). В основе конструирования каждой из частей этих сложноподчинённых предложений лежит пропозиция, в качестве маркера пропозициональной связки выступают союз *since* и союзное наречие *therefore* соответственно.

Особым типом сложноподчинённого предложения является предложение с взаимными придаточными, так называемыми балансирующими частями. Это конструкция с определённым артиклем «the… the», например: *The more we know about cars, the less nervous we'll be* (BNC), которая используется для описания двух взаимосвязанных и сопоставляемых изменений, где одно является следствием другого. ПСО между этими изменениями профилируется определёнными артиклями, которые в языке репрезентируют связующий элемент между соответствующими пропозициями.

Исходя из определённого опыта о концептуализируемом фрагменте действительности, индивид может прогнозировать или планировать ПСО. Средствами указания на такую активность индивида могут быть сложноподчинённые предложения с придаточными условия как причины. Порядок осмысления событий как причины и следствия фиксируется такими предложениями с придаточным условием в первой части, вводимой союзами *if, in case* и т. п.: *If it rains, there will be aerobics and make up morning* (BNC). Названные союзы маркируют связь соответствующих этим событиям пропозиций.

Примерами сложносочинённых предложений, образованных по такой модели, являются предложения, состоящие из двух частей, соединённых союзом *and,* который приобретает значение союза следствия: *Chris was a learner driver at this time, and he used to drive me to hospital* (BNC). В примерах с бессоюзной связью при «наличии» способов

[1] BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (accessed: 10.09.2025). Далее примеры из Британского национального корпуса будут даваться в тексте с пометой «BNC».

2025;11(4):893-902 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

представления пропозиции причины и пропозиции следствия пропозициональная связка передаётся имплицитно. Знание о ПСО в обоих случаях достраивается и выводится за счёт привлечения когнитивного механизма инференции.

Эту же модель репрезентируют предложения с абсолютными конструкциями, в частности абсолютным причастным оборотом (с предлогом или без него) в начальной позиции. Такой оборот указывает на одновременное или предшествующее событие со статусом причины, которое связывается с событием со статусом следствия. Например: *With the number of environmental regulations escalating, companies have naturally turned to outside services for help* (BNC). Однако пропозиция причины (её составляющие) в данном случае получают неполную языковую репрезентацию как результат языковой экономии.

Пример… *this had gone on for long enough. So I knocked on the door of the flat*[2] иллюстрирует представленность обсуждаемой модели ПСО на уровне сверхфразового единства. Характер экспрессивности подобной конструкции, заимствованный у парцелляции, и значение союза *so* “used to introduce the next part of a story”[3], реализуемое наряду с его значением как союза следствия, позволяет сделать вывод о том, что для говорящего важным является смещение фокуса внимания именно на следствие. Профилируется знание, которое фиксируется как пропозиция следствия, выраженная *So I knocked on the door of the flat* и вводимая союзом *so*.

2. Модель ПСО «пропозициональный комплекс (сращение пропозиций)»: от причины к следствию.

Вышеназванную модель можно считать вариантом предыдущей модели, однако она требует особого рассмотрения. Эта модель отражает тесное взаимодействие составляющих пропозиций и высокую степень интеграции передаваемых смыслов, что в языке решается за счёт языковой экономии.

Одним из способов языковой репрезентации рассматриваемой модели выступают предложения с каузативной конструкцией. Пример *Six years ago I had my own head examined by the most distinguished of this country’s living phrenologists* (BNC) с каузативной конструкцией *have something done* показывает связь события-каузатора (инициация индивидом исследования своей головы) и каузируемого события (выполнение третьим лицом этого исследования).

Предложение *The bus was made to stop on Westminster bridge* (BNC) построено на основе субъектного инфинитивного оборота с каузативным глаголом *make*. Говорящий в качестве фрагмента познаваемого фиксирует два связанных события: ***The bus*** *was going. Somebody (Something) stopped it* ***(the bus)*** *on Westminster bridge*. Глагол *make* со значением “to cause somebody/something to do something”[4] позволяет говорящему фокусироваться на причине остановки автобуса и выступает в качестве маркера связывания событий.

Представляется, что языковую репрезентацию модели ПСО «пропозициональный комплекс (сращение пропозиций)»: от причины к следствию обеспечивают предложения с субъектно-предикативными конструкциями с неглагольной второй частью, которая может быть выражена существительным или прилагательным. Например: *The front door was painted blue* (BNC). Это предложение показывает, что базовый предикат одной пропозиции передаёт знание об участниках событий и их свойствах, которыми они обладают на протяжении всего данного события, базовый предикат другой пропозиции передаёт знание о свойствах или качествах участников событий, приобретаемых по итогам первого события. Ср. *The front door was painted. The front door became blue.*

3. Модель ПСО «пропозициональный комплекс»: от следствия к причине.

[2] *Bowen J.* A Street Cat Named Bob. London: Hodder&Stoughton, 2012. URL: https://liteka.ru/english/library/1921-a-street-cat-named-bob#18 (accessed: 14.09.2025).

[3] Oxford Learner’s Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed: 10.09.2025).

[4] Oxford Learner’s Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed: 10.09.2025).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):893-902
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Компонентами этой модели являются пропозиция следствия, пропозициональная связка и пропозиция причины. Обратный порядок фиксации информации о познаваемом фрагменте действительности, включающем два события, от следствия к причине предполагает необходимость восстановления причины, объяснения того или иного факта.

Данную модель прежде всего репрезентируют сложноподчинённые предложения, в которых первая часть – главное предложение, вторая часть – придаточное причины, вводимое *as, because, since, lest, considering, for the reason that, by reason of*: *She switched from singing to comedy because it was better paid* (BNC). Первая часть данного предложения (*She switched from singing to comedy*) репрезентирует пропозицию следствия, а вторая (*it was better paid*) – причины. Пропозициональная связка представлена союзом *because*.

Сложноподчинённые предложения с придаточными условия как причины в их второй части фиксируют результат прогнозирования и планирования ПСО и предусматривают порядок осмысления событий как следствия и причины: *But I put some snacks in the bag for him just in case he did decide to follow me again*[5].

Реализация вышеназванной модели ПСО в языке возможна посредством сложносочинённых предложений. Характерным примером сложносочинённого предложения в данном случае может быть предложение со второй частью, открываемой союзом *for: All teachers are managers, for they have to manage the learning process* (BNC). Союз *for*, объективирующий пропозициональную связку, указывает не только на причину сказанного ранее, но и возможность получить подтверждение упомянутого факта.

Части сложносочинённого предложения, которые репрезентируют рассматриваемую модель, могут соединяться союзом *and* и бессоюзно. Так, в предложении *…no doubt you succeeded eventually, and this accounts for your present celebrated status*[6] глагол *account for* в силу своего значения “to be the explanation or cause of something”[7] выступает в качестве средства выражения пропозициональной связки. С такой же функцией указания на причину и следствие и их отношения в предложение могут включаться отдельные слова с семантикой ПСО, и прежде всего такие, как *reason, consequence* и их синонимы.

На уровне сверхфразового единства данная модель ПСО иллюстрирует пример *I couldn’t let him risk it. It would almost certainly be suicide*[8]. При «наличии» способов представления пропозиции следствия (*I couldn’t let him risk it*) и пропозиции причины (*It would almost certainly be suicide*) пропозициональная связка передаётся имплицитно. Знание о ПСО от следствия к причине достраивается и выводится за счёт реализации когнитивного механизма инференции.

4. Модель ПСО «пропозициональный комплекс (объединение пропозиций)»: от причины к следствию и от следствия к причине.

Эта модель включает две пропозиции с потенциалом и причины, и следствия, а также пропозициональную связку, которая не получает непосредственного языкового отображения. В основе модели лежит представление о взаимном порядке следования причины и следствия, который складывается в связи с тем, что познаваемые индивидом события воспринимаются им как причина и следствие друг друга. Одно и то же событие получает статус и причины, и следствия благодаря циклической природе причинно-следственных связей и в зависимости от характера точек отсчёта при интерпретации поступающей информации. Примером актуализации этой модели в языке являются прежде всего сложносочинённые предложения типа *Bell rang, school day done*[9].

[5] *Bowen J.* A Street Cat Named Bob.

[6] *Adams D.* Dirk Gently’s Holistic Detective Agency. London: Pan Macmillan, 2021. URL: https://royallib.com/read/Adams_Douglas/Dirk_Gentlys_Holistic_Detective_Agency.html#0 (accessed: 24.08.2025).

[7] Oxford Learner’s Dictionaries.

[8] *Adams D.* Dirk Gently’s Holistic Detective Agency.

[9] iLearnFast. URL: https://ilearnfast.app/english/expression/bell-rang-school-day-done/ (accessed: 02.09.2025).

2025;11(4):893-902 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПСО, будучи объектом изучения ряда наук, вызывает немалый интерес лингвистов. С точки зрения современного когнитивного направления в лингвистике, ПСО как базовый ментальный конструкт концептуальной системы человека актуально рассматривать в контексте взаимодействия мыслительных и языковых структур. Предложенные модели ПСО и способы их репрезентации в английском языке позволяют упорядочить знания о ПСО на ментальном и языковом уровнях исходя из ограничения, что индивид осмысливает фрагмент действительности, включающий два события, и присваивает им статус причины и следствия. Способы языковой репрезентации выделенных моделей включают сложноподчинённые и сложносочинённые предложения разной природы, предложения с абсолютными, каузативными, субъектно-предикативными конструкциями и сверхфразовые единства со значением ПСО.

Возможности моделирования в соответствии с пропозициональным типом организации знаний открыты при условии учёта количества познаваемых событий, отражающих ПСО, их множественности, например, нескольких событий, которые необходимы для появления одного следствия, обработки данных о ряде событий как цепи причин и следствий.

Список источников

1. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. Москва: Сов. энциклопедия, 1967. Т. 4. 591 с.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во «Республика», 2001. 719 с. https://elibrary.ru/raqvff
3. *Аматов А.М.* Причинно-следственные связи на разных уровнях языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2005. 32 с. https://elibrary.ru/njtlxt
4. *Фреге Г.* Логические исследования. Томск: Водолей, 1997. 127 с.
5. *Ивин А.А.* Импликации и модальности. Москва: ИФ РАН, 2004. 126 с. https://elibrary.ru/supgap
6. *Кривоносов А.Т.* Естественный язык и логика. Москва; Нью-Йорк: Wickersham printing comp., 1993. 318 с.
7. Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив / под ред. А.А. Холодовича. Ленинград: Наука, 1969. 311 с.
8. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Москва: Наука, 1976. 383 с. https://elibrary.ru/ylavzx
9. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 229 с. https://elibrary.ru/wdurwz
10. *Ляпон М.В.* Прагматика каузальности // Русистика сегодня: язык, система и её функционирование. Москва: Наука, 1988. С. 110-121.
11. *Langacker R.W.* Foundations of Cognitive Grammar: Vol. 2, Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991. 589 p.
12. *Levin B.* English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 348 p.
13. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Москва: ЯСК, 2018. 480 с. https://elibrary.ru/yycnwp
14. *Магировская О.В.* Репрезентация субъекта познания в языке: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2009. 351 с. https://elibrary.ru/qeqhpb
15. *Fauconnier G., Turner M.* Mental Spaces: Conceptual Integration Networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / D. Geeraerts (ed.). Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303-371.
16. *Виноградова С.Г.* Представление о причине и следствии в русских пословицах // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2-1 (63). С. 140-144. https://elibrary.ru/yeguzr
17. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):893-902
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

18. *Панкрац Ю.Г.* Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложноструктурированных глаголов современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1992. 333 с.
19. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Изд. дом ТГУ им Г.Р. Державина, 2014. 236 с. https://elibrary.ru/tzcwpv
20. *Беседина Н.Н.* Концептуально-репрезентативный анализ как метод изучения морфологической репрезентации в языке // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 178-183. https://elibrary.ru/numvjj

References

1. Konstantinov F.V. (ed.). *Philosophical Encyclopedia: in 5 vols*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1967, vol. 4, 591 p. (In Russ.)
2. Frolov I.T. (ed.). *Philosophical Dictionary*. Moscow, “Respublika” Publ., 2001, 719 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/raqvff
3. Amatov A.M. *Causal Relationships at Different Levels of Language. Dr. Sci. (Philology) diss. abst*. Moscow, 2005, 32 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/njtlxt
4. Frege G. *Logical Studies*. Tomsk, Vodolei Publ., 1997, 127 p. (In Russ.)
5. Ivin A.A. *Implications and Modalities*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, 126 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/supgap
6. Krivonosov A.T. *Natural Language and Logic*. Moscow; New York, Wickersham Printing Co., 1993, 318 p. (In Russ.)
7. Kholodovich A.A. (ed.). *Typology of Causative Constructions: Morphological Causative*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 311 p. (In Russ.)
8. Arutyunova N.D. *The Sentence and its Meaning: Logico-Semantic Problems*. Moscow, Nauka Publ., 1976, 383 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/ylavzx
9. Bondarko A.V. *Theory of Functional Grammar. Locativeness. Beingness. Possessiveness. Conditionality*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1996, 229 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/wdurwz
10. Lyapon M.V. Pragmatics of causality. *Rusistika segodnya: yazyk, sistema i ee funktsionirovanie = Russian Studies Today: Language, System, and its Functioning*. Moscow, Nauka Publ., 1988, p. 110-121. (In Russ.)
11. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar: Vol. 2, Descriptive Application*. Stanford, Stanford University Press, 1991, 589 p.
12. Levin B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago, University of Chicago Press, 1993, 348 p.
13. Boldyrev N.N. *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2018, 480 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/yycnwp
14. Magirovskaya O.V. *Representation of the Knowledge Subject in Language. Dr. Sci. (Philology) diss.* Tambov, 2009, 351 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qeqhpb
15. Fauconnier G., Turner M. Mental Spaces: Conceptual Integration Networks. *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006, pp. 303-371.
16. Vinogradova S.G. The cause-and-effect concept as represented in Russian proverbs. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*, 2025, no. 2-1 (63), pp. 140-144. (In Russ.) https://elibrary.ru/yeguzr
17. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, University of Chicago Press, 1987, 614 p.
18. Pankrats Yu.G. *Propositional Structures and Their Role in the Formation of Language Units at Different Levels (Based on the Material of Complex-Structured Verbs in Modern English). Dr. Sci. (Philology) diss.* Moscow, 1992, 333 p. (In Russ.)
19. Boldyrev N.N. *Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics*. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2014, 236 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/tzcwpv
20. Besedina N.N. Conceptual-representative analysis as a method of studying morphological representation in the language. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 1, pp. 178-183. (In Russ.) https://elibrary.ru/numvjj

2025;11(4):893-902 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Информация об авторах

ВИНОГРАДОВА Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 1468-6720, РИНЦ AuthorID: 288550, Scopus Author ID: 56642444400, https://orcid.org/0000-0003-1176-1481, vinogradova.sg@yandex.ru

ТЮРНИКОВА Дарья Владимировна, старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный университет, Борисоглебский филиал, г. Борисоглебск, Воронежская область, Российская Федерация, https://orcid.org/0009-0006-9280-8454, dasha_alekc@mail.ru

Для контактов:
Виноградова Светлана Григорьевна
e-mail: vinogradova.sg@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.09.2025
Поступила после рецензирования 15.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Svetlana G. Vinogradova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 1468-6720, RSCI AuthorID: 288550, Scopus Author ID: 56642444400, https://orcid.org/0000-0003-1176-1481, vinogradova.sg@yandex.ru

Darya V. Tyurnikova, Senior Lecturer of Social and Humanitarian Subjects Department, Voronezh State University, Borisoglebsk Branch, Borisoglebsk, Voronezh Region, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0006-9280-8454, dasha_alekc@mail.ru

Corresponding author:
Svetlana G. Vinogradova
e-mail: vinogradova.sg@yandex.ru

Received 25.09.2025
Revised 15.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):903-915
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81-139
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-903-915
Шифр научной специальности 5.9.5; 5.9.6

Семантико-когнитивные особенности вербализации парфюмерных запахов в интернет-отзывах русско- и англоязычного интернет-дискурса

Татьяна Павловна Павлюк, Зореслава Александровна Дубинец ✉
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
295007, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4
✉ flutemix@yandex.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Интернет-дискурс – актуальный объект исследования современной лингвистики. Предметом изучения становятся его коммуникативная, когнитивная и эвокативная составляющие. Цель исследования – анализ семантико-когнитивных особенностей вербализации парфюмов Juliette has a gun, Givenchy и Baccarat Rouge в текстах русско- и англоязычной интернет-коммуникации. Отсутствие отечественных публикаций, посвящённых концептуальной структуре указанных парфюмов и анализу разноязычных комментариев сквозь призму их восприятия, обусловливает актуальность данного исследования. Проведённое исследование расширяет представление о когнитивных механизмах вербализации запахов в разных лингвокультурах. Сопоставление англо- и русскоязычных комментариев восприятия парфюмов проведено на основе нового подхода – эвокационного сопоставления. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования стал процесс восприятия запахов Juliette has a gun, Givenchy и Baccarat Rouge и его отображение на форумах fragrantica.ru и fragrantica.com. В ходе исследования применялся описательный метод, контекстуальный и семантико-когнитивный анализ, метод количественного подсчёта. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выявлено, что когнитивные признаки исследуемых парфюмов в англоязычном дискурсе представлены более широким набором характеристик, чем в русском. Так, аромат Juliette has a gun в русскоязычном сегменте комментариев вербализируется эмоционально полярными когнитивными признаками, среди которых преобладают негативные, на основе антропоморфной метафоры. Позитивные характеристики парфюма созданы на основе вкусовых и визуальных предметных качеств. В англоязычных отзывах концептуализация аромата дополнена метафорой музыки, обонятельными эвокациями и тактильными признаками. Разнообразие когнитивных признаков Givenchy (обонятельные, растительные, визуальные, вкусовые анималистические и антропоморфные образы) свидетельствует о популярности аромата в русскоязычном сегменте. В англоязычных комментариях концептуализация парфюма Givenchy дополняется отсылкой к другим парфюмам, эмоциональными субъективными оценками, звуковыми эвокациями. Общими когнитивными признаками для русско- и англоязычных рецензий на Baccarat Rouge являются сладость, едкость, удушение запахом с уникальным узнаваемым ДНК. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Установлены общие когнитивные черты и основные отличия в восприятии ароматов Juliette has a gun, Givenchy и Baccarat Rouge в текстах русско- и англоязычной интернет-отзывов, представлена их полевая структура. Выявлены преобладание метафорического оязыковления запахов и полимодальность метафор при концептуализации указанных парфюмов. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшим изучении языковых особенностей эвокационных текстов.

Ключевые слова: семантико-когнитивные особенности, концептуализация запаха, когнитивные признаки, ассоциативный образ запаха, эвокация

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Т.П. Павлюк – разработка концепции и идея исследования, подбор первичного материала, сбор, анализ и интерпретация данных, написание черновика рукописи, до-

© Павлюк Т.П., Дубинец З.А., 2025

2025;11(4):903-915 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

работка рукописи. З.А. Дубинец – научное консультирование, поиск и анализ научной литературы, изучение источников, обобщение опыта исследователей, обработка и редактирование материала, редактирование рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Павлюк Т.П., Дубинец З.А.* Семантико-когнитивные особенности вербализации парфюмерных запахов в интернет-отзывах русско- и англоязычного интернет-дискурса // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 903-915. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-903-915

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-903-915
OECD 6.02; ASJC 1203; 3310

Semantic and cognitive features of verbalizing perfume scents in internet reviews of Russian and English internet discourse

Tatiana P. Pavliuk, Zoreslava A. Dubinets ✉
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation
✉ flutemix@yandex.ru

Abstract
INTRODUCTION. Internet discourse is a topical subject of research in contemporary linguistics. Its communicative, cognitive and even evocative components are becoming the subject of study. The aim of the study is to analyze the semantic and cognitive features of perfume verbalization (Juliette has a gun, Givenchy and Baccarat Rouge) in Russian and English Internet communication texts. The lack of domestic publications dedicated to the conceptual structure of these perfumes and the analysis of multilingual comments through the prism of their perception determines the relevance of this study. The research broadens our understanding of the cognitive mechanisms of verbalizing scents in different linguistic cultures. The comparison of English and Russian comments on the perception of perfumes was carried out using a new approach – evocative comparison. MATERIALS AND METHODS. The material of the study was the process of perception of Juliette has a gun, Givenchy and Baccarat Rouge scents and its representation on the fragrantica.ru and fragrantica.com forums. The study employed descriptive and quantitative counting methods, contextual and semantic-cognitive analysis. RESULTS AND DISCUSSION. It is revealed that the cognitive attributes of the studied perfumes in the English discourse are represented by a wider set of characteristics than in Russian. Thus, Juliette has a gun in the Russian language segment of comments is verbalized by emotionally polar cognitive attributes, among which negative ones prevail, based on anthropomorphic metaphor. Positive characteristics of the perfume are created on the basis of gustatory and visual object qualities. In English reviews, the conceptualization of the fragrance is complemented by the metaphor of music, olfactory evocations and tactile attributes. The variety of Givenchy cognitive attributes (olfactory, vegetal, visual, gustatory, animalistic and anthropomorphic images) indicates the popularity of the fragrance in the Russian-speaking segment. In English comments, the conceptualization of Givenchy perfume is supplemented by reference to other perfumes, emotional subjective evaluations, and sound evocations. Common cognitive features for Russian and English reviews of Baccarat Rouge are sweetness, causticity, suffocation by a smell with a unique recognizable DNA. CONCLUSION. Common cognitive features and key differences in the perception of Juliette has a gun, Givenchy and Baccarat Rouge fragrances in Russian and English Internet reviews have been identified, and their field structure has been pre-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):903-915
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

sented. The predominance of metaphorical verbalization of scents and the polymodality of metaphors in the conceptualization of these perfumes have been identified. The results of the study can be used in further research into the linguistic features of evocative texts.

Keywords: semantic-cognitive features, scent conceptualisation, cognitive features, associative image of scent, evocation

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: T.P. Pavliuk – research concept and idea development, primary source material acquisition, data collection, analysis and interpretation, writing – original draft preparation, manuscript revision. Z.A. Dubinets – scientific supervision, scientific literature research and analysis, studying the sources, summarizing the experience of researchers, interpreting and editing the material, manuscript editing, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements

Conflict of Interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Pavliuk, T.P., & Dubinets, Z.A. Semantic and cognitive features of verbalizing perfume scents in internet reviews of Russian and English internet discourse. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):903-915. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-903-915

ВВЕДЕНИЕ

Эвокация как философский, психологический, биологический и филологический феномен давно привлекает внимание учёных. Однако в отечественной лингвистике интерес к данной проблеме возник в конце XX века: эвокационная концепция художественной речи [1], эвокационная составляющая речекоммуникативной деятельности [2]. Если в начале XXI века Т.Н. Василенко, Ю.В. Ожмегова, Е.А. Савочкина, О.А. Сим, А.А. Чувакин и другие исследователи акцентировали внимание на коммуникативной составляющей эвокации, то с развитием медиапространства особую значимость, по мнению М.В. Коноваловой, приобретает изучение когнитивных механизмов эвокативной репрезентации [3]. Под эвокацией мы, вслед за Т. Василенко с соавт., понимаем «один из базовых механизмов коммуникации, отвечающей за задачу конструирования действительности в тексте» [4, с. 83-84], в результате которой происходит восстановление в памяти, припоминание (от лат. evocatio – вызов, призыв; англ. evocation – воскрешение в памяти; вызванный к жизни, воплощение) предмета разговора либо воспоминание о нём.

Актуальность исследования обусловлена интересом к лингвокультурологическому аспекту изучения языка, необходимостью рассмотреть семантико-когнитивные особенности вербализации парфюмов в русско- и англоязычной интернет-комуникации. Обонятельные ощущения интерпретируются на материале интернет-отзывов как особого жанра интернет-дискурса и в двух аспектах, обусловливающих значимость проведённого контрастивного анализа: восприятие физиологического проявления запахов и особенности его языкового выражения.

Попытки осветить роль запахов в жизнедеятельности человека известны со времён Античности и запечатлены в трудах Гиппократа, Платона, Аристотеля, Ибн-Сины, Дж. Локка, Р. Декарта, И. Канта. Проблеме классификации запахов, их влиянию на состояние человека, особенностям и перспективам практического применения запахов в быту, эргономике, геронтологии, эстетике, парфюмерной промышленности посвящены многочисленные исследования отечественных (И. Бронштейн, С.А. Корытин, С.А. Миргородская, В.А. Новожилов, И.П. Павлов, В.С. Поликарпов, С.В. Рязанцев, А.Х. Тамбиевин) и зарубежных (Дж. Брунер, Г. Зиммел, Р.Х. Райт, Г. Эббингауз, Дж. Эймур) учёных.

Среди публикаций, посвящённых лингвистическому аспекту запахов, особого внимания заслуживают работы А.Г. Левинсона [5] и М.С Плужникова, С.В. Рязанцева [6] о теории восприятия запаха, Л.А. Арутю-

2025;11(4):903-915 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

нян [7] о словообразовательном аспекте одорем на материале англо- и русскоязычных парфюмерных прагматонимов, Е.Г. Басалаевой [8; 9] о различных способах вербализации запаха в парфюмерном интернет-дискурсе на материале интернет-форумов, посвящённых описанию личных впечатлений говорящих о парфюмерной продукции.

Новизна исследования обусловлена тем, что в нём представлены и описаны основные ассоциативные образы, формирующие когнитивное представление англоязычных и русскоязычных пользователей об обонятельных особенностях ароматов Juliette has a gun, Givenchy и Baccarat Rouge сквозь призму эвокационного сопоставления.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования стал процесс восприятия парфюмов Juliette has a gun, Givenchy и Baccarat Rouge и как результат – создание метафорических и метонимических переносов, сравнений, запечатлённых в интернет-отзывах на форумах fragrantica.ru и fragrantica.com.

В ходе исследования применялись описательный метод и метод наблюдения, контекстуальный и семантико-когнитивный анализ, метод количественного подсчёта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современная коммуникация в виртуальном пространстве представляет собой информационный обмен людей разного возраста и гендерной принадлежности с целью получения, дополнения, систематизации, верификации имеющихся у них сведений, а также для формирования целостного представления о тех или иных событиях, явлениях, продуктах. Процессы познания мира осуществляются с помощью текстов и имеют прямое отношение к процессу эвокации благодаря способности человеческой психики создавать ментальную реальность, которая структурирована концептами [3, с. 405]. При этом текст рассматривается как сообщение или «канал связи» между субъектами коммуникации, и понимание текста невозможно без учёта динамических процессов внеязыковой действительности, ведущих к его возникновению [10, с. 119].

Интернет-коммуникация «размывает» личность автора, стирает социокультурные границы [11], порождает неожиданные ассоциаты, представляющие интерес для изучения субъективной составляющей, которая формирует эвокационный текст о том или ином парфюме. Для этого необходимо, чтобы некий субъект сначала воспринял запах и сформировал собственный обонятельный образ. Механизм передачи информации о запахе при помощи языковых средств в процессе речевой коммуникации описывает Н.А. Куликова: «Субъект восприятия – Говорящий, при помощи знаков естественного языка передаёт собственные обонятельные образы. Слушающий воспринимает вербально выраженный обонятельный образ и соотносит его с собственными образами, возникшими на основе личных ощущений» [10, с. 120]. Как видим, посредством созданных эвокационных текстов читатель способен воспроизвести в памяти соответствующие определённому запаху обонятельные реакции.

Анализ фактического материала свидетельствует о преобладании метафорического оязыковления запахов. «Запах более всего подвержен метафорическому осмыслению именно потому, – считает А.А. Колупаева, – что это явление практически ненаблюдаемое, его трудно изобразить графически, выразить в языке» [12, с. 182]. В последнее время внимание учёных привлекает понятие полимодальной (мультимодальной) метафоры. Согласно теории полимодальной метафоры, сенсорный опыт – основа мышления человека, а человеческое тело – это канал взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, концептосфера индивида формируется на основе чувственного восприятия действительности. Метафорическая проекция полимодальна в том случае, если сферы источника (знание человека по опыту) и сферы цели (менее конкретное знание) относятся к разным модальностям [13, с. 154]. В исследование полимодальной метафоры существенный вклад внёс Ч. Форсвилл. Лингвист разграничивает источники информации и выделяет восемь

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4): 903-915
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

модальностей: разговорный язык, письменный язык, изображение, музыку, невербальный звук, запах, вкус и осязание [14, с. 465]. Практически все они используются при концептуализации исследуемых парфюмов.

Рассмотрим семантико-когнитивные особенности вербализации запахов Juliette has a gun и Givenchy, представленные в количественно равных выборках: 50 единиц русско- и 50 единиц англоязычных комментариев.

Аромат Juliette has a gun, переведённый на русский язык как «Джульетта с пистолетом», вербализируется эмоционально полярными когнитивными признаками, среди которых преобладают негативные (70 %), например: *кастрированный Rolling in love by Kilian на амброксане; очень душный; прибавит возраста; безликий и невыразительный*[1]. Негативные реакции концептуализируются на основе антропоморфной метафоры, с помощью которой запах сравнивается с человеком (*кастрированный, возрастной, безликий*). Позитивные эмоциональные когнитивные признаки, такие как *сочный аромат; яркий приятный сладкий аромат; сладкий, женственный, приятный* созданы преимущественно на основе вкусовых и визуальных предметных качеств (сочный, сладкий, яркий). Обонятельные эвокации, представленные в текстах, реализуют также негативные разрозненные, единичные образы: *лакированное дерево и немного вишни из компота; какая-то пыль с лаком для волос и амброксаном* [Fragrantica.ru]. В описаниях данного запаха часто появляются лексемы амброксан (20 %) и вишня (30 %) (*не вишня здесь, а свежий вишнёвый сок; немного вишни из компота),* что позволяет отнести их к ядру концепта парфюма.

Таким образом, ядро запаха Juliette has a gun в русскоязычном сегменте комментариев формируется растительными образами. Ближнюю периферию составляют негативные антропоморфные и позитивные вкусовые характеристики запаха, дальнюю – визуальные.

В англоязычных отзывах на данный парфюм присутствуют отсылки к другим брендовым запахам, их процентное соотношение гораздо выше, чем в русскоязычных комментариях (83 % в англоязычных против 17 % в русскоязычных): *Cherry NyQuil* but in a good way; it reminds me of *Tom Ford's Electric Cherry*; remind me of *Glossier You* but a tad sweeter; resembles the opening of *Ode to Dullness*; a combination that's distinctly reminiscent of *Mugler's Alien* [Fragrantica.ru]. Очевидно, что пользователи считают более рациональным напомнить название похожих парфюмерных продуктов, с которыми, предположительно, большинство участников чата знакомо, то есть у коммуникантов есть общие фоновые знания о предмете разговора.

Субъективные эмоциональные оценки данного запаха в англоязычном дискурсе характеризуются тем, что на каждое утверждение того или иного пользователя найдётся противоречащее высказывание, например: edgy, *modern* vibe – slightly *dated*, musky white floral; quality and distinctiveness *make it worth* every penny – *not worth* a full bottle; a *departure from the typical house DNA* – this is *not a complex fragrance* at all; it feels *adult* – it's sweet and cute and playful, maybe for *a teenager girl*. Как видим из примеров, когнитивные признаки *современный, достойный, отход от типичного ДНК запаха, взрослый* формируют антитезы с признаками *устаревший, недостойный, несложный запах, для девочки-подростка*. По ним сложно понять, хорош аромат или нет, подойдёт ли он пользователю. В русскоязычном дискурсе формируемое отзывами представление о «Джульетте с пистолетом» не настолько амбивалентно.

Если абстрагироваться от противоречивости эмоциональных реакций, то можно констатировать, что аромат концептуализируется по следующим направлениям: через метафору музыки (8 %), вкусовые (22 %) и визуальные характеристики (6 %), обонятельные эвокации (32 %) и тактильные признаки (12 %). Рассмотрим эти когнитивные признаки детальнее.

[1] Juliette has a gun // Fragrantica.ru: парфюмерный журнал. URL: https://www.fragrantica.ru/perfume/Juliette-Has-A-Gun/Moscow-Mule-47872.html. (дата обращения: 12.03.2025). Далее в тексте [Fragrantica.ru]. Орфография-пунктуация и стиль комментариев респондентов сохранены.

2025;11(4):903-915 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Из музыкальных терминов использованы лексемы note, chord: a fun wispy cherry *note*; a sweet, tangy, red-fruit-cocktail *accord*; a syrupy flirtatiousness that's at odds with the cool, filmy velvet of the mid and base *notes*; fruity *accord* soon fades to nothing; strong *notes* of cetalox. Данная группа признаков составляет дальнюю периферию концепта исследуемого аромата.

Вкусовые характеристики *tart* cherry; *spicy* cherry; a *sweet*, *tangy*, red-*fruit-cocktail* accord; a *syrupy* flirtatiousness; *sour* cherry; boozy *cherry cola*; *cola-esque* in a clean and soapy way; this smells very *crisp*, almost like an *unripe cherry* балансируют между сладким (даже кока-колы), кислым, острым вкусом одновременно. Привлекает внимание сложное описание сладости аромата: *sweet without being cloying or having that migraine-inducing sweetness some perfumes can veer into*, в котором отмечается отсутствие появления головной боли от запаха. Также стоит отметить, что достаточно замысловатым является использование прилагательного crisp (хрустящий) в данном спектре признаков. Вкусовые когнитивные эвокации более характерны для пользователей с положительным эмоциональным зарядом рецензий.

Визуальные когнитивные признаки представлены как цветовым спектром: *red*-fruit-cocktail accord; musky *white* floral; a *dark*, sour cherry; *black* licorice undertone; with dominant *white* flowers, среди которого не представляется возможным выделить ведущий элемент, – так и единичными образами: *fruit-cocktail*; *dust on stone*; old spice *body wash*; *picking cherries from the garden*; *a teener girl*; flirty *girly-girl on a terrace with a drink*. В целом, можно утверждать, что визуальные образы фиксируют в воображении лёгкий положительный концепт анализируемого аромата.

Обонятельные эвокации являются наиболее продуктивной группой для концептуализации парфюма Juliette has a gun (32 %, без учёта 8 %, представленных отсылкой к названиям других ароматов). Они представлены в большей степени запахом вишни (12 %), в меньшей – жасмина (6 %) и мыла (3 %): a fun wispy *cherry* note; a huge *jasmine* bomb; something *soapy* and bland. Обонятельные когнитивные признаки больше реализованы в негативных эмоциональных рецензиях (66 % от общего числа эвокаций).

Тактильные эвокации формируют концепт запаха по признакам качество материала, мягкость/твёрдость, тепло, лёгкость/тяжесть, клейкость, сухость: filmy *velvet*; *edgy* vibe; *soft*; it gets *warmer*; *heavy* smelling; loaded the gun with *HEAVY* Jasmine; *velvety wood* fibers; *dry*; it really feels in some ways spicy, sassy, *lipsticky*. Данный вид признаков достаточно репрезентативен в англоязычных рецензиях и совершенно отсутствует в русскоязычном дискурсе.

В части соответствия аромата определённому гендеру англоязычные комментаторы отдают предпочтение прямой номинации (it’s masculine (5 %) по сравнению с русскоязычными, где маскулинность аромата выражена опосредованно, через лексему «кастрированный».

Таким образом, ядро запаха Juliette has a gun в англоязычном сегменте комментариев формируется обонятельными образами. Ближнюю периферию наполняют вкусовые характеристики запаха, дальнюю – тактильные, крайнюю – музыкальные и визуальные когнитивные признаки.

Givenchy является более популярным ароматом в русскоязычном сегменте рецензий – у него гораздо больше когнитивных признаков по сравнению с Juliette has a gun. В ядро этого парфюма попадают обонятельные, растительные и вкусовые образы: *душистое цветочное мыло; земляничное мыло; аромат счастья; сок тёмного винограда; виноград; зубодробящая нота винограда отсутствует.* К ближней периферии отнесём когнитивные признаки, сформированные также на основе обонятельных, но только синтетических реакций: *одеколон* (20 %), *унисекс* (10 %), *приворотное зелье* (10 %). Дальнюю периферию составляют анималистические образы, одним из которых является сравнение с лошадью, причём без фактического называния лексемы: *самая лёгкая из своего семейства, но тоже с характером и породой. Похожа на прародительницу EDP – норовистая и заметная, но ведёт себя по-*

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4): 903-915
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

прилежнее[2]. Ещё одним примером анималистической метафоры является следующий текст: *и совершенно точно на версию EDP, которая на мой взгляд слишком яркая, чтобы выгуливать её каждый день* [Fragrantica.ru].

Большое количество позитивных когнитивных признаков, реализованных прилагательными, можно разделить на следующие категории: тактильные ощущения: *нежный, не тяжёлый, масляный*; звуковые характеристики: *не слишком громкий, но заметный*; вкусовые характеристики: *сладкий, вкусный, землянично-туберозовый*; визуальные характеристики: *красивый, соблазнительный, яркий, солнечный, притягательный, томный.* Одиночные когнитивные признаки *интеллигентный аромат, претенциозный, качественный, наркотический дурман*, характеризующие парфюм с антропоморфной, предметной и обонятельной точки зрения, отнесём к дальней периферии концепта.

В англоязычных комментариях к парфюму Givenchy превалируют положительные характеристики: их 77 % против 23 % негативных. Негативные оценки включают в себя обонятельные эвокации растительных образов (ambroxan, strawberry) и тактильные признаки (7 %): Be light on the application though, she's *heavy* and get *cloying* easily[3]. Они составляют 36 % от общего числа текстов, равномерно распределившись по положительным и отрицательным отзывам.

Наиболее многочисленной характеристикой данного аромата в 39 % является эмоциональная субъективная оценка, содержащая абстрактные лексемы по типу Very nice *creation* and rather good *performance* и Beautiful *projection* throughout and *moderate-strong longevity* [Fragrantica.com]. Примечательно, что 27 % данной группы признаков составляет обыгрывание поговорки love at first sight, в которой sight заменили на sniff: it was *love at first sniff*; OMG this is one of the fragrances that has got me *at first sniff!*; THIS was *love at first sniff!* [Fragrantica.com].

Также, как и Juliette has a gun, Givenchy концептуализируется через отсылку к другим парфюмам: It's like a *LDBS* and original L'Interdit Lovechild; it's the unserious, soft spoken cousin of *Love Don't be Shy* by Kilian [Fragrantica.com].

Следующей по численности группой когнитивных признаков является антроморфная метафора (21 %), которая передаёт образ молодой женщины в статусе родства (She's younger, sweeter, creamier and less loud than her *sisters*; it feels like the younger, more feminine and more popular *sister* of the original L'Interdit) и коллеги (If the original L'Interdit is the cold hearted *CEO of a company*, this L'Interdit is the approachable *secretary* with a perfect smile who's breath always smells like chewing gum). Также антропоморфным является комментарий с характеристиками «от противного»: I expected this scent to be just as *intimidating, strict and confident* than the original L'Interdit, but it was not at all [Fragrantica.com].

Вкусовые когнитивные признаки составляют 18 % с использованием лексем sweeter, creamier, sweet, sweets, spicy, syrupy sweetness.

Визуальные характеристики, реализующиеся через 14 % иллюстративного материала, концептуализируют аромат через образ молодой привлекательной женщины: Smells like a gorgeous mysterious young woman that smokes but that tobacco is sexy on her, very exciting femme fatale [Fragrantica.com].

Также интересен факт появления звуковых эвокаций в вербализации отношения комментаторов к исследуемому запаху. Они представлены двумя рецензиями (7 % от общего числа), реализующими когнитивный признак ненавязчивости и нерезкости запаха: *soft spoken* cousin и *less loud* than her sisters.

Подводя итог, отметим, что ядро запаха Givenchy в англоязычном сегменте комментариев формируется когнитивными признаками субъективной оценки и обонятельными образами. Ближнюю периферию составляют антропоморфные характеристики запаха,

[2] Givenchy // Fragrantica.ru: парфюмерный журнал. URL: https://www.fragrantica.ru/perfume/Givenchy/Irresistible-Givenchy-60891.html (дата обращения: 15.03.2025). Далее в тексте [Fragrantica.ru].

[3] Givenchy // Fragrantica.com. URL: https://www.fragrantica.com/perfume/Givenchy/Irresistible-Givenchy-60891.html (дата обращения: 16.03.2025). Далее в тексте [Fragrantica.com].

2025;11(4):903-915 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

дальнюю – вкусовые и визуальные, а крайнюю – тактильные и звуковые когнитивные признаки.

Следующим ароматом для анализа выбран парфюм Baccarat Rouge. Путём сплошной выборки на сайте fragrantica.ru были выписаны первые пятьдесят русскоязычных комментариев к данному аромату. Путём количественного подсчёта выявлено, что негативные и положительные комментарии аромата представлены в соотношении 46 % и 54 %. Исходя из этого считаем целесообразным описание ассоциатов для каждой эмоциональной группы отдельно, во избежание того, чтобы каждый когнитивный признак одной не нивелировался антиподом из другой.

Рассмотрим метафорическое поле ассоциации запаха у положительно оценивающих данный парфюм респондентов. Метафора музыки, представленная словосочетаниями *«бинтовый» аккорд, парфюмный вальс, колкие нотки, медицинская нота* является самой продуктивной – 13 % от общего числа комментариев. Отнесём её к ядру концепта запаха. Ближнюю периферию (4 % по каждой группе) составляют метафоры больницы: *Мне он тоже пахнет йодом, аптечкой и бинтами;* праздника: *Для меня пахнет вкусной выпечкой, печеньем, имбирными пряниками, ёлочкой. Некая йодистость присутствует, но мне она нравится. По моему мнению это новогодний аромат, который уместен в любое время года*; и королевской знати: *Для меня это аромат готики и сексуальности, это Кёльнский собор, куда заходят монаршие особы облачённые в изысканные шелка, парчу и кружева*[4]. Дальнюю периферию формируют одиночные метафоры детства, театра, моря и сказки, например: *Влажная, душная атмосфера после шторма как будто обволакивает, и воздух вокруг этого парфюма будто вязнет* (море); *Странные ароматы каким-то образом колдуют нюх. Вероятно, это аромат в избушке бабы яги :) Опасный и сладкий, колдовской, на него и пришли Гензель и Гретель* (сказка).

Для данной группы респондентов аромат более мужской, чем женский (3 комментария против 1).

Частеречная организация вербалики аромата Baccarat Rouge распределяется следующим образом: в комментариях преобладают прилагательные (82 шт.), далее по частоте употребления идут существительные (51 шт.), а замыкают ряд глаголы (13 шт.). Среди прилагательных наиболее часто встречается реакция *сладкий* и *сексуальный;* также довольно распространены прилагательные субъективной оценки (*классный, уникальный, легендарный, офигенный, необычный*) и медицинская лексика: *йодовый, больничный, стерильный, бинтовый*. Среди существительных помимо повторяющихся слов *йод, бинты, больница, сахар* присутствуют две большие семантические группы. Это сладости или сдобные изделия: *выпечка, печенье, пряник, петушки на палочке, вата* и растительные образы: *шафран, орех, кедр, деревяшки, ёлочка, смола, амбра.* Среди глаголов исключительно положительной семантики преобладают единицы, обозначающие воздействие на органы чувств – на все, кроме вкуса: обоняние: *колдует нюх*; слух: *звучит*; зрение: *переливается красками*; осязание: *окутывает, обволакивает, вязнет*. Последняя группа глаголов доминирует.

Таким образом, мы можем сформулировать следующую полевую организацию концепта Baccarat Rouge среди любителей данного аромата: ядро – аромат ассоциируется с музыкой, сладкой выпечкой, сексуальностью; ближняя периферия – субъективные оценки в виде эмоциональных реакций на аромат; дальняя периферия – непредсказуемость аромата, который может то пахнуть йодом и бинтами, то трансформироваться в амбру, шафран и кедр. Аромат связывают не с весной, а с дорогим королевским готическим двором во время бала. Метаморфозность аромата обеспечивает сосуществование в нём ассоциаций сказки, праздника и больницы.

Теперь рассмотрим метафорическое поле ассоциации запаха у пользователей, которые отрицательно оценивают данный парфюм.

[4] Baccarat Rouge // Fragrantica.ru: парфюмерный журнал. URL: https://www.fragrantica.ru/perfume/Maison-Francis-Kurkdjian/Baccarat-Rouge-540-33519.html (дата обращения: 20.03.2025). Далее в тексте [Fragrantica.ru].

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4): 903-915
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Метафора больницы находится на первом месте с показателем в 63 %: *Если бы вас посадили в психбольницу к татуированным девушкам с длинными чёрными волосами, в смирительной рубашке, то я уверяю, они будут так пахнуть; Леденец на палочке, но в руках человека на больничной койке, и человек этот весь в окровавленных бинтах. Спустя пару часов раны под бинтами начинают подгнаивать, тело больного отчётливо немыто, запах в палате затхлый и тяжёлый* [Fragrantica.ru]. К данному типу метафор мы отнесли рецензии с лексикой, упоминающей больницу, как-то: *психбольница, смирительная рубашка, бинты, больничная койка, раны, медикаменты, хирургия*. Иногда в «больничном» комментарии, а иногда отдельно функционирует и метафора нездоровья – 18 %. Например: *Это душно, начинает болеть голова, какие-то неприятные ассоциации с нездоровьем то ли человека, то ли места, то ли мира; Аромат вызывает тревогу, от него жутко, как будто смотришь на чистую белую кафельную стенку помещения, где разворачивается сцена из фильма ужасов; Сегодня в метро задохнулся от запаха этих ирисок, чуть диабет не заработал* [Fragrantica.ru].

Следующую по численности группу составляют неметафорические субъективные оценки (26 %), в которых пользователи открыто выражают своё неудовольствие от запаха. Ср.: *Полный отврат; Ну не моё; За ношение этого в люди должна назначаться административка* [Fragrantica.ru]. Некоторые комментарии содержат несколько метафор, а потому процентное соотношение приведённых групп не выходит на 100 %.

По сравнению с разнообразными метафорами положительно оценивающих аромат респондентов данная подгруппа демонстрирует определённую скромность воображения, которая, возможно, обусловлена слишком очевидными обонятельными впечатлениями от Baccarat Rouge.

Рассматривая частеречное соотношение комментариев, отмечаем заметное уменьшение использования прилагательных данной группы комментаторов по сравнению с предыдущей: 31 реакция против 82. Интерпретируя данный факт, смеем предположить, что одобряющие аромат пользователи пытались перевесить резкость комментариев порицающих и прикладывали больше усилий для того, чтобы оформить свой отзыв. Они приводили несколько однородных и неоднородных прилагательных, стремясь не повторять предыдущих комментаторов. Существительные и глаголы обеих групп находятся практически в одинаковом соотношении.

Если глаголы позитивной группы больше описывают тактильные ощущения, то глаголы негативной – отображают воздействие аромата на обоняние: *воняет, доводит до тошноты, смердит, задохнуться, блевать.* Прилагательные также демонстрируют актуальность участия в первую очередь обонятельного органа чувств, затем вкусового и осязательного: *гниющий, не свежий, пыльный, затхлый, еловый, протухший, жжёный* (обоняние); *сиропный, горький, сладкий, прокисший* (вкус); *тяжёлый, удушающий* (осязание).

Визуальные образы формируют существительные с повторяющимися лексемами *бинты* (7 шт.), *больница* (3 шт.), *йод* (3 шт.). Также ими характеризуется принадлежность запаха по профессиональному признаку. Он подходит, по мнению рецензентов, *провизору, ветеринару, ортодонту, медику*, например: *В итоге я его подарила своей крестной, как раз был повод ей 55 лет, и самое главное она провизор в аптеке, и там бакаре самое место!!!* [Fragrantica.ru]

Полевая организация аромата Baccarat Rouge среди пользователей, негативно её оценивших, имеет следующую структуру: ядро сформировано метафорой больницы, обонятельными эвокациями, с преимущественным использованием лексем *больничный* и *бинты*; ближняя периферия включает субъективные неметафорические оценки аромата, лексику нездоровья, зрительные эвокации; дальнюю периферию составляют вкусовые когнитивные признаки и характеристика запаха по профессиональной принадлежности.

В целом, аромат для данной категории пользователей имеет крайне негативную ассоциацию с больницей и её запахами, яв-

2025;11(4):903-915 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ляется тяжёлым, удушающим, отталкивающим.

Англоязычные рецензии на исследуемый аромат (также в количестве 50 единиц) проанализируем по несколько иной схеме. Здесь мы не будем разделять вербализированные фрагменты на два отдельных концепта, поскольку антиномий между ними гораздо меньше, чем в русскоязычном варианте комментариев.

Начнём с самого очевидного наблюдения за образностью / не образностью речи рецензентов. Половина материала картотеки имеет образную лексику (48 %). Её составляют образы стоматологического кабинета (2 шт.), ситуации застревания в лифте (2 шт.), больницы (2 шт.), спортзала, сладкой ваты, свитера, изъеденного молью, например: a *mothballed sweater worn by someone who died while smoking their last cigar*[5].

На основе образных комментариев можно выделить несколько когнитивных признаков аромата Baccarat Rouge, которые перекликаются с выявленными негативными признаками в русскоязычных интернет-отзывах. Первым по количественному показателю является признак запаха как угрожающего здоровью человека: вызывающего тошноту, головную боль и диабет: I find it *headache* inducing and overused; It just gives me *nausea* every time I smell it somewhere [Fragrantica.com]. Вторым когнитивным признаком можно считать принадлежность данного аромата медицинскому учреждению: больнице, стоматологическому кабинету. Третий признак характеризует затхлость данного запаха с помощью образов катакомб, заброшенного дома, дома престарелых: An unholy synthesis of a tour of the *Paris catacombs;* Like *an abandoned house* with broken windows where moss has started to grow inside; Why would you pay this much money to smell like a *nursing home*? [Fragrantica.com]. Четвёртый признак обозначает несвежесть аромата, граничащую с запахом человеческих нечистот и испражнений: Smells like *Satan's boxers* after a rave; It smells like a *used tampon;* Something about it reminded me strongly of a *public restroom*. Vague *fecal hints* mingled with industrial cleaner [Fragrantica.com].

На основе необразных комментариев можно выделить несколько ключевых когнитивных признаков аромата: это его уникальность, узнаваемость, прорывной характер и возбуждение сексуального интереса у противоположного пола. Также запах неоднократно характеризуется как унисекс.

По эмоциональному компоненту тексты можно разделить на написанные с категоричным обожанием (47 %), обвинением запаха (30 %), как шутка (15 %) и с некатегоричной осторожной оценкой (18 %), которая мягко преподносит либо оправдание за то, что комментаторы не полюбили запах, либо извинение за то, что запах им нравится: A captivating scent that became a cult classic for a reason (обожание); It should be against the law to wear this! Candy store chemical warfare; I tried a sample of this because I was curious after hearing all the hype. It was hate at first sniff, and the rest of sample went straight into the trash can (обвинение); Feels like I've been mugged by a rose bush in a tuxedo (шутка); I don't know why I can't smell what everyone else seems to get from this, but it's definitely not something I would want to spray on my body every day. After finishing an entire bottle, I personally don't think its a 'me' scent, but I certainly appreciate its originality. I don't know why, but it smells so sexy to me. Maybe I'm just a bit of a pervert when it comes to scents (осторожная оценка) [Fragrantica.com].

На данном этапе анализа мы можем выявить те признаки, которые в англоязычном сегменте перекликаются с концептом русскоязычного сегмента рецензий. В обоих концептах присутствует признак тошнотворности запаха, его синтетичность, «больничность», то, что он должен быть признан вне закона, его сладость и едкость, которые передаются словосочетанием «химическое оружие»; чрезмерная популярность аромата, а также единичные, но тождественные признаки океанической свежести. Также общим моментом является характеристика запаха «от противного», ср.: Для меня бинты *не*

[5] Baccarat Rouge // Fragrantica.com. URL: https://www.fragrantica.com/perfume/Maison-Francis-Kurkdjian/Baccarat-Rouge-540-33519.html (дата обращения: 23.03.2025). Далее в тексте [Fragrantica.com].

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4): 903-915
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

гнойные и не трупные, наоборот стерильные; Для меня *нет никаких бинтов и йода*; Тут *нет бинтов, тут нет леденцов* на палочке; *Not delicious, not pretty, not romantic* in any way; it *doesn't smell like* medical bandages, cat pee, moldy pennies or dental offices to me at all.

Отличает восприятие парфюма то, что в русскоязычной концептуализации отсутствуют негативные образы, связанные с публичными туалетами, и присутствуют романтизированные образы замков и королей.

Подводя итог по англоязычной вербализации концепта Baccarat Rouge, отметим, что его ядро составляют зрительные эвокации с противоречивой эмоциональной составляющей; ближняя периферия содержит обонятельные эвокации; дальняя – вкусовые. В отличие от предыдущих исследованных ароматов, в англоязычном представлении об анализируемом запахе нет такого большого количества когнитивных классификаторов, как в русскоязычном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование способствует углублению понимания когнитивных и языковых механизмов вербализации запахов в текстах русско- и англоязычной интернет-коммуникации.

Проанализированные интернет-отзывы о Juliette has a gun, Givenchy и Baccarat Rouge позволяют сделать вывод об особенностях концептуализации исследуемых парфюмов и представить их полевую структуру в разных лингвокультурах.

Выявлено преобладание метафорического оязыковления запахов. Восприятие исследуемых ароматов происходит на основе эмоционально полярных когнитивных признаков и осуществляется с помощью метафоры «хорошо/плохо», выражающей эмоциональное оценочное суждение о парфюме. Обонятельные эвокации от Juliette has a gun, Givenchy и Baccarat Rouge представлены вкусовыми, звуковыми осязательными, музыкальными и визуальными образами, что свидетельствует о полимодальности метафор при концептуализации указанных парфюмов.

При сопоставлении вербализаций концептов анализируемых запахов в разных языковых сегментах и выявлении общих когнитивных черт можно прийти к такой обобщённой структуре ароматов: Juliette has a gun – сладкий, вишнёво-амброксаново-древесный, возрастной, тяжёлый, пудрово-пыльный; Givenchy – землянично-туберозовый, сладкий, не слишком навязчивый; Baccarat Rouge – сладкий, едкий, удушающий запах с уникальным узнаваемым ДНК.

Языковое выражение запаха выступает при этом в роли знака, помогающего читателю – потребителю данного парфюмерного продукта «вспомнить» личный обонятельный опыт и соответствующие собственные ассоциации.

Результаты исследования могут быть использованы при изучении межкультурной коммуникации, теории когнитивной метафоры, интернет-лингвистики, при дальнейшем анализе языковых особенностей эвокационных текстов.

Список источников

1. *Чувакин А.А.* Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 125 с. https://elibrary.ru/tytdef
2. *Чувакин А.А.* Эвокация в сфере художественно-речевой коммуникации как деятельность (Возвращаясь к старой проблеме) // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 145-150.
3. *Коновалова М.В.* Эвокативная репрезентация и эвокативное воздействие в интернет-медиадискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 479 с. https://elibrary.ru/zqhfal
4. *Василенко Т.Н., Ожмегова Ю.В., Савочкина Е.А., Сим О.А., Чувакин А.А.* Новые возможности лингвоэвокационных исследований // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 83-95. https://elibrary.ru/ibrtwh
5. *Левинсон А.Г.* Пять писем о запахе // Социология чувств: запахи. Москва: НЛО, 2000. № 3.
6. *Плужников М.С., Рязанцев С.В.* Среди запахов и звуков. Москва: Молодая гвардия, 1991. 270 с.

2025;11(4):903-915 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

7. *Арутюнян Л.А.* Способы создания одорем в англоязычном и русскоязычном парфюмерном дискурсе // Евразийский гуманитарный журнал. Пермь, 2017. № 2. С. 59-63. https://elibrary.ru/taneax
8. *Басалаева Е.Г.* Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 16-20. https://elibrary.ru/rfusdb
9. *Басалаева Е.Г.* Парфюмерный дискурс: выражение невыразимого // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И.П. Матханова. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. С. 122-134. https://elibrary.ru/shszvp
10. *Куликова Н.А.* Эвокация обонятельных образов в художественном тексте (на примере рассказов А.П. Чехова) // Филология и человек. 2009. № 4. С. 119-125. https://elibrary.ru/lbdqan
11. *Ефремов В.А., Пименова Е.С.* Речевая агрессия в гендерно маркированных интернет-сообществах: номинации лиц своего пола // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 10-20. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-10-20, https://elibrary.ru/sstzzu
12. *Колупаева А.А*. Когнитивные и языковые механизмы формирования знаний о запахах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 182-184. https://elibrary.ru/ipwhxj
13. *Орлова В.И.* Полимодальность как когнитивная доминанта в автобиографическом тексте (на материале произведений У.С. Моэма, Э.М. Хемингуэя и В.П. Катаева): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2024. 184 с.
14. *Forceville Ch.* Metaphor in pictures and multimodal representations // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 462-482. https://doi.org/10.1017/CBO9780511816802.028

References

1. Chuvakin A.A. *Mixed Communication in a Literary Text: Fundamentals of Evocative Research*. Barnaul, Altai University Publ., 1995, 125 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/tytdef
2. Chuvakin A.A. Evocation in the sphere of artistic speech communication as an activity (Returning to an old problem). In: *Metodologiya sovremennoi lingvistiki: problemy, poiski, perspektivy = Methodology of Modern Linguistics: Problems, Searches, Perspectives*. Barnaul, Altai University Publ., 2000, pp. 145-150. (In Russ.)
3. Konovalova M.V. *Evocative Representation and Evocative Influence in Internet Media Discourse. Dr. Sci.(Philology) diss.* Yekaterinburg, 2016, 479 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/zqhfal
4. Vasilenko T.N., Ozhmegova Yu.V., Savochkina E.A., Sim O.A., Chuvakin A.A. New possibilities for linguo-evocative research. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Philological Journal*, 2007, no. 3, pp. 83-95. (In Russ.) https://elibrary.ru/ibrtwh
5. Levinson A. G. Five Letters About Smell. *Sotsiologiya chuvstv: zapakhi = Sociology of the Senses: Smells*. Moscow, NLO Publ., 2000, no. 3. (In Russ.)
6. Pluzhnikov M.S., Ryazantsev S.V. *Among Scents and Sounds*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991, 270 p. (In Russ.)
7. Arutyunyan L.A. Methods of establishing odoremas in English and Russian perfumery discourse. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*, 2017, no. 2, pp. 59-63. (In Russ.) https://elibrary.ru/taneax
8. Basalaeva E.G. Language representation of odour in the internet perfume discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2013, no. 375, pp. 16-20. (In Russ.) https://elibrary.ru/rfusdb
9. Basalaeva E.G. Perfume discourse: expressing the inexpressible. In: *Problemy interpretatsionnoi lingvistiki: tipy vospriyatiya i ikh yazykovoe voploshchenie = Problems of Interpretive Linguistics: Types of Perception and Their Linguistic Embodiment*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013, pp. 122-134. (In Russ.) https://elibrary.ru/shszvp
10. Kulikova N.A. Evocation of olfactory images in a literary text (using the short stories of A.P. Chekhov as an example). *Filologiya i chelovek = Philology and Human*, 2009, no. 4, pp. 119-125. (In Russ.) https://elibrary.ru/lbdqan
11. Efremov V.A., Pimenova E.S. Speech aggression in gender-marked online communities: same-sex nominations. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 10-20. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-10-20, https://elibrary.ru/sstzzu

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4): 903-915
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

12. Kolupaeva A.A. Cognitive and language mechanisms of the concept “smell” formation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2008, no. 4, pp. 182-184. (In Russ.) https://elibrary.ru/ipwhxj
13. Orlova V.I. *Multimodality as a Cognitive Dominant in Autobiographical Text (Based on the Works of W. Somerset Maugham, Ernest Hemingway, and V.P. Kataev). Cand. Sci. (Philology) diss*. Tyumen, 2024. 184 p. (In Russ.)
14. Forceville Ch. Metaphor in pictures and multimodal representations. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 462-482. https://doi.org/10.1017/CBO9780511816802.028

Информация об авторах

ПАВЛЮК Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Институт педагогического образования и менеджмента (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Армянске, г. Армянск, Республика Крым, Российская Федерация, SPIN-код: 5782-2758, РИНЦ AuthorID: 911886, Scopus Author ID: 57670431500, http://orcid.org/0000-0002-6721-9627, flutemix@yandex.ru

ДУБИНЕЦ Зореслава Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Институт педагогического образования и менеджмента (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Армянске, г. Армянск, Республика Крым, Российская Федерация, SPIN-код: 3191-8636, РИНЦ AuthorID: 890314, http://orcid.org/0000-0002-7673-7573, Zarina46@yandex.ru

Для контактов:
Дубинец Зореслава Александровна
e-mail: Zarina46@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.06.2025
Поступила после рецензирования 30.10.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Tatiana P. Pavliuk, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Humanities Department, Institute of Pedagogical Education and Management (Branch), V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Armyansk, Armiansk, Republic of Crimea, Russian Federation, SPIN-code: 5782-2758, RSCI AuthorID: 911886, Scopus Author ID: 57670431500, http://orcid.org/0000-0002-6721-9627, flutemix@yandex.ru

Zoreslava A. Dubinets, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Humanities Department, Institute of Pedagogical Education and Management (Branch), V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Armyansk, Armiansk, Republic of Crimea, Russian Federation, SPIN-code: 3191-8636, RSCI AuthorID: 890314, http://orcid.org/0000-0002-7673-7573, Zarina46@yandex.ru

Corresponding author:
Zoreslava A. Dubinets
e-mail: Zarina46@yandex.ru

Received 06.06.2025
Revised 30.10.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

2025;11(4):916-928 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928
Шифр научной специальности 5.9.1

Революция 1917 г. и Гражданская война 1917–1922 гг. в историософской оптике М.А. Волошина

Священник Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович) ✉
Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пятницкая, 4/2, стр. 1
✉ Artemyudakhin@yandex.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Творчество М.А. Волошина содержит в себе уникальную по глубине и обширности историософскую рефлексию катастрофы первой четверти XX века – Революции 1917 г. и последующей Гражданской войны 1917–1922 гг. Целью исследования является анализ историософского дискурса М.А. Волошина о России, его отличительных черт в историческом и метаисторическом контекстах трагических событий первой четверти XX века. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основным материалом исследования служит поэтическое творчество М.А. Волошина (1917–1924), черновые дневниковые наброски, а также публицистические статьи, прежде всего, «Русская бездна» (1919) и «Россия распятая» (1920). В ходе исследования мы использовали сравнительно-исторический и культурно-исторический методы анализа. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. М.А. Волошин, используя двойную оптику восприятия реальности (библейская и античная парадигмы), предлагает читателю сложную и многоуровневую модель интерпретации происходящего. Осмысление революции и междоусобной войны осуществляется поэтом через использование библейских (мессианство, искупление, апокалипсис) и античных (символизм, антиномизм) концептов, а также через отсылки к историческим реалиям прошлого. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Историософская система взглядов М.А. Волошина, отражённая в творчестве поэта, представляет собой уникальный феномен в истории отечественной мысли. Обращаясь к различным контекстам (история/метаистория), оперируя сложными концептами, поэт предлагает читателю собственное видение причин Революции 1917 г., Гражданской войны 1917–1922 гг. и их последствий, неизменно осмысляя процессы subspecie aeternitatis.

Ключевые слова: М.А. Волошин, Революция 1917 г., Россия, Библия, античность, историософия, мессианство, православие

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.А. Юдахин – разработка концепции исследования, анализ научной литературы, работа с литературными источниками, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник*. Революция 1917 г. и Гражданская война 1917–1922 гг. в историософской оптике М.А. Волошина // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 916-928. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928

© Артемий Юдахин (Юдахин Артём Александрович), священник, 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):916-928
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928
OECD 6.02; ASJC 1208

Check for updates

The Revolution of 1917 and the Civil War of 1917–1922 in the historiosophical optics of M.A. Voloshin

Priest Artemy Yudakhin (Artyom A. Yudakhin)
Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies
1 bldg, 4/2 Pyatnitskaya St., Moscow, 115035, Russian Federation
Artemyudakhin@yandex.ru

Abstract
INTRODUCTION. M.A. Voloshin's work contains a unique depth and breadth of historiosophical reflection on the catastrophe of the first quarter of the 20th century – the Revolution of 1917 and the subsequent Civil War of 1917–1922. The purpose of the study is to analyze M.A. Voloshin's historiosophical discourse on Russia, its distinctive features in the historical and metahistorical contexts of the tragic events of the first quarter of the 20th century. MATERIALS AND METHODS. The main research material is the poetic work of M.A. Voloshin (1917–1924), rough diary sketches, as well as journalistic articles, primarily "The Russian Abyss" (1919) and "Russia Crucified" (1920). In the course of the research, we used comparative historical and cultural historical analysis methods. RESULTS AND DISCUSSION. M.A. Voloshin, using the dual optics of perception of reality (the biblical and ancient paradigms), offers the reader a complex and multilevel model of interpretation of what is happening. The poet's understanding of revolution and internecine war is carried out through the use of biblical (Messianism, redemption, apocalypse) and ancient (symbolism, antinomianism) concepts, as well as through references to historical realities of the past. CONCLUSION. The historiosophical system of M.A. Voloshin's views, reflected in the poet's work, is a unique phenomenon in the history of Russian thought. Turning to various contexts (history/meta-history), using complex concepts, the poet offers the reader his own vision of the causes of the Revolution of 1917, the Civil War of 1917–1922 and their consequences, invariably comprehending the processes of subspecie aeternitatis.

Keywords: M.A. Voloshin, Revolution of 1917, Russia, Bible, antiquity, historiosophy, Messianism, Orthodoxy

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.A. Yudakhin – research concept development, scientific literature analysis, working with literary sources, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Artemy Yudakhin (Artem A. Yudakhin), Priest. The Revolution of 1917 and the Civil War of 1917–1922 in the historiosophical optics of M.A. Voloshin. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):916-928. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней многолетняя Гражданская война (1917–1922) осмыслялись М.А. Волошиным subspecie aeternitatis, с глубоко продуманной историософской позиции, имевшей свои характерные особенности и уникальные черты, обозначенные и исследованные, в частности, А.А. Долиным [1], Т.Д. Суходуб [2] и Е.С. Мельниковым [3]. Античный, а также библейский – фундаментальный и системообразующий, – пласты историософских воззрений Волошина подробно рассмотрены в научных статьях Е.Б. Смагиной [4], О.А. Пороль, И.И. Просвиркиной, Н.М. Дмитриевой [5], Л.Н. Столовича [6], А.А. Юдахина [7], К.А. Лосевой [8]. Истори-

2025;11(4):916-928 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ческая ретроспектива, включающая в себя как позднеантичный, общеевропейский, так и специфически русский контексты, важна для поэта именно потому, что «особый русский путь» Волошин рассматривает в глобальном измерении. Полезной, с нашей точки зрения, является статья М.В. Яковлева, посвящённая месту Петра I и постпетровской имперской России в творчестве М.А. Волошина [9]. Отдельного внимания заслуживает предпринятая нами попытка, с опорой на научные источники [10; 11] реконструировать историософский взгляд М.А. Волошина на революционные события и Гражданскую войну через образ вакхического ритуала, упомянутого самим поэтом в черновых заметках. Целью исследования является комплексный анализ историософского дискурса М.А. Волошина о России, его отличительных черт в историческом и метаисторическом контекстах трагических событий первой четверти XX века.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным объектом исследования послужило поэтическое творчество М.А. Волошина в период с 1917 по 1924 г., черновые дневниковые наброски, а также, публицистические статьи поэта, прежде всего, «Русская бездна» (1919) и «Россия распятая» (1920).

Методологической основой исследования послужили приёмы культурно-исторического и сравнительно-исторического анализа. Междисциплинарный характер исследования обусловлен обращением к богословской, литературной, исторической и историософской проблематике.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Мы вправе рассматривать совершающуюся революцию, как одно из глубочайших указаний о судьбе России и об её всемирном служении»[1] – так М. Волошин в статье «Россия распятая», связывая воедино контексты русской и всемирной истории, характеризует совершившуюся на его глазах эпохальную катастрофу – гибель трёхсотлетней Российской империи, падение монархии, кризис государственности и войну всех против всех, продолжавшую терзать и ослаблять Отечество. Статья Волошина «Русская бездна» открывается следующей констатацией: «воистину в судьбах России скрыта тайна, вызывающая ужас и головокружение»[2]. Смысловой посыл двух отрывков in genere сводится к трём «волошинским» историософским постулатам, исследованию которых посвящена данная статья: неразрывность судеб России и мира, мессианское призвание России и тайна её кенотического служения.

Анализ историософской мысли М. Волошина невозможен без предварительного обозначения тех идейно-философских параметров, которые настраивают и определяют саму оптику восприятия поэтом исторической реальности. Таких наиболее важных, ключевых параметров, на наш взгляд, два. Прежде всего, это *библейская парадигма* Священной истории, включающая в себя учение о творении мира exnihilo, первородном грехе, пришествии Мессии и исполнении времён (эсхатон). Отличительной чертой библейского учения об истории как поступательном линеарном процессе является концепция Бога-Творца и Бога-Промыслителя, активно участвующего в жизни как отдельно взятого человека, так и всего человечества в целом. «Бог действует в истории и в истории являет Себя» – эти слова Э. Фромма весьма точно резюмируют библейское учение о Боге и человеке[3]. О глубинном библейском пласте мировоззрения и творчества М. Волошина мы писали прежде [7], сейчас же ограничимся несколькими замечаниями. Теофания, мессианство, апокалипсис, кенозис, искупление, бесовство – эти и другие библейские понятия являются фундаментом историософии Волошина, причём заметно это становится даже при беглом и поверхностном прочтении стихотворений поэта, написанных

[1] *Волошин М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. Москва: Эллис Лак 2000, 2008. С. 488.

[2] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 412.

[3] *Фромм Э.* Вы будете как боги. Москва: АСТ, 2024. С. 76.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):916-928
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

в период революционной смуты и после. Сам Волошин отмечает, что в период Первой мировой войны и Революции 1917 г. он знал «только два круга чтения: газеты и библейских пророков», причём последние «были современнее первых»[4]. Весьма показательно, что такие известные стихотворения, как «Видение Иезекииля» (1918), «Неопалимая купина» (1919) и «Готовность» (1921), не только воспроизводят библейскую сюжетику и вбирают в себя библейский лексикон, но и выражают пламенный пророческий пафос, опять-таки отсылающий читателя к текстам Священного Писания.

Наряду с библейской следует обозначить также *античную парадигму*, оказавшую многостороннее влияние на Волошина как человека своей эпохи – творца и мыслителя Серебряного века. Символизм и антиномизм, как одни из структурообразующих элементов мировоззрения Волошина, генезис которых подробно исследован Л.Н. Столовичем [6], следует также дополнить важным риторическим приёмом аналогии, к которому весьма часто прибегает поэт. Кроме того, следует особо выделить ключевой для поэта концепт «Двух градов», разработанный позднеантичным богословом и философом Августином Иппонийским в трактате «О Граде Божием», а также в целом весь позднеантичный исторический контекст, прежде всего – «римский мир периода упадка»[5], событийная канва которого дала поэту обильную пищу для размышлений. Отдельного внимания заслуживает древнегреческий ритуал дионисийского культа спарагмос, упоминаемый в трагедии Еврипида «Вакханки» и привлёкший внимание Волошина – этот сюжет будет рассмотрен нами отдельно.

Природа символа такова, что предполагает многоплановость его трактовки и интерпретации, что, вместе с тем, актуально и для библейского повествования, акцентирующего внимание не только на историческом, но и на метаисторическом контекстах, соединение которых осуществляется посредством символа и символического мышления. В статье «Леонид Андреев и Фёдор Сологуб» (1907) Волошин пишет, в частности, о том, что символ всегда есть «переход от частного к общему»[6] и «от преходящего к вечному»[7]. Такая двойная функция символа позволила монахине Марии (Скобцовой) сделать следующий вывод относительно непреходящего значения Священного Писания: «Евангельское повествование как бы в малом кристалле запечатлело в себе всё, что бывает, и всё, что может быть в мире… в известном смысле каждый человеческий образ, явленный и раскрытый нам в Евангелии, отображается в ходе человеческой истории»[8]. Иными словами, каждый образ и каждая ситуация, явленные в Библии как факты Священной Истории, предстают также в качестве вечных символов-архетипов, сознательное или бессознательное воспроизведение которых и составляет саму жизнь человека в истории. Волошин в полной мере усваивает данную традицию, в связи с чем Т.Д. Суходуб отмечает следующее: «Волошинская философия истории основывается в первую очередь на положении о том, что за всеми событиями современной истории стоят, определяя их сущностную основу, события прошлого» [2, с. 271], которые исследовательница предлагает определить как «праформы» [2, с. 271]. Помимо метаисторического истолкования происходящих событий, М. Волошин постулирует наличие в здешнем мире прочных причинно-следственных связей, вдумчивое исследование которых объясняет возникновение тех или иных исторических явлений. В статье «Россия распятая» Волошин пишет следующее: «Каждый жест современности должен быть почувствован и понят в связи с действием переживаемого акта, а каждый акт – в связи с развитием всей трагедии»[9]. В

[4] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 52.

[5] «Я – римский мир периода упадка» – начало стихотворения «Томление» Поля Верлена (L'Empire a la fin de la décadence) в переводе Б.Л. Пастернака.

[6] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1. Проза. Очерки, статьи, рецензии. Москва: Эллис Лак, 2009. С. 97.

[7] Там же.

[8] *Монахиня Мария (Скобцова).* Оправдание фарисейства. URL: https://mere-marie.com/creation/opravdanie-fariseystva/ (дата обращения: 28.05.2025).

[9] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 455.

2025;11(4):916-928 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

историософском аспекте творчество Волошина выделяется своей грандиозной масштабностью, поэт охватывает проницательным взглядом эпохи, отстоящие друг от друга на века и тысячелетия, и приводит их к единому духовному знаменателю. Особый интерес у поэта вызывает судьба России, неразрывно связанная как с библейской, так и с античной предысторией. А.А. Долин, выделяя творчество Волошина, справедливо отмечает, что «никто из его современников и собратьев по цеху никогда не пытался столь глубоко и всесторонне рассмотреть прошлое, настоящее и будущее России» [1, с. 311].

Катализатором историософских размышлений М. Волошина о судьбах России послужила Первая мировая война и, главным образом, Октябрьская революция 1917 года. Волошина, как и других авторов – поэтов, писателей, философов и политиков тех лет, волновал главный вопрос: как и почему великая Империя рухнула в одночасье? Как Бог мог допустить это? Собственно, главный вопрос заключался в осознании смысла происходящего. В.В. Розанов, оценивая происходящее subspecie aeternitatis, пишет в «Апокалипсисе нашего времени» (1918): «Если нет смерти человека „без воли Божией“, то как мы могли бы допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная без воли Божией»? И в этом весь вопрос. Значит, Бог не захотел более быть Руси. Он гонит её из-под солнца»[10]. Волошин также пытается дать ответ на сущностный вопрос о смысле происходящей катастрофы. Однако, его ответ – гораздо более сложный и продуманный.

Первая причина революции, с точки зрения Волошина, кроется в исторической ретроспективе бытия Российской империи и Московского Царства. Трагическая развязка 1917 г. подготавливалась предшествующими столетиями и, главное, самим режимом монархического правления в России, который Волошин обозначает парадоксальной формулировкой «революционное самодержавие»[11]. Смысл подобного определения поэт раскрывает весьма подробно: «в России монархическая власть во все времена была радикальнее управляемого ею общества и всегда имела склонность производить революцию сверху, старалась административным путём перекинуть Россию на несколько столетий вперёд, согласно идеалам прогресса своего времени, прибегая для этого к самым сильным насильственным мерам в духе застенков Александровской слободы и Преображенского Приказа. Так было во времена Грозного, так было во времена Петра»[12]. Самодержавная Россия сама приуготовляла свой конец, причём делала это, по мнению Волошина, «большевистскими» методами:

Ломая кость, вытягивая жилы,
Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы
Пожарский царствовать привёл.
Антихрист-Пётр распаренную глыбу
Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
Наукам книжным обучал.

Китеж (1919)

Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, классы, народы.

Терминология (1921)

Русь! встречай роковые годины:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.

Дикое поле (1920)

«Неизжитые страсти» Империи преломлялись в целом комплексе насущных и так и неразрешённых царским правительством проблем: трагедия Раскола, секуляризация и фактическое подчинение Церкви государству («Церковь в параличе с Петра Великого»[13] – так напишет Ф.М. Достоевский в 1880 г.), европоцентризм, глубокая пропасть, разде-

[10] *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. Москва: Республика, 2000. С. 8.

[11] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 462.

[12] Там же. С. 461.

[13] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1984. Т. 27. С. 49.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):916-928
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

лявшая жизнь «народа» и «общества», прочие социально-политические и экономические факторы, в том числе затяжной конфликт власти с дворянством и интеллигенцией, о котором пишет М. Волошин[14], – всё это вместе привело Империю к краху. Отталкиваясь от предложенной Т.Д. Суходуб концепции «праформ», отметим, что Французская революция 1789 г. также создавала «некую форму последующих революционных процессов новейшей истории, в том числе и в России» [2, с. 275]. В исторической плоскости причинно-следственные связи были установлены и обозначены, так что Волошин вполне мог бы подписаться под резкими (и даже ругательными) словами уже цитировавшегося нами В.В. Розанова: «Не довольно ли писать о нашей вонючей Революции, – и о прогнившем насквозь Царстве, – которые воистину стоят друг друга»[15]. Приход к власти большевиков стал, по мнению поэта, закономерным итогом многовековой насильственной политики «революционного самодержавия».

С позиции метафизики и метаистории Волошин даёт гораздо более сложный ответ на вопрос о том, что же послужило подлинной причиной прихода к власти большевиков. Одно из главных и самых известных произведений М. Волошина, поэма «Путями Каина», носит весьма характерное название и представляет собой эпохальную панораму бытия человечества, находящегося под властью греха, а потому оппонирующего Богу. Убийство Каином Авеля является одним из основных библейских архетипов или «праформ», фундирующих всю историософскую парадигму Волошина. «Путь Каина – человека плотского, земного, лишённого Божественной лёгкости и духовных устремлений – ведёт к неминуемому апокалипсису» [8, с. 132] – так комментирует К.А. Лосева opusmagnus Волошина и дополняет – «человечество обречено на этот Путь, пока оно несёт в себе вину за грех» [8, с. 124]. Каинов грех вновь и вновь проявляется и повторяется в истории человечества и в истории России через восстания, бунты и междоусобицы. Внимание Волошина привлекают такие тяжёлые периоды русской истории, как Смутное время (1598–1613), Разинщина (1667–1671) и Пугачёвщина (1773–1775). Именно с ними поэт соотносит Октябрьскую революцию и Гражданскую войну («в большевиках мы видим неугасимый разбойничий дух старой Московской Руси»[16]):

Мы устроим в стране благолепье вам, –
Как, восставши из мёртвых с мечом, –
Три угодника – с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придём Пугачём.
Стенькин суд (1917)

И вырвались со свистом из-под трона
Клубящиеся пламена –
На свет из тьмы, на волю из полона –
Стихии, страсти, племена.
Анафем церкви одолев оковы,
Повоскресали из гробов
Мазепы, Разины и Пугачёвы –
Страшилища иных веков.
Китеж (1919)

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века – мёртвый, неизбывный
Правил я лихой годиной бед.
И опять приду – чрез триста лет.
Дметриус-император (1917)

Бунт против помазанника Божия является святотатством и бунтом против Самого Бога, и это бунташество уподобляет мятежников бесам, вечным противникам «Царя царствующих и Господа господствующих» (1-е Тим. 6:15). Так в размышлениях о Революции в сознании Волошина возникает инфернальный мотив бесовства, дурмана и зловещего дьявольского наваждения:

Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ, безумием объятый,

[14] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 462.
[15] *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. С. 12.
[16] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 430.

2025;11(4):916-928 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

О камни бьётся головой
И узы рвёт, как бесноватый…
Петроград (1917)

Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огнь и в воду,
О камни бьёт и гонит в лес.
Русь глухонемая (1918)

«Большевизм нельзя победить одной силой оружия, от бесноватости нельзя исцелиться путём хирургическим»[17] – это слова Волошина из статьи «Русь распятая». Примечательно, однако, что инфернальной в творчестве поэта предстаёт не только «великая, тёмная, пьяная, окаянная» («Стенькин суд», 1917) Русь, но и императорская власть, жестокий петербургский абсолютизм, нарушающий заветы святого Православия. Царь Пётр воспринимался в старообрядческой среде как антихрист вовсе не случайно. Государь, носивший «фряжское» платье (в иконографии – одежда бесов), обвенчался с собственной крестницей (с точки зрения церковных канонов – кощунство) и регулярно участвовал в святотатственных «всешутейших соборах», высмеивавших и попиравших православную веру:

В конклаве всешутейшего собора
На медведях, на свиньях, на козлах,
Задрав полы духовных облачений,
Царь, в чине протодьякона, ведёт
По Петербургу машкерную одурь.
Россия (1924)

«Петровский круг», упоминаемый в поэме «Россия» (1924), коррелирует с «бесовским хороводом» из более раннего стихотворения «Петроград» (1917). Русь-Россия сверху донизу оказывается охвачена бесовством. Большевистское беснование наследует как бунташной, так и царской одержимости, и в этом смысле Пётр I также был «первый большевик» («Россия», 1924). Примечательно, что в том же 1924 г. прот. С. Булгаков заносит в свой «Дневник духовный» следующую запись: «Какое бедствие постигло русскую землю, какое развращение! Изнемогает ум объять происходящее, раскованный сатана ярится»[18]. Именно дьявол, согласно Волошину, является подлинным актором «новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени»[19]. Данный вывод становится очевидным, если учесть логику апостола Павла в послании к Ефесянам, хорошо знакомую поэту: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12).

Бесовство, приверженность злу и отпадение от Бога должны быть искуплены – для вразумления и исправления Господь попускает народу пройти через беды и скорби: «кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Притч. 3:12). Согласно древнерусской «теории казней Божиих» (библейской по своей природе), «глубине заблуждения соразмерно суровейшее из возможных на земле возмездий»[20]. О глубоком духовно-нравственном кризисе Империи Романовых красноречиво свидетельствует её некогда искренний сторонник: «Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие, Царя, как мистическую, священную Государственную власть, и я обречён был видеть, как эта теократия не удалась в русской истории и из неё уходит сама, обмирщившись, подменившись и оставляя своё место… интеллигентщине»[21]. А в предсмертном дневнике святого Иоанна Кронштадтского рядом с датой 3 октября 1908 г. находим следующую запись: «Земное отечество страдает за грехи Царя и народа, за маловерие и недальновидность Царя, за его потворство неверию и богохульству Льва Толстого и всего так называемого образованного мира министров, чиновников, офи-

[17] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 497.

[18] *Булгаков С.Н.* Дневник духовный. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 15.

[19] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 459.

[20] *Мильков В.В.* Осмысление истории в Древней Руси. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 51.

[21] С.Н. Булгаков: Proetcontra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христ. гум. ин-та, 2003. С. 86.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):916-928
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

церов, учащегося юношества. Молись Богу с кровавыми слезами о общем безверии и развращении России»[22]. Безволие царя, обмирщение, развращение и безверие русского народа получили должное возмездие – и здесь мы должны будем перекинуть мостик повествования к античному контексту, поскольку это делает сам Волошин: «Память невольно искала аналогий судьбам России в истории падений и разрушений других империй и останавливалась, конечно, на Риме»[23].

Как известно, Западная Римская империя прекратила своё существование в 476 г., когда командир мятежного отряда варваров-федератов Одоакр сверг последнего римского императора малолетнего Флавия Ромула Августа. Однако крушению Империи предшествовал долгий период агонии и упадка, системный анализ которого представлен в работе американского учёного М. Гранта «Крушение Римской империи» (1976)[24]. В V столетии Рим не раз подвергался захвату и разграблению варварами: в 410 г. «вечный город» покорили вестготы, в 455 г. вандалы во главе с Гейзерихом. Одну из самых страшных угроз для Империи представляли бесчисленные орды вождя гуннов Аттилы, который, по сообщению историка Иордана, «соединил под своей властью всё племя целиком… задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везеготов»[25]. «Помыслы Аттилы обращены на разорение мира»[26] – это замечание Иордана имело под собой веские основания. В 440-е гг. Аттила во главе многочисленного войска «прошёл Германию до Рейна… и разрушил целый ряд городов, как, например, Трир, Мец, Аррас»[27], а спустя несколько лет «предпринял новый набег… в Италию, разрушил Аквилею, взял Альтинум, Падую, Милан и многие другие города»[28]. Бесчисленные разрушения, ограбление и предание огню целых регионов вселяли ужас в римлян. Исидор Севильский спустя полтора столетия после описываемых событий писал о гуннах: «они были гневом Господним. Так часто, как его возмущение вырастает против верующих, он наказывает их Гуннами, чтобы, очистившись в страданиях, верующие отвергли соблазны мира и его грехи и вошли в небесное королевство»[29].

Восприятие гуннов как «гнева Господня», наказывающего одни народы посредством других, привлекло внимание М. Волошина. В эпиграф стихотворения «Северовосток» (1920) поэт вынес знаменитый фрагмент из «Золотой легенды» (XIII век), повествующий о встрече Аттилы с христианским епископом города Труа Лупом. Приведём его полностью: «когда город осадил полководец Аттила, святой Луп окликнул его с городских ворот и спросил, кто он такой, чтобы осаждать город. Тот ответил: „Я – Аттила, бич Божий“. Тогда смиренный слуга Божий произнёс в ответ: „Увы мне, я – Луп, разоритель стада Божия, заслуживший бич Божий!“. Луп тотчас приказал распахнуть ворота. По промыслу Божию слепота поразила воинов Аттилы, и они прошли через город от одних ворот до других, никого не увидев и никому не причинив вреда»[30]. Аттила-разрушитель воспринимается святым Лупом как «бич Божий», провиденциальное орудие «гнева Господня», несущее смерть и разрушение христианам, отступившим от Бога. Через страдания и мучения последние искупают грех отступничества. Россия, этот «Третий Рим» (Европа), также по упорству своему и нераскаянному сердцу «сама себе собирает гнев на день гнева» (Рим. 2:5). Умозрительная параллель становится явью в го-

[22] *Святой праведный Иоанн Кронштадтский.* Творения. Предсмертный дневник. 1908. Май–ноябрь. Москва; Санкт-Петербург; Кронштадт: Изд-во «Отчий дом», 2009. С. 68.

[23] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 483.

[24] *Грант М.* Крушение Римской империи. Москва: Терра – Книжный клуб, 1998. 224 с.

[25] *Иордан.* О происхождении готов. Getica. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. С. 95.

[26] Там же. С. 96.

[27] Аттила // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. / под ред. И.А. Андреевского. Санкт-Петербург: Семёновская Типо-Литография (И.А. Ефрона), 1890. Т. 2. С. 448.

[28] Там же.

[29] *Святитель Исидор Севильский.* История готов, вандалов и свевов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Isidor_Sevilskij/istorija-gotov-vandalov-i-svevov/ (дата обращения: 28.05.2025).

[30] *Иаков Ворагинский.* Золотая легенда. Т. 2. Москва: Изд-во францисканцев, 2018. С. 121-122.

2025;11(4):916-928 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

дину Революции и Гражданской войны. Сам поэт, уподобляясь епископу Лупу, приветствует «бич Божий», взметнувшийся над Русской землёй:

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами –
Сотни лет навстречу всем ветрам
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!
Мир (1917)

Мы идём по ледяным пустыням –
Не дойдём и в снежной вьюге сгинем
Иль найдём поруганный наш храм, –
Нам ли весить замысел Господний?
Всё поймём, всё вынесем, любя, –
Жгучий ветр полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.
Северовосток (1920)

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!
Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
Господи! Вот плоть моя.
Готовность (1921)

Примечательно, что русский народ несёт заслуженное бремя страданий не только за свои грехи, но и за чужие. Волошин пишет, что Россия «совершает в настоящий момент жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе»[31]. Этот мотив искупительного и спасительного страдания Россия за грехи Европы, являющийся, в представлении поэта, одним из доказательств «всемирного служения» России, отчётливо звучит в стихах Волошина:

Мы созерцали бедствия рабочих
На Западе с такою остротой,
Что приняли стигматы их распятий.
И наше достиженье в том, что мы
В бреду и корчах создали вакцину
От социальных революций: Запад
Переживёт их вновь, и не одну,
Но выживет, не расточив культуры.
Россия (1924)

Революцию и братоубийственную войну Волошин именует «великим историческим абсурдом»[32], в котором, однако, присутствует «указание на провиденциальные пути России»[33]. Вера поэта в русское мессианство, его избранничество Господом остаётся непоколебимым. Революционные события и разруха междоусобицы временны, а обетования Божии – вечны, «ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим. 11:29). Святая Русь, Новый Израиль, Третий Рим – Россия предизбрана Богом к «всемирному служению»:

Искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды восприять Христовой
От грешников и от блудниц.
Родина (1918)

Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омрачённая, в крови,
Осталась ты землёю исступлений –
Землёй, взыскующей любви.
Китеж (1919)

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
И каждый твой порыв, твой каждый стон
Отмечен Мной и понят и зачтён.
Благословение (1923)

Вера поэта в духовное восстановление России основывается на одном из постулатов его историософии, обозначенным М.В. Яковлевым как «антиномизм разрушающего созидания и созидающего разрушения» [9, с. 193]. Большевики – революционеры-интернационалисты и разрушители становятся державниками и собирателями Русской зем-

[31] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 438.

[32] Там же.

[33] Там же.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):916-928
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ли, внутре- и внешнеполитические шаги которых «стали совпадать со следами, оставленными самодержавием, и новые стены, ими возводимые, совпали с только что разрушенными стенами низвергнутой империи»[34]. Вовсе неслучайно поэтому П. Стретерн пишет, что с приходом к власти большевиков «Российская империя возродилась и предстала в новом обличье»[35]. Этот же антиномизм проявляется и в духовном отношении. Такова по своей природе русская душа, и этот факт является одновременно и источником бед, и источником надежды:

Мы – заражённые совестью: в каждом
Стеньке – святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.
Неопалимая купина (1919)

Мы выучились верить и молиться
За палачей, мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость.
Потомкам (1921)

Вспоминая разграбление Рима королём остготов Тотилой в середине VI века, Волошин пишет о том, как город, оправившись от удара, «постепенно вырастает из развалин и вновь подымается до мирового владычества, на этот раз духовного»[36]. В данном случае речь идёт о возвышении римских пап, но проспективно этого же чуда возрождения поэт ожидает и в России.

Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть…
Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!
Преосуществление (1918)

Оставаясь в пределах античного контекста, отметим одну существенно-важную ремарку, сделанную Волошиным в черновых пометах и набросках: «Революция – очистительный обряд. Вакханки Еврипида»[37]. Данная отсылка проясняет глубинный смысл восприятия Волошиным Революции и Гражданской войны. Вакханки, описываемые Еврипидом, именовавшиеся также менадами (их имя делило корень со словом «μανία», безумие), совершают обряд *спарагмоса* – разрывания плоти жертвенного животного, или же человека, в контексте трагедии Еврипида – фиванского царя Пенфея. Кроме того, считалось, что последователи оргиастического культа Диониса совершали ритуал *омофагии* – поедания плоти разорванного животного. Ю.С. Обидина отмечает, что «те, кто практиковал ритуал омофагии, испытывали одновременно высочайшее возвышение и высшее отторжение, это был священный акт, одновременно характеризующийся как осквернение» [10, с. 33]. Иными словами, ритуал вакханок переживался как *лиминальное состояние* освящения через осквернение. В этом смысле Волошин уподоблял Революцию «очистительному обряду», осуществляющемуся через насилие и кровь. Также в трагедии Еврипида отчётливо звучит мотив, близкий творчеству Волошина в контексте его историософских размышлений – непознаваемость Промысла Божия:

Воли небесной различны явленья, –
Смертный не может её угадать:
Много надежд проходит бесследно,
Многое боги нежданно дают…
Еврипид

Россия проходит через революционные потрясения, интервенцию и братоубийственную войну для того, чтобы очиститься и восстать из пепла ещё более сильной и просветлённой. Переход от жизни к смерти и наоборот совершается непременно так же, как бог Дионис предстаёт одновременно и в образе быка, и в образе змея. Подобная символика имела свой глубокий смысл. Согласно Ю.С. Обидиной, «в мире живых Дионис предстаёт в образе быка, в мире мёртвых – в образе змия. Для бога характерна вечная череда жизни и смерти, соответственно, постоянная смена двух образов: бык превращается

[34] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 491.
[35] *Стретерн П.* Расцвет и падение. Краткая история 10 великих империй. Москва: Эксмо, 2021. С. 236.
[36] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 483.
[37] Там же. С. 713.

2025;11(4):916-928 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

в змия, змий – в быка» [11, с. 21]. Библейский мотив искупления греха через страдания смыкается с сюжетом из трагедии Еврипида (дионисийский ритуал) и указывает на исход трагедии русской усобицы:

Чтоб оно – Царство Русское –
Рдело-зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.
Заклятье о Русской земле (1919)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная Русь.
Заклинанье (1920)

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз,
А из тебя, сожжённый Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!
Благословение (1923)

В конце концов, путь страданий является неизбежным не только для тех, кто идёт «путями Каина» – этот же путь должны пройти и праведники, или, вернее, те, кто стремится к праведной жизни, кто взыскует недостижимую «в мире сем» Правду Божию. В этом плане «Град Божий» и «град земной» вступают в противоречие и конфликт: «не имамы здепребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (Евр. 13:14). На этот же конфликт и неизбежность страданий на пути к «грядущему граду» указывает и Волошин: «мой единственный идеал – это Град Божий… путь к нему – вся крестная, страстная история человечества… этот путь – путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или через капитализм – всё это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух»[38]. Данная позиция снимает все противоречия революционной смуты, снимает в свете пути к вневременному «Граду Божию».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, обозначим главные смысловые пласты Октябрьской революции и Гражданской войны, представленные в историософском сознании и творчестве М. Волошина. Опора на библейскую и античную оптику восприятия реальности позволяет поэту усмотреть скрытое от многих значение трагических событий 1917–1922-х гг. Прежде всего, Волошин воспринимает историю человечества как непрерывное воспроизведение библейских «праформ», в том числе архетипа братоубийства Каином Авеля. Воспроизведение греховного архетипа обусловлено падшим состоянием человека, его греховностью (не лишающей, однако, человека свободы, а потому и моральной ответственности за содеянное). Пребывание во зле, отступление от Бога делает человека беззащитным перед инфернальными силами – так возникает мотив «бесовского круга», хоровода, путающего и губящего Россию на её исторических путях. И в этом смысле, с точки зрения Волошина, большевики-«бесы» ничуть не отличаются от жестоких императоров и царей, попиравших Божью Правду и утверждавших «революционное самодержавие». Грех прошлого искупается русским народом в годину Революции и усобицы, «гнев Господень» приходит через революционеров-большевиков, ставших «бичом Божиим» для погрязшего во грехе народа. Своими страданиями русский народ исцеляет как свои язвы, так и раны Европы, сохраняя европейскую культуру от развала. Таким образом, русское мессианство, великое и святое призвание России ко «всемирному служению» не гибнет, но продолжает животворить Россию – в этом залог её спасения и грядущего просветления. Русская революция в сознании М. Волошина предстаёт переходным этапом, кризисом, за которым, в антиномической логике, последует обновление и преображение России, совершенно в новозаветной логике апостола Павла: «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5:20).

[38] *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. С. 503.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):916-928
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Список источников

1. *Долин А.А.* Русское мессианство. Профетические, мессианские, эсхатологические мотивы в русской поэзии и общественной мысли. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. 420 с.
2. *Суходуб Т.Д.* «Новый гуманизм» философии истории М.А. Волошина // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 271-281. https://elibrary.ru/ynurko
3. *Мельников Е.С.* Мотив русской революции в сборнике М.А. Волошина «Неопалимая купина» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 2. С. 21-28. https://elibrary.ru/tuvqxz
4. *Смагина Е.Б.* Пути Библии: к трактовке античных и библейских мотивов в творчестве М.А. Волошина // Соловьёвские исследования. 2019. № 4 (64). С. 177-190. https://doi.org/10.17588/2076-9210.2019.4.177-190, https://elibrary.ru/jyfnkw
5. *Пороль О.А., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М.* Мотивы начала и конца в библейском дискурсе М. Волошина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 68-72. https://elibrary.ru/tnzgav
6. *Столович Л.Н.* Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии (к 130-летию со дня рождения М.А. Волошина) // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 133-146. https://elibrary.ru/ipitqx
7. *Юдахин А.А.* Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М.А. Волошин, А.А. Блок, С.А. Есенин) // Неофилология. 2025. № 11 (1). С. 98-111. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111, https://elibrary.ru/vizxpj
8. *Лосева К.А.* Заглавие как ключевой фактор интерпретации текста в цикле М. Волошина «Путями Каина. Трагедия материальной культуры» // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 2-3. С. 121-136. https://elibrary.ru/oxgnjt
9. *Яковлев М.В.* Феномен Петра Первого и Петербургский период истории в поэме М. Волошина «Россия» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 3. С. 191-198. https://elibrary.ru/tjzcrw
10. *Обидина Ю.С.* Менадизм в «Вакханках» Еврипида: исторические реалии в зеркале официального культа // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. № 1 (21). С. 28-36. https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-1-28-36, https://elibrary.ru/lifahf
11. *Обидина Ю.С.* Космос и хаос: репрезентативность культа Диониса в трагедии Еврипида «Вакханки» // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. № 2. С. 19-22. https://elibrary.ru/umfsqd

References

1. Dolin A.A. *Russian Messianism. Prophetic, Messianic, and Eschatological motifs in Russian Poetry and Social Thought*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2023, 420 p. (In Russ.)
2. Sukhodub T.D. “New humanism” of the philosophy of history of M.A. Voloshin. *Rossiya v global’nom mire = Russia in the Global World*, 2017, no. 11 (34), pp. 271-281. (In Russ.) https://elibrary.ru/ynurko
3. Mel’nikov E.S. The motive of the Russian Revolution in the collection of M. Voloshin poetry “Burning Bush”. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2015, no. 2, pp. 21-28. (In Russ.) https://elibrary.ru/tuvqxz
4. Smagina E.B. The ways of the Bible: an interpretation of antique and biblical motives in the works of M.A. Voloshin. *Solov’evskie issledovaniya = Solovyov’s Research*, 2019, no. 4 (64), pp. 177-190. (In Russ.) https://doi.org/10.17588/2076-9210.2019.4.177-190, https://elibrary.ru/jyfnkw
5. Porol’ O.A., Prosvirkina I.I., Dmitrieva N.M. Motives of the beginning and the end in the Bible discourse of M. Voloshin. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*, 2014, no. 11 (172), pp. 68-72. (In Russ.) https://elibrary.ru/tnzgav
6. Stolovich L.N. Maximilian Voloshin in the context of the history of Russian philosophy (on the 130th anniversary of M.A. Voloshin’s birth). *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2008, no. 3, pp. 133-146. (In Russ.) https://elibrary.ru/ipitqx
7. Yudakhin A.A. Messianic motifs in the works of the poets of the Silver age (M.A. Voloshin, A.A. Blok, S.A. Esenin). *Neofilologiya = Neophilology*, 2025, no. 11 (1), pp. 98-111. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111, https://elibrary.ru/vizxpj

2025;11(4):916-928 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

8. Loseva K.A. The title as a key factor in the interpretation of the text in M. Voloshin's cycle "Ways of Cain. The tragedy of material culture". *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura = Language. Literature. Culture*, 2012, no. 2-3, pp. 121-136. (In Russ.) https://elibrary.ru/oxgnjt
9. Yakovlev M.V. The phenomenon of Peter the Great and the Petersburg period of history in M. Voloshin's poem "Russia". *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the State University of Humanities And Technology*, 2022, no. 3, pp. 191-198. (In Russ.) https://elibrary.ru/tjzcrw
10. Obidina Yu.S. Maenadism in the Bacchantes of Euripides: historical realities in the mirror of the official cult. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki» = Vestnik of Mari State University. Chapter: History. Law*, 2020, no. 1 (21), pp. 28-36. (In Russ.) https://doi.org/10.30914/2411-3522-2020-6-1-28-36, https://elibrary.ru/lifahf
11. Obidina Yu.S. Space and chaos: the representativeness of the cult of Dionysus in Euripides' tragedy "Bacchantes". *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki» = Vestnik of Mari State University. Chapter: History. Law*, 2015, no. 2, pp. 19-22. (In Russ.) https://elibrary.ru/umfsqd

Информация об авторе

Священник Артемий ЮДАХИН (Юдахин Артём Александрович), кандидат филологических наук, докторант, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 1465-9646, РИНЦ AuthorID: 1200873, https://orcid.org/0000-0003-4552-859X, Artemyudakhin@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.07.2025
Поступила после рецензирования 11.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Artemy Yudakhin (Artem Alexandrovich Yudakhin), Priest, Cand. Sci. (Philology), Doctoral Student, Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 1465-9646, RSCI AuthorID: 1200873, https://orcid.org/0000-0003-4552-859X, Artemyudakhin@yandex.ru

Received 17.07.2025
Revised 11.11.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):929-941
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-929-941
Шифр научной специальности 5.9.1

Исследования творчества Андрея Белого в Китае: методы, подходы и значение

Хайин Гуань, Синь Ван ✉
Нанкинский педагогический университет
210097, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, ул. Нинхай-Роуд, 122
✉ nnuwangxin@163.com

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Андрей Белый (настоящие имя и фамилия – Бугаев Борис Николаевич), заявивший о себе в русской литературе в начале 1900-х гг., интересен для Китая прежде всего как символист и поэт, который рассматривал образ этой страны в контексте Китай – Восток как важное культурное и философское пространство для синтеза Востока и Запада. Цель исследования – систематизировать исследования китайских учёных в области изучения творчества Андрея Белого по времени, категориям и темам. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом данного исследования послужили переводы, научные публикации (статьи, монографии) и другие источники в истории рецепции Андрея Белого в Китае. В ходе исследования были использованы историко-литературный подход, сравнительно-сопоставительный анализ и дескриптивный метод, сфокусированный на темпоральной систематизации особенностей рецепции работ Андрея Белого в Китае. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Китайские исследователи творчества Андрея Белого, с одной стороны, включают символистское движение, отражённое в его произведениях, в широкий литературно-исторический контекст, раскрывая его происхождение и связь с последующими течениями. С другой стороны, учёные подробно исследуют зарождение текстов Андрея Белого и основных тем, выявляя процессы преемственности, трансформации традиций, что позволяет определить роль всего наследия Андрея Белого в истории мировой литературы. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Уточнены хронологические сведения о трёх этапах творчества Андрея Белого, в которые формировался интерес к пониманию сути символизма Андрея Белого, русского модернизма и культурных связей между Россией и Китаем.

Ключевые слова: Андрей Белый, ключевые периоды творчества, символизм, «чистая» поэзия, проза

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта национального фонда социальных наук Китая «Литературная теория и критика А. Белого» (20AWW005).

Вклад авторов: Хайин Гуань – разработка концепции исследования, анализ литературных источников, редактирование рукописи. Синь Ван – поиск и анализ научной литературы, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Гуань Хайин, Ван Синь*. Исследования творчества Андрея Белого в Китае: методы, подходы и значение // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 929-941. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-929-941

© Гуань Хайин, Ван Синь, 2025

2025;11(4):929-941 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-929-941
OECD 6.02; ASJC 1208

Check for updates

Andrei Bely's creative research in China: methods, approaches and significance

Haiying Guan, Xin Wang ✉
Nanjing Normal University
122 Ninghai Rd., Nanjing, 210097, People's Republic of China
✉ nnuwangxin@163.com

Abstract
INTRODUCTION. Andrei Bely (real name and surname – Boris Nikolaevich Bugaev), who made himself known in Russian literature in the early 1900s, is of interest to China primarily as a symbolist and poet who viewed the image of this country in the context of China-East as an important cultural and philosophical space for the synthesis of East and West. The purpose of the study is to systematize the research of Chinese scientists in the field of studying the work of Andrei Bely by time, categories and topics. MATERIALS AND METHODS. The material of this study is translations, scientific publications (papers, monographs) and other sources in the history of Andrei Bely's reception in China. The research used a historical and literary approach, comparative analysis, and a descriptive method focused on the temporal systematization of the reception of Andrei Bely's works in China. RESULTS AND DISCUSSION. Chinese researchers of Andrei Bely's work, on the one hand, include the symbolist movement reflected in his works in a broad literary and historical context, revealing its origin and connection with subsequent movements. On the other hand, scientists study in detail the origin of Andrei Bely's texts and the main themes, revealing the processes of continuity and transformation of traditions, which makes it possible to determine the role of Andrei Bely's entire legacy in the history of world literature. CONCLUSION. The chronological information about the three stages of Andrei Bely's work has been clarified, during which interest was formed in understanding the essence of Andrei Bely's symbolism, Russian modernism and cultural ties between Russia and China.

Keywords: Andrei Bely, key periods of creativity, symbolism, "pure" poetry, prose

Funding. The work was carried out within the framework of the project of the National Fund of Social Sciences of China "Literary Theory and Criticism of A. Bely" (20AWW005).

Authors' Contribution: Haiying Guan – research concept development, literary sources analysis, manuscript revision. Xin Wang – scientific literature research and analysis, research results processing, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Guan Haiying, & Wang Xin. Andrei Bely's creative research in China: methods, approaches and significance. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):929-941. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-929-941

ВВЕДЕНИЕ

«А. Белый мечтал, чтобы его вхождение в литературу было чем-то незаурядным, принципиально новым, экспериментальным. Даже название его первого произведения было неожиданным и нелогичным – «Симфония (2-я, драматическая)» [1, с. 150]. Так и произошло. Название его первого напечатанного произведения отражало нетрадиционность жанра для поэзии, было «неожиданным и нелогичным», что принесло ему известность в области новаторского искусства. По мнению Евгения Замятина, жизнью и творчеством связанного с Тамбовским краем, произведения А. Белого «оставались чтением

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):929-941
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

преимущественно интеллектуальной элиты» [2, с. 56].

Тот факт, что в творчестве А. Белого впервые в русской литературе топонимические термины «Восток» и «Запад» рассматриваются не как отдельные единицы, а как единая пространственная категория «Восток – Запад», делает его значимой фигурой для понимания культурных перекрёстков между Россией и Китаем в литературном контексте и всё активнее привлекает внимание исследователей и переводчиков в Китае для углублённого понимания идей символизма и модернизма в контексте китайской культуры.

Цель исследования – систематизировать исследования китайских учёных в области изучения творчества А. Белого по времени, категориям и темам, что позволяет представить масштаб личности А. Белого.

Такие произведения Андрея Белого (настоящие имя и фамилия – Борис Николаевич Бугаев), одного из ведущих представителей русского символизма и модернизма начала XX века, как роман «Крещёный китаец», опубликованный в 1917 г., рассказ «Йог» (2009) являются ключевыми для понимания символистского творчества А. Белого и отсылают к восточным религиозно-философским учениям, подчёркивающим духовные искания мастера русского слова. Эти духовные искания сводятся к тому, «что деятельность человека, создающая объективность и действительность вещей, является актом символизации, которая пользуется пространственными и временными структурами для организации своего познавательного материала» [2, с. 214].

Тем важнее уточнить периоды творчества поэта А. Белого, которые позволяют понять эволюцию его художественного и эстетического мировоззрения, рассмотреть изменения в его идиостиле (в стилистике произведений, их жанровой соотнесённости и тематики). Его эксперименты с символизмом в ранних «симфониях» и стихах (было написано четыре «симфонии») заложили основу всего его творчества и способствовали развитию поэтического экспериментирования в мировоззрении XX–XXI веков. Выделенные периоды в творчестве А. Белого помогают увидеть, как менялись его творческие пристрастия: эксперименты с символизмом и мистицизмом, развитие экспрессионизма, обращение к прозе в 1910–1920-е гг., поздние реалистические работы и философские трактаты, отражающие влияние исторических событий того времени, в которое жил А. Белый, на его художественные методы и избирательность тем, что является важным для русского и китайского литературоведения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование опирается на корпус переводов китайских научных трудов, а также на статьи, монографии и другие источники, отражающие историю рецепции творчества А. Белого в китайском литературоведении. В работе применяются историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы, направленные на выявление динамики восприятия автора в различных культурных и научных контекстах. Дополнительно используется дескриптивный метод, обеспечивающий систематизацию материала и его распределение по хронологическим этапам развития интереса к А. Белому в Китае.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С начала XXI века в области исследования творчества А. Белого, как в России, так и в Китае, постоянно появляются новые научные исследования, результаты которых освещаются на различного рода научных конференциях. Учёные из разных стран делятся своими изысканиями в области изучения контекста его творчества (художественного и идеологического) [4]. Заметим, что современные китайские исследователи русской литературы обращают больше внимание на прозу, нежели поэзию [5].

Изучение русской литературы в Китае началось со времени «Движения 4 мая» 1919 г., которое называлось «движением новой литературы» или «движением новой культуры». С этого времени развивается направление перевода русской литературы в Китае. В 1980-е гг. после начала «политики открытости» активизировался художественный пере-

2025;11(4):929-941 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

вод, который заложил основу для дальнейшего изучения русской литературы в Китае. Появившиеся переводы произведений А. Белого в Китае во второй половине XX века рассматривались в контексте его философских взглядов и связи Востока и Запада.

В 1921 г. в журнале «Ежемесячник романов» (Т. 12. № 8) Мао Дунь опубликовал статью «Существующее положение поэтического круга среди рабочих и крестьян России», в которой впервые упомянул знаменитого русского поэта «Бо Ли» (то есть Белый) и перевёл некоторые строки его поэмы «Христос воскрес».

Затем, в августе 1929 г. в Шанхае в издании «Новый сборник русских стихов» («Синь Э Шисюань»), опубликованном книжным магазином «Гуанхуа», была представлена поэзия А. Белого (также известного под китайским именем Бай Ли), включая поэму «Христос воскрес» (переведённую Ли Иманом и Го Можо с английского источника). Самой ранней работой по истории зарубежной литературы, комментирующей творчество А. Белого, является «История русской литературы» (1922), написанная Цюй Цюбо. В этой книге говорится: «Он (Белый) ощущал, что чем более реальной и революционной становилась его поэтическая душа, тем менее он мог постигать вселенную. Он говорил о «бедности слов», на самом деле же это было выражение колебаний, сомнений, стремлений вперёд и назад. Поэтому его произведения часто полны стеснительности и робости… В них, соединяясь с прежними тревогами, жалобами и протестами, возникает стремление к высокому и далёкому идеалу» [6, с. 12].

Цюй Цюбо назвал А. Белого «символистом, служащим народу», причислив его к «старой литературе» до Октябрьской революции. В 1924 г. Шанхайская Коммерческая Типография выпустила книгу «Краткая история русской литературы» Чжэн Чжэньдо. В 1927 г. издательство Шанхайского творческого общества опубликовало книгу Цзянь Гуанцзы «Русская литература». В этих работах упоминается поэт А. Белый, причисленный к числу неопределённых и труднопонимаемых писателей.

Если в Серебряный век мнения о А. Белом можно разделить на три основные категории: положительные, отрицательные и те, которые не высказывали единого мнения, то впоследствии, под влиянием советского политического климата, А. Белый постепенно оказался «заморожен» в СССР.

В 1948 г. в Китае был переведён и опубликован учебник по истории русской и советской литературы – «Русская советская литература» Л. Тимофеева. Этот труд многократно переиздавался и широко распространялся на протяжении длительного времени, оказывая влияние на восприятие русской и советской литературы в Китае.

В 1954 г. наступил новый исторический этап: советская литература начала освобождаться от «ждановщины», и начался период «оттепели». Тем не менее, на всём протяжении как периода тесных литературных связей между Китаем и СССР в первые годы существования КНР, так и в период охлаждения отношений в 1960–1970-х гг., А. Белый оставался в значительной степени вытесненным из поля зрения китайского литературоведения.

В 1978 г. в Китае была проведена политика реформ и открытости. В 1980-е гг. китайское общество переживало глубокие интеллектуальные преобразования. В этот период в Китае вновь возник масштабный интерес к переводу и изучению советской литературы, однако основное внимание уделялось произведениям, отличающимся сильной рефлексией, гуманистической проблематикой и поиском истинных человеческих ценностей. А. Белый как яркий представитель символизма не мог оказаться в центре этого процесса. Труды по истории литературы [7; 8], литературный словарь[1] и энциклопедия[2] того времени упоминали А. Белого лишь кратко, представляя его как творчески сложного писателя в период до и после Октябрьской революции, находившегося в авангарде символистского литературного движения.

[1] *Ляо Хунцзюнь*. Словарь советской литературы. Нанкин: Изд-во народа Цзянсу, 1984. 335 с.

[2] *Цзян Чунфан*. Большая китайская энциклопедия. Зарубежная литература. Пекин: Изд-во «Большая китайская энциклопедия», 1982. 1403 с.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):929-941
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Фактически, лишь после «оттепели» в мире литературы и искусства произведения А. Белого были «оттеплены». По-настоящему новая глава исследования А. Белого в советской науке открылась после 1980-х гг. Этот период можно охарактеризовать как время возрождения исследовательского интереса к его творчеству. В 1984 г. (к пятидесятилетию со дня его смерти) были организованы масштабные литературные памятные мероприятия, проведены специализированные научные конференции, посвящённые творчеству А. Белого. В 1988 г. была опубликована монография Л.К. Долгополова о А. Белом – «Андрей Белый и его роман «Петербург». В том же году издательство «Советский писатель» выпустило сборник «Андрей Белый. Проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации». Особую значимость для истории исследований Белого имел четвёртый том (1881–1917) фундаментального труда «История русской литературы в четырёх томах (1980–1983)», который был издан в 1983 г. под редакцией Н.И. Пруцкова. Его 16 глава, посвящённая А. Белому, была написана академиком РАН, ведущим специалистом по русскому модернизму и творчеству Белого А.В. Лавровым. Этот труд стал важной вехой в исследовании Белого, «заложил основы для продуктивного исследования его творчества в современных литературоведческих подходах и стал научным предвестником многоаспектного анализа его художественного наследия» [9, с. 7].

В конце 1980-х гг. в Советском Союзе изучение литературы и культуры Серебряного века стало одним из ведущих направлений исследований. В Китае перевод и изучение произведений Белого активизировалось, что было связано с растущим интересом китайского литературоведения к культуре русского Серебряного века. О новом этапе исследований в советском литературоведении свидетельствует опубликованная в Китае в 1988 г. книга «История советского романа» Пэн Кэсюня [10]. В ней даётся краткий обзор жизни и творчества Белого, рассматриваются особенности его поэтики и идейного содержания. Автор отмечает, что роман «Петербург» как типичное произведение символизма в последние годы привлёк внимание не только советских, но и западных критиков. В 1989 г. в коллективном труде «Символизм. Имажинизм», составленном под редакцией Хуан Цзинькая, были опубликованы переводы двух статей Белого – «Формы искусства» и «Символизм» [11] .

В начале 1990-х гг. в Китае интерес к творчеству Белого продолжал расти. В 1991 г. в 10-м номере журнала «Чтения» была опубликована статья Чжоу Цичао «Андрей Белый и искусство романа русского символизма». В ней рассматриваются репрезентативные произведения писателя – «Петербург» и «Котик Летаев», а также анализируются особенности нарративного стиля символистского романа.

В 1992 г. в 4-м номере журнала «Мировая литература» была опубликована статья «О себе как писателе» в переводе Чжан Сяоцзюня. В этом тексте Белый излагает собственные взгляды на жизнь и стиль своего творчества. В том же номере особое внимание привлекает статья «Знаменитый русский роман, преданный забвению: о романе «Петербург» и его авторе», написанная выдающимся китайским переводчиком Цянь Шаньсином (Цзинь Гэ). В ней даётся краткое изложение биографии Белого и «Петербурга», а также лаконичный анализ его художественного стиля. Автор отмечает, что творчество Белого и, в частности, его репрезентативный роман «Петербург» до сих пор остаётся малоизученным в китайском литературоведении и требует более глубокого перевода и исследования.

В 1990-е гг. в Китае значительно активизировался процесс перевода и издания произведений русской литературы Серебряного века. В 1994 г. харбинское издательство первым выпустило сборник «Королева в поцелуе: Избранные произведения русских символистов», в котором был опубликован первый китайский перевод рассказа Белого «Рассказ № 2». В 1998 г. в течение нескольких месяцев сразу несколько издательств[3] представили серии книг, посвящённых лите-

[3] Включая издательства: Шанхайское издательство Сюэлинь, Издательство писателей, Издательство «Народное издательство Юньнани», Издательство ВАРЛИ Китая и др.

2025;11(4):929-941 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ратуре Серебряного века. В этот период были опубликованы полные переводы характерных произведений А. Белого – «Петербург»[4] и «Серебряный голубь»[5]. Также были переведены несколько его рассказов[6], четыре мемуарных очерка[7], ряд записок[8] и стихотворений[9]. Фрагментарный перевод получила и одна из важнейших теоретических статей А. Белого – «Символизм как миропонимание». Особого внимания заслуживает тот факт, что спустя 20 лет, в 2018 г., в Китае вышли в свет сборник стихов «Золото в лазури» и роман «Записки чудака» в китайском переводе.

На рубеже XX–XXI веков произошли значительные изменения в подходе к изучению творчества А. Белого в трудах по истории зарубежной литературы. В 1998 г. Ли Хуэйфань и Чжан Цзе в «Истории русской литературы XX века» кратко проанализировали особенности его стихов и ключевых романов, отметив экспериментальный и новаторский характер текстов, а также пессимизм и мистические мотивы в его творческом мировоззрении. Этот подход частично перекликался с позицией советских критиков до середины 1950-х гг., однако авторы подчеркнули, что «нельзя отрицать законное место модернизма в истории русской литературы» [12, с. 38]. В «Истории европейской литературы» (2000) под редакцией Ли Фунин, одном из значимых трудов, отражающих новый уровень изучения европейской литературы в Китае, А. Белый рассматривается в контексте «Серебряного века, отмеченного символизмом» [13, с. 226]. В книге освещены религиозно-философские основы и эстетические принципы русского символизма, а также его ведущие представители. Особое внимание уделено творческими особенностям и содержанию романа «Петербург». Принципиально важно, что такие термины, как «декаданс» и «пессимизм», окончательно исчезли из китайского литературоведческого дискурса, посвящённого А. Белому.

В 2001 г. Издательство народной литературы («Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ») выпустило книгу Марка Слонима «История современной русской литературы» (перевод с книги «Modern Russian Literature, From Chekhov to the Present»)[10], в которой была выделена отдельная глава «Блок и символизм», включающая раздел, анализирующий основные произведения Белого. В этом разделе описывается эволюция его мышления и отмечается его вклад в развитие литературного стиля. В 2004 г. издательство Илинь выпустило «Историю зарубежной литературы XX века», составленную под редакцией У Юаньмая, где в разделе о современной русской литературе представлен анализ романов, поэзии, литературной критики и мемуаров А. Белого. В целом, в этот период появилось множество новых исследованных трудов по истории русской литературы XX века, в которых А. Белому было уделено различное внимание. В отличие от этого, в «Истории европейской литературы» (1979) издательства народной литературы имеется всего лишь несколько строк о русской «декадентской» литературе конца XIX – начала XX века: «Символизм, возникающий в 90-е гг. XIX века, считается одной из первых форм

[4] Китайские переводы романа «Петербург» существуют в двух версиях, оба перевода выполнены Цзинь Ге (т. е. Цянь Шаньсином) и Ян Гуаном: одна версия является сокращённой, а другая – полным переводом.

[5] *Белый А.* Серебряный голубь / пер. Ли Чжэнвэня, У Сяоду и Лю Вэньфэя. Куньмин: Изд-во Народ. изд-ва Юньнани, 1998. 334 с.

[6] *Белый А.* Фэншэнь, Аргонавты / пер. Сюй Чжэня // Тревоги другой реальности – антология рассказов русской серебряной эпохи / под ред. У Ди. Куньмин: Изд-во Народ. изд-ва Юньнани, 1998. 288 с.; *Белый А.* Рассказ № 2 / пер. Чжоу Цичао // Сборник произведений русской литературы Серебряного века. Том: Роман / под ред. Чжоу Цихао. Пекин: Изд-во ВАРЛИ Китая, 1998. 373 с.

[7] *Белый А.* Ф. Соловьёв, А. Чехов, Л. Шестов, Д. Мережковский // Сборник произведений русской литературы Серебряного века. Портреты знаменитостей / под ред. Ван Цзечжи. Пекин: Изд-во ВАРЛИ Китая, 1998. 439 с.

[8] *Белый А.* Будущее искусство, Песнь жизни, Магия слов // Сборник произведений русской литературы Серебряного века. Культурные записки / под ред. Цзинь Яна. Пекин: Изд-во ВАРЛИ Китая, 1998. 396 с.

[9] *Белый А.* Солнце, Священный рыцарь, Полевой Пророк, Утро, Отчаянье, Под окном, Жизнь, Асе, Тело, Друзьям // Сборник произведений русской литературы Серебряного века. Поэзия / под ред. Юй Ичжона. Пекин: Изд-во ВАРЛИ Китая, 1998. 527 с.

[10] *Слоним М.Л.* История современной русской литературы / пер. Тан Синьмэй. Пекин: Изд-во народ. лит-ры, 2001. 448 с.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):929-941
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

декаданса в России. К его основным представителям относят Д. Мережковского, К. Бальмонта и других» [14, с. 362]. Из этих литературно-исторических трудов мы можем узнать об изменениях времени, отражённых в исследованиях о Белом.

В этот период в специализированных монографиях, посвящённых литературе и культуре Серебряного века, литературным или теоретическим достижениям символизма и модернизма, отражаются достижения китайских учёных в исследовании творчества А. Белого. Эти работы обеспечили прочную основу для дальнейших исследований в Китае. Что касается критики и анализа произведений А. Белого: Лю Ядин всесторонне исследовал четыре «Симфонии» Белого[11], Лю Вэньфэй глубоко проанализировал «Серебряного голубя» и другие произведения[12], Чжоу Цичао сосредоточился на ключевых особенностях поиска А. Белого в искусстве символистского романа[13], а Лян Кунь рассмотрела его мистическую драму «Антихрист» и «Северную симфонию» с религиозной точки зрения[14]. В работах Лю Вэньфэя, Чжэн Тиу, Гу Юньпу, Цзен Сыи и других учёных также можно найти исследования по стихотворениям А. Белого[15]. Что касается теоретических и критических исследований А. Белого, то важными достижениями стали работы Чжоу Цичао «Теоретические достижения русского символизма» и «История русской литературной критики XX века» в соавторстве с Чжан Цзе и Ван Цзечжи[16].

В 2003 г. Ван Цзечжи опубликовал монографию «Ушедшее сияние – русская культура Серебряного века», в которой содержится комплексное исследование достижений А. Белого в стихотворении, романе и литературной теории. Автор особо отметил, что «как романист, А. Белый значительно превосходит рамки русского символизма и входит в литературную историю как один из основоположников русского модернистского романа» [15, с. 233]. В 2008 г. Ли Хуэйфан опубликовал «Обзор русской литературы Серебряного века», в котором дана комплексная оценка литературно-эстетических взглядов Белого, его поэтического и романного творчества. Кроме того, в 2001 г. Ши Госюн и Ван Цзясин перевели труд русского учёного В. Агеносова «Русская литература Серебряного века», который системно представил исследования русских учёных о литературе Серебряного века. В книгу включена статья учёного С. Ломтева, который рассматривает Белого как представителя символизма и анализирует творчество Белого на протяжении всей его жизни, объясняя основные идеи и художественные особенности его работ.

С начала XXI века в области исследования творчества А. Белого как в России, так и в Китае постоянно появляются новые научные достижения. Особо стоит отметить, что в 2024 г. в России был издан новый сборник научных работ о Белом под редакцией М. Спивака «Андрей Белый: ракурсы, контексты, подтексты», в который вошли статьи и литературы учёных со всего мира, посвящённые жизни, творчеству и мировоззрению Белого.

С начала XXI века исследование творчества А. Белого в Китае также не прекращалось[17]. В 2006 г. Ду Вэньцзюань опубликова-

[11] *Лю Ядин*. Размышления о советской литературе. Чэнду: Изд-во Сычуан. ун-та, 1996. 302 с.

[12] *Лю Вэньфэй*. Литературный куб: Русская литература XX века. Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук, 2004. 278 с.

[13] *Чжоу Цичао*. Исследование русской символистской литературы. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 1993. 285 с.

[14] *Лян Кунь*. Эсхатологическое спасение: Религиозно-культурная интерпретация тем в русской литературе XX века. Пекин: Изд-во Китай. народ. ун-та, 2007. 160 с.

[15] *Лю Вэньфэй*. История русской поэзии XX века. Пекин: Изд-во литератур общественных наук, 1996. 263 с.; *Чжэн Тиу*. Русская модернистская поэзия. Шанхай: Изд-во Шанхай. ун-та иностр. языков, 1999. 529 с.; *Гу Юньпу*. В поисках красоты поэзии: Исследование искусства русской поэзии. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2004. 455 с.; *Цзэн Сыи*. Исследование модернистской поэзии русского Серебряного века. Чанша: Изд-во «Народное издательство Хунани», 2004. 558 с.

[16] *Чжоу Цичао*. Теоретические достижения русской символистской литературы. Хэфэй: Изд-во образования провинции Аньхой, 1998. 265 с.; *Чжан Цзе, Ван Цзечжи*. История русской литературной критики XX века. Нанкин: Изд-во «Илинь», 2000. 546 с.

[17] *Ду Вэньцзюань*. Трактовка символизма: теория символистского искусства А. Белого. Пекин: Изд-во Китай. ун-та коммуникаций, 2006. 214 с.; *Ван Яньцюй*.

2025;11(4):929-941 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ла монографию «Трактовка символизма: теория символистского искусства А. Белого», в которой анализировались особенности символистской художественной теории А. Белого. В 2008 г. Ван Яньцюй выпустила книгу «Музыкальный дух: исследование поэтики русского символизма», в которой исследуется связь символизма с музыкой и рассматривается теоретическое построение символизма и его творческое воплощение. В 2012 г. Гуань Хайин издала монографию «Строительство ковчега души: о романе А. Белого «Петербург», в которой исследуется уникальное художественное достижение, философская ценность, значение и влияние романа в истории литературы. В 2021 г. Гуань Хайин опубликовала монографию «Исследование романов А. Белого», в которой на широком фоне трансформации и развития русской культуры и литературы, а также на основе предшествующих достижений ведущих специалистов по творчеству А. Белого использовала различные исследовательские методы, сочетая их с теоретическими размышлениями самого А. Белого о создании романов и его уникальными взглядами на литературную критику, чтобы проанализировать эволюцию романного творчества А. Белого. Автор детально анализирует наиболее уникальные по форме, значимые по мысли и глубоко повлиявшие на литературу произведения Белого. В работе раскрываются характерные художественные особенности его романного творчества, прослеживается эволюция его литературного стиля и обосновывается место А. Белого в истории русского романа XX века. Данная монография была поддержана грантом общего проекта Национального фонда социальных наук Китая в 2013 г.

Новая монография Гуань Хайин «Литературная теория и критика Андрея Белого» будет опубликована в 2025 г. Она состоит из двух разделов. Первый раздел представляет собой обзор литературно-теоретической системы А. Белого. Его основное содержание включает описание взглядов А. Белого на философско-эстетические основания символизма, культурно-историческую мистику символизма, искусство символа, сущность искусства и другие важные теоретические вопросы. В данном разделе даётся объективная, научная и беспристрастная оценка его научных достижений, теоретического вклада и определённых ограничений. Второй раздел посвящён анализу литературно-критических взглядов А. Белого. В нём рассматриваются его оценки русских классиков, культурных деятелей и ведущих писателей современности, выявляются особенности его исследовательских методов, логики рассуждений и стилистики критического высказывания. Кроме того, доказывается значимость его критического наследия для исторического осмысления национальной культуры и духовного переосмысления её традиций. Данная монография поддержана грантом ключевого проекта Национального фонда социальных наук Китая в 2020 г.

Начиная с 1970–1980-х гг. русские исследователи активно развивали изучение творчества А. Белого в рамках современного литературоведения. Хотя этот период исследований нельзя назвать очень продолжительным, его результаты оказались весьма значительными. Несмотря на смену научных парадигм сквозь перемены времён, центральной темой исследований неизменно оставался вопрос о творчестве А. Белого. Наибольшее внимание исследователей привлекали проблемы, связанные с творчеством А. Белого в контексте трансформации русского символизма. Среди ключевых направлений исследований можно выделить следующие: переход А. Белого от аргонавтического периода к символизму; соотношение его творчества с произведениями младшего поколения символистов (А. Блока, Вяч. Иванова) и старшего поколения (Ф. Сологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта и др.); литературные связи между автором и традицией русской литературы; соотношение тройного общественного положения Белого – поэта, романиста и теоретика – со сложной структурой его поэтики. Таким образом, изучение творчества А. Белого в контексте истории, эстетики и поэтики символизма стало одним из ведущих направлений исследований, заложенных русскими учёными.

Музыкальный дух: исследование поэтики русского символизма. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2008. 246 с.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):929-941
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

По сравнению с исследованиями А. Белого в России, количество статей китайских исследователей, посвящённых его творчеству, с 1990-х гг. остаётся относительно небольшим. Однако их тематика весьма разнообразна: изучение стихотворения, теоретического наследия, раннего романа «Симфонии», «Серебряного голубя», репрезентативного произведения «Петербург», а также связей А. Белого с другими писателями. Это свидетельствует о широком исследовательском горизонте китайских учёных. Значительная часть публикаций посвящена его романам, при этом наибольшее внимание привлекает роман «Петербург». После статьи Цянь Шаньсина (Цзинь Гэ) «Знаменитый русский роман, преданный забвению: о романе «Петербург» и его авторе» (1992) появилось ещё несколько научно-исследовательских статей[18]. Все эти работы представляют собой важную предварительную основу для дальнейшего углубления изучения Белого.

В целом специализированные исследования творчества А. Белого ещё требуют углубления и расширения. Ситуация с переводами его произведений также остаётся не слишком обнадёживающей. Хотя ряд учёных уже обратил внимание на эту проблему и добился значительных результатов, переведённые на сегодняшний день произведения составляют лишь небольшую часть всего его наследия. К сожалению, до сих пор не переведены его важные романы: четыре «Симфонии», «Котик Летаев», «Москва», «Маски», теоретическая трилогия, критические труды, а также три ключевых мемуара. Конечно, это во многом связано со стилистическими особенностями его творчества. Сам А. Белый признавал, что его тексты чрезвычайно трудны для перевода и даже называл их непереводимыми. Перевод его произведений представляет собой колоссальный вызов для переводчиков. Именно поэтому следует выразить особую благодарность тем, кто первым осмелился взяться за эту работу, заложив основу для изучения А. Белого в Китае. Несомненно, в этой области предстоит проделать ещё значительную работу, охватывающую как перевод, так и исследование.

Таким образом, в истории изучения творчества А. Белого учёные выделяют три периода, к их числу Чжан Л. относит: «1) с 20-х по 30-е гг.; 2) с 30-х гг. до начала политики реформ и открытости (1978); 3) после 1978 г. по настоящее время» [16, с. 32]. Чжан Л. подчёркивает, что «предложенные подходы при всей их убедительности ещё нуждаются в расширении и углублении [16, с. 36].

При этом, на наш взгляд, следует уточнить временные рамки периодов творчества А. Белого.

ПЕРВЫЙ период творчества А. Белого, или ранний символистский, – это период (около 1900–1908 гг.), когда появились его первые «симфонии» – литературные произведения в жанре ритмической прозы. Вспомним, что «Симфония (2-я, драматическая)» была опубликована в 1902 г. Ещё ранее в 1900 г. была создана «Северная симфония» (1-я, героическая), опубликованная в 1904 г. Симфония «Возврат. III симфония» опубликована в 1905 г. «Кубок метелей. Четвёртая симфония» была написана в 1908 г. Это был ранний символистский период, когда в творчестве А. Белого преобладала липоэтика символизма и мистические мотивы, эксперимент с формой и языком.

[18] Например: *Линь Цзиньхуа*. «Петербург»: текст с беспрецедентным приростом гуманитарных ценностей // Зарубежная литература. 1997. № 4. С. 97-100; *Цзу Госун*. Анализ повествовательного искусства в «Петербурге» // Обзор иностранной литературы. 2002, № 4. С. 54-60; *У Цянь*. Начав с абстрактных схематизированных образов: анализ символического образа Аполлона Аблеухова в «Петербурге» // Исследования русской филологии. Литературный том (Вып. 2) / под ред. Цзинь Яна. Пекин: Изд-во народ. лит-ры, 2003. С. 398-406; *Чжу Цзяньган*. «Петербург» и самоидентификация российского интеллектуального класса // Журнал Сучжоуского университета (Философия и общественные науки). 2006. № 5. С. 63-67; *Гуань Хайин*. Область сознания и путешествие души: о романе Андрея Белого «Петербург» // Исследования зарубежной литературы. 2006. № 4. С. 119-123; *Гуань Хайин*. О художественных символах в «Петербурге» // Русская литература и искусство. 2007. № 4. С. 46-49; *Гуань Хайин*. Исполнить песнь разрушения: о системе звуков в «Петербурге» // Исследования зарубежной литературы. 2010. № 3. С. 99-105; *Гуань Хайин.* О полифонической нарративной структуре «Петербурга» // Русская литература и искусство. 2011. № 4. С. 77-82; *Дай Чжомэн*. Экзистенциализм и модерность «Петербурга» // Русская литература и искусство. 2014. № 2. С. 29-33.

2025;11(4):929-941 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ВТОРОЙ период, или период символистской зрелости с уходом к философской прозе и поэзии (примерно 1909–1918 гг.) связан с публикацией первого прозаического произведения – романа «Серебряный голубь» (1909), выпусками сборников стихов «Пепел», «Урна» (1909) и «Серп» (1913), появлением романа «Петербург» (1912–1913). В этот период наметился переход к более сложным философским идеям, символистской мистике, постепенное расширение жанров (поэзия, проза, публицистика).

ТРЕТИЙ период (1918–1930-е гг.) – это период зрелого творчества и общественно-философских этюдов, что нашло отражение в таком литературно-философском произведении, как «История становления самосознающей души», написанном в 1920-е гг., но опубликованное только в 1999 г. [17]. Этот период характеризуется общественно-философскими и автобиографическими изысканиями.

Китайские исследователи творчества А. Белого, с одной стороны, включают символистское движение, отражённое в его произведениях, в широкий литературно-исторический контекст, раскрывая его происхождение и связь с последующими течениями. С другой стороны, учёные подробно исследовали зарождение текстов А. Белого и основных тем, выявляя процессы преемственности, трансформации традиций, что позволяет определить роль всего наследия А. Белого в истории мировой литературы.

В Китае творчество А. Белого воспринимается как литературное наследие России и служит укреплению межкультурного диалога в области философско-художественных исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайские учёные, занимающиеся исследованием зарубежной литературы, в том числе русской, в конечном счёте стремятся к развитию собственной национальной литературы. Это в полной мере относится и к переводу и изучению творчества А. Белого.

С 2000 г. основной исторический вклад китайских исследователей А. Белого заключается в том, что, осмысляя его многожанровое творчество в историко-культурном контексте Китая, они фокусируются на важных проблемах, значимых для китайской науки, и рассматривают творческий процесс его языкового искусства, исследуя сложные литературные явления в поэтическом выражении с различных сторон. Китайские исследователи А. Белого, с одной стороны, умело помещают символистское движение, представленное его творчеством, в широкий литературно-исторический контекст, раскрывая его истоки и взаимосвязь с последующими направлениями. С другой стороны, они также преуспеют в том, чтобы с микроскопической точки зрения прояснить генезис произведений А. Белого и ключевых тем его творчества, выявить линии преемственности, преодоления традиций и оказанного влияния, что позволяет точно установить место всего творчества Белого в литературно-историческом процессе. В целом китайские исследователи, следуя принципу объективности и научной добросовестности, предложили значимые исследовательские подходы и надёжные литературоведческие материалы, которые могут быть полезны для развития литературной науки. С этой точки зрения можно сказать, что, опираясь на труды предшественников, китайские исследователи вывели изучение А. Белого на новый этап.

25 апреля 2022 г. председатель Китая Си Цзиньпин, посещая Китайский народный университет, отметил: «Ускорение создания философии и социальной науки с китайской спецификой в конечном итоге заключается в создании самостоятельной китайской системы знаний. Нужно учитывать конкретные условия нашей страны и эпохи, исходя из реальности Китая, решать китайские проблемы, постоянно продвигая креативную трансформацию и инновационное развитие выдающейся традиционной китайской культуры, а также продолжать инновации в области знаний, теорий и методов, чтобы философия и социальная наука с китайской спецификой стояли в ряду мировых академических школ».

Лю Вэньфэй, бывший председатель Ассоциации исследователей русской литерату-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):929-941
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ры Китая, сказал, что глубокая академическая традиция китайских исследований русской литературы, совершенная система литературных исследований и уникальные академические возможности являются благоприятными условиями для формирования «китайской школы русского литературоведения» [18, с. 1].

В культурном контексте новой эры Китая, уникальная культурная атмосфера и общественная обстановка предоставляют подходящий «духовный климат» для китайских исследований зарубежной литературы, включая исследования творчества А. Белого. Ожидая будущего, важно исходить из китайских проблем, опираться на практическое содержание литературных исследований, учитывать идеи эпохи и мировой взгляд, постоянно обновлять исследовательские концепции и методы, а также проводить более глубокое и детальное всестороннее изучение творчества А. Белого – всё это является ключом к успешному продвижению китайских исследований творчества А. Белого.

Список источников

1. *Семьян Т.Ф., Фёдорова Е.В.* Визуальные идеи А. Белого в русской литературе // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 149-158. https://doi.org/10.24411/2072-9316-2017-00007, https://elibrary.ru/yllstp
2. *Замятин Е.А.* Андрей Белый // Замятин Е.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Лица / сост., подгот. текста, коммент. Ст. Никоненко, А. Тюрина. Москва: Русская книга, 2004. 608 с.
3. *Шмитт А.* Концепция «самосознающей» души Андрея Белого: синтез ранней рецепции Канта с учением эзотерической практики Штайнера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 2. С. 201-218. https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-2-201-218
4. Андрей Белый: Ракурсы, контексты, подтексты. Статьи и публикации / отв. ред. М.Л. Спивак. Москва, 2024. 864 с.
5. *Ли Синьмэй*. Современная русская литература в Китае: обзор исследований // Вестник Рязанского государственного университета. 2020. № 4 (69). С. 102-129. https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.012, https://elibrary.ru/vflcch
6. *瞿秋白*. 瞿秋白文集文学编第二卷. 北京: 人民文学出版社, 1986年, 419页. (*Цюй Цюбо*. Собрание сочинений Цюй Цюбо. Литературный раздел. Т. 2. Пекин, 1986. 419 с.)
7. *Цао Цзиньхуа*. История русской литературы. Пекин, 1989. 640 с.
8. *Ершов Л.Ф.* История советской литературы. Пекин: Изд-во Пекин. пед. ун-та, 1987. 629 с.
9. *管海莹*. 别雷的文学遗产与文学史定位. 南京师范大学文学院学报. 2023年第1期, 7–15页. (*Гуань Хайин*. Литературное наследие Андрея Белого и его место в истории литературы // Журнал института литературы Нанкинского педагогического университета. 2023. № 1. С. 7-15.)
10. *Пэн Кэсюнь*. История советского романа. Пекин, 1988. 314 с.
11. *Хуан Цзинькай, Чжан Бинчжэнь, Ян Хэнда*. Символизм. Имаджизм. Пекин, 1989. 751 с.
12. *李辉凡、张捷编*. 20世纪俄罗斯文学史. 青岛, 1998年, 507页. (*Ли Хуэйфан, Чжан Цзе* (ред.). История русской литературы XX века. Циндао, 1998. 507 с.)
13. *李赋宁等主编*. 欧洲文学史第三卷. 北京: 商务印书馆, 2000年, 1009页. (*Ли Фунин и др.* (ред.). История европейской литературы. Т. 3 (Часть 1). Пекин, 2000. 1009 с.)
14. 杨周翰等编. 欧洲文学史（下卷）. 北京, 1979年, 436页. *Ян Чжоухань и др.* (ред.). История европейской литературы. Т. 2. Пекин, 1979. 436 с.)
15. *汪介之*. 远逝的光华－—白银时代的俄罗斯文化. 南京, 2003年, 470页. (*Ван Цзечжи*. Ушедшее сияние – русская культура Серебряного века. Нанкин, 2003, 470 с.)
16. *Чжан Л.* Восприятие работ А. Белого в Китае // Litera. 2024. № 3. С. 31-39. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.3.70169, https://elibrary.ru/bnacaf
17. *Кошемчук Т.А., Бондарев А.В.* «История становления самосознающей души» как итоговое творение А. Белого: ключевые концепты и их восприятие в современных исследованиях // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1. С. 8-24. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-8-24, https://elibrary.ru/xfkuns
18. *刘文飞*. 俄国文学研究的中国学派: 可能性和路径 — 2023年俄罗斯文学研究分会年会主旨发言. 欧亚人文研究. 2024年第1期, 1–5页. (*Лю Вэньфэй*. Китайская школа исследований русской литера-

2025;11(4):929-941 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

туры: возможности и пути (Программный доклад на ежегодной конференции Ассоциации исследований русской литературы, 2023) // Евразийские гуманитарные исследования. 2024. № 1. С. 1-5.)

References

1. Sem'yan T.F., Fedorova E.V. Visual ideas of a. Bely in Russian literature. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2017, no. 3 (42), pp. 149-158. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2072-9316-2017-00007, https://elibrary.ru/yllstp
2. Zamyatin E.A. Andrey Bely. In: Zamyatin E.A. *Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 3. Litsa = Collected Works: in 5 vols. Vol. 3. Faces*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2004, 608 p. (In Russ.)
3. Shmitt A. Andrei Bely's Concept of the "Self-conscious" Soul: Synthesis of Kant's Early Reception with the Teachings of Steiner's Esoteric Practice. *RUDN Journal of Philosophy*, 2020, vol. 24, no. 2, pp. 201-218. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-2-201-218
4. Spivak M.L. *Andrey Bely: Perspectives, contexts, and subtexts. Papers and publications*. Moscow, 2024, 864 p. (In Russ.)
5. Xinmei L. Modern Russian literature in China: an overview of research. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Ryazan State University*, 2020, no. 4 (69), pp. 102-129. (In Russ.) https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.012, https://elibrary.ru/vflcch
6. Qu Qiubai. The collected works of Qu Qiubo. *Literary section*. Beijing, 1986, vol. 2, 419 p. (In Chinese)
7. Jinhua C. *The history of Russian literature*. Beijing, 1989, 640 p. (In Russ.)
8. Ershov L.F. *The History of Soviet Literature*. Beijing, Beijing Pedagogical University Publ., 1987, 629 p. (In Russ.)
9. Guan Haiying. The literary legacy of Andrei Bely and his place in the history of literature. *Journal of the School of Arts, Nanjing Normal University*, 2023, issue 1, pp. 7-15. (In Chinese)
10. Kexun P. *The History of the Soviet Novel*. Beijing, 1988, 314 p. (In Russ.)
11. Jinkai H., Bingzhen Zh., Handa Y. *Symbolism. Imagism*. Beijing, 1989, 751 p. (In Russ.)
12. Huifang L., Jie Zh. *The History of Russian literature of the 20th Century*. Qingdao, 1998, 507 p. (In Chinese)
13. Li Funing et al. (ed.) *The History of European Literature, vol. 1 (part 1)*. Beijing, 2000, p. 1009. (In Chinese)
14. Yang Zhouhan et al. (ed.) *History of European Literature.* Beijing, 1979, vol. 2, 436 p. (In Chinese)
15. Wang Jiezhi. *The Long-Gone Glory-Russian Culture in the Silver Age*. Nanjing, 2003, 470 p. (In Chinese)
16. Zhang L. Perception of Andrei Bely's works in China. *Litera*, 2024, no. 3, pp. 31-39. (In Russ.) https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.3.70169, https://elibrary.ru/bnacaf
17. Koshemchuk T.A. Bondarev A.V. The history of the becoming of the self-conscious soul as the culminating masterpiece of Andrei Bely: key concepts and their evaluation in current research. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura = Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 8-24. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-8-24, https://elibrary.ru/xfkuns
18. Liu Wenfei. The Chinese school of Russian literature research: possibilities and paths – keynote speech at the annual meeting of the Russian literature research branch in 2023. *Eurasian Humanities Studies*, 2024, issue 1, pp. 1-5 (In Chinese).

Информация об авторах

ГУАНЬ Хайин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, https://orcid.org/0009-0001-6114-3502, guanhaiying@njnu.edu.cn

Information about the authors

Haiying Guan, Dr. Sci. (Philology), Professor of Russian language and Literature Department, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, https://orcid.org/0009-0001-6114-3502, guanhaiying@njnu.edu.cn

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):929-941
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ВАН Синь, аспирант, кафедра русского языка и литературы, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика. https://orcid.org/0009-0008-3708-0530, nnuwang-xin@163.com

Для контактов:
Ван Синь
e-mail: nnuwangxin@163.com

Поступила в редакцию 10.10.2025
Поступила после рецензирования 12.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Xin Wang, Post-Graduate Student, Russian language and Literature Department, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China**,** https://orcid.org/0009-0008-3708-0530, nnuwang-xin@163.com

Corresponding author:
Xin Wang
e-mail: nnuwangxin@163.com

Received 10.10.2025
Revised 12.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

2025;11(4):942-953 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.091:82.03
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-942-953
Шифр научной специальности 5.9.3

Хармс и Блок: война искусства

Александр Викторович Марков
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, 6
markovius@gmail.com

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Исследован эпизод из поэмы Ивана Елагина «Память», описывающий его встречу с Даниилом Хармсом, в ходе которой последний уравнял поэзию Александра Блока и Василия Лебедева-Кумача как «две стороны одной медали». Данный жест рассмотрен не как частный эстетический казус, а как ключевой момент столкновения двух культурных парадигм: трагического, мифологизирующего романтизма и трезвого, анти-героического модернизма. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Эмпирическую базу исследования составили поэтический текст Елагина, стихотворение Хармса «Почему» в двух версиях (канонической и елагинской), тексты Блока и Лебедева-Кумача, включая их переводы од Горация, а также культурный контекст фильма «Весёлые ребята» (1934). Применение интертекстуального, компаративного и риторического анализа позволило выявить общие черты поэтик Блока и Лебедева-Кумача. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведённый анализ позволил прийти к следующим результатам: а) Хармс критиковал не конкретных поэтов, а общий для них принцип «жречества» в искусстве; б) Лебедев-Кумач выступает не антиподом, а наследником символистской модели, используя её риторические стратегии для задач соцреализма; в) общей основой для Блока и Лебедева-Кумача послужила их переводческая стратегия, превращающая иронию Горация в пафосное пророчество или дидактику; г) фильм Г. Александрова представляет собой интермедиальный эксперимент, противостоящий авангардной интермедиальности и помещающий романсовый лиризм и сатиру в единый контекст усложненной интермедиальности. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Реплика Хармса представляет собой точный диагноз культурной ситуации 1930-х гг., когда жреческая патетика символизма стала частью интермедиальности большого стиля. Стихотворение Хармса оборачивается в разговоре с Елагиным манифестом, предлагающим сменить парадигму с поэзии-мифа на поэзию-жест, обнажающую абсурдную механику мира.

Ключевые слова: Александр Блок, Даниил Хармс, Василий Лебедев-Кумач, Иван Елагин, обэриуты, символизм, соцреализм, поэтический перевод, культурный конфликт

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.В. Марков – идея и дизайн исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ художественных текстов, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Марков А.В.* Хармс и Блок: война искусства // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 942-953. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-942-953

© Марков А.В., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):942-953
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-942-953
OECD 6.02; ASJC 1208

Check for updates

Kharms and Blok: The War of Art

Alexander V. Markov
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation
markovius@gmail.com

Abstract
INTRODUCTION. An episode from Ivan Elagin's poem "Pamyat" ("Memory"), s examined, describing his meeting with Daniil Kharms, during which the latter equated the poetry of Alexander Blok and Vasily Lebedev-Kumach as "two sides of the same coin". This gesture is considered not as a particular aesthetic incident but as a key moment of the collision of two cultural paradigms: tragic, mythologizing Romanticism and sober, anti-heroic Modernism. MATERIALS AND METHODS. The empirical basis of the study consisted of Elagin's poetic text, Kharms's poem "Pochemu" ("Why") in two versions (canonical and Elagin's), texts by Blok and Lebedev-Kumach, including their translations of Horace's odes, as well as the cultural context of the film "Vesyolye rebyata" ("Jolly Fellows", 1934). The application of intertextual, comparative, and rhetorical analysis made it possible to identify the common features of Blok's and Lebedev-Kumach's poetics. RESULTS AND DISCUSSION. The conducted analysis led to the following results: a) Kharms criticized not specific poets but the principle of "priesthood" in art common to both; b) Lebedev-Kumach acts not as an antithesis but as an heir to the Symbolist model, using its rhetorical strategies for the tasks of Socialist Realism; c) the common ground for Blok and Lebedev-Kumach was their translation strategy, which transformed Horace's irony into pathos-filled prophecy or didactics; d) G. Alexandrov's film represents an intermedial experiment that counteracts avant-garde intermediality and places romance lyricism and satire within a single context of complex intermediality. CONCLUSION. Kharms's remark represents an accurate diagnosis of the cultural situation of the 1930s, when the priestly pathos of Symbolism became a part of the intermediality of the "grand style". In the conversation with Elagin, Kharms's poem turns into a manifesto proposing a paradigm shift from poetry-as-myth to poetry-as-gesture, exposing the absurd mechanics of the world.

Keywords: Alexander Blok, Daniil Kharms, Vasily Lebedev-Kumach, Ivan Elagin, OBERIU, symbolism, socialist realism, poetic translation, cultural conflict

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.V. Markov – research idea and design, scientific literature research and analysis, analysis of literary texts, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Markov, A.V. Kharms and Blok: The War of Art. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):942-953. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-942-953

ВВЕДЕНИЕ

Эпизод из автобиографической поэмы Ивана Елагина «Память», описывающий его встречу с Даниилом Хармсом в 1934 г., представляет собой не просто курьёзный литературный анекдот, а концентрированное выражение ключевого эстетического конфликта эпохи. В центре этого конфликта – фигура Александра Блока как символа «сакрального», «жреческого» искусства, против которого восставали авангардисты-обэриуты. Шо-

2025;11(4):942-953 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

кирующее для молодого Елагина заявление Хармса о том, что Блок и советский поэт-песенник Василий Лебедев-Кумач – *две стороны одной медали*, требует серьёзного филологического и культурологического анализа.

Проблема исследования заключается в необходимости декодировать логику хармсовского жеста и выявить те глубинные общие черты, которые позволили поэту-абсурдисту поставить знак равенства между, казалось бы, антагонистическими фигурами: последним великим символистом и интермедиальным большим стилем (советским барбизоном). Гипотеза исследования состоит в том, что Хармс увидел в творчестве обоих общую романтически-символистскую парадигму, возводящую поэта в ранг жреца, пророка и инженера человеческих душ, чьё искусство основано на пафосе, мифологизации и дидактике, а не на трезвой констатации абсурдной реальности.

Целью статьи является комплексный анализ взгляда Хармса на поэтику Блока и Лебедева-Кумача, выразившийся в этом эпизоде, для демонстрации их риторического и мировоззренческого родства. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

– проанализировать стихотворение Хармса «О ветчине» как манифест, направленный против «жреческого» принципа в искусстве;

– исследовать механизмы трансформации блоковских тем и стратегий в творчестве Лебедева-Кумача;

– сравнить переводческие стратегии Блока и Лебедева-Кумача на материале их интерпретаций од Горация как ключ к пониманию их общих поэтических амбиций;

– рассмотреть культурный контекст середины 1930-х гг. (в частности, фильм «Весёлые ребята») как поле битвы между авангардной и становящейся соцреалистической эстетикой.

Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления границ между «высоким» модернизмом и «низкой» массовой культурой, которые зачастую оказываются более проницаемыми, чем принято считать. Научная новизна заключается в рассмотрении фигуры Лебедева-Кумача не как антипода, а как наследника символистской традиции в другой медийной ситуации, что позволяет по-новому взглянуть на генеалогию соцреалистического канона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Тема отношения Хармса к символизму довольно периферийна в исследованиях поэтики обэриутов. В нём видят либо радикала, который придаёт художественную форму смутным анархическим переживаниям и интуициям символизма, при этом подрывая всякое понятие об историзме формы [1], либо провокационного театрала, индивидуализирующего театральность [2], либо такую же индивидуализацию и радикализацию пророчеств символистского типа [3]. Во всех этих авторитетных интерпретациях Хармс доводит до предела символистские мистические интуиции, тем самым взрывая их изнутри. Мы постараемся доказать, что у Хармса происходит другое, «смена аспекта» по терминологии Витгенштейна и Бибихина [4], которая позволяет ему не радикализовывать символизм, а производить его метакритику как медийного феномена, оспаривая литературную медийность как перешедшую в массовую киномедийность. В этом смысле работа продолжает исследования медийных экспериментов русского авангарда [5] и его медийного обеспечения [6], но смотря на них в аспекте индивидуального опыта Хармса – но на цитируемые работы мы опираемся, определяя медийный характер мультфильма «Письмо» в основном тексте работы.

Материалом исследования послужили:

Первоисточник: фрагмент поэмы Ивана Елагина «Память», содержащий центральный для работы нарратив о встрече с Хармсом и полное цитирование по памяти стихотворения «Почему». В изложении фактов биографии Елагина мы опираемся на [7]. Замечательно, что в этой поэме Елагин представляет память как прерывающийся постоянно кинопоказ, то есть мыслит кинематограф как линейное немое кино, в противоположность шоу-блокбастеру, каким стал фильм Г. Александрова – это тоже важный нюанс интерпретации.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):942-953
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Тексты Даниила Хармса: канонический вариант стихотворения «Почему», опубликованный в журнале «Ёж» (1928 г., № 12, с. 28)[1], в сопоставлении с версией, приведённой Елагиным по памяти.

Тексты Александра Блока: избранные стихотворения урбанистического и мистического циклов, а также перевод оды Горация (II, 20), демонстрирующие ключевые черты его поэтики.

Тексты Василия Лебедева-Кумача: ранние урбанистические стихи, песенные тексты из фильма «Весёлые ребята» (1934) и переводы од Горация (I, 38; II, 10).

Культурный контекст: визуальный и идеологический ряд фильма «Весёлые ребята» (реж. Г. Александров) как антитеза авангардной эстетике.

Существенным для методологии исследования стала идея Т.В. Ковалевской о «мимикрической поэтике» как дополнении «полифонической поэтике» Достоевского [8]. Согласно Ковалевской, спор голосов у Достоевского является некоторым упрощением Бахтина под влиянием авангардной культуры, тогда как у Достоевского, различающего положительных и отрицательных героев, кроме полифонического принципа есть мимикрический – отрицательные герои оказываются плохими подражателями, тогда как положительные герои – хорошими подражателями. Мы покажем, как хорошо разработанная Ковалевской сетка ложится на наш материал: слово полифония в основной части статьи мы употребляем в смысле монографии Ковалевской.

Методологическая основа исследования является междисциплинарной и сочетает несколько подходов:

– интертекстуальный и компаративный анализ: для выявления прямых и опосредованных связей между поэтиками Блока, Лебедева-Кумача и Хармса, а также для сопоставления их переводческих стратегий;

– мотивный анализ: для прослеживания трансформации ключевых мотивов (город, сердце, время, путь) от символистской к соцреалистической парадигме;

– риторический анализ: для деконструкции «жреческой» позиции автора, выявления общих паттернов пафоса, гиперболизации и дидактики;

– историко-культурный анализ: для реконструкции идеологического и эстетического контекста середины 1930-х гг., в котором происходило становление «большого стиля» и ликвидация авангардных практик;

– рецептивная критика: для анализа двухуровневой рецепции текста – непосредственной реакции Ивана Елагина (как «травмированного свидетеля», по нашей терминологии) и его последующего осмысления спустя десятилетия, что позволяет говорить о длительном культурном воздействии хармсовского жеста.

Важным аспектом для анализа является тот факт, что в своей оригинальной публикации в журнале «Ёж» стихотворение «Почему» сопровождалось серией графических иллюстраций (мини-комиксом), выполненными в манере, отсылающей к комическим картинкам немецкого художника Вильгельма Буша, которого Хармс высоко ценил и чьи произведения переводил. Этот визуальный ряд, изображающий гротескно-карикатурных поварят (стоящих задом к зрителю!) и свинью, радикально меняет восприятие текста: он подчёркивает его не мистически-шокирующий, а именно сатирически-абсурдный, буффонадный характер. Елагинская интерпретация стихотворения как грубого анекдота явно означает недостаточное знакомство с визуальной культурой, значимой для Хармса, культурой, авангардной в широком смысле, включая гротеск, сатиру и площадной юмор, апроприированные для целей радикального неприятия прежней культуры.

Такой комплексный подход позволяет перейти от частного историко-литературного случая к масштабным обобщениям о природе поэтического высказывания и механизмах наследования культурных моделей в переходные эпохи.

[1] Факсимиле этой страницы см. напр.: https://www.togdazine.ru/article/1972 (дата обращения: 01.06.2025).

2025;11(4):942-953 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В автобиографической поэме Ивана Елагина «Память» [9, с. 199-218] есть один из эпизодов общения Ивана Елагина (Матвеева) с семьей Ивана Ювачева – Ювачев был крестным отцом футуриста Венедикта Марта, отца Ивана Елагина, поэтому они были в духовном родстве. Упомянув о своём визите в 1934 г., в возрасте 16 лет, в Ленинград, и о сложном статусе Ювачева, одновременно персонального пенсионера, бывшего народовольца, и мистика и реставратора икон, Иван Елагин продолжает:

С ним в квартире жил
Взрослый сын – писатель Даниил
Хармс. У Дани прямо над столом
Список красовался тех, о ком
«С полным уваженьем говорят
В этом доме». Прочитав подряд
Имена, почувствовал я шок:
Боже, где же Александр Блок?!
В списке Гоголь был, и Грин, и Бах.
На меня напал почти что страх,
Я никак прийти в себя не мог, –
Для меня был Блок и царь и бог!
Даня быстро остудил мой пыл,
Он со мною беспощадным был.
«Блок – на оборотной стороне
Той медали, – объяснил он мне, –
На которой (он рубнул сплеча) –
Рыло Лебедева-Кумача!»
«Если так, как Блок, писать нельзя,
Спрашивал весьма наивно я, –
То кого считать за идеал?»
Даня углубленно помолчал,
Но потом он в назиданье мне
Прочитал стихи о ветчине.

«Повар – три поварёнка,
повар – три поварёнка,
повар – три поварёнка
выскочили во двор!
Свинья – три поросёнка,
свинья – три поросёнка,
свинья – три поросёнка
спрятались под забор!
Повар режет свинью,
поварёнок – поросёнка,
поварёнок – поросёнка,
поварёнок – поросёнка!
Почему?
Чтобы сделать ветчину!»
Слушал я его, открывши рот –
Догадался наконец! Так вот
Чем обэриуты устранят
Из души моей священный яд
Блоковских стихов! В душе моей
Всё же Блок окажется сильней [9, с. 207-209].

В поэме прямо назван 1934 г. как время этого спора – и это сразу удивляет: ведь Лебедев-Кумач стал знаменит после фильма «Весёлые ребята», создав несколько сверххитов для него – до этого он был незаметен, его сатирические стихи проигрывали Демьяну Бедному, лирические – Безыменскому и другим комсомольским поэтам, и настоящим попаданием в десятку стали только песни для первого советского звукового блокбастера. Упоминание, что Ювачев был «лет семидесяти двух» относится скорее к 1934 г. (Ювачев родился в 1860 г.); но возможно, разговор о Блоке был в какую-то из более поздних встреч. Конечно, легче всего соотнести «рыло», свиное рыло и свинью с поросятами и сказать, что Хармс противопоставил колхозным образам благополучия, в том числе успешного свиноводства, свой безжалостный конструктивизм. Но всё чуть сложнее.

Жест Хармса легко прочитывается как что-то вроде писсуара Марселя Дюшана: реди-мейд, или в данном случае, стихотворение о прямой промышленной переработке в готовый продукт, разрушающее миф о гении как создающем продукцию особого статуса благодаря особым структурам вдохновения и избранничества. Нет, как повару нужна свинья только для ветчины, так и художнику нужны материалы для продуктов, и «почему», пытающееся выявить мистические основания эстетических и этических решений, удержать в самой структуре вопроса что-то мистическое, в конце концов распадается под действием демистифицирующей логики и самого предметного мира. Показательно, что Елагин явно не видел публикацию этого стихотворения в журнале «Ёж», где «Почему?» является вовсе не итоговым вопросом, а начальным рефреном, визуально и интонационно выделенным. Это не Хармс даёт ответ на вопрос, а происходит условный диалог между почемучкой, любопытство которого слишком велико, и взрослым как носителем

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):942-953
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

производственной нормы, который всё может объяснить, демистифицируя и расколдовывая. Ответ «Чтобы сделать ветчину!» не удовлетворяет любознательность, а окончательно хоронит её. Это не познание, а констатация абсурдной и жёстокой целесообразности мира. Это сатира на сам принцип «познавательности» как успокоения. Но заметим, что эта сатира как раз не отменяет полифонию в бахтинском смысле, а напротив, утверждает её как единственное познавательное средство, когда другие средства, от энциклопедического знания до эмпирической проверки, оказываются дискредитированы самой ситуацией одновременно системного, индустриально оправданного, но кричаще абсурдного в каждой клетке жизни насилия.

Елагин должен пониматься как «травмированный свидетель», переживший двойное разрушение мифа. В этом тексте он совершает двойное действие: сначала цитирует Хармса, чтобы разрушить свой собственный миф о Блоке («почувствовал я шок»), затем сам, цитируя по памяти, разрушает структуру стихотворения Хармса, превращая его из отточенного жеста – в грубый анекдот. Это очень важный момент. Елагин, даже спустя десятилетия, не может принять правила игры Хармса. Он бессознательно искажает текст, выхватывая только самый шокирующий смысловой удар («ветчина»), но убирая формальную структуру («Почему?»), которая и была главным художественным приёмом, заменяя при этом вопросительный знак на восклицательный. Иначе говоря, если Хармс работал со специфическим диалогизмом, о котором мы ещё скажем, требующим «смены аспекта» по Витгенштейну (Бибихин), то Елагин опознаёт только манифестативные жесты, которые он принять не может, но избавиться от которых не может и через много лет и десятилетий. Это доказывает, что «священный яд» Блока в его душе действительно оказался сильнее, так как он так и не смог увидеть Хармса, а лишь услышал его.

Отсюда проблема нашей статьи: что именно сблизило для Хармса Блока и Лебедева-Кумача, независимо от того, был ли он на момент разговора знаком с фильмом «Весёлые ребята». Следует заметить, что фильм «Весёлые ребята» стал поневоле ответом большого стиля на авангардный мультипликационный фильм «Письмо», по стихотворению Маршака, который Хармс озвучивал. Первый звуковой блокбастер оспаривал первый звуковой мультфильм, вводя сходную тему планетарного видения миссии советского человека и кругосветного путешествия как познавательного акта. Только если в авангарде круговое путешествие письма по планете устанавливало контроль над медийной сферой, упорядочивало медийную политику, то в большом стиле контроль уже должен был быть над самой живой тканью. В самом фильме «Весёлые ребята», как все помнят, пародируется сюжет Орфея: главный герой играет на свирели, и коровы и овцы сбегаются на звук прямо в приморский дворец, и живая свинья оказывается на подносе с салатом и фруктами. Живая свинья как бы разыгрывает «живую картину» зажаренной свиньи, и конечно, трудно подобрать что-то более противоположное стихотворению Хармса 1928 года из «Ежа», чем эта оптимистическая биополитика. Где у Хармса неприкрытое насилие, там в фильме – легкомысленный водевиль на тему колхозного изобилия, в котором поэт-музыкант-жрец может не то воскрешать мёртвых животных, не то обеспечивать бесперебойные поставки мяса.

Анимация в «Весёлых ребятах» тоже есть, когда исполняется песня на стихи Лебедева-Кумача:

> Чёрная стрелка проходит циферблат.
> Быстро, как белки, колёсики спешат.
> Скачут минуты среди забот и дел.
> Идут, идут, идут, идут – и месяц
> пролетел!

– сначала появляется интертитр «Прошёл месяц», а далее анимация вполне в духе символизма материализует метафору: месяц в элегантной одежде идёт среди облаков. Это радикальное возвращение от авангарда с его условными игровыми конструкциями к эмфатической натурализации символа, то есть к тому аспекту символизма, который был очень рано преодолён – ещё в пародиях Владимира Соловьёва были высмеяны «ослы раздумья», «шоколадные небеса» и горящие

2025;11(4):942-953 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

на небесах паникадила как материализация метафор в астрономическом, гастрономическом или животном коде.

Сам Лебедев-Кумач в молодости писал стихи вполне в блоковском духе, например:

Силуэтно лиловится купол
На оранжевой дымке восхода…
Грузовик с перебоем прохлюпал,
Прогнусавил гудок у завода.
Дует ветер, болезненно-знобкий,
Пробирается льдинкой за ворот.
Неохотно, медлительно, робко
Просыпается утренний город[2].

Урбанистика здесь близка блоковской, но лишена и его морального, и эсхатологического напряжения: напротив, все сильные аффицирующие моменты приведены к усредненному описанию меланхолии, встроенной в бытовой порядок привычной аффектации. У Блока сильное чувство городского отчуждения доходит до апокалиптических колебаний. Лебедев берёт сходные детали, характерные и для блоковской, и вообще для городской лирики, но лишает их мистической ауры. Его город просыпается «неохотно, медлительно, робко» – символизм здесь сводится к простым актам оживления пейзажа, то есть к самому простому приёму. Позднее, в зрелом творчестве Лебедева-Кумача, его город станет сияющим, парадным, идеологически выверенным пространством сталинского ампира («Утро красит нежным светом / стены древнего Кремля»). Хармс не мог не видеть при этом общего – поэт-наблюдатель, который претендует на авторитетное кодирование всего, что видит – то есть на жреческую позицию.

О жречестве Блока, «Свою обедню отслужу», говорить даже излишне. Конечно, это жречество выглядело и для современников, как и для нас, надрывным, трагичным, соблазнительным и мученическим. Блоковский комплекс сразу был воспринят современниками и сохраняется в нашем изображении в неизменном виде: соединение амбиций и готовности к предельному страданию, эсхатологическое переживание мира, объединяющее персональную и надперсональную эсхатологию, экстатичность, которая при этом обуздывается интенсивными культурными символами, наконец, зазор между высказанным и невысказанным, который преодолевается то ситуативным мифом, то воображаемым ритуалом, то всей биографической судьбой поэта. Но для поколения авангардистов, включая обэриутов, то есть свидетелей большого числа эпигонских решений по отношению к блоковскому мифу, имажинарий был не так очевиден как сама теургическая амбиция. Для Хармса Блок и Лебедев-Кумач были двумя сторонами одной медали – медали «жреческого», патетического и мифологизирующего искусства – именно потому что для них было кристально ясно, что жреческое искусство продолжает приобретать своих эпигонов.

Для Елагина «священный яд» Блока – конечно, и общий эффект жреческого воздействия, сакрализации священного, от которой не может уклониться прочитавший его с чувством и всерьёз, но также и знак присутствия эпигонов, с которыми сам он вступает в миметическое соперничество [10] за подлинность. Елагин, в той мере, в которой не принимает позицию Хармса, в той же мере ощущает свой опыт подлинным по отношению к неподлинному опыту других. Тогда как Хармс не ставит этого вопроса о различении опыта. Для него Лебедев-Кумач – жрец, который перенял ту же модель служения как фасцинирующего самого поэта и потому убедительного для других поклонения, но сменил объект культа. Пафос, масштаб, пророческий тон остались теми же, изменилось лишь содержание.

Для Хармса явно оба поэта говорят с читателем не с позиции человека, а с позиции Голоса Высшей Силы (Бога или Партии). Оба используют возвышенную, обобщённую, лишённую бытовых деталей лексику. Оба поэта напевны, музыкальны, что у Лебедева-Кумача в конце концов инструментализируется в создании маршевого, победного, заразительного ритма, который должна повторять вся страна. Их поэзия монументальна и

[2] Стихи Лебедева-Кумача цитируются по изданию: *Лебедев-Кумач В.* Сердце, тебе не хочется покоя. Москва: Эксмо, 2012. 384 с. (Золотая серия поэзии).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):942-953
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

имперсональна. В то время как хармсовские поросята представляют собой ту модель шокирующей прагматики, в которой начинают быть слышны персональные голоса – голос почемучки и голос осаждающего его знатока жизни, понимающего, что жизнь состоит из истребления и потребления. Эта почти бахтинская полифония оказывается внутри полностью прагматической заданности текста, истребляющей любой непрагматический горизонт. Хармс обнажает утилитарную, почти индустриальную подоплеку жизни, которую и Блок, и Лебедев-Кумач прикрывали мифом (мифом о Вечной Женственности или мифом о Счастливом Завтра). Свинья – это не символ благополучия, а просто сырьё. Повар – не демиург, а рабочий на мясокомбинате, и именно об этом явно догадывается Елагин после некоторой задумчивости, перебирая образы поэта и в конце концов находя образ производственника. Всё есть продукт производства. И поэзия, по Хармсу, должна быть не служением, а таким же производством – игрой с языком, конструкцией, смыслом.

И Блок, и Лебедев-Кумач – переводчики Горация[3]. Так, Блок перевёл оду II, 20 (“Non usitata nec tenui ferar...”). Гораций говорит о своём поэтическом бессмертии довольно иронично и изящно: он не умрёт, а превратится в лебедя. Это метафора, игра, уверенность мастера в своём ремесле. Блок превращает это в мистическое преображение, в акт высшего откровения, почти в религиозное вознесение. «Не на простых крылах, на мощных я взлечу, / Поэт-пророк, в чистейшие глубины». У Горация нет «пророка», vates это не совсем пророк – это чисто блоковское, символистское прочтение. У Блока появляется абстрактный, мистический образ, а не конкретный миф, к которому обращается Гораций. «Изучат и узрят Иберии сыны, / Не чуждые стихов, и пьющий воды Роны». Блок усиливает имперский, всемирный масштаб послания. Акцент на «изучат и узрят» делает из поэзии нечто сакральное, требующее особого фасцинирующего постижения. «Смолкай, позорный плач!.. Зане и смерти нет». Финальный пафос, призыв к прекращению «позорного плача» и утверждение, что «смерти нет», – это уже не классическая римская гордая уверенность, а почти христианское обетование о вечной жизни, характерное для блоковского мироощущения. Так Блок находит в античном авторе не просто коллегу, а собрата-жреца, предтечу своей концепции поэта-пророка, который говорит с миром с позиции высшей истины.

Молодой выпускник классической гимназии Лебедев выбирает и переводит иначе, но тоже миметически, находя в Горации как бы свое будущее, создавая миметическую поэтику себя-будущего, но не мистического себя, как у Блока. Его привлекает Гораций – моралист, певец «золотой середины» (aurea mediocritas), советчик и дидакт. Таков его перевод оды II, 10 (“Rectius vives, Licini...”). Гораций даёт другу житейский, хотя и возвышенный совет: избегай крайностей, ищи середину, будь стойким в несчастье и умеренным в удаче. Лебедев превращает эти советы в прямое, недвусмысленное наставление, почти лозунг. «Будешь лучше жить, не стремясь, Лициний...»; «Кто златую взял середину мерой...»; «Бодрым, твёрдым встреть все несчастья жизни...». Перевод очень буквален, дидактичен, лишён той лёгкой, дружеской интонации, которая есть у Горация. Это не беседа равных, а урок. Лексика выбирается простая, почти плакатная: «бодрым, твёрдым», «подобрать разумно вздувшийся парус». Это уже готовые формулы для советского человека 1930-х: быть бодрым, твёрдым и разумным. Его перевод оды I, 38 (“Persicos odi, puer, apparatus...”) – это отказ от «персидской роскоши» в пользу «простого мирта». В интерпретации Лебедева это читается не как личное эстетическое предпочтение изнеженного римлянина, а как программа действий: «Роскошь брось, юнец». Это прямо перекликается с его будущим зрелым творчеством, воспевающим простоту, труд и коллективный дух.

Таким образом, Гораций оказывается тем самым «клеем», который скрепляет две стороны медали – Блока и Лебедева-Кумача. Оба они, через переводы, заявляют о своей

[3] Здесь и далее переводы Блока и Лебедева цитируются по материалам сайта www.horatius.ru (дата обращения: 01.06.2025).

2025;11(4):942-953 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

принадлежности к традиции «высокой» и наставительной поэзии. Хармс со своим обэриутским проектом бунтует против этой традиции в принципе. Его стихотворение – это не просто насмешка над символизацией природы или искусства (поварского), это насмешка над всей поэзией как формой риторического пафоса и дидактики, будь она серебряного или советского века. Он предлагает поэзию не смысла, а жеста; не наставления, а констатации; не вечности, а сиюминутного акта.

Песни Лебедева-Кумача из «Весёлых ребят» не просто «прогремели» – они стали культурным и идеологическим катаклизмом, звуковым фоном новой советской реальности. Музыка Дунаевского ещё не двигает повествование, а лишь скрепляет клочковатый сюжет» [11, с. 94], тогда как песни, добавим, становятся метасюжетом. Анализ песенных текстов Лебедева-Кумача предстаёт не как простое заимствование, но как системная утилизация поэтики Серебряного века, в частности – мистического и урбанистического дискурса Александра Блока. Его «Сердце (Песня Анюты)» оказывается перепевом блоковской любовной лирики: где у Блока – «Глядят внимательные очи, / И сердце бьёт, волнуясь, в грудь» как символ метафизической тревоги и пленной души, там у Лебедева-Кумача оно же «бьётся, как птица» становится милым предвестником бытового счастья. Трагическая гипербола – «Если б имела я десять сердец, / Все бы ему отдала» – лишается той жертвенной безответности, которая была бы у Блока, и превращается в гарантированный успех романа. Так мистическое горение замещается приземленным объяснением, а высокая тайна делается доступной.

Другой лик Блока – поэта-урбаниста – подвергается аналогичной трансформации в «Тюх-тюх» и «Песенке о стрелках». Звукопись Блока была существенна для авангардных экспериментов по записи живой речи [12] и [13], но в случае звукового фильма возникала особая многократная медийная опосредованность, не подразумевавшаяся авангардом. Звукоподражательные рефрены, у Блока передающие дисгармонию города и вообще технологического мира (так, строка «Поздней осенью из гавани…» передаёт скрежет и свист корабельных машин), здесь обращены в уютный бытовой лубок. Мотив роковой ошибки, фатальной у Блока, сводится к досадному эпизоду, а образ безысходного времени-Апокалипсиса перекодируется в продуктивное распоряжение временем («Сердце хлопочет, боится опоздать»), что смещает фоносемантику оригинала [14] и [15]. Для Хармса это могло бы быть окончательным доказательством его правоты: оба дискурса, и трагический, и оптимистический, суть две стороны одной «медали иллюзии». Его стих о ветчине, с его абсурдной констатацией («Почему? Чтобы сделать ветчину!»), был бы шоковой терапией против любой осмысленной картины мира – будь то блоковский миф о Вечной Женственности или кумачёвский миф о Счастливом Завтра. Он противопоставлял поэзию-миф – поэзии-жесту, обнажающему бессмысленную механику жизни.

Вне зависимости от того, когда произошёл разговор Хармса и Елагина, фильм «Весёлые ребята» и песни Лебедева-Кумача в 1934 г. были для таких фигур, как Хармс, не развлечением, а ярчайшим подтверждением их худших подозрений. Они видели, как блоковская патетика, которую они уже отвергли, не умерла, а была успешно ампутирована, пересажена на новое тело и превратилась в биополитическое сердце (или рыло) кинематографического мифа о всеобщем счастье. Поэтому реплика Хармса о двух сторонах медали – не просто злая острота или ненависть по отношению к коллеге на литературном поле, играющая выражением свиное рыло. Это диагноз. Это признание, что его борьба с «жречеством» Блока проиграна, потому что на свет появился новый, куда более мощный и страшный противник – поэт-инженер человеческих душ, строящий утопию всеобщего веселья на руинах индивидуальности, сложности и трагического чувства жизни. Стихотворение о ветчине в этом свете выглядит не просто детским абсурдом, а актом отчаянного сопротивления – попыткой вернуть слову его материальную, а не мифологическую плоть.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):942-953
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Хармса и его круга Блок и Лебедев-Кумач были разными побегами от одного корня – романтически-символистской традиции, возводящей поэта в ранг жреца. Блок был жрецом старого, угасшего бога, Лебедев-Кумач – жрецом нового, советского. Но сам жест служения, пафос, претензия на истину в последней инстанции оставались и были для обэриутов главным врагом. Блок для Хармса был олицетворением всей дореволюционной культуры, которая, с его точки зрения, потерпела крах не только политически, но и эстетически. Бунт обэриутов, как и бунт дадаистов, был направлен против культуры, которая привела к мировой войне – *культуры старого смысла*. Блоковский катастрофизм и мистицизм были для них частью этой болезни. Хармс предлагал не новую «любовь», а смену аспекта.

Стихотворение о ветчине – это манифест. Это утверждение, что поэзия должна быть не о «вечном», а о «здесь и сейчас», не напевной, а конструктивной, не пафосной, но точной (даже в своей абсурдной точности). Это сведение высокого к низкому не из желания оскорбить, а из желания разоблачить механизм его работы. Елагин, будучи поэтом «второй волны» эмиграции, всё ещё находился внутри романтической парадигмы («Для меня был Блок и царь и бог!»), поэтому он воспринял этот акт как кощунство. Но Хармс вёл не личную войну с Блоком, а метафизическую войну с принципом «жречества» в искусстве, который, как он верно угадал, лишь сменил вывеску с «мистической» на «советскую», оставшись по сути тем же.

Лебедев-Кумач тогда должен пониматься не как антипод, а как выродившийся наследник Блока. Это центральный пункт. Хармс увидел, что советская массовая песня унаследовала от символизма не темы, а риторические стратегии. Прежде всего, это всеобщность и безличность, растворяющая героя в коллективном «мы» (блоковские исторические стихи от «На поле Куликовом» до «Скифов»); затем, это гиперболизация, имеющая в виду измерение всё вечностью или некоторым мистически переживаемым настоящим, которое организовано самим поэтом как жрецом – замена полифонии вопрошающих и недоумевающих голосов политемпоральностью жреческого вмешательства. Наконец, это постоянная обращённость к будущему, грядущему преображению, мистическому у Блока и социальному у Лебедева-Кумача.

«Блок окажется сильней» – трагедия Елагина, а не победа Блока. Финальные строки Елагина можно было бы в первом приближении прочесть как торжество «настоящего» искусства над авангардной шуткой. Но в контексте всего его творчества (поэта-изгнанника, печального и горестного поэта второй волны эмиграции) это звучит как трагедия. Он констатирует, что остался носителем той самой «заражённой» культурной парадигмы, которую высмеивал Хармс. Он не смог принять лекарство от «священного яда», который одновременно и возвышает, и калечит, приковывая к прошлому. Его душа осталась полем битвы чужих мифов, а не территорией для создания нового языка.

Таким образом, история, рассказанная Елагиным, – это не анекдот о вкусовой ссоре, а лаконичная драма о столкновении двух несовместимых культурных кодов: трагического, мифологизирующего романтизма (Блок – Елагин) и трезвого, анти-героического, абсурдистского модернизма (Хармс). И тот факт, что мы до сих пор эту историю обсуждаем, доказывает, что удар Хармса достиг цели и попал в самую суть культурных процессов XX века.

Список источников

1. *Буренина О.* Философия анархизма в русском художественном авангарде и «замкнутые конструкции» Даниила Хармса // Russian Literature. 2006. Т. 60. № 3-4. С. 293-307. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2006.12.004

2025;11(4):942-953 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

2. *Иоффе Д.* Даниил Хармс как Homo Ludens: игровое жизнетворчество и проблема маски. К постановке вопроса о роли лудизма в деятельности поэта // Russian Literature. 2006. Т. 60. № 3-4. С. 325-345. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2007.01.002
3. *Шипицына А.А.* Вестничество в русской постсимволистской культуре // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2024. № 71. С. 142-150. https://doi.org/10.62625/2782-1889.2024.71.71.009, https://elibrary.ru/yuecel
4. *Бибихин В.В.* Витгенштейн: смена аспекта. Москва: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 288 с. https://elibrary.ru/qwitrh
5. *Курбановский А.А.* Русский авангард и теории видения // Медиафилософия. 2010. Т. 5. С. 218-229. https://elibrary.ru/wazhfz
6. *Чубаров И.* Теория медиа Вальтера Беньямина и русский левый авангард: газета, радио, кино // Логос. 2018. Т. 28. № 1 (122). С. 233-260. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-1-233-257, https://elibrary.ru/xnzrlv
7. *Хадынская А.А.* Петербург Ивана Елагина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (209). С. 45-52. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-3-45-52, https://elibrary.ru/vnzjmg
8. *Ковалевская Т.В.* Мимикрическая поэтика Достоевского. Москва: РГГУ, 2025. 305 с. https://elibrary.ru/hkhcfy
9. *Елагин И.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Стихотворения. Портрет мадмуазель Таржи / сост., подгот. текста, примеч. Е. Витковского. Москва: Согласие, 1998. 382 с.
10. *Кондакова А.* Насильственная (не)взаимность: мимесис и антимимесис конфликта // Логос. 2024. Т. 34. № 5 (162). С. 65-84. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-5-65-84, https://elibrary.ru/sxbjsi
11. *Салис Р.* Нам уже не до смеха. Музыкальные кинокомедии Григория Александрова. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с. https://elibrary.ru/qsvwkr
12. *Золотухин В.В.* Голос и воск. Звучащая художественная речь в России в 1900–1930-е годы: поэзия, звукозапись, перформанс. Москва: Новое литературное обозрение, 2024. 256 с.
13. *Бранг П.* Звучащее слово. Заметки по теории и истории декламационного искусства в России. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 288 с.
14. *Глухова Е.В., Торшилов Д.О.* «Теория слова» Андрея Белого в годы революции и гражданской войны // Литературное наследство. 2018. Т. 111. С. 5-47. https://elibrary.ru/tfsgtl
15. *Шишхова Н.М., Анкудинов К.Н.* Контексты семантики и фоносемантики: сады, цветы и цвет в творчестве Александра Блока и Виктора Сосноры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2023. № 1 (312). С. 46-57. https://doi.org/10.53598/2410-3489-2023-1-312-46-57, https://elibrary.ru/ailvxj

References

1. Burenina O. The philosophy of anarchy in the Russian avant-garde and Daniil Kharms's "Closed Constructions". *Russian Literature*, 2006, vol. 60, no. 3-4, pp. 293-307. (In Russ.) https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2006.12.004
2. Ioffe D. Daniil Kharms as Homo Ludens: ludic life-creation and the problem of the mask. on the role of ludism in the poet's activity. *Russian Literature*, 2006, vol. 60, no. 3-4, pp. 325-345. (In Russ.) https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2007.01.002
3. Shipitsyna A.A. Vestnichestvo (prophet messengership) in russian post-symbolist culture. Nauchnye trudy *Sankt-Peterburgskoi akademii khudozhestv = Scientific Papers of Saint-Petersburg Academy of Fine Arts*, 2024, no. 71, pp. 142-150. (In Russ.) https://doi.org/10.62625/2782-1889.2024.71.71.009, https://elibrary.ru/yuecel
4. Bibikhin V.V. *Wittgenstein: Aspect Change*. Moscow, St. Thomas Institute of Philosophy, Theology, and History Publ., 2005, 288 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qwitrh
5. Kurbanovskii A.A. Russian avant-garde and theories of vision. *Mediafilosofiya = Media Philosophy*, 2010, vol. 5, pp. 218-229. (In Russ.) https://elibrary.ru/wazhfz
6. Chubarov I. Walter Benjamin's media theory and Russian left avant-garde: newspaper, radio, cinema. *Logos*, 2018, vol. 28, no. 1 (122), pp. 233-260. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-1-233-257, https://elibrary.ru/xnzrlv

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):942-953
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

7. Khadynskaya A.A. Petersburg of Ivan Elagin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 3 (209), pp. 45-52. (In Russ.) https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-3-45-52, https://elibrary.ru/vnzjmg
8. Kovalevskaya T.V. *Dostoevsky's Mimetic Poetics*. Moscow, RGGU Publ., 2025, 305 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/hkhcfy
9. Elagin I. *Collected Works: in 2 vols. Vol. 2: Poems. Portrait of Mademoiselle Targi*. Moscow, Soglasie Publ., 1998, 382 p. (In Russ.)
10. Kondakova A. Violent (non)reciprocity: mimesis and anti-mimesis of conflict. *Logos*, 2024, vol. 34, no. 5 (162), pp. 65-84. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-5-65-84, https://elibrary.ru/sxbjsi
11. Salis R. *The Musical Comedy Films of Grigorii Aleksandrov: Laughing Matters*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 360 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qsvwkr
12. Zolotukhin V.V. *Voice and Wax. Spoken Artistic Language in Russia in the 1900s–1930s: Poetry, Sound Recording, Performance*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2024, 256 p. (In Russ.)
13. Brang P. *The Spoken Word. Notes on the Theory and History of the Art of Declamation in Russia*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010, 288 p. (In Russ.)
14. Glukhova E.V., Torshilov D.O. Andrei Bely''s "Theory of the Word" in the years of revolution and Civil War. *Literaturnoe nasledstvo = Literary Heritage*, 2018, vol. 111, pp. 5-47. (In Russ.) https://elibrary.ru/tfsgtl
15. Shishkhova N.M., Ankudinov K.N. Contexts of semantics and phonosemantics: gardens, flowers and colors in the works of Alexander Blok and Viktor Sosnora. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and Art Studies*, 2023, no. 1 (312), pp. 46-57. (In Russ.) https://doi.org/10.53598/2410-3489-2023-1-312-46-57, https://elibrary.ru/ailvxj

Информация об авторе

МАРКОВ Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 2436-2520, РИНЦ AuthorID: 181224, ResearcherID: Q-7934-2016, Scopus Author ID: 57215218399, https://orcid.org/0000-0001-6874-1073, markovius@gmail.com

Поступила в редакцию 05.07.2025
Поступила после рецензирования 02.10.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alexander V. Markov, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Cinema and Contemporary Art Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 2436-2520, RSCI AuthorID: 181224, ResearcherID: Q-7934-2016, Scopus Author ID: 57215218399, https://orcid.org/0000-0001-6874-1073, markovius@gmail.com

Received 05.07.2025
Revised 02.10.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

2025;11(4):954-964 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81’373. 161.1
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-954-964
Шифр научной специальности 5.9.3

Вербализация образов музыки в идиостиле А. Грина

Алина Анатольевна Шульдишова
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
shuld_a@mail.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Рассмотрена «музыкальность» ряда образов романтического повествования в произведениях Александра Грина и представлен результат использования приёма анализа «взаимоотношений» репрезентируемых образов музыки с речевыми средствами беллетризации романтических обстоятельств, состояний и иных характеристик художественных миров в произведениях писателя. Цель – осмыслить музыкальную образность в контекстах повести-феерии А. Грина «Алые паруса» и выявить черты индивидуально-авторской окрашенности словесной ткани «омузыкаленных» фрагментов текста. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования послужила опубликованная в 1923 г. повесть «Алые паруса» Александра Грина (Александр Гриневский), она была включена во все собрания сочинений писателя. В данном междисциплинарном исследовании использован описательный метод, который включает литературно-музыкальное сопоставление, анализ художественной детали, а также лексико-семантический анализ ключевых слов и их символики с позиции лингвопоэтического подхода. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе анализа выявлено, что для объективной трактовки поэтики и стилистики художественного произведения в целом важен всесторонний учёт средств, с помощью которых в художественный текст вводится аура музыкального отражения и восприятия воображённой художником слова реальности. Установлено, что музыкально-лингвопоэтический анализ художественного текста позволяет постичь идейно-художественный замысел автора и синтез содержательности литературных и музыкальных образов, раскрывающих смысл художественного произведения. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. «Музыкальность» как средство восприятия окружающей действительности, как способ целостного отношения к духовному и материальному нашла отражение в неповторимой индивидуальности Александра Грина и служит маркером, с помощью которого раскрывается художественное сознание одного из романтиков и философов в русской литературе.

Ключевые слова: Александр Грин, Алые паруса, идиостиль, музыкальность, наутопоэтоним, вербализация образов музыки

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.А. Шульдишова – разработка концепции статьи, анализ научной литературы, сбор и систематизация языковых фактов, написание черновика рукописи, корректировка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Шульдишова А.А.* Вербализация образов музыки в идиостиле А. Грина // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 954-964. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-954-964

© Шульдишова А.А., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):954-964
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-954-964
OECD 6.02; ASJC 1208

Verbalization of images of music in the idiosyncrasy of A. Grin

Alina A. Shuldishova
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
shuld_a@mail.ru

Abstract
INTRODUCTION. The "musicality" of a number of images of romantic narrative in the works of Alexander Grin is considered and the result of using the technique of analyzing the "relationship" of the represented images of music with speech means of fictionalizing romantic circumstances, states and other characteristics of artistic worlds in the works of the writer is presented. The aim is to comprehend musical imagery in the context of A. Grin's fairy tale "Scarlet Sails" and to identify the features of the individual author's coloring of the verbal fabric of the "unmusicalized" fragments of the text. MATERIALS AND METHODS. The research material was the novel "Scarlet Sails" by Alexander Grin (Alexander Grinevsky), published in 1923, and it was included in all the collected works of the writer. In this interdisciplinary study, a descriptive method was used, which includes literary and musical comparison, analysis of artistic details, as well as lexico-semantic analysis of keywords and their symbols from the perspective of a linguopoetic approach. RESULTS AND DISCUSSION. The analysis revealed that for an objective interpretation of the poetics and stylistics of an artistic work as a whole, it is important to take into account the means by which the aura of musical reflection and perception of the reality imagined by the artist is introduced into the artistic text. It is established that the musical and linguopoetic analysis of a literary text makes it possible to comprehend the author's ideological and artistic intent and the synthesis of the content of literary and musical images that reveal the meaning of an artistic work. CONCLUSION. "Musicality" as a means of perceiving the surrounding reality, as a way of holistic attitude to the spiritual and material, is reflected in the unique personality of Alexander Grin and serves as a marker with which the artistic consciousness of one of the romantics and philosophers in Russian literature is revealed.

Keywords: Alexander Grin, Scarlet sails, idiostyle, musicality, science etonym, verbalization of images of music

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: A.A. Shuldishova – research concept development, scientific literature analysis, collection and systematization of linguistic facts, writing – original draft preparation, correction of the manuscript.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Shuldishova, A.A. Verbalization of images of music in the idiosyncrasy of A. Grin. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):954-964. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-954-964

ВВЕДЕНИЕ

Анализ работ, посвящённых изучению влияния образов музыки на поэтику художественных произведений, демонстрирует непреходящий интерес к проблеме «Писатель и музыка», в частности, в творчестве Александра Грина[1].

[1] *Козлова Е.А.* Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2004. 20 с.; *Чжан Жуй*. Рассказы А.С. Грина 1900-х – 1910-х годов: типология героев, специфика поэтики:

2025;11(4):954-964 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Проблема музыкальной природы личностного и творческого феномена Александра Грина рассматривалась учёными с позиции эстетических сторон, функционирования музыки в его прозе [1]. Однако в плане целостного анализа идиостиля писателя со стороны участия в нём музыкальных реминисценций, выявления закономерностей музыкального словоупотребления А. Грином представлено в научной литературе недостаточно, что способствует рассмотрению понятия «музыкальность» как глубинного принципа организации его произведений и выражения внутреннего мира героев. Цель исследования – осмыслить музыкальную образность в контекстах повести-феерии А. Грина «Алые паруса» и выявить синтезирующие черты индивидуально-авторской окрашенности словесной ткани «омузыкаленных» фрагментов текста.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Кроме традиционного описательного метода, который включает литературно-музыкальное сопоставление, в исследовании материала были использованы возможности компьютерной программы MS Access. В ней собиралась, обрабатывалась и коррелятивно анализировалась база данных исследования. Разработанная методика была использована для многофакторного анализа материала, избранного в качестве образца (творчество А. Грина). Эта методика позволила получить обоснованные выводы о значимости образов музыки в проанализированных текстах. Для описания «музыкальных» слов, словосочетаний, стилистических фигур и высказываний, определения их образного содержания применялся лингвопоэтический подход.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Музыкальность» у Александра Грина контрастирует с реальностью и символизмом, проявляясь в психологическом состоянии персонажей, она проецирует их душевные настроения и жизненные позиции, подчёркивая гармонию человека и мира.

В стремлении использовать образность, навеянную музыкой, А. Грин в литературе был далеко не одинок. «Омузыкаленность» была неотъемлемым свойством лирики Серебряного века, в котором жил писатель. Современники-символисты сыграли главенствующую роль в формировании мировоззрения писателя, прежде всего Андрей Белый и Александр Блок. Эти поэты испытывали сильное влияние музыкальности, воспринимая окружающую реальность через звуки и музыкальные образы, что «проливает дополнительный свет и на сугубо литературное «дело» русского символизма, не существующее в отрыве от «символических» обстоятельств жизни его творцов» [2, с. 60]. Думается, что творческий метод Александра Грина испытал воздействие неоромантических тенденций литературного процесса в России начала XX века [3; 4].

Аналитические исследования творчества писателя-романтика Александра Грина «превалируют над синтетическими» [5, с. 14], между тем при анализе идиостиля Грина выявляются имплицитно присутствующие в произведениях писателя связи между элементами художественной структуры и некоторыми музыкальными особенностями его творчества.

Иногда Грин характеризует героев произведения, используя музыкальные характеристики и функции, описывает их эмоциональные реакции, воспоминания, ассоциации в зависимости от настроения или ситуации, представленной в контексте произведения. Музыкальные средства выразительности придают семантическую и образную «полифонию» романтическому миру художественных произведений Грина [6].

Появление повести «Алые паруса» в литературных кругах было сразу замечено. «В 1923 г., судя по библиографии Ю.В. Киркина, было опубликовано более 10 рецензий на книги А.С. Грина, причём четыре из них были посвящены «Алым парусам» [7, с. 157].

Первое «музыкальное» слово «гульканье», с которым мы встречаемся в начале

дис. … канд. филол. наук. Москва, 2023. 203 с.; *Максимова О.Л.* Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя: автореф. дис. … канд. филол. наук. Вологда, 2004. 24 с.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):954-964
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

повести «Алые паруса», относится к отглагольному существительному, означающему «издавать звук, характерный для голубей (гуль-гуль-гуль) и ассоциируется с воркованием голубей. Ср.:

«*Женщина рассказала печальную историю, перебивая рассказ умильным гульканием девочке и уверениями, что Мери в раю*».

Слово «гульканье» по своей природе является ономатопеическим, и его употребление подчёркивает эмоциональный оттенок речи и звуковую насыщенность высказывания. В этой звуковой ассоциативности и отражается музыкальность почерка Александра Грина.

Просторечное слово «гульканье» частотно и в современной стилистике живого русского языка.

Музыкальное *гульканье* относится к дочери матроса Лонгрена из деревушки Каперна по имени Ассоль, которое придумал Александр Грин для главной героини своего художественного произведения. Возможно, это литературное, романтическое имя восходит к испанскому выражению «al sol», что в дословном переводе на русский язык означает «к солнцу», или «солнечная»).

Ассоль была наделена «*прелестной печалью скрипки*»[2]. Здесь возникает образ скрипки, который задаёт тональность музыкального контекста. Скрипка в повести символизирует образ прекрасной женщины: мелодичный голос, нежность, наивысшую степень духовности. Главная героиня феерии Ассоль предстаёт в образе этого музыкального инструмента. Грин сравнивает её с прелестной печалью скрипки. Данный пример являет собой один из ведущих приёмов гриновской поэтики – сравнение, в предицирующей манере отождествляет словесные образы с музыкальными.

Автор так описывает Ассоль: *«…забавно напевала матросские песни – дикие рево-стишия. В передаче детским голосом и не везде с буквой «р» эти песенки производили впечатление танцующего медведя, украшенного голубой ленточкой*».

Писатель мастерски подчёркивает особенную эмоционально-семантическую насыщенность каждого образа. Непрямое выражение автором чувств героев отображается в метафорических музыкальных «звучаниях». Так, собиратель народных легенд, песен, сказок и преданий имя Ассоль воспринимает как музыкальное, «*как свист стрелы и шум морской раковины*».

Образ Артура Грэя воплощает сказку об алых парусах, который стал символом исполнения желаний. Встретив в лесу спящую Ассоль, Грэй слышит «внутреннюю музыку», его чувства сильны, подобные «*гулу огромного колокола, бьющего над головой*» (т. 3, с. 55).

Нельзя не обратить внимание ещё на одну деталь музыкально-художественного мира Грина в романе «Золотая цепь», в котором своеобразным обрамлением текста является слово «оркестр». Канва произведения состоит из череды возвращающихся оркестровых фрагментов, благодаря чему достигается эффект непрерывности, закольцованности.

В романе оркестр «прозвучал» 8 раз.

1) «*чувства мои заиграли вместе с отдалённым **оркестром***» (т. 3, с. 89);

2) «*за меня мир мой душевный выражала музыка скрытого на хорах **оркестра**, зовущая в Замечательную Страну*» (т. 3, с. 95);

3) «*казалось, все говорят, как инструменты **оркестра**, развивая каждый свои ноты*» (т. 3, с. 99);

4) «*грянул **оркестр** <…> напоминая о блистающей Стране*» (т. 3, с. 100);

5) «*В эту минуту **оркестр**, мягко двинув мелодию, дал знать, что мы прибыли в Замечательную Страну* (т. 3, с. 95);

6) «*здесь слышался отдалённый плеск волн; на другой аллее, повыше, играл **оркестр***» (т. 3, с. 127);

7) «*Вокруг меня не прерывался разговор. Звук этого разговора перелетал от одного лица к другому, от одного к двум, опять к одному, трём, двум и так беспрерывно, что казалось, все говорят, как инструменты **оркестра**, развивая каждый свои ноты – слова* (т. 3, с. 99);

8) *В это время начали бить невидимые часы, ясно и медленно пробило одиннадцать,*

[2] *Грин А.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1965. Т. 3. С. 43. Далее цитируется это издание с указанием тома и страниц в тексте.

2025;11(4):954-964 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

покрыв звуком всё, – шум и ***оркестр*** слово» (т. 3, с. 100).

Грин как будто фиксирует два действия, происходящие в романе одновременно, – звучание оркестра и развитие сюжета. Эти действия гармонично сочетаются и развиваются. В этой «полифонии» нельзя выделить главенствующую роль происходящему в романе (сюжетной линии). Оркестр, звучащий в этот момент, завершает оформление целостного образа романа. Кроме того, писатель показывает, как эту музыку ощущают персонажи, как она на них воздействует. «Оркестровые» эпизоды оранжируют психологическое состояние героев и окружающий их мир по законам симфонического крещендо в повести-феерии «Алые паруса».

Сказочный сюжет отражается в создании сюжета: впечатляющий алый парус на игрушечной яхте вырастает до реальных размеров, но становится прихотью богача, который может купить две тысячи метров алого шёлка, чтобы получить в жены дочь моряка [8]. И здесь вспоминается русская сказка «Аленький цветок». Переплетаются образы Орфея (певец и музыкант из древнегреческой мифологии) и сказочник, но ставший реальным чудотворцем Грэй, который воплощает идею делать чудеса своими руками. Иными словами, концептосфера антропонимов в произведениях Грина включает имена, «отражающие культурологическую ситуацию в тот или иной исторический период» [9, с. 247].

Произведение завершается «звучанием» симфонической музыки, где оркестр – апофеоз главной героине и любви. Ср.:

«м*елодия грянула по нервам толпы <…> полным торжествующим хором»*, «*сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка*» (т. 3, с. 64).

Использование сюжетов и образов из области музыкальной культуры, фольклора, древнегреческой мифологии, их оригинальное переплетение и интерпретация в создаваемом автором художественном мире формируют важную особенность идиостиля писателя, который создал свою страну Гринландия (писатель не использовал этот топоним, термин в научный обиход ввёл критик Корнелий Зелинский), в которой живут герои с вымышленными именами, создал особый художественный мир с собственной ономастикой и музыкальной интонаций. Ср.:

«*Тем временем воскресали и разбивались сердца, гремел мир, и в громе этом выделился звук ровных шагов . Они смолкли у подъезда Консейля*» (т. 4, с. 343).

Стилистическая имитация музыки в художественном произведении может осуществляться различными видами, в том числе лексическими, синтаксическими, звуковыми фактами [10], а также фонетическими средствами художественной выразительности, к числу которых относятся имена собственные. Имя Ассоль благозвучно, оно состоит из приятных на слух звуков, имеющих значительную частоту употребления в речи, что делает их звучание приятным и мелодичным.

В повести-феерии «Алые паруса», нарастая и усиливаясь, развиваются две линии – упоминания о музыке и подготовка к явлению алых парусов. В начале повести тема «музыкальности» фактически отсутствует, если не считать глагола «гульканье», а «ревостишия» в исполнении малышки Ассоль лишь подчёркивают неслиянность реального и романтического миров. («*Ассоль… забавно напевала матроские песни – дикие ревостишия»*). Видимо, слово «ревостишия» является окказионализмом писателя, которое может обозначать матросские песни, но не в обычном смысле как пение мелодичных песен, а громкие крики или «рёв», которые звучали у матросов (Лонгрен – моряк с большим опытом).

Интересен образ Эгля – романтика, собирателя фольклора, сказочника. Появление Эгля отражает слияние мотивов («***Я люблю сказки и песни, и просидел*** *я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное*. Но… в Каперне *не поют песен.* ***А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах****, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как немытые ноги, грубые,* ***как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом»*** (т. 4, с. 63)).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):954-964
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Обещание Эгля, предсказание красных парусов и прекрасной музыки: «***Сияющая громада алых парусов*** *белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. …Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки* ***прекрасной музыки»,*** – по сути, звучит увертюрой к финальному цветомузыкальному триумфу.

Обращает на себя внимание шуточная авторская «песня Летики» – *«Ночь тиха, прекрасна водка, трепещите, осетры, хлопнись в обморок, селёдка, – удит Летика с горы!»* как символ духовной веры в мечту и светлые надежды, которые помогают герою и окружающим сохранять силу духа и веру в чудо. Летика – матрос и спутник Артура Грэя, его песня отражает атмосферу дружбы и веры в чудо.

Финальная часть феерии содержит музыкальную кульминацию. Начало сцены представлено строкой: «*Налейте, налейте бокалы – и выпьем, друзья, за любовь...*» (т. 3, с. 63).

В повести «Алые паруса» Грин использовал «нулевую степень *verbal music*», апеллируя к музыкально подготовленному читателю («*музыка ритмических переливов, переданных…* ***известными всем словами»*** (т. 3, с. 86-99) (выделено нами. – *А. Ш.*).

Строки песни *«Налейте, налейте бокалы – и выпьем, друзья, за любовь...»* мысленно, внутренним слухом могут напоминать застольную песню.

Радостный оркестр-хор гостей на корабле вводит в атмосферу празднества: «*Тогда Циммер* ***взмахнул смычком*** *– и та же* ***мелодия грянула*** *по* ***нервам толпы****, но на этот раз* ***полным, торжествующим хором****… Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь* ***кинулась огромная музыка***» (т. 3, с. 64).

Следует пристальнее всмотреться-вслушаться в представленный выше фрагмент феерии. Итак, ***взмах смычком*** – один из основных жестов-знаков дирижёра, позволяющий музыкантам не просто организовать одновременное звучание (вступление) группы инструментов, но и показать требуемую динамику, характер, темпоритм, эмоции и чувства «музыкального произведения». Читатель мысленно погружается в картину происходящего и уже ждёт момента возникновения «звучания», пытается представить эмоциональную сторону произведения.

Эта визуальная картина подкреплена звуковой. «***Мелодия грянула***» пишет А. Грин, вкладывая в своё «музыкальное произведение» сильные эмоции. Внезапным, резким усилением звучания – ринфорцандо (итал. rinforzando) обозначен кульминационный, ключевой момент феерии.

Обратим внимание на сочетание «***по нервам толпы»***, синонимичное фразеологизму «*бить по нервам»,* которое передаёт аффективное состояние, повышенное, чрезмерное проявление чувств. Усиливает эмоциональный текст и подтекст определения «***полным, торжествующим хором»***. То есть не просто звучанием отдельной группы инструментов, а всего оркестра одновременно, в один голос, единодушно и жизнеутверждающе. «Хор» в тексте выступает «комментатором» происходящего, символизирует душевный подъём, напряжённость обстановки. Он не показан «зрителю» – «закулисным хоровым» исполнением писатель сосредоточивает внимание на главных героях, а оркестром лишь добавляет экспрессию, подчёркивает внутренние переживания героев.

И, наконец, «***огромная музыка***» – это обозначение не размера, а определение высоты (силы) музыкального воздействия – «форте-фортиссимо» («три форте») или ещё более крайнюю степень силы звучания, такую как, например, ***fffff*** («пять форте»). Читатель, конечно, внутренним слухом представляет оттенок громкости звучания.

Грин использует музыкальную символику в описаниях главных героев повести, романтизирует их эмоциональное состояние, внутренний мир. Писатель словно музыкализирует прозу.

Инструментальное «звучание» характеризует внутренние миры Циммера и Грэя:

– Ба, да это ты, Циммер! – сказал ему Грэй, признавая скрипача, который по вечерам веселил своей прекрасной игрой моряков, гостей трактира «Деньги на бочку». – Как же ты изменил скрипке?

2025;11(4):954-964 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

– Досточтимый капитан, – самодовольно возразил Циммер, – я играю на всём, что звучит и трещит. В молодости я был музыкальным клоуном. Теперь меня тянет к искусству, и я с горем вижу, что погубил незаурядное дарование. Поэтому-то я из поздней жадности люблю сразу двух: виолу и скрипку. На виолончели играю днём, а на скрипке по вечерам, то есть как бы плачу, рыдаю о погибшем таланте. Не угостите ли винцом, э? Виолончель – это моя Кармен, а скрипка...

– Ассоль, – сказал Грэй.

Циммер не расслышал[3].

Скрипку Грин одухотворяет, она становится живым существом, наделяется человеческими качествами, звучание скрипки связано с гармонией, консонансом, поэтичностью, ассоциируется с «женским началом», с музыкой любви.

Музыкальные образы становятся предзнаменованием грядущих событий. Образ скрипки, «звучание» этого музыкального инструмента в повести предопределяют лейтмотив высокого чувства главной героини. Семантика утончённого музыкального инструмента с певучим, нежным, трепетным звучанием, похожим на человеческий тембр, акцентирует, передаёт яркие чувства, солнечные, светлые мысли главной героини. Образ скрипки становится главенствующей силой, центром тяготения художественного произведения, как и в симфоническом оркестре, составляет его основу – ведёт основную музыкальную мысль.

Об имени Ассоль написано много, объясняется оно по-разному. Попытаемся и мы: Имя *Ассоль* музыкально подчёркнуто. Во-первых, в его основе содержится корень, созвучный названию одного из музыкальных звуков – «*соль*». Выбор имени писателем является делом не случайным. Любое имя, его фонемное, звуковое наполнение всегда имеют определённую семантику. Как нам представляется, поэтоним *Ассоль* связан с выразительными возможностями, индивидуально-семантической, эмоциональной, подтекстуальной окраской музыкального звука «*соль*» (звук поэтичный, весёлый, светлый, мажорный в образном содержании). Звук «соль» – доминанта в музыкальном смысле (от лат. dominans – господствующий) – приобретает ещё большую значимость в семантике имени. Знал об этом А. Грин или не знал, но это уже (в синэстетическом прочтении) имплицитно намекает на некую сокровенную связь имени с цветом парусов «Секрета», памятной с детства и сбывшейся надежды на то, что предсказание Эгля осуществится. Во-вторых, звучание имени *А с с о л ь* в смысле звукового, акустического восприятия представляет имитацию скрипичного звучания, звукоизвлечения штрихом *легато* (когда последовательность нот исполняется одним движением смычка). Таким образом, полисемантичность имени расширяется за счёт цветозвуковой связи. Исключительно звуковые ассоциации, связанные с именем *Ассоль*, из феерии «Алые паруса», подчёркнуты А. Грином [11, с. 308].

«*Как зовут тебя, крошка?»* – спрашивает «волшебник Эгль» и, услышав ответ, продолжает: «*Хорошо… Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно,* ***музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины****; что бы я стал делать, называйся ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имён, которые чужды Прекрасной Неизвестности*?» (т. 3, с. 13).

«Имена собственные стремятся быть символами и служить средством связи с реальной действительностью» [12, с. 7]. Писатель довольно причудливым способом соотносит главную героиню феерии с образами Пресвятой Девы Марии (Ассунты В. Тициана), сочетающей «величие и грациозность… доброту и изящество» и с именем Аспазият (в античности блистательная наперсница государей и философов). Ср.:

«*Ассоль так же подходила к этой решительной среде, как подошло бы людям изысканной нервной жизни общество привидения, обладай оно всем обаянием* ***Ассунты*** *или* Аспазии*: то, что от любви, – здесь немыслимо. Так, в* ***ровном гудении солдатской трубы прелестная печаль скрипки бес-***

[3] *Грин А.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Москва: Правда, 1980. С. 52. Далее цитируется это издание с указанием тома и страниц в тексте.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):954-964
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

сильна вывести суровый полк из действий его прямых линий» (т. 3, с. 44).

Оба имени обозначают «обаятельные» свойства женщин: красоту, ум, способность влиять. Но здесь главное другое… Ассоль была чужой в среде, в которой жила. Грин подчёркивает эту «отличительность» несколькими музыкальными сравнениями.

1. *Как тишина в ударе смычка*» (т. 3, с. 42), «у*дар смычка* – музыкальный штрих *спиккато* (от ит. *Spiccare* – «отрывать, отделять»). Этот штрих предписывает извлечение звука броском смычка на струну. Применение такого штриха придаёт звучанию отрывистость, резкость и высокую степень динамики. Или *Col legno* (*коль леньо*) – удар древком смычка по струне. Вызывает стучащий звук, скорее шум – не наполненный интонацией (высотой и тембром звучания), то есть немузыкальный, нежелательный. При помощи этих штрихов А. Грин передаёт несхожесть, своеобразность, противоположность главной героини окружающей её среде. Ассоль, Корабельная Ассоль не была любима окружающими.

2. «*В ровном гудении солдатской трубы… прелестная печаль скрипки*» (т. 3, с. 43) «*гудение»* в этом контексте понимается в негативном, пейоративном значении – «монотонное, неприятное, нескладное, бездушное звучание». *Солдатская труба* диссонирует, противоречит, нарушает гармонию *прелестного звучания скрипки*.

И, наконец, в рассматриваемом контексте важно ещё одно: оба имени синэстетически связаны с красным цветом. Возносящаяся на небеса Ассунта (Дева Мария) Тициана облачена в алые одежды, имя Аспазия также ассоциируется с оттенками красного (алого, розового) цвета.

Следует обратить внимание на то, что в творчестве Грина отражается «оппозиция действительности и возможности» [13, с. 70]. Речь идёт о мечте Ассоль: появляется корабль с алыми парусами. Учёные в этом случае отмечают такое явление, как «динамический экфрасис» в творчестве Грина [14, с. 75].

Персонажа Грэя писатель сравнивает с певцом, музыкантом – *Орфеем*: «*Эта власть замкнутостью и полнотой равнялась власти Орфея*» (т. 3, с. 27) Говоря о *власти Орфея*, Грин имел в виду подтекстную характеристику героя древнегреческих мифов, символика которой довольно широка. Имя использовано писателем как символ творчества, гармонии, влюблённости, любви, преданности. Орфей был известен и своим умением играть на лире. А лира, как известно, была одним из «прародителей» скрипки.

В тексте феерии не случайно упомянута виолончель – музыкальный инструмент басового и тенорового диапазона, то есть по тембру равна человеческому голосу (бас и тенор). Музыкальные образы скрипки и виолончели олицетворяют высокое чувство. Эти ключевые образы вызывают ассоциации, связанные с «*ожиданием, мучительным нетерпением*».

У писателя звуко-музыкальные ощущения переходят в «*картинные представления*», в «*симфонию красок*». Подобно тем, что Грин описал в «Рассказе Бирка»: «*Тогда, против моей воли, скрытое стало приобретать зрительные образы... Симфония красок кружилась перед моими глазами, и переливы их были музыкальны, как оркестровая мелодия. Я видел пространство, границами которого были звуки, музыка воздуха, движение молекул... Я видел материю в её наивысшей красоте сочетаний; движущиеся узоры линий; изящество, волнующее до слез; свет, проникающий в кровь…»*[4].

Для создания эффекта полноты Грин подключает оркестровую музыку («***негромкая музыка лилась*** *в голубом дне с белой палубы* ***под огнём алого шёлка; музыка ритмических переливов****…»*)[5], как бы размывает границу между зрительным и звучащим («***Сияющая громада алых парусов*** *белого корабля… Корабль подойдёт величественно к самому берегу* ***под звуки прекрасной музыки***» (т. 3, с. 15). Звучание оркестра синхронизируется со зрительными образами, и таким образом удваивает, восполняет, усиливает экспрессивность происходящего: «*Тогда свер-*

[4] *Грин А.С.* Алые паруса. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1965. Т. 1. С. 391-392.

[5] *Грин А.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Правда, 1980. Т. 3. С. 63. Далее цитируется это издание с указанием тома и страниц в тексте.

2025;11(4):954-964 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь ***кинулась огромная музыка»*** (т. 3, с. 64). Вместе с «*сияющей* ***громадой*** *алых парусов»*, «***огромной*** *музыкой»* и «***грянувшей мелодией***» высокая эмоциональная тональность поддерживается музыкальными «***скерцо***» *и* «***фортиссимо***» (т. 3, с. 55).

Таким образом, цвето-звукообраз становится ключевым, кульминационным в феерии «Алые паруса». Вся феерия пронизана музыкой. Семантическая палитра музыкальных образов феерии многогранна. Чувства Грэя автор текста передаёт, углубляет при помощи музыкальных образов: «*Этих двух часов он не заметил, так как они прошли всё в той же* ***внутренней музыке****, не оставлявшей его сознания, как пульс не оставляет артерий. Он думал об одном, хотел одного, стремился к одному… Ничто в спокойной наружности его не говорило о том напряжении чувства, гул которого,* ***подобно гулу огромного колокола, бьющего над головой****…»* (т. 3, с. 55).

Как элемент композиции, музыка передаёт накал чувств, душевное состояние, богатый духовный мир главных героев: «*Не было никаких сомнений* ***в звонкой душе Грэя*** *– ни глухих ударов тревоги, ни шума мелких забот; спокойно, как парус, рвался он к восхитительной цели; полный тех мыслей, которые опережают слова»* (т. 3, с. 62); «*ей казалось, что она* ***звучит как оркестр»*** (т. 3, с. 45); «*Музыка смолкла, но* ***Ассоль была ещё во власти её звонкого хора»*** (т. 3, с. 47).

В повести «Алые паруса музыка – а это образ влюблённости: «*Тем временем через улицу от того места, где была лавка,* ***бродячий музыкант, настроив виолончель, заставил её тихим смычком говорить грустно и хорошо; его товарищ, флейтист, осыпал пение струн лепетом горлового свиста; простая песенка, которою они огласили дремлющий в жаре двор, достигла ушей Грэя, и тотчас он понял, что следует ему делать дальше****. Вообще все эти дни он был на той счастливой высоте духовного зрения, с которой отчётливо замечались им все намёки и подсказы действительности;* ***услыша заглушаемые ездой экипажей звуки****, он вошёл в центр важнейших впечатлений и мыслей, вызванных, сообразно его характеру, этой* ***музыкой****, уже чувствуя, почему и как выйдет хорошо то, что придумал. Миновав переулок, Грэй прошёл в ворота дома, где* ***состоялось музыкальное выступление***» (т. 3, с. 50).

Музыка в феерии «Алые паруса» выступает и в качестве фона важного события, придаёт ему лиризм, чувствительность, обаяние, одухотворённость: «*Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборотая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой да вахтенный, да сидевший на корме* ***с грифом виолончели у подбородка*** *задумчивый и хмельной Циммер.* ***Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье****…»* (т. 3, с. 65).

Таким образом, в повести-феерии «Алые паруса А. Грина отмечается синтез языковых изобразительных стратегий и музыкальных образов и символов, черты романтизма и символизма, фольклорные мотивы и «фантастический мир» [15, с. 114], что привлекает внимание многих исследователей творчества писателя и читателей. Не случайно повесть «Алые паруса» опубликована на китайском, английском, немецком, испанском, французском, итальянском, греческом, литовском, латышском, украинском, белорусском, польском, болгарском, венгерском и вьетнамском языках» [7, с. 160].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведения Александра Грина не просто включают в свой состав музыкальные фрагменты, они находятся в теснейшем взаимодействии с контекстом, являются часто основным средством наиболее точного описания персонажей, передачи их мыслей, подтверждением чувств в крайней степени напряжения. Многократные музыкальные мотивы способны воздействовать на психику персонажа, его чувства и эмоции, движения души, настроение; динамизируют художественную образность. Эта «скрытая, непрерыв-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):954-964
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ная инструментально-симфоническая мелодия» управляет ритмами художественной ткани в целом и влияет на идиостиль писателя.

«Музыкальность» как средство восприятия окружающей действительности, как способ целостного отношения к духовному и материальному нашла отражение в неповторимой индивидуальности Александра Грина и служит маркером, с помощью которого раскрывается художественное сознание одного из ярких романтиков и философов в русской литературе.

Вербализация образов музыки в идиостиле Александра Грина находит отражение в сравнении персонажей с музыкой и оркестром, подчёркивая богатство внутреннего мира героев и их тонкое душевное восприятие окружающей действительности.

Список источников

1. *Мокеева Г.И.* Музыкальное мировосприятие Александра Грина: экзистенциальный смысл, ценностные основания, художественное воплощение // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 1 (29). С. 136-144. https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.013, https://elibrary.ru/bzjjaq
2. *Сарычев В.А.* Андрей Белый и Александр Блок: несостоявшаяся дуэль в истории взаимоотношений // Филologos. 2021. № 4 (51). С. 60-64. https://doi.org/10.24888/2079-2638-2021-51-4-60-64, https://elibrary.ru/dyscat
3. *Ковский В.* Возвращение к Александру Грину // Вопросы литературы. 1981. № 10. С. 45-81.
4. А.С. Грин и судьбы романтики в мировой литературе / сост. Е.О. Галицких, К.С. Лицарева, В.А. Поздеев. Киров: Радуга-Пресс, 2016. 255 с. https://elibrary.ru/wcoruj
5. *Киричек А.В.* Философские смыслы и символы в романе А.С. Грина «Бегущая по волнам»: онтологическая проблематика // Культура и безопасность. 2022. № 4. С. 13-21. https://doi.org/10.25257/KB.2022.4.13-21, https://elibrary.ru/ykuwlu
6. *Апалькова Е.С.* Типология магических сюжетов А.С. Грина 1920-х годов («Серый автомобиль», «Крысолов», Фанданго») // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 323-327. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-394-323-326, https://elibrary.ru/dmcknh
7. *Калинкин В.М.* Беллетрист Грин: итоги и горизонты гриноведения (к 100-летию «Алых парусов») // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. VII Междунар. симпозиума: в 2 т. Симферополь: Крым. федер. ун-т им. В.И. Вернадского, 2023. Т. 2. С. 153-161. https://elibrary.ru/zgofzn
8. *Варламов А.Н.* Александр Грин. Москва: Молодая гвардия, 2005. 464 с. https://elibrary.ru/qrtwlj
9. *Щербак А.С.* Общерусское слово в аспекте теории репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 246-251. https://elibrary.ru/nkfyef
10. *Чупова А.Г.* Музыка в художественном мире и структуре романа Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2025. № 3 (43). С. 135-156. https://doi.org/10.61908/2413-0486.2025.43.3.135-156
11. *Калинкин В.М.* Поэтика онима. Донецк, 1999. 408 с.
12. *Щербак А.С.* Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 7 (51). С. 7-11. https://elibrary.ru/iiwqqj
13. *Желтикова И.В.* Будущее как Иное в творчестве Александра Грина // Славяно-тюркские исследования. 2024. Т. 2. № 2. С. 67-76. https://doi.org/10.24412/3034-4794-2024-0070, https://elibrary.ru/mnmfpj
14. *Крюкова М.И., Куликова Е.Ю.* Об экфрастическом тезаурусе в творчестве Александра Грина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2018. № 5. С. 73-81. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.5.73, https://elibrary.ru/ylwkpb
15. *Лопуха А.О.* Фантастический мир Александра Грина // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1. С. 112-114. https://elibrary.ru/sfrvbr

References

1. Mokeeva G.I. Alexander Grin’s musical worldview: existential meaning, value grounds, artistic embodiment. *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija = Bulletin of Humanitarian Education*, 2023, no. 1 (29), pp. 136-144. (In Russ.) https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.013, https://elibrary.ru/bzjjaq

2025;11(4):954-964 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

2. Sarychev V.A. Andrey Bely and Alexander Blok: a failed duel in the history of relationships. *Filologos*, 2021, no. 4 (51), pp. 60-64. (In Russ.) https://doi.org/10.24888/2079-2638-2021-51-4-60-64, https://elibrary.ru/dyscat
3. Kovskiy V. Return to Alexander Grin. *Voprosy literatury = Literature Questions*, 1981, no. 10, pp. 45-81. (In Russ.)
4. Galickih E.O., Licareva K.S., Pozdeev V.A. (comp.) *A.S. Grin and the Fate of Romance in World Literature*. Kirov, Raduga-Press Publ., 2016, 255 p. https://elibrary.ru/wcoruj
5. Kirichek A.V. Philosophical implications and symbols in A.S. Grin's novel "Running on the waves": ontological issue. *Kul'tura i bezopasnost' = Culture and Safety*, 2022, no. 4, pp. 13-21. (In Russ.) https://doi.org/10.25257/KB.2022.4.13-21, https://elibrary.ru/ykuwlu
6. Apal'kova E.S. Typology of magic plot A.S. Grin in the 1920s ('The Gray Car', 'The Ratted Picker', 'Fandango'). *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija = World of Science, Culture, and Education*, 2022, no. 3 (94), pp. 323-327. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-394-323-326, https://elibrary.ru/dmcknh
7. Kalinkin V.M. Fiction writer Grin: results and horizons of Grin studies (on the 100th anniversary of The Scarlet Sails). *Sbornik nauchnyh statei VII Mezhdunarodnogo simpoziuma «Russkii yazyk v polikul'turnom mire»: v 2 t. = Collection of Scientific Articles of 7th International Symposium "The Russian Language in a Multicultural World": in 2 vols.* Simferopol, Vernadsky Crimean Federal University, 2023, vol. 2, pp. 153-161. (In Russ.) https://elibrary.ru/zgofzn
8. Varlamov A.N. *Alexander Grin.* Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2005, 464 p. https://elibrary.ru/qrtwlj
9. Shcherbak A.S. General Russian word in aspect representation theory of regional concept sphere of onims. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2012, no. 4 (108), pp. 246-251. (In Russ.) https://elibrary.ru/nkfyef
10. Chupova A.G. Music in the artistic world and structure of the novel by Gunter Grass "Die Blechtrommel". *Muzykal'nyi zhurnal Evropeiskogo Severa = Music Magazine of the European North*, 2025, no. 3 (43), pp. 135-156. (In Russ.) https://doi.org/10.61908/2413-0486.2025.43.3.135-156
11. Kalinkin V.M. *The Poetics of Onym*. Donetsk, 1999, 408 p.
12. Shcherbak A.S. Onomastic sign-symbol in cognitive aspect. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2007, no. 7 (51), pp. 7-11. (In Russ.) https://elibrary.ru/iiwqqj
13. Zheltikova I.V. The future as other in the works of Alexander Grin. *Slaviano-turkskie issledovania = Slavic-Turkic Studies*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 67-76. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/3034-4794-2024-0070, https://elibrary.ru/mnmfpj
14. Kryukova M.I., Kulikova E.Yu. On ekphrastic thesaurus in Alexander Grin's works. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2018, no. 5, pp. 73-81. (In Russ.) https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.5.73, https://elibrary.ru/ylwkpb
15. Lopukha A.O. The fantastic world of Alexander Grin. *Problemy istoricheskoi poetiki = The Problems of Historical Poetics*, 1990, vol. 1, pp. 112-114. https://elibrary.ru/sfrvbr

Информация об авторе

ШУЛЬДИШОВА Алина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 5, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 6181-7348, РИНЦ AuthorID: 1026530, Scopus Author ID: 57427879400, https://orcid.org/0000-0002-9603-8411, shuld_a@mail.ru

Поступила в редакцию 25.09.2025
Поступила после рецензирования 16.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alina A. Shuldishova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department No. 5, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 6181-7348, RSCI AuthorID: 1026530, Scopus Author ID: 57427879400, https://orcid.org/0000-0002-9603-8411, shuld_a@mail.ru

Received 25.09.2025
Revised 16.11.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):965-974
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974
Шифр научной специальности 5.9.1

Религиозные мотивы в творчестве Б.Ш. Окуджавы

Владислав Игоревич Благодаров ✉, **Наталия Владимировна Сорокина**
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ blagodarov.vladislav@gmail.com

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Проанализированы религиозные мотивы в поэзии Б.Ш. Окуджавы как одного из основателей жанра авторской песни и выразителя нравственно-философского поиска человека второй половины XX века в условиях советского атеизма. Цель исследования – выявление специфики религиозного мироощущения в творчестве Б.Ш. Окуджавы. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования послужили песенные и поэтические произведения Б.Ш. Окуджавы, мемуары и интервью автора. Использованы методы сравнительно-исторического анализа, герменевтики и культурно-исторического подхода. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате выявлены многочисленные библейские аллюзии, мотивы молитвы, покаяния, загробной жизни и христианской любви. Прослежена эволюция духовного мировоззрения автора – от скептического отрицания религии к внутреннему стремлению к вере и прощению. Отмечено, что религиозная символика в поэзии Окуджавы выступает формой гуманистического самоопределения личности в условиях советской секулярной культуры. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Определена значимость религиозного дискурса как основы нравственно-философского содержания творчества Окуджавы и как художественного способа сохранения духовных ценностей в эпоху идеологического давления. Результаты исследования применимы в дальнейшем анализе отечественной литературы с религиозной стороны и в образовательной практике гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: Булат Окуджава, религиозные мотивы, библейские аллюзии, авторская песня, советская культура, духовные поиски, христианская символика

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: В.И. Благодаров – идея, набор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, анализ художественных текстов, обработка и редактирование материала, написание черновика рукописи. Н.В. Сорокина – научное консультирование, редактирование рукописи, утверждение окончательного варианта рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Благодаров В.И., Сорокина Н.В.* Религиозные мотивы в творчестве Б.Ш. Окуджавы // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 965-974. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974

© Благодаров В.И., Сорокина Н.В., 2025

2025;11(4):965-974 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974
OECD 6.02; ASJC 1208

Religious motives in the works of B.S. Okudzhava

Vladislav I. Blagodarov ✉, **Nataliya V. Sorokina**
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
✉ blagodarov.vladislav@gmail.com

Abstract
INTRODUCTION. The study analyzes religious motives in the poetry of B.S. Okudzhava as one of the founders of the genre of author's song and an exponent of the moral and philosophical search of man in the second half of the 20th century in the context of Soviet atheism. The purpose of the study is to identify the specifics of religious worldview in the works of B.S. Okudzhava. MATERIALS AND METHODS. The research material includes songs and poetry by B.S. Okudzhava, memoirs and interviews by the author. The methods of comparative historical analysis, hermeneutics and cultural-historical approach are used. RESULTS AND DISCUSSION. As a result, numerous biblical allusions, motives of prayer, repentance, afterlife and Christian love were revealed. The evolution of the author's spiritual worldview is traced – from skeptical denial of religion to an inner desire for faith and forgiveness. It is noted that religious symbolism in Okudzhava's poetry is a form of humanistic self-determination of personality in the conditions of Soviet secular culture. CONCLUSION. The importance of religious discourse as the basis of the moral and philosophical content of Okudzhava's work and as an artistic way of preserving spiritual values in the era of ideological pressure is determined. The results of the study are applicable in the further analysis of Russian literature from the religious side and in the educational practice of the humanities.

Keywords: Bulat Okudzhava, religious motifs, biblical allusions, author's song, Soviet culture, spiritual quest, Christian symbols

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: V.I. Blagodarov – idea, a set of primary materials, scientific literature search and analysis, literary texts analysis, processing and editing of the material, writing – original draft preparation. N.V. Sorokina – supervision, manuscript editing, manuscript final version approval.

Conflict of Interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Blagodarov, V.I., & Sorokina, N.V. Religious motives in the works of B.S. Okudzhava. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):965-974. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974

ВВЕДЕНИЕ

Советская эпоха характеризовалась официальной атеистической идеологией и активной антирелигиозной политикой. По этой причине анализ религиозных мотивов в советской литературе, долгое время остававшийся в силу определённых обстоятельств запретной областью научных поисков, является важной исследовательской задачей. В условиях преобладающего идеологического давления религиозные образы и мотивы, которые ещё не исчезли из коллективного сознания, продолжали существовать, находя выражение в художественном творчестве, в том числе в жанре авторской песни. Наиболее ярким примером этого явления является творчество Б.Ш. Окуджавы, основоположни-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):965-974
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ка жанра, чьи произведения стали неотъемлемой частью духовного опыта нескольких поколений.

Современные исследователи неоднократно обращались к анализу поэтики Окуджавы. И.Б. Ничипоров подчёркивает, что в творчестве барда жанровое богатство и духовная глубина образов превращают авторскую песню в форму морально-эстетического самопознания личности и гуманистического осмысления мира[1]. С.С. Бойко приходит к выводу, что произведения Окуджавы занимают центральное место в гуманистической линии русской литературы второй половины XX века. Его поэзия, сочетающая личное и историческое, сыграла роль духовного моста между разными поколениями[2]. Исследование Р.Ш. Абельской демонстрирует способность барда синтезировать различные культурные традиции и эстетические системы[3]. Работы А.В. Апанасенка [1], Д.А. и С.М. Цыплаковых [2], а также А.И. Тимиргазиевой [3] позволяют глубже понять социокультурный контекст, в котором формировалась поэзия Окуджавы, учитывая противоречие между официальным атеизмом и сохраняющейся религиозностью в советском обществе.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного корпуса публикаций, вопрос о религиозных темах в творчестве Окуджавы остаётся в значительной степени неизученным. Исследователи уделяют больше внимания его автобиографическому мифу, роли иронии и романтизма в его поэтике, а также связи творчества с традициями русской литературы XIX и XX веков. Библейские же реминисценции, мотивы молитвы, христианского загробного мира и духовных поисков в его стихах и песнях рассматривались лишь фрагментарно.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе религиозных мотивов в поэтическом мире Б. Окуджавы, а также в осмыслении их значения в контексте советской культурной среды. В работе подчёркивается диалектический характер отношения поэта к религии: от отрицания и скепсиса к признанию духовной потребности и поиску моральных опор. Особое внимание уделяется ранее недостаточно изученным аспектам – библейским аллюзиям, скрытым религиозным подтекстам в сюжетах песен, а также динамике личного отношения автора к христианству, отражённой в его текстах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили поэтические и песенные тексты Б.Ш. Окуджавы, включая опубликованные сборники стихов и записи выступлений автора, с привлечением мемуаров и интервью. Для реконструкции историко-культурного контекста были взяты вторичные данные из литературоведческих, культурологических и исторических научных работ. В ходе исследования использовались методы сравнительно-исторического литературоведения, что позволило выявить интертекстуальные связи с библейскими текстами и русской классической традицией. Также был использован метод герменевтического толкования с целью интерпретации религиозных мотивов в поэтическом дискурсе. Кроме того, были задействованы элементы культурно-исторического подхода, позволившие соотнести индивидуальное мировоззрение поэта с особенностями советской эпохи и процессами секуляризации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во времена Советского Союза какие-либо религиозные конфессии находились то в полулегальном, то нелегальном положении. Хотя атеизм и поддерживался на партийном уровне власти, деятельность подобных сообществ пытались если не запрещать, то регулировать. Как свидетельствует Постановление «О религиозных объединениях» Пре-

[1] *Ничипоров И.Б.* Авторская песня 1950–1970-х гг. в русской поэтической традиции: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008.

[2] *Бойко С.С.* Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX в.: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2011.

[3] *Абельская Р.Ш.* Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

2025;11(4):965-974 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

зидиума ВЦИК от 8 апреля 1929 г.[4], гражданам воспрещалась любая активность, нацеленная на удовлетворение духовных потребностей верующих. Также важным направлением антирелигиозной деятельности было атеистическое воспитание через систему образования и пропаганду. Советская власть рассматривала религию как преграду на пути к созданию коммунистического общества.

В 1950–1970-е гг. в Советском Союзе также не утихала борьба с религиозностью граждан. Председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС в 1964-м году заявил: «В любых видах, в любых формах религиозная идеология чужда нашему обществу. Наш долг – активно наступать на религиозную идеологию, вырабатывать у всех советских людей научное мировоззрение»[5]. В.А. Курилов отмечает, что для партийного руководства богоборчество виделось одним из ключевых положений в построении коммунизма [4, с. 149].

Борьба велась на всех уровнях, особенно активно – на студенческом. К примеру, в 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», предписывавшее вузам активнее бороться с религиозными настроениями среди студентов. Учреждениям рекомендовалось внедрять в учебные программы занятия антирелигиозного толка и создавать кружки по подобным интересам.

В такой социально-политической обстановке интерес к вероисповеданиям, в частности к христианству, предсказуемо падал. А.Д. Сухов констатирует, что «сокращение в то время религиозности объясняется давлением на религию, мерами административного характера, направленными против неё» [5, с. 50]. Однако полностью искоренить многовековую религиозность русских людей было нелегко. Стремление властей к распространению правил высокой социалистической морали не только не возымели успеха, но, по мнению А.И. Тимиргазиевой, напротив, привело молодёжь к нравственному кризису, проявлявшемуся в аморальном поведении учащихся высших школ [3, с. 125]. Несмотря на официальные статистические данные, информировавшие о ничтожно малом проценте верующих по стране, и заявления о победе атеизма, архивные документы говорят об обратном. Довольно много людей разных классов и возрастов если не веровали, то, как минимум, отмечали религиозные праздники. Как указывает А.В. Апанасенок, на невозможность тотального искоренения вероисповеданий влияли семейные традиции, интерес к духовной культуре и сомнения в атеистической картине мира [1, с. 156-157]. Даже те, кто внешне выражал поддержку навязываемому правительством мировоззрению, мог в то же время посещать церковные обряды, хранить дома иконы и молиться.

Советская секуляризация не уничтожила религию, но загнала её в подполье, констатируют Д.А. Цыплаков и С.М. Цыплакова [2, с. 80]. Кризис официальной идеологии с годами только усиливал потребность людей в поиске новых духовных форм. К 1970-м гг. религиозные группы стали более организованными. Они проводили тайные семинары, печатали самиздат, устанавливали межрегиональные связи. В кругах интеллигенции интересовались западной философией или русской религиозной мыслью.

Вопреки жёстким идеологическим ограничениям, советские граждане продолжали придерживаться своих религиозных традиций. Идеологический диктат продемонстрировал неспособность удовлетворить духовные потребности общества. Люди оказывали символическое сопротивление через искусство, например, прозу (В.М. Шукшин, В.Г. Распутин и др.) и поэзию, в том числе в песнях советских бардов.

Б.Ш. Окуджава, самый известный и успешный бард первой волны, начал писать «студенческие» песни ещё в середине 1940-х гг., когда учился в университете. Однако в то время жанр авторской песни не имел какой-либо художественной концепции

[4] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 35-87. Отдел второй / Народ. Комиссариат Юстиции. Москва: Б. и., б. г. С. 353.

[5] *Ильичёв Л.Ф.* Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание // Коммунист. 1964. № 1. С. 23-24.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):965-974
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

и общественной поддержки, потому он вернулся к сочинительству позже, только спустя десятилетие.

Окуджава считается одним из основоположников жанра авторской песни наряду с М.Л. Анчаровым и Ю.И. Визбором. В связи с этим его поэтику стоит воспринимать как новаторскую. Исполнитель определял значение жанра так: «Авторская песня – это серьёзные раздумья о жизни человека, может быть, трагические, может быть, острые. Ведь авторская песня родилась как раз из этих трагических раздумий, из острых сюжетов, из клокотания души»[6]. Из таких соображений он в наибольшей мере писал о войне («До свидания, мальчики», «Песенка о пехоте»), надежде («Я вновь повстречался с Надеждой…», «Надежда, белою рукою…»), справедливости («Песенка о дураках», «Ну что, генералиссимус прекрасный…»), Арбате («Песенка об Арбате», «Чаепитие на Арбате») и любви («Эта женщина! Увижу и немею…», «Медсестра Мария»).

Он первым вводит в жанр принцип оксюморонности – сочетание несочетаемого. В композициях он сопоставляет возвышенные образы с обыденными деталями, например, добавляя ироничность в романсовую лирику, чего не было ранее в советской песенной традиции. Но использование автором иронии не разрушает романтический идеал, а, напротив, делает его более оживлённым и доступным. П. Лигеза также видит в иронии Окуджавы способ развития эстетической восприимчивости у его читателей [6]. Данный стилевой баланс актуализирует его поэзию для самых разных поколений:

> За волной волна, и это значит:
> минул век, и не забыть о том...
> Женщина поёт. Мужчина плачет.
> Чаша перевёрнута вверх дном[7].

Для Окуджавы имеет первостепенное значение диалогичность – направленность обращения к слушающему вживую его выступление. Он не представляет художественной работы без акта сотворчества между автором, творением и публикой: «Мне важно, чтобы те самые чувства, которые владеют мною, автором песни, в момент её исполнения завладели бы и слушателями»[8]. Потому он добавляет в композиции узнаваемые и в других людях автобиографические элементы, находящие отклик, и иронизирует над ними.

Автобиографический миф в целом играет ответственную роль в идиостиле поэта, к примеру, место его раннего детства – московский Арбат. З.А. Бутаева называет эту локацию центральным хронотопом в поэтике Окуджавы [7]. Этот урбаноним возникает во множестве его сочинений («Былое нельзя воротить», «Арбатский романс»). Он воспевает Арбат и как пространство детства, и как утраченный рай, и как символ творчества. Данный мифологизированный автобиографический факт показывает грань между реальным и идеальным, в которое каждый слушатель захотел бы попасть.

В текстах барда прослеживается много культурных истоков: советская массовая песня, бытовой романс, фольклор, русская поэзия XIX – начала XX века и др. Р.Ш. Абельская выделяет способность Окуджавы создавать удачное сочетание из полярных по отношению друг к другу эстетических систем[9], тем самым занимая медиативную позицию. Но это не было механическим заимствованием: Окуджава порождал уникальный поэтический мир, где классические мотивы звучат по-новому, а фольклорные формы обретают философскую глубину.

Также Р.Ш. Абельская указывает на особенность ритмики барда[10]. Музыкальность его стиха определяется ритмом, изначально заточенным под вокальное исполнение, и строгой песенной строфикой. В свою очередь, Л.П. Беленький считает музыкальность главной характеристикой его творчества в

[6] *Окуджава Б.Ш.* Наполним музыкой сердца. Москва: Сов. композитор, 1989. С. 3.

[7] *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. С. 493.

[8] Булат Окуджава «С души своей наброски…» Интервью 1986 // Московский центр авторской песни. URL: https://www.ksp-msk.ru/page_1041.html (дата обращения: 18.08.2025).

[9] *Абельская Р.Ш.* Указ. соч. С. 17.

[10] Там же. С. 19.

2025;11(4):965-974 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

целом [8, с. 194]. Сам же Окуджава признавался, что в первую очередь для него значим текст, который позже возможно будет наложить на музыку: «Для меня авторская песня – это прежде всего стихи. Поющий поэт»[11]. Это признание подтверждается статистикой: за всю свою творческую карьеру он написал более 700 стихотворений – меньше трети из них после стали песнями.

Окуджава воспринимался современниками как романтик, отчасти даже сентименталист. Исполнитель неоднократно подчёркивал свой большой интерес к «золотому» веку русской литературы, в котором он черпал вдохновение[12]. М.А. Александрова отмечает, что ностальгия барда по этому периоду была не просто индивидуальным чувством, а скорее коллективной реакцией на сложившиеся социальные и политические обстоятельства позднесоветской эпохи [9, с. 414]. Вопреки сложившемуся общественному мнению, Окуджава рассматривал прошлое многогранно и весьма критически:

Что – царь? Бог с ним. Он дожил до могилы.
Что – раб?.. Бог с ним. Не воин он один.
Царь и холоп – две крайности, мой милый.
Нет ничего опасней середин...[13].

Несмотря на периодически возникавшую в прессе критику, исполнитель гораздо реже подвергался давлению со стороны властей, что отличало его в этом плане от А.А. Галича и В.С. Высоцкого. Его песни звучали в фильмах, а сборники лирики и проза неоднократно печатались. Но концерты в СССР он давал всё же полулегально – на творческих вечерах, фестивалях, в клубах и ДК, квартирах. По-другому обстояли дела с заграничными гастролями. Так как Окуджава считался «выездным» артистом, чьё выступление могло прославить Советский Союз за рубежом, он несколько раз выступал в восточной и западной Европе, а также в Америке. Причиной тому были его всеобъемлющая популярность и статус ветерана Великой Отечественной войны.

Творчество Б.Ш. Окуджавы выступало как связующее звено между элитарной и массовой культурами. Он был популярен как в интеллигентских кругах, так и у массового слушателя благодаря внешней простоте, но сложному подтексту. Бард продемонстрировал способность подлинной поэзии преодолевать условные границы, воплощая дуализм между лёгким и мудрым, личным и универсальным, укоренённым в традиции и открытым будущему. Выступив новатором в данном течении, он воодушевил творцов на многие годы вперёд. В.С. Высоцкий часто говорил, что Окуджава является его вдохновителем и духовным наставником.

Булат Окуджава родился в семье с богатой родословной. В его генеалогии встречаются армянские корни от матери, Ашхен Степановны Налбандян, а также грузинские и еврейские со стороны отца, Шалвы Степановича Окуджавы. Достоверно известно, что бард не тяготел к иудаизму как мировоззрению, поскольку оно не было принято в его семье, а информацией о более дальних предках он не владел в полной мере. Но Окуджава, вероятно, не был равнодушен к еврейской культуре. Он несколько раз посещал Израиль, поддерживал связь с советскими евреями, а в стихотворениях критиковал антисемитизм («Под крики толпы угрожающей», «Из Австралии Лева в Москву прилетел») и упоминал различные еврейские атрибуты:

Еврей скрипит на скрипочке
О собственной судьбе,
И я тянусь на цыпочки
И плачу о себе...[14]

Тем не менее исполнитель, если не по национальности, то по культурным приоритетам и ценностям, считал себя русским: «Мой отец – грузин, мать – армянка. Родной язык мой русский. И поэтому я всегда с некоторой робостью, но всё-таки причислял себя к русским интеллигентам и к русским

[11] Булат Окуджава «С души своей наброски…» Интервью 1986.
[12] *Окуджава Б.Ш.* «Я никому ничего не навязывал...». Москва: Книжный магазин «Москва», 1997. С. 96.
[13] *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. С. 287.
[14] Там же. С. 425.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):965-974
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

литераторам»[15]. Свидетельств же его причастности к Русской православной церкви нет – при жизни Окуджава не был крещён, но в детстве посещал церковные служения со своей няней и слышал, как она молится:

> Акулина Ивановна, около храма Спасителя
> ты меня наставляла, на тоненьких ножках
> просителя[16].

По его высказываниям в интервью можно заметить скорее холодное отношение к христианству: «Нет, я атеист, я считаю, что в этом моя вера. И я хочу, чтобы меня за это уважали. Так же, как я уважаю всякого верующего человека»[17].

Его вторая жена, О.В. Окуджава (Арцимович), действительно была убеждённой христианкой. Её огорчало, что муж, хоть и ценил её взгляды, не желал их принимать. По её словам, все переменилось перед самой смертью барда в Париже в 1997 г., когда он захотел покреститься[18]. Незадолго до этого она побывала в Псково-Печерском монастыре у архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Священник её уведомил, что при желании Окуджавы она может самостоятельно его окрестить, чем она и воспользовалась в будущем. Сложно судить, было ли это обдуманным решением, учитывая его многочисленные заявления о непоколебимом атеизме и недоверии к священнослужителям и церквям, или попыткой обрести духовную опору на смертном одре. Однако некоторые из поэтических текстов Булата Окуджавы говорят о высокой степени заинтересованности христианской темой.

Отношения с Богом в поэтическом мире Окуджавы не были статичными. Р.Ш. Абельская указывает на постепенную смену тона обращений к Нему [10, с. 3]. На начальном творческом этапе имел место романтический взгляд, отвергающий авторитеты и устремлённый в познание других духовных материй. Например, в «Песне о московском муравье» 1959 г. ею становится любовь, сотворённая муравьём подобно Богу, создавшему Землю и человека (Быт. 1:27; 2:2):

> и муравей создал себе богиню
> по образу и духу своему.
>
> И в день седьмой, в какое-то мгновенье,
> она возникла из ночных огней[19].

Любовь, наравне с Надеждой и Верой, встречается также в «Трёх сёстрах» (1959), где они образуют как будто христианское триединство (Мф. 28:19). А в композиции «Не верю в бога и судьбу», написанной в 1964 г., вовсе отрицается всякая божественная власть и утверждается собственная сверхъестественная миссия:

> Не верю в бога и судьбу. Молюсь
> прекрасному и высшему
> предназначенью своему, на белый свет меня
> явившему.
> Чванливы черти, дьявол зол, бездарен бог –
> ему неможется.
> О, были б помыслы чисты, а остальное всё
> приложится![20]

Перемена произошла быстро – в том же году его жена тяжело заболевает, и у поэта остаётся надежда только на всевышние силы. В «Молитве» он обращается к Богу напрямую, признает его силу и просит помощи:

> Я знаю: ты всё умеешь,
> я верую в мудрость твою[21].

В данном произведении мы без труда считываем сюжет из Библии. Когда лирический герой просит принять Господа его раскаяние, он ссылается на Каина, который отказался исповедать грехи в отношении брата Авеля и вернуть себе Божью милость (Быт.

[15] Булат Окуджава: Найти себя // Студенческий меридиан – журнал для честолюбцев. URL: http://www.stm.ru/archive/1594/ (дата обращения: 01.05.2025).
[16] *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения... С. 450.
[17] …А Арбата больше нет – Огонёк № 30 (4513) от 03.08.1997 // Коммерсантъ: последние новости России и мира. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2285255 (дата обращения: 01.05.2025).
[18] Булат – Иоанн – Окуджава // Правмир. URL: https://www.pravmir.ru/bulat-ioann-okudzhava/ (дата обращения: 01.05.2025).
[19] *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. С. 183.
[20] Там же. С. 248-249.
[21] Там же. С. 240.

2025;11(4):965-974 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

4:9). Под грехом героя, вероятно, подразумевается раннее безверие и недоверие. Следует заметить, что те же ветхозаветные персонажи дополнительно фигурируют в стихотворении «Времена» об изменении подхода матерей к воспитанию детей, но не придают ему сюжетообразующую значимость.

Иногда признание божественного могущества может скрываться в подтексте. Сюжет песни «Одна морковь с заброшенного огорода» сильно напоминает об одном из чудес Христа, когда Иисус малым количеством хлеба и рыбы насытил несколько тысяч следующих за ним человек (Мф. 14:13-21). Так и у Окуджавы одна морковь, посланная природой, была способна прокормить целую роту:

> Шла война, и кровь текла рекою.
> В грозной битве рота полегла.
> О природа, ты ж одной морковью
> Словно мать насытить нас смогла![22]

Влияние Иисуса присутствует и в стихотворении «Мой отец», где Окуджава вспоминает о своём расстрелянном родителе и заповеди Христа «Не убий» (Мф 19:18), которой ослушались издавшие и выполнившие приказ. Однако в «Прощании с осенью» герой, погрузившись в осеннюю меланхолию, заявляет, что больше не держит зла на врагов, как и призывал Сын Божий (Мф. 6:14-15)

> Прощаю всех, что не были убиты
> тогда, перед лицом грехов своих[23].

При описании смерти невозможно обойтись без библейских реминисценций. В тех же «Трёх сёстрах» герою представляется, что перед вечным успокоением к нему приходит та троица в виде кредиторов, чтобы выдать ему последний кредит. Полна рассуждениями о смертности человека песня «Почему мы исчезаем…», насыщенная практически буквальным цитированием Книги Екклесиаста. Герой, как и Царь Соломон, задумывается о тщетности бытия (Еккл. 1:2-11) и о круговороте человеческого тела и души, данной Богом и возвращённой к нему (Еккл. 12:7):

> Почему мы исчезаем,
> превращаясь в дым и пепел,
> в глинозём, в солончаки,
> в дух, что так неосязаем,
> в прах, что выглядит нелепым, –
> нытики и остряки?[24]

Не остаются без внимания образы посмертия в сочинениях барда. Как и принято в общих христианских представлениях, поэт уверен в существовании загробной жизни, в которой существует рай. Он убеждён, что попадёт именно туда, а его труды будут жить сами по себе («Карандаш желает истину…»), и что там бьют пощёчины за выраженную к людям любовь («Мгновенно слово. Короток век…»), но не за земные ошибки («Рай»). В песне «Умереть тоже надо уметь», в отличие от прошлых, взгляд на иной мир не так оптимистичен. Герой опасается идти «на свидание к небесам», поскольку сомневается в благополучии тех мест:

> И о чем толковать?
> Вечный спор
> ни Христос не решил, ни Иуда…
> Если там благодать,
> что ж никто до сих пор
> не вернулся с известьем оттуда?[25]

По его мнению, прощает грехи не Бог, а люди, против которых они были совершены. При этом Господу нужно отдать последнее, что у тебя осталось – свою жизнь.

Таким образом, Б.Ш. Окуджава прибегал к использованию библейских аллюзий больше как к философскому источнику. Наблюдается связь биографического поэта с лирическим героем его художественных текстов. Окуджава, как в жизни, так и в стихах, находился в вечном поиске духовной опоры. Этот поиск в числе прочего включал в себя апелляцию к христианской морали, с которой он был знаком с самого детства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Б.Ш. Окуджава, не придерживавшийся при жизни ни одной из конфессий, на протя-

[22] *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. С. 279.
[23] Там же. С. 277.
[24] Там же. С. 414.
[25] Там же. С. 296.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):965-974
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

жении всего творческого пути демонстрировал сложную динамику своего отношения к религиозной тематике в условиях идеологического атеизма советской эпохи. Заняв поначалу агностическую или даже атеистическую позицию, он впоследствии вступил в образный и аллюзивный диалог с христианскими текстами и категориями. Тематическая насыщенность его поздней лирики мотивами прощения, молитвы и загробной жизни позволяет выдвинуть религиозную философию гуманизма в качестве основополагающего постулата его поэтики.

Новизна исследования состоит в предложении иного подхода к изучению художественных творений Б.Ш. Окуджавы. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научного понимания религиозного дискурса в стихотворно-песенном творчестве в условиях официального атеизма, а практическая – в возможности применения результатов исследования в практике преподавания русской литературы в высших учебных заведениях, в том числе религиозного типа.

Имеющаяся на данном этапе научно-литературная база грандиозного масштаба позволяет сделать исключительно позитивные прогнозы о дальнейших перспективах исследования. Данная статья открывает альтернативные горизонты, приводит к результатам, применительным в изысканиях по схожим тематикам для последующей интерпретации религиозного начала в советской литературе второй половины XX века.

Список источников

1. *Апанасенок А.В.* Религиозность советской молодёжи в зеркале отечественного обществоведения 1920–1970-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. № 14 (2). С. 148-159. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159, https://elibrary.ru/rhtwhd
2. *Цыплаков Д.А., Цыплакова С.М.* Религия и советская интеллигенция: культура и постсекулярность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2020. № 72. С. 78-86. https://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-72-76-84, https://elibrary.ru/xnnmag
3. *Тимиргазиева А.И.* Государственно-религиозные отношения в советский период // Дискуссия. 2014. № 2 (43). С. 120-126. https://elibrary.ru/rwpjhj
4. *Курилов В.А.* Секуляризация и атеизация в Советском Союзе в 60-е и 80-е гг. XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1. С. 142-152. https://elibrary.ru/vrvgnl
5. *Сухов А.Д.* Марксистская трактовка религии // Философия и общество. 2014. № 3. С. 49-66. https://elibrary.ru/syubtr
6. *Ligęza P.* Ironia w twórczości poetyckiej Bułata Okudżawy // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. 2018. № 11. S. 53-65. https://doi.org/10.24917/16899911.11.5
7. *Бутаева З.А.* Арбат как центральный хронотоп в поэтической системе Б. Окуджавы // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 302-305. https://elibrary.ru/nchrwd
8. *Беленький Л.П.* Авторская песня как феномен устной песенной культуры // Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве. 2015. № 13. С. 191-196. https://elibrary.ru/zbfkmb
9. *Александрова М.А.* Ностальгия по «Золотому веку» как фактор литературной репутации Булата Окуджавы // Окуджава, Высоцкий, Галич…: научный альманах: в 2 кн. / сост. А.Е. Крылов, С.В. Свиридов. Москва: Либрика, 2021. Кн. 2. С. 403-424.
10. *Абельская Р.Ш.* О некоторых библейских образах в поэзии Б. Окуджавы // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф.: в 3 т. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2012. Т. 2. С. 3-11. https://elar.urfu.ru/handle/10995/20374

References

1. Apanasenok A.V. The religiosity of Soviet youth in the mirror of domestic social studies of the 1920–1970s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the*

2025;11(4):965-974 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Southwest State University. Series: History and Law, 2024, no. 14 (2), pp. 148-159. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159, https://elibrary.ru/rhtwhd
2. Tsyplakov D.A., Tsyplakova S.M. Religion and the Soviet intelligentsia: culture and post-secularism. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences Scientific Center*, 2020, no. 72, pp. 78-86. (In Russ.) https://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-72-76-84, https://elibrary.ru/xnnmag
3. Timirgazieva A.I. State and religious relations in Soviet period. *Diskussiya = Discussion*, 2014, no. 2 (43), pp. 120-126. (In Russ.) https://elibrary.ru/rwpjhj
4. Kurilov V.A. Secularization and atheization in the Soviet Union in the 1960s–1980s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2016, no. 1, pp. 142-152. (In Russ.) https://elibrary.ru/vrvgnl
5. Sukhov A.D. Marxist treatment of religion. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2014, no. 3, pp. 49-66. (In Russ.) https://elibrary.ru/syubtr
6. Ligęza P. Ironia w twórczości poetyckiej Bułata Okudżawy. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis*, 2018, no. 11, p. 53-65. (In Polish) https://doi.org/10.24917/16899911.11.5
7. Butaeva Z.A. Arbat as the central chronotop in B. Okudzhavy's poetic system. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2010, no. 4, p. 302-305. (In Russ.) https://elibrary.ru/nchrwd
8. Belen'kii L.P. The author's song as a phenomenon of oral song culture. *Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie v sovremennom muzykal'no-obrazovatel'nom prostranstve = Intercultural Interaction in the Modern Musical and Educational Space*, 2015, no. 13, pp. 191-196. (In Russ.) https://elibrary.ru/zbfkmb
9. Aleksandrova M.A. Nostalgia for the "Golden Age" as a factor of Bulat Okudzhava's literary reputation. In: *Okudzhava, Vysotsky, Galich...: in 2 bks*. Moscow, Librika Publ., 2021, bk. 2, pp. 403-424. (In Russ.)
10. Abel'skaya R.Sh. About some biblical images in B. Okudzhava's poetry. *Materialy 10 Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti»: in 3 vol. = Proceedings of the 10th All-Russian Scientific Conference "Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities": in 3 vol.* Yekaterinburg, Gorky Ural State University, 2012, vol. 2, pp. 3-11. https://elar.urfu.ru/handle/10995/20374

Информация об авторах

БЛАГОДАРОВ Владислав Игоревич, магистр филологии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 9904-1306, РИНЦ AuthorID: 1317893, https://orcid.org/0009-0008-6248-2849, blagodarov.vladislav@gmail.com

СОРОКИНА Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 6691-9844, РИНЦ AuthorID: 618760, https://orcid.org/0000-0002-4449-938X, sorok_tam@rambler.ru

Для контактов:
Благодаров Владислав Игоревич
e-mail: blagodarov.vla-dislav@gmail.com

Поступила в редакцию 14.10.2025
Поступила после рецензирования 09.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Vladislav I. Blagodarov, Master's Degree in Philology, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 9904-1306, RSCI AuthorID: 1317893, https://orcid.org/0009-0008-6248-2849, blagodarov.vladislav@gmail.com

Nataliya V. Sorokina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 6691-9844, RSCI AuthorID: 618760, https://orcid.org/0000-0002-4449-938X, sorok_tam@rambler.ru

Corresponding author:
Vladislav I. Blagodarov
e-mail: blagodarov.vla-dislav@gmail.com

Received 14.10.2025
Revised 09.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):975-987
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-975-987
Шифр научной специальности 5.9.1.

В.С. Высоцкий. Феномен синтетизма: истоки генезиса Б. Брехта, оригинальность и новаторство

Людмила Евгеньевна Хворова ✉, **Павел Алексеевич Коханов**
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ xworowa.mila@yandex.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Теория эпического театра Б. Брехта в некоторой степени повлияла на становление и развитие поэтической системы Владимира Семёновича Высоцкого. Цель исследования – выявить и проанализировать типологическое сходство основополагающих деталей теоретических находок немецкого автора, констатировав при этом традиционную отечественную самобытность, а главное – оригинальность, неповторимость Высоцкого как яркого творческого феномена середины XX века. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования служат ключевые положения эпического театра, сформировавшиеся в первой половине XX столетия и анализ поэтики ранних произведений Высоцкого как в ракурсе брехтовских положений, так и за их пределами. Методологическую базу исследования сформировала совокупность сравнительно-исторического, культурно-исторического и рецептивного подходов. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Систематизирован комплекс основных теоретических новаций, сформировавших стройную научную концепцию эпического театра Б. Брехта. Проанализировано и отмечено соотношение трагических исторических событий, происходящих в Германии с приходом к власти нацистов, и брехтовской эстетической системы, зафиксировано некоторое влияние положений социально-экономической теории К. Маркса на формирование новаций немецкого драматурга. На базе эстетики Б. Брехта первой половины XX века осмыслены теоретические подходы, предпринятые в советском (российском) театральном искусстве 1960-х гг. Отмечены при этом иные социальные причины в сравнении с брехтовскими, побудившие советских интерпретаторов, спустя десятилетия, обратиться к теории театра эпического. Заметим попутно, что брехтовские разработки и в настоящее время чрезвычайно востребованы в научном изучении. Зафиксированы исследуемые положения, повлиявшие на формирование природы поэтического феномена В. Высоцкого – актёра Московского театра драмы и комедии на Таганке под руководством Ю.П. Любимова, а также на становление его индивидуальной, оригинальной поэтики на материале ранних произведений. Сформулированы генезис и самобытные новации Высоцкого, не зависящие от эстетики Брехта. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Выявленные указанные особенности позволяют отметить существенное, однако, не основополагающее влияние немецкого драматурга Б. Брехта на творческий поэтический феномен В. Высоцкого, а также на формирование эстетики Московского театра драмы и комедии на Таганке.

Ключевые слова: В. Высоцкий, Б. Брехт, эпический театр, театральность, поэтические новации, стилизация, сказ

Финансирование. Финансирование работы отсутствовало.

Вклад в статью: Л.Е. Хворова – идея, разработка концепции исследования, научное консультирование, окончательное редактирование рукописи. П.А. Коханов – анализ научной литературы, изучение литературных источников, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Хворова Л.Е. является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью.

© Хворова Л.Е., Коханов П.А., 2025

2025;11(4):975-987 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

Для цитирования: *Хворова Л.Е., Коханов П.А.* В.С. Высоцкий. Феномен синтетизма: истоки генезиса Б. Брехта, оригинальность и новаторство // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 975-987. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-975-987

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-975-987
OECD 6.02; ASJC 1208

V.S. Vysotsky. Phenomenon of syntheticism: the origins of Bertolt Brecht's genesis, originality, and innovation

Liudmila E. Khvorova ✉, **Pavel A. Kokhanov**
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
✉ xworowa.mila@yandex.ru

Abstract
INTRODUCTION. B. Brecht's theory of epic theater to some extent influenced the formation and development of Vladimir Vysotsky's poetic system. The aim of the study is to identify and analyze the typological similarities in the fundamental details of the German author's theoretical findings, while also acknowledging the traditional Russian originality and, most importantly, the uniqueness of Vysotsky as a bright creative phenomenon of the mid-20th century. MATERIALS AND METHODS. The research material consists of the key tenets of epic theater, which were formed in the first half of the 20th century, and an analysis of the poetics of Vysotsky's early works, both from the perspective of Brechtian principles and beyond. The methodological basis of the study was formed by a combination of the comparative-historical, cultural-historical, and receptive approaches. RESULTS AND DISCUSSION. The complex of the main theoretical innovations that formed B. Brecht's epic theater's coherent scientific concept has been systematized. The relationship between tragic historical events occurring in Germany with the rise of the Nazis to power and Brecht's esthetic system has been analyzed and noted, and some influence of K. Marx's socio-economic theory on the formation of the German playwright's innovations has been recorded. Based on the esthetics of Bertolt Brecht in the first half of the 20th century, the theoretical approaches taken in Soviet (Russian) theater art of the 1960s are understood. At the same time, other social reasons were noted compared to Brecht's, which prompted Soviet interpreters, decades later, to turn to the theory of epic theater. Incidentally, it should be noted that Brecht's works are still extremely relevant in scientific study. The studied positions that influenced the formation of the nature of the poetic phenomenon of V. Vysotsky – an actor at the Moscow Drama and Comedy Theater on Taganka under the direction of Y.P. Lyubimov, as well as the development of his individual, original poetics based on his early works, have been identified. The genesis and unique innovations of Vysotsky are formulated, independent of Brecht's esthetics. CONCLUSION. These identified features allow us to note the significant, but not fundamental, influence of the German playwright B. Brecht on the creative poetic phenomenon of V. Vysotsky, as well as on the formation of the esthetics of the Moscow Taganka Theater of Drama and Comedy.

Keywords: V. Vysotsky, B. Brecht, epic theater, theatricality, poetic innovations, stylization, storytelling

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: L.E. Khvorova – research idea, research concept development, scientific supervision, final manuscript editing. P.A. Kokhanov – scientific literature analysis, literature review, writing – original draft preparation.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):975-987
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Conflict of Interests. Liudmila E. Khvorova is a member of the Editorial Board of the journal "Neophilology", but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has passed the review procedure accepted in the journal. The authors did not declare any other conflicts of interests.

For citation: Khvorova, L.E., & Kokhanov, P.A. V.S. Vysotsky. Phenomenon of syntheticism: the origins of Bertolt Brecht's genesis, originality, and innovation. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):975-987. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-975-987

ВВЕДЕНИЕ

Теория эпического театра Бертольта Брехта (1898–1956) оказала существенное влияние на многие детали развития европейского словесно-визуального искусства XX столетия. Сложившаяся в 1920-е гг., она не сразу, но, спустя время, иногда немалое, многочисленными элементами, эпизодами достаточно прочно закрепилась в культурном пространстве как отдельных общностей, так и в индивидуальном творчестве тех или иных талантливых личностей.

Бертольт Брехт, участник Первой мировой войны, ещё совсем молодой, был весьма разносторонним: увлекался драматургией, писал стихи, прозу, теоретические исследования об искусстве. Поначалу его идеи были позитивно восприняты немногими, однако позднее, после разгрома германского нацизма во Вторую мировую, в 1950-е гг. пьесы прочно вошли в репертуары многих европейских театров.

Сперва нельзя не обратить внимания на его погружение в изучение марксизма. Ситуация в Германии после поражения страны в Первую мировую войну сложилась таким образом, что единственной реальной силой, противостоящей активно проявляющемуся фашизму и нацизму, было рабочее коммунистическое движение. Теория Б. Брехта была неразрывно связана со становлением и формированием его мировоззрения под влиянием социалистического реализма. Вкупе с соцреализмом его откровенно антифашистская позиция – едва ли не самая важная деталь, если иметь в виду социальную основу концепции «эпического театра».

Актуальность исследования заключается в систематической востребованности положений теории эпического театра немецкого драматурга Б. Брехта, их влиянии на становление, формирование и развитие творческих личностей последующих эпох, в том числе и представителей иных культурных ориентаций. Цель исследования: сопоставление эстетики немецкого драматурга с акцентированием специфической социальности, характерной для 1920-х гг., с открытиями Владимира Семёновича Высоцкого как представителя «другой эпохи» и социально-культурной парадигмы середины XX столетия, с иными целями и задачами, а главное – выявлением откровенной новизны последнего. Подобное сравнение обусловлено использованием брехтовских открытий в формирующейся эстетике Московского театра драмы и комедии на Таганке под руководством Ю.П. Любимова; непосредственным воспроизведением новых особенностей игры В.С. Высоцкого в спектаклях по произведениям Б. Брехта; «вхождением» так называемой театральности в его поэтическую лабораторию; синтезом поэтичности, музыки, ритма в его словесном искусстве.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основным материалом исследования послужило раннее творчество В.С. Высоцкого, в частности, его так называемые «дворовые» поэтические опусы со специфической стилизацией, театральностью как внутренней основой «высоцкого» текста; соотношение его творчества с эстетической системой Б. Брехта. На основе анализа констатируются как новации молодого автора в ракурсе инновационных открытий второй половины XX века, так и развитие им сказовых традиций классиков XIX века, к примеру Н.С. Лескова. Методологической основой научных рассуждений стали культурно-исторический, сравнительно-исторический и рецептивный подходы к анализу текста.

2025;11(4):975-987 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В чём для Б. Брехта состояла принципиальная необходимость обновления театрального искусства? Ответ на этот вопрос находим в его теоретических работах[1], а также в современных научных изысканиях о выдающемся немецком авторе [1; 2]. Знаменитый брехтовский «эффект очуждения», как известно, основан на положении К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[2]. К слову заметим, что труды Маркса и в настоящее время чрезвычайно востребованы в научной среде [3; 4]. Сам термин «эпический театр» воспринимался как утверждение новой системы театрального искусства. Очень важная деталь, акцентируемая им, – это необходимость приучить зрителя, слушателя, читателя к критическому отношению, как ко всему окружающему, так и к самому себе. Брехт решительно отрицал привычное перевоплощение и актёра, и зрителя. И это ему подсказывала современная обстановка, трагически складывающаяся в его стране. Метод театральной игры, который взяли фашисты и нацисты в качестве основополагающей базы, не мог, с точки зрения Б. Брехта, «рассматриваться как положительный образец для театра, если ждать от него картин, которые дадут в руки зрителей ключ к разрешению проблем общественной жизни»[3]. Другими словами, «театральность фашизма», равно как и театральность в политике вообще, «политическая игра» как базисная общественная установка, замеченная Брехтом в новациях общественных отношений, диктуемых радикалами, решительно отвергалась им не только в рамках общественных отношений, но и в искусстве. Немецкий театральный новатор, делая акцент на разуме, ни в коем случае не отвергал при этом и чувства человека. Зрителя необходимо приучить не просто сопереживать, но, главное – спорить, критически относиться к увиденному. В статье «О театральности фашизма» («Покупка меди») читаем: «Методом игры пользуются современные угнетатели, но не в театрах, а на улице и в клубах, в своих квартирах, а также на дипломатических встречах и в залах совещаний. Говоря об их методе игры, мы исходим из того, что они не только ведут себя так, как этого требуют непосредственные задачи, выполняемые ими, но вместе с тем сознательно разыгрывают определённый спектакль на глазах у всего мира, стараясь уверить публику в необходимости своих затей и благородстве своих поступков». Замечая, что происходит вокруг, какие невероятные манипуляции творят представители радикальной партии, фашиствующие элементы, Б. Брехт невольно задумывался о пагубности именно такой политики, берущей, как ему представлялось, начало непосредственно из недр искусства: «Глядя на муки человечества, вызванные людьми, мы задумываемся над тем фактом, что наше искусство способно служить насилию»[4]. Обращает на себя внимание очень характерный и, можно даже сказать, «болезненный пример», известный, кажется, как раз всему миру и который уже давным-давно стал хрестоматийным. Это трагически знаменитый поджог Рейхстага в Германии в 1933 г.: «Коммунистическая опасность здесь драматизирована, из неё извлечён сценический эффект… А теперь перейдём к самим театральным приёмам. Нет сомнения, что фашисты ведут себя подчёркнуто театрально. Они питают к театральности особое пристрастие. Они откровенно толкуют о режиссуре и вообще используют множество средств, заимствованных непосредственно из театра: прожекторы и музыкальный аккомпанемент, хоры и даже неожиданности»[5]. С давних пор, к примеру, хорошо известно, что при Гитлере был актёр, обучающий его правилам поведения с целью привлечения внимания толпы к своим речам. Толпа же получала гипнотические эффекты, которые органично, прочно и надолго внедрялись в сознание. И в резуль-

[1] *Брехт Б.* Театр. Москва: Искусство, 1965. Т. 2. Кн. 2. 564 с.
[2] Там же. С. 207.
[3] Там же. С. 337.
[4] *Брехт Б.* Покупка меди: статьи, заметки, стихи. С. 13. URL: https://www.rulit.me (дата обращения: 05.08.2024).
[5] Там же.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):975-987
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

тате налицо совершенно пагубный, с точки зрения прозорливого антифашиста Б. Брехта, эффект перерождения и своего рода воспитания, позволим себе употребить грубоватое слово: «дрессировки», так сказать, общественного сознания.

К слову сказать, поджог Рейхстага, режиссированный гитлеровцами, был повторён не без неонацистов в Одессе 2 мая 2014 г., прежде всего, именно как акт устрашения. Ранее состоялся печально известный так называемый «майдан», всеобъемлюще снабжённый сплошными театральными эффектами, как словесными, так и действенными (к примеру, бессмысленные, тупые скачки на одном месте с криками: «Кто не скачет, тот москаль»).

К огромному сожалению, в современной действительности, особенно последних лет, месяцев, дней, мы находим немало и других трагических примеров, скажем так мягко, подражания гитлеровским правилам манипуляций, в основе которых лежат те самые установки, которые когда-то были разработаны теоретиками германского нацизма. Следует с огромным сожалением признать, что принципы, разработанные тогдашними нацистами, замеченные Брехтом ещё в 1920–1930-е гг., не только не исчезли, но были заимствованы и главами так называемых «союзников» по антигитлеровской коалиции, которые искренними по отношению к Советскому Союзу, разумеется, никогда не были. Так, глава Великобритании У. Черчилль уже достаточно давно произнёс: «Игра – это самое серьёзное, что есть в мире… Политика в таком виде, в каком мы привыкли воспринимать её, умерла. На смену локальной политике элегантных операций в том или ином районе мира пришла глобальная политика. Это уже не своеволие личности, это уже не эгоистическая устремлённость той или иной группы людей, это наука точная, как математика, и опасная, как экспериментальная радиация в медицине. Глобальная политика принесёт неисчислимые трагедии малым странам; это политика поломанных интеллектов и погибших талантов…»[6]. В самом деле, «Цинизм был возведён в норму политической жизни, ложь стала необходимым атрибутом повседневности. Появилось некое новое, невиданное раньше понятие правдолжи, когда, глядя друг другу в глаза, люди, знающие правду, говорили один другому ложь, соотнося её с известной ему правдой»[7].

Общественно-политическая ситуация брехтовской современности складывалась таким образом, что единственной противостоящей реальной силой наступающему фашизму в те годы являлось, повторимся, немецкое коммунистическое движение. Признаем, что в связи с этим господствующий тогда метод так называемого социалистического реализма в искусстве был очень актуален для Германии как самое мощное и реальное противостояние фашистским театральным манипуляциям как в искусстве, так и в политике и в общественной жизни в целом. Разумеется, Б. Брехту пришлось эмигрировать из Германии; на родине его труды, как известно, подверглись публичному сожжению, как и его соотечественников с близкой политической ориентацией Т. Манна, А. Энштейна, А. Зегерс.

Случилось так, что в Советском Союзе творчество Б. Брехта было справедливо оценено не сразу, а спустя время. Это были 1950-е гг., когда в 1954 г. он был удостоен Сталинской премии «За укрепление мира между народами». До этого к нему не относились положительно, несмотря на его откровенно антифашистскую позицию. Рассуждения на эту тему – предмет, на наш взгляд, отдельного крупного исследования, не относящегося к данным научным разработкам. Отметим лишь, что в становлении словесного творчества, научной методики его изучения в раннем СССР имели место многочисленные сложности, споры, которые, на наш взгляд, пока далеко не всегда объективно осмыслены.

Популярность и, скажем так, востребованность творчества Брехта и одновременно его эстетики совпала с развитием и растущей популярностью, которая, в свою очередь,

[6] *Семёнов Ю.С.* Семнадцать мгновений весны. Роман: 2-я ред. // Культурный фонд Ю. Семёнова: сайт. URL: http://www.semenov-foundation.org/ (дата обращения: 02.09.2024).

[7] Там же.

2025;11(4):975-987 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

тоже возникла далеко не сразу, в 1960-е гг., Театра драмы и комедии на Таганке под руководством Ю.П. Любимова. На наш взгляд, дело было в конкретном случае, прежде всего, не только в социуме, как иногда приходится читать. Популярность всего, что было связано с концепцией Брехта и с её воплощением на сцене советского театра, заключалась, как мы думаем, во многом исключительно в новизне и непохожести на привычную, классическую эстетическую модель, предложенную когда-то К.С. Станиславским. Любимов, находясь в поиске новых сценических и словесных форм воплощения материала, обратился к творчеству Брехта и нашёл взаимопонимание с теми, кем руководил. И случилось так, что в том числе и В.С. Высоцкому было суждено воплотить на сцене ряд образов в непривычной, новой эстетической брехтовской форме («Добрый человек из Сезуана», «Жизнь Галилея») и заодно заявить о себе, как о необычном поэте, сочетающем в своём словесном даровании неразрывный синтез слова, ритмики, пластики, музыки, театральности. Отметим, что и актёрский талант Высоцкого в кино в эти годы также достигает расцвета [5]. Сам Высоцкий на этот счёт высказывался следующим образом, оценивая самого себя уже в духе своей современности, которая достаточно далеко оторвалась от времён её создания Брехтом: «Я думаю, сочетание тех жанров и элементов искусства, которыми я занимаюсь и пытаюсь сделать из них *синтез*… может, это какой-то новый вид искусства. Не было же магнитофона в XIX веке, была только бумага, теперь появились магнитофоны и видеомагнитофоны… значит, может появиться новый вид искусства – для меня»[8]. Другими словами, Высоцкий правомерно пытался осмыслить своё дарование с позиций того времени, в которое ему довелось жить и творить.

Здесь совпало одно с другим: не следует категорично утверждать, что потрясающий, оригинальный талант Высоцкого вырос из недр эстетики Брехта. Такое заявление было бы всё же надуманно, но совпадений в эстетической манере одного и другого оказалось немало.

Подчеркнём особо, что и мы, в этой связи, отнюдь не склонны полностью отождествлять оригинальные, индивидуальные находки, самобытность дарования В.С. Высоцкого только лишь с установками анализируемой теории эпического театра. Однако следует иметь в виду ряд факторов, которые не могли не отразиться на становлении и развитии художественной системы одного из самых оригинальных представителей отечественной культуры середины XX века. Назовём, систематизируя, самое существенное.

Принципы, отмеченные немецким писателем, были очень схожи с системой Высоцкого и прочно закрепились в его эстетическом кредо. Имели место разработанные Брехтом «философичность», «эпичность», «феноменальность», «очуждённость картин действительности».

И Брехт, и Высоцкий ненавидели войну. Написав пьесу «Мамаша Кураж и её дети» (1939), немецкий автор сосредоточил в ней все эстетические закономерности своей теории. На фоне сходства отмеченных положений не могло не быть и откровенного различия.

Брехт смотрел на феномен войны из своего времени, ментальных особенностей своей страны, её народа. В этой связи его критике подвергались, прежде всего, аспекты социального плана, а именно: война – это разновидность коммерческой наживы угнетателей, усиленная степень эксплуатации угнетённых «хозяевами жизни», проще говоря, олигархами, правящей верхушкой общества. Высоцкий принадлежал к поколению «детей войны», являлся гражданином страны, ведущей войну освободительную, праведную, справедливую. Он постоянно подчёркивал, что у него военная семья, слышал невероятно много рассказов и сопереживал своим старшим родственникам. В результате им было создано большое количество произведений именно на военную тематику. Иными словами, Высоцкий в своём творчестве сполна, всесторонне, разноплановo воссоздал дан-

[8] Высоцкий В.С. // Официальный сайт фонда В.С. Высоцкого. URL: http://www.kulichki.com/masha/vysotsky/pesni/concerts/spisok/1978/ (дата обращения: 20.10.2024).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):975-987
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ную тему, разумеется, в иной форме, чем это сделал Брехт. Военная тематика в творчестве Высоцкого не покидает внимания исследователей, остаётся очень популярной [6]. Однако можно без всякого преувеличения сказать, что военный материал у обоих был доминантным, основополагающим.

Был ли в его творчестве элемент так называемого «протеста»? Осмелимся констатировать, что, конечно, был, поскольку, если сравнивать его с Брехтом, то «противопоставленности» по определению не могло не быть: это одна из ключевых «изюминок» новаторской системы немецкого автора. Однако такая позиция в культурной парадигме государства, которое было по своему генотипу антифашистским и антинацистским, должна была быть иного рода, чем у немецкого старшего собрата по перу. И это, скорее, даже не протестность, а, так сказать, альтернативность, соперничество новых театральных форм с устоявшимися, традиционными, единственными в своём роде, о чём сказано выше и замечено самим Высоцким.

В этой связи позволим себе немного скорректировать приведённое высказывание К. Маркса и соотнесём с эпохой второй половины XX века в условиях советской действительности: дело заключается в том, чтобы не столько изменить, сколько *обновить уже существующее, устоявшееся, в чём-то устаревшее.*

Если подробнее остановиться на других особенностях эпического театра, отмеченных нами, то все они также присутствуют в поэтическом творчестве Высоцкого.

Разнообразие его тематики поражало не только современников, которые, не желая его публиковать, тем не менее, и втайне, и открыто, на многочисленных концертных площадках и через современные технические средства – магнитофонные записи, наслаждались его оригинальным искусством, мастерством своеобразного выражения. К слову заметим, что очень интересно понаблюдать, к примеру, за фольклорными мотивами [7] в его многоаспектном творчестве. Поэтому вполне закономерно, что и изучение его наследия особенно в настоящее время движется также в своеобразном синтезе: литературоведения, текстологии и психолингвистики, культурологии [8–12], истории [13]. В современной культурной парадигме, в век небывалого развития технического прогресса его творчество «покидает» магнитные ленты, привычные для него, и органично входит в пространство Интернета [14–15].

Одним из важнейших критериев брехтовских положений была так называемая очуждённость, отстранённость. В поэзии Высоцкого начального этапа наиболее ярко это проявилось, к примеру, в так называемых «дворовых» текстах. Приведём один очень известный пример: *«Я однажды гулял по столице // Двух прохожих случайно зашиб, – // И, попавши за это в милицию, // Я увидел её – и погиб… («Грустный романс», 1963)*[9].

Почему романс «грустный»?

«Дворовость» – печальная реальность советских послевоенных лет. Тяжелейшие годы восстановления разрушенной страны, почти массовое сиротство детей и подростков, у многих голодное и «босоногое» детство, детдома – всё это уходило из жизни долго и болезненно, не одно десятилетие. Многое необходимо было во что бы то ни стало искоренить, изъять из повседневности. К тому же имели место и отголоски тяжелейшей и длительной гражданской распри, которая напоминала о себе ещё очень долгие годы после официального окончания её в 1922 г. К примеру, тяжело искоренялись следы «шпионажа» так называемых «бывших», ненавидящих советскую власть, завербованных фашистами. «Деникинцы», «колчаковцы» и прочие обнаруживались в течение длительного времени. Бесчинствовали многочисленные банды, состоящие в том числе и из власовцев, бандеровцев, которые ликвидировали долгое время.

По причинам, перечисленным выше, в эти годы был популярен так называемый «городской романс»: своеобразные стилизации под дворовые и блатные песни.

Приведённый пример романса Высоцкого именно с таким названием – один из ярких подобных опусов. Однако следует заметить,

[9] *Высоцкий В.С.* Собрание сочинений: в 7 т. Фридрихсдорф: VENDA Publishing Co., Velton Verlag GmbH & BBE GmbH, 1994. Т. 1. С. 85.

2025;11(4):975-987 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

что, на первый взгляд, пример с чуть ли ни примитивным «блатным» содержанием таковым не является по ряду причин: мастерски воспроизведённой стилизации, грамотно выстроенной сюжетикой, возведённой в сказовую повествовательную форму, где налицо трагедийность со своеобразным юмористическим оттенком, зафиксированным и в рифмовке, к примеру: «зашиб – погиб». Подчеркнём также специфичную разговорность, встроенную в форму стихотворную. Налицо и характерная эпичность: герой от первого лица повествует о важнейшем, а может, и ключевом эпизоде своей жизни.

Так, уже из начальных строк вполне очевидно, что подражание автора герою здесь нелепо. Весьма трудно осмыслить содержание этой миниатюры без отстранённости, отчуждения. Ранние опусы Высоцкого часто называли «блатными» из-за специфичности их содержания. С этим можно согласиться лишь условно. Если анализировать «от языка», в приведённом нами примере не встретим ни одной так называемой «блатной» лексемы. В этом следует признать своеобразную уникальность его поэтической выраженности: умение рассказать о специфических ситуациях, не употребляя характерных грубых и бранных слов и выражений.

Другими словами, имела место, повторимся, талантливейшим образом воспроизведённая стилизация. Без отчуждения здесь невозможно обойтись потому, что иначе автора можно было принять, и принимали, то за блатного, то за преступника, то за актёра, то за лётчика или представителя других военных профессий и т. д.

Название этого произведения Высоцкого также весьма удачное: здесь необходимо обратиться к феномену стилизации в сочетании с речитативностью, спокойным рассказом, уже упоминаемой нами разговорностью. Добавим сюда ещё и отменную, оригинальную авторскую интонацию, которая также неповторима. Неповторимость и оригинальность всех данных компонентов, изложенных в теории Брехта, также являются основанием того, что без отчуждения здесь не обойтись никак: едва ли положительным может служить поступок героя, который «случайно зашиб» «двух прохожих». Несмотря на некоторую грубоватость, слова, используемые автором, либо сугубо литературные, либо употребляющиеся в рамках разговорного стиля. Однако специфика юмора Высоцкого как раз и заключается в сочетаемости абсолютно противоположных стилистических единиц: «*гуляя по столице*», *«зашиб случайно»,* но, «увидев её» – «*погиб».*

Таков же другой пример произведения подобного содержания, но с гораздо более сложной структурой, поскольку это уже не монолог, а диалогичная речь: стихотворение «Наводчица» (1964): «*– Сегодня я с большой охотою // Распоряжусь своей субботою // И если Нинка не капризная, // Распоряжусь своею жизнью я! // – Постой, чудак, она ж наводчица! Зачем? // – Да так, уж очень хочется! // – Постой, чудак, у нас компания, // Пойдём в кабак, зальём желание!..*[10]

Как мы замечаем, данное стихотворение, помимо проанализированных аспектов сравнительно с «Грустным романсом», имеет более сложную структуру. Перед нами уже развёрнутый диалог, талантливо воспроизведённая разговорная речь в рифмованном варианте. Все так же, как и в предыдущем примере: – единственное слово «блатного» оттенка – «наводчица».

Специфика отчуждения Высоцкого в его «дворовых» опусах весьма своеобразна: Нинка показана с необычной стороны, то есть неопровержимо привлекательной, несмотря на принадлежность к блатному миру. Именно так её воспринимает влюбившийся юноша.

Отождествляет ли сам Высоцкий себя со своим персонажем? Конечно, нет и в этом случае. Здесь стоит подчеркнуть опять-таки его особое умение «стилизовать». А в недрах стилизации (не перевоплощения!) скрывается специфичность таланта именно его, несмотря на то, что, казалось, похожих творческих личностей, и весьма даровитых, в эти годы было немало: Б. Окуджава, Ю. Визбор, А. Галич и др. Однако то, что мы в данной цепи рассуждений понимаем под стилизацией, – специфика именно Высоцкого.

[10] *Высоцкий В.С.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. С. 103.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):975-987
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Его конкретный опыт – также не «перевоплощение» в персонажа, хотя и подчёркивается местоимение «я». Секрет здесь в том, что, стилизуя, осуществляя это своими голосовыми, интонационными, скажем так, «имиджевыми» возможностями, автор в полном соответствии, между прочим, с литературными правилами стилизаций «показывал» своего персонажа, а не просто рассказывал о нём и уж точно – не перевоплощался. Приведём здесь классический пример признанного мастера стилизаций Н.С. Лескова, скажем, уникальный образец повести «Леди Макбет Мценского уезда». Всё написано, с точки зрения сказовых правил, абсолютно ювелирно, кроме одной весьма существенной детали, если сравнивать с автором середины XX столетия: у классика Лескова мы *не слышим* голоса автора, а читаем стилизованный текст, либо представляем, если это осуществляет или актёр, или просто чтец. Существенно ли различие? Да! И в этом неповторимое новаторство Высоцкого в развитии сказовых, стилизованных возможностей середины века двадцатого, по сравнению с предшествующим столетием. Об этом, кстати, писал и сам Высоцкий в приведённой нами выше цитате. Звучащий голос со специфической *интонацией, дикцией, жестикуляцией, иными индивидуальными выразительными средствами* подчёркивает неповторимость конкретного, данного авторского исполнения, создавая иллюзию (именно иллюзию!) отождествления автора с его персонажем. Кстати, отсюда и та, возможно, спорная особенность, что разбираемое нами индивидуальное, авторское исполнение своих произведений *самим Высоцким* повторить практически невозможно. Отсюда, к огромному сожалению, и несовершенство исполнения его произведений другими авторами. И дело здесь не в отсутствии таланта воспроизводящими исполнителями, а в генезисе описанного нами феномена. Сказ, стилизация к середине XX столетия в случае с Высоцким с помощью появившихся технических средств открыли инновационные возможности «показа» голосом элементов сюжетики с дополнительными «вспомогательными» средствами: театрализацией, скрытой в словесно-интонационных глубинах речевых особенностей, музыкальностью, выходящей из слова, неисчерпаемых возможностей в этой связи именно языка русского. Например, его «Утренняя гимнастика» подчёркивается им же телесными движениями, имитирующими упражнения с помощью видеосюжетов. Вспоминается очень удачная находка фигуриста и постановщика ледовых театральных спектаклей И. Авербуха, когда он талантливейшим образом под голосовое исполнение Высоцкого на льду воспроизвёл движениями, накалом эмоций, пластичностью знаменитую миниатюру «Кони привередливые».

Осмелимся подчеркнуть, что надуманность или преувеличение в наших рассуждениях едва ли присутствует. Доказательность данного тезиса – прослушивание иных исполнителей произведений Высоцкого, которые, как бы мастерски они ни представлялись, ни в каком случае не смогут сравниться с «высоцким» выражением. Это так же неповторимо, как в целом и сам человек, который каждый – единственный в своём роде во всех проявлениях. Высоцкий ни в коем случае «не поёт» свои произведения в привычном понимании этого – вот в чём уникальность его феномена – он их «*показывает*»: показывает – рассказывая, играя, напевая, ритмизуя, театрализуя. Осмысленно или, скорее всего, интуитивно он часто сам произносил: «я хочу *показать* вам песню». Его музыкальность «вытягивается» из природы слова, из неповторимости возможностей именно русской языковой выраженности. И, конечно, вытекает из его, так сказать, культурообразующего статуса, грамматических стилистических особенностей, богатейшей и разнообразной стилистической палитры, уникальной разговорности, иногда неуловимых переходов из одного стиля в другой.

Представитель духовенства священник Владимир Соколов в своём труде «Мистика или духовность? Ереси против христианства», убедительно аргументируя, что культура питается, прежде всего, из сферы духа, приводит также многочисленные примеры высказываний представителей классиков русской музыкальной культуры об очень важ-

2025;11(4):975-987 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ной, если не основополагающей самобытной особенности.

Так, размышляя о том, что «музыкальная культура складывалась на основе православной духовности», он подчёркивает, что «в ней царит и правит слово (содержание), а ему подчиняется музыкальный элемент: мелодия, гармония, ритм (форма). В ней живое слово благодатно определяет не подчиняющиеся никаким музыкальным законам необычные и разнообразные формы»[11]. Иными словами, в отечественной духовно-культурной традиции первичен и значим словесный текст, ему подчиняется всё другое. Именно текст «собирает и формирует музыкальный элемент», а не наоборот.

Всё сказанное имеет под собой чёткие научные обоснования. Можно привести весьма характерные высказывания непосредственно представителей музыкального мира. Соколов процитировал некоторых русских композиторов-классиков. Так, к примеру, М.П. Мусоргский подчёркивал, что, работая «над говором человеческим… добрёл до мелодии, творимой этим говором, добрёл до воплощения речитатива в мелодии»[12]. Его единомышленники, представители «Могучей кучки», имели схожие взгляды. Так, по мнению А.С. Даргомыжского, «звук должен прямо выражать слово»[13].

Таким образом, рассуждая о выражении русского слова в рамках отечественной культурной парадигмы, Соколов особо подчёркивал, что в русской духовно-культурной традиции именно «слово (смысл) является основным фактором, формирующим музыкальную структуру. Мелодия, ритм, гармония всегда подчиняются тексту или замыслу»[14]. Представители «Могучей кучки» отмечали также и движение от идеи и сюжета – к музыке.

При этом в западной культурной традиции на приоритетном месте стоит, наоборот, начало музыкальное.

Если прислушаться к произведениям Высоцкого, то всё так и выходит. Только, так сказать, в обиходе можно заметить, что он именно *поёт.* Все составляющие у него подчинены непосредственно словесной выраженности, включая как идею, так и сюжетику, а за ними уже – так называемый напев. Слово – основополагающий фактор. Элементы самобытной духовно-культурной традиции плюс инновационные технические возможности и принципы театральности лежат в основе синтетического феномена «Высоцкий». Специфика же так называемой «русскости» (имеем в виду отечественную культурною парадигму) органично укоренилась в этой яркой, неповторимой, оригинальной творческой личности.

Брехтовский принцип параболы «работает» у Высоцкого также весьма оригинально. Повествование как бы удаляется от блатной ситуации – конкретной обстановки, привычной для Нинки, а, возвращаясь, наводит на определённые раздумья, причём они могут быть разными у каждого конкретного человека. «Приращение информации» может зависеть от особенностей миропредставления, характера, привычек, возраста воспринимаемого, его социального статуса. И здесь мы также видим побуждение автора к некоему «осмыслению» ситуации, критической оценке, как и призывал Б. Брехт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так называемая теория эпического театра немецкого автора выдержала испытание временем и с неизбежными интерпретациями, дополнениями, временной коррекцией была востребована, популярна, успешно воспроизводилась как альтернатива классическим стандартам и в иных культурных общностях, помимо Германии. В частности, теоретические находки немецкого писателя Б. Брехта, их преломление в эстетической системе как в целом Московского театра драмы и комедии на Таганке, так и в «поэтической лаборатории» отдельного автора – поэта, композитора, исполнителя, чтеца, актёра данного театра В. Высоцкого вполне очевидны. Синтетическое дарование последнего, однако, не-

[11] *Священник Владимир Соколов.* Мистика или духовность? Ереси против христианства. Москва: Данилов мужской монастырь, 2012. С. 46.
[12] Там же. С. 48.
[13] Там же.
[14] Там же.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):975-987
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

смотря на очевидные параллели с брехтовскими открытиями, было в своём роде уникальным, самобытным феноменом и не могло не формироваться из глубин отечественной духовно-культурной традиции. Феномен Высоцкого, помимо уникальности индивидуального дарования – это и органичный синтез сказовых, стилистических традиций отечественной классики, русской музыкальной самобытности с привнесёнными техническими возможностями середины XX века.

Список источников

1. *Кузин А.С.* Наш современник Бертольт Брехт // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 190-199. https://doi.org/10.20323/1813-145, https://elibrary.ru/onglog
2. *Картавцева И.В.* Особенности театральной системы Б. Брехта (на примере сравнения с К.С. Станиславским) // Молодой учёный. 2014. № 4 (63). С. 1207-1211. https://elibrary.ru/sakedt
3. *Бразевич С.С.* Эмпирические социальные исследования Карла Маркса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 459-476. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.21, https://elibrary.ru/wulllg
4. *Черешнев В.А., Иваницкий В.П.* Карл Маркс – мыслитель и творец будущего // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 688-698. https://doi.org/10.17059/2018-3-1, https://elibrary.ru/xyybwx
5. *Николаев С.В.* Образ Владимира Высоцкого в отечественном игровом и неигровом кинематографе: особенности формирования жанра и исторической памяти // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31. № 1. С. 58-67. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-1-58-67, https://elibrary.ru/bpeojb
6. *Гасанова М.А.* Своеобразие военных песен Владимира Высоцкого // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 31. Вып. 2. С. 33-41. https://doi.org/10.21779/2542-0313-2016-31-2-33-41, https://elibrary.ru/xboeyd
7. *Гильманова М., Юсупова Н.* Фольклорная парадигма татарской и русской поэзии 1960–80-х годов // Филология и культура. 2023. № 2. С. 128-134. https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-128-134, https://elibrary.ru/fkklit
8. *Матвеева Н.В.* Механизмы формирования содержания и смысла текста в процессе его восприятия: психолингвистический подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 82-92. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.8, https://elibrary.ru/zaongv
9. *Чижов Н.С.* Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая) // Научный диалог. 2021. № 8. С. 221-247. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-221-247, https://elibrary.ru/mphkje
10. *Бродская Е.В.* Миф о В.С. Высоцком и его трансформация в современном социуме // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 33-44. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-10-33-44, https://elibrary.ru/jlqtih
11. *Кабанков А.И.* Прецедентный мир как разновидность медиаконцепта (на примере прецедентного мира В. Высоцкого) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Вып. 3 (168). С. 29-32. https://elibrary.ru/tjwsxa
12. *Кабанков А.И.* Прецедентный мир как фактор эволюции медиадискурса: обоснование экспериментального исследования (на примере прецедентного мира В. Высоцкого) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 2 (179). С. 9-13. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-2-9-1, https://elibrary.ru/xvkwml
13. *Николаев С.В.* Изучение личности Владимира Высоцкого в исторической науке как историографическая проблема: особенности формирования жанра и исторической памяти // Историческая наука и архивы в XXI веке: материалы Второй Всерос. с междунар. участием науч. конф. историков и архивистов / отв. ред. М.М. Леонов. Самара: «САМАРАМА», 2023. С. 432-440. https://doi.org/10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-53, https://elibrary.ru/rszygp
14. *Орлова О.В., Кабанков А.И.* Регулятивность прецедентного текста в интернет-дискурсе (на материале «Песенки о слухах» В. Высоцкого) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 271-278. https://doi.org/10.17223/18137083/59/18, https://elibrary.ru/ytuddz

2025;11(4):975-987 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

15. *Орлова О.В., Кабанков А.И.* Динамика прецедентного мира творческой личности в дискурсе новых медиа: постановка проблемы // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 182-187. https://doi.org/10.17223/18137083/53/19, https://elibrary.ru/vbutyt

References

1. Kuzin A.S. Our contemporary Bertolt Brecht. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2020, no. 4 (115), pp. 190-199. (In Russ.) https://doi.org/10.20323/1813-145, https://elibrary.ru/onglog
2. Kartavtseva I.V. Features of B. Brecht's theatrical system (using a comparison with K.S. Stanislavsky as an example). *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2014, no. 4 (63), pp. 1207-1211. (In Russ.) https://elibrary.ru/sakedt
3. Brazevich S.S. Karl Marx's empirical social research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 2, pp. 459-476. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.21, https://elibrary.ru/wulllg
4. Chereshnev V.A., Ivanitskii V.P. Karl Marx is a thinker and creator of the future. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 688-698. (In Russ.) https://doi.org/10.17059/2018-3-1, https://elibrary.ru/xyybwx
5. Nikolaev S.V. Vladimir Vysotsky's image in Russian documentary and fiction cinema: peculiarities of genre formation and historical memory. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, Pedagogics*, Philology, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 58-67. (In Russ.) https://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-1-58-67, https://elibrary.ru/bpeojb
6. Gasanova M.A. Vladimir Vysotsky's war lyrics idiocrasy. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2016, vol. 31, no. 2, pp. 33-41. (In Russ.) https://doi.org/10.21779/2542-0313-2016-31-2-33-41, https://elibrary.ru/xboeyd
7. Gil'manova M.M., Yusupova N.M. Folklore paradigm of Tatar and Russian poetry of the 1960s-1980s. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2023, no. 2, pp. 128-134. (In Russ.) https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-72-2-128-134, https://elibrary.ru/fkklit
8. Matveeva N.V. Mechanisms of building the text contents and meaning in the process of its perception: psycholinguistic approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 82-92. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.8, https://elibrary.ru/zaongv
9. Chizhov N.S. Soviet poetic underground in critical and scientific coverage (first article). *Nauchnyi dialog = Nauchnyi Dialog*, 2021, no. 8, pp. 221-247. (In Russ.) https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-221-247, https://elibrary.ru/mphkje
10. Brodskaya E.V. The myth of Vladimir Vysotsky and its further transformation in the modern Russian society. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya» = RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2023, no. 10, pp. 33-44. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-10-33-44, https://elibrary.ru/jlqtih
11. Kabankov A.I. Precedent world as a variety of media concept (an example of Vladimir Vysotsky's precedent world). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, issue 3 (168), pp. 29-32. (In Russ.) https://elibrary.ru/tjwsxa
12. Kabankov A.I. Precedent world as a factor of evolution of media discourse: justification of the experimental research (an example of V. Vysotsky's precedent world). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, no. 2 (179), pp. 9-13. (In Russ.) https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-2-9-1, https://elibrary.ru/xvkwml
13. Nikolaev S.V. The study of Vladimir Vysotsky's personality in historical science as a historiographic problem. *Materialy Vtoroi Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii istorikov i arkhivistov "Istoricheskaya nauka i arkhivy v XXI veke" = Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference of Historians and Archivists with International Participation "Historical Science and Archives in the 21st Century"*. Samara, Samarama Publ., 2023, pp. 432-440. (In Russ.) https://doi.org/10.18287/978-5-6049622-0-6-2023-53, https://elibrary.ru/rszygp
14. Orlova O.V., Kabankov A.I. Regulativity of precedent text in the internet discourse (on the material of "Songs about Rumors" of Vladimir Vysotsky). *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Phi-*

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):975-987
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

lology, 2017, no. 2, pp. 271-278. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/18137083/59/18, https://elibrary.ru/ytuddz

15. Orlova O.V., Kabankov A.I. The dynamics of a creative personality's precedent-related world in the discourse of new media: statement of the problem. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 4, pp. 182-187. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/18137083/53/19, https://elibrary.ru/vbutyt

Информация об авторах

ХВОРОВА Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 7087-7070, РИНЦ AuthorID: 466170, https://orcid.org/0000-0002-8720-7906, xworowa.mila@yandex.ru

КОХАНОВ Павел Алексеевич, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории им. С.Н. Сергеева-Ценского «Русская словесность как целостный духовно-культурный феномен: рецепция XXI века», Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, https://orcid.org/0009-0007-1982-9555, kohanov.pavel@mail.ru

Для контактов:
Хворова Людмила Евгеньевна
e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.08.2025
Поступила после рецензирования 06.10.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Liudmila E. Khvorova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 7087-7070, RSCI AuthorID: 466170, https://orcid.org/0000-0002-8720-7906, xworowa.mila@yandex.ru

Pavel A. Kokhanov, Research Scholar at the S.N. Sergeev-Tsensky Research Laboratory "Russian Literature as a Holistic Spiritual and Cultural Phenomenon: 21st-Century Reception", Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0007-1982-9555, kohanov.pavel@mail.ru

Corresponding author:
Liudmila E. Khvorova
e-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Received 06.08.2025
Revised 06.10.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

2025;11(4):988-998 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 070
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-988-998
Шифр научной специальности 5.9.9

Аксиологическая функция литературного журнала «Дон»

Анжела Викторовна Муха
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
angelaaaaaa95@gmail.com

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Аксиологическая функция является важнейшим аспектом деятельности литературных журналов. Она проявляется в способности изданий формировать определённую систему ценностей и передавать культурные нормы и эстетические идеалы читателям. Цель исследования – определить специфику реализации аксиологической функции журналистики на примере журнала «Дон» как важного инструмента формирования ценностных ориентиров в современном социокультурном пространстве. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Проанализирован литературно-художественный журнал «Дон». Период исследования – номера журнала, выходившие с 1960 по 1980 гг. Основными методами исследования стали системный анализ, классификация и культурно-исторический анализ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выявлено, что в 1960–1980-х гг. издание играло важную роль в формировании устойчивых ценностных ориентиров общества. В те годы «Дон» стал важным инструментом культурного и идеологического просвещения. Определено, что материалы первой половины номера в значительной степени реализуют аксиологическую функцию. В этой части выпуска журнала транслировались важные для общества ценности, характерные для государственной политики СССР. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Выводы, полученные в ходе настоящего исследования, могут быть использованы для дальнейшего изучения реализации аксиологической функции в литературных журналах как на современном этапе, так и в исторической перспективе.

Ключевые слова: аксиология, аксиосфера, литературный журнал, национальная культура, этика, философия ценностей, жанры журналистики

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: А.В. Муха – дизайн исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ и интерпретация эмпирических данных, написание черновика рукописи, доработка рукописи после рецензирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Муха А.В.* Аксиологическая функция литературного журнала «Дон» // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 988-998. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-988-998

© Муха А.В., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):988-998
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-988-998
OECD 5.08; ASJC 3315

The axiological function of the literary magazine “Don”

Angela V. Mukha
Rostov State University of Economics (RINH)
69 Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation
✉ angelaaaaaa95@gmail.com

Abstract
INTRODUCTION. The axiological function is the most important aspect of the activity of literary journals. It manifests itself in the ability of publications to form a certain value system and convey cultural norms and aesthetic ideals to readers. The purpose of the study is to determine the specifics of the implementation of the axiological function of journalism using the example of the magazine “Don” as an important tool for the formation of value orientations in the modern sociocultural space. MATERIALS AND METHODS. The literary and artistic magazine “Don” is analyzed. The research period is the issues of the journal published from 1960 to 1980. The main research methods are system analysis, classification, and cultural and historical analysis. RESULTS AND DISCUSSION. It is revealed that in the 1960s and 1980s, the publication played an important role in the formation of stable value orientations of society. In those years, the Don became an important tool for cultural and ideological education. It is determined that the materials of the first half of the issue largely implement the axiological function. In this part of the magazine’s issue, the values that were important to society and characteristic of the USSR's state policy were broadcast. CONCLUSION. The conclusions obtained in the course of this study can be used to further study the implementation of the axiological function in literary journals, both at the present stage and in the historical perspective.

Keywords: axiology, axiosphere, literary magazine, national culture, ethics, philosophy of values, genres of journalism

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: A.V. Mukha – research design, scientific literature search and analysis, analysis and interpretation of empirical data, writing original draft preparation, manuscript revision after reviewing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Mukha, A.V. The axiological function of the literary magazine “Don”. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):988-998. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-988-998

ВВЕДЕНИЕ

Аксиологическая функция как одна из главных характеристик литературного журнала определяет его способность формировать систему ценностей, транслировать культурные нормы и эстетические идеалы. В условиях глобализации и унификации культурных стандартов именно литературные журналы выступают хранителями национальной культуры и носителями высоких культурных образцов.

Цель исследования – определить специфику реализации аксиологической функции журналистики на примере журнала «Дон» как важного инструмента формирования ценностных ориентиров в современном социокультурном пространстве.

Фундаментальные идеи аксиологии принадлежат философам, которые анализировали природу ценностей, их основы, возможности восприятия и оценки, воздействие на поведение и функционирование общества. Так, например, М. Вебер разработал концепцию понимания социальных действий, оказав

2025;11(4):988-998 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

значительное влияние на идеи ценностных отношений. В. Виндельбанд разрабатывал концепцию философии ценностей как основы познания. Идеи о категориальной структуре бытия развивал Н. Гартман, создавший фундаментальные работы о взаимосвязи этики и эстетики. Э. Гуссерль разработал особый метод исследования ценностей – феноменологический подход. Его методология позволила по-новому взглянуть на природу ценностей и их восприятие человеком. Р.Б. Перри, развивая идеи прагматизма, сосредотачивался на изучении моральных и социально-философских проблем. Его исследования были направлены на понимание того, как мораль и социальные ценности функционируют в контексте современной культуры. Значительный вклад в понимание природы ценностей в обществе и культуре внесли работы Э. Кассирера и М. Шелера. Их труды были посвящены комплексному анализу того, как ценности влияют на развитие социума и культурную жизнь общества. Философы рассматривали различные аспекты взаимодействия ценностей с социальными процессами и культурными явлениями, что позволило глубже понять механизмы формирования ценностных систем в обществе. Г. Риккерт разработал концепцию идеографических наук, исследовал проблему ценностей в познании. М. Хайдеггер сформулировал оригинальную философскую концепцию, в центре которой находится идея о том, как бытие влияет на формирование человеческих ценностей. Его теория позволила по-новому взглянуть на взаимосвязь между фундаментальными онтологическими основаниями и системой ценностных установок человека. Работы вышеупомянутых философов стали основой для развития мировой философской мысли [1, с. 35]. Их исследования объединяла общая идея: смысл любой вещи или явления не существует изолированно, а формируется через её связь с определёнными ценностями. То есть человек воспринимает окружающий мир и интерпретирует различные явления в связи с его ценностными ориентирами и мировоззренческими установками.

М.С. Каган предлагал оригинальную концепцию ценностной ориентации общества, которую он связывал с философией культуры. Он предлагал ценностно-культурную трактовку сущности, в которой проявляется прекрасное и все другие эстетические ценности как специфические явления субъектно-объектных отношений [2].

История развития аксиологического подхода в журналистике берёт своё начало с трудов М.В. Ломоносова. Как отмечает исследователь З.А. Милославская, именно М.В. Ломоносов заложил фундамент этого направления, рассматривая в своих работах этические и моральные аспекты журналистской деятельности [3, с. 142].

Значительный вклад в развитие аксиологии журналистики внесли зарубежные исследователи: Г. Иннис, М. Маклюэн, Л. Стрейт. Их исследования особенно ценны, потому что в них рассматриваются ключевые принципы трансформации коммуникативных моделей в условиях постоянно меняющейся медиасреды. Эти работы напрямую взаимосвязаны с формированием ценностной составляющей журналистской деятельности. Отдельного внимания заслуживает концепция М. Маклюэна о «глобальной деревне» [4]. В своих трудах он представил инновационный взгляд на роль медиа как ключевого фактора, формирующего современную ценностную парадигму общества. Данная концепция является фундаментальной основой для понимания современных аксиологических процессов в журналистике. Она помогает проанализировать глубинные изменения в системе ценностей информационного общества и их влияние на журналистскую деятельность. Г.А. Иннис заложил основу понимания взаимосвязи коммуникационных технологий и ценностей общества [5]. Особенно актуальным остаётся его подход к балансу между культурным наследием и стремительным развитием технологий. Л. Стрейт провёл фундаментальное исследование, посвящённое трансформации коммуникативных моделей в эпоху развития современных информационных технологий. Его работа позволила выявить важные закономерности того, как технологический прогресс влияет на способы

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):988-998
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

передачи информации и взаимодействия между людьми [6]. Главным аспектом исследований учёного стало изучение взаимосвязи между технологическим развитием и изменением системы ценностей. Л. Стрейт убедительно показал, что информационная революция не только меняет технические аспекты, но и оказывает глубокое влияние на ценностные ориентиры человека.

Развивая идеи зарубежных исследователей, значительный вклад в осмысление аксиологических аспектов журналистики внесли и отечественные учёные. Их работы позволили глубже понять специфику формирования ценностных ориентиров в российской медиасфере и проследить эволюцию взглядов на роль СМИ в системе общественных ценностей. Российские исследователи всегда стремились осмыслить специфику ценностной составляющей журналистики в контексте национальной культуры и социально-политических реалий страны.

О необходимости выделения аксиологической функции массмедиа писала Е.В. Поликарпова. Она отмечала, что многие теоретики не замечают аксиологическую функцию журналистики, несмотря на то, что советские социологи и философы в 1960-е гг. размышляли о социальных и культурных функциях СМИ [7]. В 1980-х гг. исследование ценностной ориентации СМИ проводилось под руководством профессора В.О. Осовского. Однако, как отмечала К.Р. Нигматуллина, эти исследования относились больше к социологии, а не к философии [8].

Е.В. Поликарпова писала, что вопрос изучения проблем ценностной ориентации СМИ остаётся малоизученным. Важной проблемой будущих исследований по этой теме исследователь видит поиск объективной методологии [7, с. 34]. Ещё одну проблему в этом аспекте выделяла К.Р. Нигматуллина: «Более сложной проблемой предстаёт для исследователей поиск тех самых пересекающихся измерений аксиологии и журналистики» [8, с. 142]. Исследователь определяет важную методологическую проблему в изучении ценностей в журналистике. Она указывает на существующую сложность: если даже определение самой категории «ценность» представляет собой непростую задачу, то становится ещё более сложно отследить, как ценности проявляются и трансформируются в быстро меняющейся медиасфере.

И.В. Ерофеева предлагала выделять особое пространство с ценностной сферой СМИ – аксиосферу, которая представляет собой виртуальную среду СМИ, накапливающую систему духовно-нравственных ценностей, обладающую определённой совокупностью жанровых, семантических и структурных компонентов [9, с. 71].

Исследователи Санкт-Петербургского государственного университета заявляли о необходимости выделения аксиологии журналистики как отдельной дисциплины. Они утверждали, что журналистика как один из социальных институтов требует аксиологического осмысления, так как её деятельность неотделима от ценностных ориентиров общества [10]. Авторы также выделяют три уровня ценностей: универсальные, профессиональные и контекстуальные. По их мнению, аксиология журналистики играет главную роль в преодолении кризиса доверия к медиа, выступая связующим звеном между профессиональным сообществом и обществом.

В последние годы большое внимание уделяется аксиологии журналистики в диссертационных исследованиях, научных статьях, монографиях. Так, О.В. Смирнова и Л.Г. Свитич в своей работе систематизировали научные исследования по аксиологии журналистики, проводимые в МГУ [11]. Они отмечали «усиленное внимание к нравственным ориентирам журналистики, которые являются основой для реализации миссии журналистики как оперативного средства трансляции базовых смыслов и ценностей» [11]. Эти ценности выступают не просто как абстрактные понятия, а как практическое отражение насущных запросов российского общества.

Анализируя сущность фамилистического медиадискурса, Н.О. Автаева отмечала, что на сегодняшний день в медиа важно всесторонне рассматривать и освещать социальные темы, которые реализуют ценностно-ориентирующую функцию журналистики [12, с. 17].

2025;11(4):988-998 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Таким образом, аксиология журналистики рассматривается как один из ключевых инструментов в формировании личности или как средство утверждения определённых ценностей общества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Несмотря на то, что аксиология как наука имеет глубокие исторические корни и широко изучается в различных областях знания, существует определённая исследовательская лакуна в сфере журналистики. Особую актуальность приобретает тот факт, что недостаточно исследована аксиологическая составляющая литературных журналов, издающихся в регионах. Это создаёт пробел в понимании того, как система ценностей эволюционировала в журналистском дискурсе на протяжении времени.

В рамках данного исследования был выбран культурно-исторический подход [13], который позволяет наиболее полно раскрыть ценностные установки [14], связанные с аксиологическими аспектами в литературных журналах. Предложенный инструментарий делает возможным всесторонний анализ репрезентации ценностей в издании.

Исследование проводилось по следующему алгоритму:

1) анализ обложек журналов: изучение содержания первой полосы каждого номера журнала, выявление взаимосвязи между вербальным и визуальным контентом, определение связи между оформлением первой полосы и содержанием всего номера [15, с. 120];

2) систематизация материалов: классификация журналистских материалов по рубрикам, распределение литературных произведений по жанрам [15, с. 120];

3) аксиологический анализ: определение ценностных установок в опубликованных материалах, исследование их отражения в литературных произведениях [15, с. 120].

Материалом исследования послужили номера литературно-художественного журнала «Дон» за 1960–1980 гг. Для анализа методом случайной выборки были отобраны 24 номера журнала. Отметим, что выпуски «Дона» в эти годы состояли из 188–192 страниц.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование литературно-художественного журнала «Дон» логично начать с анализа его обложки – важнейшего элемента визуального представления издания. Обложка журнала выполняет сразу несколько функций: является «лицом» издания, формирует ожидания читателя, создаёт первичное впечатление о содержании. Особенность оформления «Дона» заключается в использовании имплицитной формы подачи информации через визуальные элементы. Это проявляется в наглядной связи с территориальной принадлежностью, тщательной продуманной подборке иллюстраций, соответствии визуального ряда содержанию журнала [16, с. 905].

Визуальная составляющая обложек издания характеризуется красочностью исполнения, наличием сюжетных изображений, целенаправленным подбором образов. Отметим, что содержание обложек может коррелировать с важными событиями: государственными праздниками, значимыми общественными мероприятиями, тематикой основного содержания номера. К примеру, пятый номер 1970 г. посвящён 25-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Основным цветом текста для заголовков в этом номере выбран красный.

Визуальная составляющая литературно-художественного журнала «Дон» в сочетании с текстовым содержанием эффективно работала на формирование и поддержание ключевых общественных ценностей. Основные ценностные ориентиры, транслируемые через материалы издания: патриотизм и историческая память.

Важно отметить, что такая система ценностей полностью соответствовала государственной политике СССР того времени. «Дон» выступал важным инструментом формирования единого ценностного пространства, воспитания гражданственности, поддержания идеологического единства общества, сохранения исторической преемственности.

Номера журнала «Дон», выходившие перед новогодними праздниками, сопровождались красочными новогодними изображениями. Например, на обложке двенадцатого

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):988-998
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

номера 1960 г. был напечатан рисунок Н. Драгунова, на котором изображены люди, катающиеся на коньках. Рисунок выполнен в сине-белых тонах, что создаёт ощущение зимнего пейзажа. Анализ содержания новогодних выпусков журнала позволяет выявить следующее: несмотря на праздничное оформление обложки, новогодняя тематика в содержании материалов практически не отражалась. Такое несоответствие между внешним оформлением и внутренним содержанием объясняется спецификой редакционной политики того времени. Приоритет отдавался материалам с идеологической составляющей.

Внутреннее содержание журнала «Дон» представляет собой уникальное сочетание различных жанров и материалов, что делает издание многогранным и интересным для читателя. Жанровое разнообразие «Дона» включает две категории материалов – литературные произведения (стихотворения, романы, рассказы, воспоминания, поэмы, повести) и журналистские (очерки, репортажи, рецензии, отчёты, обзоры, заметки, статьи). Отметим, что полосы журнала всегда были богаты литературными произведениями. В нём печатались художественные произведения отечественных и зарубежных писателей, тематически ориентированные на советского гражданина. Включение в содержание журнала разнообразных литературных произведений было призвано развивать у читателя любовь к чтению и литературе.

В исследуемый период в «Доне» существовало несколько постоянных рубрик: «Критика», «Рецензии».

Отметим, что порядок следования материалов в каждом номере был одинаков. Чаще всего номер издания начинался со стихотворения, которое сменял отрывок из романа, рассказ, поэма или повесть. Затем следовали литературные произведения, но разделённые по рубрикам: «Иностранные рассказы», «Короткие рассказы о войне», «Нерешённые проблемы» и т. п. Далее располагались рубрики с очерками, которые от номера к номеру могли менять название. В соответствии с содержанием материалов они могли называться «Очерки», «По родной стране», «Записки путешественников», «Очерки и публицистика». Завершался номер сменными рубриками «Искусство», «Юмор и сатира», «Читатели рассказывают», «Редкие фотографии», «Из прошлого».

Композиция номеров журнала «Дон» определялась не жанровыми особенностями произведений, а ценностными функциями, которые они выполняли. Поскольку журнал выпускался Ростовским областным отделением Союза писателей РСФСР, редакция размещала в первой части номера материалы, отражающие значимые государственные ценности.

В анализируемом издании первая половина номера была посвящена важным общественным ценностям. Основная тематика публикаций была направлена на формирование у читателей чувства патриотизма, уважения к истории Великой Отечественной войны, а также на продвижение идей трудолюбия и взаимопомощи. Цель редакционной политики заключалась в воспитании гражданской идентичности среди читателей. Для достижения этой цели в «Доне» публиковались различные материалы, последовательно раскрывающие каждую из заявленных ценностей. Рассмотрим трансляцию конкретных ценностей в материалах журнала «Дон».

Большое внимание в исследовании уделяется взаимосвязи исторической памяти и патриотизма. Эти категории в нашем исследовании рассматриваются как взаимосвязанные, так как патриотизм проявляется через сохранение воспоминай о героических подвигах участников Великой Отечественной войны. Отметим, что с ценностью патриотизма также соседствует ценность единения народа перед лицом общего врага – фашистских захватчиков. В литературно-художественном журнале «Дон» ценность патриотизма и исторической памяти реализована как в литературных, так и в журналистских жанрах. Например, в рассказах и стихотворениях, публикуемых на первых полосах издания – «Шелестят знамёна в песнях», «В боях за Будапешт» (1970, № 5) или в рецензиях – «Военные мемуары» (1970, № 5).

Актуализация ценности дружбы народов также представляется важной в содержании журнала «Дон». Особенно это было важно

2025;11(4):988-998 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

для поддержания многонационального СССР, а также для укрепления мира между государствами. Примером трансляции данных ценностей может служить рубрика «Иностранные рассказы». К примеру, в одиннадцатом номере 1961 г. был напечатан рассказ Симиона Попа «Молодая земля», а в одиннадцатом номере 1962 г. опубликован материал Иржи Ганзелка и Мирослава Зикмунда «На «Татрах» вокруг света».

Трансляция ценностей научно-технического прогресса на страницах журнала «Дон» была обусловлена выполнением пятилетних планов, достижениями научно-промышленного комплекса. В материалах издания формировалось комплексное представление о научно-техническом прогрессе как факторе развития региона, акцентируя внимание на его гуманистической составляющей и социально-экономической значимости. Например, в статье Николая Варварова «Радиоглаз устремлён во вселенную» в одиннадцатом номере 1962 г. рассказывается о радиотелескопе. Автор задаётся вопросом: «А какое практическое значение будут иметь все эти исследования?», на который тут же отвечает, объясняя читателям, что данное изобретение станет толчком для развития производительных сил общества.

В СССР труд считался одной из главных общественных ценностей, поэтому редакция «Дона» не могла обойти стороной такие ценности, как уважение к чужому труду и трудолюбие. В материалах журнала «Дон» уважительно относились к любым профессиям – от учёного до столяра: «Параллельно с разработкой чертежей комбайна в экспериментальной лаборатории ГСКБ создавался рабочий макет – прообраз машины, компоновка которого производилась без рабочих чертежей, по общей схеме. Много смекалки проявили, проводя эту работу, механики-умельцы Чекалов, Зазерский, Атоев, конструкторы Ищенко и другие» (1964, № 9).

Подробно анализируя номера журнала «Дон», можно заметить, как меняются ценности, транслируемые в публикациях. Во второй части издания фокус смещался на другие аспекты жизни общества. В публикациях этого блока встречались материалы о личных увлечениях, экологическом воспитании, просветительской направленности и развлекательные материалы. Такой подход позволял создать баланс между серьёзными общественно-политическими темами первой части и ориентированными на личное развитие материалами второй половины выпуска.

Просветительская составляющая издания играет важную роль в формировании интеллектуального потенциала читателей. С помощью разнообразных материалов редакция журнала стремится побудить интерес аудитории к разным сферам знаний. Публикации, реализующие эту ценность, как правило, рассказывают о научно-технических достижениях в доступной форме, об искусстве, литературе. Журнал «Дон» с момента основания позиционировал себя как важный просветительский инструмент, способствующий развитию культуры и интеллектуального потенциала общества. Через призму культурных, исторических и литературных материалов издание способствует формированию целостного мировоззрения читателя, развитию его интеллектуального потенциала и сохранению духовных ценностей.

Рубрика «Юмор и сатира» в журнале «Дон» актуализировала ценность развлечения, так как за чтением анекдотов или юмористических стихотворений можно интересно провести время. Развлечению читателей также способствовали шутки, фельетоны – они печатались не в каждом номере и располагались на последних полосах.

Проведённое исследование аксиологической функции литературно-художественного журнала «Дон» позволяет сделать вывод о том, что историческая значимость издания в 1960–1980 гг. проявлялась через формирование устойчивой системы ценностей. В тот период «Дон» являлся инструментом культурного и идеологического просвещения. Композиционное построение номера было подчинено определённой логике: в первой половине публиковались материалы с ярко выраженной идеологической составляющей, а во второй – более развлекательные и просветительские материалы.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):988-998
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование подчёркивает важность гуманистических идеалов в мировоззрении человека и общества. Анализ контента журнала «Дон» в период 1960–1980-х гг., исторических событий, культурных и социальных трансформаций помог сформулировать следующие выводы:

1) идеологическая направленность журнала проявлялась через продуманную редакционную политику, где каждый элемент – от обложки до содержания – работал на формирование определённых ценностных установок у читателей;

2) патриотические чувства активно культивировались с помощью рассказов и стихов, посвящённых событиям Великой Отечественной войны;

3) советская идеология основывалась на идеях интернационализма и единства различных народностей страны;

4) акцент делался на важных научных и технических изобретениях, поскольку развитие промышленности и технологий считалось ключевым фактором роста советского государства;

5) труд рассматривался как важная общественная ценность, поэтому в материалах часто воспевалось трудолюбие и профессионализм представителей различных профессий;

6) журнал также играл важную роль в просвещении населения, предоставляя доступ к знаниям и стимулируя интерес к науке, искусству и истории;

7) для повышения привлекательности издания использовались развлекательные элементы – юмористические заметки, фельетоны, анекдоты;

8) в первой части номера всегда печатались литературные или журналистские материалы, транслирующие традиционные для советского общества ценности: патриотизм, трудолюбие, единство народов, историческую память, научно-технический прогресс и просвещение;

9) в журнале представлено гармоничное сочетание литературных произведений и журналистских материалов, что способствовало реализации просветительской функции издания.

Аксиологическая функция журнала «Дон» проявляется через формирование ценностных ориентиров аудитории. Литературные журналы, такие как «Дон», становятся не только площадкой для публикации контента, но и хранителем национальной культуры. Концепции М. Вебера о социальных действиях, В. Виндельбанда о философии ценностей, Н. Гартмана о взаимосвязи этики и эстетики создали методологическую основу для анализа ценностной составляющей журнала «Дон». Рассматривая контент издания, можно выделить несколько аспектов реализации аксиологической функции. Культурно-исторический аспект выражается в систематическом обращении к национальным традициям, сохранению историко-культурного наследия региона. Этические аспекты проявляются через освещение морально-нравственных проблем, анализ социальных явлений с позиции релевантных ценностей. Издание также способствует развитию эстетического вкуса читателей, знакомит их с достижениями отечественной литературы и искусства.

Однако современные вызовы требуют нового осмысления аксиологических основ журналистики. Особенно актуальным становится вопрос о сохранении высоких культурных стандартов в условиях коммерциализации медиапространства и доминирования развлекательного контента.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в том, что полученные выводы могут способствовать развитию методологии изучения аксиологических аспектов журналистики, созданию новых подходов к анализу ценностной составляющей медиаконтента, разработке критериев оценки реализации аксиологической функции в СМИ. Результаты проведённого исследования также могут быть использованы для совершенствования деятельности изданий и укрепления культурных основ общества.

2025;11(4):988-998 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Список источников

1. *Ростовская Т.К., Калиев Т.Б.* Современные теории изучения ценностносмысловой сферы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 1 (53). С. 33-40. https://elibrary.ru/lphchh
2. *Каган М.С.* Философская теория ценности. Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. 204 с.
3. *Милославская З.А.* Контент средств массовой коммуникации в контексте аксиологии журналистики // Ценностные ориентиры современной журналистики: сб. науч. ст. V Всерос. науч.-практ. конф. Пенза: Пензен. гос. ун-т, 2017. С. 140-147. https://elibrary.ru/ykztis
4. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека; пер. с англ. В.Г. Николаева. Москва: Кучково поле, 2003. 462 с. https://elibrary.ru/qocitf
5. *Innis H.A.* Empire and Communications. Toronto: University of Toronto Press, 1972. 183 p.
6. *Strate L.* Studying media as media: McLuhan and the media ecology approach // MediaTropes. 2008. Vol. 1. P. 127-142.
7. *Поликарпова Е.В.* Аксиологические функции массмедиа в современном обществе. Ростов-на-Дону, 2002. 66 с. https://elibrary.ru/bxevpn
8. *Нигматуллина К.Р.* Аксиология в журналистике: пересекающиеся измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 1-1. С. 140-146. https://elibrary.ru/tefzkv
9. *Ерофеева И.В.* Виртуальная аксиология современной журналистики: особенности создания // Альманах современной науки и образования. 2009. № 1-2. С. 69-71. https://elibrary.ru/oxkqzl
10. *Сидоров В.А., Нигматуллина К.Р., Ильченко С.Н.* Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины. Санкт-Петербург: Роза мира, 2009. 174 с. https://elibrary.ru/kiwmag
11. *Смирнова О.В., Свитич Л.Г.* Аксиология журналистики в научном дискурсе: опыт исследований факультета журналистики МГУ // Меди@льманах. 2024. № 5 (124). С. 20-26. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2024.2026, https://elibrary.ru/tkgovw
12. *Автаева Н.О.* К вопросу о сущности фамилистического медиадискурса // Журналистика в цифровую эпоху: технологии и методология творчества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию фак-та журналистики Белорус. гос. ун-та. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2024. С. 16-21. https://elibrary.ru/vgadtj
13. *Воинова Е.А.* Формирование доверия в условиях новой коммуникативности // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Москва: МГУ, 2020. С. 418-419. https://elibrary.ru/qbcrms
14. *Зубаркина Е.С.* Аксиология детства в контексте журналистики XVIII–XIX веков: гуманистические идеалы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т. 1. № 1 (43). С. 103-115. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_1_1_103, https://elibrary.ru/etxpne
15. *Видинеева Н.Ю.* Формат советского детского журнала «Костёр» в контексте актуализации аксиологических установок // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 3. С. 117-133. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.117133, https://elibrary.ru/zjqyci
16. *Клеменова Е.Н., Муха А.В.* Композиционно-графическая модель литературно-художественного журнала «Дон» // Неофилология. 2023. Т. 9. № 4. С. 902-913. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-902-913, https://elibrary.ru/jgzdgj

References

1. Rostovskaya T.K., Kaliev T.B. Modern theories of studying the axiological sphere. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2019, no. 1 (53), pp. 33-40. (In Russ.) https://elibrary.ru/lphchh
2. Kagan M.S. *The Philosophical Theory of Value*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997, 204 p. (In Russ.)
3. Miloslavskaya Z.A. The content of mass communication media in the context of the axiology of journalism. *Sbornik nauchnykh statei 5 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Tsennostnye orientiry sovremennoi zhurnalistiki" = Collection of Scientific Articles of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference "Value Orientations of Modern Journalism"*. Penza, Penza State University Publ., 2017, pp. 140-147. (In Russ.) https://elibrary.ru/ykztis

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):988-998
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

4. Maklyuen M. *Understanding Media: External Human Extensions*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2003, 462 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qocitf
5. Innis H.A. *Empire and Communications*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 1972, 183 p.
6. Strate L. Studying media as media: McLuhan and the media ecology approach. *MediaTropes*, 2008, vol. 1, pp. 127-142.
7. Polikarpova E.V. *Axiological Functions of Mass Media in Modern Society*. Rostov-on-Don, 2002, 66 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/bxevpn
8. Nigmatullina K.R. Axiology in journalism: Crossing dimensions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, 2008, no. 1-1, pp. 140-146. (In Russ.) https://elibrary.ru/tefzkv
9. Erofeeva I.V. The virtual axiology of modern journalism: Features of creation. *Al’manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = The Almanac of Modern Science and Education*, 2009, no. 1-2, pp. 69-71. (In Russ.) https://elibrary.ru/oxkqzl
10. Sidorov V.A., Nigmatullina K.R., Il’chenko S.N. *The Axiology of Journalism: The Experience of Developing a New Discipline*. St. Petersburg, Roza Mira Publ., 2009, 174 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/kiwmag
11. Smirnova O.V., Svitich L.G. The axiology of journalism in scientific discourse: research experience of the faculty of journalism of Moscow state university. *Medi@l’manakh*, 2024, no. 5 (124), pp. 20-26. (In Russ.) https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2024.2026, https://elibrary.ru/tkgovw
12. Avtaeva N.O. On the question of the essence of family media discourse. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu fakul’teta zhurnalistiki Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta “Zhurnalistika v tsifrovuyu epokhu: tekhnologii i metodologiya tvorchestva” = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Faculty of Journalism of the Belarusian State University “Journalism in the Digital Age: Technologies and Methodology of Creativity”*. Minsk, Belarusian State University Publ., 2024, pp. 16-21. (In Russ.) https://elibrary.ru/vgadtj
13. Voinova E.A. Building trust in the context of new communication. *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya” = Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference “Journalism In 2019: Creativity, Profession, Industry”*. Moscow, MGU Publ., 2020, pp. 418-419. (In Russ.) https://elibrary.ru/qbcrms
14. Zubarkina E.S. The axiology of childhood in the context of journalism of the 18th-19th centuries: Humanistic ideals. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University*, 2024, vol. 1, no. 1 (43), pp. 103-115. (In Russ.) https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_1_1_103, https://elibrary.ru/etxpne
15. Vidineeva N.Yu. The format of the Soviet children’s magazine “Kostyor” in the context of actualization of axiological attitudes. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Bulletin of the Moscow University. Series 10: Journalism*, 2023, no. 3, pp. 117-133. (In Russ.) https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2023.117133, https://elibrary.ru/zjqyci
16. Klemenova E.N., Mukha A.V. Compositional and graphic model of the literary and artistic magazine “Don”. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 902-913. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-902-913, https://elibrary.ru/jgzdgj

2025;11(4):988-998 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Информация об авторе

МУХА Анжела Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, SPIN-код: 4401-1430, РИНЦ AuthorID: 914689, https://orcid.org/0000-0002-4477-4046, angelaaaaaa95@gmail.com

Поступила в редакцию 23.07.2025
Поступила после рецензирования 28.09.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Angela V. Mukha, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Department of Journalism, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation, SPIN-code: 4401-1430, RSCI AuthorID: 914689, https://orcid.org/0000-0002-4477-4046, angelaaaaaa95@gmail.com

Received 23.07.2025
Revised 28.09.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 070
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-999-1016
Шифр научной специальности 5.9.9

Газета «Вечерний Саранск»: история, этапы развития, анализ контента

Ксения Владимировна Дементьева ✉, **Полина Дмитриевна Говендяева**
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, 68
✉ dementievakv@gmail.com

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Трансформации, которые затронули все средства массовой информации в России, также отразились и на периодических изданиях Республики Мордовия, где появилось множество новых изданий, одним из которых стал «Вечерний Саранск». Целью исследования является изучение специфики газеты «Вечерний Саранск» в 1990–2020-е гг. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Эмпирическую базу исследования составили экспертные интервью, архивные выпуски газет. Всего было проанализировано более 1 тыс. медиатекстов, выборка для качественного анализа составила 200 публикаций за период с 1990 по 2021 г. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выявлены этапы развития издания: советский период, постперестроечный период, этап цифровизации и адаптации к новым медийным форматам в 2010-е гг., стагнация издания с 2020 г. Газета обеспечивала коммуникацию между властью и обществом, вела активную просветительскую деятельность, содействовала формированию региональной идентичности. Раскрыта специфика контента и визуальные характеристики, одной из причин закрытия печатной версии является неконкурентоспособность в современных условиях, отсутствие адаптации контента под социальные медиа. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Выявлено несколько ключевых этапов развития издания. Контент газеты менялся в зависимости от общественно-политических условий. В 1990-е гг. издание уделяло внимание политике, экономике и культуре. С 2000-х гг. усилился акцент на криминальные новости и освещение повседневной жизни региона. В последние годы существования газета сделала упор на социальные и локальные темы. Названы возможные причины закрытия печатной версии.

Ключевые слова: Вечерний Саранск, СМИ, медиа, газета, Мордовия, медиасистема

Вклад в статью: К.В. Дементьева – разработка концепции исследования, отбор и анализ материала, формулирование выводов, доработка рукописи. П.Д. Говендяева – отбор и анализ материалов, подготовка первой версии текста, формулирование выводов, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Дементьева К.В., Говендяева П.Д.* Газета «Вечерний Саранск»: история, этапы развития, анализ контента // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 999-1016. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-999-1016

© Дементьева К.В., Говендяева П.Д., 2025

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-999-1016
OECD 5.08; ASJC 3315

“Evening Saransk” newspaper: history, stages of development, content analysis

Ksenia V. Dementieva ✉, Polina D. Govendyaeva
National Research Ogarev Mordovia State University
68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation
✉ dementievakv@gmail.com

Abstract
INTRODUCTION. The transformations that have affected all mass media in Russia have also affected the periodicals of the Republic of Mordovia, where many new publications have appeared, one of which is “Evening Saransk”. The purpose of the study is to study the specifics of the newspaper “Evening Saransk” in the 1990s and 2020s. MATERIALS AND METHODS. The empirical basis of the research was made up of expert interviews and archived newspaper issues. In total, more than 1,000 media texts were analyzed, and the sample for qualitative analysis was 200 publications from 1990 to 2021. RESULTS AND DISCUSSION. The stages of the publication’s development are revealed: the Soviet period, the post-perestroika period, the stage of digitalization and adaptation to new media formats in the 2010s, the stagnation of the publication since 2020. The newspaper provided communication between government and society, conducted active propaganda activities, and contributed to the formation of regional identity. The specifics of the content and visual characteristics are revealed, one of the reasons for the closure of the printed version is the lack of competitiveness in modern conditions, the lack of adaptation of content to social media. CONCLUSION. Several key stages of the publication’s development have been identified. The content of the newspaper varied depending on socio-political conditions. In the 1990s, the publication focused on politics, economics, and culture. Since the 2000s, there has been an increased focus on criminal news and coverage of the daily life of the region. In the last years of its existence, the newspaper has focused on social and local topics. Possible reasons for the closure of the printed version are mentioned.

Keywords: Evening Saransk, mass media, media, newspaper, Mordovia, media system

Funding. This research received no external funding.

Authors’ Contribution: K.V. Dementieva – research concept development, material selection and analysis, conclusions formulation, manuscript revision. P.D. Govendyaeva – material selection and analysis, initial version of the manuscript preparftion, conclusions formulation, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Dementieva, K.V., & Govendyaeva, P.D. Evening Saransk newspaper: history, stages of development, content analysis. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):999-1016. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-999-1016

ВВЕДЕНИЕ

В период с конца XX века до начала XXI века в России происходили значительные преобразования в различных сферах: формировалась новая экономическая модель, изменялась политическая культура, закладывались основы демократического и гражданского общества. Трансформации, которые затронули все средства массовой информации в России, также отразились и на периодических изданиях Республики Мордовия, где появилось множество новых изданий, одним из которых стал «Вечерний Саранск».

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

В последние годы было опубликовано много работ, посвящённых развитию региональных СМИ, например, о появлении, становлении и развитии печатных и электронных СМИ на Алтае [1]. Кроме того, изучались модели их постсоветского развития [2], жанрово-тематические особенности дискурса на материалах СМИ Крыма [3], особенности эмоционально-экспрессивной лексики новостных порталов Ульяновской области [4]. Отдельное место в этих исследованиях занимают медиа Республики Мордовия. Можно отметить, что изучалось как состояние медиакоммуникаций в регионе в современный период [5], так и исторические этапы [6]. Этническую принадлежность республики и её отражение в СМИ затрагивали национальные авторы, рассматривая отдельные национальные издания (газета «Эрзянь мастор») [7] и двуязычие как феномен [8]. Отдельные статьи затрагивают освещение разных тематик в СМИ Мордовии, например, репрезентации концепта «спорт» [9]. Обзор СМИ был зафиксирован после празднования 100-летия прессы в книге «Средства массовой информации Республики Мордовия: вчера, сегодня, завтра» [10]. Часть исследований СМИ проведена историками: так, изучалась культурная политика в зеркале медиа [11], отдельно развитие прессы на рубеже веков [12]. Среди работ, посвящённых изучению газеты «Вечерний Саранск», только отдельные студенческие статьи: жанровый анализ [13] и спортивная журналистика [14]. Несмотря на ряд ценных с точки зрения предпринимаемого нами исследования наблюдений и замечаний в работах отечественных авторов относительно изданий Республики Мордовия, научных исследований об истории создания газеты «Вечерний Саранск» на данный момент ещё нет.

Цель исследования – изучение специфики газеты «Вечерний Саранск» в 1990–2020-е гг. Исследование истории и этапов развития газеты «Вечерний Саранск» позволит выявить особенности функционирования издания, его вклад в формирование общественного мнения и сохранение культурного наследия региона. Газета является ярким фактом в истории мордовской журналистики с начала 1990-х гг., её изучение позволит лучше понять особенности функционирования СМИ в переходный период общества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическую базу исследования составили экспертные интервью, архивные выпуски газет, труды российских учёных, научные статьи, интернет-ресурсы в области развития периодики России и Мордовии в конце XX века.

При написании работы нами был применён комплексный подход, предполагающий использование описательного, типологического, сравнительно-сопоставительного методов работы с теоретическим и фактическим материалом исследования, которые позволили выявить специфику развития издания «Вечерний Саранск». Кроме того, был проведён контент-анализ газеты с целью выявить особенности печатного издания. Первоначальный анализ был проведён на основе материалов 12 случайных номеров издания (1 номер в месяц) за каждый год выпуска. Затем на основе них выбраны наиболее характерные номера и материалы в них объёмом от половины полосы из разных рубрик. Всего было проанализировано более 1 тыс. медиатекстов, выборка для качественного анализа составила 200 публикаций за период с 1990 по 2021 г. Для анализа вёрстки и структуры газеты были взяты отдельные номера газеты. Ключевые изменения контента были зафиксированы в процессе анализа и отражены в таблицах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вечерний Саранск – общественно-политическое издание Республики Мордовия, увидевшее свет в мае 1990 г. Первый вариант издания просуществовал недолго, лишь до 1992 г. Первый номер вышел 9 мая, в День Победы. Других сведений о первом варианте газеты нет. Второй вариант издания (которое и просуществовало до 2021 г.) увидел свет в ноябре 1992 г.[1] Газета вошла в реестр зареги-

[1] Самая читаемая газета Саранска // Городские рейтинги. 24.12.2015. URL: https://cityratings.ru/samaya-

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

стрированных СМИ лишь 3 декабря 1998 г.[2] Она была учреждена в период значительных политических и социальных преобразований, что отразилось на её тематике и структуре.

С ноября 1992 г. первым и главным редактором газеты был Сергей Маштаков, который пробыл на этом посту до марта 1993 г.[3] Фактически газету создавал Валерий Маресьев[4]. С 18 марта 1993 г. он занял должность главного редактора и на долгие годы стал ключевой фигурой в развитии газеты. На этой должности он работал до сентября 2000 г.

Издание создали люди с общими идеями, стремясь к появлению в республике независимой прессы нового типа. Руководством газеты были заявлены основные принципы её работы: честность, объективность и компетентность. Оно разработало концепцию издания, определившую его основные параметры и направление на десятилетия вперёд. Газета изначально ориентировалась на более подготовленную аудиторию, интересующуюся политикой, культурой и аналитическими материалами. В этот период «Вечерний Саранск» позиционировался как качественное – информационно-аналитическое – издание, предоставляющее не только новости, но и глубокий анализ событий.

На страницах газеты публиковались мнения ведущих политологов, экономистов и культурологов о значительных изменениях, которые сильно влияли на жизнь Мордовии. Обозревателями газеты были такие эксперты, как политолог, профессор МГУ им. Н.П. Огарёва Дмитрий Доленко.

Издание «Вечерний Саранск» организовало несколько интеллектуальных дискуссионных клубов и провело первые в республике турниры по игре «Что? Где? Когда?». Капитан мордовской команды знатоков «Реал-Мордовия» (ранее – «Реал-Вечерний Саранск») Алексей Беспалов, состоящей исключительно из сотрудников «Вечернего Саранска»[5], в будущем возглавит информационно-аналитическое управление Главы Республики Мордовия.

1990-е гг. стали временем интенсивного развития газеты. Это был сложный период для всей страны: смена политического строя, экономические реформы и связанные с ними социальные потрясения, последующий упадок экономики. Эти процессы находили своё отражение на страницах газеты.

Во второй половине 1990-х гг. газета одной из первых в республике начала публиковать интервью с известными политическими и культурными деятелями того времени, а также с теле- и кинозвёздами. На страницах издания можно было увидеть интервью с председателем Государственной Думы России Геннадием Селезнёвым, спикером Совета Федерации России Егором Строевым, Александром Лебедем, Владимиром Жириновским, Сергеем Глазьевым, Александром Руцким, Егором Гайдаром, Станиславом Говорухиным, Сергеем Кириенко, Александром Любимовым и Константином Хабенским и многими другими знаменитостями.

1. Контент и тематика. Основным направлением в этот период стало освещение политических процессов, экономических преобразований и социальной жизни региона. В газете регулярно публиковались аналитические материалы, интервью с политиками и общественными деятелями, а также репортажи с мест событий. Например, журналисты посещали исправительные колонии Мордовии, что было невозможно в советское время. На страницах издания выходили исторические и культурологические материалы, отражающие богатую историю региона. Но при этом большую долю контента составляли криминальные новости.

2. Работа коллектива. В редакции отсутствовала жёсткая специализация, что позволяло журналистам писать на самые разные темы. Например, сотрудники, занимав-

populyarnaya-gazeta-saranska/ (дата обращения: 14.12.2024).

[2] Вечерний Саранск // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: официальный сайт. URL: https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-founders/media/?id=246633&page= (дата обращения: 14.12.2024).

[3] По данным экспертного интервью с Валерием Маресьевым. 17.12.2024.

[4] По данным экспертного интервью с Евгением Буровым. 10.12.2024.

[5] Тысячный номер «ВС» // Вечерний Саранск Медиа. 05.10.2011. URL: https://www.vsar.ru/2011/10/tysyachnyj-nomer-vs/ (дата обращения: 14.12.2024).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

шиеся политикой, могли также создавать репортажи или очерки по другим направлениям. Коллектив активно взаимодействовал с городской администрацией, которая являлась одним из учредителей газеты и предоставляла финансовую поддержку.

3. Экономическая модель. «Вечерний Саранск» был акционерным обществом, где 25 % акций принадлежало городской администрации, а остальные акции распределялись между сотрудниками. Это обеспечивало тесную связь с администрацией, однако ограничивало редакционную независимость. Одной из обязанностей редакции была публикация законодательных актов городской администрации, что занимало до четверти объёма газеты. Это создавало стабильный доход, но снижало интерес аудитории.

В газете было опубликовано беспрецедентное даже для российских СМИ того времени телефонное интервью с бывшим высокопоставленным сотрудником КГБ Олегом Калугиным, проживавшим под соответствующей опекой на территории США. На протяжении целого года знаменитый телеведущий Михаил Леонтьев (авторская программа «Однако» Первого телеканала) комментировал Сергею Сеничеву наиболее значительные события в России и мире в специальной еженедельной рубрике газеты.

«Вечерний Саранск» первым среди республиканских массмедиа начал практиковать тесное информационное сотрудничество с крупнейшими российскими изданиями «Комсомольская правда» и «Версия – Совершенно Секретно». Издание, в известной мере, можно назвать кузницей кадров для динамично развивающейся сферы средств массовой информации республики.

Именно в «Вечернем Саранске» профессионально состоялись и получили республиканскую известность Валерий Маресьев (с 2018 по 2021 г. первый заместитель Руководителя Администрации Главы Республики Мордовия), Олег Каштанов (генеральный директор – главный редактор АУ «Известия Мордовии»), Евгений Буров (бывший шеф-редактор газеты «Вечерний Саранск»), Александр Сухарев (бывший главный редактор «10 канала»), Елена Башкирцева (заместитель Руководителя Администрации Главы Республики Мордовия и Правительства Республики Мордовия), Сергей Волков (бывший директор «НТМ») и многие другие.

В начале 2000-х гг. «Вечерний Саранск» пережил значительные изменения, связанные с уходом Валерия Маресьева. Новый этап в истории газеты начался с назначения главным редактором Игоря Васильева, который до этого занимал пост первого заместителя редактора. На этом этапе произошло обновление коллектива и постепенная адаптация издания к новым условиям. Коллектив меняется, так как вместе с Валерием Маресьевым уходят и некоторые другие журналисты. Однако В. Маресьев, находясь на посту министра печати и информации Республики Мордовия, так или иначе оказывал воздействие на газету «Вечерний Саранск».

1. Изменения в коллективе. Уход В. Маресьева и части сотрудников (включая известных медиаработников, таких как Олег Каштанов) создал кадровый вакуум. Это потребовало формирования практически нового состава редакции. Несмотря на трудности, газете удалось сохранить творческую направленность и высокое качество публикаций.

2. Контентные изменения. Одним из ключевых направлений стало освещение криминальных новостей, что было вызвано ростом борьбы с организованной преступности в начале 2000-х гг. На страницах газеты появлялись материалы о громких преступлениях и борьбе с криминальными группировками. В то же время издание продолжало публиковать аналитические материалы и интервью с известными политиками и деятелями культуры, что привлекало более широкую аудиторию.

3. Партнёрство с федеральными СМИ. Газета сотрудничала с крупными федеральными изданиями, такими как «Версия», размещая на своих страницах наиболее интересные материалы. Это позволило расширить тематический спектр публикаций. К тому времени в республике завершились политические перестановки, связанные с ликвидацией поста президента Мордовии. Наступившая стабильность приводит к тому, что

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

политический контент замещается интервью с интересными личностями.

К 2010-м гг. «Вечерний Саранск» столкнулся с рядом финансовых проблем, связанных с ростом цен на бумагу и типографские услуги. В 2015 г. формат издания был сокращён, чтобы снизить расходы, но это не смогло полностью компенсировать затраты.

1. Влияние цифровизации. «Цифровой век полностью меняет наше понимание медиасистем и наше мнение о них» [11]. Газета медленно адаптировалась к появлению интернет-СМИ. Сайт издания был запущен, но контент выкладывался с задержкой, чтобы не подрывать продажи печатной версии. Это ограничило конкурентоспособность газеты в условиях роста популярности цифровых форматов.

2. Проблемы с финансированием. Одним из учредителей «Вечернего Саранска» была городская администрация. Она владела 25 % основным пакетом акций акционерного общества, которому и принадлежала газета. Остальные акции были распределены приблизительно равномерно между работниками газеты. Слово администрации города всегда было решающим при принятии любого решения, которое относилось к сфере деятельности акционерного общества. Так было вплоть до момента закрытия газеты.

В 2019–2020 гг. городская администрация переживала бедственное положение и не могла в полном объёме выполнять свои обязательства перед редакцией. Издание размещало на страницах газеты законодательные акты и получало за это определённую плату. Позже администрацией Саранска было объявлено о том, что у них недостаточно средств для финансирования газеты. Поэтому издание прекращает своё существование в 2021 г. Последний выпуск выходит 28 апреля.

Это совпадает с общим кризисом прессы. Так, к 2019 г. с медиарынка почти полностью ушла в цифровой формат рекламная пресса, а газеты в целом за последнее десятилетие уменьшили свою аудиторию более чем в 2 раза[6].

Перестав развиваться и следовать тенденциям времени, не уделяя должного внимания контенту в Интернете, к 2020 г. «Вечерний Саранск» к тому же теряет финансирование от региональной власти. Газета некоторое время находилась на грани закрытия, но, несмотря на ожидаемые прогнозы *(«Устаревшее оборудование и почти никому не известный сайт вечерки привёл к коллапсу издания»*, Телеграм-канал Mordor Offshor, 20.05.2021), всё же номинально бренд выживает, проходя процедуру реорганизации и присоединения к «Народному телевидению Мордовии» (путём приобретения последними ценных бумаг ОАО «Издательский дом «Вечерний Саранск». Несмотря на некоторое увеличение аудиторного внимания к изданию (16 % в 2008 г., 21 % в 2013 и 2017 гг.) [16–17] газета все-таки закрывается, остаётся только сайт, в редакционной политике которого мало что меняется, влияние его не увеличивается. Можно прогнозировать, что полное закрытие медиа – лишь вопрос некоторого времени.

21 января 2022 г. Народное Телевидение Мордовии выкупает акции издания и возрождает газету в виде информационного портала. «НТМ» становится учредителем нового сетевого издания «Вечерний Саранск Медиа». По мнению Евгения Бурова, это неудачная попытка спасти издание[7]. Социальные сети у издания так и не начинают функционировать. По сути, газета усиливает позиции «НТМ», делая его по структуре ближе к медиахолдингу, имеющего в составе несколько телеканалов, сетевое издание и социальные медиа.

Далее рассмотрим визуальные характеристики газеты «Вечерний Саранск».

1. Изображения. Начиная с 1990 г., то есть с самого начала выхода газеты, в ней используются фотографии. Среди них: портреты, пейзажи, репортажные фотографии. В 1995 г. мы можем наблюдать появление карикатур, рисунков. С каждым годом количество изображений увеличивается, например,

[6] Телевидение в России в 2019 году. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад // Национальная ассоциация телерадиовещателей. URL: https://www.nat.ru/issledovaniya-otchety/ (дата обращения: 14.12.2024).

[7] По данным экспертного интервью с Евгением Буровым. 10.12.2024 .

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАГЛЯДНО

Мы собрали финансовые сведения о чиновниках, которые работали на различных позициях в правительстве более трёх лет, чтобы отследить динамику их доходов, и обозначили, кто стал зарабатывать больше, а кто – *меньше. Должности указаны на сегодня.*

ПЕРСОНА	ДОХОДЫ ПО ГОДАМ, МЛН РУБЛЕЙ		
	2018	2019	2020
Виктория АБРАМЧЕНКО, зампред правительства	10,58	26,59	18,7
Юрий БОРИСОВ, зампред правительства	17,24	21,89	19
Татьяна ГОЛИКОВА, зампред правительства	14,2	14,86	40,38
Евгений ЗИНИЧЕВ, глава МЧС	9	8	9,9
Александр КОЗЛОВ, министр природных ресурсов	6,59	8,4	12
Владимир КОЛОКОЛЬЦЕВ, министр внутренних дел	10	12,87	14,8
Сергей ЛАВРОВ, министр иностранных дел	7,34	8,49	10,23
Денис МАНТУРОВ, министр промышленности и торговли	443,3	586	740
Александр НОВАК, зампред правительства	18,6	27	43,8
Антон СИЛУАНОВ, министр финансов	40	28	34,9
Юрий ТРУТНЕВ, зампред правительства*	538,7	180	42,3
Константин ЧУЙЧЕНКО, министр юстиции	13	17,8	20,6
Сергей ШОЙГУ, министр обороны	11,5	12,6	15,9

Рис. 1. Таблица доходов чиновников правительства РФ. Скан газеты «Вечерний Саранск», выпуск № 16 от 28 апреля 2021 г., с. 15)

Fig. 1. The income table of officials of the Government of the Russian Federation. Scan of the newspaper "Evening Saransk", issue No. 16 dated April 28, 2021, p. 15)

Источник: взято авторами из архива газеты в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина в г. Саранск.
Source: taken by the authors from the newspaper archive in the Pushkin National Library in Saransk.

в выпуске 2021 г. на одну страницу приходится примерно 4 фотографии. Также можно увидеть использование инфографики, например, таблиц (рис. 1).

2. Количество полос. В выпусках 1990 г. количество полос не превышает 6 штук. В выпуске 1995 г. их количество не превышает пяти. В выпусках 2000, 2005, 2010 гг. наибольшее количество – 6. В выпусках 2015, 2021 гг. – 5.

3. Вёрстка.

– *1990 г.*: классическая для советских газет, плотная текстовая структура с небольшим количеством выделений и заголовков.

– *1995 г.*: более современная по сравнению с выпуском 1990 г., с чёткой рубрикацией и выделением важных заголовков.

– *2000 г.*: вёрстка классическая, газетная, с разделением на рубрики и чёткими заголовками.

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

– *2010 г.*: современная газетная вёрстка с выделением заголовков, инфографикой и рекламными блоками.

– *2015 г.:* современная вёрстка с использованием цветовых блоков и графических элементов, выделяющих ключевые материалы.

– *2021 г.:* газета имеет классическую газетную вёрстку с чёткой рубрикацией и выделением заголовков. Используются подзаголовки для удобства чтения.

4. Структура газеты. Все выпуски разделены по рубрикам. Важно отметить, что первый выпуск 1990 г. не имеет разделения на рубрики. Пилотный номер посвящён рассуждениям об ожиданиях, которые редакция возлагает на газету. Если сравнить все выпуски, можно увидеть, что на каждую рубрику уделяется 1–3 страницы. На первой полосе обычно размещаются свежие новости и репортажи, далее следуют аналитические материалы и интервью, а в конце – анонсы событий и рекламные объявления.

Таким образом, на протяжении десятилетий издание адаптировалось к изменениям в технологии печати и запросам аудитории, что выразилось в увеличении количества визуальных элементов, разнообразии вёрстки и использовании инфографики. Изменения визуальных характеристик газеты свидетельствуют о её стремлении быть конкурентоспособной и актуальной для читателей.

Содержательный анализ газеты «Вечерний Саранск» показал, что газета организована по рубрикам. Рассмотрим сравнительную таблицу по годам (табл. 1).

«На днях» – рубрика, в которой обсуждаются события, прошедшие недавно в городе/районе/республике, например, открытие памятника М. Девятаеву или «…На пасху в Саранске общественный транспорт будет курсировать между автовокзалом и Ключаревским кладбищем» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 16 от апреля 2021 г., с. 3).* Можно заметить, что эта рубрика просуществовала 21 год, появившись в 2000 г.

«Репортёр» – рубрика, в которой освещаются резонансные события, расследования, например: «Замдиректора Саранского механического завода заплатил штраф в 4 миллиона рублей…» или «Житель Рузаевки получил приговор за жестокое обращение с животными» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 16 от апреля 2021 г., с. 4-5).*

«Здоровье» – рубрика, в которой обсуждаются насущные проблемы населения, связанные со здоровьем, например, интервью с сотрудниками сферы здравоохранения, и обсуждается тема вакцинации *(«Вечерний Саранск», выпуск № 16 от апреля 2021 г., с. 8).*

«Громкое дело» – рубрика, в которой рассматриваются «громкие» дела, например: «Серийный педофил 5 лет скрывался в саранском монастыре…» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2015 г., с. 4).*

«ЖКХ» – рубрика, в которой освещаются изменения в сфере жилищно-коммунального хозяйства, например, даётся расшифровка слов начальника государственной жилищной инспекции Мордовии Евгения Филиппова, где он на пресс-конференции рассказывает о нововведениях, ожидающих коммунальную сферу в 2015 г. *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2015 г., с. 7).*

«События» – рубрика, в которой представлена афиша предстоящих мероприятий (рис. 2), а также важные для города события, например: «Жители Мордовии смогут принять участие в проекте «Бессмертный полк»…» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 16 от апреля 2021 г., с. 6).*

«Наш город» – рубрика, в которой освещаются события или изменения города, например: «Дороги Саранска: планы на 2015 год» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2015 г., с. 8).*

«Курьёзы» – рубрика, в которой освещаются нелепые случаи, которые могут «заставить читателей улыбнуться», например, материал под названием «Грабители вскрыли в банке сейф, а там – одни тарелки» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2005 г., с. 4).*

«Криминал» – рубрика, в которой освещаются криминальные происшествия республики, например, «Дерзкий налёт на магазин «Мордовспирта»…» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2000 г., с. 4).*

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Таблица 1. Содержательный анализ газеты «Вечерний Саранск»
Table 1. A meaningful analysis of the newspaper “Evening Saransk”

Рубрика \ Год	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2021
На днях			+	+	+	+	+
Репортёр				+	+	+	+
События						+	+
Здоровье					+	+	+
Громкое дело						+	
ЖКХ						+	
Наш город					+	+	
Курьёзы				+			
Криминал			+				
Контрактники			+				
Люди			+				
Было дело			+				
Кроссворды, гороскоп			+	+		+	
Календарь на год			+				
Досье			+				
Экология		+					
Политика		+					
Социум		+					
Культура		+					
Персона					+		+
Главная версия					+		
Общество					+	+	+
Диванчик					+	+	
Тусовка					+	+	
Телеклуб					+	+	
Домашняя академия					+	+	
Детский сад					+	+	
Мода					+		
Забавы				+	+	+	+
Спорт					+	+	
Досуг				+	+	+	+
Итоги						+	
Лица						+	+
Бизнес						+	
Афиша ВС						+	
Власть							+
Было/не было							+
Армия							+
Купеческий ряд						+	+

Источник: составлено авторами по материалам архива газеты «Вечерний Саранск».
Source: compiled by the authors based on the materials of the archive of the newspaper “Evening Saransk”.

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

АФИША НА 1 МАЯ

ГОРОДСКОЙ ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

Открытие 86-го весенне-летнего сезона «Место встречи - Пушкинский парк»

ЛЕТНЯЯ ЭСТРАДА

«Светлому маю привет!». Праздничный концерт:

12.00-12.45. Творческих коллективов учреждений дополнительного образования детей городского округа Саранск;

12.45-14.00. Творческих коллективов образовательных учреждений и центров детского творчества городского округа Саранск;

14.00-15.30. Творческих коллективов учреждений культуры городского округа Саранск (Дом культуры «Заречье», Дворец культуры г.о. Саранск);

15.30-17.00. «Из онлайн в офлайн». Гала-концерт лауреатов городских онлайн-фестивалей и конкурсов

ФОНТАННАЯ ПЛОЩАДЬ ПАРКА

11.30. «Куклы-шоу». Игровая программа с участием ростовых кукол

12.00-13.00. Детский праздник от кинотеатра «Мадагаскар»

13.00-15.00. Шоу-программа от Саранского Дома науки и техники

15.00-17.00. Праздничная программа для детей от системы детских образовательных лагерей «Логополис»

Рис. 2. Скан газеты «Вечерний Саранск», выпуск № 16 от апреля 2021 г., с. 6)
Fig. 2. Scan of the newspaper “Evening Saransk”, issue No. 16 of April 2021, p. 6)

Источник: взято авторами из архива газеты в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина в г. Саранск.
Source: taken by the authors from the newspaper archive in the Pushkin National Library in Saransk.

«Контрактники» – рубрика, в которой обсуждается набор военных по контракту, например, «Желающих служить в Югославии становится больше…» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2000 г., с. 5).*

«Люди» – рубрика, в которой обсуждается жизнь простых людей, например: «Дед Михей пополнял Российскую казну…» или «Пенсионер намерен найти клад и раздать всем старикам…» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2000 г., с. 6).*

«Кроссворд, гороскоп» – развлекательная рубрика, в которой представлен кроссворд (рис. 3), а также астрологический прогноз на ближайшую неделю (рис. 4). Также на этих страницах мы можем увидеть анекдоты и смешные «новости этого часа» (рис. 5).

«Календарь на год» – рубрика, в которой представлен календарь на год и различные пожелания *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2000 г., с. 9).*

«Досье» – рубрика, в которой обсуждается прошедший год, подводятся итоги, например: «Свадьба года», «Фильм года», «Старт года» и т. д. *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2000 г., с. 9).*

«Экология» – рубрика, в которой обсуждаются насущные вопросы экологии города и республики, например, интервью с экологом Юрием Аладышевым *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 1995 г., с. 2).*

«Политика» – рубрика, в которой представлены мнения политиков на определённую тему, например, «Церковь и политика: внесём знамёна в божий храм?» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 1995 г., с. 3).*

«Социум» – в этой рубрике публикуются интервью, истории, связанные с жизнью простых людей, например: «Демобилизация из университета...» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 1995 г., с. 4).*

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 3. Скан газеты «Вечерний Саранск», фрагмент кроссворда
Fig. 3. Scan of the newspaper “Evening Saransk”, a fragment of a crossword puzzle

Источник: взято авторами из архива газеты в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина в г. Саранск.
Source: taken by the authors from the newspaper archive in the Pushkin National Library in Saransk.

Рис. 4. Скан газеты «Вечерний Саранск», астрологический прогноз
Fig. 4. Scan of the newspaper “Evening Saransk”, astrological forecast

Источник: взято авторами из архива газеты в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина в г. Саранск.
Source: taken by the authors from the newspaper archive in the Pushkin National Library in Saransk.

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

хиханьки

10 ПРИЗНАКОВ того, что вы воспитанный, интеллигентный человек

1. Вы не умеете далеко сморкаться.
2. Вы с закрытыми глазами отличаете Бетховена от Добрынина.
3. В шкафу вы нашли не отцовскую буденовку, а папино кашне и мамину вуалетку...
4. В уборной у вас лежит не «Пентхаус» или спортивная газета, а альбом русских импрессионистов.
5. Вы знаете один анекдот, но вам неловко его рассказывать.

6. Вы никогда не ковыряете в носу и не рыгаете, даже если вас об этом попросят.
7. Во время салюта вы кричите «Ура!», а не то, что кричат вокруг.
8. Поправляя шляпу, вы не проверяете двумя пальцами расстояние от бровей до полей шляпы.
9. Вы никогда не вступаете в интимную связь вперед дамы.
10. Даже в переполненном трамвае вы чувствуете себя одиноко...

НОВОСТИ ЭТОГО ЧАСА

ПОЛИТИКА

НОВЫЙ СКАНДАЛ В США. В этой североамериканской стране разоблачена семья Бэнкс из Нью-Йорка, которая занималась усыновлением и отмывкой грязных российских детдомовцев.

МОСКВА. Стала известна причина незаконного перевода 9 миллиардов долларов из России в «Bank of New York». Во всем виновата западавшая клавиша «Enter» в компьютере у операционистки одного из Центробанков.

Э-Э... КУЛЬТУРА

КИРБАЛЬМАНДЫН ТУРБИНКАСЫ-БАРШИДОВИЧ - так ласково называют своего учителя жители села Бешмуркантыгданбай. Пожелаем им удачи в этом нелегком деле!

АНСАМБЛЬ ДАВКИ И ТРЯСКИ трамвайного депо N5 г.Москва-на-Клязме подготовил новую концертную программу. Зритель увидит песенно-танцевальные композиции «One way tiket», «Рельсы must go on and so on», «People must go out» и так далее со всеми остановками.

ПРЕСЛОВУТЫЙ СКУЛЬПТОР Зубер Церетели приступил к работе над памятником пресловутому комбригу Котовскому. По замыслу автора, это будет огромный, идеально круглый каменный шар с ушами.

НАУКА

АРХЕОЛОГ АКАДЕМИК ОЙШТРАУС совершил удивительную находку! Он обнаружил мужские трусы под кроватью супруги. Свою находку ученый датирует концом прошлого-началом этого месяца. Сейчас академик бьется с женой над разгадкой этой загадки.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ МЕДИКИ заявили о создании новейшего препарата «Азербайджаникум», способного успешно бороться против армянской вакцины от СПИДа.

НОВУЮ ПОРОДУ ЗАЙЦЕВ вывели работники шушенской зверофермы им.Ленина. Новые зайцы имеют форму шапки с ушами по бокам. Селекционеры продолжают свою работу с целью получения зайцев с тесемочками на ушах, с шелковым подкладом на брюхе и разных размеров.

ВОТ ИНТЕРЕСНО. Недавно ро-

Рис. 5. «Новости этого часа», – скан газеты «Вечерний Саранск»
Fig. 5. "News of this hour," – scan of the newspaper "Evening Saransk"

Источник: взято авторами из архива газеты в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина в г. Саранск.
Source: taken by the authors from the newspaper archive in the Pushkin National Library in Saransk.

«Культура» – в этой рубрике обсуждаются события, связанные с культурной частью развития города, например, материал «Большое плавание на мелких водах» о том, как Саранск «одичал и оскотинился» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 1995 г., с. 5).*

«Персона» – рубрика, в которой представлены интервью со знаменитой личностью, персоной, например, интервью с Игорем Лифановым *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2010 г., с. 9).*

«Было дело» – рубрика, в которой подводятся экономические итоги, представлены номинации года, такие как «открытие года», «забастовка года», «подорожание года» и т. д. *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2000 г., с. 7).*

«Общество» – рубрика, в которой обсуждаются резонансные события, связанные с жизнью общества, например: «Камера на Рублёвке. Предприниматель провёл два дня в частной тюрьме. Его похитители до сих пор разгуливают на свободе» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2010 г., с. 12).* Создана при сотрудничестве с изданием «Версия».

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

«Диванчик» – рубрика, в которой обсуждаются семейный отношения и личная жизнь. Рубрика является психологическим «помощником» и отвечает на вопрос: «Как обрести счастье?» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2015 г., с. 27).*

«Тусовка» – рубрика, в которой публикуются интервью со «звёздами», например, Сати Казанова, Светлана Пермякова и другие знаменитости отвечают на вопросы, связанные с Новым годом: «Где вы будете праздновать новый год?», «Верите ли вы в Деда Мороза?» и др. *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2015 г., с. 28).*

«Телеклуб» – рубрика, в которой проводится анализ последних событий в «мире» шоу-бизнеса, кино и телевидения, подводятся итоги года, например, подводятся итоги 2009 г. *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2010 г., с. 21).*

«Мода» – рубрика, ориентированная на женскую часть аудитории. В ней обсуждаются тренды сезона, подводятся итоги мира моды, а также говорят о развитии модельного бизнеса Мордовии (рис. 6).

«Забавы» – развлекательная рубрика, представлены анекдоты, стихотворения, кроссворды, сканворды, викторины и тесты *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2010 г., с. 11).*

«Детский сад» – рубрика для семей с детьми. В ней даются советы по воспитанию детей, а также как уберечь маленького ребёнка от непредсказуемых вещей и ситуаций, например, описываются правила безопасности катания на горках зимой.

«Домашняя академия» – в этой рубрике предлагаются рецепты блюд, а также даются советы женщинам, например, «как делать макияж на фотосъёмку» или «как стать

МОДЕЛЬНЫЙ БИЗНЕС: МОРДОВСКИЙ СЛЕД

Как вы знаете, в ноябре ушедшего года республика выбрала самую лучшую девушку, которая и получила титул «Мисс Мордовия-2009». За него боролись 20 красавиц, а достался он студентке ИСИ Ксении Романовой. Впрочем, у всех участниц был реальный шанс получить предложение работы от директоров ведущих отечественных модельных агентств, присутствующих на конкурсе.

То, что конкурс стал своеобразным трамплином в карьере моделей, далеко не новость. Практически все красавицы, получившие в разные годы звание «Мисс Мордовия», каждая по-своему успешно заявили о себе fashion индустрии. За примерами не надо далеко ходить. Вице-мисс конкурса образца 2008 года Вероника Гангеева стала одной из самых востребованных моделей проходившей в конце ушедшего года Российской недели моды в Москве. Russian Fashion Week сегодня - это крупнейшая неделя моды в Восточной Европе. Работа на этих показах - показатель класса модели. Наша Вероника уверенно его подтвердила.

Стремительную модельную карьеру делает и другая саранская красавица Людмила Лычева. Вчерашняя вице-мисс престижного конкурса «Мисс Волга», сейчас она много снимается для глянцевых журналов, успешно работает на подиуме, в том числе и на Российской неделе моды, представив модели Модного дома Бутон и одежду от Парфеновой.

Быстро и уверенно завоевывают наши землячки и просторы мирового модельного бизнеса. Головокружительные успехи делает юная саранчанка Виктория Мухонько. Как мы уже писали, она буквально покорила своим очарованием и трудолюбием скаутов известного модельного агентства Японии, и вот уже который сезон Вика работает в Токио, украшая собой каталоги и журналы мод.

Модельный бизнес предполагает неожиданное развитие событий. И они случаются в судьбе мордовских моделей. Например, для съемок рекламы Виктории Мухонько «пришлось» слетать на неделю в экзотический Кейптаун. А другая бывшая мисс «Вечерний Саранск» Антонина Милавкина ныне не только одна из самых востребованных моделей московского агентства «President», но и начинающая актриса. В наступившем году мы увидим ее в полнометражной комедии «Наша Раша».

Рис. 6. Отрывок из рубрики «Мода», скан газеты «Вечерний Саранск»
Fig. 6. Excerpt from the heading “Fashion”, scan of the newspaper “Evening Saransk”

Источник: взято авторами из архива газеты в Национальной библиотеке им. А.С. Пушкина в г. Саранск.
Source: taken by the authors from the newspaper archive in the Pushkin National Library in Saransk.

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

энерджайзером» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2010 г., с. 22).*

«Спорт» – публикации включают анонсы спортивных соревнований и мероприятия по поддержке здорового образа жизни. Присутствуют репортажи со спортивных мероприятий и материалы о достижениях местных команд.

«Досуг» – развлекательная рубрика, в которой представлены анекдоты, прогноз погоды, а также астрологический прогноз на ближайшую неделю.

«Итоги» – обсуждаются самые важные события, случившиеся в общественно-политической жизни республики.

«Лица» – рубрика, состоящая из интервью с интересными и/или знаменитыми людьми.

«Бизнес» – рубрика рассчитана на разную аудиторию. В ней анализируют обстановку на предпринимательском рынке России, а также обсуждаются экономические события, которые могут коснутся всех жителей страны. Создана при сотрудничестве с изданием «Версия».

«Афиша ВС» – на страницах данной рубрики публикуется афиша мероприятий, которые пройдут на неделе в Саранске.

«Власть» – рубрика о жизни российской власти. Например, в материале выпуска № 16 от 28 апреля 2021 г. (с. 15) обсуждаются доходы министров. Создана при сотрудничестве с изданием «Версия».

«Было/не было» – рубрика с криминальными новостями страны. Создана при сотрудничестве с изданием «Версия» *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2010 г., с. 11).*

«Армия» – рубрика, в которой обсуждаются проблемы армии и органов исполнительной власти. Создана при сотрудничестве с изданием «Версия».

«Главная версия» – рубрика, в которой газета представляет свою версию о каких-либо новостях, связанных с незаконной деятельностью *(«Вечерний Саранск», выпуск № 1 от января 2010 г., с. 11).*

«Купеческий ряд» – рекламная рубрика. Здесь размещаются объявления, различные виды рекламы и т. д.

Анализ рубрик газеты «Вечерний Саранск» за разные годы показал высокий уровень политематичности и разнообразия тем, что позволило изданию удовлетворять интересы широкого круга читателей. Тематическая структура издания охватывала такие сферы, как политика, экономика, культура, социальная жизнь, спорт, досуг и развлекательный контент. Это подчёркивает стремление редакции создать максимально универсальное и актуальное для аудитории издание.

Газета была рассчитана на широкую аудиторию, включая: молодёжь: рубрики с развлекательным контентом («Забавы», «Тусовка», «Мода»); семьи с детьми: материалы, посвящённые воспитанию и семейной жизни («Детский сад», «Домашняя академия»); людей старшего возраста: аналитические материалы, репортажи и рубрики, посвящённые городским проблемам («ЖКХ», «Наш город»); активных горожан: рубрики с актуальными новостями («На днях», «Репортёр») и афишей мероприятий («События»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы исследования позволяют увидеть трансформации издания, его влияние на региональное информационное пространство и значимую роль в общественной жизни Республики Мордовия.

Газета «Вечерний Саранск» появилась в период значительных политических и экономических преобразований начала 1990-х гг. За десятилетия существования издание прошло через несколько ключевых этапов:

– советский период, когда газета фокусировалась на пропаганде, поддержке идеологических установок и работе с трудовыми коллективами;

– постперестроечный период, характеризующийся расширением тематики, увеличением критических материалов и ростом аналитического контента;

– этап цифровизации и адаптации к новым медийным форматам в 2010-е гг., несмотря на финансовые трудности и падение популярности печатных СМИ;

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

– стагнация издания с 2020 г.: исчезновение печатной версии, падение популярности и узнаваемости сайта, отсутствие соцсетей.

Контент газеты менялся в зависимости от общественно-политических условий. В 1990-е гг. издание уделяло внимание политике, экономике и культуре. С 2000-х гг. усилился акцент на криминальные новости и освещение повседневной жизни региона. В последние годы существования газета сделала упор на социальные и локальные темы, что было попыткой сохранения её актуальности для аудитории. Однако отсутствие страниц и каналов в социальных медиа сделало издание неконкурентоспособным в современных условиях.

На протяжении всего времени существования газета выполняла важные функции:

– обеспечивала коммуникацию между властью и обществом, освещая инициативы городской администрации и проблемы граждан;

– вела активную просветительскую деятельность, публикуя аналитические и культурные материалы;

– содействовала формированию региональной идентичности, поддерживая культурные и социальные проекты.

Проведённый контент-анализ выпусков газеты за разные годы показал, что издание долгое время адаптировалось к запросам аудитории и внешним условиям. Анализ тематик, жанров и визуальных характеристик позволил выявить ключевые тенденции: от плотного текстового наполнения 1990-х гг. до современной графической и визуальной составляющей в 2010-е гг.

В 2021 г. газета прекратила своё существование, что стало отражением общих трудностей, с которыми сталкиваются региональные печатные издания, а также ряда ошибок в управлении, в частности отсутствия ориентации на социальные сети. Несмотря на это, «Вечерний Саранск» оставил значительный след в истории региональной журналистики, став важной частью медийной жизни Мордовии и подготовив многих профессионалов для отрасли.

Газета «Вечерний Саранск» является примером того, как региональные издания могут отражать исторические процессы и изменяться под воздействием вызовов времени. Её трансформация демонстрирует, как менялась роль СМИ в обществе: от традиционного инструмента пропаганды до площадки для дискуссий и общения с читателями. В то же время опыт выпуска и кризиса данного издания позволяет понять, как важно своевременное изменение редакционной политики СМИ и реагирование на процессы цифровизации. Исследование газеты позволило понять специфику региональной журналистики и её влияние на информационное пространство. Узость выборки в соотношении с объёмом исследуемого материала может служить ограничением исследования. При расширении изученного материала возможна конкретизация или корректировка каких-то выводов. Поэтому перспективой данного исследования может быть расширение выборки газеты «Вечерний Саранск». Данная статья вносит вклад в изучение региональной прессы и может быть использована для анализа других локальных изданий.

Список источников

1. *Ныркова Л.М.* Система СМИ региона. Барнаул, 2013. 152 с. https://elibrary.ru/wjrflf
2. *Насырова Е.В.* Региональные СМИ как политико-коммуникационная система: модели постсоветского развития // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 12. С. 250-262. https://elibrary.ru/iyrzce
3. *Егорова Л.Г.* Жанрово-тематические особенности дискурса СМИ Республики Крым // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 335-346. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).335-346, https://elibrary.ru/pxchju
4. *Egorova E.V., Krasheninnikova E.I., Krasheninnikova N.A.* Emotional and expressive connotation of regional media vocabulary // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2021. № 1. P. 237-245. https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-237-245, https://elibrary.ru/xhgjly

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

5. *Дементьева К.В.* Медиакоммуникации региона в условиях глобализации и глокализации информационного пространства (на примере СМИ Республики Мордовия) // Научный диалог. 2020. № 8. С. 200-214. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-200-214, https://elibrary.ru/sjmwgc
6. *Дементьева К.В.* Особенности медиарынка Республики Мордовия: исторический ракурс (2000–2010 гг.) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 180-187. https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10420, https://elibrary.ru/ezlxbs
7. *Пыреськина Е.М.* Этнокультурная информация на русском и национальном языке в газете «Эрзянь мастор» («Страна Эрзян») // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 3 (51). С. 428-433. https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-3-428-433, https://elibrary.ru/jphiof
8. *Дряхлова Л.Д.* Двуязычие в СМИ Мордовии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 120-126. https://elibrary.ru/khntup
9. *Фролова Н.М.* Особенности репрезентации концепта «спорт» в массмедийном дискурсе Республики Мордовия (на примере газеты «Столица С») // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). С. 152-160. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10720, https://elibrary.ru/vomdxj
10. Средства массовой информации Республики Мордовия: вчера, сегодня, завтра / сост. Ю.А. Мишанин, А.Ф. Столяров. Саранск, 2007. 308 с.
11. *Пивцайкина О.А., Сульдина Л.В., Шкердина Н.О., Щукин Д.С.* Отражение региональной культурной политики в СМИ Республики Мордовия: диалог власти и общества (по итогам 2023 г.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16. № 4 (72). С. 134-147. https://elibrary.ru/xatppx
12. *Богатырёв Э.Д., Арзамасков Д.А.* Развитие периодической печати Мордовии в конце XX – начале XXI в. // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. Т. 18. № 3 (43). С. 284-292. https://doi.org/10.15507/2078-9823.043.018.201803.284-292, https://elibrary.ru/vbhacb
13. *Янькина Е.В.* О жанровых предпочтениях региональных журналистов (на примере еженедельной газеты «Вечерний Саранск») // XLVIII Огарёвские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Саранск: Нац. исслед. Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарёва, 2020. Ч. 3. С. 214-219. https://elibrary.ru/lgvlms
14. *Грызунова А.С.* Творчество корреспондента Евгения Сулейманова в аспекте спортивной журналистики Республики Мордовия // Огарёв-Online. 2018. № 3 (108). С. 1. https://elibrary.ru/ytbyrz
15. *Манчини П.* Цифровая коммуникация – состояние критического пересечения подходов в исследовании медиасистем // МедиаТренды. 2019. № 8 (71). С. 2.
16. Республика Мордовия глазами социологов / под ред. В.В. Конакова, Е.А. Демьянова. Саранск, 2017. 288 с. https://elibrary.ru/zilnst
17. *Ушкин С.Г., Агишев Р.Р., Пакшина И.А.* Медиапредпочтения жителей Республики Мордовия: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга / под ред. Л.Н. Курышовой, В.П. Миничкиной. Саранск: Нац. исслед. Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарёва, 2021. № 3 (11). 35 с. https://elibrary.ru/mzhndk

References

1. Nyrkova L.M. *The Region's Media System*. Barnaul, 2013, 152 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/wjrflf
2. Nasyrova E.V. Regional media as a political and communication system: models of Post-Soviet development. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2007, no. 12, pp. 250-262. (In Russ.) https://elibrary.ru/iyrzce
3. Egorova L.G. The genre and thematic features of the Crimean media's discourse. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 335-346. (In Russ.) https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).335-346, https://elibrary.ru/pxchju
4. Egorova E.V., Krasheninnikova E.I., Krasheninnikova N.A. Emotional and expressive connotation of regional media vocabulary. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2021, no. 1, pp. 237-245. https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-237-245, https://elibrary.ru/xhgjly
5. Dementieva K.V. Media communications of the region in context of globalization and glocalization of information space (on example of mass media of the Republic of Mordovia). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2020, no. 8, pp. 200-214. (In Russ.) https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-200-214, https://elibrary.ru/sjmwgc

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):999-1016
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

6. Dementieva K.V. Features of the media market of the Republic of Mordovia: historical angle (2000-2010). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2020, no. 4 (38), pp. 180-187. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10420, https://elibrary.ru/ezlxbs
7. Pyres'kina E.M. Ethnocultural information in Russian and national languages in the newspaper "Erzyan Mastor" ("the country of Erzya"). *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Mari State University*, 2023, vol. 17, no. 3 (51), pp. 428-433. (In Russ.) https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-3-428-433, https://elibrary.ru/jphiof
8. Dryakhlova L.D. Bilingualism of the mass media in Mordovia. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 103, pp. 120-126. (In Russ.) https://elibrary.ru/khntup
9. Frolova N.M. Features of representation of the concept sport in mass media discourse of the Republic of Mordovia (as exemplified by the "Capital C" newspaper). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2020, no. 7 (441), pp. 152-160. (In Russ.) https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10720, https://elibrary.ru/vomdxj
10. Mishanin Yu.A., Stolyarov A.F. (comps.) *Mass Media of the Republic of Mordovia: Yesterday, Today, Tomorrow*. Saransk, 2007, 308 p. (In Russ.)
11. Pivtsaikina O.A., Sul'dina L.V., Shkerdina N.O., Shchukin D.S. Reflection of regional cultural policy in the media of the Republic of Mordovia: dialogue between government and society (based on the results of 2023). *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya = Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*, 2024, vol. 16, no. 4 (72), pp. 134-147. (In Russ.) https://elibrary.ru/xatppx
12. Bogatyrev E.D., Arzamaskov D.A. Development of the periodical press of Mordovia in the end of the XX – the beginning of the XXI century. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya = Humanitarian: Current Problems of Humanities and Education*, 2018, vol. 18, no. 3 (43), pp. 284-292. (In Russ.) https://doi.org/10.15507/2078-9823.043.018.201803.284-292, https://elibrary.ru/vbhacb
13. Yan'kina E.V. About genre preferences of regional journalists (using the example of the weekly newspaper "Evening Saransk"). *Materialy nauchnoi konferentsii «48 Ogarevskie chteniya»: v 3 ch. = Materials of the Scientific Conference "48th Ogarev Readings": in 3 pts*. Saransk, National Research Ogarev Mordovia State University Publ., 2020, pt. 3, pp. 214-219. (In Russ.) https://elibrary.ru/lgvlms
14. Gryzunova A.S. The work of correspondent Evgeny Suleymanov in the aspect of sports journalism of the Republic of Mordovia. *Ogarev-Online*, 2018, no. 3 (108), pp. 1. (In Russ.) https://elibrary.ru/ytbyrz
15. Manchini P. Digital communication is a state of critical intersection of approaches in the study of media systems. *MediaTrendy*, 2019, no. 8 (71), pp. 2. (In Russ.)
16. Konakov V.V., Dem'yanov E.A. (eds.) *The Republic of Mordovia through the Eyes of Sociologists*. Saransk, 2017, 288 p. https://elibrary.ru/zilnst
17. Ushkin S.G, Agishev R.R., Pakshina I.A. *Media Preferences of the Population of the Republic of Mordovia: Bulletin of the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring*. Saransk, National Research Ogarev Mordovia State University Publ., 2021, no. 3 (11), 35 p. https://elibrary.ru/mzhndk

Информация об авторах

ДЕМЕНТЬЕВА Ксения Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация, SPIN-код: 9365-4480, РИНЦ AuthorID: 642697, ResearcherID: AAD-1051-2020, Scopus Author ID: 57204455762, https://orcid.org/0000-0002-6484-9594, dementievakv@gmail.com

ГОВЕНДЯЕВА Полина Дмитриевна, внештатный журналист газеты «Голос Мордовского университета» департамента по связям с общественностью, На-

Information about the authors

Ksenia V. Dementieva, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of Journalism Department, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, SPIN-code: 9365-4480, RSCI AuthorID: 642697, ResearcherID: AAD-1051-2020, Scopus Author ID: 57204455762, https://orcid.org/0000-0002-6484-9594, dementievakv@gmail.com

Polina D. Govendyaeva, Freelance Journalist at the Voice of the Mordovian University newspaper of Public Relations Department, National Research Ogarev Mordo-

2025;11(4):999-1016 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

циональный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация, https://orcid.org/0009-0001-3493-1693, govendyaeva@bulka18.ru

Для контактов:
Дементьева Ксения Владимировна
e-mail: dementievakv@gmail.com

Поступила в редакцию 18.05.2025
Поступила после рецензирования 30.09.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

via State University, Saransk, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0001-3493-1693, govendyaeva@bulka18.ru

Corresponding author:
Ksenia V. Dementieva
e-mail: dementievakv@gmail.com

Received 18.05.2025
Revised 30.09.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 659.13
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1017-1033
Шифр научной специальности 5.9.9

Интервизуальность как стратегия конструирования смыслов в современной рекламной коммуникации

Марина Викторовна Терских
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, просп. Мира, 55-А
terskihm@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследована интервизуальность как стратегия создания и трансляции смыслов в современном рекламном дискурсе. Рассмотрен генезис понятия, возникшего как развитие теории интертекстуальности в условиях «визуального поворота». Интервизуальность определена как стратегический креативный приём, основанный на включении в рекламу узнаваемых визуальных элементов, отсылающих к прецедентным феноменам искусства. Цель исследования – комплексный анализ интервизуальности как стратегии конструирования смыслов и эмоциональных связей с аудиторией в условиях перенасыщенного визуального медиапространства. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования выступил корпус из 105 визуальных текстов современной рекламы, отобранных по наличию интервизуальных отсылок. Методологическая основа включает семиотический, интертекстуальный, дискурс-анализ, сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический методы, что обеспечило комплексное исследование стратегии, базирующейся на интервизуальности. РЕЗУЛЬТАТЫ. Выявлены и систематизированы основные типы визуальных прецедентных феноменов, используемых в рекламе: прецедентные имена, тексты, ситуации и приёмы художественных стилей (сюрреализм, поп-арт, кубизм и др.). Продемонстрированы функции интервизуальности: привлечение внимания, смыслообразование, формирование брендовой идентичности, точечное воздействие на аудиторию. Особое внимание уделяется рискам, связанным с этическими нарушениями, профанацией культурного наследия и возможностью неверной интерпретации. На примерах рекламных кампаний продемонстрированы как успешные, так и спорные случаи применения интервизуальности. ВЫВОДЫ. Установлено, что интервизуальность является эффективным инструментом создания многомерных сообщений, однако её успех зависит от уместности выбора визуального претекста и грамотности его интеграции в рекламное сообщение.

Ключевые слова: интертекстуальность, интервизуальность, рекламная коммуникация, прецедентные феномены, визуальные коды, брендовая идентичность

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: М.В. Терских – концепция исследования, обзор литературы, сбор и интерпретация данных, анализ рекламных сообщений, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Терских М.В.* Интервизуальность как стратегия конструирования смыслов в современной рекламной коммуникации // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1017-1033. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1017-1033

© Терских М.В., 2025

2025;11(4):1017-1033 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1017-1033
OECD 5.08; ASJC 3315

Intervisuality as a strategy for constructing meanings in modern advertising communication

Marina V. Terskikh
Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
terskihm@mail.ru

Abstract
INTRODUCTION. Intervisuality as a strategy for creating and transmitting meanings in modern advertising discourse has been investigated. The genesis of the concept, which emerged as a development of intertextuality theory in the context of the "visual turn", is considered. Intervisuality is defined as a strategic creative technique based on the inclusion of recognizable visual elements in advertising that refer to art precedents. The aim of the study is a comprehensive analysis of intervisuality as a strategy for constructing meanings and emotional connections with the audience in the context of an oversaturated visual media space. MATERIALS AND METHODS. The research material consisted of a corpus of 105 visual texts from modern advertising, selected based on the presence of intervisual references. The methodological basis includes semiotic, intertextual, discourse analysis, comparative, and cultural-historical methods, which ensured a comprehensive study of the strategy based on intervisuality. RESULTS AND DISCUSSION. The main types of visual precedent phenomena used in advertising have been identified and systematized: precedent names, texts, situations, and artistic techniques (surrealism, pop art, cubism, etc.). The functions of intervisuality are demonstrated: attracting attention, meaning-making, forming brand identity, and targeted impact on the audience. Particular attention is paid to the risks associated with ethical violations, the desecration of cultural heritage, and the possibility of misinterpretation. Examples of advertising campaigns demonstrate both successful and controversial applications of intervisuality. CONCLUSIONS. Intervisuality has been found to be an effective tool for creating multidimensional messages, but its success depends on the appropriateness of choosing a visual pretext and the literacy of its integration into an advertising message.

Keywords: intertextuality, intervisuality, advertising communication, precedent phenomena, visual codes, brand identity

Funding. This study received no external funding.

Author's Contribution: M.V. Terskikh – research concept, literature review, data collection and interpretation, advertising messages analysis, writing – original draft praparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Terskikh, M.V. Intervisuality as a strategy for constructing meanings in modern advertising communication. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1017-1033. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1017-1033

ВВЕДЕНИЕ

Современный потребитель живёт в визуально насыщенной среде: ежедневно он сталкивается с огромным количеством рекламных изображений – от баннеров в цифровом пространстве до билбордов в городской среде. При этом внимание становится самым дефицитным ресурсом, и классические методы убеждения (прямой показ товара, громкие слоганы, призывы к покупке) зачастую оказываются неэффективными, отфильтровываются сознанием как «рекламный шум», что неизбежно приводит и к эволюции рекламы.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Креаторы вынуждены обращаться к более сложным, интеллектуально нагруженным формам коммуникации, которые требуют от реципиента «соучастия», узнавания и расшифровки скрытых кодов, в том числе визуальных. Этот визуальный поворот требует и нового аналитического аппарата [1; 2]. «В настоящее время процесс визуализации охватывает все сферы жизни, соприкасающиеся с информацией и её представлением. Специалисты и исследователи в соответствующих областях деятельности всё чаще используют в аудиовизуальных произведениях концепции, которые были сформированы на основе печатного текста» [3, с. 1]. Долгое время для анализа связей между текстами успешно использовалась теория интертекстуальности, введённая в оборот Ю. Кристевой [4] и развитая Р. Бартом [5], Ж. Женеттом [6] и др. Однако изначально теория интертекстуальности ориентирована преимущественно на вербальные отношения. Это не означает, что данная теория неприменима к поликодовому рекламному дискурсу: согласно семиотическому подходу реклама представляет собой мультимодальный текст, однако нельзя не отметить необходимость специфического анализа всего спектра визуальных диалогов, которые становятся если не доминирующими, то не подчинёнными абсолютно точно. В связи с этим, на наш взгляд, возникает потребность в более узком и точном термине – интервизуальность: интервизуальность становится частным, но крайне важным случаем интертекстуальности, требующим отдельного осмысления [7; 8].

В настоящее время активно исследуется использование инструментов интертекстуальности на материале текстов коммерческой и социальной рекламы на разных языках [9–15], при этом авторы обращают внимание на мультимодальность коммуникации и на значимую роль визуального компонента в структурировании рекламного метатекста, отмечая, что в рекламной коммуникации «визуальная составляющая выполняет основную функцию воздействия на адресата, а вербальная играет второстепенную роль и используется только тогда, когда требуется пояснение к изображению» [11, с. 124-125]. Наряду с вербальным цитированием, рассматриваются визуальные и аудиальные цитаты, аллюзии и реминисценции [13, с. 131].

Цель исследования – комплексный анализ интервизуальности как креативной стратегии, определяющей механизмы смыслообразования в современном рекламном дискурсе. Для достижения заявленной цели решаются следующие задачи: выявить и систематизировать основные типы визуальных прецедентных феноменов; определить функции интервизуальности, а также очертить этические границы и риски, связанные с данной стратегией.

От интертекстуальности к интервизуальности. Интертекстуальность – это фундаментальное свойство любого текста, заключающееся в его связи с другими текстами, это процесс формирования смысла сообщения через взаимодействие с предшествующими текстами. При этом культура, оставаясь текстоцентричной, становится всё более визуальной. Кино, телевидение, фотография, живопись, индустрия мемов, интерфейсы социальных сетей – всё это формирует общий визуальный фонд, своего рода «банк образов», общий для создателей контента и для аудитории. На этом фундаменте и возникает интервизуальность (или иконичность [11, с. 125]) как закономерное развитие идей интертекстуальности в ситуации «визуального поворота». Если интертекстуальность – это диалог между текстами, то интервизуальность – это система связей, диалог между изображениями, визуальными системами, иконическими кодами. Это сознательное или неосознанное цитирование, заимствование, аллюзия или пародия на визуальные произведения внутри нового визуального сообщения. Определим **интервизуальность в рекламе** как стратегический креативный приём, заключающийся во включении в визуальную структуру рекламного сообщения (статичного или динамичного) узнаваемых элементов, отсылающих к известным аудитории образам из сферы искусства, кино, фотожурналистики, попкультуры, в том числе рекламного дискурса, с целью активации у аудитории определённых культурных ассоциаций, эмоций и смы-

2025;11(4):1017-1033 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

слов, заложенных в оригинале, и переноса их на рекламируемый продукт.

Важными критериями интервизуальности как продуманного инструмента повышения эффективности рекламного продукта являются следующие:

1) стратегичность: это не случайное совпадение, а целенаправленный, продуманный маркетинговый ход;

2) узнаваемость целевой аудиторией: отсылка должны быть актуальна для потенциального потребителя продвигаемого продукта;

3) диалогичность: рекламное сообщение вступает в диалог с оригиналом, обыгрывает его актуальным для достижения поставленных целей образом;

4) перенос смыслов: главная цель обращения к прототексту – «заимствование» у исходного текста идеи, эмоции, статуса и т. п. и перенос их на товар/бренд.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужил корпус визуальных текстов современной рекламной коммуникации, отобранных по принципам репрезентативности и наличия в них признаков интервизуальности. В выборку вошли как статичные (печатная и цифровая реклама, постеры, билборды), так и динамичные (телевизионные и интернет-ролики) рекламные сообщения международных брендов (105 текстов). Ключевым критерием отбора стало наличие явной или имплицитной отсылки к узнаваемым визуальным претекстам из сферы высокого искусства (живопись, скульптура), кино, попкультуры и фотографии.

Методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем принципы семиотики, теории дискурса, интертекстуальных исследований. Для решения поставленных задач были применены следующие методы: 1) семиотический анализ использовался как основной инструмент для декодирования визуальных кодов рекламных сообщений; 2) интертекстуальный анализ был адаптирован для изучения специфики визуальных «диалогов»; 3) дискурс-анализ применялся для рассмотрения рекламного сообщения как элемента более широкого социокультурного дискурса, что позволило нам проанализировать, как бренд позиционирует себя в культурном поле, конструирует свои ценности и вступает в диалог с аудиторией; 4) сравнительно-сопоставительный метод послужил инструментом систематизации исследовательского материала (сравнение успешных и неоднозначных примеров применения интервизуальности); 5) культурно-исторический анализ способствовал интерпретации прецедентных визуальных феноменов в контексте их происхождения и устоявшихся культурных коннотаций.

Комплексное применение указанных методов обеспечило многоаспектный анализ интервизуальности как стратегии конструирования смыслов и формирования эмоционального фона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Визуальные прецедентные феномены в рекламном дискурсе. Прецедентные тексты представляют собой культурно значимые феномены, которые хорошо известны представителям определённого лингвокультурного сообщества и в силу этого актуальны для достижения цели формирования многомерного рекламного сообщения. Согласно исследованиям, прецедентные феномены включают имена, высказывания, тексты и ситуации, которые становятся «кристаллизаторами» культурных смыслов и ценностей. В рекламной коммуникации эти элементы выполняют роль смысловых концентраторов, позволяющих в сжатой форме передавать объёмные в смысловом отношении сообщения, опираясь на фоновые знания получателей. Прецедентные тексты формируют культурный тезаурус личности – систему знаний и представлений о мире, которые являются общими для носителей определённой культуры. Визуальные прецедентные феномены представляют собой особую категорию, основанную на интервизуальности – способности изображений отсылать к другим визуальным образам, создавая сложные межтекстовые связи.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Довольно часто, особенно в коммерческой рекламе (инструмент актуален и для социальной рекламы), можно встретить прецедентные имена из сферы живописи. С большим успехом рекламные кампании используют имена известных деятелей культуры и искусства, а также всемирно известные произведения живописи и скульптуры. Компания Samsung, известный производитель электроники, выпустила серию рекламных плакатов *«Для автопортретов. Не для селфи»* (рис. 1).

В качестве героев в рекламе изображены выдающиеся деятели живописи, знакомые практически каждому: Фрида Кало, Винсент Ван Гог, Альбрехт Дюрер. Выбор данных художников неслучаен: в ходе своей творческой деятельности данные живописцы создали множество автопортретов. Таким образом, копирайтеры решили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы заявить, что новая технология способна делать высокохудожественные фотографии, избавляя пользователей от необходимости писать собственные портреты, приравняв при этом фотографии к произведениям искусства.

В рекламных материалах прецедентное имя не всегда визуализировано – его можно встретить в виде вербального компонента. Мы полагаем, что такого рода интертекстуальные включения также можно отнести к визуальной интертекстуальности, поскольку использованные в рекламе прецедентные имена отсылают, как правило, не только к художнику, но и к его визуальным творениям. Так, рекламное агентство Instinct разработало для компании IKEA сообщение со слоганом *«Малевич отдыхает»* (рис. 2).

Рекламный плакат обладает ярко выраженной прагматической направленностью, что определяет выбор средств для представления рекламируемого товара. В данном случае происходит связь прецедентного имени *Малевич* в вербальной составляющей с изображением, отсылающим к одному из ключевых творений художника. «Чёрный квадрат» считается воплощением идеальных пропорций, поэтому, используя приём переноса, рекламисты представили подушку как вариант идеала пропорций, схожий с чёрным квадратом, тем самым подчеркнув, что рекламируемый товар близок к совершенству.

Рис. 1. Реклама фотоаппаратов Samsung
Fig. 1. Samsung camera advertisement

Источник: изображения взяты автором с сайта Fastory. URL: https://fastory.ru/design/advertising/2445-znamenitye-avtoportrety-v-stile-slefi.html.
Source: the images were taken by the author from the Fastory website. URL: https://fastory.ru/design/advertising/2445-znamenitye-avtoportrety-v-stile-slefi.html.

2025;11(4):1017-1033 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 2. Реклама IKEA
Fig. 2. IKEA advertisement

Рис. 3. Реклама шампуня Pantene
Fig. 3. Pantene shampoo advertisement

Источник: изображения взяты автором с сайтов Sostav. URL: https://www.sostav.ru/publication/reklama-po-trafaretu-iskusstva-6854.html; «Культурология.рф». URL: https://kulturologia.ru/blogs/110411/14305/.
Source: the images were taken by the author from the websites Sostav. URL: https://www.sostav.ru/publication/reklama-po-trafaretu-iskusstva-6854.html; "Kulturologia.ru" website. URL: https://kulturologia.ru/blogs/110411/14305/.

В роли универсально прецедентного имени, которое регулярно используется в рекламных материалах, выступает картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза» – глобальный прецедентный феномен, эталон утончённости, таинственности и непреходящей красоты. Подчеркнём, что данную картину можно рассматривать в двух плоскостях прецедентности: и как прецедентное имя, и как прецедентный текст. Так, бренд шампуня Pantene использовал образ Джоконды в своём рекламном сообщении (рис. 3): мы видим классический вариант интервизуальной стратегии, направленной на усиление бренда через ассоциацию с эталоном красоты, тайны, вечной ценности. Ключевые коннотации, которые бренд стремится «позаимствовать»: вневременность, совершенство, эталонность, тайна, притягательность.

При рассмотрении понятия прецедентного высказывания применительно к визуальному формату мы пришли к выводу: достаточно проблематично разграничить прецедентное высказывание и прецедентный текст, когда речь идёт о скульптурах или произведениях живописи. Более корректным нам представляется объединить эти прецедентные феномены термином прецедентного текста. Кроме того, прецедентный текст может актуализировать и прецедентную ситуации, значимую для декодирования метатекста. Так, известный японский производитель бытовой техники и электронных товаров "Panasonic" выпустил рекламный плакат, в котором использована прецедентная ситуация, связанная с автопортретом Винсента Ван Гога (рис. 4).

На плакате представлен художник с перевязанным ухом и клеем в руках – ситуация

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

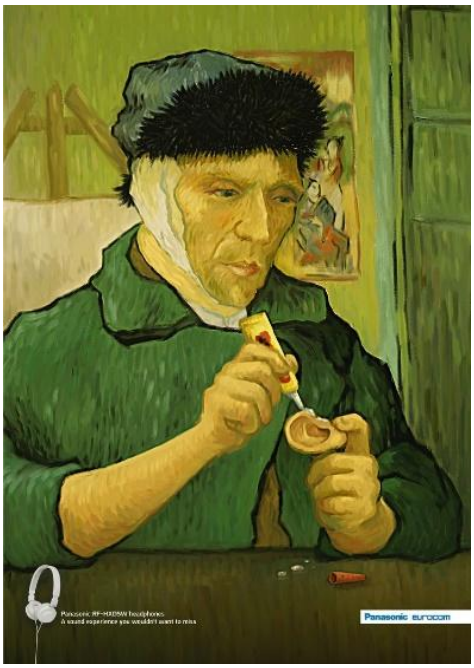

Рис. 4. Реклама наушников Panasonic
Fig. 4. Advertisement for Panasonic headphones

Рис. 5. Реклама кафе при музее Винсента Ван Гога
Fig. 5. Vincent van Gogh Museum cafe advertisement

Источник: изображения взяты автором с сайтов Pinterest. URL: https://pinterest.com/pin/panasonic-van-gogh—386042999294620529; Культурология.рф». URL: https://kulturologia.ru/blogs/060411/14273/.
Source: the images were taken by the author from the websites Pinterest. URL: https://pinterest.com/pin/panasonic-van-gogh—386042999294620529; "Kulturologia.ru". URL: https://kulturologia.ru/blogs/060411/14273/.

интерпретируется в новом, профанирующем контексте.

Когда мы говорим об использовании визуального прецедентного текста в качестве основы рекламного сообщения, мы имеем в виду не только прямую, но и косвенную цитацию. Реклама может содержать элементы аллюзии, которые проявляются через ассоциативные связи с исходным произведением, реализуемые посредством косвенных отсылок. В таком случае «узнавание» происходит благодаря намёкам на актуальные прецедентные элементы. Так, реклама кафе при музее Винсента Ван Гога в Амстердаме (рис. 5) ориентирована на целевую аудиторию ценителей произведений данного художника, поэтому вероятность корректного декодирования выше, чем в случае с апелляцией к массовому реципиенту. Сломанная ручка кружки отсылает нас к знаменитому автопортрету.

Интервизуальность в данном примере строится на обращении к прецедентному тексту – «Автопортрет с отрезанным ухом и трубкой» – и к прецедентной ситуации, предшествовавшей появлению картины. Реклама избегает прямолинейности, вовлекая реципиента в процесс декодирования и заставляя его задуматься. Безусловно, рекламное сообщение рассчитано на людей, знакомых с биографией художника и с его творчеством, – мы видим реализацию делимитативной функции интервизуальности. Использование неоднозначного прецедентного эпизода, его креативное осмысление делает рекла-

2025;11(4):1017-1033 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

му запоминающейся и провоцирует обсуждение в соцсетях. В данном тексте мы не видим спекуляции на трагедии: минимализм и отсутствие прямого изображения смягчает этот аспект. В целом данная реклама соответствует современным трендам арт-маркетинга, когда зритель становится соавтором смысла.

Ещё одним способом воздействия на потенциального потребителя в рекламных материалах является обращение к прецедентным приёмам (признакам) направления (стиля) искусства. Несмотря на то, что этот инструмент не относят к традиционным прецедентным феноменам, он всё-таки находит активное отражение в рекламных материалах и является эффективным способом воздействия на целевую аудиторию.

Определим **прецедентный признак стиля** (направления) в искусстве как уникальную, повторяющуюся и легко узнаваемую черту (приём, технику, сюжет, форму, колорит и т. д.), которая становится визитной карточкой, опознавательным знаком конкретного художественного стиля или направления. Наличие такого признака позволяет почти безошибочно атрибутировать направление искусства. Другими словами, это «фирменная особенность», благодаря которой мы можем сказать: «Это типичный импрессионизм» или «Это классический поп-арт». Выделим ключевые характеристики прецедентного признака:

1) уникальность: признак должен быть характерен именно для этого стиля и отличать его от других (например, дробные мазки для импрессионизма);

2) повторяемость: это не единичное явление, его используют многие художники, принадлежащие к данному направлению;

3) узнаваемость: признак позволяет быстро идентифицировать стиль.

Использование прецедентных признаков художественных стилей в рекламе становится мощным инструментом визуальной коммуникации, который позволяет доносить сложные идеи, вызывать нужные эмоции и ассоциации у целевой аудитории. Эффективность данного подхода определяется тем, что стили искусства являются частью культурного кода, несут в себе ряд смыслов, которые бренд может «позаимствовать», чтобы таким образом сообщить о своих ценностях. Художественные стили несут в себе эмоциональные паттерны эпох, которые вызывают у потребителей соответствующие эмоции – от ностальгии до восхищения.

Существует множество направлений живописи, но в рекламе используются преимущественно самые известные и узнаваемые. Так, довольно часто в рекламной практике можно встретить применение копирайтерами мотивов и стилистических приёмов, характерных для сюрреализма. Это связано с тем, что этот стиль живописи позволяет создавать эмоционально насыщенные и запоминающиеся рекламные образы. Рекламисты, обращаясь к техникам сюрреализма, зачастую черпают вдохновение в картинах известных художников данного направления или создают свои собственные работы, основываясь на эстетических принципах указанного художественного стиля.

Так, в рекламной кампании “KitchenAid” основная идея заключалась в том, чтобы показать, как “KitchenAid” превращает приготовление пищи в искусство, по аналогии с тем, как это делали разные художественные движения. В рамках кампании были созданы принты, на которых миксер KitchenAid был помещён в контекст различных направлений искусства, таких как поп-арт, ар-нуво, ар-деко, модернизм и сюрреализм. Сюрреализм, в частности, был призван сделать акцент на том, что приготовление пищи – это способ художественного самовыражения (рис. 6): «Сюрреалисты превращали сны в искусство. А до этого KitchenAid делал то же самое на кухне: превращал рецепты в шедевры».

Рекламисты подчёркивали таким образом, что представленный бренд не просто использует искусство для привлечения внимания, но и позиционирует себя как часть художественного процесса. Рассматриваемая реклама использует комплекс прецедентных приёмов сюрреализма: сновидческая эстетика и символика, сочетание несочетаемого, метаморфозы и двойные образы, деконтекстуализация (помещение обычного объекта в абсурдный, порой шокирующий контекст).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 6. Реклама KitchenAid
Fig. 6 . KitchenAid advertisement

Рис. 7. Реклама автомобилей Mazda
Fig. 7. Mazda car advertisement

Источник: изображения взяты автором с сайтов Behance. URL: https://www.behance.net/gallery/28100021/Kitchen-Aid-Modern-Art; Sostav. URL: https://www.sostav.ru/news/2006/04/13/r6/.
Source: the image was taken by the author from the websites Behance. URL: https://www.behance.net/gallery/28100021/Kitchen-Aid-Modern-Art; Sostav. URL: https://www.sostav.ru/news/2006/04/13/r6/.

Утрирование используемых предметов на плакате позволяет подчеркнуть отличительные черты рекламируемого товара, а специфическое оформление в необычном контексте помогает выделить уникальность товара и сделать рекламу более привлекательной для потребителя. Однако сложность такого взаимодействия заключается в том, что не все зрители способны правильно интерпретировать рекламный сюжет, так как не каждый интересуется искусством и может распознать отличительные черты сюрреализма. В целом, однако, в рекламной кампании “KitchenAid” грамотно используются прецедентные приёмы сюрреализма не как простое украшение, а как смыслообразующий каркас. Реклама действует по тем же законам, что и искусство Дали: деформирует привычную реальность (кухню), чтобы раскрыть её скрытую, поэтическую сущность. Приёмы работают на нескольких уровнях: на визуальном (создают яркий, запоминающийся образ, привлекающий внимание); на семантическом (наделяют продукт глубокими культурными коннотациями, ассоциируя его с творчеством, свободой и искусством); на маркетинговом (позволяют бренду позиционировать себя в премиальном сегменте, обращаясь к аудитории, ценящей не только функциональность, но и эстетику).

Ещё одно направление, которое успешно взаимодействует с рекламой, – это *поп-арт*, отличающийся ярким и провокационным характером и сочетающий в себе элементы иронии и массовой культуры, что выделяет его среди традиционных рекламных подходов. Помимо этого, такие рекламные материалы строятся на обилии цветовых сочетаний, которые, несомненно, привлекают внимание и выделяют данный продукт, делая его уникальным и запоминающимся среди конкурентов.

Ярким примером является рекламный проект «Mazda-шедевр», в котором были использованы стилистические решения и идеи известного представителя поп-арта Энди Уорхола и, в частности, его картины «Застреленные Мэрилин» (рис. 7).

Оригинальное изображение состоит из четырёх полотен, созданных методом трафаретной печати. Однако рекламная кампания Мазда увеличила количество полотен и создала авторское изображение, основанное на принципах поп-арта, используя собственные рекламные объекты. Ключевые элементы поп-арта (использование массовой культуры

2025;11(4):1017-1033 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

и потребительских образов, яркие и контрастные цвета, повторяющиеся образы) превращают рекламу из простого инструмента продаж в культурный артефакт, продолжающий традиции поп-арта в современном медиапространстве. Аналогичный пример использования поп-арта можно увидеть в рекламе Orbit (рис. 8).

Прецедентные приёмы кубизма встречаются в рекламных сообщениях значительно реже, чем сюрреализм, поп-арт. Специфические характеристики и сложность восприятия делают данное направление менее частотным и более сложным в реализации. Прецедентные приёмы кубизма в рекламе фитнес-центра, в частности, занятий по йоге (рис. 9), удачно перекликаются с тематикой, поскольку обе сферы характеризуются акцентом на геометрию форм и пластику движений. Прецедентные приёмы кубизма, использованные в данном рекламном сообщении: дробление объектов на геометрические формы, ограниченная цветовая палитра, показ несколько точек зрения одновременно (множественные перспективы) – позволяют данному рекламному сообщению выделиться в информационном потоке.

Таким образом, использование прецедентных приёмов художественных направлений в качестве инструмента интервизуальности помогает создавать глубокие многомерные сообщения, которые резонируют с аудиторией на культурном и эмоциональном уровнях.

Интервизуальность как рекламная стратегия: функции и цели. Очевидно, что функциональность интервизуальности соотносится с преимуществами интертекстуальности как креативного механизма [16], однако конкретизируем причины обращения рекламистов к визуальной интертекстуальности применительно к рекламному дискурсу.

1. Функция привлечения внимания и преодоления «баннерной (рекламной) слепоты». В потоке однообразной рекламы изображение, отсылающее к знакомому визуальному коду, способно «зацепить взгляд»

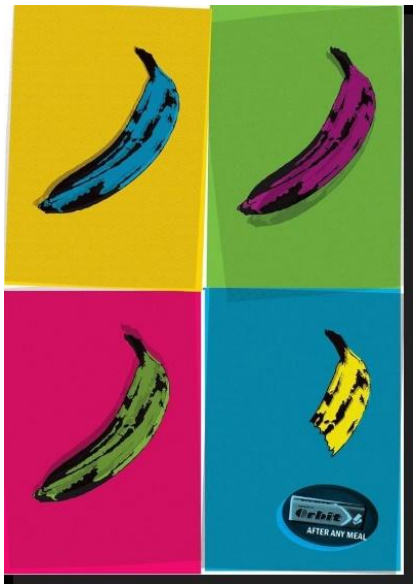

Рис. 8. Реклама Orbit
Fig. 8. Orbit advertisement

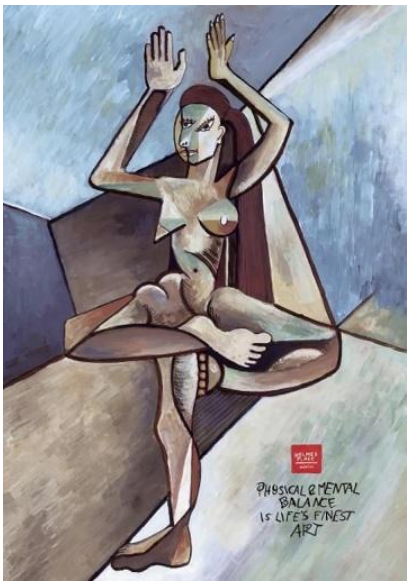

Рис. 9. Реклама фитнес-центра
Fig. 9. Fitness center advertisement

Источник: изображения взяты автором с сайтов: Sostav. URL: https://www.sostav.ru/publication/reklama-po-trafaretu-iskusstva-6854.html; Tiqets URL: https://www.tiqets.com/blog/famous-art-in-advertisements/.
Source: the images were taken by the author from the websites: Sostav. URL: https://www.sostav.ru/publication/reklama-po-trafaretu-iskusstva-6854.html; Tiqets. URL: https://www.tiqets.com/blog/famous-art-in-advertisements/.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

реципиента: кажется, что-то знакомое, но не совсем. При этом узнавание претекста, как правило, доставляет интеллектуальное удовольствие.

2. Функция смыслообразования. Удачно обыгранный визуальный образ позволяет «сэкономить» рекламное время и пространство, передать больший объём информации меньшим количеством знаков. Интервизуальность позволяет лаконично сформулировать и передать сложный комплекс идей, ценностей, эмоций.

3. Функция формирования брендовой идентичности. Посредством интервизуальных отсылок бренд стремится занять определённое место в культурном поле. В частности, ассоциируя себя с высоким искусством, бренд позиционируется как элитарный, утончённый, вечный; обращаясь к визуалу комиксов или видеоигр, он говорит на языке молодёжи, подчёркивает свою динамичность и современность. Это своего рода стратегия «культурного багажа»: бренд заимствует авторитет и смыслы у признанных культурных феноменов.

4. Делимитативная функция: точечное попадание в целевую аудиторию. Благодаря интервизуальности бренд может вести очень точный и эффективный диалог с конкретной субкультурой, говоря на её языке.

5. Виральность, создание новостного повода: яркая, интересная визуальная отсылка сама по себе становится предметом обсуждения в профессиональных сообществах, пабликах, что обеспечивает определённый медиаэффект.

6. Функция эстетизации: реклама, построенная на интервизуальной стратегии, благодаря высокохудожественному прототексту, сама становится своего рода арт-объектом, предлагая реципиенту не только купить товар, но и получить эстетическое удовольствие. Это работает и на преодоление отторжения к рекламе, смягчает прямое рекламное давление и превращает коммерческое сообщение в акт культурного потребления.

Риски и этические границы интервизуальности. Несмотря на свою эффективность, интервизуальная стратегия сопряжена с определёнными рисками. Самый очевидный из них – риск непрочтения аудиторией, поэтому выбор претекста должен соответствовать культурному багажу целевой аудитории [11, с. 136].

Более подробно хотелось бы остановиться *на этических ограничениях*, связанных с риском обвинений в профанации, вульгаризации, нарушении рекламного законодательства.

Рекламные сообщения нацелены на привлечение внимания потребителя, поэтому зачастую произведения искусства подвергаются различного рода модификациям.

Рассмотрим пример рекламы фармацевтической компания Pfizer, которая использовала в сообщении образ Ван Гога. Основная концепция рекламы заключалась в том, чтобы показать, что лечение может помочь людям с психическими заболеваниями жить полноценной жизнью и творчески реализовываться (рис. 10).

Данный пример применения визуального прецедентного текста вызвал много споров и критики со стороны общества. Одной из причин недовольства стал тот факт, что реклама, продвигавшая лекарство от шизофрении, эксплуатировала образ Ван Гога для коммерческих целей, делая акцент на ментальных проблемах известного художника. В результате реклама препарата была воспринята как некорректное использование культурного наследия и нарушение этических норм.

Ещё один пример использования образа Винсента Ван Гога можно найти в рекламе пейнтбольного клуба PentClub. На рекламном плакате представлен автопортрет художника с имитацией выстрела в голову красящим шариком – атрибутом игры в пейнтбол (рис. 11).

Такого рода апелляция к произведению искусства позволяет интерпретировать рекламу как призыв, пусть и не прямой, к насилию, как символ агрессии.

Среди наиболее популярных произведений, к которым рекламодатели обращаются чаще всего, отметим работы художников эпохи Возрождения и отражённые в этих картинах известные библейские мотивы. Так, реклама инсектицида Mortein базируется на образах с картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» (рис. 12). Такого рода трансформация, безусловно, неприемлема с точки зрения норм

2025;11(4):1017-1033 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

этики и морали, воспринимается как кощунственная, поскольку затрагивает религиозные чувства. Данный пример можно трактовать как форму рекламного эпатажа, однако такого рода провокация может привести не к росту продаж, а к бойкоту продукта. Религиозная профанация и культурный шок – частые причины запрета неэтичной рекламы.

Рис. 10. Реклама препарата Zeldox
Fig. 10. Zeldox advertisement

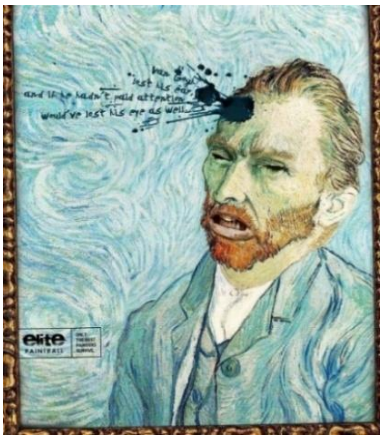

Рис. 11. Реклама пейнтбольного клуба PentClub
Fig. 11. PentClub paintball club advertisement

Источник: изображения взяты автором с сайтов: «Культурология.рф». URL: https://kulturologia.ru/blogs/060411/14273/; Pinterest. URL: https://www.pinterest.com/pin/pinterest--371124825516444897/.
Source: the images were taken by the author from the websites: "Kulturologia.ru" URL: https://kulturologia.ru/blogs/060411/14273/; Pinterest. URL: https://www.pinterest.com/pin/pinterest--371124825516444897/.

Рис. 12. Реклама крысиного яда Mortein
Fig. 12. Mortein rat poison advertisement

Источник: изображение взято автором с сайта Sostav. URL: https://www.sostav.ru/news/2007/09/18/zar4/.
Source: the image was taken by the author from the Sostav website. URL: https://www.sostav.ru/news/2007/09/18/zar4/.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 13. Реклама бренда Benetton
Fig. 13. Benetton advertisement
Источник: изображение взято автором с сайта Pinterest. URL: https://ru.pinterest.com/vlajapop/my-corner/.
Source: the image was taken by the author from the Pinterest website. URL: https://ru.pinterest.com/vlajapop/my-corner/.

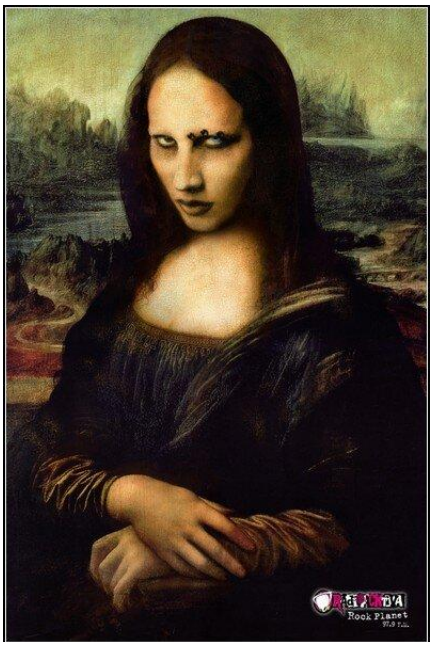

Рис. 14. Реклама радиостанции Radioactiva
Fig. 14. Radio station Radioactiva advertisement
Источник: изображение взято автором с сайта «Культурология.рф». URL: https://kulturologia.ru/blogs/110411/14305/.
Source: the image was taken by the author from the: "Kulturologia.ru" website. URL: https://kulturologia.ru/blogs/110411/14305/.

Реклама бренда Benetton также вызвала большой скандал и общественный протест со стороны верующих: на постере изображены целующиеся священник и монахиня (рис. 13).

В качестве прототекста была выбрана знаменитая картина Рене Магритта «Влюблённые». С одной стороны, как мы отмечали выше, интервизуальность вполне может быть инструментом формирования идентичности бренда, и в данном случае стремление выделиться на фоне традиционной рекламы привело Benetton к использованию эпатажных, шокирующих образов, в том числе интертекстуально нагруженных. С другой, эксплуатация «чувствительных тем», в том числе связанных с религией, неизбежно ведёт к рискам и потерям: судебным искам и бойкотам.

Хотелось бы также отметить ещё один риск, связанный с использованием интервизуальной стратегии, – снижение оригинальности. Как бы парадоксально это ни звучало, ориентированная на креативность и выделение из информационного потока, интервизуальность может быть банальной и типовой. Кроме того, на фоне визуального шедевра сама реклама может превратиться в белый шум, лишиться собственного голоса, бренд может потеряться в чужих образах, так и не создав свою уникальную идентичность.

Собранный нами материал позволяет отметить высокую частотность обращения рекламистов к нескольким, наиболее известным, визуальным прототекстам, которые регулярно становятся источником различных трансформаций. Так, объектом многочисленных модификаций, пародий и интерпретаций является знаменитая картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Частотность обращения к данному визуальном прототексту приводит порой к агрессивным провокативным трансформациям для того, чтобы выделиться и запомниться. Так, рекламное агентство Ade разработало для радиостанции Radioactiva плакат, на котором представлена визуальная трансформация образа Джоконды (рис. 14).

В рассматриваемой рекламе портрету Моны Лизы приданы черты американского рок-исполнителя М. Мэнсона. Такой приём слияния различных культурных образов стал слишком провокационным для широкой об-

2025;11(4):1017-1033 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

щественности и вызвал неоднозначную реакцию у окружающих.

Помимо живописи, в рекламных сообщениях авторы часто эксплуатируют знаменитые объекты скульптуры. Примером такого подхода служит реклама компании по производству сантехники Keramin со слоганом *«Новый источник вдохновения»*. Прототекстом для данного рекламного материала послужила скульптура знаменитого деятеля культуры Огюста Родена – «Мыслитель» (рис. 15).

Можно предположить, что визуальное «цитирование» скульптуры представляет собой маркетинговый ход, используемый для контраста между возвышенным образом философа и прозаичностью предмета быта, для ассоциирования продукции с вечными ценностями: долговечностью, красотой и мастерством.

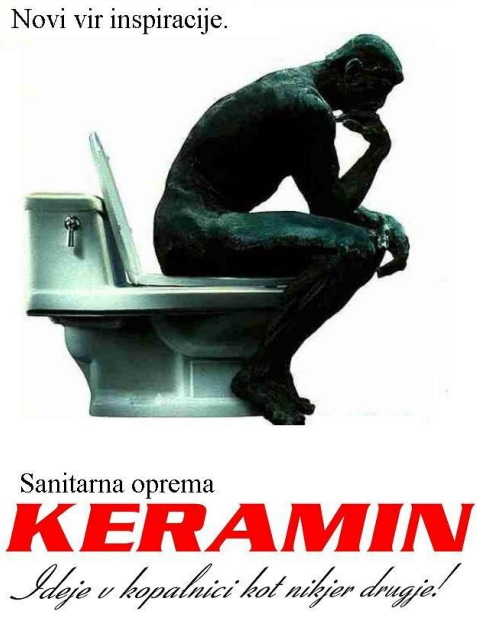

Рис. 15. Реклама сантехники Keramin
Fig. 15. Keramin advertisement
Источник: изображение взято автором с сайта «Артгид». URL: https://artguide.com/posts/617?page=9.
Source: the image was taken by the author from the "Artguide" website. URL: https://artguide.com/posts/617?page=9.

Вместе с тем использование искусства в подобном контексте может вызвать неоднозначную реакцию, аудитория может увидеть в этом вульгаризацию искусства Родена. Однако если реклама сделана с уважением к первоисточнику, она может, наоборот, популяризовать искусство среди массовой аудитории, обеспечивать эстетизацию рекламного сообщения.

В качестве ещё одного неоднозначного примера можно привести рекламу американской компании ArmaLite, производящей стрелковое оружие, которая выпустила рекламный плакат с изображением скульптуры Микеланджело «Давид».

На плакате представлена скульптура Давида, держащего в руках огнестрельное оружие. Министр культуры Италии Дарио Франческини потребовал немедленно удалить рекламу, поскольку она оскорбляет общественность и нарушает закон[1].

Очевидно, что компания ArmaLite сознательно использовала провокацию и культурный шок для привлечения внимания к своей продукции, что является рискованной, но вполне объяснимой стратегией в перенасыщенном медиапространстве. Скандал получил широкое освещение в мировых СМИ, что, с одной стороны, усилило воздействие рекламы, но с другой – нанесло ущерб репутации компании в международном контексте, особенно в Европе. Этот пример демонстрирует этическую дилемму между правом на свободу творчества в рекламе и уважением к культурному наследию и национальным чувствам других народов. В данном случае мы видим пример рискованного маркетинга, перешедшего границы этической и правовой допустимости: компания столкнулась с юридическими претензиями со стороны итальянского государства, репутационными рисками в международном пространстве, обвинениями в неуважении к культурному наследию.

[1] В Италии недовольны американской рекламой с вооружённым «Давидом» Микеланджело // Газета.Ru. 08.03.2014. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2014/03/08/n_6000525.shtml (дата обращения: 12.06.2025).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ВЫВОДЫ

Таким образом, интервизуальность представляет собой многогранную стратегию конструирования смыслов в современной рекламной коммуникации. Возникнув как закономерное развитие интертекстуальности в условиях «визуального поворота», она позволяет креаторам выстраивать сложные диалоги между изображениями, привлекая культурные коды, узнаваемые образы и художественные стили. Это способствует преодолению «рекламной слепоты» и привлечению внимания аудитории, позволяет передавать глубокие смыслы, формировать уникальную брендовую идентичность и точечно воздействовать на целевую аудиторию.

Однако использование интервизуальности сопряжено с серьёзными рисками, среди которых – возможность неверной интерпретации, этические нарушения, обвинения в профанации культурного наследия. Успешность данной стратегии напрямую зависит от уместного выбора визуального претекста, его соответствия знаниям аудитории и уважительного отношения к исходному произведению. Как представляется, в перспективе интервизуальность будет оставаться актуальным инструментом, особенно в условиях растущей визуальной насыщенности медиасреды и повышения медиаграмотности потребителей.

Список источников

1. *Сергеева Н.А., Пашова Э.В., Бородина М.А.* Визуальный поворот в культуре и его отражение в современном искусстве // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 1. С. 84-100, https://elibrary.ru/nqqeri
2. *Воеводина Л.Н.* Визуальный поворот и новые культурные практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 3 (113). С. 97-103. http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-97-103, https://elibrary.ru/waxjhc
3. *Kot H.M., Levchenko O.G., Kravchenko T.O., Musiienko O.S., Hrubych K.V.* Problems of intertextuality in audio-visual arts // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2021. Vol. 13. № 1. P. 1-11. https://doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.03, https://elibrary.ru/itggwg
4. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. Москва: РОССПЭН, 2004. 656 с.
5. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика; Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
6. *Genette G.* Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris: Editions du Seuil, 1982. 468 p.
7. *Alqaisi E.* Visual intertextuality as a backbone of political cartooning: homogenous and heterogeneous visual juxtaposition // The Grove. Working Papers on English Studies. 2024. Vol. 31. e8643. https://doi.org/10.17561/grove.v31.8643, https://elibrary.ru/xziroz
8. *Gearhart Sh., Zhang B., Perlmutter D., Lazic G.* Visual internextuality theory: exploring political communication and visual internextuality through meme wars // Handbook of Visual Communication: Theory, Methods, and Media. New York: Routledge, 2020. P. 367-379. https://doi.org/10.4324/9780429491115-34
9. *Анисимова Т.В., Чубай С.А.* Интертекстуальность как средство выразительности в дискурсе социальной рекламы // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 482-495. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-495, https://elibrary.ru/neqmyw
10. *Хрипля Т.С.* Приёмы интертекстуальности в социальной рекламе о «китайской мечте» // Коммуникативные исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 106-118. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-49510.24147/2413-6182.2025.12(1).106-118, https://elibrary.ru/krjsuz
11. *Анисимова Т.В., Чубай С.А.* Прецедентные тексты как средство повышения эффективности социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22. № 2. С. 122-139. https://doi.oig/10.15688/тгоки2.2023.2.10, https://elibrary.ru/gtjvgz
12. *Анисимова Т.В.* Роль произведений искусства в дискурсе социальной рекламы // Евразийский союз учёных. 2020. Т. 4. № 10 (79). С. 33-40. https://doi.oig/10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.79.1061, https://elibrary.ru/mgenxg
13. *Рябова М.Э.* Средства репрезентации интертекстуальности в поликодовых медиатекстах на примере немецкоязычной нативной рекламы // Litera. 2025. № 6. С. 127-137. https://doi.oig/10.25136/2409-8698.2025.6.74803, https://elibrary.ru/wyblvy

2025;11(4):1017-1033 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

14. *Мейстер Г.И.* Интертекстуальность в современном маркетинговом тексте // Филология и культура. 2025. № 2 (80). С. 48-55. https://doi.oig/10.26907/2782-47562025-80-2-48-55, https://elibrary.ru/wnpfqu
15. *Кравченко М.А.* Отражение метаязыковой рефлексии в современной рекламе, или когда метатекст важнее текста // Litera. 2023. № 4. С. 118-130. https://doi.oig/10.25136/2409-8698.2023.4.37948, https://elibrary.ru/wrqxse
16. *Терских М.В.* Интертекстуальность как инструмент создания креативной рекламы // Научный диалог. 2019. № 10. С. 232-248. https://doi.oig/10.24224/2227-1295-2019-10-232-248, https://elibrary.ru/jdksni

References

1. Sergeeva N.A., Pashova E.V., Borodina M.A. Visual turn in culture and its reflection in contemporary art. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2024, vol. 17, no. 1, pp. 84-100, (In Russ.) https://elibrary.ru/nqqeri
2. Voevodina L.N. Visual turnaround and new cultural practices. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2023, no. 3 (113), pp. 97-103. (In Russ.) http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-97-103, https://elibrary.ru/waxjhc
3. Kot H.M., Levchenko O.G., Kravchenko T.O., Musiienko O.S., Hrubych K.V. Problems of Intertextuality in Audio-Visual Arts. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 1-11. https://doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.03
4. Kristeva Yu. *Selected Works: The Destruction of Poetics*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 656 p. (In Russ.)
5. Bart R. *Selected Works: Semiotics; Poetics*. Moscow: Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.)
6. Genette G. Palimpsestes. *La Littérature au Second Degré*. Paris: Editions du Seuil, 1982, 468 p. (In French)
7. Alqaisi E. Visual Intertextuality as a Backbone of Political Cartooning: Homogenous and Heterogeneous Visual Juxtaposition. *The Grove. Working Papers on English Studies*, 2024, vol. 31, e8643. https://doi.org/10.17561/grove.v31.8643, https://elibrary.ru/xziroz
8. Gearhart Sh., Zhang B., Perlmutter D., Lazic G. Visual Internextuality Theory: Exploring Political Communication and Visual Internextuality through Meme Wars. *Handbook of Visual Communication: Theory, Methods, and Media*. New York, Routledge, 2020, pp. 367-379. https://doi.org/10.4324/9780429491115-34
9. Anisimova T.V., Chubai S.A. Intertextuality as a means of expression in the discourse of social advertising. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 482-495. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-495, https://elibrary.ru/neqmyw
10. Khriplya T.S. Intertextuality techniques in public service announcement about the "Chinese Dream". *Kommunikativnye issledovaniya = Communication Studies*, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 106-118. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-49510.24147/2413-6182.2025.12(1).106-118, https://elibrary.ru/krjsuz
11. Anisimova T.V., Chubai S.A. Precedent texts as a means of increasing the efficiency of social advertising. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 122-139. (In Russ.) https://doi.oig/10.15688/tgoki2.2023.2.10, https://elibrary.ru/gtjvgz
12. Anisimova T.V. The role of works of art in the discourse of social advertising. *Evraziiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2020, vol. 4, no. 10 (79), pp. 33-40. (In Russ.) https://doi.oig/10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.79.1061, https://elibrary.ru/mgenxg
13. Ryabova M.E. Means of representing intertextuality in multimodal media texts based on the example of German-language native advertising. *Litera*, 2025, no. 6, pp. 127-137. (In Russ.) https://doi.oig/10.25136/2409-8698.2025.6.74803, https://elibrary.ru/wyblvy
14. Meister G.I. Intertextuality in contemporary marketing text. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2025, no. 2 (80), pp. 48-55. (In Russ.) https://doi.oig/10.26907/2782-47562025-80-2-48-55, https://elibrary.ru/wnpfqu
15. Kravchenko M.A. Metalanguage reflection in modern advertising, or when metatext is more important than text. *Litera*, 2023, no. 4, pp. 118-130. (In Russ.) https://doi.oig/10.25136/2409-8698.2023.4.37948, https://elibrary.ru/wrqxse

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1017-1033
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

16. Terskikh M.V. Intertextuality as a tool for creative advertising. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2019, no. 10, pp. 232-248. (In Russ.) https://doi.oig/10.24224/2227-1295-2019-10-232-248, https://elibrary.ru/jdksni

Информация об авторе

ТЕРСКИХ Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация, SPIN-код: 5807-3105, РИНЦ AuthorID: 450263, Scopus Author ID: 57195804163, https://orcid.org/0000-0003-0127-6917, terskihm@mail.ru

Поступила в редакцию 28.09.2025
Поступила после рецензирования 20.10.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Marina V. Terskikh, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, SPIN-code: 5807-3105, RSCI AuthorID: 450263, Scopus Author ID: 57195804163, https://orcid.org/0000-0003-0127-6917, terskihm@mail.ru

Received 28.09.2025
Revised 20.10.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

2025;11(4):1034-1043 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8.13
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1034-1043
Шифр научной специальности 5.9.3

Вариативность эпического исполнения: *жыршы* между традицией и креативностью

Берик Мырзалиевич Жусупов
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева
720026, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Раззакова, 51
nurgaziza@mail.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Опираясь на труды русской школы фольклористики XIX века (В.В. Радлова, П.Н. Рыбникова, А.Ф. Гильфердинга и др.) и исследования XX века (Б.Н. Путилова), рассмотрено взаимодействие сказителя эпического текста (жыршы) в контексте вариативности устной казахской традиции. Цель исследования – выявить и проанализировать особенности взаимодействия сказителя и эпического текста в контексте вариативности исполнения, а также проследить эволюцию научных подходов к этой проблеме в казахском эпосоведении. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования послужили теоретико-практические изыскания в области казахского эпосоведения. Для выявления вариативности эпических текстов использовался сопоставительно-исторический метод, позволяющий выявить условия вариативности изучаемого объекта и описательный метод, представленный приёмами анализа и сопоставления. Методология включает анализ научной литературы и сопоставление российского и казахстанского опыта. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Сопоставительное изучение вариативности эпического исполнения *жыршы* в традиционном аспекте и в креативном исполнения помогает раскрыть отношение сказителя к миру и человеку, способствует отражению культурных и исторических национальных реалий. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Перспективы дальнейших научных разработок должны быть направлены на изучение механизмов вариативности эпического исполнения повествования традиционной национальной культуры как уникального ментального пространства.

Ключевые слова: фольклористика, эпос, эпическая традиция, креативность, сравнительное эпосоведение, сказитель, жыршы

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Б.М. Жусупов – разработка концепции исследования, поиск и анализ научной литературы, обобщение опыта исследователей, сбор, анализ и описание фактического материала, написание черновика рукописи, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Жусупов Б.М.* Вариативность эпического исполнения: жыршы между традицией и креативностью // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1034-1043. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1034-1043

© Жусупов Б.М., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1034-1043
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1034-1043
OECD 6.02; ASJC 1208

Variability in epic performance: *zhyrshy* between tradition and creativity

Berik Myrzalievich Zhusupov
Kyrgyz State University named after I. Arabaev
51 Razzakov St., Bishkek, 720026, Kyrgyz Republic
nurgaziza@mail.ru

Abstract
INTRODUCTION. Based on the works of the 19th-century Russian school of folkloristics (V.V. Radlova, P.N. Rybnikova, A.F. Hilferding and others) and 20th century research (B.N. Putilov), the interaction of the epic text narrator (zhyrshy) is examined within the context of the variability of the oral Kazakh tradition. The aim of the study is to identify and analyze the specific features of the interaction between the storyteller and the epic text in the context of performance variability, and to trace the evolution of scientific approaches to this problem in Kazakh epic studies. MATERIALS AND METHODS. The research material consisted of theoretical and practical studies in the field of Kazakh epic studies. To identify the variability of epic texts, a comparative historical method was used, which makes it possible to identify the conditions for the variability of the object under study and a descriptive method represented by the techniques of analysis and comparison. The methodology includes analysis of scientific literature and comparison of Russian and Kazakh experience. RESULTS AND DISCUSSION. A comparative study of the variability of the epic performance by zyrshy in the traditional aspect and in creative performance helps to reveal the storyteller's attitude towards the world and humanity, and helps to reflect national cultural and historical realities. CONCLUSION. Prospects for further scientific research should be directed towards the study of the mechanisms of variability in the epic performance of the narrative within traditional national culture as a unique mental space.

Keywords: folkloristics, epic, epic tradition, creativity, comparative epic studies, storyteller, zyrshy

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: B.M. Zhusupov – research concept development, scientific literature research and analysis, generalization of researchers' experience, data collection, analysis and description, writing – original draft preparation, manuscript editing.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Zhusupov, B.M. Variability in epic performance: zhyrshy between tradition and creativity. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1034-1043. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1034-1043

ВВЕДЕНИЕ

Термин «жыршы» означает «исполнитель» народных эпических произведений в традиции кочевых народов, особенно казахов. Жыршы совмещал в себе роль акына, композитора и артиста. В эпической традиции жыршы выступал как исполнитель и импровизатор сказаний и эпосов под музыкальное сопровождение (домбра или кобыз), он обладал глубокими знаниями истории и культуры своего народа и высокой свободой креативного самовыражения.

К известным казахским жыршы (исполнителей эпосов – жыр) относятся «Кашаган, Саттыгул, Тумен, Сугир, Ибраим и др., которые не так давно, в советский период, смогли сохранить и донести до нас образцы древних

2025;11(4):1034-1043 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

эпосов (жыр)» [1, с. 99]. Б.И. Нурдаулетова подчёркивает: «В труде В. Радлова, В. Владимирцова, В. Веселовского говорится о том, что кара киргизы и казахские жыршы «исполняли свои произведения с помощью особой силы». Исполнитель «Манаса» кара киргизов подчёркивает: «Я говорю только по велению Бога. Я пою только то, что Бог вложит в мои уста. Никакой эпос я не заучивал наизусть, песня сама вливалась в мои уста…» [1, с. 101].

Русский фольклорист А.Ф. Гильфердинг, глубоко изучавший творчество сказителей былин, сохранившееся на Севере России, одним из первых отметил, как по-разному былины запоминаются, передаются и переосмысливаются исполнителями. Основываясь на собственных наблюдениях и анализе записанных текстов, он подчеркнул важность индивидуальных творческих черт сказителей, зачастую неосознаваемых ими самими. Так, например, он указывает, что В.П. Щеголёнок – один из ярких представителей олонецкой традиции – нередко усложнял структуру былин, добавляя в них мотивы и эпизоды из других произведений, а также стремился объединять различные сюжетные линии [2, с. 6].

Жыршы в своих исполнениях выступает хранителем исторической памяти и культурной идентичности. Благодаря этому историзм в языке жыршы помогает передавать особенности и ценности прошлых эпох, сочетая историческую точность с художественным выражением.

В российском эпосоведении много вопросов, которые считаются открытыми, в частности историзм русского эпоса, то есть вопрос о том, как «выстраивается историческое знание в эпосе» [3, с. 66], несмотря на то, что проблема былинного историзма понималась ещё в работах В.Я. Проппа, Б.А. Рыбакова, В.Ф. Миллера.

В казахском эпосоведении учёные Д.А. Функ [4], Т.А. Уалиев, А.К. Кушкумбаев поднимают вопрос об изучении казахских вариантов преданий об Идегее [5], Ш.Н. Бердиханова рассматривает вопросы генезиса понятия жырау/жырлау и исполнительской практики [6], Н.С. Камарова исследует роль казахского эпоса в современной образовательной практике (в контексте живой рецепции исполнителя) [7].

А.С. Булдыбай, дифференцируя произведения, относящиеся к творчеству жыршы, определил наиболее актуальные аспекты исследования. Во-первых, определить тип эпических певцов, раскрыть эволюцию их формирования и развития. Во-вторых, определить место жыршы в художественной культуре народа, тем самым дифференцировать вклад каждого сказителя в эту культуру. В-третьих, выявить сказительские школы, показать репертуарные, музыкальные, исполнительские особенности каждой из них. В-четвёртых, оценить основной фактор в формировании репертуара, конкретизируя традиционные методы обучения пению. В-пятых, провести различие между традицией и импровизацией, сравнивая несколько вариантов эпической поэмы, записанных у одного жыршы.

Однако А.С. Булдыбай не стал глубоко вникать в проблему эпического певца и эпического текста – в работе этому вопросу отведена лишь одна глава. Поэтому понятно, что рассмотренные в ней позиции не могли в полной мере охватить креативные и репродуктивные качества эпического сказительства [8].

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности взаимодействия сказителя и эпического текста в контексте вариативности исполнения, а также проследить эволюцию научных подходов к этой проблеме в казахском эпосоведении.

За последние 70 лет сказительские традиции в Средней Азии, как и в Казахстане, претерпели существенные изменения. Хотя эпическое искусство полностью не исчезло, неоспоримым фактом является то, что его развитие замедлилось, и оно адаптировалось к современным течениям, изменив свой облик. Основываясь на новых данных, представляется нецелесообразным обратиться к рассмотрению творчества жыршы для сохранения национальной идентичности, духовных и культурных ценностей, поскольку они являются источником знаний о жизни и взглядах казахского народа в прошлом.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1034-1043
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили теоретико-практические изыскания в области казахского эпосоведения. Использовался сопоставительно-исторический метод, позволяющий выявить и сопоставить уровни вариативности изучаемого объекта; описательный метод, представленный анализом научной литературы в области российского и казахского эпосоведения как народоведческой науки и фольклористики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В российском и зарубежном эпосоведении проблема сказителя и сказительского искусства рассматривалась лишь во вторую очередь – после вопроса о происхождении, истории, содержании, художественности эпоса. Крайне редко фиксирование текстов связывали с такими вопросами, как изучение личности певца, его отношение к собственному репертуару, освоение эпоса, особенности исполнения, варьирование и интерпретация. Загруженность исследователя после записывания новых песен не давала возможности подольше пообщаться со сказителем, понаблюдать за процессом вблизи, глубоко исследовать его творчество и сделать полноценные выводы. Таким образом, изучение искусства сказителей основывалось не на практических материалах, а на проверке текстов после их фиксирования. Иными словами, жыршы и его творческая лаборатория редко становились заранее намеченным объектом исследования.

Изучением героического эпоса казахского народа учёные занимались ещё в начале XX века [9, с. 61], были записаны образцы сказаний, создавались научные центры и рукописные фонды, которые хранили богатейшую коллекцию устной литературы. Только по одному героическому эпосу «Кобыланды-батыра» было собрано 26 вариантов (включая продолжение о его потомках – двадцать девять). Было собрано 15 вариантов сказаний «Алпамыс-батыра», 12 – «Ер-Таргын», 32 – «Короглы», 26 – «Камбар-батыра», 10 – «Ер-Косай» и 18 – «Кыз-Жибек» (каждое из казахских эпических произведений имеет как минимум три варианта).

Известно, что в казахских степях были мастера эпического искусства, которые могли исполнять «Кобыланды» на протяжении нескольких недель, «Короглы» – до пятнадцати дней, а эпизоды «Қырымның қырық батыры» (эпический цикл «Сорок батыров Крыма») – целыми месяцами.

К сожалению, обладая богатым материалом, связанным с живыми эпическими традициями народов бывшего СССР, эпосоведы не смогли полноценно использовать возможности для систематического изучения искусства сказителей, в первую очередь – проблемы отношения сказителей к эпическим текстам. Между тем народные певцы у тюркоязычных народов пользовались особым статусом в обществе и играли особую роль в жизни своих соплеменников, о чём писали многие известные учёные (Б.Н. Путилов, В.В. Радлов, В.М. Жирмунский, Р.З. Кыдырбаева, В.Е. Майногашева, А.Б. Лорд, В.Н. Басилов, Т.А. Бакчиев и др.). «Сказители были хранителями традиционных основ сказительского искусства, духовной и культурной жизни общества, и в силу этого имели особый статус в среде своего народа» [10, с. 14].

Традиция казахского сказительства пока ещё существует [7], и в настоящее время открывается перспектива определить связь между личностью сказителя и текстом, который он исполняет, что позволяет оценить прошлое эпического наследия, проанализировать его настоящее и предположить, каким будет его будущее. В своё время русский фольклорист В.Я. Пропп писал, что «…эпос идёт не позади истории, а впереди и выражает вековые идеалы народа» [11, с. 24].

На наш взгляд, способность казахского жыршы развивать традицию требует применения общей методологии для исследования его креативных и репродуктивных качеств, которая должна основываться на следующих подходах:

– сравнительное изучение двух вариантов одного эпоса, исполненного учителем и выученным учеником;

2025;11(4):1034-1043 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

– сравнение нескольких вариантов одного произведения, исполненного разными исполнителями;

– сравнение разных вариантов эпоса, исполненного одним исполнителем через промежуток времени;

– фиксация исполнения эпоса одним сказителем и предоставление возможности другому сказителю исполнить услышанное в тот же момент или через промежуток времени;

– запись повторного исполнения эпоса;

– запись одного текста в разных условиях (при разных аудиториях).

Наблюдения за характером вариации эпических произведений у сказителей и сделанные на их основе выводы занимают различное место в эпосоведении разных стран [12]. Дело в том, что при исследовании эпической традиции некоторых народов повторные записи вовсе не проводились, в некоторых странах они осуществлялись в ограниченном объёме. Это проявляется в двух аспектах: первый – когда одну и ту же песню у одного сказителя записывают разные собиратели в разные временные периоды, то есть когда произведение записывается случайным образом; второй – когда один исследователь с экспериментальной целью для проведения сравнительно-сопоставительного анализа специально записывает произведение.

В казахском эпосоведении процесс изучения богатырских эпосов был связан с исполнением различными жыршы, однако, игнорировалась практика многократных записей. Например, Ж.С. Ракыш исследовала 26 вариантов эпоса «Камбар батыра», сгруппированных в шесть версий, чтобы раскрыть жанровую природу эпоса, провести текстологический анализ и сравнить все варианты. Учёный отмечает, что большинство записей было сделано во время фольклорных экспедиций в различные регионы Казахстана, и разные варианты эпоса записывались от народных акынов и жыршы последовательно. Так, в 1941 г. Союз писателей Казахстана, специально пригласил из Балхаша в Алматы Шашубай Кошкарбайулы с целью записать произведения акына. В феврале 1958 г. по одобрению академика М.О. Ауэзова Балхаша в Алматы был приглашён известный жырау Рахмет Мазходжаев из Кызылорды, репертуар акына был записан на магнитофонную ленту. В разные годы «усилиями сотрудников Института литературы была произведена запись исполнения от жыршы Кулзака Амангелдина и Келимбета Сергазиева» [13, с. 88].

Д.А. Есенжанова, исследовав 10 вариантов эпоса «Карасай-Кази», обратилась к решению проблемы преемственности традиций в устном сказительном искусстве казахского народа и воспроизведения эпического текста от учителя к ученику. Были выделены варианты, исполненные Муратом, Кашаганом, Мурыном и Кобылашемю[1]. Однако учёный сосредоточился на изучении связи между сюжетными структурами различных вариантов.

А.С. Булдыбай специально исследовал и сравнил четыре варианта дастана «Отеген-батыр», которые Жамбыл исполнил в период с 1937 по 1950 г. (записанные Т. Жароковым, Р. Жолашаровым, Б. Турсынбаевым и неизвестным собирателем).

Были случаи, когда известный Мурын-жырау (Тилеген Сенгирбаев), приехав в Алматы в 1942 г., во время записи репертуара дважды исполнял один и тот же эпос.

В 1975–1976 гг. фольклорно-музыковедческая экспедиция Алматинской государственной консерватории имени Курмангазы, направленная в Кызылординскую область, записала в исполнении известного жыршы Бидаса Рустембекова несколько песен, которые пели его дед Жиенбай-жырау и отец Рустембек, а также дастан «Короглы».

В 1981 г. Бидас повторно спел некоторые песни и записал на грампластинку. Однако участники экспедиции не воспользовались возможностью сравнить уникальные варианты 1976 и 1981 гг.

Во время экспедиционных поездок исследователи, зная, что мангистауские и кызылординские жыршы тщательно сохраняли свой репертуар в виде рукописей и магнитофонных записей, не сравнивали и не сопоставляли варианты текстов с теми, что были записаны позже из уст самих сказителей. В некоторых случаях, несмотря на то, что учё-

[1] *Есенжанова Д.А.* Казахский героический эпос «Карасай-Кази» (сюжетика, варианты, преемственность): дис. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1994. 137 с.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1034-1043
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ные намеревались записать одно и то же произведение несколько раз, сами сказители (например, мангистауский жыршы Алькуат Кожабергенов) не позволяли этого сделать. Исполнители, вновь прослушав магнитофонную запись, могли удалить те части, которые им не нравились. При этом не соглашались повторно записывать. Обращает на себя внимание и тот факт, о котором в своё время писал В.Я. Пропп, что среди певцов есть как гении, так и посредственности и даже «путаники».

Кроме того, при повторной записи вариантов собиратели или исследователи, в процессе записи или исследования самостоятельно корректируя и исправляя текст, искажали его, стремясь изъять слова и фразы, которые стали непонятными из-за архаизмов или забытых выражений, что, в свою очередь, затрудняет процесс точного восприятия текста.

Согласно устоявшемуся мнению в эпосоведении, эпический текст, записанный только один раз от сказителя, не может полностью раскрыть его возможности в искусстве эпического пения. По этой причине текст, записанный только после одного исполнения, нельзя считать окончательным, завершённым и истинным вариантом песни [14]. На самом деле такие записи следует рассматривать как случайные моменты, когда определённый эпос был зафиксирован один раз на магнитной ленте. В идеале произведение должно быть записано несколько раз, и чем больше таких записей, тем лучше. Это будет эффективным подходом, который сосредоточит внимание исследователя на исполнительской манере, определённой теме, углубляя анализ в этом направлении. Иными словами, речь идёт о проведении хорошо организованных, целенаправленных полевых и кабинетных исследований в области эпического творчества.

За последние сорок лет время оставило сегодняшним исследователям возможность проводить подобную экспериментальную работу, хотя и в несколько изменённой форме. К важной задаче исследования творчества жыршы относится эффективное использование имеющихся возможностей находить эпических певцов, которые в меру своих сил и способностей продолжают сказительские традиции. Следует по несколько раз записывать определённые песни, то есть максимально использовать доступные способы записи вариантов песен из уст исполнителей, в живой среде, и наблюдать за ними в условиях близкого, стационарного общения.

Слушать эпос в исполнении самого жыршы – это всегда редкая удача, невероятно интересное и уникальное событие. Общение с жыршы, его непосредственное присутствие и беседа с ним раскрывают гораздо более сложные и глубокие аспекты его репертуара, чем простое чтение в книжной форме.

Когда казахский эпос только начинали собирать и исследовать в советский период, то сбор материала осуществлялся с помощью экспедиционных групп. К сбору образцов древнего фольклора привлекались местные любители устной народной литературы, так называемые «корреспонденты», поэты и сами жыршы. Они собирали варианты по всей стране и отправляли их по почте в Академию наук Казахской ССР и Союз писателей томами в виде рукописей. Уже в 1960-е гг. объём собранного таким образом наследия составлял порядка пятнадцати тысяч печатных листов [15, с. 39]. Из-за этого доля эпического наследия, записанного непосредственно из уст сказителей, оказалась меньшей, в этих текстах позже можно было заметить различные дополнения и изменения.

Во-первых, жыршы, не умея писать или в силу своего возраста, иногда поручал запись песни любому грамотному человеку. В рукописи эпоса «Кобыланды-батыр», записанной и отправленной Айсой Байтабыновым в рукописный фонд Центральной научной библиотеки, есть следующая приписка: «Автор слов – акын Айса Байтабынов. Запись я поручил одному подростку. Ошибки исправляйте сами».

Во-вторых, записи в основном проводились в одной и той же обстановке. Это не позволяло жыршы изменять исполнение в зависимости от предпочтений аудитории, времени исполнения, состояния и настроения исполнителя.

2025;11(4):1034-1043 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

В-третьих, сбор эпического наследия столкнулся со сложными и тревожными периодами в жизни страны, поэтому его запись в ауле была связана с немалыми трудностями. Как известно, в постановлении ЦК Компартии Казахстана от 21 января 1947 г. «О серьёзных политических ошибках в работе Института языка и литературы АН КазССР» подверглась критике первая редакция первого тома «Истории казахской литературы» под редакцией М.О. Ауэзова. «Подверглись критике в Кыргызстане – «Манас», в Татарстане – «Едиге», в Туркменистане – «Книга о Даде Коркут», в Узбекистане – «Алпамыс», в итоге вышеназванные эпосы были под запретом» [13, с. 87].

Таким образом, человек, получивший «сказительный дар» (по В.М. Жирмунскому), то есть призванный быть певцом, как правило, отражает креативную технику сказительных школ, реализуя модель «учитель/учителя – ученик» (см. подробно: [16, с. 106]). Это позволяет собирать данные о личности сказителя и проводить наблюдения. Особенно эта традиция закрепилась в русской фольклористике, начиная со второй половины XIX века. Она берёт начало от приглашения исполнителя Т.Г. Рябинина в Санкт-Петербург в 1871 г. учёным А.Ф. Гильфердингом. Собиратель фольклора К.В. Чистов в своей книге увлекательно рассказывает об инициативе фольклориста пригласить группу сказителей в Петербург и Москву для пения песен и историю знакомства публики с живой русской эпической традицией.

В своё время В.М. Жирмунский, рассматривая фольклор как выражение культурных и национальных особенностей, подчёркивал, что фольклор Востока зачастую более локально и национально обусловлен, в то время как западный фольклор сильнее связан с литературной традицией и более подвержен изменениям в контексте исторического развития [17].

Говоря о важности сравнительной методики, основанной на живой народной традиции, а не на литературных реконструкциях, следует подчеркнуть, что восточный эпос опирается на изучение устной традиции и сопоставление с другими архаическими эпическими формами, что способствует более точному пониманию казахского культурного контекста и социальной функции эпоса, что особенно отражается в творчестве жыршы, воспроизводящих дух национальной истории и культуры казахского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило выявить и проанализировать особенности взаимодействия сказителя и эпического текста в контексте вариативности исполнения, а также проследить эволюцию научных подходов к данной проблеме в казахстанском эпосоведении. Сравнение с опытом русской школы фольклористики XIX и XX веков показало, что в казахском эпосоведении систематических исследований пока недостаточно, что и определяет актуальность дальнейших разработок.

Исследование вносит вклад в развитие казахского эпосоведения за счёт анализа взаимодействия сказителя и эпического текста в контексте вариативности исполнения. В ходе исследования было установлено:

– необходимость комплексного рассмотрения креативных и репродуктивных аспектов деятельности жыршы и сказителей в сравнительно-сопоставительном ключе;

– уточнение роли индивидуальной манеры исполнения в формировании вариативности эпических текстов и их устойчивость во времени;

– систематизация подходов исследований к проблеме сказителя, что позволяет выявить общие закономерности и национально-специфические особенности эпического исполнения;

– введение в научный оборот новых данных о репертуарных и исполнительских школах казахского сказительства, что позволяет расширить представление о динамике эпической традиции.

Результаты исследования углубляют понимание механизмов сохранения и трансформации эпической традиции в устной культуре и развивают формирование прин-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1034-1043
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ципов анализа сказительского творчества, которые уточняют идеи исторической поэтики и теории вариативности.

Исследование способствует развитию сравнительной фольклористики, так как сопоставление казахского эпического материала с трудами зарубежных исследователей позволяет по-новому взглянуть на универсальные и локальные особенности эпической традиции. Сравнительно-сопоставительный анализ вариантов эпоса может служить основой для разработки цифровых архивов и электронных баз данных по эпическому наследию.

Результаты работы могут быть востребованы в практике культурных проектов, направленных на сохранение и возрождение традиций жыршы, а также в современных формах интерпретации эпоса (театральные постановки, медийные проекты, музейные экспозиции).

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым изучением репертуарных школ и традиций сказителей, сравнительным анализом различных вариантов одного эпического произведения, а также с выявлением влияния социально-культурного контекста на процесс исполнения и восприятия эпоса.

Особую ценность представляют полевые наблюдения за живыми представителями традиции, которые позволят более полно раскрыть креативный потенциал и специфику казахского устного искусства.

Список источников

1. *Нурдаулетова Б.И.* Таинственный мир казахских жыршы-жырау // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 7. С. 99-102. https://elibrary.ru/ralnhb
2. *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и её народные рапсоды // Язык фольклора: хрестоматия / сост. А.Т. Хроленко. Москва: Флинта: Наука, 2005. 224 с.
3. *Павлиди Я.И.* Историческая школа в российском и советском эпосоведении: деконструкция метода // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 6. С. 64-82. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-6-64-82, https://elibrary.ru/vztiww
4. *Функ Д.А.* О чем поёт сказитель? Опыт расшифровки поющихся частей эпических сказаний тюрков Южной Сибири // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 162-183. https://doi.org/10.17223/2312461X/32/8, https://elibrary.ru/sihdlk
5. *Уалиев Т.А., Кушкумбаев А.К.* К вопросу об изучении казахских вариантов преданий об Идегее // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. № 4. С. 782-813. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813, https://elibrary.ru/frcsfc
6. *Бердиханова Ш.Н.* Традиция дастанного исполнительства в Каракалпакстане // Oriental Art and Culture. Scientific Methodical Journal. 2022. Vol. 3. № 4. С. 869-876.
7. *Камарова Н.С.* Маңғыстау өңірі ақындық-жыраулық мектебі // Керуен. 2024. Т. 84. № 3. С. 261-286. https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.3-20, https://elibrary.ru/vhnefb
8. *Булдыбай А.С.* Типология эпических сказителей тюркского народа // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2016. С. 275-283. https://elibrary.ru/wbxylx
9. *Коныратбай Т.А.* Этнический характер казахского эпоса «Кобланды батыр» // Эпосоведение. 2023. № 1. С. 61-69. https://doi.org/10.25587/SVFU.2023.46.85.006, https://elibrary.ru/rxnsfy
10. *Хаджиева Т.М.* Роль сказителей в развитии, бытовании и сохранении Нартиады // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2019. № 4 (16). С. 14-21. https://doi.org/10.2558/SVFU.2019.16.44309, https://elibrary.ru/eybjjq
11. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. Москва: Гослитиздат, 1958. 603 с.
12. *Говенько Т.В.* Стратификация эпоса в трудах академика А.Н. Веселовского // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2021. № 3 (23). С. 5-18. https://doi.org/10.25587/l4978-0541-3882-p, https://elibrary.ru/pdnwbx
13. *Ракыш Ж.С.* Текстология казахского эпоса «Камбар Батыр» // Башкирский народный эпос «Урал Батыр» и духовное наследие народов мира: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. выдающегося учёного-фольклориста, д-ра филол. наук, проф. Сулейманова

2025;11(4):1034-1043 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Ахмета Мухаметвалеевича. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2019. Ч. 2. С. 86-91. https://elibrary.ru/eztypt
14. *Жусупов Б.М.* Эпикалық жыршылық: жанды орындау және импровизация. Алматы: Arna-b, 2022. 475 б.
15. *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство: типология и этническая спецификация. Москва: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 294 с.
16. *Петров Н.В.* Эпические сказители: сценарии обретения мастерства // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 4. С. 100-116. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-4-100-116, https://elibrary.ru/omrims
17. *Жирмунский В.М.* Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки / сост. Б.С. Долгин, С.Ю. Неклюдов. Москва: Объединённое гум. изд-во, 2004. 464 с. https://elibrary.ru/qrqdlb

References

1. Nurdauletova B.I. The mysterious world of the Kazakh zhyrshy-zhyrau. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*, 2013, no. 7, pp. 99-102. (In Russ.) https://elibrary.ru/ralnhb
2. Hilferding A.F. Olonets Governorate and its folk bards. In: Khrolenko A.T. (comp.) *Language of Folklore: A Chrestomathy*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2005, 224 p. (In Russ.)
3. Pavlidi Ya.I. The historical school in Russian epic studies. Deconstructing the method. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya = RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2023, no. 6, pp. 64-82. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-6-64-82, https://elibrary.ru/vztiww
4. Funk D.A. What does storyteller sing about? Experience of decoding the singing parts of epic tales of the Southern Siberian Turks. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian Historical Research*, 2021, no. 2, pp. 162-183. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/2312461X/32/8, https://elibrary.ru/sihdlk
5. Ualiev T.A., Kushkumbaev A.K. Studying Kazakh versions of the legends about Edige. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 2024, vol. 12, no. 4, pp. 782-813. (In Russ.) https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.782-813, https://elibrary.ru/frcsfc
6. Berdikhanova Sh.N. Tradition of data performance in Karakalpakstan. *Oriental Art and Culture. Scientific Methodical Journal*, 2022, vol. 3, no. 4, pp. 869-876. (In Russ.)
7. Kamarova N.S. Маңғystau өңiri ақындық-zhyraulық mektebi. *Keruen*, 2024, vol. 84, no. 3, pp. 261-286. (In Kazakh) https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.3-20, https://elibrary.ru/vhnefb
8. Buldybai A.S. Typology of epic storytellers of the Turkic people. *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri" = Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference "Preservation and Development of the Languages and Cultures of the Indigenous Peoples of Siberia"*. Abakan, Khakass State University Publ., 2016, pp. 275-283. (In Russ.) https://elibrary.ru/wbxylx
9. Konyratbai T.A. The ethnic character of the Kazakh epic Koblandy Batyr. *Eposovedenie = Epic Studies*, 2023, no. 1, pp. 61-69. (In Russ.) https://doi.org/10.25587/SVFU.2023.46.85.006, https://elibrary.ru/rxnsfy
10. Khadzhieva T.M. The role of storytellers in the development, circulation, and preservation of the Nart Saga. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie = Vestnik of North-Eastern Federal University. "Epic Studies"*, 2019, no. 4 (16), pp. 14-21. (In Russ.) https://doi.org/10.2558/SVFU.2019.16.44309, https://elibrary.ru/eybjjq
11. Propp V.Ya. *Russian Heroic Epic*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958, 603 p. (In Russ.)
12. Govenko T.V. The stratification of epic in the works of academician Aleksandr Veselovsky. *Vestnik severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie = Vestnik of North-Eastern Federal University. "Epic Studies"*, 2021, no. 3 (23), pp. 5-18. (In Russ.) https://doi.org/10.25587/l4978-0541-3882-p, https://elibrary.ru/pdnwbx
13. Rakysh Zh.S. Textology of the Kazakh epic "Kambar Batyr". *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya uchenogo-fol'klorista, doktora filologicheskikh nauk, professora Suleimanova Akhmeta Mukhametvaleevicha «Bashkirskii narodnyi epos «Ural Batyr» i dukhovnoe nasledie narodov mira» = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of the outstanding folklorist, Doctor of Philology, Professor Akhmet Mukhametvaleevich Suleimanov "Bashkir*

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1034-1043
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Folk Epic "Ural Batyr" and the Spiritual Heritage of the Peoples of the World". Ufa, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, 2019, pt. 2, pp. 86-91. (In Russ.) https://elibrary.ru/eztypt
14. Zhusupov B.M. *Epikalyқ Zhyrshylyқ: Zhandy Oryndau zhəne Improvizatsiya*. Almaty, Arna-b Publ., 2022, 475 p. (In Kazakh)
15. Putilov B.N. *Epic Storytelling: Typology and Ethnic Specificity*. Moscow, Publ. firms "Vostochnaya literatura" of the Russian Academy of Sciences, 1997, 294 p. (In Russ.)
16. Petrov N.V. Singers of epic tales. Scenarios of gaining mastery. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya = RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2023, no. 4, pp. 100-116. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2686-7249-2023-4-100-116, https://elibrary.ru/omrims
17. Zhirmunskii V.M. *Folklore of the West and the East: Comparative Historical Essays*. Moscow, United Humanitarian Publ., 2004, 464 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/qrqdlb

Информация об авторе

ЖУСУПОВ Берик Мырзалиевич, кандидат филологических наук, докторант, кафедра кыргызской литературы и мировой художественной культуры Института государственного языка и культуры, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика, https://orcid.org/0009-0000-9283-1773, nurgaziza@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2025
Поступила после рецензирования 07.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Berik M. Zhusupov, Cand. Sci. (Philology), Doctoral Student, Kyrgyz Literature and World Art and Culture Department, Institute of State Language and Culture, Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyz Republic, https://orcid.org/0009-0000-9283-1773, nurgaziza@mail.ru

Received 26.09.2025
Revised 07.11.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

2025;11(4):1044-1064 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 168.522+7.036
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1044-1064
Шифр научной специальности 5.10.1

Художественное творчество периода Великой Отечественной войны как средство формирования патриотической культуры современности

Татьяна Михайловна Никольская ✉, **Ирина Николаевна Зыкова**, **Наталия Николаевна Лавринова**
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ timnik2004@mail.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Художественная культура времён Великой Отечественной войны в хронологии развития отечественного искусства обособляется в самостоятельный период. В этот период приходит понимание необходимости новых задач искусства в условиях военной действительности, формируются новые формы работы. В последующие годы развития советской культуры проблема войны и отражение её в искусстве оставалось одним из актуальных направлений. В современной культуре и искусстве память о Великой Отечественной войне занимает важное место и оказывает значительное влияние на российское общество в процессах патриотического воспитания, поддержания исторической памяти, формирования вектора духовно-нравственных ценностей. Цель исследования – рассмотрение искусства периода Великой Отечественной войны, его значения в воспитании патриотической культуры современного российского общества, выявлении элементов преемственности духовно-нравственных проблем и вопросов. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалы исследования представлены образцами искусства, созданными в период ВОВ: плакаты, газетно-журнальные карикатуры, живопись, кинематограф, театр, музыка, скульптура. Методы исследования: историко-культурный, аналитический, типологический, структурно-описательный. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Обоснована актуальность изучения художественной культуры периода Великой Отечественной войны как действенного средства формирования патриотической культуры в современной России. Выделены виды искусства и произведения, которые могут служить одними из наиболее ярких примеров воздействия на патриотические чувства и восприятие. Проанализированы черты представленных образцов художественной культуры как высокой ценности духовно-нравственного порядка в их связи с преемственностью поколений. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Анализ художественного творчества периода Великой Отечественной войны позволяет утверждать, что данный материал обладает мощным потенциалом формирования патриотической культуры современности и сохраняет преемственность духовно-нравственных проблем и вопросов.

Ключевые слова: культура, искусство, общество, Великая Отечественная война, патриотизм, духовность

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад в статью: Т.М. Никольская – разработка концепции статьи, подбор примеров художественного творчества эпохи Великой Отечественной войны, окончательное редактирование. И.Н. Зыкова – поиск изображений в Интернете, подбор иллюстраций, подготовка рукописи согласно требований редакции. Н.Н. Лавринова – поиск и анализ научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Никольская Т.М., Зыкова И.Н., Лавринова Н.Н., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Для цитирования: *Никольская Т.М., Зыкова И.Н., Лавринова Н.Н.* Художественное творчество периода Великой Отечественной войны как средство формирования патриотической культуры современности // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1044-1064. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1044-1064

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1044-1064
OECD 5.09; ASJC 3316

Creative art during the Great Patriotic War as a means of shaping the patriotic culture of modern times

Tatiana M. Nikolskaia ✉, **Irina N. Zykova**, **Natalia N. Lavrinova**
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
✉ timnik2004@mail.ru

Abstract
INTRODUCTION. The creative culture of the Great Patriotic War period is distinguished as an independent period in the chronology of the development of Russian art. During this period, an understanding of the need for new artistic tasks in the context of military reality emerges, and new forms of art are developed. In the subsequent years of Soviet cultural development, the problem of war and its reflection in art remained one of the most relevant themes. In modern culture and art, the memory of the Great Patriotic War holds a significant place and exerts a considerable influence on Russian society in the processes of patriotic education, preserving historical memory, and shaping the vector of spiritual and moral values. The aim of the study is to examine the art of the Great Patriotic War period, its significance in fostering the patriotic culture of modern Russian society, and to identify elements of continuity in spiritual and moral issues and questions. MATERIALS AND METHODS. The research materials are presented through examples of art created during Great Patriotic War: posters, newspaper and magazine cartoons, painting, cinema, theater, music, and sculpture. Research methods: historical-cultural, analytical, typological, structural-descriptive. RESULTS AND DISCUSSION. The relevance of studying the artistic culture of the Great Patriotic War period as an effective means of forming patriotic culture in modern Russia is substantiated. The types of art and works that can serve as some of the most striking examples of influencing patriotic feelings and perception are highlighted. The features of the presented samples of artistic culture as a high value of a spiritual and moral order are analyzed in their connection with the continuity of generations. CONCLUSION. An analysis of artistic works from the period of the Great Patriotic War allows us to assert that this material possesses a powerful potential for shaping contemporary patriotic culture and maintains the continuity of spiritual and moral issues and questions.

Keywords: culture, art, society, Great Patriotic War, patriotism, spirituality

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: T.M. Nikolskaia – research concept development, selection of examples of artistic creation from the era of the Great Patriotic War, final editing. I.N. Zykova – searching for images on the internet, selecting illustrations, preparation of the manuscript in accordance with the requirements of the Editorial Board. N.N. Lavrinova – scientific literature selection and analysis, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The authors declare no relevant conflict of interests.

For citation: Nikolskaia, T.M., Zykova, I.N., & Lavrinova, N.N. Creative art during the Great Patriotic War as a means of shaping the patriotic culture of modern times. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1044-1064. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1044-1064

2025;11(4):1044-1064 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ВВЕДЕНИЕ

Художественную культуру военных лет принято обособлять в самостоятельный период и выделять хронологические границы этого периода в истории отечественного искусства рамками Великой Отечественной войны: с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. Но не следует забывать, что немало из того, что было задумано, начато и даже завершено в годы войны и под её влиянием, появилось на выставках, в театрах, кино лишь в 1946–1947 гг. и позднее. Характер искусства военных лет складывался постепенно, так как понадобилось время для освоения военных тем, новых форм работы, понимания новых задач искусства в условиях военной действительности. Произведения, созданные в годы войны, особенно ценны тем, что в них содержатся как факты, наиболее точно зафиксированные на месте событий, так и обширный материал, касающийся восприятия и глубокого осмысления военных событий непосредственными их участниками.

В последующие годы развития советской культуры проблема войны и отражение её в искусстве оставалось одним из самых актуальных направлений в литературе, кинематографе, живописи, скульптуре, театральном искусстве и др. Как в военный период, так и в мирное время, хотя военная тема занимала ключевое положение, художественное творчество не ограничивалось только прямым отражением событий. Важно было показать этот период через призму мирных и «вечных» сюжетов, например, через портрет, жанр, иллюстрацию.

В современной культуре и искусстве память о Великой Отечественной войне занимает важное место и оказывает значительное влияние на российское общество в процессах патриотического воспитания, поддержания исторической памяти, в целом формирования вектора духовно-нравственных ценностей. Отражение военной темы, наряду с традиционными средствами, получает развитие с помощью разнообразных средств современного искусства и технологий: инсталляций, компьютерных игр, мультимедиа и т. д.

«Художники, работающие в 1941–1945 гг., нередко обращались к классическому наследию мировой и русской культуры, использовали в своих произведениях и предшествующий опыт советского искусства. Таким образом, искусство ВОВ было связано живой преемственностью с предвоенным периодом» [1]. Изучение истории развития военного, послевоенного искусства и тенденций, формируемых в настоящее время в России, позволяет утверждать существование преемственности поколений в сохранении памяти о Великой Отечественной войне посредством произведений художественной культуры.

Цель исследования заключается в рассмотрении искусства периода Великой Отечественной войны, его значения в воспитании патриотической культуры современного российского общества; выявлении элементов преемственности духовно-нравственных проблем и вопросов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалы исследования представлены образцами искусства, созданными в период ВОВ: плакаты, газетно-журнальные карикатуры, живопись, кинематограф, театр, музыка, скульптура. Методы исследования: историко-культурный, аналитический, типологический, структурно-описательный.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Художественная культура периода ВОВ представляет собой образец высочайшего патриотизма. Патриотические, духовно-нравственные основы несли в себе произведения различных видов искусства. «Изобразительное искусство, музыка, литература, кинематограф стали выразительными средствами духовного противостояния советского народа. Тема Священной Войны и Святой Ненависти явились воплощением синтеза искусств» [2, с. 65]. «События четырёх героических лет запечатлены не только в газетных сводках, документальных источниках, но и художественном творчестве – музыке, литературе, живописи, графике, театре,

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

кино» [3, с. 98]. Одним из наиболее сильных по воздействию являлось искусство создания плаката. «Плакатное искусство периода Великой Отечественной войны – это важный элемент культурного наследия, заслуживающий внимания культурологов, искусствоведов, историков, филологов, политологов и социологов и дальнейшего изучения. Плакатное искусство отражает взаимодействие его с политической культурой» [4, с. 66].

27 июня 1941 г. на Кузнецком мосту было вывешено первое «Окно ТАСС» по эскизу М. Черемныха. Оно представляло собой серию агитационных плакатов в стиле «Окон РОСТА» и существовало для поднятия духа советских солдат.

Однолистный печатный плакат и «Окна ТАСС» стали наиболее распространёнными крупными формами агитационного искусства на протяжении всего периода войны (рис. 1).

Вслед за Москвой «Окна ТАСС» распространились по всей стране, специальные мастерские были созданы почти во всех крупных городах РСФСР и в столицах республик. В отличие от печатного плаката, оригиналы «окон» тиражировались вручную с помощью прорезных трафаретов, и поэтому их тираж не превышал тысячи экземпляров, но оперативность их создания позволяла появляться им в витринах магазинов, на заборах и стенах жилых домов и заводов почти ежедневно со сводками Информбюро.

С первых дней войны самым массовым и быстродействующим патриотически накалённым агитационным искусством становится политический плакат и газетно-журнальная карикатура (рис. 2).

Рис. 1. Агитационный печатный плакат
Fig. 1. Printed propaganda poster

Источник: изображения взяты авторами с сайта https://www.tassphoto.com.
Source: the images were taken by the authors from the website https://www.tassphoto.com.

2025;11(4):1044-1064 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

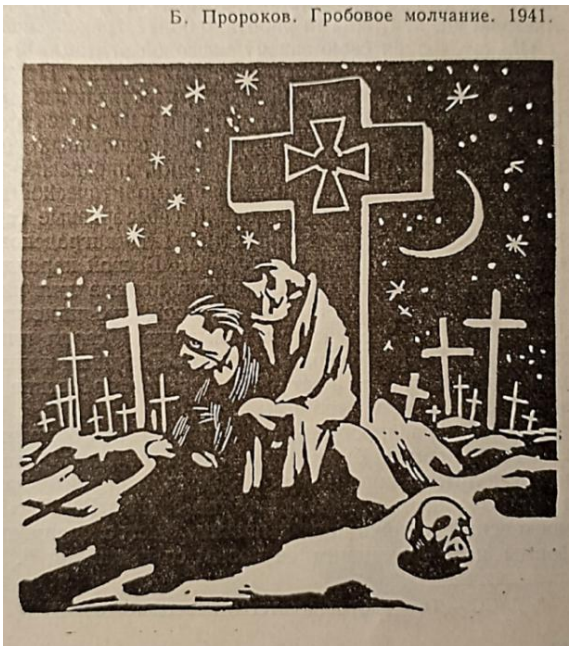

Рис. 2. Газетно-журнальная карикатура
Fig. 2. Newspaper and magazine caricature
Источник: изображение взято авторами с сайта https://soviet-art.ru/boris-prorokov-soviet-graphic-artist/.
Source: the image was taken by the authors from the website https://soviet-art.ru/boris-prorokov-soviet-graphic-artist/.

Художники, работавшие в печатном плакате, объединялись, в основном, издательствами, коллективы агитокон складывались при Союзах художников и отделениях Художественного фонда СССР. В Москве и Ленинграде средоточием выпуска плакатов было издательство «Искусство». Также много плакатов было издано издательствами Красной Армии и Флота. В Киеве Союз художников за первые двадцать дней войны выпустил 30 плакатов, в Харькове до оккупации города врагом вышли 83 агитокна.

Являясь одним из видов массовой агитации, в плакате нашли отражение основные этапы и моменты войны, самые жизненно-необходимые лозунги, общенародные идеи и чувства. Из всех видов искусства плакат имел самое широкое распространение, он был решительно повсеместно. Его форма была весьма разнообразна – тиражировались листы размера, которые бы подходили к пространству кабины танка, самолёта, обычного формата, а также для блиндажей и фронтовых землянок. Издавались на спичечных коробках, обложках журналов, этикетках и т. д. Но самой распространённой формой являлась агитационная листовка.

Необычайно широкое распространение в годы войны получил плакат художника В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (рис. 3).

Этот плакат был многократно напечатан и расклеен на стенах домов, а также растиражирован на почтовых открытках. Он стал неким символом, который будил в сердцах бойцов стремление победить, разгромить врага.

Рис. 3. В. Корецкий «Воин Красной Армии, спаси!»
Fig. 3. V. Koretsky “The Red Army fighter, save us!”
Источник: изображение взято авторами с сайта https://arthive.com/.
Source: the image was taken by the authors from the website https://arthive.com/.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Здесь автор использовал принцип изображения, похожий на фотографии для придания достоверности. Строгий лаконизм, чёткость, минималистичность в выборе цвета выделяют это произведение среди других плакатов того времени.

Одним из примеров подобной самоотверженной работы фронтового художника является деятельность Б. Проклова, участника героической обороны полуострова Ханко. Он являлся главным художником газеты «Красный Гангут», выходившей на полуострове. Его рисунки и карикатуры часто являлись решающим фактором, влияющим на моральную стойкость защитников полуострова, находящегося под непрерывным огнём (рис. 4).

Большого внимания заслуживает плакат, созданный художниками Н. Жуковым и В. Климашиным «Отстоим Москву!» в 1941 г. (рис. 5).

В 1942 г. выходит плакат художника Н.Н. Жукова «Выстоять!», а также рисунок «Расстрел Лизы Чайкиной», выражающие всю силу гнева, который испытывали русские люди. В 1943 г. Николай Николаевич Жуков был назначен руководителем Студии военных художников им. М.Б. Грекова и удостоен Государственной премии СССР. В 1945 г., в качестве корреспондента, Н.Н. Жуков был отправлен на Нюрнбергский процесс, где у него родилась идея воспеть подвиг русского солдата. А год спустя появится книга Б. Полевого, с которым художник поделился своими мыслями, «Повесть о настоящем человеке», проиллюстрированная Н.Н. Жуковым.

Плакаты, выходившие в конце войны, были посвящены победам нашей армии, её завершающим сражениям, прославляли подвиг советского народа.

Начало Великой Отечественной войны обусловило развёртывание энергичной работы по поддержанию высокого боевого духа в действующих войсках и в тылу врага. Руководящие партийные органы, а также работники сферы культуры и искусств рассматривали психологическую и идеологическую поддержку средствами художественного творчества как мощное оружие победы.

Рис. 4. Газетно-журнальная карикатура
Fig. 4. Newspaper and magazine caricature
Источник: изображение взято авторами с сайта http://militera.lib.ru/.
Source: the image was taken by the authors from the website http://militera.lib.ru/.

Рис. 5. Н. Жуков, В. Климашин «Отстоим Москву!»
Fig. 5. N. Zhukov, V. Klimashin “Defend Moscow!”
Источник: изображение взято авторами с сайта https://arthive.com/.
Source: the image was taken by the authors from the website https://arthive.com/.

2025;11(4):1044-1064 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

В годы войны все виды и направления профессионального и любительского искусства – живопись, кинематограф, театр, музыка – вносили весомый вклад в разгром армии захватчиков. Центрами культурной жизни в годы войны, например, в Тамбове, были областной драматический театр им. А.В. Луначарского, кинотеатры «Родина», «Звезда», Дворец культуры железнодорожников «Знамя труда», городской парк культуры и отдыха.

С первых дней войны все организации сферы культуры и искусства быстро перестроили свою работу. Для информационно-просветительной деятельности на вновь созданных пунктах комплектования воинских частей были выделены бригады агитаторов (80 учителей), ими были проведены 301 беседа, 34 политинформации, 52 лекции, организовано 52 художественных постановок. Только за первые 2,5 месяца войны было проведено 250 выступлений коллективов художественной самодеятельности, в ходе которых обслужено свыше 90 тысяч бойцов и командиров. Активно участвовали в концертах сотрудники детского дома, Дома пионеров, артели им. Крупской и завода имени Ленина.

Театр, также как и другие виды искусства, служил общему делу – он стал активным агитатором и пропагандистом, поднимал боевой дух людей, веселил, давая отдых, укреплял волю, взывал к подвигу. «Героико-патриотическая тема – ведущая тема театрального искусства в годы Великой Отечественной войны» [5, с. 78].

Фронтовые бригады лучших театров давали спектакли и концерты в блиндажах, землянках, в прифронтовых лесах. Были созданы фронтовые филиалы, обслуживающие воинские части в течение всех лет войны.

«Самой первой бригадой, которая была создана для поездки на фронт, была бригада московских актёров разных театров, возглавляемая директором Мосэстрады Б. Филипповым и выехавшая на фронт уже в июле 1941 г. А уже 28 июля бригада в составе В. Хенкина, М. Гаркави, И. Гедройца, Л. Руслановой, Т. Ткаченко и других актёров уже выступала перед бойцами Западного фронта (рис. 6).

Репертуара как такового не было, формировался он из различных спектаклей, сценок, концертных номеров» [6]. Каждый спектакль был индивидуален, потому что, часто находясь вместе с той или иной частью, актёры не знали, где и как будет проходить их выступление, и ориентировались по месту.

«Выступления были разные – вместо сцены – грузовики, иногда выступали шёпотом, так как рядом были гитлеровские войска. Известен случай выступления по телефону, так как связисты не могли отойти от аппаратов и так слушали концерт» [6].

Все актёры во фронтовом театре были и парикмахерами, и костюмерами, рабочими сцены, хореографами, танцорами, аккомпаниаторами.

В целом, фронтовые бригады и театры сражались вместе с бойцами и прошли славный путь от Москвы до Берлина, где в мае 1945 г. давали спектакли и концерты в честь Великой Победы (рис. 7). Такие праздничные выступления были организованы по всей стране. Всего за четыре года Великой Отечественной войны актёры выезжали на фронт 42 тыс. раз, 3685 бригад выступило с 1 млн 350 тыс. спектаклей и концертов, 437 тыс. из них было показано во фронтовой обстановке.

С самого начала войны на всех направлениях боевых действий работали фронтовые бригады, которые образовались из шефской бригады Центрального театра Красной Армии, а также из военно-шефской бригады актёров Малого театра.

Конечно, очень часто артисты попадали под бомбёжку. Тогда они переквалифицировались в санитаров, медсестёр. Но, тем не менее, главное, что фронтовые театры, бригады смогли в подобных тяжелейших условиях сделать, это поднять боевой дух русских солдат, укрепить их в борьбе и принести им немного мирной жизни.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 6. Выступление бригады актёров перед бойцами
Fig. 6. A performance by a troupe of actors for the soldiers

Рис. 7. Л.А. Русланова выступает у стен Рейхстага. Германия. Берлин. 1945
Fig. 7. L.A. Ruslanova is performing at the Reichstag building. Germany. Berlin. 1945

Источник: изображения взяты авторами с сайтов «Победа. 1941–1945». URL: https://victory.rusarchives.ru/index; «История России в фотографиях». URL: https://russiainphoto.ru/
Source: the images were taken by the authors from the websites “Victory. 1941–1945”. URL: https://victory.rusarchives.ru/index; “History of Russia in Photographs”. URL: https://russiainphoto.ru/

Большой вклад в победу над врагом вносили артисты тамбовских театров. «Спектаклем «Ромео и Джульетта» по У. Шекспиру (режиссёр-постановщик Л.М. Эльстон) Тамбовский драматический театр им. А.В. Луначарского завершал сезон в воскресенье 22 июня 1941 г. Во время дневного сеанса стало известно о начале войны»[1].

Артисты тамбовского театра так же, как и многих других театров, выступали с концертами в воинских частях, на призывных пунктах, стараясь поддерживать в зрителях твёрдость духа и уверенность в победе.

Постановлением бюро Тамбовского обкома ВКП (б) от 4 сентября 1941 г. было решено сохранить на зимний период сезона 1941/42 гг. два театра – Областной драматический театр им. А.В.Луначарского и передвижной драматический театр, работу которого организовать на базе Мичуринского драматического театра. Кирсановский колхозно-совхозный театр рекомендовалось «законсервировать». Труппу же передвижного театра следовало укомплектовать из актёров Мичуринского и Кирсановского театров.

Профессиональные мастера театральной декорации, графики и живописцы, работавшие для театра в эти годы, решали общие художественные проблемы эпохи.

Художники создавали декорации, которые можно было установить в любом месте – они были технически несложные, но выразительные. Во время войны были созданы три пьесы, занявшие центральное место в большой драматургии того времени: «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова. Эти пьесы и ещё ряд других были поставлены всеми теат-

[1] *Карманов П.И.* Путь исканий. Тамбовский театр с Державинских времён // Отчизне были до конца верны...: творческие работники области в годы Великой Отечественной войны. Тамбов, 2015. С. 15-27.

2025;11(4):1044-1064 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

рами в годы войны, и роль художников была весьма существенной. Воплощение замысла зависело от тесного сотрудничества драматургов, режиссёра, исполнителя и художника. И изобразительное решение, которое было найдено, соответствовало содержанию и пафосу пьес, обогащая выразительностью живописно-сценических образов. Самым выразительным элементом был пейзаж, где художники очень чётко и явно показывали на сцене руины города, разрушенного бомбами, а среди развалин виднелась чудом уцелевшая берёзка как символ непокорённости.

Наряду с современными пьесами, большое место занимали исторические пьесы, оперы и балеты. По своему содержанию они были близки к событиям Отечественной войны, так как с остротой воспринимались в то время исторические подвиги народа по освобождению русской земли от иноземных захватчиков.

В этих декорациях основная роль отводилась величественным картинам природы, и здесь сценический пейзаж и архитектура наполнялись глубоким образным содержанием, отвечающим героико-патриотическому духу (рис. 8).

Рис. 8. Ф. Фёдоровский «Князь Игорь». Эскиз декораций. 1944 г.

Fig. 8. F.F. Fyodorovsky “Prince Igor”. Set design sketch. 1944

Источник: изображение взято авторами с сайта https://ussr.totalarch.com/painting_ussr

Source: the image was taken by the authors from the website https://ussr.totalarch.com/painting_ussr

Обращаясь к теме борьбы и победы в отечественной истории, театры стремились воссоздать наиболее значительные события, созвучные времени, показать Россию свободолюбивой, героизм её народа.

Очень оперативно перестроила работу система кинопроката. Был пересмотрен кинорепертуар, на экраны городов и сёл были выпущены кинофильмы оборонной агитационной тематики – «Чапаев», «Если завтра война», «Щорс», «Профессор Мамлок» и др. Осуществлялось бесплатное обслуживание госпиталей, мобилизационных пунктов и воинских частей. До начала киносеансов проводилось музыкально-художественное обслуживание (имевшее ярко выраженный оборонительный характер) силами коллектива кинотеатров. Джаз-оркестры, работавшие, в частности, в кинотеатрах Тамбова и Мичуринска, помимо шефских выступлений, выезжали в военные госпитали и мобилизационные пункты с концертами оборонной тематики. В дополнение к художественным фильмам и театрализованным программам в программу включались короткометражные кинофильмы по проблематике противовоздушной и химической обороны по мере их поступления на базу[2]. В эвакогоспиталях демонстрировались популярные кинофильмы «Светлый путь», «Три товарища», «Волга-Волга», «Чапаев», «Бесприданница», «Богдан Хмельницкий», «Молодые капитаны» и др. Также обязательным к показу был боевой киносборник «В тылу у врага». Первого января 1942 г. в Тамбове был открыт новый кинотеатр «Родина», в фойе которого был организован агитуголок, посвящённый Великой Отечественной войне, работал джаз-оркестр.

Основное место в данной связи занимала кинохроника, которая рассказывала о ходе военных действий, работе в тылу врага. «Документальные фильмы предоставляли зрителям актуальные и правдивые изображения происходящих событий. Они акцентировали внимание на реальных действиях бойцов, создавали широкий контекст восприятия войны и показывали не только победы, но и

[2] Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 2 т. Тамбов, 2008. Т. 2. С. 851-853.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

страдания, что способствовало формированию единого информационного поля для общества. Главной целью документальных фильмов было информирование и создание некой общей картинной реальности для зрителей, которая отражала бы как подъём, так и трудности на фронте» [7, с. 131]. Многие операторы находились постоянно на фронте, участвовали в боевых действиях, рискуя жизнью, чётко фиксируя события. Эти плёнки и составляли регулярную кинохронику, которую показывали перед началом сеансов.

Кроме кинохроники снимались и художественные фильмы. «В сложных условиях тыла советское киноискусство сосредоточилось на теме защиты Родины. Первые военные фильмы стремились зафиксировать основные фронтовые события, положив начало жанру «военных киносборников» – короткометражных новелл. В их создании участвовали известные режиссёры Б. Барнет, В. Петров, С. Герасимов и другие, а также популярные актёры Н. Крючков, Л. Орлова, М. Жаров и др.» [8, с. 19].

Сначала операторы и режиссёеры работали и в блокадном Ленинграде, и в Москве. Но уже в конце 1941 г. киностудии «Мосфильм», «Ленфильм» эвакуировали в Среднюю Азию, где была создана объединённая Центральная киностудия. Также работала в эвакуации и объединённая детская киностудия «Союздетфильм» в Душанбе. Закончен в 1941 г. фильм «Свинарка и пастух», режиссёр Иван Пырьев (рис. 9), также С. Эйзенштейн снимает «Ивана Грозного», обе серии (рис. 10).

Снимаются «Боевые киносборники» (рис. 11) – короткометражные агитационные фильмы, в которых прославляли боевые качества советских воинов, воспевался боевой дух воинов, а высмеивались трусость и жестокость фашистских оккупантов. В съёмках принимали участие Б. Чирков, З. Фёдорова, Ф. Раневская, а режиссёрами были Г. Козинцев, В. Юткевич.

Большое количество кинокартин было посвящено бойцам и командирам. В 1943 г. выходит лента «Парень из нашего города» (рис. 12), режиссёр А. Столпер, Б. Иванов, а также «Жди меня» (рис. 13) режиссёр Б. Иванов, А. Столпер). Оба фильма сняты по сценариям и пьесам Константина Симонова, оба фильма стали культовыми.

Рис. 9. Кадры из фильма «Свинарка и пастух». Режиссёр И. Пырьев
Fig. 9. Stills from the film “The Swineherd and the Shepherd”. Director I. Pyryev

Рис. 10. Кадр из фильма «Иван Грозный». Режиссёр С. Эйзенштейн
Fig. 10. A still from the film “Ivan the Terrible”. Directed by S. Eisenstein

2025;11(4):1044-1064 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 11. Кадр из 1-го киносборника
Fig. 11. A still from the 1st film collection

Рис. 13. Кадр из фильма «Жди меня». Режиссёры: А. Столпер, Б. Иванов
Fig. 13. A still from the film "Wait for Me". Directors: A. Stolper, B. Ivanov

Рис. 12. Кадр из фильма «Парень из нашего города». Режиссёры: А. Столпер, Б. Иванов
Fig. 12. A still from the film "The Boy from Our Town". Directors: A. Stolper, B. Ivanov

Рис. 14. Кадр из фильма «Швейк готовится к бою». Режиссёры: С. Юткевич, М. Итина, К. Минц
Fig. 14. A still from the film "Švejk Prepares for Battle". Directors: S. Yutkevich, M. Itina, K. Mintz

Источник: изображения взяты авторами с сайта https://www.kino-teatr.ru/.
Source: the images were taken by the authors from the website https://www.kino-teatr.ru/.

Снималось в годы войны и детское кино. Был снят ряд фильмов, которые рассказывали о войне на понятном детском языке. Например, кинокартина «Швейк готовится к бою» (рис. 14) – это кинокомедия, режиссёром которой являлись Климентий Минц и Мария Митина, снятая по мотивам произведения Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

Фильм, рассказывающий о двух маленьких девочках-блокадницах (7 и 5 лет) и о тех испытаниях, которые выпали на их долю: смерть матери, ранение, походы с санками за водой, снятый в 1944 г. – «Жила-была девочка» (рис. 15).

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 15. Кадр из фильма «Жила-была девочка». 1944 г.

Fig. 15. A still from the film "Once Upon a Time Lived a Girl". 1944

Источник: изображение взято авторами с сайта https://www.kino-teatr.ru/.

Source: the image was taken by the authors from the website https://www.kino-teatr.ru/.

Снимались так же и сказки, как, например, «Кащей Бессмертный» (1944), или фильмы по произведениям классиков – «Пятнадцатилетний капитан», «Принц и нищий» и многие другие.

Что касается музыки, то она также была подчинена общей идее – подвигу народа, его борьбе с фашизмом. В августе 1942 г. была исполнена Седьмая симфония Д. Шостаковича, вписанная не только в летопись войны, но и всей музыкальной культуры в целом. Произведение стало знаковым, рассказав при помощи музыкальных средств выразительности о переживаниях и чувствах народа, о ненависти к врагам.

Создавались и другие музыкальные произведения, вдохновляющие людей на подвиг. Например, в самом начале войны прозвучала «Священная война» А. Александрова и В. Лебедева-Кумача. Вслед за этими произведениями появится ещё ряд мелодий, навсегда оставшихся в сердцах людей.

В те военные годы композиторы работали с особенным вдохновением и чувством ответственности. Никакие трудности их не смущали. Широким и взволнованным был отклик советских композиторов на трагические и героические события современности. Огромное развитие получило наиболее доступное и массовое песенное творчество. «Военные песни объединяли людей, создавая чувство общей цели и солидарности» [9, с. 260].

Песня помогала переносить военные тяготы, вселяя бодрость, призывала к победе. С величайшей силой, с болью и гневом отразило трагические события и вместе с тем глубокую веру в торжество победы симфоническое и камерное творчество. Постоянное нахождение в окопах, на линии фронта в напряжении требовало лирической, задушевной песни, слушая которую бойцы могли бы думать о доме, где оставались их родные и близкие. К числу лучших лирических фронтовых песен относится патриотическая песня «Вечер на рейде» В.Н. Соловьёва-Седого. Ещё одной песней, известной всем, стала «Бьётся в тесной печурке огонь…». Слова передавались из уст в уста, опережая имена авторов. Многие думали, что это народная песня, и уже потом узнавали, что слова «Землянки» принадлежат поэту А. Сурикову, музыка – композитору К. Листову.

Особое место занимают песни о партизанах. Так как условия, в которых воевали эти люди, были специфические, то и песни отличались – они были протяжные, скорее повествовательные, сильно приближенные к крестьянским песням.

В историю отечественной и мировой культуры, наряду с крупными произведениями советской музыки, литературы, фронтовой песни, драматургии, вошли многие рисунки, картины, скульптуры, представляющие собой важнейшую и яркую часть всего художественного творчества эпохи Великой Отечественной войны.

Говоря о живописи, необходимо обратить внимание на очень своеобразную форму – лаки. «В первые же дни Великая Отечественная война поставила на первое место перед народным искусством острую необходимость советской пропаганды» [10, с. 476]. Мастера Палеха, Мстеры, Федоскина и Холуя работали, создавая новые образы на папье-маше. Многие художники возвращались с фронта и приступали сразу к работе, пытаясь отразить в своих произведениях дух войны. Героизм партизан, батальные композиции, торжество победы нашли отражение в работах Н. Клыкова и В. Овчинникова,

2025;11(4):1044-1064 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Н. Вихрева, И. Вакурова, Д. Буторина и др. Одно из самых значительных произведений, посвящённых военной теме, принадлежит молодой художнице А. Котухиной.

Дух времени проникает в традиционные былинно-сказочные и исторические образы миниатюристов, сближая их романтику с чувствами современников (рис. 16, 17). И не только выбор сюжетов позволяет это делать, но сам эмоциональный настрой произведений отвечает переживаниям эпохи Великой Отечественной войны.

Из всех видов искусств скульптура в годы войны испытывала, пожалуй, самые большие трудности. Оставленные или разрушенные мастерские, нехватка материала, невозможность формовки работ и другие препятствия осложняли положение скульпторов, которые стремились также отразить особенности времени.

В Москве и Ленинграде отдельные мастера и целые бригады выполняли скульптурные агитпанно в технике рельефа. Например, барельеф «На защиту Ленинграда» (Н. Томский, В. Исаева, М. Бабурин, Р. Будилов, А. Стрекавин, Б. Шалютин), установленный на Невском проспекте (рис. 18).

Бригада Н.В. Томского и М.Ф. Бабурина выполнила рельеф «Гитлер и Наполеон» (рис. 19).

Ещё одно полотно, созданное бригадой скульпторов под руководством Н.В. Томского (кроме него в состав бригады входили М.Ф. Бабурин, Р.Н. Будилов, В.В. Исаева, А.Л. Малахин, А.А. Стрекавин и Б.И. Шалютин), «К оружию!» (рис. 20).

Скульпторы бывали на фронтах, иногда и достаточно долго, работая в частях над натурными этюдами боевых героев (рис. 21).

Война сделала скульптурный портрет не только основным жанром скульптуры, но и расширила круг портретируемых лиц, включив сюда огромное количество различных характеров людей, раскрывших в борьбе с врагом самые сильные моральные качества личности (рис. 22).

Рис. 16. Дадыкин А.А. Из-за острова на стрежень. Крышка от шкатулки. 1943 г.

Fig. 16. Dadykin A.A. From behind the island, into the current. A jewelry box lid. 1943

Рис. 17. Дадыкин А.А. Микула Селянинович. 1944 г.

Fig. 17. Dadykin A.A. Mikula Selyaninovich. 1944

Источник: изображение взято авторами с сайта https://palekh.narod.ru/win/dydyk_aa.htm.
Source: the image was taken by the authors from the website https://palekh.narod.ru/win/dydyk_aa.htm.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 18. Н.В. Томский, М.Ф. Бабурин. Барельеф «На защиту Ленинграда». 1941 г.

Fig. 18. N.V. Tomskii, M.F. Baburin. Relief “In Defense of Leningrad”. 1941

Рис. 20. Н.В. Томский, М.Ф. Бабурин. «К оружию!». 1941 г.

Fig. 20. N.V. Tomskii, M.F. Baburin. “To arms!”. 1941

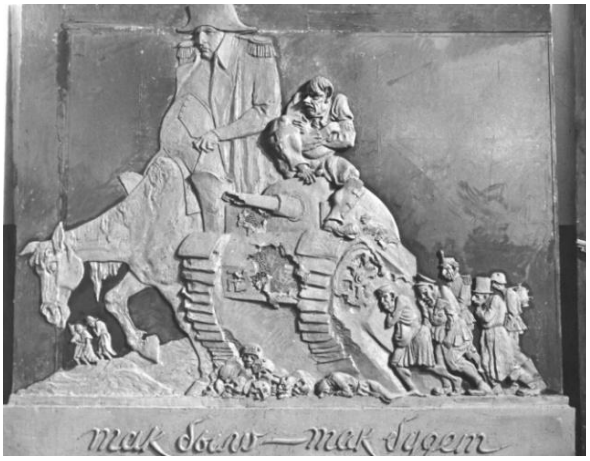

Рис. 19. Н.В. Томский, М.Ф. Бабурин. Рельеф «Гитлер и Наполеон». 1941 г.

Fig. 19. N.V. Tomskii, M.F. Baburin. Relief “Hitler and Napoleon”. 1941

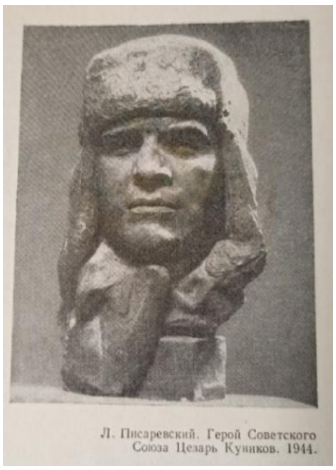

Рис. 21. Л. Писаревский. «Герой Советского Союза Цезарь Куников». 1944 г.

Fig. 21. L. Pisarevskiy. “Hero of the Soviet Union Caesar Kunikov”. 1944

Источник: изображения взяты авторами с сайта «Медиапортал Государственного музея городской скульптуры». URL: https://media.gmgs.ru/; из книги *Суздалев П.К.* Советское искусство периода Великой Отечественной войны. Москва: Сов. художник, 1965. С. 191.

Source: the images were taken by the authors from the website “Media Portal of the State Museum of Urban Sculpture”. URL: https://media.gmgs.ru/; from the book *Suzdalev P.K.* Soviet Art During the Great Patriotic War. Moscow, Sovetskii khudozhnik, 1965, p. 191.

Таким образом, эпоха Отечественной войны показала проблему героического портретного образа, отвечающую задачам воплощения сильных и ярких характеров людей подвига, появившихся в годы великих испытаний. Героическое образное начало пронизывало собой всё портретное творчество скульпторов тех лет, и именно оно определило подход к содержанию портретного образа и в станковых работах, и явилось стержнем для развития скульптурного портрета.

2025;11(4):1044-1064 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 22. З.И. Азгур. Портрет Героя Советского Союза партизана М.Ф. Сельницкого. Гипс. 1943 г. Ленинград, Русский музей

Fig. 22. Z.I. Azgur. Portrait of Hero of the Soviet Union, partisan M.F. Selnitsky. Gypsum. 1943 Leningrad, Russian Museum

Рис. 23. В.В. Лишев. «Спасение командира». 1942 г.

Fig. 23. V.V. Lishev. “Saving the Commander”. 1942

Рис. 24. В.В. Лишев. «Несут раненого». 1941 г.

Fig. 24. V.V. Lishev. “Carrying the wounded”. 1941

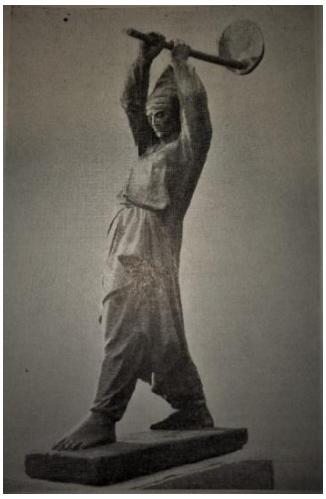

Рис. 25. О.М. Мануйлова. «В помощь Фронту». 1942 г.

Fig. 25. O.M. Manuilova. “To help the Front”. 1942

Источник: изображение взято авторами с сайта “Totalarch” URL: https://ussr.totalarch.com/sculpture_ussr; из книги *Суздалев П.К.* Советское искусство периода Великой Отечественной войны. Москва: Советский художник 1965. С. 205, 211.
Source: the image was taken by the authors from the website URL: https://ussr.totalarch.com/sculpture_ussr; from the book *Suzdalev P.K.* Soviet Art During the Great Patriotic War. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1965, p. 205, 211.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 26. Фархадская ГЭС (Фото времён СССР)
Fig. 26. Farhad Hydropower Plant (Photo from the USSR era)

Рис. 27. Рабочий посёлок близ города Гурьева
Fig. 27. A working settlement near the town of Guryev

Источник: изображение взято авторами с сайта «Архи.ру». URL: https://archi.ru/almanac/91726/arkhitektura-gosbezopasnosti-zhiloi-poselok-u-goroda-gurev; из личного архива автора.
Source: the image was taken by the authors from the website "Archi.ru". URL: https://archi.ru/almanac/91726/arkhitektura-gosbezopasnosti-zhiloi-poselok-u-goroda-gurev; from the author's personal archive.

Скульптурный портрет был далеко не единственным видом, отражающим военную и героическую тематику. Поиск решения воплощения данной тематики происходил и в станковой и монументальной скульптуре. В скульптурах, скульптурных группах разрабатывались многофигурные композиции с развёрнутым сюжетом, посвящённые батальной героике и доблести тружеников тыла. Создавались собирательные образы мести врагу, образы партизан (рис. 23, 24).

В. Ляшев является одним старейших скульпторов Ленинграда. Он достаточно долго оставался в осаждённом городе и создал серию композиций, названную им «На улицах Ленинграда в дни блокады» (1941–1942 гг.).

Также скульптурные композиции и непосредственно скульптуры были посвящены трудовому подвигу людей в тылу. Например, в работе О. Мануйловой «В помощь фронту» (рис. 25) фигура девушки исполнена величественного пафоса созидания, её движения широки, кажется, что взмах такой силы, что перед ней находится огромная скала, которую она хочет разрушить одним движением.

Представление о монументальной скульптуре и художественной культуре военной эпохи было бы неполным без решения архитектурных задач. Эвакуация сотен крупных предприятий в восточные районы страны потребовала мобилизации сил архитекторов для быстрого строительства новых промышленных сооружений. Среди наиболее крупных объектов капитальных сооружений следует выделить строительство Фархадской ГЭС (рис. 26), металлургического комбината в Узбекистане, заводов в Армении, Грузии, Азербайджане.

Строительство жилых домов производилось только из местного материала. А так как жилья требовалось много, то разрабатывались проекты типового жилья, рассчитанного на поточный метод строительства.

Образцом жилой эпохи архитектуры военных лет может служить рабочий посёлок близ города Гурьева в Казахстане, построенный в 1943–1945 гг. по проекту архитекторов А. Арефьева и С. Василевского (при участии А. Лансере и Н. Васильковского). Этот городок был воздвигнут на пустом месте, в бесплотной солончаковой степи в рекордно короткое время. Выбрав подобную территорию, архитекторы не только построили дома,

2025;11(4):1044-1064 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

но и изменили пейзаж, изменили климат полуострова (рис. 27).

В Москве продолжалось строительство метрополитена. В 1943 г. были открыты новые станции. Архитектура и скульптурно-живописное убранство подземных и наземных сооружений новых станций несут в себе отражение военной действительности и посвящены прославлению подвига народа на полях сражений.

Таким образом, скульптура военных лет является значительной не только для того периода, но для исторической перспективы развития всей отечественной скульптуры в целом. «Символический смысл, заключённый в памятниках Великой Отечественной войны, обогащает человека, ориентирует его в мире, даёт направление его повседневной деятельности и позволяет расставить приоритеты собственной жизненной стратегии» [11].

«Вместе с известными произведениями музыки, литературы, драматургии, в «золотой» фонд мировой культуры вошли многие рисунки, картины, являющие собой одну из важнейших частей художественного творчества эпохи Отечественной войны» [12]. «Очевидно, что именно война была основной тематикой художественных произведений. В работах этого периода отражена нависшая фашистская угроза и тяжёлые страдания, выпавшие на долю людей» [13, с. 47].

Основным центром развития художественной жизни страны стала Москва. Художники, как и другие работники культуры и искусства, творили в нечеловеческих условиях. Многие принимали участие в военных действиях, и их работы являлись непосредственным отражением тех военных действий, которые проходили в тот или иной момент. Огромной популярностью пользовались рисунки Н. Жукова (рис. 28).

В работах находила отражение и партизанская жизнь. Например, картина «Бой за Пышно», кисти Н.И. Обрыньба, отразила людей за несколько мгновений до их гибели (рис. 29).

Пытались художники рассказать о зверских налётах фашистской авиации и о том, что оставалось после этого. Например, картина А.А. Пластова «Фашист пролетел» (1942) (рис. 30).

Отображали художники и труд женщин, на плечи которых легло всё хозяйство и помощь фронту. А также и защита ушедших в партизанские отряды мужей и сыновей (рис. 31).

Рис. 28. Н.Н. Жуков. «За Родину!». 1941 г.
Fig. 28. N.N. Zhukov. “For the Motherland!”. 1941

Рис. 29. Н.И. Обрыньба. «Бой за Пышно». 1943 г.
Fig. 29. N.I. Obrynba. “The Battle for Pyshno”. 1943

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Рис. 30. А.А. Пластов. «Фашист пролетел». 1942 г.
Fig. 30. A.A. Plastov. “A fascist flew by”. 1942

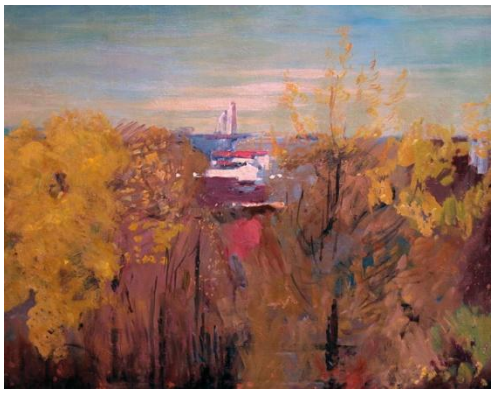

Рис. 32. С.В. Герасимов. «Весенний пейзаж»
Fig. 32. S.V. Gerasimov. “Spring Landscape”

Рис. 31. С.В. Герасимов. «Мать партизана». 1943–1950 г.
Fig. 31. S.V. Gerasimov. “Mother of the Partisan”. 1943–1950

Рис. 33. Е.Е. Лансере. «После Ледового побоища». 1942 г.
Fig. 33. E.E. Lansere. “After the Battle on the Ice”. 1942

Источник: изображение взято авторами с сайтов Журнал «Третьяковская галерея». URL: www.tg-m.ru; «Российская история в зеркале изобразительного искусства». URL: https://history.sgu.ru/?wid=407; «Партизаны Беларуси» URL: https://partizany.by/battles/peyzazh-napisannyy-krovyu/; Mutualart. URL: https://www.mutualart.com/Artwork/Spring-Landscape/161FCECC647369DB.
Source: the image was taken by the authors from the websites “The Tretyakov Gallery Magazine” URL: www.tg-m.ru; “Russian History in the Mirror of Fine Art” URL: https://history.sgu.ru/?wid=407; “Partisans of Belarus” URL: https://partizany.by/battles/peyzazh-napisannyy-krovyu/; Mutualart URL: https://www.mutualart.com/Artwork/Spring-Landscape/161FCECC647369DB.

Наряду с отражением военных сцен всё больше художники обращаются к мирной теме – пейзажу, подчёркивая необходимость полноты жизни после всех ужасов войны, а также напоминая всем о красоте того, что они защищают на полях сражений (рис. 32).

Обращение к исторической тематике в живописи военного времени служило указанием на мощь народа, его боевой дух и говорило о том, что русский народ сможет победить и в это нелёгкое время, как и тогда, когда происходили данные события (рис. 33).

2025;11(4):1044-1064 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Таким образом, живопись данного периода являлась отражением высокого патриотизма, мужества, вызывая в зрителе необходимый отклик. Основная задача художника того времени «помимо непосредственного участия в сражениях, поддерживать моральный дух воевавших на фронте и трудившихся в тылу врага. Без этой поддержки и помощи людям пришлось бы трудно, и они справились с ней с честью, явив миру великие произведения искусства, которые и до сего времени являются объектами всемирного культурного наследия и говорят нам о непоколебимой воле нашего народа» [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу художественного творчества периода Великой Отечественной войны, можно констатировать, что данный материал обладает мощным потенциалом формирования патриотической культуры современности и сохраняет преемственность духовно-нравственных проблем и вопросов. Военная, общественно-значимая, нравственная и другие темы и сюжеты по-прежнему остаются наиболее востребованными в современном искусстве. «Искусство в человеческой истории неоднократно играло важную идеологическую роль и в полной мере реализовывало свою миссию в сфере патриотического воспитания» [14, с. 137]. «Искусство может и должно выступать в качестве основного источника и носителя идеи Родины. Оно активизирует у человека чувства патриотизма и гражданской ответственности, способствует формированию устойчивой гражданской идентичности и позитивной социальной направленности» [15, с. 58].

Патриотизм включает в себя различные сферы, и его воспитание является сложным и многогранным процессом. Чтобы развить глубокое чувство любви к Родине у молодого поколения, необходимо знакомить их с культурным и историческим наследием народа через изучение искусства. Художественное творчество такого значимого для истории России периода, как Великая Отечественная война, позволяет сохранять образцы художественной культуры как высокой ценности духовно-нравственного порядка в их связи с преемственностью поколений.

Список источников

1. *Муртузова К.Ч.* Иконология литографии «В очаге поражения» А.Ф. Пахомова // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра, к 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е.Р. Дашковой: материалы VI Междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 2023. Т. 1. С. 214-218. https://elibrary.ru/vaugdu
2. *Кочнова О.А.* Синтез искусств как принцип воплощения подвига народного в Великой Отечественной войне // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 3-1. С. 64-73. https://doi.org/10.34670/AR.2022.32.70.007, https://elibrary.ru/aixspg
3. *Гладких З.И.* Искусство периода Великой Отечественной войны как источник духовно-нравственного воспитания личности // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 2 (54). С. 97-105. https://elibrary.ru/gcdznt
4. *Пекина А.М.* Плакатное искусство Великой Отечественной войны как важный элемент культурного наследия России // Проблемы межрегиональных связей. 2025. № 30 (2). С. 58-67. https://doi.org/10.54792/24145734_2025_30_58_67, https://elibrary.ru/ntyzkr
5. *Родина-Барановская С.А., Добин А.В., Сербенко Н.И.* Образ человека в советском театральном искусстве в годы Великой Отечественной войны // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 5-6-1. С. 77-84. https://doi.org/10.34670/AR.2023.58.14.011, https://elibrary.ru/mdzwbj
6. *Гарбуз Д.А.* Игровой театр и театр военных действий: грани взаимодействия // Славянский мир: Письменность, культура, история: материалы Междунар. науч. конф. Смоленск: Смолен. гос. ин-т искусств, 2015. С. 96-100. https://elibrary.ru/vnqlyt
7. *Иващенко В.А., Корченова П.М.* Советский кинематограф в годы Великой Отечественной войны // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2025. № 1. С. 130-137. https://elibrary.ru/uumvvm

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1044-1064
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

8. *Будякова Г.И.* Эволюция женского образа в советском кинематографе времён Великой Отечественной войны // Социосфера. 2025. № 1. С. 18-21. https://elibrary.ru/atvxcf
9. *Кунак А.Ю.* О роли музыкального искусства в жизни общества // Образовательный форсайт. 2024. № 4 (24). С. 255-262. https://elibrary.ru/qlhsxw
10. *Лавров Д.Е.* Русские лаковые промыслы в период Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 475-488. https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.211, https://www.elibrary.ru/ksnbro
11. *Бочкарёва А.С.* Архитектурно-скульптурная символика в контексте проблемы сохранения историко-культурного наследия Великой Отечественной войны // Научные труды КубГТУ. 2015. № 7. С. 50-61. https://www.elibrary.ru/umltij
12. *Никольская Т.М.* Сюжетные особенности изобразительного искусства периода Великой Отечественной войны // XIV Поленовские чтения. Национальные художественные традиции как основа эстетического воспитания: материалы Междунар. науч.-практ. конф.-форума. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. С. 70-80. https://elibrary.ru/nkkdrm
13. *Нагорнова В.О.* Советское искусство в годы Великой Отечественной войны // Человек. Социум. Общество. 2022. № 8. С. 45-54. https://www.elibrary.ru/alfums
14. *Деменев Д.Н.* Искусство как средство патриотического воспитания: опыт философского осмысления в эпоху глобализации // Философия образования. 2022. Т. 22. № 1. С. 134-153. https://doi.org/10.15372/PHE20220109, https://www.elibrary.ru/prchae
15. *Пищик О.Г.* Великая Победа сквозь призму искусства // Вестник образования. 2025. № 5 (269). С. 57-63. https://www.elibrary.ru/ptsceb

References

1. Murtuzova K.Ch. Iconology of lithography “In the focus of defeat” by A.F. Pakhomov. *Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. “Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze: vchera, segodnya, zavtra, k 280-letiyu so dnya rozhdeniya rossiiskoi prosvetitel’nitsy knyagini E.R. Dashkovoi”: v 3 t. = Proceedings of the VI International Scientific Conference “Humanities in the Modern University: Yesterday, Today, Tomorrow, for the 280th Anniversary of the Birth of Russian Enlightenment Figure Princess E.R. Dashkova”:* in 3 vols. St. Petersburg, 2023, vol. 1, pp. 214-218. (In Russ.) https://elibrary.ru/vaugdu
2. Kochnova O.A. The synthesis of arts as the principle of the embodiment of the people’s feat in the great patriotic war. *Kul’tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*, 2022, vol. 12, no. 3-1, pp. 64-73. (In Russ.) https://doi.org/10.34670/AR.2022.32.70.007, https://elibrary.ru/aixspg
3. Gladkikh Z.I. Art of the Great Patriotic War Period as a source of spiritual and moral education of the individual. Uchenye zapiski. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2020, no. 2 (54), pp. 97-105. (In Russ.) https://elibrary.ru/gcdznt
4. Pekina A.M. Poster Art of the Great Patriotic War as an important element of Russia’s cultural heritage. *Problemy mezhregional’nykh svyazei = Problems of Interregional Relations*, 2025, no. 30 (2), pp. 58-67. (In Russ.) https://doi.org/10.54792/24145734_2025_30_58_67, https://elibrary.ru/ntyzkr
5. Rodina-Baranovskaya S.A., Dobin A.V., Serbenko N.I. The human image in soviet theatrical art during the great patriotic war. *Kul’tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*, 2023, vol. 13, no. 5-6-1, pp. 77-84. (In Russ.) https://doi.org/10.34670/AR.2023.58.14.011, https://elibrary.ru/mdzwbj
6. Garbuz D.A. Play Theater and Theater of War: Facets of Interaction. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Slavyanskii mir: Pis’mennost’, kul'tura, istoriya” = Proceedings of the International Scientific Conference “The Slavic World: Writing, Culture, History”*. Smolensk, Smolensk State Institute of Arts, 2015, pp. 96-100. (In Russ.) https://elibrary.ru/vnqlyt
7. Ivashchenko V.A., Korchenova P.M. Soviet Cinema During the Great Patriotic War. *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost’ = Main Trends in Russia’s State and Social Development: History and Modernity*, 2025, no. 1, pp. 130-137. (In Russ.) https://elibrary.ru/uumvvm
8. Budyakova G.I. The evolution of the female image in Soviet cinema during the Great Patriotic War. *Sotsiosfera = Sociosphere*, 2025, no. 1, pp. 18-21. (In Russ.) https://elibrary.ru/atvxcf
9. Kunak A.Yu. On the role of musical art in society. *Obrazovatel’nyi forsait = Educational Foresight*, 2024, no. 4 (24), pp. 255-262. (In Russ.) https://elibrary.ru/qlhsxw

2025;11(4):1044-1064 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

10. Lavrov D.E. Russian lacquer crafts during the Great Patriotic War. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 475-488. (In Russ.) https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.211, https://www.elibrary.ru/ksnbro
11. Bochkareva A.S. Architectural and sculptural symbols in the context of the problems of the preservation of the historical and cultural heritage of the Great Patriotic War. *Nauchnye trudy KubGTU = Scientific Works of KubSTU*, 2015, no. 7, pp. 50-61. (In Russ.) https://www.elibrary.ru/umltij
12. Nikol'skaya T.M. Plot features of fine art during the Great Patriotic War. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii-foruma "XIV Polenovskie chteniya. Natsional'nye khudozhestvennye traditsii kak osnova esteticheskogo vospitaniya" = Materials of the International Scientific and Practical Conference-Forum "14th Polenov Readings. National Artistic Traditions as the Foundation of Esthetic Education"*. Tambov, "Derzhavinskii" Publ. House, 2023, pp. 70-80. (In Russ.) https://elibrary.ru/nkkdrm
13. Nagornova V.O. Soviet art during the Great Patriotic War. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo = Human. Society. Community*, 2022, no. 8, pp. 45-54. (In Russ.) https://www.elibrary.ru/alfums
14. Demenev D.N. Art as a means of patriotic education: the experience of philosophical reflection in the era of globalization. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 134-153. (In Russ.) https://doi.org/10.15372/PHE20220109, https://www.elibrary.ru/prchae
15. Pishchik O.G. The Great Victory through the prism of art. *Vestnik obrazovaniya = Education Bulletin*, 2025, no. 5 (269), pp. 57-63. (In Russ.) https://www.elibrary.ru/ptsceb

Информация об авторах

НИКОЛЬСКАЯ Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры дополнительного образования, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 5965-7297, РИНЦ AuthorID: 396355, https://orcid.org/0000-0002-1525-3161, timnik2004@mail.ru

ЗЫКОВА Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 3811-3109, РИНЦ AuthorID: 434318, https://orcid.org/0000-0002-9812-855X, irinasertakova@yandex.ru

ЛАВРИНОВА Наталия Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры сценических искусств, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 1086-9955, РИНЦ AuthorID: 363904, https://orcid.org/0000-0001-9122-6184, natlavrinova@yandex.ru

Для контактов:
Никольская Татьяна Михайловна
e-mail: timnik2004@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025
Поступила после рецензирования 20.10.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Tatiana M. Nikolskaia, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Additional Education Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 5965-7297, RSCI AuthorID: 396355, https://orcid.org/0000-0002-1525-3161, timnik2004@mail.ru

Irina N. Zykova, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 3811-3109, RSCI Author ID: 434318, https://orcid.org/0000-0002-9812-855X, irinasertakova@yandex.ru

Natalia N. Lavrinova, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of Performing Arts Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 1086-9955, RSCI Author ID: 363904, https://orcid.org/0000-0001-9122-6184, natlavrinova@yandex.ru

Corresponding author:
Tatiana M. Nikolskaia
e-mail: timnik2004@mail.ru

Received 01.08.2025
Revised 20.10.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.116
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1065-1080
Шифр научной специальности 5.10.1

Восприятие и распространение академических идей Б.А. Успенского в Китае

Цзямэй Сунь, Минци Се ✉
Нанкинский педагогический университет
210097, Китайская Народная Республика, г. Нанкин, р-н Гулоу, ул. Нинхай, 122
✉ constant1984@126.com

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Борис Андреевич Успенский, выдающийся российский семиотик и один из ключевых основателей Тартуско-московской семиотической школы, в последние годы привлекает всё больше внимания в китайском академическом сообществе. Процесс восприятия и распространения его академических идей, а также их творческое применение и развитие в китайском научном контексте заслуживают изучения. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Применён комплекс взаимодополняющих подходов, включая историко-хронологический анализ эволюции рецепции идей Б.А. Успенского в Китае с 1980-х гг. по настоящее время и компаративный анализ его концепций, проведённый как на внутрироссийском, так и на межкультурном уровне. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследование идей Б.А. Успенского прошло путь – от ознакомления к интерпретации и, наконец, к творческой адаптации. Распространение его мысли в Китае стало возможным благодаря методологическому новаторству её поэтики композиции и воплощённому в ней национальному духу. Исходя из этого, наряду с анализом существующих работ, проанализировано малоизученное понятие «рамок» в поэтике композиции, а также посредством диалога русской и китайской поэтик предлагается новая точка зрения – «эмоциональная». ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Академические концепции Б.А. Успенского отличаются как теоретической глубиной, так и практической ценностью, что свидетельствует об их содержательной многогранности. Исследование и инновационное развитие его академической мысли способствует российско-китайскому академическому диалогу и стимулирует развитие гуманитарных и социальных наук в Китае.

Ключевые слова: Борис Успенский, русская семиотика, Тартуско-московская семиотическая школа, поэтика композиции, межкультурная коммуникация, восприятие и распространение

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Благодарности. Коллектив авторов выражает благодарность профессору Гуань Юеэ за ценные рекомендации по совершенствованию исследования, а также за предоставление пространства и материалов для проведения работы.

Вклад авторов: Цзямэй Сунь – поиск и анализ научной литературы, обработка результатов исследования, написание черновика рукописи. Минци Се – общая концепция статьи, анализ данных, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Сунь Цзямэй, Се Минци*. Восприятие и распространение академических идей Б.А. Успенского в Китае // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1065-1080. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1065-1080

© Сунь Цзямэй, Се Минци, 2025

2025;11(4):1065-1080 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1065-1080
OECD 5.09; ASJC 3316

The reception and dissemination of B.A. Uspenskiy's academic ideas in China

Jiamei Sun, Mingqi Xie ✉
Nanjing Normal University
122 Ninkhai St., Gulou district, Nanjing, 210097, People's Republic of China
✉ constant1984@126.com

Abstract
INTRODUCTION. Boris A. Uspensky, an outstanding Russian semiotist and one of the key founders of the Tartu-Moscow Semiotic School, has been attracting more and more attention in the Chinese academic community in recent years. The process of perception and dissemination of his academic ideas, as well as their creative application and development in the Chinese scientific context, deserve to be studied. MATERIALS AND METHODS. A set of complementary approaches has been applied, including a historical and chronological analysis of the evolution of the reception of B.A. Uspensky's ideas in China from the 1980s to the present and a comparative analysis of his concepts conducted both at the domestic and intercultural levels. RESULTS AND DISCUSSION. The study of B.A. Uspensky's ideas has gone a long way – from familiarization to interpretation and, finally, to creative adaptation. The spread of his thought in China was made possible by the methodological innovation of her poetics of composition and the national spirit embodied in it. Based on this, along with the analysis of existing works, the little-studied concept of "framework" in the poetics of composition is analyzed, and a new point of view is proposed through the dialogue of Russian and Chinese poetics – "emotional". CONCLUSION. The academic concepts of B.A. Uspensky differ in both theoretical depth and practical value, which indicates their substantial versatility. The research and innovative development of his academic thought contributes to the Russian-Chinese academic dialogue and stimulates the development of humanities and social sciences in China.

Keywords: Boris Uspensky, Russian semiotics, the Tartu-Moscow Semiotic School, poetics of composition, intercultural communication, perception and dissemination

Funding. This research received no external funding.

Acknowledgements. The authors would like to express gratitude to Professor Guan Yueh for valuable recommendations on improving the research, as well as for providing space and materials for the work.

Authors' Contribution: Jiamei Sun – has searched and analized scientific literature, processing results of the study, writing – original draft preparation. Mingqi Xie – general concept of the study, data analysis, has edited the manuscript.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Sun Jiamei, & Xie Mingqi. The reception and dissemination of B.A. Uspenskiy's academic ideas in China. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1065-1080. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1065-1080

ВВЕДЕНИЕ

После начала политики реформ и открытости в Китае в 1980-х гг. российская семиотическая мысль, сопровождаемая волной академических обменов, проникла в Китай. Семиотическая теория российского теоретика Бориса Андреевича Успенского также постепенно привлекла внимание китайских учёных. Освоение академических идей

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Б.А. Успенского в Китае началось в 1987 г., когда искусствовед Лин Цзияо познакомил китайское академическое сообщество с Тартуско-московской семиотической школой и её основателем Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским посредством сравнительного исследования их концепций [1]. Затем в 1998 г. профессор Шэнь Дань, специалист по нарратологии, в своей работе представила теорию поэтики композиции Б.А. Успенского как важную концепцию западной нарратологии [2], что подготовило почву для выхода в 2004 г. китайского перевода его «Поэтики композиции» [3]. Публикация перевода ввела теорию поэтики композиции Б.А. Успенского в китайское академическое пространство.

С 2009 по 2022 г. профессор Гуань Юеэ вывела изучение поэтики композиции Б.А. Успенского в Китае на системный уровень, всесторонне исследовав её семиотические механизмы [4–5], методологические истоки [6–7], новаторский потенциал [8] и религиозно-философские основы [9], а также продемонстрировав её практическое применение [10–12]. В 2022 г. профессор Гуань опубликовала монографию «Исследование теории поэтики композиции и критического метода Б.А. Успенского» – первое и единственное системное исследование мысли Б.А. Успенского в Китае, что значительно способствовало глубокому пониманию и применению данной теории в Китае [13]. С 2010 г. наблюдается активный рост практического применения теории Б.А. Успенского: исследователи применяют методологию поэтики композиции для анализа нарративной структуры текстов [14] и их поэтической структуры [15–16], а также распространяют её на решение социальных проблем, таких как модернизация китайских педагогических систем [17]. Кроме того, они активно осуществляют сравнительный анализ данной теории с другими [18] и изучают потенциал междисциплинарного синтеза поэтики композиции с теорией живописи [19].

В 2021 г. профессор Чжао Айго посвятил воззрениям Б.А. Успенского отдельный раздел своей монографии [20, с. 609-619], что ознаменовало переход к целостному осмыслению его теории культурной семиотики. Наблюдаемая тенденция находит продолжение в новейших работах, фокусирующихся на его концепции «дуалистического характера русской культуры» [21].

Учитывая значительное влияние и сохраняющийся научный потенциал научных идей Б.А. Успенского в китайском академическом сообществе, настоящее исследование ставит перед собой следующие основные задачи:

1) интерпретировать механизмы и движущие силы рецепции идей Б.А. Успенского в Китае;

2) проанализировать ключевые аспекты адаптации его теорий и выявить их внутренние мотивы;

3) продолжить интерпретационную линию теорий Б.А. Успенского и выявить перспективные направления их будущего восприятия.

Таким образом, исследование будет способствовать углублению, взаимообогащению российской и китайской академических традиций в конкретных теоретических областях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

С целью объективного и всестороннего представления траектории восприятия идей Б.А. Успенского в Китае настоящее исследование основано на работах китайских учёных, посвящённых мыслям Б.А. Успенского и опубликованных в период с 1986 г. по настоящее время после исключения публикаций с повторяющимися трактовками. Анализируемая выборка включает монографии, научные статьи, газетные рецензии и диссертации. Кроме того, для глубокого осмысления деталей и причин данного рецептивного процесса исследование привлекает две ключевые монографии Б.А. Успенского, активно рецензированные в Китае – «Поэтика композиции» и «Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство».

Данное исследование, учитывающее исторический и культурный контекст, систематизирует траекторию рецепции идей Б.А. Успенского в китайском академическом сообществе и определяет в качестве её основного ядра восприятие теории «поэтики композиции». В работе также применяется

2025;11(4):1065-1080 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

сопоставительный подход, реализуемый по двум основным направлениям: сопоставление идей Б.А. Успенского (в первую очередь его поэтики композиции) с концепциями других российских семиотиков, рецензировавшихся в Китае в тот же период, и сравнение его теоретической системы с китайской традиционной поэтикой, что позволяет выявить специфику и новаторский потенциал его научной концепции в китайском академическом контексте.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Процесс восприятия академических идей Б.А. Успенского в Китае. Борис Андреевич Успенский (род. 1937) – выдающийся представитель российской семиотической школы, создавший уникальную теоретическую систему. Присущая его концепции глубокая национальная специфика в сочетании с исключительной методологической ценностью превратила идеи Б.А. Успенского в важный мост, способствующий научному диалогу между Россией и Китаем. Если проанализировать процесс восприятия его теории в Китае на начальном этапе, то можно обнаружить лежащую в его основе двойственную академическую мотивацию.

С одной стороны, восприятие идей Б.А. Успенского связано с устойчивым вниманием китайских учёных к русской семиотике. В 1980-е гг. китайские теоретики литературы, стремясь выйти за рамки доминировавшей социально-исторической критической модели, активно искали новые методологические подходы. В тот период, когда западные и российские семиотические теории активно проникали в Китай в качестве «передовой науки», Тартуско-московская школа привлекла внимание своим системным подходом к языку как целостной знаковой системе, что составляло принципиальное отличие от западной структуралистской семиотики, ориентированной на анализ отдельных знаков [1, с. 140]. Кроме того, фокус данной школы на имманентный анализ знаковых систем контрастировал с социально-идеологической направленностью М.М. Бахтина, чьи теории в тот период также активно изучались в Китае [22]. В рамках освоения основных идей школы китайские исследователи разделили наследие её ключевых фигур на «архетипическое» (В.В. Иванов, В.Н. Топоров) и «типологическое» (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский) направления [23, с. 5]. Если первое было сосредоточено на культурных архетипах, мифологических мотивах, их кодировании и репрезентации в языке и тексте [24], то второе обращалось к внутренней структуре художественного текста и механизмам порождения смысла [25; 26]. Среди последних Б.А. Успенский привлёк особое внимание китайских учёных своим подходом, согласно которому культура понималась как язык или комплекс разнофункциональных языков, что позволяло разрабатывать проблемы культурной семиотики [27, с. 59]. Помимо этого, его научная парадигма, использующая лингвистику как инструмент и сосредоточенная на структурном анализе текста, обогатила китайскую исследовательскую традицию, опиравшуюся на эмпирический и интуитивный подходы [28, с. 81]. Данная академическая особенность заложила основу для последующего интереса научного сообщества к его ключевой теории – поэтике композиции.

С другой стороны, именно значительное влияние теории поэтики композиции Б.А. Успенского на западную нарратологию позволило ей через западное академическое сообщество войти в дискурс китайских исследований. В конце 1970-х гг. китайская нарратология начала заимствовать западную нарратологическую теорию для проведения нарративной критики [29, с. 157]. В это время, основываясь на английском переводе работы «Поэтика композиции» (A Poetics of Composition, 1973), китайский нарратолог Шэнь Дань представила анализ этой теории в своём труде по нарратологии. В главе, посвященной классификации точек зрения в западной нарратологии, она отметила ценность теории «поэтики композиции» Б.А. Успенского за обоснование важности многомерного анализа текста с позиции «точки зрения», но она также указала на ограничения данной теории в нарратологическом аспекте: отсутствие чёткого разграни-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

чения между концепциями повествовательной точки зрения и «голоса» нарратора, и размывание границ между автором и рассказчиком [2, с. 192]. Хотя исследование профессора Шэнь, проведённое в рамках западной нарратологии, не углублялось в основу поэтики композиции – типологию композиционных возможностей, её работа способствовала популяризации данной теории в академических кругах Китая и сделала изучение данной теории с нарратологической точки зрения одним из основных направлений. Например, профессор Тань Цзюньцян проанализировал идеи Б.А. Успенского об идеологическом уровне точки зрения в рамках западной нарратологии [30]. Кроме того, Мэн Линхуа использовала точку зрения как методологический инструмент для нарративного анализа текста «Апокалипсиса»[1].

Вышеупомянутые причины в совокупности обусловили рецепцию идей Б.А. Успенского в Китае, что и привело к публикации китайского перевода «Поэтики композиции» в 2004 г. Как пояснил переводчик Пэн Чжэнь в предисловии, решение о переводе данной книги было обусловлено как значимостью для русской литературной теории XX века типологии композиционных возможностей – представительной парадигмы Тартуско-московской школы [3, с. 10-12], так и новаторским концептуальным вкладом Б.А. Успенского, выразившимся в постановке «точки зрения» в фокус анализа структуры художественного текста [3, с. 20].

Публикация перевода «Поэтики композиции» позволила исследователям глубже ознакомиться с идеями Б.А. Успенского и в определённой степени преодолеть разрыв среди учёных из разных научных сред, вызванный уникальным «двусторонним» путём её восприятия. К примеру, Су Чан вновь обратилась к проблеме ограничений точки зрения, отмеченных профессором Шэнь Дань, и пояснила, что исследование Б.А. Успенского фокусируется на типологии «точки зрения» как структурного принципа в художественном тексте, и в рамках его теоретических задач не обязательно затрагивать проблему разграничения между автором и рассказчиком [31, с. 25]. Очевидно, что к этому времени китайские исследователи пришли к ясному пониманию специфики поэтики композиции Б.А. Успенского. На этой основе профессор Гуань Юеэ систематически исследовала теорию поэтики комозиции Б.А. Успенского в рамках Тартуско-московской семиотической школы [32], затем в более широком контексте западной и российской научной мысли и обогатила данную теорию оригинальной китайской интерпретацией [13], благодаря чему изучение академической мысли Б.А. Успенского в Китае перешло на стадию углублённого понимания.

В этот период учёные провели тщательный анализ теории поэтики композиции. Например, Ван Сяоян провела детальный анализ языковых средств, выражающих различные точки зрения [33]. В то же время Юэ Шифа критически указал на присущую ей проблему чрезмерного внимания к структуре и игнорирования творческого субъекта[2]. Благодаря этим исследованиям поэтика композиции превратилась из простого инструмента нарратологического анализа в фундаментальную основу для анализа структур и генерации смысла в разнородных текстах. Опираясь на данный подход, учёные проанализировали точку зрения на фразеологическом уровне в романах Ф.М. Достоевского [34], пространственно-временную структуру произведения «Душечка» А.П. Чехова [15], раскрыли перспективы детского повествования в произведениях Элис Манро[3].

Дальнейшие исследования раздвинули границы традиционного теоретического анализа, раскрыв методологическую ценность поэтики композиции в междисциплинарных сферах, таких как теория перевода[4] и живо-

[1] *Мэн Линхуа*. Исследование нарративного искусства «Апокалипсиса»: дис. … магистра. Хэнань: Хэнан. ун-т, 2008. 63 с.

[2] *Юэ Шифа*. Исследование типологии композиционных возможностей Б.А. Успенского в области литературоведения: дис. … магистра. Шаньдун: Шаньдун. ун-т, 2011. 75 с.

[3] *Ань Жань*. Исследование точек зрения детского повествования в романах Элис Манро: дис. … магистра. Курск: Юго-Зап. ун-т, 2019. 70 с.

[4] *Се Яньцзюань*. Исследование перевода русской литературы на китайский язык в рамках теории «точка зрения» Б.А. Успенского: автореф. дис. … магистр

2025;11(4):1065-1080 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

пись [19]. По мере углубления восприятия идей Б.А. Успенского, фокус внимания исследователей постепенно сместился с поэтики композиции на другие его ключевые концепции в области культурной семиотики, такие как теория «антиповедения» и концепция «дуалистический характер русской культуры» [20, с. 609-619]. Кроме того, некоторые исследователи обратили внимание на идеи Б.А. Успенского в других областях. Например, опираясь на его работу в области лингвистики «Часть и целое в русской грамматике», учёный провёл сопоставительный анализ выражения отношений части и целого в русском и китайском языках[5]. Помимо этого, профессор Гуань Юеэ занимается переводом монографии Б.А. Успенского по семиотике коммуникации «Ego Loquens», которая уже служит основой для исследований её магистрантов, в том числе для анализа дейксиса в русском языке[6].

Исходя из этого следует, что восприятие идей Б.А. Успенского в Китае прошло три этапа. Изначальная ситуация, характеризовавшаяся односторонним заимствованием китайскими учёными западных и российских академических парадигм, породила двойственный способ восприятия теории Б.А. Успенского. В этот период его теория поэтики композиции заслужила внимание предложенной ею методологией, отличающейся внедрением в теорию литературы лингвистического подхода. Публикация перевода «Поэтики композиции» и её систематизация профессором Гуань Юеэ положили начало второму этапу, который был отмечен углублённым изучением этой теории и активным теоретическим диалогом. В ходе дальнейших изысканий учёные не только расширили теоретические границы поэтики композиции, но и углубились в исследование концепций Б.А. Успенского в области культурной семиотики и семиотики коммуникации, что ознаменовало наступление текущего, третьего этапа.

Методологическая ценность теории поэтики композиции Б.А. Успенского. Проведённый анализ показывает, что интерес китайских исследователей к теории Б.А. Успенского сосредоточен в основном на поэтике композиции. Данный феномен проистекает из того, что эта теория не только предоставила китайским исследователям новаторскую методологию, но и была ими глубоко укоренена в национальном духе.

В своей монографии профессор Гуань Юеэ утверждает, что методологическая ценность поэтики композиции, центральной проблемой которой является «точка зрения», заключается в её открытости, многомерности и динамичности [13, с. 78-79]. Во-первых, хотя теория основана на структуралистском подходе к исследованию, она преодолевает присущую структурализму замкнутость исследовательской парадигмы через анализ ключевой проблемы «точки зрения», раскрывая сложную систему взаимодействий между произведением, художником, аудиторией и Вселенной. Эта характеристика выявляется ещё яснее при сопоставлении с лотмановским анализом структуры художественного текста. Несмотря на общий интерес к проблеме смыслопорождения в многоуровневых структурах, Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский по-разному подходят к классификации этих уровней. Первый напрямую заимствует лингвистическую иерархию, включающую «фонологический», «грамматический» уровни и т. д. [25, с. 70], в то время как второй концентрируется на «точках зрения», которые, хотя и проявляются через анализ конкретного языкового материала, но в определённой степени зависят от взаимодействия описывающего субъекта и объекта [26, с. 200-201]. Таким образом, в данном аспекте поэтика композиции Б.А. Успенского открыта по отношению к внетекстовым элементам. В этой связи концепция открытости нашла своё теоретическое подтверждение и дальнейшее развитие в исследовании Гульдиар Дильмурати, посвящённом анализу нарративных точек зрения в романе Ч.Т. Айтматова «Плаха».

филол. наук. Шанхай: Шанхай. ун-т иностр. языков, 2019. 80 с.

[5] *Ло Яо*. Исследование семиотического моделирования отношений целого и части в русском языке: автореф. дис. … магистр филол. наук. Нанкин: Нанкин. пед. ун-т, 2021. 65 с.

[6] Источником информации послужило личное интервью авторов с профессором Гуань Юеэ.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

В романе Ч. Айтматов, посредством оценочных точек зрения множественных субъектов, направляет читателя к осмыслению различий в экологических взглядах разных героев. Более того, используя переплетающиеся ретроспективные точки зрения, автор расширяет пространственно-временную структуру текста, выходя за его нарративные пределы для выявления истоков современных экологических вызовов.[7]

Во-вторых, многомерность точки зрения проявляется прежде всего в её развитии теории полифонического романа у М.М. Бахтина. Как указывает Б.А. Успенский: «полифония представляет собой частный случай взаимодействия множественных точек зрения в идеологическом плане» [26, с. 26]. Таким образом, в рамках поэтики композиции бахтинское полифоническое мышление ограничивается монопланом, тогда как текстовая структура представляет собой сложную систему, состоящую из множества планов, где точки зрения, переплетаясь благодаря диалогическому механизму, совместно формируют многомерно-структурное единство текста. Китайские учёные творчески адаптировали эту многомерную методологическую парадигму для анализа переводов русской литературы на китайский язык. Се Яньцзюань в своей работе утверждает, что в конкретной переводческой практике следует определять фокус передачи в переводе, исходя из интерактивной сети точек зрения, и комбинировать различные переводческие методы, чтобы максимально точно воссоздать стилевые особенности подлинника[8].

В-третьих, теория поэтики композиции Б.А. Успенского не только предлагает анализ повествования в художественном произведении через призму множественности точек зрения, но и фокусируется на том, как смысл текста порождается в процессе взаимодействия этих точек зрения в различных аспектах. Этот процесс взаимодействия раскрывается в двух измерениях: 1) в сплетении различных точек зрения на разных планах повествования; 2) во взаимодействии точек зрения на одном и том же уровне повествования. В этом непрерывном процессе преобразования и взаимодействия точек зрения смыслопорождение текста приобретает динамический характер. Практика китайских исследователей подтверждает это положение. Например, в анализе романа «Герой нашего времени» исследователь отмечает, что множественная точка зрения в тексте раскрывает сложный, многогранный образ Г. Печорина. При этом переход от «внешней» точки зрения к «внутренней» демонстрирует саморефлексию Печорина, выявляя тем самым присущий ему дух «мессианского» спасения, что в итоге приводит к иррациональному вопрошанию о смысле жизни [11, с. 123]. Аналогичным образом, в исследовании романа Дорис Лессинг «Золотая тетрадь» исследователь Ян Вэньцзе утверждает, что Лессинг использует «внешнюю» точку зрения для повествования истории, тогда как «внутренняя» точка зрения служит для комментирования творческого процесса [16, с. 112]. Эти две точки зрения вместе создают многомерную семантическую архитектонику текста во временном измерении. Эти примеры доказывают, что присущая точке зрения динамическая методология предоставляет эффективный критический подход для интерпретации сложных текстов.

На основании вышесказанного можно заключить, что, опираясь на центральную категорию «точки зрения», поэтика композиции Б.А. Успенского, благодаря своей комплексности (поскольку рассматривает форму и содержание текста как единое целое и включает в исследовательское поле позиции автора и читателя) и методологической точности (поскольку чётко разграничивает аналитические уровни и выявляет конкретные механизмы взаимодействия точек зрения, раскрывая динамический процесс смыслопорождения), в определённой степени преодолевает разрыв между социально-исторической критикой, которая фокусируется на

[7] *Дилимулати Гульдиар*. Исследование экологии нарративных стратегий Чингиза Айтматова в романе «Плаха»: дис. … магистра. Нанкин: Нанкин. пед. ун-т, 2022. С. 42-59.

[8] *Се Яньцзюань*. Исследование перевода русской литературы на китайский язык в рамках теории «точка зрения» Б.А. Успенского: автореф. дис. … магистр филол. наук. Шанхай: Шанхай. ун-т иностр. языков, 2019. 80 с.

2025;11(4):1065-1080 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

историческом, культурном и социальном контексте текста[9], и структурным анализом текста, который концентрируется на его конструкции, языке и стиле [13, с. 65-74].

Этот синтез стал предметом изысканий китайских учёных в поисках его национальных истоков: «Данная теория (поэтика композиции) представляет собой единство во множестве, сочетающее целостность и конкретное воплощение соборности как культурного духа и образа мышления русского народа» [7, с. 390] Однако в отношении подобной интерпретации сам Б.А. Успенский занимал более сдержанную позицию. Его академические контакты с профессором Гуань подтвердили, что он лично не признавал такой прямой связи[10]. Упомянутое различие, вероятно, объясняется полимотивированностью китайских исследователей в подходе к российской теории. Помимо её непосредственного применения и усвоения, они также стремятся через её призму глубже постичь духовную сущность российского народа. Эта познавательная задача нацелена на выявление общих черт между китайской и русской нациями с тем, чтобы использовать их в качестве моста для диалога, – и концепция «соборности» является одним из таких мостов. Исследователи указывают на то, что идеи идеального баланса индивидуального и коллективного, присущие русской концепции «соборности», обнаруживают концептуальное созвучие с идеей «сообщества единой судьбы человечества», которая активно развивается в современном Китае на фоне культурного многообразия [35, с. 121].

В заключение следует отметить, что в ходе исследований поэтики композиции китайскими учёными выявлены такие свойства «точки зрения», как открытость, многомерность и динамичность, которые сформировали комплексную и одновременно точную теоретическую характеристику, что преодолевает разрыв между социально-исторической критикой и структурным анализом текста. Параллельно китайские учёные провели культурологическую интерпретацию теории, что позволило выявить её культурные корни, уходящие в уникальную русскую концепцию «соборности». Несмотря на расхождения во взглядах китайских и российских учёных на взаимосвязь теории с концептом «соборности», именно этот межкультурный научный диалог обозначил новые перспективы для интерпретационного развития поэтики композиции.

Перспективы развития академических идей Б.А. Успенского в Китае. В современных китайских академических кругах интерес к теории Б.А. Успенского проявляется не только в многомерном расширении сфер её применения, но и во взаимном обогащении с традиционной китайской поэтикой. С учётом современных тенденций мы полагаем, что дальнейшее развитие поэтики композиции должно быть связано, в первую очередь, с углублённым изучением таких ранее маргинальных концепций, как «рамка». Помимо этого, традиции китайской философии открывают новые перспективы для развития теории Б.А. Успенского, что находит непосредственное выражение в предлагаемой категории – «эмоциональной точке зрения».

После раскрытия методологической ценности поэтики композиции Б.А. Успенского применение данной теории вышло за рамки текстового анализа и перешло в практическую сферу. Профессор Гуань Юеэ в своём исследовании демонстрирует, что взаимодействие «точек зрения», соотнесённое с концепцией «сообщества единой судьбы человечества», служит основой для построения уважительных международных отношений и углубления сотрудничества [36]. В то же время Цянь Сяоли адаптировала многомерность методологии точки зрения для преодоления ограничений линейного мышления в образовании, предлагая когнитивные тренинги (реверсивное и многомерное мышление)

[9] Следует особо подчеркнуть, что теория поэтики композиции Б.А. Успенского в общем основывается на типологии композиционных возможностей. В связи с этим анализ культурного контекста в тексте осуществляется ею лишь опосредованно – через взаимодействие формы и содержания, а также точки зрения автора и читателя. Именно исходя из этой ограниченности, в третьем разделе мы предлагаем восполнить данную теорию при помощи традиционной китайской поэтики.

[10] Согласно материалам интервью профессора Гуань Юеэ с Б.А. Успенским, зафиксированные в труде «Исследование теории поэтики композиции и критического метода Б.А. Успенского». С. 77.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

для эффективной подготовки междисциплинарных специалистов [17, с. 79-80]. Исследование Шэнь Цинь во время пандемии COVID-19 показало, что концепция «точки зрения» обладает значительной эвристической ценностью: если в ракурсе человеческого выживания пандемия – это кризис, то с экологической точки зрения – возможность восстановления природных систем [37, с. 71]. Благодаря творческой адаптации китайскими исследователями, категория «точки зрения» постепенно трансформировалась в универсальный методологический инструмент познания мира.

Хотя методологическая ценность поэтики композиции уже всесторонне изучена в китайском академическом сообществе, такие фундаментальные элементы теории Б.А. Успенского, как «рамки», остаются недостаточно разработанными в плане их методологического потенциала. Следует особо подчеркнуть, что «рамки» как семиотические границы художественного произведения выполняют структурную функцию в координации переключения «внутренней» и «внешней» точек зрения. Более того, теоретическая ценность данной концепции проявляется не только на уровне анализа текста, но и распространяется на исследование других форм художественных произведений. Как отмечал в своём труде сам Б.А. Успенский, проблема «рамок» в театре и живописи выступает механизмом разграничения художественного пространства, отделяя его от пространства реальной жизни, что и составляет сущностное отличие искусства от не-искусства [26, с. 227-228]. Примечательно, что в сравнительном исследовании теории Б.А. Успенского и живописной теории японского критика Карутани Кодзина учёный не только выявил ключевую роль «рамок» как границы между искусством и реальностью, но и посредством концепта «рамок» проанализировал механизм «инверсии» в теории Карутани – а именно «восприятия высокосемиотизированной нереальности как подлинной реальности, что приводит к взаимному обращению истинного и ложного» [19, с. 116-117]. Данное открытие не только подтверждает структурную значимость «рамок» в организации художественного текста, но и демонстрирует её универсальную применимость к различным типам арт-текстов.

Методология поэтики композиции предлагает китайским исследователям новые подходы, в то же время традиционная китайская поэтика открывает новые перспективы для исследования точки зрения за пределами структуры текста. Как упоминалось выше, методология поэтики композиции, центрированная на точке зрения, обладает свойством открытости. Однако Б.А. Успенский чётко указывает в своей работе: авторская точка зрения подразумевает не систему авторского мировосприятия вообще, «но ту точку зрения, которую он принимает при организации повествования в некотором конкретном произведении» [26, с. 27], в то время как читательская точка зрения рассматривается как запрограммированная автором часть композиционного построения, которая предусматривает определённое поведение читателя [26, с. 213]. Отсюда явствует, что хотя Б.А. Успенский затронул точки зрения автора и читателя, в конечном итоге их образы реализуются посредством организации точек зрения текста. Как признавал и сам Б.А. Успенский, в историческом контексте возникновения данной теории – серединой – концом 1960-х гг. – он, стремясь избежать идеологического давления, сознательно избирал стратегию сокрытия смыслов в формальном анализе[11]. Таким образом, становится очевидно, что теоретик не игнорировал авторскую и читательскую субъективность, но был вынужден воплощать её имплицитно, через призму формальных структур. Даже структурное исследование авторской точки зрения в определённой степени затрагивает идеологические вопросы, выходящие за рамки текста.

При всём этом необходимо признать, что с объективной точки зрения теория Б.А. Успенского не уделяет достаточного внимания активной роли авторской и читательской субъективности в процессе смыслопорождения текста. И данная особенность теории

[11] Согласно материалам интервью с Б.А. Успенским, зафиксированным в научном труде профессора Гуань Юеэ «Исследование теории поэтики композиции и критического метода Б.А. Успенского». С. 191-192.

2025;11(4):1065-1080 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

может создать трудности для её будущего распространения в Китае. Это противоречие проистекает из глубоких философских оснований традиционной китайской поэтики, ядро которой заключается в акцентировании взаимопроникающих и взаимообусловленных отношений между субъектом и объектом, а также между субъектами. Самый ранний из сохранившихся в Китае монументальных трудов по литературной теории – «Вэнь синь дяо лун» («Дракон, изваянный в сердце письмен») – утверждает: «Эмоция – основа литературного творчества, а формулировка – свод его законов» [38, с. 46]. Это положение раскрывает тот факт, что эмоция является внутренней движущей силой литературного творчества, а фразеология и структура – внешней формой для воплощения эмоции; эти два аспекта должны пребывать в единстве. В современную эпоху учёный Ван Говэй развил эту категорию «эмоции» в теорию «Цзинцзе» (境界说), сделав акцент на слиянии «эмоции» и «предмета»: когда автор входит в состояние «единства субъекта и объекта» (物我合一), его подлинные чувства внутренне преобразуются в эстетическую структуру текста, тем самым открывая читателю уникальное эстетическое пространство. В этом пространстве читатель способен как воспринять истинность предметного образа, так и постичь истинность авторского опыта, что побуждает автора и читателя к взаимодействию, в состоянии которого они притягиваются, но вместе с тем держатся отчуждённо [39, с. 108].

Интересно, что сам Б.А. Успенский в своих последующих исследованиях также обращался к проблеме диалогического пространства текста. В книге «Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство» он подробно исследует диалогичность между автором и читателем, утверждая: «для того, чтобы понять текст, мы должны представить себе ситуацию, в которой мы сами могли бы породить такой же или подобный – с нашей точки зрения – текст» [40, с. 239-240]. Нужно отметить, что данная позиция обнаруживает созвучие с традиционной китайской эстетической мыслью – обе подчёркивают неотъемлемую ситуативность процесса порождения смысла текста, тем самым открывая путь к интерпретации текста, выходящей за рамки структурного уровня. Однако акценты в двух подходах существенно различаются: идеи Б.А. Успенского в области семиотики коммуникации сосредоточены на исследовании базовых условий возникновения коммуникативного акта. В свою очередь китайская поэтика акцентирует внимание на самой эмоции – той, что передаются и пробуждаются в процессе коммуникации. Эти эмоции рассматриваются в ней как внутренний, конституирующий элемент структуры художественного произведения. Таким образом, исходя из произвольности выделения точек зрения – поскольку «упомянутые планы рассмотрения, соответствующие возможным подходам к их выявлению, являются базовыми, но отнюдь не исключают возможности обнаружения нового плана» [26, с. 18] – можно предположить, что китайская традиционная поэтика предлагает именно такой новый план. Связывая воедино форму и содержание, автора и читателя, мы предлагаем «эмоциональную точку зрения». Данная точка зрения укоренена в китайской философской концепции. Кроме того, данный ракурс может быть раскрыт через анализ эмоций, заключённых в языковых выражениях конкретных текстов. «Эмоциональная точка зрения» вводит субъективные эмоции в семиотический анализ, преобразуя их из объекта анализа в ключевой объяснительный принцип. Данный переход не только преодолевает традиционное субъект-объектное мышление, но и предлагает целостную восточную перспективу для понимания знаковых отношений.

В заключение можно констатировать, что теория поэтики композиции Б.А. Успенского в Китае вышла за рамки чисто аналитического инструментария и стала методом решения реальных проблем. Вместе с тем, несмотря на глубокое изучение данной теории в китайском академическом сообществе, такие концепты, как «рамка», остаются малоисследованными и заслуживают дальнейшего углублённого исследования. Наконец, в контексте её текущего синтеза с китайской традиционной поэтикой предложенная «эмоциональная точка зрения» не только обога-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

щает научное наследие Б.А. Успенского, но и открывает новые перспективы для дальнейшей рецепции его идей в Китае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование, опираясь на анализ работ китайских учёных, посвящённых Б.А. Успенскому, систематически реконструирует историю рецепции его семиотических идей в Китае. Данный процесс конкретно проявляется в виде перехода от первоначального «двойственного» пути восприятия к систематизированному пониманию и, наконец, к творческой адаптации и всестороннему осмыслению. Причины формирования данной траектории рецепции в основном могут быть сведены к трём аспектам: изменению отношения китайского академического сообщества к западной и российской научной мысли в разные периоды, уникальности теории Б.А. Успенского и её взаимодополняемости с традиционной китайской поэтикой.

Путём сопоставления с идеями других российских семиотиков и разбора конкретных случаев данное исследование не просто углубляет понимание характеристик теории поэтики композиции Б.А. Успенского в китайском контексте, но и обосновывает её практическую ценность как аналитического инструмента. На основе традиционной китайской поэтики предложена концепция «эмоциональной точки зрения», открывающая новые перспективы для интерпретации теории Б.А. Успенского. Суммарным результатом работы является теоретическая модель научного взаимодействия, основанная на принципах взаимодополняемости и равноправного диалога.

Следует особо отметить, что, учитывая продолжающуюся научную деятельность самого Б.А. Успенского, настоящее исследование представляет собой лишь этапное рассмотрение восприятия и распространения его идей в Китае в конкретном историческом контексте. Кроме того, будучи первым систематическим исследованием в данной области, данная работа формирует целостное представление о рецепции идей Б.А. Успенского в Китае. При этом рамки исследования ограничены опубликованными источниками; оно не включает архивные изыскания и не ставит целью выявление региональной специфики внутри Китая, оставляя детальное изучение этих аспектов для будущих исследований.

Список источников

1. 凌继尧. 塔尔图 – 莫斯科学派—记苏联符号学家洛特曼和乌斯宾斯基 // 读书 (*Линь Цзияо*. Тартуско-московская школа – заметки о советских семиотиках Ю.М. Лотмане и Б.А. Успенском // Чтение. 1987. № 3. С. 137-142.) https://doi.org/CNKI:SUN:DSZZ.0.1987-03-029
2. 申丹. 叙述学与小说文体学研究. 北京: 北京大学出版社有限公司 (*Шэнь Дань*. Исследования нарратологии и стилистики романа. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2019. 367 с.)
3. 鲍·安·乌斯宾斯基著，彭甄译. 结构诗学. 北京：中国青年出版社 (*Успенский Б.А.* Структурная поэтика. Пер. на китайский: Пэн Чжэнь. Пекин: Изд-во Китайской молодёжи, 2004. 165 с.)
4. 管月娥. 乌斯宾斯基与艺术文本结构的视点研究 [J].扬州大学学报 (人文社会科学版) (*Гуань Юеэ*. Исследование точки зрения в структуре художественного текста у Б.А. Успенского // Вестник Янчжоуского университета (гуманитарные и социальные науки). 2009. № 3. С. 124-128.) https://doi.org/10.19411/j.cnki.1007-7030.2009.03.021
5. 管月娥. 乌斯宾斯基诗学研究的符号学方法探析 // 南京师大学报 (社会科学版) (*Гуань Юеэ*. Исследование семиотического метода поэтики Б.А. Успенского // Вестник Нанкинского педагогического университета (социальные науки). 2010. № 5. С. 150-154.) https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-4608-B.2010.05.023
6. 管月娥. 乌斯宾斯基的结构诗学: 多元的学术和文化 “基因” // 江海学刊 (*Гуань Юеэ*. Поэтика композиции Б.А. Успенского: многообразные академические и культурные «гены» // Цзянхай академический журнал. 2019. № 6. С. 219-225.) https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-856X.2019.06.040

2025;11(4):1065-1080 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

7. *Гуань Юеэ* Полифоническая соборность точек зрения в «Поэтике композиции» Б.А. Успенского // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 385-392. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-385-392, https://elibrary.ru/fkauah
8. 管月娥. 乌斯宾斯基的结构诗学理论及其意义 // 俄罗斯文艺 (*Гуань Юеэ*. Поэтика композиции Б.А. Успенского и её значение // Русская литература и искусство. 2009. № 3. С. 84-87.) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2009.03.011
9. 管月娥. 东正教的 “聚和性” 理念与复调小说和结构诗学理论 // 外国文学研究 (*Гуань Юеэ*. Православная концепция «Соборность» и теории полифонического романа в поэтике композиции // Исследования зарубежной литературы. 2018. № 2. С. 55-63.) https://doi.org/10.19915/j.cnki.fls.2018.02.006
10. 管月娥. 情感性、对话性、多维性 — 毕巧林形象 “当代性” 的符号学透视 // 俄罗斯文艺 (*Гуань Юеэ*. Эмоциональность, диалогичность, многомерность: семиотический взгляд на «современность» образа Г. Печорина // Русская литература и искусство. 2014. № 3. С. 136-141.) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2014.03.022
11. 管月娥. 莱蒙托夫《当代英雄》艺术形式的文化符号学解读 // 俄罗斯文艺 (*Гуань Юеэ*. Культурно-семиотическая интерпретация художественной формы «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова // Русская литература и искусство. 2020. № 4. С. 121-128.) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2020.04.014
12. 张杰, 管月娥. 现实与真实之间: 普希金创作叙述的时空视点分析 // 外国文学研究 (*Чжан Цзе, Гуань Юеэ*. Между реальностью и подлинностью: анализ пространственно-временной точки зрения в повествовании А.С. Пушкина // Исследования зарубежной литературы. 2011. Т. 33. № 5. С. 65-71.) https://doi.org/10.19915/j.cnki.fls.2011.05.010
13. 管月娥. 乌斯宾斯基结构诗学理论与批评方法研究. 苏州：苏州大学出版社 (*Гуань Юеэ*. Исследование теории поэтики композиции и критического метода Б.А. Успенского. Сучжоу: Изд-во Сучжоуского ун-та, 2022. 258 с.)
14. 夏益群, 蒋天平. 十九世纪俄国小说儿童叙事中的 “视点” 问题研究 // 社会科学家 (*Ся Ицюн, Цзян Тяньпин*. Исследование проблемы «точки зрения» в детских повествованиях русских романов XIX века // Социальный учёный. 2009. № 3. С. 146-149.) https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-3240.2009.03.039
15. 吴艳荣. 乌斯宾斯基时空视点聚焦下的 “宝贝儿” 之爱//俄语学习 (*У Яньжун*. Тема любви в «Душечке» А.П. Чехова сквозь призму пространственно-временной точки зрения Б.А. Успенского // Изучение русского языка. 2015. № 6. С. 51-55.)
16. 颜文洁. 从乌斯宾斯基的符号学理论看《金色笔记》中的视点与对话 //俄罗斯文艺 (*Ян Вэньцзе*. Выражение точки зрения и диалог в «Золотой тетради» сквозь призму семиотической теории Б.А. Успенского // Русская литература и искусство. 2016. № 03. С. 107-112.) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2016.03.016
17. 钱小莉. 一部具有方法论普适价值的入世之作 — 评《乌斯宾斯基结构诗学理论与批评方法研究》// 江苏外语教学研究 (*Цянь Сяоли*. Работа с универсальной методологической ценностью: рецензия на книгу «Исследование теории поэтики композиции и критического метода Б.А. Успенского» // Исследования преподавания иностранных языков в Цзянсу. 2024. № 1. С. 78-80.)
18. 吴艳荣. 试论文学语篇中的时间范畴 — 从加里别林的时空连续体和乌斯宾斯基的时空视点考察 // 俄语学习 (*У Яньжун*. Категория времени в литературном дискурсе: анализ через призму пространственно-временного континуума И.Р. Гальперина и пространственно-временной точки зрения Б.А. Успенского // Русский язык и литература. 2015. № 2. С. 58-61.)
19. 郑季文. 乌斯宾斯基与柄谷行人对 “颠倒” 的发现 // 俄罗斯文艺 (*Чжэн Цзивэнь*. Открытие Б.А. Успенским и Кодзином Каратани феномена «инверсии» // Русская литература и искусство. 2016. № 3. С. 113-118.) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2016.03.017
20. 赵爱国. 俄罗斯符号学研究范式的百年流变. 北京：北京大学出版社 (*Чжао Айго*. Столетняя эволюция исследовательской парадигмы русской семиотики. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2021. 763 с.)
21. 费俊慧. 乌斯宾斯基论特列季阿科夫斯基与苏马罗科夫的文学论战 — 文化符号学视角 // 中国俄语教学 (*Фэй Цзюньхуэй*. Литературная полемика В.Т. Тредиаковского и А.П. Сумарокова в интерпретации Б.А. Успенского: культурно-семиотический аспект // Русский язык в Китае. 2024. № 4. С. 33-41.) https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-5510.2024.04.004
22. 张杰, 季海宏. 符号学理论：俄罗斯符号学派的起源与发展 // 中国符号学网 (*Чжан Цзе, Цзи Хайхун*. Теория семиотики: происхождение и развитие российской семиотической школы // Китайская сим-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

волистическая сеть. 2009. 5 дек. URL: http://www.semiotics.net.cn/index.php/view/index/theory/2938 (дата обращения: 30.12.2024).
23. 杜桂枝. 莫斯–塔尔图符号学派 // 外语学刊 (*Ду Гуйчжи*. Московско-тартуская семиотическая школа // Научные исследования по иностранным языкам. 2002. № 1. С. 1-8.) https://doi.org/10.16263/j.cnki.23-1071/h.2002.01.001
24. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Москва, 1974. 334 с. https://elibrary.ru/uftqfj
25. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. Москва, 1974. 383 с.
26. *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. Санкт-Петербург, 2000. 352 с.
27. 张杰. 走向体系研究的艺术符号学与文化符号学— 塔尔图-莫斯科符号学理论探索 // 外国语(上海外国语大学学报) (*Чжан Цзе*. К системному исследованию семиотики искусства и культуры: поиски теоретических основ Тартуско-московской школы // Иностранные языки (Вестник Шанхайского университета иностранных языков). 2000. № 6. С. 57-62.)
28. 张杰. 俄苏诗学理论在中国的接受 // 俄罗斯文艺 (*Чжан Цзе*. Восприятие русско-советской поэтической теории в Китае // Русская литература и искусство. 2009. № 3. С. 79-83.) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2009.03.004
29. 江守义. 叙事理论的中国经验及其思考 // 学术月刊 (*Цзян Шоуи*. Китайский опыт нарративной теории и его осмысление // Академический ежемесячник. 2024. № 10. С. 157-169.) https://doi.org/10.19862/j.cnki.xsyk.000955.
30. 谭君强. 论叙事作品中"视点"的意识形态层面 // 文艺理论研究 *(Тань Цзюнцян*. О «точки зрения» в идеологическом уровне в нарративных произведениях // Теоретические исследования в области литературы и искусства. 2004. № 6. С. 55-64.) https://doi.org/10.3969/j.issn.0257-0254.2004.06.007
31. 苏畅. 对视点问题的重新认识 — 关于乌斯宾斯基的《结构诗学》// 南京师范大学文学院学报 (*Су Чан*. Переосмысление проблемы точки зрения – о книге Б.А. Успенского «Поэтика композиции» // Вестник Филологического факультета Нанкинского педагогического университета. 2006. № 3. С. 21-25.) https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-9853.2006.03.005
32. 管月娥. 乌斯宾斯基与塔尔图-莫斯科符号学派 // 俄罗斯文艺 (*Гуань Юеэ*. Б.А. Успенский и Тартуско-московская семиотическая школа // Русская литература и искусство. 2011. № 1. С. 84-89.) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2011.01.016
33. 王晓阳. 叙事视角的语言学分析 // 外语学刊 (*Ван Сяоян*. Лингвистический анализ нарративной точки зрения // Исследования в области иностранных языков. 2010. № 3. С. 32-35.) https://doi.org/10.16263/j.cnki.23-1071/h.2010.03.003
34. 吴春生, 徐洁, 王会玲. 陀思妥耶夫斯基小说话语层面的视点分析 // 绥化学院学报 (*У Чуньшэн, Сю Цзе, Ван Хуэйлин*. Анализ точки зрения на уровне дискурса в романах Ф.М. Достоевского // Вестник Суйхуаского университета. 2012. № 3. С. 115-116.) https://doi.org/10.3969/j.issn.2095-0438.2012.03.044
35. 萧净宇. 19 世纪俄罗斯文学经典中 "聚和性" 与民族主流价值观的同构 // 外语学刊 (*Сяо Цзинъюй*. Изоморфизм между «соборностью» и общенациональными основными ценностями в классике русской литературы XIX века // Исследования по иностранным языкам. 2018. № 6. С. 117-121.) https://doi.org/10.16263/j.cnki.23-1071/h.2018.06.021
36. 管月娥. 乌斯宾斯基 "视点" 理论与人类命运共同体的构建 // 中国社会科学报 (*Гуань Юеэ*. Теория «точки зрения» Б.А. Успенского и построение сообщества единой судьбы человечества // Газета «Социальные науки Китая». 2020. 12-11. № 2067.
37. 沈琴. "视点" 理论新探索：困境与出路 // 中国出版 (*Шэнь Цинь*. Новые исследования теории «точки зрения»: проблемы и пути их решения // Китайское издательство. 2022. № 16. С. 71.) https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-4166.2022.16.016
38. 庄适选注,卜师霞校订. 刘勰. 文心雕龙（*Чжуан Ши (коммент.), Бу Шися (ред.)*. Лю Се. «Дракон, изваянный в сердце письмен» (Вэнь синь дяо лун). Пекин, 2022. 161 с.
39. 王少天, 丁若涵. 刘勰之 "神思" "隐秀"到 《人间词话》之 "境界" — 《文心雕龙》对王国维境界说的影响探析 // 名作欣赏 （*Ван Шаотянь, Дин Жохань*. От идей «одухотворённого мышления» и «переплетения сокрытого и явного» Лю Се к теории «цзинцзе» в «Разные суждения о поэзии жанра цы»: Анализ влияния «Дракон, изваянный в сердце письмен» на теорию «цзинцзе» Ван Говэя // Рецензия на шедевр. 2025. № 21. С. 107-109.
40. *Успенский Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. Москва, 2011. 344 с.

2025;11(4):1065-1080 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

References

1. Lin Ciao. The Tartu-Moscow School – Notes on Soviet Semiotics by Yu.M. Lotman and B.A. Uspensky. *Readings*, 1987, no. 3, pp. 137-142. (In Chinese) https://doi.org/CNKI:SUN:DSZZ.0.1987-03-029
2. Shen Dan. *Studies of the Narratology and Stylistics of the Novel*. Beijing, Peking University Press, 2019. 367 p. (In Chinese)
3. Uspensky B.A. *Structural Poetics.* Beijing, Chinese Youth Publishing House, 2004, 165 p. (In Chinese)
4. Guan Yuee A study of the point of view in the structure of a literary text by B.A. Uspensky. *Journal of Yangzhou University (Humanities and Social Sciences Edition)*, 2009, no. 3, pp. 124-128. (In Chinese) https://doi.org/10.19411/j.cnki.1007-7030.2009.03.021
5. Guan Yuee. An Exploration of semiotic methods in the study of Uspensky's poetics. *Journal of Nanjing Normal University (Social Sciences Edition)*, 2010, no. 5, pp. 150-154. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.1001-4608-B.2010.05.023
6. Guan Yuee. Uspinsky's structural poetics: a diverse blend of academic and cultural "genes". *Jianghai Academic Journal*, 2019, no. 6, pp. 219-225. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.1000-856X.2019.06.040
7. Guan Yuee. Polyphonic collegiality of points of view in the "poetic composition" by B.A. Uspenskiy. *Neofilologiya = Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 385-392. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-385-392, https://elibrary.ru/fkauah
8. Guan Yuee. Uspinsky's structural poetics and its significance. *Russian Literature and Art*, 2009, no. 3, pp. 84-87. (In Chinese) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2009.03.011
9. Guan Yuee. The Orthodox Christian concept of "concordance" and the theories of polyphonic novels and structural poetics. *Foreign Literature Research*, 2018, no. 2, pp. 55-63. (In Chinese) https://doi.org/10.19915/j.cnki.fls.2018.02.006
10. Guan Yuee. Emotionality, dialogue, and multidimensionality: a semiotic perspective on the "contemporary" nature of the Picasso image. *Russian Literature and Art*, 2014, no. 3, pp. 136-141. (In Chinese) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2014.03.022
11. Guan Yuee. A Cultural semiotic interpretation of Lermontov's "A Hero of Our Time". *Russian Literature and Art*, 2020, no. 4, pp. 121-128. (In Chinese) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2020.04.014
12. Chzhan Tsze, Guan Yuee. Between reality and truth: a spatiotemporal perspective analysis of Pushkin's narratives. *Foreign Literature Research*, 2011, vol. 33, no. 5, pp. 65-71. (In Chinese) https://doi.org/10.19915/j.cnki.fls.2011.05.010
13. Guan Yuee. *A Study of the Theory of Poetics of Composition and the Critical Method of B.A. Uspensky*. Suzhou, Suzhou University Press, 2022, 258 p. (In Chinese)
14. Xia Yiqiong, Jiang Tianping. A study of the problem of "point of view" in children's narratives of Russian prose of the 19th century. *Social Scientist*, 2009, no. 3, pp. 146-149. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-3240.2009.03.039
15. Wu Yanrong. "Baby" love focused on by Uspensky's spatiotemporal perspective. *Russian Language Learning*, 2015, no. 6, pp. 51-55. (In Chinese)
16. Yan Wenjie. Perspectives on viewpoint and dialogue in "The Golden Notebook" from Uspinsky's semiotic theory. *Russian Literature and Art*, 2016, no. 03, pp. 107-112. (In Chinese) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2016.03.016
17. Qian Xiaoli. A worldly work with universally applicable methodological value – a review of "A Study of Uspinsky's Structural Poetics and Critical Methods". *Jiangsu Foreign Language Teaching Research*, 2024, no. 1, pp. 78-80. (In Chinese)
18. Wu Yanrong. An exploration of the temporal category in literary discourse: an examination from Gariblin's spatiotemporal continuum and Uspensky's spatiotemporal perspective. *Russian Language Learning*, 2015, no. 2, pp. 58-61. (In Chinese)
19. Zheng Jiwen. Uspensky and Karatani Kōjin's discovery of "inversion". *Russian Literature and Art*, 2016, no. 3, pp. 113-118. (In Chinese) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2016.03.017
20. Zhao Aiguo. *The Centennial Evolution of The Research Paradigm of Russian Semiotics*. Beijing, Beijing University Press, 2021, 763 p. (In Chinese)
21. Fei Junhui. Uspensky on the literary debate between Tretyakovsky and Sumarokov: a cultural semiotic perspective. *Chinese Russian Language Teaching*, 2024, no. 4, pp. 33-41. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-5510.2024.04.004

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1065-1080
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

22. Zhang Jie, Ji Haihun. Theory of semiotics: the origin and development of the Russian Semiotic school. *Chinese Symbolist Network*, 2009, 5 December. URL: http://www.semiotics.net.cn/index.php/view/index/theory/2938 (accessed: 30.12.2024).
23. Du Guizhi. Moscow-Tartu semiotics. *Beijing University Core Journals*, 2002, no. 1, pp. 1-8. (In Chinese) https://doi.org/10.16263/j.cnki.23-1071/h.2002.01.001
24. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Research in Slavic Antiquities Field*. Moscow, 1974, 334 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/uftqfj
25. Lotman Yu.M. *The Structure of a Literary Text*. Moscow, 1974, 383 p. (In Russ.)
26. Uspensky B.A. *The Poetics of Composition*. St. Petersburg, 2000, 352 p. (In Russ.)
27. Zhang Jie. Towards systematic research: art semiotics and cultural semiotics – Tartu-Moscow semiotic theory exploration. *Foreign Languages (Journal of Shanghai International Studies University)*, 2000, no. 6, pp. 57-62. (In Chinese)
28. Zhang Jie. The reception of Russian and Soviet poetics in China. *Russian Literature and Art*, 2009, no. 3, pp. 79-83. (In Chinese) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2009.03.004
29. Jiang Shouyi. The Chinese experience of narrative theory and its understanding. *Academic Monthly*, 2024, no. 10, pp. 157-169. (In Chinese) https://doi.org/10.19862/j.cnki.xsyk.000955
30. Tan Junqiang. On the ideological level of "point of view" in narrative works. *Literary Theory Research*, 2004, no. 6, pp. 55-64. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.0257-0254.2004.06.007
31. Su Chang. A reassessment of the point of view: on Uspinsky's "Structural Poetics*". Journal of the School of Literature, Nanjing Normal University*, 2006, no. 3, pp. 21-25. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.1008-9853.2006.03.005
32. Guan Yuee. B.A. Uspensky and the Tartu-Moscow semiotic school. *Russian Literature and Art*, 2011, no. 1, pp. 84-89. (In Chinese) https://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2011.01.016
33. Wan Xiaoyang. Linguistic analysis from a narrative perspective *Beijing University Core Journals*, 2010, no. 3, pp. 32-35. (In Chinese) https://doi.org/10.16263/j.cnki.23-1071/h.2010.03.003
34. Wu Chunsheng, Xu Jie, Wang Huiling. A discourse-level analysis of Dostoevsky's novels. *Journal of Suihua University*, 2012, no. 3, pp. 115-116. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.2095-0438.2012.03.044
35. Xiao Jingyu. The isomorphism between "cohesion" and mainstream national values in 19th-century Russian literary classics. *Beijing University Core Journals*, 2018, no. 6, pp. 117-121. (In Chinese) https://doi.org/10.16263/j.cnki.23-1071/h.2018.06.021
36. Guan Yuee. The theory of B.A. Uspensky's "point of view" and the building of a community of the common destiny of mankind. *Newspaper "Social Sciences of China"*, 2020, 12-11, № 2067. (In Chinese)
37. Shen Qin. A new exploration of the "viewpoint" theory: dilemmas and solutions. *China publishing*, 2022, no. 16, p. 71. (In Chinese) https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-4166.2022.16.016
38. Bu Shisa (ed.) Liu Xie. *The Dragon Carved in the Heart of Writing (Wen Xin diao lung)*. Beijing, 2022, 161 p. (In Chinese)
39. Wang Shaotian, Ding Ruohan. From the Ideas of "Spiritual Thinking" and "Intertwining the Hidden and the Explicit" by Liu Xie to the Theory of "jingze" in "Different Judgments about Poetry of the Qi Genre": An Analysis of the Influence of "Dragon Carved in the Heart of Writing" on the Theory of "jingze" by Wang Gouwei. *Review of the Masterpiece*, 2025, no. 21, pp. 107-109. (In Chinese)
40. Uspensky B.A. *Ego Loquens: Language and Communication Space*. Moscow, 2011, 344 p. (In Russ.)

Информация об авторах

СУНЬ Цзямэй, аспирант, кафедра русского языка и литературы Института иностранных языков, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, https://orcid.org/0009-0006-5284-1188, sunjiamei327@163.com

Information about the authors

Jiamei Sun, Post-Graduate Student, Russian Language and Literature Department, Institute of Foreign Languages, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, https://orcid.org/0009-0006-5284-1188, sunjiamei327@163.com

2025;11(4):1065-1080 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

СЕ Минци, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков, Нанкинский педагогический университет, г. Нанкин, Китайская Народная Республика, https://orcid.org/0009-0004-6622-9550, constant1984@126.com

Для контактов:
Се Минци
e-mail: constant1984@126.com

Поступила в редакцию 17.10.2025
Поступила после рецензирования 18.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Mingqi Xie, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Russian Language and Literature Department of Institute of Foreign Languages, Nanjing Normal University, Nanjing, People's Republic of China, https://orcid.org/0009-0004-6622-9550, constant1984@126.com

Corresponding author:
Xie Mingqi
e-mail: constant1984@126.com

Received 17.10.2025
Revised 18.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1081-1094
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 930.85
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1081-1094
Шифр научной специальности 5.10.1

Особенности интермедиальных взаимодействий в китайском романтизме

Хаосюань Лю ✉, Ирина Борисовна Пржиленская
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
19991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1
✉ kh_lu22@student.mpgu.edu

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Исследование посвящено актуальной научной проблеме изучения интермедиальности как ключевого механизма культурного диалога в контексте формирования китайского романтизма XX века. Целью исследования является выявление специфики интермедиального взаимодействия литературы и традиционных искусств (живописи, музыки, театра) в процессе адаптации и трансформации европейских романтических традиций в китайской эстетике. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Объектом исследования выступают произведения китайского искусства и литературы периода начала XX века, испытавшие влияние романтизма. Методология включает сравнительный анализ, интермедиальный анализ для выявления связей между различными видами искусства, а также историко-культурный подход для реконструкции контекста. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Установлено, что китайский романтизм сформировался как синтез западных влияний и национальной эстетической традиции. На примере анализа конкретных произведений доказывается, что интермедиальность проявляется в заимствовании образных систем, стилевых принципов и философско-эстетических установок, что привело к становлению уникальной композиторской и исполнительской школы. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Практическая значимость работы заключается в углублении понимания механизмов межкультурного взаимодействия в искусстве. Результаты исследования могут быть применены в дальнейших изысканиях по компаративистике, интермедиальным исследованиям и истории китайской культуры XX века. Перспективы связаны с расширением корпуса анализируемых произведений.

Ключевые слова: китайский романтизм, интермедиальность, культурный диалог, музыкальная эстетика, традиционное искусство, компаративистика, европейское влияние, китайская литература

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Хаосюань Лю – разработка концепции исследования, сбор и анализ научной литературы, проведение исследования, написание черновика рукописи. И.Б. Пржиленская – разработка концепции исследования, анализ результатов эмпирического исследования, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Лю Хаосюань, Пржиленская И.Б.* Особенности интермедиальных взаимодействий в китайском романтизме // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1081-1094. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1081-1094

© Лю Хаосюань, Пржиленская И.Б., 2025

2025;11(4):1081-1094 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1081-1094
OECD 5.09; ASJC 3316

Features of intermedial interactions in Chinese Romanticism

Haoxuan Liu ✉, **Irina B. Przhilenskaya**
Moscow State Pedagogical University
1/1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation
kh_lu22@student.mpgu.edu

Abstract
INTRODUCTION. The research is dedicated to the current scientific problem of studying intermediality as a key mechanism of cultural dialog in the context of the formation of 20th-century Chinese Romanticism. The aim of the research is to identify the specifics of the intermedial interaction between literature and traditional arts (painting, music, theater) in the process of adapting and transforming European Romantic traditions in Chinese esthetics. MATERIALS AND METHODS. The objects of study are Chinese art and literature from the early 20th century that were influenced by Romanticism. The methodology includes comparative analysis, intermedial analysis to identify connections between different art forms, and a historical-cultural approach to reconstruct the context. RESULTS AND DISCUSSION. It has been established that Chinese Romanticism was formed as a synthesis of Western influences and the national esthetic tradition. Using the analysis of specific works as examples, it is demonstrated that intermediality manifests itself in the borrowing of imagery, stylistic principles, and philosophical-aesthetic attitudes, which led to the formation of a unique compositional and performance school. CONCLUSION. The practical significance of the work lies in deepening the understanding of the mechanisms of intercultural interaction in art. The research findings can be applied in further studies on comparative literature, intermedia studies, and the history of 20th-century Chinese culture. The prospects are linked to the expansion of the corpus of analyzed works.

Keywords: Chinese Romanticism, intermediality, cultural dialogue, musical aesthetics, traditional art, comparative studies, European influence, Chinese literature

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: Haoxuan Liu – research concept development, scientific literature collection and analysis, conducting research, writing – original draft preparation. I.B. Przhilenskaya– research concept development, empirical research results analysis, manuscript revision.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Liu Haoxuan, & Przhilenskaya, I.B. Features of intermedial interactions in Chinese Romanticism. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1081-1094. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1081-1094

ВВЕДЕНИЕ

Идея интермедиальности как «синтеза искусств» впервые была теоретически разработана и практически реализована в рамках европейского романтизма, где взаимопроникновение и взаимодействие искусств воспринималось как базовая характеристика художественного произведения. Исследования показывают, что феномен «романтизма» бытует в культуре на уровне стилевых черт и художественных приёмов вне зависимости от национальной принадлежности. Более того, в традиционной китайской культуре романтические мотивы всегда были одной из центральных тем художественного творчества. Китайский романтизм – одно из малоизученных явлений, однако он представляет научный интерес с позиции взаимодействия национального художественного своеобразия с

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1081-1094
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

западным опытом, а в широком смысле – даёт ключ к пониманию многих аспектов китайской культуры. Как и европейский, китайский романтизм также демонстрирует интеграцию и синтез поэзии, драмы, театрального, музыкального и изобразительного искусства. Однако способы и интенсивность проявления интермедиальности в художественной культуре Китая имеют свои уникальные особенности, обусловленные историко-культурным контекстом её развития. Исследование сущности и основных характеристик взаимодействия искусств на основе понятия интермедиальности представляется актуальным для лучшего понимания содержания и структуры взаимодействия традиционных видов искусства в системе художественного целого китайского романтизма.

Цель исследования: выявить и системно охарактеризовать специфические черты интермедиальных взаимодействий (взаимопроникновения и синтеза искусств) в рамках китайского романтизма, определяемые уникальным историко-культурным контекстом его генезиса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методы исследования: сравнительно-исторический анализ для сопоставления генезиса и манифестаций интермедиальности в европейском и китайском культурных контекстах; интермедиальный анализ для непосредственного выявления и изучения связей между различными видами искусств (текст, изображение, звук) в конкретных произведениях; культурно-исторический метод для выявления специфики социокультурного фона Китая периода формирования романтизма.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существование современного искусства немыслимо без активных действий по его рецепции и пониманию, что создаёт особое коммуникативное напряжение. Современная наука предлагает различные подходы к анализу гетерогенных произведений, среди которых и глобальные искусствоведческие, связанные с исследованиями целых художественных стилей, в том числе романтизм, символизм, постмодернизм, и более частные, применяемые для конкретных феноменов культуры, в целях выявления исключительно визуального кода поэзии [1, с. 101]. С одной стороны, современный китайский романтизм существует в самых разных жанрах и техниках, а с другой – как самостоятельное эстетическое поле. Одной из особенностей китайского романтизма является его интермедиальность как результат взаимопроникновения и симбиоза различных художественных средств выражения романтического содержания в произведениях культуры, относящихся к искусству, таких как поэзия, живопись, музыка, театр и прочие. Подобная интермедийная практика не только нарушает границы традиционных художественных жанров, но и создаёт определённое напряжение в ситуации взаимодействия с новыми медиа в процессе появления новых форм контента (блоги, подкасты, пользовательские сервисы и др.) и каналов дистрибуции (стриминговые сервисы и др.), реконфигурируя технологические носители романтических эмоций. Таким образом, цель исследования – обосновать некоторые подходы к кроссмедийному анализу современного китайского романтизма.

Понятие интермедиальности в его самом широком значении относится к любым взаимодействиям между различными медиа [2, p. 3]. Интермедиальность – это особый тип структурных взаимосвязей внутри художественного произведения, основанный на взаимодействии языков разных видов искусства в системе единого художественного целого. В.В. Волков считает, что «…интермедиальность в аспекте психологии творчества и психологии эстетического восприятия – это свойство и одновременно функция художественного текста, суть которой – перекодирование информации на основе её перевода из одной сенсорной модальности в другую» [3, с. 138]. Н.А. Кузьмина называет интермедиальностью «…взаимодействие знаковых систем (языков) разных искусств, создающих целостность художественно-эстетического произведения» [4, с. 21]. Все эти интерпретации указывают на интермедиальность как на

2025;11(4):1081-1094 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

взаимодействие, проникновение и симбиоз различных художественных медиа в конкретных культурных контекстах, подчёркивая новые эстетические смыслы, культурные логики и рецептивный опыт, возникающие при разрушении медиаграниц. Интермедиальность в искусстве основывается на взаимодействии литературы и других искусств, а также отдельных форм взаимодействия искусств, в которых словесное начало не доминирует – изобразительные искусства, музыка, танец, исполнительское искусство, перформанс, театр, кинематограф, архитектура и другие [5, с. 59].

Процессы расширения информационного пространства, усиления межкультурных экономических и политических связей на фоне роста и развития медиакультуры, внедрения информационных технологий, компьютеризации охватили различные сферы жизнедеятельности человека и оказали значительное влияние на формирование современного культурного ландшафта [6, с. 252]. Эти изменения нашли положительное отражение и в трансформации китайского романтизма в XX и XXI веках, который может быть охарактеризован не как обособленное эстетическое течение, а, скорее всего, как интермедиальная практика, пронизывающая многие виды искусства, включая литературу, живопись, музыку и театр. Основываясь на этом, можно утверждать, что в отличие от западного романтизма, который делает акцент на индивидуальных эмоциях и культе природы, интермедиальности является уникальной отличительной чертой китайского романтизма.

Интермедиальность можно рассматривать как универсальный принцип творчества, который играет важную роль в анализе и интерпретации произведений искусства, позволяя нам исследовать средства и способы выражения, недоступные в оригинальном языке и культурных способах существования. Исходя из этих посылок, следует выделить некоторые, продуктивные в рамках нашего исследования функций интермедиальности.

1. Усложнение эстетического опыта. Интермедийное взаимодействие может мобилизовать многочисленные органы чувств зрителей для формирования трёхмерного эстетического опыта. Например, в театре сочетаются текст, исполнение, музыка и сценография для создания более глубокого художественного эффекта.

2. Обогащение и преодоление художественного выражения. Разрушая ограничения одного средства, художественное выражение приобретает более богатые возможности. Например, поэзия усиливает свою выразительную силу за счёт визуального искусства, а музыка расширяет свою эмоциональную глубину за счёт литературного повествования (например, симфоническая поэзия).

3. Передача художественного подтекста. Например, музыкальные произведения, включённые в картины жизни героев, позволяют определить их личностную позицию, чувства и настроения людей определённой эпох [7, с. 86].

4. Выявление специфики художественного текста. Интермедиальная техника позволяет раскрывать особенности стиля того или иного автора или национальной литературы определённого периода, не теряя связи с общими закономерностями развития литературы и искусства в целом [8, с. 143].

Традиционная китайская музыка с самого начала своего развития была тесно связана с китайской философией и социальной структурой общества. Внутри китайской музыки сложилась самобытные теории и системы музыкального мышления, разнообразные музыкальные, музыкально-поэтические и драматические жанры. Музыка была частью традиционной государственной системы Китая. Хотя в ней и происходили исторические изменения, она сохранилась до настоящего времени как целостное эстетическое явление [9, с. 114]. Синтез конфуцианско-даосской мысли и музыкальной онтологии составляет философский фундамент традиционной китайской музыки. Музыка служит эмоциональным «гармонизатором», поддерживающим социально-этический порядок («ли»/礼), и воплощает эстетику «гармоничного равновесия» – «радость без распущенности, печаль без надрыва» [10]. Ритуальная придворная музыка (雅乐) – классическое воплощение: церемониальная музыка эпохи Сун, регламентированная Дашэнфу (大晟府), строго

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1081-1094
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

следовала принципу «Восемь тембров в гармонии, не нарушая порядка» (八音克谐，无相夺伦) [11, с. 131]. Её структура статично-величава за счёт преобладания пентатоники (五声音阶), симметричных фраз, упорядоченного медленного ритма, расположения инструментов, символизирующего иерархию. Её цель – не развлечение, а укрепление сакральности ритуала («ли») и стабильности правитель-подданный отношений через специфическую звуковую архитектонику («юэ» / 乐), демонстрируя философскую трактовку музыки как инструмента политической этики [12, с. 213].

«Ли цзи. Юэ цзи» (《礼记·乐记》) систематизировал концепции: «Путь звуков сообщается с управлением» (声音之道与政通) [13, с. 1527]; «Музыка есть гармония Неба и Земли» (乐者，天地之和也) [13, с. 1534]; заложив основы конфуцианской музыкальной философии. Даосизм почитает естественную спонтанность (自然天成), стремясь к «Великому Звуку, лишённому тембра» (大音希声) [14, с. 168], подчёркивая соответствие музыки ритмам космической жизни. Искусство циня (古琴) – вершина этой философии. Его «цзяньцзыпу» (减字谱) не фиксирует точную длительность нот, давая исполнителю свободу для постижения «звуков за пределами струн» (弦外之音). Пьеса «Сяо сян шуй юнь» (《潇湘水云》) не просто изображает пейзаж, но техниками «инь-нао-чо-чжу» (吟猱绰注) [15, с. 181] имитирует движение природных стихий (ветер, вода).

Посредством динамики тембров (напр., обильные флажолёты как символ «чистоты, тонкости, бесстрастности, отстранённости» / 清微淡远), пауз и пианиссимо (留白) оно направляет слушателя за пределы конкретного звука к постижению космической «пустотности» и пульса жизни, реализуя даосские принципы «Дао следует естественности» (道法自然) [16, с. 152] и духовной свободы.

Классификация звуков в «Чжуан-цзы» на «Небесные лады» (天籁), «Земные лады» (地籁), «Человеческие лады» (人籁) [17, с. 45] и описание «Слух не различает его звуков; взор не различает его форм; оно наполняет Небо и Землю, объемлет всё сущее» (听之不闻其声，视之不见其形，充满天地，苞裹六极) [17, с. 489] глубоко повлияли на китайскую эстетику художественного пространства (意境).

Эстетика циня, система традиционного театра и музыкально-структурное мышление продолжают влиять на современное творчество и восприятие. Хотя китайская традиционная музыка и пережила радикальные социальные потрясения, её развитие не прервалось полностью. Глубинные философские концепции, заложенные в её основе (гармония, естественность, художественный образ), уникальное звуковое мышление (внимание к тому, как акустика резонирует с природными или жизненными ритмами), а также её функциональная тесная связь с социокультурным контекстом формируют ключевые особенности китайской традиционной музыки, отличающие её от западной академической музыкальной традиции, и являются основой её существования по сей день как целостного эстетического феномена.

Традиция «поэзии и живописи как единого целого» в классическом китайском искусстве также служит эстетической основой для взаимодействия медиа в романтизме. Слияние поэзии, каллиграфии и живописи в литературоведении – это не простое наложение форм, а распространение смыслов между медиа через создание «настроения». Например, картины из бамбука и камня каллиграфа династии Цин Чжэн Баньцяо сопровождались стихами, написанными «яростной скорописью», так что визуальный образ и ритм слов совместно создавали романтическую личность одиночества и высокомерия. Этот медиа-симбиоз продолжился и в XX веке: например, в серии работ современного китайского художника Сюй Бэйхуна «Скачущие лошади» свободная живопись сочетается с надписями (написанными на лицевой стороне книг, картин и надписей, на обратной стороне планшетов, плакатов и т. д.), что выводит традиционный дух литераторов на новый уровень в современном искусстве. Дух традиционной литературы обретает новое романтическое качество в современном искусстве.

2025;11(4):1081-1094 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Важным представляется обращение исследовательского интереса на «Движение за новую культуру», которое представляет собой эпохальный процесс интеллектуально-культурного обновления в новейшей истории Китая, чьё ядро составляет борьба с феодальными традициями и утверждение демократии и науки. Оно ознаменовало всеобъемлющую рефлексию китайской интеллигенции над традиционной культурной системой, заложив фундамент для идейного просвещения и социальных преобразований современного Китая.

Ключевое содержание и влияние «Движения за новую культуру» проявилось в резкой критике конфуцианской этической системы, включая «три устоя и пять постоянств» (三纲五常). В опубликованном эссе Ху Ши «Предварительные предложения по реформе литературы» (《文学改良刍议》, 1917) содержался призыв заменить классический вэньянь (文言文) разговорным байхуа (白话文), что дало основание ведущим деятелям культуры Лу Синь и Чэнь Дусю продвигать новую литературу через творчество на байхуа, включая основание журнала «Новая молодёжь» (《新青年》). Также был запущен процесс внедрения западных идей и распространение концепций «Демократия» (德先生, Дэ) и «Сайенс» (赛先生, Сай). Критика традиционной музыки: пекинская опера и искусство циня (古琴) рассматривались как «символы старой культуры», пропагандировалось изучение западной музыкальной системы. Объективно, движение стимулировало поиск путей модернизации традиционной китайской музыки в последующий период.

В период «Движения за новую культуру» (新文化运动) романтическая литература и зарождающиеся медиатехнологии сошлись в одной точке, создав прецедент качественно новых интермедиальных взаимодействий, больше соответствующих символической коллаборации. Слияние в одном художественном проекте мотивов, образов и символов из различных эпох и культур позволило создать сложный, многоуровневый и многогранный смысловой контент. С одной стороны, «Богиня» Го Моруо имитирует ритм музыки через форму свободного стиха, формируя романтическое выражение «поэзия и музыка в одном». С другой стороны, практика ксилографии писателя Лу Сюня вливает дух литературной критики в визуальное искусство, делая ксилографию носителем «романтизма железной кисти». Кроме того, в ходе подобной коллаборации поэты «Новой луны» (например, Вэнь Идуо и Сюй Чжимо) пытались объединить поэзию с декоративным искусством и усиливали визуальное воздействие текста с помощью дизайна книжных переплётов, усиливая символически-смысловой эффект межмедийного взаимодействия литературы и дизайнерского искусства.

В том же ключе, стоит отметить, что совершенствование театра в республиканский период (например, реформа драмы Оуяна Юйцяня) и раннее китайское кино (например, «Весна в маленьком городе») также демонстрируют «романтическую интермедиальность». Драма трансформировала западную романтическую трагедию в китайский «поэтический реализм» через слияние линий, тела и сценического искусства; в то время как кино трансформировало настроение классической поэзии в визуальное повествование через монтаж и язык камеры. В качестве примера можно привести использование китайским режиссёром Фэй Му пустых и длинных кадров для создания декадентской и эстетической романтической атмосферы в фильме «Весна в маленьком городе».

После 1949 г. революционный романтизм стимулировал динамику взаимодействия средств массовой информации в направлении коллективного самовыражения. Модельный театр объединил оперу, музыку и сценические технологии по принципу «трёх подчеркиваний» (положительные персонажи среди всех персонажей, героические персонажи среди положительных персонажей и главные героические персонажи среди героических персонажей), чтобы сформировать высоко запрограммированную политическую романтическую эстетику; в то же время пропагандистские плакаты объединили композиции советского стиля с традиционными китайскими новогодними картинами, чтобы

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1081-1094
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

заставить «романтическую страсть» работать на решение задач идеологической коммуникации. Можно утверждать, что межмедийное взаимодействие в романтическом искусстве на этом этапе его развития имело как техническую, так и политическую платформу.

В современных исследованиях интермедиальность часто рассматривается как способность представить определённое произведение, элемент или форму искусства в целом в другом виде искусства, а также как способность использовать приёмы и методы одного вида искусства для представления другого. Поэтому интерес к изучению межмедийного взаимодействия в китайском романтизме вполне закономерен. Совместная лирика Фонга и Джея Чоу, вдохновленная китайским языком – неплохой пример времени интермедиальности в современной китайской музыке. Если взять в качестве примера песню «Ланьтинцзи сюй», то её художественное новаторство проявляется в том, что, с одной стороны, автор текста Фан Вэньшань переносит эстетику каллиграфии Ван Сичжи, известного каллиграфа династии Восточная Цзинь, в современную лирику, например, структура предложения «бегущие облака и текущая вода» имитирует расположение глав каллиграфической работы Ван Сичжи «Ланьтинцзи сюй» (蘭亭集序). Образы в тексте песни, такие как «висящая кисть», напрямую относятся к созданию каллиграфии. Терминология «голова шелкопряда и хвост ласточки» (когда каллиграфия начинается, штрихи ровные и мощные, вызывающие ощущение тяжести; когда штрихи заканчиваются, движения быстрые и лёгкие, из-за чего конец штрихов кажется лёгким и мощным) используется для создания картины культурной памяти. С другой стороны, в композициях Джей Чжоу «подъём, нажим и стаккато» кисти (вид мазка кистью) преобразуется в изменения времени звучания нот, например, короткие шестнадцатые ноты имитируют «боковое» начало мазка (кончик кисти смещён в сторону мазка, а не в середину мазка), а удлинённые шестнадцатые ноты – «боковое» начало мазка (кончик кисти смещён в сторону мазка, а не в середину мазка, в середине мазка кончик кисти повёрнут в сторону, а не в середину мазка), удлинённая целая нота соответствует «центральному» мазку (кисть всегда остаётся в середине мазка и идёт вертикально вниз), а внезапный отдых воспроизводит эффект «летящей белизны» (благодаря особой технике работы кистью, она оставляет после себя намёк на росистую белизну, отчего линия кажется сухой и бесцветной за счёт особой техники работы кистью, оставляющей след белого цвета в мазках, отчего линии кажутся сухими). Обработка музыкальных переходов подразумевает ритм разреженности и плотности каллиграфии. Инновационная ценность данного художественного приёма заключается в продолжении конфуцианской концепции «музыкального образования» как воспитания характера и эстетических способностей людей через музыкальное образование и трансформации культурных кодов через современные музыкальные стили, такие как R&B, что даёт воспроизводимую творческую модель для современной трансформации классической эстетики.

Для современного выражения романтического контента в художественных произведениях наравне с традиционными средствами могут быть использованы современные IT-технологии, где одним из наиболее эффектных инструментов воздействия на аудиторию является разделение изображения на слои в 3D-формате. Этот технический приём позволил «разбить» дальние, средние и ближние виды картины «Тысяча миль рек и гор» художника Ван Си Мэна династии Сун на элементы, которые можно перемещать независимо друг от друга, такие как летящие птицы, реки и горы. Для создания имитации настроения «морозного неба», изображённого в поэме Мао Цзэдуна «Циньюаньчунь – Снег» было реализовано параллельное использование анимации для покадрового восстановления эффекта письма кистью. По замыслу авторов этого проекта должен был возникнуть диалог поколений между пейзажами династии Сун и стихами Мао Цзэдуна, поскольку разворачивающиеся свитки символизируют исторический процесс, а бесконечные цифровые свитки – метафору непрерывности цивилизации. Зрителю предлагается

2025;11(4):1081-1094 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

проводить пальцем по экрану, регулируя скорость разворачивания свитка, что соответствует ритму прочтения стихотворения, а нажатие на элементы картины вызывает всплывающее изображение текста стихотворения.

Премьера спектакля «Ду Фу» состоялась в Национальном театре Китая (Пекин) в октябре 2019 г. Режиссёром спектакля является режиссёр Фэн Били (руководитель Национального театра Китая, китайской версии шедевров «Линь Цзэсюй» и «Боевой конь»). В спектакле используется прозрачная кинопроекция с углом 45 градусов, чтобы добиться диалога между виртуальным образом танского поэта Ду Фу и живыми актёрами на той же сцене. Заглавное стихотворение возникает слово за словом благодаря технологии отслеживания мазков кисти, а цвет туши меняется в зависимости от настроения персонажей. Голос Ду Фу смещается в зависимости от положения виртуального изображения, создавая эффект смещения стереоизображений. Прозрачная текстура голограмм символизирует хрупкость передачи поэзии.

Описанное в приведённых выше примерах межмедийное взаимодействие представляет собой не только обращение к потенциалу современных компьютерных технологий, но и может рассматриваться как действенный инструмент перекодирования культурной памяти за счёт воспроизведения художественных образов, транслирующих смыслы, заложенные в них авторами. Эти медиапрактики, полные восточной мудрости, по сути, являются продолжением эстетического гена традиции литераторов – «поэзия и живопись из одного источника».

Если мы обратимся к проблеме формирования кросс-культурных контекстов в искусстве, то обнаружим, что западно-романтическое понимание отношений между различными медиа представляет собой совершенно иную логику. Так, французский художник Эжен Делакруа на создание картины «Смерть Сарданапала» был вдохновлён поэмой английского поэта-романтика Джорджа Гордона Байрона «Сарданапал», где скорее прослеживается стремление к оригинальности в подходе к созданию художественного образа, чем традиционная установка на интермедиальность в развитии темы в духе китайской романтической традиции.

Одной из версий генезиса межмедийного характера китайского романтизма, в отличие от западного, является утверждение, что его идейные корни имеют тесные связи с концепцией даосизма «единства неба и человека», культурными основами дзэн-буддизма как «просветления», а также идеей «Бидэ» конфуцианства. В качестве примера отличных от западного романтизма эстетических формы взаимодействия медиа в рамках концепции «небо и человек, чувствующие» следует обратиться к анализу работы современного китайского художника Цай Гоцяна (蔡国强) «Небесная лестница» (《天梯》, 2015), где автор, используя взрыв пороха (мгновенность), лэнд-арт (пространственность), перформативный ритуал (временность) как медийные формы, визуализирует концепт «резонанса Неба и человека» (天人感应). 500-метровая огненная лестница возносится от побережья рыбацкой деревни Цюаньчжоу (родина художника) в провинции Фуцзянь к облакам.

Конструкция из тонких стальных тросов с закреплённым порохом воспламеняется в предрассветной тьме, создавая мимолётный сакральный «путь к Небу». Трансформация даосских сил природы: Порох – не просто материал, но «энергетический медиум диалога с природой». Случайность взрыва отражает «Дао следует естественности» (道法自然), а восходящее пламя символизирует слияние ци Неба и Земли (天地之气). Пространственно-временное сжатие чаньского просветления, где Лестница существует лишь 150 секунд, концентрируя экзистенциальное озарение «поиск–крушение–вечность» (художник потерпел 21 неудачу, 22-я попытка успешна). В своих творческих записях Цай Гоцян отмечал, что ««Небесная лестница» соединяет земной мир и космос. Это обещание моей бабушке и тоска всех простых людей по звёздам» [18, с. 90].

В контексте развития интермедийного характера китайского искусства следует упомянуть творчество художника Ма Юаня (1140–1225 гг.) из Южной Сун, работы кото-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1081-1094
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

рого относят зрителя к идее молчаливого взаимопонимания с белым пространством цзецзе, одной из форм древнекитайской поэзии, за счёт намеренно ассиметричного композиционного построения картин. Нелинейное мышление художника и поэта династии Тан Ван Вэя (701–761 гг.), основоположника стиля «один угол», принесло ему не только славу выдающегося пейзажиста, но и выдающегося поэта, реализовавшего принцип «живопись в поэзии».

Ключевой эстетический принцип китайского искусства – «оставление пустоты» (留白) и «единство поэзии и живописи» (诗画一体) – представляет собой трансмедийную философию, суть которой заключается в совместной реализации даосской концепции «пустота рождает утончённое бытие» (虚空生妙有) и чань-буддийской идеи «пустотной безмятежности» (空寂) в визуальной и литературной сферах. Философская основа эстетики «оставления пустоты» коренится в даосском принципе «бытие и небытие взаимопорождают друг друга» (有无相生) [19, с. 8] и чань-буддийской формуле «пустота есть форма» (空即是色) [20, с. 848], утверждающих, что пустота (虚空) содержит безграничный потенциал. Художественные функции «оставления пустоты» проявляются как физическая незаполненность, где невысказанные части в изображении/тексте (например, пейзажи Ма Юаня, четверостишия Ван Вэя). Присутствие в работах художников психологического пространства, которое активирует зрительское воображение для сотворчества художественного пространства (意境共创) – «восполнение пустоты зрителем» (观者补白) [21, с. 74].

«Живописность в поэзии» (诗中有画) как проявление изначального единства поэзии и живописи (诗画同源) в полной мере воплощена в творчестве Ван Вэя. Его стихи разрушают линейную нарративность, конструируя пространственные образы (например, «В пустыне дымка вертикально струится, // Над длинной рекой – полное солнца светило» [22]), где словесная ткань уподобляется кисти, выстраивающей визуальный ритм.

Поэт Су Ши утверждал: «Вкушая стихи Моцзе (Ван Вэя) – обретаешь живопись в поэзии; взирая на картины Моцзе – находишь поэзию в живописи» [23, с. 2215], установив тем самым эстетический эталон взаимопроникновения искусств. «Одинокий рыбак на холодной реке» Ма Юаня (马远《寒江独钓图》) – виртуозное воплощение эстетики «оставления пустоты». Физическая пустота полотна проявляется в том, что изображены лишь челнок, старик с удочкой, несколько штрихов ряби. Остальное пространство – сознательная незаполненность [24, p. 118]. Семантика пустоты как космоса символизирует безбрежность речных вод и «ци» Неба и Земли (天地之气), воплощая даосский принцип «Великий Образ лишён формы» (大象无形) [19, с. 168]. Экзистенциальное одиночество проявляется в старике, сосредоточенно рыбачащем в пустоте, что метафоризирует идеал учёного: «В одиночестве с духом Неба и Земли сообщаться» (独与天地精神往来) [25, с. 1098]. Что касается интертекстуальности с поэзией, то композиция созвучна стихотворению Лю Цзунъюаня (柳宗元) «Речной снег» (《江雪》): «Лодка-одиночка, старик в соломенной накидке – Одинокое рыбачество на холодной реке под снегом». Пустота визуализирует строки «На тысячах гор – птиц следов не видно, на десятках тысяч троп – людских следов нет» [26, с. 89].

Конфуцианская идея «сравнения добродетелей» – чрезвычайно важная эстетическая идея природы в конфуцианстве, суть которой заключается в наделении всех природных объектов благородными качествами человека, в оценке природы глазами благородной личности. Конфуцианская концепция «сопоставления добродетелей» (比德, bǐ dé) – важнейшая эстетическая концепция природы в конфуцианстве, суть которой заключается в наделении природных объектов свойствами благородной личности (君子, jūnzǐ) и рассмотрении природы через призму моральных качеств совершенного человека. В превращении природных образов в символический носитель идеалов личности, таких как цветок сливы, орхидея, бамбук и хризантема как

2025;11(4):1081-1094 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

символы «благородной личности», обладающей благородными добродетелями. Идея западного романтизма исходит из совершенно иной традиции: возвышенная теория кантовской эстетики утверждает духовную трансценденцию в противостоянии человека и природы. В этом контексте натуралистическая теория воспитания Ж.-Ж. Руссо подчёркивала восстание личности против ига цивилизации, а трансцендентальные требования христианской культуры формировали вечную тоску по бесконечности.

Сдерживаемые социальной эстетикой, традиционные стихи китайских литераторов используют природные объекты в качестве символических кодов для намёков и тонких выражений, а не для их прямого выражения. В стихотворении «Ода западному ветру» английский поэт П.Б. Шелли использовал фразу «бушующий западный ветер» для прямого обозначения силы революции, а фразу «увядшие листья гонит прочь» – как явную метафору крушения старого порядка. С точки зрения способа взаимодействия медиа, китайский романтизм проявляется в симбиозе взаимозависимости поэзии, текста и живописи, в то время как западный романтизм проявляется в однонаправленной трансформации литература–живопись–музыка.

Российский исследователь Н.В. Тишунина утверждает, что интермедиальность – это особый тип внутритекстовых взаимосвязей в произведениях искусства, основанный на взаимодействии художественных норм разных видов искусства, и различает узкий и широкий смысл интермедиальности – «создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры (или создание художественного культурного «метаязыка»)» [27, с. 44]. Под интермедиальностью в рамках анализа текста понимается «особый тип внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанный на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств» [27, с. 38].

Для уточнения понятия интермедиальности в контексте рассуждений об особенностях её проявлений в китайском романтизме необходимо сделать упор на форме коммуникативного посредничества, где интермедиальность выступает в качестве «специфической формы диалога культур, осуществляемой посредством взаимодействия художественных референций. Подобными художественными референциями являются художественные образы или стилистические приёмы, имеющие для каждой конкретной эпохи знаковый характер» [27, с. 39]. Визуальная инсталляция «Романтика руин» в пекинском Арт-районе 798, с одной стороны, может быть представлена как художественное заимствование «Эстетики руин» немецкого романтизма, навеянное сюжетом картины художника-романтика Каспара Давида Фридриха «Руины аббатства Эльдена». С другой стороны, создание этого произведения современного искусства обусловлено идеей дать новую жизнь предназначенным для сноса местам городского пространства. В результате разработки деталей художественного проекта «цифровые руины» представляют собой стальные и бетон конструкции, оформленные светодиодными элементами.

Работа Цай Гоцяна «День и ночь» отсылает к изображению бушующего моря в картинах британского художника Джозефа Малларда Уильяма Тернера. Автор цифровой инсталляции использует различные способы воздействия на аудиторию, в том числе и пороховые взрывы, чтобы представить море облаков на горе Хуаншань. Вдохновлённая «пророческими личными мифами» британского поэта-романтика Уильяма Блейка, инсталляция независимого художника Сюй Бинга «Книга Неба» построена из более чем 4000 самодельных псевдосимволов, напечатанных подвижным шрифтом и превращённых в альбом и свиток длиной в десятки метров в соответствии с книжной вёрсткой династии Сун. Художник Тан Дун и японская студия Исодзаки Син совместно разработали проект «Шуй Ле Тан» – музыкального здания из реконструированных особняков династий Мин и Цин, которое наследует концепцию «театральных симфоний» французского музыканта Гектора Луи Берлиоза, использует здания набережной Цзяннань династий Мин и Цин в качестве музыкальных инструментов, следуя даосской философии «единства неба и человека». Сцена построена на воде,

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1081-1094
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

которая используется в качестве пола, по которому ступают музыканты, создавая рокритмы, лестница сделана в виде звонкой лестницы, музыканты ходят по ней в деревянных сабо, одновременно исполняются традиционные китайские буддийские мелодии.

Фильм «Легенда о Демоническом Коте» (кит. 《妖猫传》, англ. Legend of the Demon Cat) режиссёра Чэнь Кайгэ（陈凯歌）вышел в прокат в Китае 22 декабря 2017 г. Визуальное оформление фильма вобрало в себя цвета с наполненных восточной тематикой картин французского художника Эжена Делакруа, с использованием техники 3D-сканирования текстуры фресок династии Тан. Это позволило имитировать романтические картины, написанные маслом, наполненные динамичным светом и тенью, сохраняя при этом эстетику «белого пространства» древней китайской живописи, которая по мнению создателей фильма является лучшим способом для восприятия его символически-смыслового подтекста.

Приведённые выше примеры показывают, что в наши дни наблюдается перемещение фокуса исследования с изучения исключительно внутритекстовых взаимодействий традиционных медиа (музыки, литературы, живописи) на изучение особенностей взаимодействия новых медиа [28, p. 3], а также на проблемы взаимодействия медиа и социума. Западный романтизм оказал непосредственное влияние на трансформацию культурных кодов китайского кросс-медийного творчества, в том числе и на его техническую составляющую. Но при этом китайские художники успешно реализовали сохранение культурной субъективности через стратегию «вторичного кодирования», и этот вид творческой трансформации является идеальной парадигмой для кросс-культурного взаимопонимания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что медиавзаимодействие в китайском романтизме может быть охарактеризовано такими чертами, как непрерывность эстетической логики, где от живописи, поэзии и литературы до современного кросс-медийного искусства «настроение» всегда было основным критерием для медиатрансформации; природные символы выступают как метафорическое выражение культурных кодов; технологические носители служат преемственности традиционной эстетики (новые технологии, такие как печать, фотография, кино и т. д.), постоянно реконструируют форму романтического выражения и фокусируются на культурной уместности в выборе медиа; изобразительность используется для передачи нарратива коллективной памяти, а не для подчёркивания лиризма отдельного человека; в произведениях в стиле романтизма заложен механизм «вчувствования и чтения» в рамках партисипативного взаимодействия.

Также необходимо отметить, что медиавзаимодействие в китайском романтизме является одновременно и проявлением художественной автономии, и подчиняется двойным требованиям модернизации и национализации. Исследования китайского современного искусства, в том числе особенностей проявления и репрезентации романтического начала на основе концепции интермедиальности, расширяют незападную перспективу теории интермедийности в искусстве и открывают новый путь для более глубокого понимания процессов развития китайского искусства в целом. Благодаря партисипативному «восприятию и чтению» ассоциированных китайских и европейских романтических образов и символическому шифрованию коллективной памяти на их основе в художественном пространстве китайской культуры создаётся своеобразный межмедийный язык. Можно утверждать, что интермедийное взаимодействие в цифровую эпоху в большей степени может охарактеризоваться как кросс-медийное, поскольку оно во многом активизирует жизнеспособность традиционной китайской культуры и разрешает современную дилемму культурного наследования.

2025;11(4):1081-1094 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Список источников

1. *Абросимова Е.А.* Интермедиальное измерение современного поэтического дискурса: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 5. С. 100-104. https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.21, https://elibrary.ru/qssavb
2. *Grishakova M., Ryan M.-L.* Intermediality and Storytelling. Berlin; NewYork: DeGruyter, 2010. 345 p.
3. *Волков В.В.* Интермедиальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 4. С. 135-142. https://elibrary.ru/scepih
4. *Кузьмина Н.А.* Интермедиальность современной лирической книги: закономерность или стратегия? // Поликодовая коммуникация: лингвокультурные и дидактические аспекты: сб. науч. статей / отв. ред. М.А. Акопова. Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2011. С. 21-23.
5. *Джумайло О.А.* Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 58-62. https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10197, https://elibrary.ru/yrptgh
6. *Прокофьева А.Н.* Музыкальные практики в дискурсе современной городской культуры: аксиологический аспект // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). С. 252-259. https://elibrary.ru/rvsxbt
7. *Доманский В.А.* Интермедиальность произведений русской классики (на материале творчества И.С. Тургенева) // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 82-87. https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-12078, https://elibrary.ru/hmlyrz
8. *Чуканцова В.О.* Интермедиальный анализ в системе исследования художественных текстов: преимущества и недостатки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 140-145. https://elibrary.ru/kkxqgt
9. *Шэнь Л.К.* Из истории традиционной китайской музыки камерно-вокального направления // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 5 (108). С. 112-115. https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.31, https://elibrary.ru/erppch
10. 《论语 • 八佾篇》//《十三经注疏》 / 阮元 校注. 北京: 中华书局, 1980. 第2475页. («Лунь юй». Глава «Ба и» // «Шисань цзин чжушу» (Тринадцать канонов с комментариями) / крит. изд. Жуань Юаня. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1980. С. 2475).
11. 《尚书 • 舜典》//《十三经注疏》. 北京: 中华书局, 1980. («Шан шу». Глава «Шунь дянь» // «Шисань цзин чжушу» (Тринадцать канонов с комментариями). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1980).
12. 杨荫浏. 中国古代音乐史稿. 第1卷. 北京: 人民音乐出版社, 2004. 第1093页. (*Ян Иньлю*. Очерки истории древнекитайской музыки. Т. 1. Пекин: Жэньминь иньюэ чубаньшэ, 2004. 1093 с.)
13. 礼记 • 乐记 // 十三经注疏. 北京: 中华书局, 1980. // Chinese Text Project. («Книга обрядов и музыки» // «Шисань цзин чжушу» (Тринадцать канонов с комментариями). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1980 // Chinese Text Project.)
14. 老子. 道德经 // 老子校释 / 朱谦之 注. 北京: 中华书局, 1984. 第41章.(Лао-цзы. «Дао дэ цзин» // «Лао-цзы цзяоши» (комм. Чжу Цяньчжи). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1984. Гл. 41.)
15. 吴钊. 消逝的旋律——中国音乐史散论. 北京: 东方出版社, 1999. 204页. (*У Чжао*. Исчезнувшие мелодии: Очерки истории китайской музыки. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. 204 с.)
16. 蔡仲德. 中国音乐美学史(修订版). 北京: 人民音乐出版社, 2003. 第151–250页. (*Цай Чжундэ*. История эстетики китайской музыки (испр. изд.). Пекин: Жэньминь иньюэ чубаньшэ, 2003. С. 151-250.)
17. 庄子 // 庄子集释 / 郭庆藩 编. 北京: 中华书局, 1961. («Чжуан-цзы» // «Чжуан-цзы цзиши» (ред. Го Цинфань). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1961.)
18. 蔡国强. 天梯—蔡国强的艺术. 伦敦: Thames & Hudson, 2015. 第88–101页. (*Цай Гоцян*. Небесная лестница: искусство Цай Гоцяна. Лондон: Thames & Hudson, 2015. С. 88-101.)
19. 老子. 道德经 // 老子校释 / 朱谦之 注. 北京: 中华书局, 1984. 第8–9页. (*Лао-цзы*. «Дао дэ цзин» // «Лао-цзы цзяоши» (комм. Чжу Цяньчжи). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1984. С. 8-9.)
20. 玄奘 译. 般若波罗蜜多心经 // 大正新修大藏经(第8卷). 东京: 大藏出版社, 1924. (*Сюаньцзан*, пер. Праджня-парамита хридая сутра // Тайсё синсю Дайдзокё (Т. 8). Токио: Дайдзо сюппансэ, 1924.)
21. 宗白华. 美学散步. 上海: 上海人民出版社, 1981. 287页. (*Цзун Байхуа*. Прогулки в поисках красоты. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1981. 287 с.)

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1081-1094
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

22. 王维. 使至塞上 // 王维集校注 / 陈铁民 编. 北京: 中华书局, 1997. 第126页. // Chinese Text Project. (*Ван Вэй*. «Посол достигает заставы» // Ван Вэй. Собрание сочинений с комментариями / ред. Чэнь Темьминь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1997. С. 126. // Chinese Text Project.)
23. 苏轼. 题墨迹〈蓝田烟雨图〉 // 苏轼文集 / 孔凡礼 编. 北京: 中华书局, 1986. 第67卷. (*Су Ши*. Надпись на картине «Дождь и туман в Ланьтянь» работы Моцзе // Собрание сочинений Су Ши / ред. Кун Фаньли. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1986. Т. 67.)
24. *Cahill J.* 绘画史图说. 北京: 生活 • 读书 • 新知三联书店, 2009. 402页. (Cahill J. Chinese Painting History in Illustrations. Beijing: SDX Joint Publishing, 2009. 402 p.)
25. 庄子 • 天下篇 // 庄子集释 / 郭庆藩 编. 北京: 中华书局, 1961. («Чжуан-цзы. Поднебесная» // «Чжуан-цзы цзиши» / ред. Го Цинфань. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1961.)
26. 袁行霈. 中国诗歌艺术研究. 北京: 北京大学出版社, 2009. 315页. (*Юань Синпэй*. Исследования искусства китайской поэзии. Пекин: Пекинский университет, 2009. 315 с.)
27. *Хаминова А.А., Зильберман Н.Н.* Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38-45. https://elibrary.ru/thhfkl
28. *Martens G.* Literature, Digital Humanities, and the Age of the Encyclopedia // Comparative Literature and Culture. 2013. Vol. 15. № 3. P. 1-10. https://doi.org/10.7771/1481-4374.2241

References

1. Abrosimova E.A. Intermedial dimension of the modern poetical discourse: theoretical survey. Filologicheskie nauki. *Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2020, no. 5, pp. 100-104. (In Russ.) https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.21, https://elibrary.ru/qssavb
2. Grishakova M., Ryan M.-L. *Intermediality and Storytelling*. Berlin; NewYork, DeGruyter, 2010, 345 p.
3. Volkov V.V. Intermediality as an attribute of artistry (lingvohermeneutics of the term). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2014, no. 4, pp. 135-142. (In Russ.) https://elibrary.ru/scepih
4. Kuz'mina N.A. Intermediality of the Modern Lyrical Book: Regularity or Strategy? Polikodovaya kommunikatsiya: lingvokul'turnye i didakticheskie aspekty. Sbornik nauchnykh statei = *Collection of Scientific Articles "Polycoded Communication: Linguistic, Cultural, and Didactic Aspects*". St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 2011, pp. 21-23. (In Russ.)
5. Dzhumailo O.A. Concept of intermediality and its evolution in modern scientific knowledge. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 2018, no. 4 (15), pp. 58-62. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10197, https://elibrary.ru/yrptgh
6. Prokof'eva A.N. Musical practices in the discourse of modern urban culture: an axiological aspect. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2013, no. 2 (145), pp. 252-259. (In Russ.) https://elibrary.ru/rvsxbt
7. Domanskii V.A. Intermediality in Russian classical works (based on the works of Ivan Turgenev). *Mir russkogo slova = The World of the Russian Word*, 2020, no. 2, pp. 82-87. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-12078, https://elibrary.ru/hmlyrz
8. Chukantsova V.O. Intermediality in the system of approaches to the study of literary texts: advantages and disadvantages. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 108, pp. 140-145. (In Russ.) https://elibrary.ru/kkxqgt
9. Shen L.K. From the history of traditional Chinese vocal chamber music. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2021, no. 5 (108), pp. 112-115. (In Russ.) https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.31, https://elibrary.ru/erppch
10. Lun yu. Ba Yi. *Thirteen Classics with Commentaries (Shisan jing zhushu*). Beijing, Zhonghua Shuju, 1980, 2475 p. (In Chinese)
11. Shang shu. Shun Dian. *Thirteen Classics with Commentaries (Shisan jing zhushu).* Beijing, Zhonghua Shuju, 1980. (In Chinese)
12. Yang Yinliu. *Outlines of the History of Ancient Chinese Music.* Vol. 1. Beijing, Renmin Yinyue Chubanshe, 2004, 1093 p. (In Chinese)

2025;11(4):1081-1094 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

13. *Book of Rites and Music* (*Liji Yue ji*). Thirteen Classics with Commentaries (Shisan jing zhushu). Beijing, Zhonghua Shuju, 1980. (In Chinese)
14. Laozi. *Dao de jing*. Beijing, Zhonghua Shuju, 1984, ch. 41. (In Chinese)
15. Wu Zhao. *Vanished Melodies: Essays on the History of Chinese Music.* Beijing, Dongfang Chubanshe, 1999, 204 p. (In Chinese)
16. Cai Zhongde. *History of Aesthetics in Chinese Music* (rev. ed.). Beijing: Renmin Yinyue Chubanshe, 2003, pp. 151-250. (In Chinese)
17. Zhuangzi. *Zhuangzi Jishi.* Beijing, Zhonghua Shuju, 1961. (In Chinese)
18. Cai Guoqiang. *Sky Ladder: The Art of Cai Guo-Qiang.* London, Thames & Hudson, 2015, pp. 88-101. (In Chinese)
19. Laozi. *Dao de jing*. Beijing, Zhonghua Shuju, 1984, pp. 8-9. (In Chinese)
20. Xuanzang (trans.). Prajñā-pāramitā Hṛdaya Sutra (Heart Sutra). *Taishō Shinshū Daizōkyō,* vol. 8. Tokyo, Daizō Shuppansha, 1924. (In Chinese)
21. Zong Baihua. *Walks in Search of Beauty*. Shanghai, Shanghai Renmin Chubanshe, 1981, 287 p. (In Chinese)
22. Wang Wei. Envoy Reaches the Frontier (*Shi zhi saishang*). In: Chen Tiemin. *Collected Works with Commentary*. Beijing, Zhonghua Shuju, 1997, 126 p. (In Chinese)
23. Su Shi. Inscription on the Painting Rain and Mist in Lantian by Mo Jie. In: Kong Fanli. *Collected Works of Su Shi*. Beijing, Zhonghua Shuju, 1986, vol. 67. (In Chinese)
24. Cahill James. *Chinese Painting History in Illustrations.* Beijing, SDX Joint Publishing, 2009, 402 p. (In Chinese)
25. Zhuangzi. *Under Heaven* (Tian Xia). *Zhuangzi Jishi*. Beijing, Zhonghua Shuju, 1961. (In Chinese)
26. Yuan Xingpei. *Studies on the Art of Chinese Poetry*. Beijing, Peking University Press, 2009, 315 p. (In Chinese)
27. Khaminova A.A., Zilberman N.N. The theory of intermediality in the context of modern humanities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2014, no. 389, pp. 38-45. (In Russ.) https://elibrary.ru/thhfkl
28. Martens G. Literature, Digital Humanities, and the Age of the Encyclopedia. *Comparative Literature and Culture*, 2013, vol. 15, no. 3, pp. 1-10. https://doi.org/10.7771/1481-4374.2241

Информация об авторах

ЛЮ Хаосюань, аспирант, кафедра культурологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 1171-9228, РИНЦ AuthorID: 1270676, https://orcid.org/0009-0008-9432-6402, kh_lu22@student.mpgu.edu

ПРЖИЛЕНСКАЯ Ирина Борисовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, SPIN-код: 4087-3411, РИНЦ AuthorID: 414645, Scopus Author ID: 57210121363, https://orcid.org/0009-0005-9636-4988, prz-irina@mail.ru

Для контактов:
Лю Хаосюань
e-mail: kh_lu22@student.mpgu.edu

Поступила в редакцию 22.09.2025
Поступила после рецензирования 21.10.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Haoxuan Liu, Post-Graduate Student, Department of Cultural Studies, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 1171-9228, RSCI AuthorID: 1270676, https://orcid.org/0009-0008-9432-6402, kh_lu22@student.mpgu.edu

Irina B. Przhilenskaya, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of Cultural Studies Department, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, SPIN-code: 4087-3411, RSCI AuthorID: 414645, Scopus Author ID: 57210121363, https://orcid.org/0009-0005-9636-4988, prz-irina@mail.ru

Corresponding author:
Haoxuan Liu
e-mail: kh_lu22@student.mpgu.edu

Received 22.09.2025
Revised 21.10.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1095-1101
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 784+3
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1095-1101
Шифр научной специальности 5.10.1

Черты символизма и модерна в фортепианном творчестве С.В. Рахманинова: на примере Этюда-картины ор. 39 № 5

Линьци Чжи [1] ✉, **Ланьсинь Сунь** [2]
[1]ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1
[2]Даляньский колледж искусств
116600, Китайская Народная Республика, г. Далянь, пров. Ляонин, ул. Тунхуэй, 19
✉ 3049362421@qq.com

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Этюд-картина ор. 39 № 5 ми-бемоль минор Сергея Васильевича Рахманинова стала последним сочинением композитора, завершённым в России перед эмиграцией. В музыкальной ткани этого произведения совмещаются принципы модерна (орнаментальность, культ утончённой красоты, самоценность фактуры) и символизма (многоплановость образного содержания, идея синтеза искусств, недосказанность), тем важнее обратиться к комплексному анализу художественного стиля модерн и эстетики символизма в фортепианном творчестве С.В. Рахманинова. Цель исследования – доказать гипотезу о глубокой связи музыкального языка Этюда-картины ор. 39 № 5 с художественными принципами модерна и символизма, что подтверждает синтетическую природу стиля композитора. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Использован комплекс музыковедческих методов: целостный музыкально-теоретический анализ, историко-культурный подход и сравнительно-стилистический анализ, позволяющий выявить специфику претворения стилевых черт эпохи. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проанализированы и систематизированы конкретные элементы музыкальной ткани этюда, раскрывающие черты модерна (орнаментальность фактуры, самоценность звуковой материи) и символизма (многоплановость образного содержания, гармоническая зыбкость). Установлено, что драматургия пьесы, построенная на контрасте и отсутствии позитивного разрешения, отражает ключевые мироощущения эпохи – трагическое предчувствие и экзистенциальный кризис. Сформированный методический подход и полученные выводы могут быть применены в дальнейших музыковедческих исследованиях творчества Рахманинова и его современников, а также в педагогической практике при изучении русской музыки рубежа XIX–XX веков. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Этюд-картина ор. 39 № 5 является органичным синтезом поздней романтической традиции и новых стилевых тенденций, где принципы модерна и символизма становятся определяющими для художественного высказывания композитора в переломный исторический период, органично претворяя философскую глубину и сложную образную сферу своего времени.

Ключевые слова: Сергей Рахманинов, стиль модерн, символизм, Этюды-картины, фортепианное творчество, музыкальный анализ

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: Линьци Чжи – руководитель исследовательской работы, поддержка организационных аспектов, разработка, развитие и реализация метода исследования, экспертиза полученных результатов исследования, интерпретация данных, итоговые выводы, написание черновика рукописи. Ланьсинь Сунь – планирование, дизайн и организация исследования, редактирование рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Чжи Линьци, Сунь Ланьсинь, 2025

2025;11(4):1095-1101 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Для цитирования: *Чжи Линьци, Сунь Ланьсинь*. Черты символизма и модерна в фортепианном творчестве С.В. Рахманинова: на примере Этюда-картины ор. 39 № 5 // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1095-1101. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1095-1101

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1095-1101
OECD 5.09; ASJC 3316

Features of symbolism and modernity in the piano work of S.V. Rachmaninov: on the example of Etude-painting op. 39 № 5

Linqi Zhi [1] ✉, **Lanxin Sun** [2]
[1] Moscow Pedagogical State University
1 bldg, 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, 119991, Russian Federation
[2] Dalian Art College
19 Tonghui St., Liaoning Province, Dalian, 116600, People's Republic of China
✉ 3049362421@qq.com

Abstract
INTRODUCTION. Etude-painting op. Sergei Rachmaninov's 39 No. 5 in E-flat minor was the composer's last composition completed in Russia before emigrating. The principles of modernity (ornamentation, the cult of refined beauty, the intrinsic value of texture) are embedded in the musical fabric of this work and symbolism (the multiplicity of figurative content, the idea of art synthesis, and understatement), the more important it is to turn to a comprehensive analysis of the Art Nouveau style and the aesthetics of symbolism in Rachmaninov's piano work. The purpose of the study is to prove the hypothesis of a deep connection between the musical language of the Sketch and the painting op. 39 No. 5 with the artistic principles of Art Nouveau and symbolism, which confirms the synthetic nature of the composer's style. METHODS AND METHODOLOGY. A set of musicological methods has been used: a holistic musical and theoretical analysis, a historical and cultural approach, and a comparative stylistic analysis to identify the specifics of the implementation of stylistic features of the era. RESULTS AND DISCUSSION. The specific elements of the musical fabric of the sketch are analyzed and systematized, revealing the features of Art Nouveau (ornamentation of texture, intrinsic value of sound matter) and symbolism (multidimensional figurative content, harmonic variability). It is established that the dramaturgy of the play, built on contrast and the absence of positive resolution, reflects the key worldviews of the era – tragic premonition and existential crisis. The methodological approach formed and the conclusions obtained can be applied in further musicological studies of the work of Rachmaninov and his contemporaries, as well as in pedagogical practice in the study of Russian music at the turn of the 19–20 centuries. CONCLUSION. Etude-painting op. 39 No. 5 is an organic synthesis of the late romantic tradition and new stylistic trends, where the principles of Art Nouveau and symbolism become decisive for the composer's artistic expression in a crucial historical period, organically translating the philosophical depth and complex imaginative sphere of his time.

Keywords: Sergei Rachmaninov, Art Nouveau style, symbolism, Etudes-paintings, piano art, musical analysis

Funding. This study received no external funding.

Author's Contribution: Linqi Zhi – scientific guidance, support of organizational aspects, development, development and implementation of the research method, examination of the obtained research results, data interpretation, final conclusions, writing – original draft preparation. Lanxin Sun – planning, design and organization of the study, has edited the manuscript.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Zhi Linqi, & Sun Lansin. Features of symbolism and modernity in the piano work of S.V. Rachmaninov: on the example of Etude-painting op. 39 № 5. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1095-1101. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1095-1101

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1095-1101
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XIX–XX веков в России, ознаменованный расцветом культуры Серебряного века, представляет собой один из наиболее сложных и плодотворных периодов в истории отечественного искусства. Это была эпоха всеобщей переоценки ценностей, острых творческих дискуссий и поиска новых форм выразительности, пронизанная ожиданием грядущих перемен и «беспокойством духа» [1, с. 27]. В музыке, наряду с поздними романтическими традициями, зарождаются и активно развиваются модернистские течения, среди которых особое место занимает символизм. В этом насыщенном художественном контексте творчество Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943) предстаёт как уникальное явление, сочетающее верность академическим основам с новаторским переосмыслением музыкального языка.

Проблема стилевой принадлежности наследия Рахманинова остаётся дискуссионной в музыкознании. С одной стороны, его прочно связывают с традициями русского и европейского позднего романтизма; с другой – в его музыке всё отчётливее выявляются черты, родственные эстетике модерна и символизма. Как справедливо отмечается в коллективной монографии «Стиль Рахманинова», «Известная идиома гласит: «Стиль – это человек». Её можно продолжить: «Стиль – это человек и его творчество», самобытность, органика, своеобразие» [2, с. 145]. Именно эта самобытность, в которой сплавились наследие прошлого и дыхание современности, делает изучение стилевых основ его музыки столь актуальным.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование базируется на широком круге материалов, которые можно разделить на несколько групп.

1. Нотный текст. Первоисточником для анализа послужил нотный текст Этюда-картины ор. 39 № 5, опубликованный в авторитетных изданиях, включая Полное собрание сочинений для фортепиано (Москва: Музгиз, 1948) под редакцией Павла Ламма.

2. Научная литература по проблемам стиля. Важнейшим материалом для работы стала современная отечественная музыковедческая литература, в частности, коллективная монография «Стиль Рахманинова» (Москва, 2023), в которой специально исследуются связи композитора со стилем модерн. Также привлекались статьи, посвящённые анализу этюдов-картин и особенностям рахманиновского пианизма [1].

Проблема стиля в творчестве Рахманинова имеет обширную историографию, однако лишь в последние десятилетия она начала активно рассматриваться через призму стиля модерн и эстетики символизма. В современном отечественном музыкознании сформировались две основные точки зрения на стиль композитора. Одна, представленная, в частности, К.В. Зенкиным, рассматривает Рахманинова как представителя позднего романтизма, отмечая его диалог с моделями прошлого (Бах, Бетховен, Шопен, Лист) и их гениальное переплавление в собственной музыке (цит. по: [3, с. 39]). Исследователь говорит о творчестве Рахманинова как о примере «открытого стиля», впитывающего и переосмысляющего самые разные влияния. Другая точка зрения, которую активно развивает И.А. Скворцова, акцентирует связь Рахманинова со стилем модерн. В монографии «Стиль Рахманинова» она подробно, с привлечением многочисленных примеров, раскрывает этот тезис, анализируя мелодику, фактуру и ритм его сочинений, а также выявляя круг сюжетов и мотивов – «иконографию модерна» (цит. по: [4, с. 85]). При этом автор уточняет важный нюанс: в отличие от Скрябина, которого А. Блок определял, как «человека стиля модерн», Рахманинов не может быть охарактеризован столь же однозначно. Его мировосприятие лежало «в другой плоскости многоликого времени рубежа веков» [5, с. 66]. Это указывает на синтетическую природу его стиля, в котором модерн является важной, но не единственной составляющей. Таким образом, в научной литературе накоплен значительный опыт осмысления творчества Рахманинова и конкретно цикла ор. 39. Однако специальное исследование, направленное на выявление и систе-

2025;11(4):1095-1101 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

матизацию черт модерна и символизма в Этюде-картине ор. 39 № 5, предпринимается впервые, что определяет научную новизну данной работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Комплексный анализ Этюда-картины ор. 39 № 5 ми-бемоль минор позволяет выявить ряд конкретных элементов музыкальной ткани, которые могут быть рассмотрены как воплощение принципов модерна и символизма.

1. Драматургия и образная эволюция. Пьеса, помеченная темповым обозначением Appassionato, выстроена по трёхчастной репризной форме (ABA1), где крайние разделы наполнены бурным, почти трагическим пафосом, а средняя часть представляет собой островок проникновенного лирического высказывания. Однако реприза не приносит умиротворения; напряжение лишь нарастает, приводя к мощной, но безысходной кульминации и затуханию в коде, где вновь возникает лирическая тема. Такая драматургия, построенная на контрасте и отсутствии позитивного разрешения, отражает общую для всего ор. 39 атмосферу трагического предчувствия, «внутренней бури» и экзистенциального кризиса, что глубоко созвучно мироощущению эпохи модерна с её ощущением заката, кризиса романтических идеалов и «сумерек» европейской культуры [6].

2. Гармония как носитель символистской многозначности. Гармонический язык этюда отличается исключительной сложностью и напряжённостью, что является отличием позднего стиля Рахманинова. Композитор использует:

– интенсивный хроматизм, размывающий тональные устои,

– сложные альтерированные аккорды и побочные доминанты, создающие эффект постоянного «гармонического брожения» [7];

– эллипсисы (неожиданные смены гармонического направления). Эта гармоническая неустойчивость и многослойность не просто служит целям эмоциональной экспрессии, но и создаёт ощущение зыбкости, нестабильности мира, его подспудной, скрытой от прямого взгляда сущности. В этом прочитывается прямая параллель с эстетикой символизма, для которой мир видимый был лишь маской, скрывающей мир истинных сущностей [8].

Этюд-картина ор. 39 № 5 является ярким воплощением стилевого синтеза, характерного для позднего, зрелого периода творчества Рахманинова. Рассмотренные черты – сложная символистская драматургия, перенасыщенный гармонический язык, оркестральная фактура и свободная ритмика – не являются разрозненными элементами. Они образуют целостную систему, работающую на создание мощного художественного высказывания, глубоко укоренённого в своей эпохе. С одной стороны, в этой пьесе очевидна связь с эстетикой модерна [9]. Музыка Рахманинова здесь – это искусство, в котором форма, техника, сама фактура звучания становятся объектом эстетического любования.

«Оркестральное» фортепианное письмо, с его густыми красками и сложной вязкой гармоний, – это не просто средство выражения, а самоценная «орнаментальная» структура, чья красота заключена в ней самой. Этот «нарциссизм» формы, её направленность на самое себя – ключевая черта модерна, провозглашавшего культ Красоты как высшую цель искусства. Вместе с тем, в отличие от салонного маньеризма его современников, у Рахманинова этот культ лишён поверхностности и легкомыслия; он пронизан глубоким, почти фатальным драматизмом [10].

С другой стороны, произведение в полной мере отражает установки символизма. Отсутствие конкретной программы, но наличие яркого «картинного» начала заставляет слушателя искать скрытые смыслы. Музыка не рассказывает историю, а рождает сложный комплекс ассоциаций: страсть, борьба, тоска, фатум, прощание. Эта многоплановость, способность звуковых образов отсылать к трансцендентным сущностям (будь то рок, смерть или надличностная любовь) и есть суть символистского метода. Этюд становится не «картиной» в бытовом смысле, а звуковым символом некоего глубокого духовного пере-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1095-1101
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

живания, связанного в том числе и с личной и исторической трагедией композитора, стоявшего на пороге изгнания [11].

Таким образом, творчество Рахманинова, и, в частности, анализируемый Этюд-картина ор. 39 № 5, оказывается своеобразным мостом между двумя художественными эпохами. Оно впитало в себя эмоциональную открытость и виртуозный размах романтизма, но претворило их через призму новой, усложнённой эстетики XX века. Рахманинов не был «человеком стиля модерн» в той же степени, что Скрябин или некоторые художники его круга. Он был художником-синтезатором, который взял из модерна и символизма не внешние признаки, а их глубинное ядро – интерес к сложной, неуловимой жизни духа, воплощённой в утончённой и самоценной звуковой форме. Этюд ор. 39 № 5 – это не просто страстная пьеса; это целостный художественный мир, микрокосм, в котором сконцентрированы тревоги, страсти и философские размышления человека на переломе эпох.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования была подтверждена гипотеза о глубокой связи фортепианного творчества Сергея Васильевича Рахманинова, в частности Этюда-картины ор. 39 № 5, с художественными принципами стиля модерн и эстетики символизма. Эта связь проявляется не на уровне заимствования внешних приёмов, а на уровне глубинных художественных установок. Было установлено, что исторический контекст создания цикла ор. 39 (1916–1917 гг.) – канун революции и вынужденной эмиграции композитора – напрямую повлиял на его образный строй, определив господство трагических, напряжённо-драматических настроений, что соответствует общему мироощущению искусства эпохи заката Серебряного века. Таким образом, Этюд-картина ор. 39 № 5 предстаёт как выдающийся образец синтетического художественного явления, в котором традиции русского пианизма и позднего романтизма были переосмыслены через призму новых стилевых тенденций. Творчество Сергея Васильевича Рахманинова не просто принадлежит своей эпохе, но и представляет собой одну из её вершин, предлагая уникальный сплав эмоциональной непосредственности, интеллектуальной глубины и безупречного чувства формы, что обеспечивает его непреходящую ценность и актуальность для слушателей и исследователей и в XXI веке.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительном анализе других пьес цикла ор. 39, а также в сопоставлении фортепианных произведений Сергея Васильевича Рахманинова с творчеством его современников – Александра Николаевича Скрябина и Николая Карловича Метнера – для выявления общих и различных путей претворения стилевых установок эпохи в русской музыке начала XX века.

Список источников

1. *Лукина Г.У.* Творчество С.И. Танеева в свете русской духовной традиции. Москва, 2015. 364 с. https://elibrary.ru/zdjlab
2. *Мерзлов А.Н.* С.В. Рахманинов и М.А. Врубель: творческие параллели // ИКОНИ. 2019. № 1. С. 141-146. https://doi.org/10.33779/2658-4824.2019.1.141-146, https://elibrary.ru/zxzpad
3. *Мерзлов А.Н.* Первая Симфония ор. 13 Сергея Рахманинова: последствия творческого кризиса // Проблемы музыкальной науки. 2021. № 1. С. 38-47. https://doi.org/10.17674/1997-0854.2021.1.038-047, https://elibrary.ru/pegiyx
4. *Демченко А.И.* «Здесь русский дух...». К 145-летию со дня рождения С.В. Рахманинова // Проблемы музыкальной науки. 2018. № 1. С. 81-87. https://doi.org/10.17674/1997-0854.2018.1.081-087, https://elibrary.ru/yposmp
5. *Ведмецкая Н.В.* Концепция художественного творчества русского символизма: философский анализ (А. Белый, Вяч. Иванов, В. Брюсов): дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1987. 169 с.

2025;11(4):1095-1101 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

6. *Мерзлов А.Н.* С.В. Рахманинов и М.А. Врубель: творческие параллели // ИКОНИ. 2019. № 1. С. 141-146. https://doi.org/10.33779/2658-4824.2019.1.141-146, https://elibrary.ru/zxzpad
7. *Сахарова Г.П.* Об иконографии Сергея Рахманинова в прижизненных изображениях художников // С.В. Рахманинов и мировая культура: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Ивановка, 2014. С. 258-264.
8. *Спист Е.А.* Драматургия музыкального цикла как отражение взаимодействия музыки и слова (на примере «Шести стихотворений для голоса с фортепиано» ор. 38 С. Рахманинова) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2015. № 2 (8). С. 77-85. https://elibrary.ru/ubykzt
9. *Шкарупа В.Д.* Синтез художественного и виртуозного начал в этюдах-картинах ор. 39 С.В. Рахманинова // Музыка в системе культуры: научный Вестник Уральской консерватории. Екатеринбург, 2014. Вып. 8. С. 258-286. https://elibrary.ru/zkagnf
10. *Федосова Э.П.* Сергей Васильевич Рахманинов. Романсы ор. 38 (проблемы цикла) // Музыковедение. 2005. № 4. С. 40-45. https://elibrary.ru/knxjmr
11. *Norris G.* Rakhmaninov // The New Grove Dictionary of Music and Musicians / ed. S. Sadie. London, 1980. Vol. 20. P. 707-717.

References

1. Lukina G.U. Tvorchestvo S.I. *Taneyeva in the Light of the Russian Spiritual Tradition*. Moscow, 2015, 364 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/zdjlab
2. Merzlov A.N. Sergei Rachmaninoff and Mikhail Vrubel: creative parallels. *IKONI = ICONI*, 2019, no. 1, pp. 141-146. (In Russ.) https://doi.org/10.33779/2658-4824.2019.1.141-146, https://elibrary.ru/zxzpad
3. Merzlov A.N. Sergei Rachmaninoff's First symphony op. 13: The creative crisis consequences. *Problemy muzykal'noi nauki = Music Scholarship*, 2021, no. 1, pp. 38-47. (In Russ.) https://doi.org/10.17674/1997-0854.2021.1.038-047, https://elibrary.ru/pegiyx
4. Demchenko A.I. "The Russian spirit is here..." dedicated to the 145th anniversary of S.V. Rachmaninov's birth. *Problemy muzykal'noi nauki = Music Scholarship*, 2018, no. 1, pp. 81-87. (In Russ.) https://doi.org/10.17674/1997-0854.2018.1.081-087, https://elibrary.ru/yposmp
5. Vedmetskaya N.V. *Kontseptsiya khudozhestvennogo tvorchestva russkogo simvolizma: filosofskii analiz (A. Belyi, Vyach. Ivanov, V. Bryusov). Cand. Sci. (Philology) diss.* Moscow, 1987, 169 p. (In Russ.)
6. Merzlov A.N. Sergei Rachmaninoff and Mikhail Vrubel: creative parallels. *IKONI = ICONI*, 2019, no. 1, pp. 141-146. (In Russ.) https://doi.org/10.33779/2658-4824.2019.1.141-146, https://elibrary.ru/zxzpad
7. Sakharova G.P. On the iconography of Sergei Rachmaninov in the lifetime images of artists. *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «S.V. Rakhmaninov i mirovaya kul'tura» = Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference "S.V. Rachmaninov and World Culture"*. Ivanovka, 2014, pp. 258-264. (In Russ.)
8. Spist E.A. (2015). The dramaturgy of a musical cycle reflected in the interconnection of music and word (based on an analysis of "Six songs", op. 38 by Sergei Rachmaninoff). *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve = Philosophy and Humanities in Information Society*, no. 2, pp. 77-85. (In Russ.) https://elibrary.ru/ubykzt
9. Shkarupa V.D. The synthesis of artistic and virtuoso principles in the etudes paintings op. 39 by S.V. Rachmaninov. *Muzyka v sisteme kul'tury: nauchnyi Vestnik Ural'koi konservatorii = Music in the System of Culture: Scientific Bulletin of the Ural Conservatory*. Ekaterinburg, 2014, issue 8, pp. 258-286. (In Russ.) https://elibrary.ru/zkagnf
10. Fedosova E.P. Sergei V. Rachmaninov. Romances op. 38 (problems of the cycle). *Muzykovedenie*, 2005, no. 4, pp. 40-45. (In Russ.) https://elibrary.ru/knxjmr
11. Norris G. Rakhmaninov. *The New Grove Dictionary of Music and Musicians*. London, 1980, vol. 20, pp. 707-717.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1095-1101
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Информация об авторах

ЧЖИ Линьци, магистр, Московский педагогический государственный, университет, г. Москва, Российская Федерация, https://orcid.org/0009-0002-5393-6382, 3049362421@qq.com

СУНЬ Ланьсинь, кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыковедения, Даляньский институт искусства, г. Далянь, Китайская Народная Республика, https://orcid.org/0009-0007-4090-701X, 3049362421@qq.com

Для контактов:
Чжи Линьци
e-mail: 3049362421@qq.com

Поступила в редакцию 05.10.2025
Поступила после рецензирования 14.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Linqi Zhi, Master, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, https://orcid.org/0009-0002-5393-6382, 3049362421@qq.com

Lanxin Sun, Cand. Sci. (Education), Associate Professor of Musical Performance Department, Dalian College of Art, Dalian, People's Republic of China, https://orcid.org/0009-0007-4090-701X, 3049362421@qq.com

Corresponding author:
Linqi Zhi
e-mail: 3049362421@qq.com

Received 05.10.2025
Revised 14.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.

2025;11(4):1102-1117 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81-139
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1102-1117
Шифр научной специальности 5.9.5

Компаративный анализ «выражений» персонажа Хозяйки Медной горы сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и актанта горной хозяйки уральской народной сказки «Каменная чаша»

Сожида Тахиржоновна Кормакова
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»
432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42
Sojiden@mail.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время волшебные сказки сохраняют удивительную актуальность, невзирая на век цифровизации и переизбыток современных развлечений. Вечные ценности в динамичном мире определяют генетический код культуры. Благодаря этому исследование волшебных сказок вдохновляет не только учёных, писателей, но и кинематографистов, композиторов, художников. Структура нарратива сказки позволяет выявить внутренние качества персонажа при помощи идей В.Я. Проппа и А.-Ж. Греймаса. Концепция В.Я. Проппа даёт возможность составить семиперсонажную схему, а методика А.-Ж. Греймаса вносит дополнения в данную модель с использованием лингвистического анализа и вводит понятия актанта и актантной модели. Так, цель исследования состоит в том, чтобы сопоставить «вербализации выражений» персонажей сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» Хозяйки Медной горы и народной сказки «Каменная чаша» горной хозяйки с использованием филологического анализа, исходя из концепции В.Я. Проппа и методики А.-Ж. Греймаса. Таким образом, результаты данного исследования могут быть использованы в преподавании русского языка, филологии, анализе филологического текста, сказкотерапии (в психологии). МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования послужили авторская сказка П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и народная уральская сказка «Каменная чаша». Применялся метод сравнения с использованием филологического анализа, базирующийся на концепции В.Я. Проппа функциональных персонажей и методики актантной модели А.-Ж. Греймаса. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. При помощи филологического анализа были определены характеристики персонажей авторской и народной сказок, а метод сравнения позволил выявить сходство и различие актантов. Составлены схемы семиперсонажей, по В.Я. Проппу, или актантная модель, по А.-Ж. Греймасу. Данный вид анализа помогает учёным-филологам углубиться в этническую особенность уральского народа. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Взаимодополняющие методики русского фольклориста и французского структуралиста обеспечивают более точное рассмотрение структуры нарратива не только сказок, но и практически любого текста. Результаты исследования могут быть применены на лекциях по фольклористике, русскому языку.

Ключевые слова: сказка, нарратив, семиперсонажная схема, персонаж, актант, актантная модель, сообщения-характеристики, функциональные сообщения, номинативы, атрибутивы, функтивы, филологический анализ, метод сравнения

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: С.Т. Кормакова – дизайн и организация исследования, определение материалов исследования, филологический анализ «вербализации выражений» персонажей сказок, работа со словарями, написание черновика рукописи, оформление рукописи согласно требованиям редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

© Кормакова С.Т., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Для цитирования: *Кормакова С.Т.* Компаративный анализ «выражений» персонажа Хозяйки Медной горы сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и актанта горной хозяйки уральской народной сказки «Каменная чаша» // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1102-1117. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1102-1117

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1102-1117
OECD 6.02; ASJC 1203

Comparative analysis of the “expressions” of the character of the Mistress of the Copper Mountain in P.P. Bazhov’s fairy tale “The Malachite Box” and the actant of the mountain mistress in the Ural folk tale “The Stone Bowl”

Sozhida T. Kormakova
Ulyanovsk State University
42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation
Sojiden@mail.ru

Abstract

INTRODUCTION. Nowadays, fairy tales remain surprisingly relevant, despite the age of digitalization and the overabundance of modern entertainment. Eternal values in a dynamic world determine the genetic code of culture. Because of this, the study of fairy tales inspires not only scientists, writers, but also cinematographers, composers, and artists. The structure of the narrative of the fairy tale makes it possible to reveal the inner qualities of the character using the ideas of V.J. Propp and A.J. Greimas. Propp’s concept makes it possible to draw up a seven-person scheme, and Propp’s methodology makes it possible to create a seven-character scheme. Greimasa makes additions to this model using linguistic analysis and introduces the concepts of the actor and the actor model. Thus, the purpose of the study is to compare the “verbalization of expressions” of the characters in P.P. Bazhov’s fairy tale “The Malachite Box” of the Mistress of the Copper Mountain and the folk tale “The Stone Bowl” of the mountain mistress, using philological analysis based on the concept of V.J. Propp and the methodology of A.J. Greimas. Thus, the results of this research can be used in teaching Russian, in philology, in the analysis of the philological text, in fairy-tale therapy (in psychology). MATERIALS AND METHODS. The research material was the author’s fairy tale by P.P. Bazhov “The Malachite Casket” and the folk tale of the Urals “The Stone Bowl”. The method of comparison using philological analysis is applied, based on the concept of V.J. Propp of functional characters and the method of the actant model of A.J. Greimas. RESULTS AND DISCUSSION. Using philological analysis, the characteristics of the characters of the author’s and folk tales were determined, and the comparison method made it possible to identify the similarities and differences between the actors. Seven-character schemes according to V. Propp or the actant model according to A.J. Greimas are compiled. This type of analysis helps philologists to delve into the ethnic peculiarity of the Ural people. CONCLUSION. The complementary methods of the Russian folklorist and the French structuralist provide a more accurate consideration of the narrative structure not only of fairy tales, but also of practically any text. The results of the research can be applied in lectures on folklore studies and the Russian language.

Keywords: fairy tale, narrative, seven-character scheme, character, actant, actant model, messages-characteristics, functional messages, nominatives, attributes, functions, philological analysis, method of comparison

Funding. This research received no external funding.

2025;11(4):1102-1117 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Author's Contribution: S.T. Kormakova – research design and organization, definition of research materials, philological analysis of the "verbalization of expressions" of fairy tale characters, working with dictionaries, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Kormakova, S.T. Comparative analysis of the "expressions" of the character of the Mistress of the Copper Mountain in P.P. Bazhov's fairy tale "The Malachite Box" and the actant of the mountain mistress in the Ural folk tale "The Stone Bowl". *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1102-1117. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1102-1117

ВВЕДЕНИЕ

Народное творчество генетически находится рядом с языком, поэтому этот жанр не обходит внимания современных учёных.

Например, Т.И. Мальцева особое внимание уделяет анализу фольклорных формул [1], Ф.А. Алиева и Ф.Х. Мухамедова выявляют функции чудесных предметов и явлений в волшебных сказках [2], В.Ф. Подставленко рассматривает межкультурную вариативность сказочных сюжетов с мотивом абсурдности [3], П.В. Сивцева-Максимова и Т.И. Фёдорова изучают якутские сказки [4], Л.У. Звонарёва и О.В. Звонарёв проанализировали географические комментарии русского художника эмигранта первой волны Александра Алексеева к русским народным сказкам [5], современная зарубежная исследовательница в области литературоведения Молли Кларк производит анализ современных пересказов «Красной шапочки» [6].

В настоящее время особый интерес у исследователей вызывает анализ различных текстов. Так, Н.В. Кондрашова рассматривает текст как объект лингвистического исследования [7], А.В. Давыдова систематизировала произведения Северного текста русской литературы для детей, в которых возникает образ озера [8], Е.И. Панина изучает художественный текст в аспекте практической лингвокультурологии с иностранными студентами гуманитарных специальностей [9], А.Н. Назайкин определяет подходы к оценке эффективности текста [10], М.Х. Джабер уделяет внимание взаимодействию элементов понятийного наполнения вербализованного концепта в диахронии [11], американский учёный Дэвид Херман анализирует, как читатели с помощью своих когнитивных способностей понимают и реконструируют нарративы [12].

В исследовании сказок нас заинтересовали их корни, эволюция, изменения сюжета. Кто же был первооткрывателем «генома» волшебной сказки?

Основоположником сравнительно-типологического метода в фольклористике был советский филолог В.Я. Пропп. Работа учёного «Морфология волшебной сказки», выпущенная в 1928 г., привнесла новаторские идеи в изучение сюжета сказки. Книга «Исторические корни волшебной сказки», опубликованная в 1946 г., обратила автора к поиску самих истоков сказочных нарративов. В.Я. Пропп в своих работах описывал единую структуру волшебных сказок, несмотря на разнообразие сюжетов. Сюжет сказок имеет устойчивую закономерность «функций» персонажей. По В.Я. Проппу, «функция» – это поступок действующего лица, имеющий важное значение в сюжете сказки. Учёный выделил 31 функцию, некоторые из них: «отлучка героя; запрет; нарушение запрета; вредительство; отсылка героя; испытание героя дарителем; получение волшебного средства; борьба, победа, возвращение, узнавание, обличение, трансфигурация, свадьба» и т. д. Далее учёный классифицировал персонажей по сферам действия:

1) «Герой;
2) искомый персонаж;
3) антагонист;
4) даритель;
5) помощник;
6) отправитель;
7) ложный герой»[1].

[1] *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 1998. 512 с.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Инновационная концепция В.Я. Проппа послужила продвижением для продолжения изучения структурного сюжета повествовательного текста. Одним из последователей идей В.Я. Проппа стал выдающийся французско-литовский семиотик А.-Ж. Греймас. Так, выявление формы нарратива сказок В.Я. Проппом помогает французскому структуралисту внести «грамматику» в сюжет текста. А.-Ж. Греймас предлагает проанализировать текст с лингвистической точки зрения. В статье «Размышление об актантных моделях» учёный расширяет концепцию В.Я. Проппа о семипресонажной схеме. Вводит понятие актант и предлагает использовать актантную модель[2]. По Греймасу, «*актанты*, которые суть не что иное, как класс актеров, поддаются определению лишь исходя из корпуса всех сказок без исключения: распределение актеров создаёт отдельную сказку, а структура актантов – жанр. Актанты, таким образом, обладают металингвистическим статусом по отношению к актерам: кроме того, они требуют исчерпывающего функционального анализа, иначе говоря установления кругов действий»[3]. Р.Д. Урунова в своей работе «Лингвистическое процедурное обеспечение исследований сюжета русской сказки» отмечает, что «А.-Ж. Греймас соединил две идеи: организующего сюжет сказки пропповского «персонажа» и «актанта», являющегося постоянным конструктивным элементом синтаксических моделей» [13, с. 1344]. Тем самым, актантная модель позволяет проанализировать практически любой повествовательный текст, где в их основе лежит связь субъект → объект.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как синтез методик определения «морфологии сказки» В.Я. Проппом и применения лингвистического анализа А.-Ж. Греймасом позволяет более точно определить единство и различие персонажей авторской сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и уральской народной сказки «Каменная чаша», используя компаративный метод при помощи филологического анализа. Так, С.Т. Кормакова в своей статье «Сопоставление вербализации «героев» в авторской сказке и народной (на материале сказок П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша»)» пишет, что «данная цель достигается решением следующих задач:

– выявить качественные характеристики персонажей-актантов;

– выявить функциональные характеристики персонажей-актантов;

– произвести филологический анализ текстов;

– совершить гомологизацию признаков и функций для идентификации актанта;

– построить актантные модели;

– выявить общие и специфические черты актантных моделей народной и авторской сказок» [14, с. 824].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили авторская сказка П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и народная уральская сказка «Каменная чаша». Изучением вербализации персонажей волшебных сказов послужили идеи В.Я. Проппа и А.-Ж. Греймаса.

Выписанные выражения персонажей подвергаются анализу, главным образом через сравнения. Используя последовательность действий, предложенную А.-Ж. Греймасом, можно сформировать актантную модель сказок «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша». Сначала происходит отбор необходимого материала для анализа. Сюда входят отрывки, эпизоды и иные части произведений, которые содержат *«сообщения-характеристики»* и *«функциональные сообщения»*, по А.-Ж. Греймасу. Далее каждый из собранных фрагментов подвергается компонентному и словарному анализу. Проводится лексико-грамматический анализ «вербализации выражений». На следующем этапе изученные фрагменты сказок подвергаются *редукции* (сокращению, если это возможно), а

[2] *Греймас А.-Ж.* Размышление об актантных моделях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 1. С. 118, 121, 127.

[3] *Косиков Г.К.* Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Изд. группа Прогресс, 2000. С. 156.

2025;11(4):1102-1117 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

выделенные характеристики персонажа распределяются по группам: номинативы и атрибутивы («сообщения-характеристики»), функтивы «функциональные сообщения»). Такое название (номинативы, атрибутивы, функтивы) дала профессор Р.Д. Урунова в своей работе «Концепция В.Я. Проппа и актантный анализ текстов»[4]. Р.Д. Урунова пишет, что «*номинативы* – прозвища и названия персонажа, выраженные именами существительными. *Атрибутивы* – эпитеты и признаки персонажа, выраженные именами прилагательными. *Функтивы* – к ним относятся выражения, в которых сообщается о действиях, совершаемых персонажем, поэтому чаще всего функтивами являются глаголы»[5]. Филологический анализ полученных фрагментов (*гомологизация*) эксплицирует актантную функцию в значении разных глаголов. Таким образом, «с помощью последовательных процедур редукции и гомологизации – получает возможность определить явление, которое можно назвать сферой деятельности указанного божества»[6]. После определения актанта формируется актантная схема.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Далее рассмотрим филологический анализ «вербализации» персонажей авторской сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и уральской народной сказки «Каменная чаша». Для примера произведём сопоставительный анализ ***Хозяйки Медной горы*** («Малахитовая шкатулка») и ***горной хозяйки*** («Каменная чаша»).

На первом этапе необходимо выявить в сказках «качественные характеристики» и «функциональные характеристики» персонажей:

Хозяйка Медной горы[7]

Номинативы:

1) Сама ***Хозяйка*** Медной горы одарила Степана этой шкатулкой, как он ещё жениться собирался [Бажов].

2) Танюшка так глазами и впилась, а женщина посмеивается.

Поглянулась, знать, доченька, моё рукодельице?

Хочешь – выучу?

– Хочу, – говорит.

Настасья так и взъелась:

– И думать забудь! Соли купить не на что, а ты придумала шелками шить. Припасы – то, поди-ко, денег стоят.

– Про то не беспокойся, хозяюшка, говорит ***странница***. – Будет понятие у доченьки – будут и припасы. За твою хлеб-соль оставлю ей – надолго хватит [Бажов].

3) Настасья скоса запоглядывала: «Нашла себе новую ***родню***. К матери не подойдёт, а к ***бродяжке*** прилипла! [Бажов]»

Атрибутивы:

1) А тоже случаем вышло. Приходит к ним женщина. ***Небольшого*** росту, ***чернявая***, в ***настасьиных уж годах***, а ***востроглазая*** и, по всему видать, шмыгало такое, что только держись [Бажов].

2) А странница уж бадожок свой поставила, котомку на припечье положила и обуточки снимает. Настасье это не по нраву пришлось, а смолчала.

«Ишь ***неочесливая***! Приветить её не успели, а она нако – обутки сняла и котомку развязала» [Бажов].

3) Танюшка потихоньку на пуговку поглядела, а там ***зеленоглазая*** ей знак подаёт – бери заказ! – и на себя пальцем указывает[8].

Функтивы:

1) Сама Хозяйка Медной горы ***одарила*** Степана этой шкатулкой, как он ещё жениться собирался [Бажов].

2) А странница ***уж бадожок свой поставила, котомку на припечье положила и обуточки снимает***. Настасье это не по нраву пришлось, а смолчала [Бажов].

[4] *Урунова Р.Д.* Концепция В.Я. Проппа и актантный анализ текстов // Учёные записки Ульяновского государственного университета «Актуальные проблемы теории языка и лингвистика. Сер. Лингвистика». Вып. 1 (23) / под ред. проф. А.И. Фефилова. Ульяновск: УлГУ, 2019. С. 23.

[5] Там же.

[6] *Косиков Г.К.* Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. С. 153.

[7] *Бажов П.П.* Сочинения в трёх томах. Т. I. Москва: Правда, 1986. 364 с. Далее в тексте [Бажов]

[8] *Косиков Г.К.* Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. С. 153.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

3) – Иди-ко, дитятко, погляди на моё рукоделье. Коли поглянется, и тебя ***выучу***… Видать, цепкий глазок-от на это будет!

Танюшка подошла, а женщина и ***подаёт ей ширинку маленькую, концы шёлком шиты.*** И такой-то, слышь-ко, жаркий узор на той ширинке, что ровно в избе светлее и теплее стало [Бажов].

4) – Про то не беспокойся, хозяюшка, ***говорит*** странница. – Будет понятие у доченьки – будут и припасы. За твою хлеб-соль ***оставлю*** ей – надолго хватит [Бажов].

5) Вот эта женщина и ***занялась*** Танюшку ***учить*** [Бажов].

6) «Нашла себе новую родню. К матери не подойдёт, а к бродяжке прилипла!»

А та ещё ровно ***дразнит***, всё Танюшку ***дитятком да доченькой зовёт, а крещёное имя ни разочку не помянула*** [Бажов].

7) ***Подошла поближе, да и давай пальцем в камешки тыкать***. Который ***заденет*** – тот и загорится по-другому [Бажов].

8) Танюшка встала, а женщина и ***давай*** её потихоньку ***гладить*** по волосам, по спине. Всю ***огладила***, а сама ***наставляет***:

– ***Заставлю*** тебя ***повернуться***, так ты, смотри, на меня не оглядывайся. Вперёд гляди, примечай, что будет, а ничего не говори. Ну, поворачивайся!

Повернулась Танюшка – перед ней помещение, какого она отродясь не видывала. Не то церква, не то что [Бажов].

9) В тот же день, как пришла Настасья домой, эта женщина ***собираться*** в дорогу ***стала***. ***Поклонилась*** низенько хозяйке, ***подала Танюшке узелок с шелками да бисером, потом достала пуговку*** махоньку. То ли она из стекла, то ли из дурмашка на простую грань обделана.

Подаёт её Танюшке, да и ***говорит***:

– Прими-ко, доченька, от меня памятку. Как что забудешь по работе либо трудный случай подойдёт, погляди на эту пуговку. Тут тебе ответ и будет.

Сказала так-то и ***ушла***. Только её и видели [Бажов].

Горная хозяйка[9]

Номинативы:

1) К какой горной ***хозяйке***, дедушка? – Вася спрашивает [Золотые руки].

Атрибутивы:

1) К какой ***горной*** хозяйке, дедушка? – Вася спрашивает [Золотые руки].

Номинатив с атрибутивом:

1) Говорили старики, что живёт в наших горах ***девушка-красавица*** – горная хозяйка [Золотые руки].

Функтивы:

1) Она всеми камнями ***распоряжается*** [Золотые руки].

2) И сияние вокруг неё, словно вся она ***насквозь светится*** [Золотые руки].

3) А девушка ***улыбается***:

– ***Знаю, всё знаю*** [Золотые руки].

4) – ***Отчего не выпущу***? Дорога открыта, иди, куда хочешь [Золотые руки].

6) Я тебе любых камней ***дам*** [Золотые руки].

7) А после идёт в уголок, что ему хозяйка ***отвела,*** перед каменной глыбой садится и режет её [Золотые руки].

8) ***Поглядела она на цветок, губу закусила*** [Золотые руки].

9) – Да, ***вижу, ошиблась*** я. ***Не думала, что ты своим умением всех моих мастеров выше.*** Что ж, я своё ***слово держу*** [Золотые руки].

10) Только это чудо, что ты сделал, я тебе с собой ***унести не позволю*** [Золотые руки].

11) ***А коли решишь остаться – лучшим мастером-резчиком тебя в своём царстве сдела*** [Золотые руки].

12) ***Засмеялась*** горная хозяйка, всё ***лицо у нее просветлело*** [Золотые руки].

13) ***Взяла*** она каменную чашу, Васе ***подаёт***:

– Молодец, парень! Верно решил. ***Испытать я тебя хотела*** [Золотые руки].

Так, действующее лицо ***Хозяйка Медной горы*** выражена:

– слова: Хозяйка, странница, родня, бродяжка – номинативы;

– слова: небольшой, чернявая, настасьиных уж годах, востроглазая, неочесливая – атрибутивы;

[9] Золотые руки: сборник сказок народов СССР о мастерстве в труде. Москва; Ленинград: Детгиз, 1948. 64 с. Далее в тексте [Золотые руки].

2025;11(4):1102-1117 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

– слова: одарить, выучить, говорить, оставить, заняться, учить, дразнить, задеть, собираться, стать, поклониться, сказать, уйти – функтивы;

– словосочетания и предложения: уж бадожок свой поставила, котомку на припечье положила и обуточки снимает; подаёт ей ширинку маленькую, концы шёлком шиты; дитятком да доченькой зовёт, а крещёное имя ни разочку не помянула; подошла поближе, да и давай пальцем в камешки тыкать; подала Танюшке узелок с шелками да бисером, потом достала пуговку – фрагменты.

Действующее лицо ***горная хозяйка*** выражена:

– слова: хозяйка – номинатив;

– слова: горная – атрибутив;

– сочетание: девушка-красавица – номинатив с атрибутивом;

– слова: распоряжаться, улыбаться, смеяться, дать, отвести, засмеяться, взять, подать – функтивы;

– словосочетания и предложения: насквозь светится; знаю, всё знаю; отчего не выпущу, поглядела она на цветок, губу закусила; вижу, ошиблась я; не думала, что ты своим умением всех моих мастеров выше; слово держу; унести не позволю; а коли решишь остаться – лучшим мастером-резчиком тебя в своём царстве сделаю; лицо у неё просветлело; испытать я тебя хотела – фрагменты.

Следующий этап предполагает **словарный анализ**. С помощью Словаря современного русского литературного языка в 17 томах выпишем обозначение номинативов, атрибутивов, функтивов, относящиеся к ***Хозяйке Медной горы*** и ***медной хозяйке***.

Хозяйка Медной горы[10]

Номинативы:

Хозяйка, и, *род. мн. зяек, ж.* Женск. к хозяин. Хозяйка кого-, чего-нибудь, кому-, чему-нибудь (т. 17, с. 314).

Слово **хозяйка** используется в 3-м значении.

Странница, ы, *ж.* Женск. к странник. – *Девушки крестьянские зайдут погуторят; странница забредёт, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святые города.* Тург. Жив. мощи. *Ей стало грустно, когда она увидела себя бездомной странницей, просящей милостыню христа ради под окнами деревенских изб.* М. Горький. Мать. II (т. 14, с. 992).

Родня, и, *ж. Разг.* Родня по душе, судьбе и т. п. *Друг другу чужды по судьбе, Они родня по вдохновенью.* Пушк. К Языкову (т. 12, с. 1387).

Слово **родня** употребляется во 2-м значении.

Бродяжество, а, *ср.* В просторечии. То же, что бродяжничество. Бродяжий, ья, ье; бродяжный, ая, ое. В просторечии. Свойственный бродяге. А сердиться ты, всё-таки без причины… Али моя вина, что тебе на бродяжьем положении пришлось жить? М. Горький. Товарищи (т. 1, с. 635).

Атрибутивы:

Небольшой, ая, ое. Небольшого роста, размера и т. п. *Роста он небольшого, сложен щеголевато, собою весьма недурен.* Тург. Бурмистр (т. 7, с. 713).

Слово **небольшой** используется в 1-м значении.

Чернявый, ая, ое; няв, а, о. *Простореч.* Темноволосый и смуглый. *Из брички вылезали двое каких-то мужчин: один белокурый, высокого роста; другой немного пониже, чернявый.* Гог. Мёртв. души (т. 17, с. 933).

Востроглазый, ая, ое. Имеющий быстрый или проницательный взгляд. *Востроглазый сынок Марьи Васильевны, которого мать называла Булькою, стоя подле матери, не спуская глаз с Хаджи Мурата.* Л. Толст. Хаджи Мурат (т. 2, с. 734).

Так как в Словаре современного русского литературного языка в 17 томах слова неочесливой не представлено, выпишем его из Словаря русского языка XVIII века:

НЕОЧЕСЛИВОЙ, ая, ое. *Прост. Невежливый, неучтивый, непочтительный.* [Сваха:] И! батька жених! куда ты неочеслив! Один всё проглотил; тебѣ бы невѣсту-та надобно было попотчивать. Мтн. 52. || *Неблагочестивый* (?). Из них, воров, старшина,

[10] Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949–1965. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы».

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

…говорил про государя всѣм вслух: “Какой он государь благочестивой, он неочесливой, полатынил всю нашу христианскую вѣру”. ПБП VI 306[11].

Функтивы:

Одарять, яю, яешь, *несов.*; **одарить**, рю, ришь, *прич.* одарённый, ая, ое, одарён, рена, о, *сов.; перех.* Наделять подарками, деньгами. *Густав щедро одарил ворожею и с любимцем своим отправился домой.* Греч. Чёрная женщина (т. 8, с. 657).

Слово **одарять** употребляется в 1-м значении.

Оставлять, яю, яешь, *несов.;* оставить, влю, вишь, *прич.* оставленный, ая, ое, *сов.; перех.* Уходя, удаляясь, отдавать, передавать кому-либо. *Обломов отдал хозяйке все деньги, оставленные ему братцем на прожиток.* Гонч. Обломов (т. 8, с. 1164).

Слово оставлять используется во 2-м значении.

Заниматься, аюсь, аешься, *несов.;* заняться, займусь, займёшься, *прош.* занялся, лась, лось, *сов. Делать что-либо, упражняться в чём-либо. Время от обеда до вечера мало ли чем заняться хозяйке? – красить шерсть, ...содить огурцы.* Гог. Страшн. кабан (т. 4, с. 715).

Слово **заниматься** употребляется во 2-м значении.

Учить, учу, учишь, *прич. страд. прош.* ученный, ая, ое, учён, а, ои. Обучать кого-либо, передавать кому-либо какие-нибудь знания, навыки. *Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё моё не добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая.* Пушк. Кап. дочка (т. 16, с. 1162).

Собирать, аю, аешь, *несов.;* **собрать**, беру, берёшь. Складывать, помещать в одно место, вместе. *Видит, белочка при всех Золотой грызёт орех, Изумрудец вынимает, А скорлупку собирает, Кучки равные кладёт.* Пушк. Ск. о царе Салтане (т. 14, с. 17)…

Поклониться, нюсь, клонишься, *сов.* Сделать поклон (в знак приветствия, благодарности, уважения, во время молитвы и т. п.). *Вдруг толпа раздалась в обе стороны – И выходит Степан Парамонович… Поклонился прежде царю грозному, После белому Кремлю да святым церквам.* Лерм. Песня про купца Калашн. (т. 10, с. 866).

Слово **поклониться** используется в 1-м значении.

Подавать, даю, даёшь, *несов.:* подать, дам, дашь. Давать, поднося, оказывая услугу, помогая. [Ковалёв] *приказал себе подать небольшое, стоявшее на столе, зеркало.* Гог. Нос (т. 10, с. 215).

Слово подавать употребляется в 1-м значении.

Доставать, стаю, стаёшь, *несов.*; достать, стану, станешь. Рукой достать – очень близко, недалеко. *Подле него* [старика] *на столике, рукой достать, лежали три или четыре книги и серебряные очки.* Дост. Подросток. Ч. III, гл. I (т. 3, с. 1032).

Уйти, уйду, уйдёшь. Удалиться откуда-либо, двигаясь шагом. [Шерамур] приходил, узнал, что меня нет дома, и ушёл. Леск. Шерамур (т. 16, с. 422.).

Слово **уйти** используется в 1-м значении.

Горная хозяйка

Номинатив:

Хозяйка, и, *род. мн. зяек, ж.* Женск. к хозяин. Хозяйка кого-, чего-нибудь, кому-, чему-нибудь (т. 17, с. 314).

Слово **хозяйка** используется в 3-м значении.

Атрибутив:

Гора, ы. Значительная возвышенность, выделяющееся среди окружающей местности или в цепи других возвышенностей. *Вершины ближних гор тепло зарозовели, снег на них заблестел; подножья оставались тёмными и сумрачными.* Авдеев. Далеко-далёко (т. 3, с. 262).

Слово **гора** употребляется в 1-м значении.

Номинатив с атрибутивом:

Девушка, и, *род. мн.* девушек., ж. Лицо женского пола, достигшее полного физического развития, но не состоящее в браке. *Тоненькая, лёгкая фигурка молча скользнула с печи. Сначала Петрову показалось, что это девочка-подросток. Когда же она по-*

[11] Словарь русского языка XVIII века. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2023–2025. Электронный ресурс. URL: https://xviii.iling.spb.ru/

2025;11(4):1102-1117 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

дошла к столу… он увидел, что это девушка – и девушка хорошенькая, в расцвете лет. Б. Полев. Пов. о наст. чел. Ч. IV, гл. I (т. 3, с. 635).

Слово **девушка** используется в 1-м значении.

Красавица, и, *ж.* Красивая женщина. *Лукерья первая красавица во всей нашей дворне, – высокая, полная, белая, румяная, – хохотунья, плясунья, певунья!* Тург. Жив. мощи (т. 5, с. 1580).

Слово **красавица** используется в 1-м значении.

Функтивы:

Распоряжаться, аюсь, аешься, *несов.;* распорядиться, ряжусь, рядиться, рядишься, *сов.* Отдавать приказание; приказывать. [Городничий:] *Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?* [Частный пристав:] *Да так, как вы приказали. Квартального Пуговицына я послал с десятским подчищать тротуар.* Гог. Ревизор (т. 12, с. 727).

Слово **распоряжаться** употребляется в 1-м значении.

Светиться, свечусь, светишься, *несов.* Сиять, отражая свет, лучи. *Она была одушевлена и взволнована.., и на щеках её светились слёзы.* Дост. Маленьк. герой (т. 13, с. 333).

Слово **светиться** используется во 2-м значении.

Улыбаться, аюсь, аешься, *несов.;* улыбнуться, нусь, нёшься, *сов.* Улыбкой выражать радость, удовольствие и т. п. *Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородок дрожал, и грудь всё ещё колыхалась.* Дост. Бел. ночи (т. 16, с. 557).

Слово **улыбаться** употребляется в 1-м значении.

Знать, знаю, знаешь. Обладать знаниями о ком-, чем-либо, иметь какие-либо познания. *На лице его можно было прочесть покойную уверенность в себе и понимание других, выглядывавшие из глаз. – Пожил человек, знает жизнь и людей, – скажет о нём наблюдатель.* Гонч. Обрыв (т. 4. с. 1288).

Слово **знать** используется в 1-м значении.

Давать, даю, даёшь. Вручать кому чтолибо; передавать из рук в руки. [Андрей:] *Я пришёл к тебе, дай мне ключ от шкапа, я затерял свой.* Чех. Три сестры (т. 3, с. 517).

Слово **давать** употребляется в 1-м значении.

Поглядеть, гляжу, глядишь, *сов.* Устремить, направить взгляд куда-нибудь. Взглянуть. *Он поглядел на адъютанта и на майора... и поехал шагом прямо на квартиру полковника.* Тург. Бретёр (т. 10, с. 171).

Ошибаться, аюсь, аешься, *несов.*; ошибиться, бусь, бёшься. Неправильно делать что-нибудь, думать, судить о ком-, чем-либо; допускать ошибку (ошибки). – *Чужой для всех ничем не связан, Я думал: вольность и покой Замена счастью. Боже мой! Как я ошибся, как наказан!* Пушк. Е. О. (т. 8. с. 1825).

Подавать, даю, даёшь, *несов.*: подать, дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут.

Давать, поднося, оказывая услугу, помогая. [Ковалёв] *приказал себе подать небольшое, стоявшее на столе, зеркало.* Гог. Нос (т. 10, с. 215).

Слово подавать употребляется в 1-м значении.

Испытывать, аю, аешь, *несов.*: испытать, аю, аешь. Проверять чьи-либо качества, свойства, пригодность к чему-либо. [Шуйский:] *Я глословием притворным Тогда желал тебя лишь испытать, Верней узнать твой тайный образ мыслей.* Пуш. Бор. Годунов (т. 5, с. 512).

Слово **испытывать** используется в 1-м значении.

Следующий этап предполагает **компонентный анализ**. Рассмотрим словарное значение характеристики персонажа **Хозяйки Медной горы** сказки «Малахитовая шкатулка». Так, номинативы ***странница, бродяжка*** изображает её, как скиталицу в мире людей.

Номинатив ***родня*** показывает тёплые отношения Хозяйки с главным персонажем.

Атрибутив ***настасьиных уж годах*** описывает её, как женщину, которой столько же лет, как и персонажу Настасье. Атрибутивы ***небольшой, чернявая, востроглазая, неочесливая*** демонстрируют данного персонажа, как незаметной, невзрачной, на первый взгляд невежливой, но умной и внимательной.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Какими качествами обладает **горная хозяйка** народной сказки «Каменная чаша»? В этой сказке она имеет другой внешний облик. Горная хозяйка предстаёт здесь молодой ***девушкой-красавицей***. С **лексико-грамматической** точки зрения анализ номинатива с атрибутивом ***девушка-красавица*** повторяется, но в обратном порядке слов: *«Кругом подымаются деревья диковинные, колышутся травы изумрудные, а посреди поляны стоит* ***красавица-девушка»***.

Номинатив с атрибутивом **девушка-красавица** – это сложное существительное с дефисным написанием. В данном случае первое слово обозначает субъект, а второе слово даёт новый смысл и уточняет его значение. Таким образом, горная хозяйка была не только владычицей своего царства, но и красивая девушка.

Атрибутив ***горная*** имеет полную форму и говорит о качестве – относящийся к горе, т. е. персонаж – хозяйка горная. Какие-либо оценочные атрибутивы отсутствуют.

Тем самым в авторской сказке «Малахитовая шкатулка» **Хозяйка Медной горы** и в народной сказке «Каменная чаша» **горная хозяйка** являются властелинами в своих мирах. Однако Хозяйка Медной горы имеет облик земной женщины, а горная хозяйка обладательница волшебной красоты. О чём же это может свидетельствовать? В книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп пишет: «Анализ Яги как хозяйки над царством леса и его животных покажет нам, что её животный облик есть древнейшая форма её. Такой она иногда является в русской сказке. В одной вятской сказке у Д.К. Зеленина, которая вообще изобилует чрезвычайно архаическими чертами, роль яги в избушке играет козёл. В других случаях ей соответствует медведь, сорока»[12]. Чем же Хозяйка Медной горы похожа на Ягу? Они обе являются Хозяйками своего загробного мира – горы и леса. Яга – хранительница входа в тридесятое царство[13]. К Хозяйке Медной горы могут попасть только избранные, в некоем роде она тоже охраняет своё царство горы. Обе перевоплощаются в животных. Дарят герою волшебный предмет и помогают пройти испытания.

Так, выше нами были выписаны «функциональные сообщения» и был произведён словарный анализ. Поэтому для более твёрдой доказательности данных персонажей необходимо рассмотреть их действия, то есть обратиться к семантическому анализу функтивов.

Хозяйка Медной горы

Первый функтив ***одарила*** позволяет нам сразу сделать вывод о том, что Хозяйка Медной горы является дарителем. С этого начинается сказка «Малахитовая шкатулка».

Фрагмент ***подала Танюшке узелок с шелками да бисером, потом достала пуговку*** подтверждает дарение главному действующему лицу от Хозяйки Медной горы.

Далее семантическое значение фрагментов ***уж бадожок свой поставила, котомку на припечье положила и обуточки снимает*** показывает процесс последовательных действий Хозяйки Медной горы в облике бродяжки, пришедшей в дом Настасьи и настойчиво просящейся остаться в нём на неопределённое время. В сказке «Малахитовая шкатулка» ***Хозяйка Медной горы*** находится в ***настасьиных уж годах***.

Функтивы ***выучу*** и фрагменты ***занялась учиться, ширинку маленькую, концы шёлком шиты; подошла поближе да и давай пальцем в камешки тыкать*** демонстрируют Хозяйку Медной горы, обладающую опытом виртуозного владения шитья. Этот персонаж готов ***выучить***, то есть довести дело до конца и поделиться секретами мастерства. Приставка *вы-* у функтива *выучить* указывает на результат завершённости.

Функтив ***маячит*** и фрагмент ***знак подаёт*** указывают на помощь персонажа главному герою. Функтив ***оставлю*** характеризует действующего лица как помощника. Таким образом, Хозяйка Медной горы в сказке является помощником. В ней соединились функции двух актантов – дарителя и помощника. А.-Ж. Греймас назвал данное явление «синкретизмом актантов»[14].

[12] *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Санкт-Петербург: Питер, 2022. 576 с.

[13] Там же.

[14] *Греймас А.-Ж.* Размышление об актантных моделях. С. 131.

2025;11(4):1102-1117 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Функтив ***дразнит*** и фрагмент ***дитятком да доченькой зовёт, а крещёное имя ни разочку не помянула*** выражают духовное родство Хозяйки Медной горы с главным персонажем.

Выражение ***Заставлю*** *тебя* ***повернуться****, так ты, смотри, на меня не оглядывайся. Вперёд гляди, примечай, что будет, а ничего не говори. Ну, поворачивайся! Повернулась Танюшка – перед ней помещение, какого она отродясь не видывала****.*** *Не то церква, не то что…* показывает, что Хозяйка Медной горы является «отправителем». Так как, обучая Танюшу мастерству и видя, что у неё искусно получаются изделия, ей захотелось такого мастера иметь в своём царстве. И через предсказание, указанное выше, она намеренно направляет её во дворец, чтобы та увидела комнату, которую делал отец Танюши (она очень его любила: *По Степану шибко эта девчонка* ***убивалась****. Чисто* ***уревелась*** *вся, с лица* ***похудела, одни глаза остались***). Поэтому, заманив её таким путём, Хозяйка получает мастера в своём царстве. Та «растворяется в стене».

Фрагмент ***собираться стала*** и функтивы ***поклонилась, сказала, ушла*** характеризуют действующего лица, как вежливого, знающего честь. Данные глаголы употребляются в прошедшем времени, доказывая завершённость обучения Танюши.

Таким образом, Хозяйка Медной горы, обучая Танюшу мастерству и видя, что у неё искусно получаются изделия («***Научилась*** *шелками да бисером* ***шить»; «стала мастерицей»***), хочет такого мастера иметь в своём царстве. Она называет её ласково «***дидятком да доченькой»,*** чтобы расположить к себе. Так, через предсказание будущего данный персонаж намеренно направляет главного действующего лица во дворец, чтобы та увидела комнату, которую делал отец Танюши. Автор в сказке показывает безграничную любовь Танюши к отцу (*«По Степану шибко эта девчонка* ***убивалась****. Чисто* ***уревелась*** *вся, с лица* ***похудела, одни глаза остались»)***. Тем самым фрагмент ***двоиться стала*** даёт возможность говорить о том, что Хозяйка Медной горы заманила в своё царство главного героя, так как Танюша в конце сказки «***прислонилась к стенке малахитовой и растаяла»*** и ***«сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали».***

Горная хозяйка

Компонентный анализ показывает, что в своём царстве горная хозяйка была самая главная. Об этом говорит функтив ***распоряжается.***

Фрагмент ***насквозь светится*** изображает неземное сияние царства горной хозяйки.

Функтивы ***улыбаться*** и ***смеяться, засмеяться*** и фрагмент «***лицо у неё просветлело»*** демонстрируют душевное и открытое отношение горной хозяйки к Васе. Ей не было свойственно показывать свои эмоции.

Фрагмент ***отчего не выпущу*** характеризует горную хозяйку с положительной стороны, так как она не принуждает никого оставаться в своём царстве.

Функтив ***дать*** показывает щедрость горной хозяйки к Васе. Она не жалеет драгоценных камней на изготовление каменной чаши. Предварительно можно сделать вывод, что горная хозяйка является дарителем, так как даёт герою любые камни для чаши.

Фрагмент ***не думала, что ты своим умением всех моих мастеров выше*** анализируется полностью, так как здесь проходит мысль о том, что горная хозяйка оценивает мастерство главного героя выше своих мастеров. Хотя в царстве горной хозяйки он учится у её мастеров и перенимает их опыт.

Фрагмент ***слово держу*** говорит о том, что горная хозяйка обещает выпустить Васю на землю.

Фрагмент ***коли решишь остаться – лучшим мастером-резчиком тебя в своём царстве сделаю*** анализируется полностью, так как в данном предложении горная хозяйка готова сделать Васю главным мастером в своём царстве. Отдельно глагол ***сделать*** несёт неопределённое действие. Однако Вася отказывается остаться у горной хозяйки.

Фрагмент ***испытать я тебя хотела*** демонстрирует испытание главного героя.

«Функтивы ***взять*** и ***подать*** характеризуют её как «дарителя».

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Так, в сказке «Каменная чаша» горная хозяйка как «даритель» испытывает героя. Также она показывает герою искомый предмет (в данной сказке изготовленный им же самим), предлагает обменять его.

Как даритель она была встречена главным героем (Васей) случайно и подарила ему камни, которые он смог использовать в своей работе.

Даритель (если исходить из классификации Проппа) – это персонаж, который не только дарит, но и испытывает героя, проверяет его. Если герой проходит испытание, то даритель дарует волшебное средство или помощника. В.Я. Пропп описал десять вариантов действий Дарителя.

Главный герой Вася успешно проходит испытание, о чём горная хозяйка ему прямо и говорит, и дарит ему искомую чашу: *«Взяла она каменную чашу, Васе подаёт: – Молодец, парень! Верно решил. Испытать я тебя хотела. Бери свою работу с собой».*

То есть горная хозяйка как даритель соответствует сразу двум вариантам действий, описанных Проппом.

Помощником она также является, потому что:

– пространственно перемещает главного героя в своё подземное горное царство и обратно на землю,

– помогает в разрешении трудной задачи (изготовлении каменной чаши).

При описании горной хозяйки подчёркиваются её власть и всемогущество. Этому способствуют глаголы *распоряжаться, дать, знать, позволить, испытать.*

Кроме того, подчёркивается исключительная положительность данного образа, свойственная актантам «помощник» и «даритель». Этому способствуют слова *светиться, улыбаться, смеяться, слово держать, просветлеть.*

Далее произведём обобщения «вербализации выражений», определяющие актантов **Хозяйку Медной горы** и **горную хозяйку** (табл. 1).

Таким образом, опираясь на концепцию В.Я. Проппа и методику А.-Ж. Греймаса, персонаж Хозяйка Медной горы является «помощником», «дарителем» и «отправителем», а горная хозяйка – «помощником» и «дарителем». А.-Ж. Греймас в работе «Размышление об актантных моделях» назвал данный процесс «синкретизм актантов», то есть персонаж выполняет несколько действий.

Далее рассмотрим **общее** между персонажами народной и авторской сказок (табл. 2).
Однако данные цели (обучение мастерству и разрешении трудных задач главных героев) у ***Хозяйки Медной горы*** и ***горной хозяйки*** достигаются по-разному (представлено в табл. 2). Отличает персонажей и то, что в сказке «Малахитовая шкатулка» автор косвенно говорит о царстве Хозяйки Медной горы, представив её в виде бродяжки, происходит перевоплощение. И все действия происходят на территории главного героя. В народной сказке «Каменная чаша» горная хозяйка находится в своём подземном мире, здесь она представлена красавицей.

Хозяйка Медной горы имеет ещё одну функцию – отправление Танюши во дворец. Это функция имеет цель, которая подразумевает заполучение хорошего мастера в своём царстве. То есть Хозяйка Медной горы – «отправитель». Тем самым, волшебные действия персонажей, представленные в авторской и народной сказках, трактуются по-разному. П.П. Бажов эти функции описывает завуалированно. Почему автор Хозяйку Медной горы перевоплощает в человека? В авторской сказке сохраняется закон, присущий классификации В.Я. Проппа, где учёный в своих трудах описывает превращении Бабы Яги. Поэтому мы решили обратиться к М.Н. Липовецкому, который в монографии «Поэтика литературной сказки» исследует сказки начала XX века[15]. Учёный приходит к выводу, что между сказкой и реальностью есть контакт. К данному периоду он относит сказку П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка». Тем самым, мы можем сделать вывод, что функтивы и фрагменты определяют Хозяйку Медной горы, как самобытную женщину, перевоплотившуюся в рабочий класс. Это тип женщины XX века, дворянки, которая приняла новое общество и влилась в него.

[15] *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Изд- во Урал. ун-та, 1992. 184 с.

2025;11(4):1102-1117 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Таблица 1. Обобщения «вербализации выражений», характеризующие персонажей Хозяйку Медной горы и горную хозяйку
Table 1. Generalizations of "verbalization of expressions" characterizing the characters of The Mistress of the Copper Mountain and the mountain mistress

Хозяйка Медной горы	Горная хозяйка
1) Хозяйка Медной горы на земле предстала для всех ***бродяжкой, странницей***. 2) Хозяйка Медной горы ***одарила*** Степана шкатулкой. 3) ***Просится*** к Настасье, чтобы обучить Танюшу мастерству. 4) Называет Танюшу дидятком и доченькой. 5) Обладает волшебными способностями. 6) Подарила Танюше ткани и волшебную пуговку. 7) Помогала Танюше в решении трудных задач. 8) Отправляет главного героя во дворец, где Танюшин отец украшал комнату из камней. 9) Хозяйка Медной горы забрала Танюшу в своё царство.	1) В своём царстве ***горная хозяйка*** была главная. 2) Она была ***красавицей***. 3) Она всеми камнями ***распоряжается***. 4) Горная хозяйка ***дала*** камни для чаши, которые просил Вася, главный герой. 5) Она предоставила Васе своих мастеров для обучения. 6) Горная хозяйка подарила каменную чашу Васе и отпустила его домой.

Источник: составлено автором по: *Бажов П.П.* Сочинения в трёх томах. Т. I. М.: Правда, 1986. 364 с.; Золотые руки: сборник сказок народов СССР о мастерстве в труде. Москва; Ленинград: Детгиз, 1948. 64 с.
Source: compiled by the author using materials from: Bazhov P.P. *Works in Three Volumes*. Vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1986, 364 p.; *Golden Hands: the Proceeding of Tales of the Peoples of the USSR about Mastery in Labor*. Moscow, Leningrad, Detgiz Publ., 1948, 64 p.

Таблица 2. Общие характеристики персонажей авторской и народной сказок
Table 2. General characteristics of characters in author's and folk tales

Хозяйка Медной горы	Горная хозяйка
1. В своём царстве являются хозяйками	
2. Обучают мастерству главного героя	
Хозяйка Медной горы под видом бродяжки сама учит Танюшу шитью	Горная хозяйка даёт поручение своим мастерам по обучению Васи
3. Помогают в разрешении трудных задач главных героев, то есть являются «помощниками»	
Дарит пуговку, которая помогает ответить на все вопросы Танюши по шитью изделий. То есть пуговка является волшебным средством. Хозяйка Медной горы «даритель»	Горная хозяйка испытывает Васю, предлагая ему богатства в своём царстве. Главный герой отказывается, за что получает каменную чашу в подарок. Горная хозяйка тоже «даритель»

Источник: составлено автором по: *Бажов П.П.* Сочинения в трёх томах. Т. I. Москва: Правда, 1986. 364 с.; Золотые руки: сборник сказок народов СССР о мастерстве в труде. Москва; Ленинград: Детгиз, 1948. 64 с.
Source: compiled by the author according to: Bazhov P.P. *Works in Three Volumes*. Vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1986, 364 p.; *Golden Hands: the Proceeding of Tales of the Peoples of the USSR about Mastery in Labor*. Moscow, Leningrad, Detgiz Publ., 1948, 64 p.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

В конце сказки данный персонаж уходит в своё царство: ***«сказывали, будто Хозяйка Медной горы двоиться стала: сразу двух девиц в малахитовых платьях люди видали».*** Позиция женщины XX века меняется, они обретают свободу и самостоятельность.

Следующий процесс гомологизации завершает точное выявление персонажей сказок и позволяет нам определить их характеристики. Так, ***Хозяйка Медной горы*** является «помощником», «дарителем» и «отправителем», а ***горная хозяйка*** «помощником» и «дарителем».

Так как анализ всех персонажей сказок является объёмным, поэтому нами был взят сопоставительный анализ актантов авторской сказки ***Хозяйка Медной горы*** и народной – ***горная хозяйка***. Также, ранее нами был произведён филологический анализ всех персонажей данных сказок и он показал, что схема авторской сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» является полной семиперсонажной, а модель народной уральской сказки «Каменная чаша» неполная. Это означает, что в народной сказке «Каменная чаша» отсутствует «ложный герой» и «антагонист». А.-Ж. Греймас данный процесс назвал «отсутствием актанта»[16].

Исходя из полного филологического анализа всех персонажей сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и народной сказки «Каменная чаша», мы получили схему по концепции В.Я. Проппа или актантную модель по методике А.-Ж. Греймаса [14, с. 834, 835].

[16] *Греймас А.-Ж.* Размышление об актантных моделях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 1. С. 132.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, комплексное использование методик В.Я. Проппа и А.-Ж. Греймаса даёт возможность более точно увидеть структуру сюжета текста, продемонстрировать характеристику «вербализации выражений» персонажей сказки и составить актантную модель действующих лиц. Актуальность концепций учёных позволяет современным исследователям углубить идеи по теории текста, расширить практическое исследование не только сказок, но и едва ли не всех текстов. Результаты исследования помогут студентам-филологам в изучении грамматики, лексики русского языка. Семиперсонажная схема позволит иностранным студентам лучше понять внутренний мир персонажей и поможет составить текст по данной структуре. Также в настоящее время данный вид методики легко внедряется в кинематографию. Выводы исследований благополучно можно использовать психологами в «сказкотерапии» с детьми и взрослыми.

Новизна данного исследования состоит в том, что сопоставление «вербализации выражений» персонажей сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» Хозяйки Медной горы и народной сказки «Каменная чаша» горной хозяйки, с использование филологического анализа, опираясь на взаимодополняющие методики В.Я. Проппа и А.-Ж. Греймаса, привносит весомые результаты в научной деятельности. *Личный вклад* в изучение сказок и структуры текста расширяет теоретический практический материал в науке.

Список источников

1. *Мальцева Т.И.* Особенности использования фольклорно-языковых средств воронежскими сказочницами А.К. Барышниковой и А.Н. Корольковой // Филologos. 2020. № 2 (45). С. 58-64. https://doi.org/10.24888/2079-2638-2020-45-2-58-64, https://elibrary.ru/fxyjxg
2. *Алиева Ф.А., Мухамедова Ф.Х.* Функции чудесных предметов и явлений в волшебных сказках даргинцев // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 267-270. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-495-267-270, https://elibrary.ru/ldwubu
3. *Подставленко В.Ф.* Межкультурная вариативность сказочных сюжетов с мотивом абсурдности // Международный педагогический форум «Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур»: сб. ст. Междунар. науч.-метод. конф., организованной в рамках междунар. пед. форума. Нижний Новгород; Москва, 2022. С. 300-304. https://elibrary.ru/dkxhcd

2025;11(4):1102-1117 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

4. *Сивцева-Максимова П.В.* Вопросы изучения якутских сказок, сопоставительный анализ сюжетов о Старухе Таал-Таал и Чаарчахаан // Вопросы национальных литератур. 2023. № 3 (11). С. 63-76. https://doi.org/10.25587/2782-6635-2023-3-63-76, https://elibrary.ru/xvvdtg
5. *Звонарёва Л.У., Звонарёв О.В.* Русские народные сказки в США: в графических комментариях А. Алексеева и научном осмыслении Р. Якобсона // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 165-179. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179, https://elibrary.ru/nyztpz
6. *Clark M.* The Wolf is just trying to get home: queer and posthuman revisions of “Little Red Riding Hood” in the 21th century // Marvels and Tales. 2022. Vol. 36. № 1. P. 70-90. https://doi.org/10.1353/mat.2022.0004
7. *Кондрашова Н.В.* Текст как объект лингвистического исследования: обзор подходов к изучению текста // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5 (108). С. 382-385. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-5108-382-385, https://elibrary.ru/ckcxan
8. *Давыдова А.В.* Образ озера в художественной картине мира Северного текста русской литературы для детей // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 128-137. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-128-137, https://elibrary.ru/lygepq
9. *Панина Е.И.* Изучение художественных текстов в аспекте практической лингвокультурологии с иностранными студентами гуманитарных специальностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 7. С. 2318-2323. https://doi.org/10.30853/phil20230328, https://elibrary.ru/udlimh
10. *Назайкин А.Н.* Современные подходы к оценке эффективности текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 9. С. 31-40. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-9-31-40, https://elibrary.ru/jknpmm
11. *Джабер М.Х.* Взаимодействие элементов понятийного наполнения вербализованного концепта в диахронии // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 79-85. https://elibrary.ru/phejtq
12. *Herman D.* Narratology beyond the human: storytelling and animal life. New York: Oxford University Press, 2018. 416 p.
13. *Урунова Р.Д.* Лингвистическое процедурное обеспечение исследований сюжета русской сказки // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. № 6. 2021. С. 1343-1350. https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-6-1343-1350, https://elibrary.ru/xhnvfo
14. *Кормакова С.Т.* Сопоставление вербализации «героев» в авторской сказке и народной (на материале сказок П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка» и «Каменная чаша») // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 821-837. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-821-837, https://elibrary.ru/vhfxnk
15. *Кормакова С.Т., Урунова Р.Д.* Лингвистический анализ способов вербализации персонажей в сказочном тексте (на материале сказки П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка») // Научные исследования и разработки молодых учёных: сб. ст. по науч.-практ. конф. Ульяновск, 2023. С. 534-545. https://repository.kpfu.ru/?p_id=280548

References

1. Mal’tseva T.I. Special aspects of use of folk and language means by Voronezh storytellers A.K. Baryshnikova and A.N. Korolkova. *Filologos*, 2020, no. 2 (45), pp. 58-64. (In Russ.) https://doi.org/10.24888/2079-2638-2020-45-2-58-64, https://elibrary.ru/fxyjxg
2. Alieva F.A., Mukhamedova F.Kh. Functions of miraculous objects and phenomena in fairy tales of the dargins. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, And Education*, 2022, no. 4 (95), pp. 267-270. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-495-267-270, https://elibrary.ru/ldwubu
3. Podstavlenko V.F. Cross-cultural variability of fairy-tale plots with the motive of absurdity. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, organizovannoi v ramkakh mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma «Mezhdunarodnyi pedagogicheskii forum «Russkii yazyk bez granits: novye vozmozhnosti razvitiya dialoga kul’tur» = Collection of Articles of the International Scientific and Methodological Conference Organized within the Framework of the International Pedagogical Forum “International Pedagogical Forum “Russian Language without Borders: New Opportunities for the Development of Cultural Dialogue”*. Nizhny Novgorod, Moscow, 2022, pp. 300-304. (In Russ.) https://elibrary.ru/dkxhcd
4. Sivtseva-Maksimova P.V. Questions of studying Yakut fairy tales: a comparative analysis of stories about granny Taal-Taal and Chaarchakhaan. *Voprosy natsional’nykh literature = Issues of National Literature*, 2023, no. 3 (11), pp. 63-76. (In Russ.) https://doi.org/10.25587/2782-6635-2023-3-63-76, https://elibrary.ru/xvvdtg

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1102-1117
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

5. Zvonareva L.U., Zvonarev O.V. Russian fairy tales in the USA: Alexander Alexeieff’s graphic interpretation and Roman Jacobson’s scientific comprehension. *Neofilologiya = Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 165-179. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179, https://elibrary.ru/nyztpz
6. Clark M. The Wolf is just trying to get home: queer and posthuman revisions of «Little Red Riding Hood» in the 21th century. *Marvels and Tales*, 2022, vol. 36, no. 1, pp. 70-90. https://doi.org/10.1353/mat.2022.0004
7. Kondrashova N.V. Text as an object of linguistic research: an overview of approaches to the study of text. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, And Education*, 2024, no. 5 (108), pp. 382-385. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-5108-382-385, https://elibrary.ru/ckcxan
8. Davydova A.V. The lake’s image in the artistic worldview of the northern text of Russian literature for children. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 128-137. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-128-137, https://elibrary.ru/lygepq
9. Panina E.I. Studying literary texts in the aspect of practical linguoculturology with foreign students in the humanities. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2023, vol. 16, no. 7, pp. 2318-2323. (In Russ.) https://doi.org/10.30853/phil20230328, https://elibrary.ru/udlimh
10. Nazaikin A.N. Modern approaches to assessing the effectiveness of the text. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 9, pp. 31-40. (In Russ.) https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-9-31-40, https://elibrary.ru/jknpmm
11. Dzhaber M.Kh. The study of lexical concepts as content-bearing mental structures from a diachronic perspective. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya = Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, no. 1, pp. 79-85. (In Russ.) https://elibrary.ru/phejtq
12. Herman D. *Narratology Beyond the Human: Storytelling and Animal Life*. New York, Oxford University Press, 2018, 416 p.
13. Urunova R.D. Linguistic procedural support for the research of the Russian fairy tale plot. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya = Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, no. 6, 2021, pp. 1343-1350. (In Russ.) https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-6-1343-1350, https://elibrary.ru/xhnvfo
14. Kormakova S.T. Comparison of the verbalization of “heroes” in the author’s tale and the folk tale (based on the tales of P.P. Bazhov “The Malachite Box” and “The Stone Bowl”). *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 4, pp. 821-837. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-821-837, https://elibrary.ru/vhfxnk
15. Kormakova S.T., Urunova R.D. Linguistic analysis of the ways of verbalization of characters in a fairy-tale text (based on the material of P.P. Bazhov’s fairy tale “The Malachite Box”). *Sbornik statei po nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh» = Collection of Articles on the Scientific and Practical Conference “Scientific Research and Development of Young Scientists”*. Ul’yanovsk, 2023, pp. 534-545. https://repository.kpfu.ru/?p_id=280548

Информация об авторе

КОРМАКОВА Сожида Тахиржоновна, старший преподаватель, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация, SPIN-код: 4696-4274, РИНЦ AuthorID: 1279897, https://orcid.org/0009-0005-3860-4146, Sojiden@mail.ru

Поступила в редакцию 04.09.2025
Поступила после рецензирования 23.10.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sozhida T. Kormakova, Senior Lecturer, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation, SPIN-code: 4696-4274, RSCI AuthorID: 1279897, https://orcid.org/0009-0005-3860-4146, Sojiden@mail.ru

Received 04.09.2025
Revised 23.10.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

2025;11(4):1118-1126 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811.161.1
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1118-1126
Шифр научной специальности 5.9.5

Влияние искусственного интеллекта на речевое поведение русскоязычной молодёжи в Республике Узбекистан

Камола Юнусжоновна Расулова
Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15
devonxona@samdu.uz

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Русскоязычная молодёжь Узбекистана представляет интерес с точки зрения их коммуникативного поведения и языковой практики. Цель исследования – выявление трансформаций речевого поведения русскоязычной молодёжи Узбекистана под влиянием искусственного интеллекта (ИИ). В настоящее время молодёжь подвержена значительному влиянию искусственного интеллекта, который интегрирован в их повседневную жизнь, учёбу или работу, что проявляется в речевых особенностях, сочетающих в себе положительные и отрицательные аспекты. Данный факт подчёркивает необходимость изучения речевого поведения русскоязычной молодёжи Узбекистана, вызванного внедрением ИИ в их жизнь, оказывающего двойственное воздействие на молодёжь: он расширяет образовательные и профессиональные возможности, но в то же время приводит к трансформации речевой активности, модификации речевой культуры. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом исследования стали фрагменты общения в Телеграм и ВКонтакте, охватывающие возрастную категорию от 16 до 30 лет. Использовался контент-анализ и составляющие описательного метода (сбор, систематизация и классификация языковых фактов). Анализу подвергалось более 300 сообщений и комментариев. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Анализ фактического материала показал увеличение частотности англицизмов, синтаксическое упрощение, алгоритмизацию выражений и стилистическую гибридность, активное внедрение шаблонных конструкций, присутствие метаречевых отсылок к ИИ в повседневной коммуникации. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Технологии искусственного интеллекта трансформируют языковую практику и формируют новые нормы сетевого общения среди русскоязычной молодёжи Узбекистана. Технологии ИИ становится активным участником общения, влияя на формирование содержательной части сообщения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, речевое поведение, молодёжь, Узбекистан, генеративные модели, интернет-речь, цифровая лингвистика

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: К.Ю. Расулова – разработка концепции исследования, сбор, систематизация и классификация фактического материала, написание черновика рукописи, оформление рукописи в соответствии с требованиями редакции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Расулова К.Ю.* Влияние искусственного интеллекта на речевое поведение русскоязычной молодёжи в Республике Узбекистан // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1118-1126. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1118-1126

© Расулова К.Ю., 2025

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1118-1126
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1118-1126
OECD 6.02; ASJC 1203

The influence of artificial intelligence on the speech behavior of Russian-speaking youth in the Republic of Uzbekistan

Kamola Yu. Rasulova
Samarkand State University named after Sh. Rashidov
15 University Blvd, Samarkand, 140100, Republic of Uzbekistan
devonxona@samdu.uz

Abstract
INTRODUCTION The Russian-speaking youth of Uzbekistan is of interest from the point of view of their communicative behavior and language practice. The aim of the study is to identify transformations in the speech behavior of Russian-speaking youth of Uzbekistan under the influence of artificial intelligence (AI). Currently, young people are significantly influenced by artificial intelligence, which is integrated into their daily lives, studies, or work, manifesting in speech characteristics that combine both positive and negative aspects. This fact emphasizes the need to study the speech behavior of Russian-speaking youth of Uzbekistan, which is influenced by the introduction of AI into their lives. This has a dual impact on young people: it expands educational and professional opportunities, but at the same time leads to the transformation of speech activity and the modification of speech culture. MATERIALS AND METHODS. The research material consisted of fragments of communication on Telegram and VKontakte, covering the age category from 16 to 30 years old. The main methods were content analysis and the components of the descriptive method (collection, systematization and classification of linguistic phenomena). More than 300 messages and comments were analyzed. RESULTS AND DISCUSSION. The analysis of the factual material showed an increase in the frequency of anglicisms, syntactic simplification, the algorithmization of expressions, and stylistic hybridity, the active introduction of template constructions, and the presence of metalinguistic references to AI in everyday communication. CONCLUSION. Artificial intelligence technologies are transforming language practice and forming new norms of network communication among Russian-speaking youth of Uzbekistan. AI technology is becoming an active participant in communication, influencing the formation of the content of the message.

Keywords: artificial intelligence, speech behavior, youth, Uzbekistan, generative models, Internet speech, digital linguistics

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: K.Yu. Rasulova – research concept development, collection, systematization and classification of factual material, writing – original draft preparation, manuscript preparation in accordance with the Editorial requirements.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Rasulova, K.Yu. The influence of artificial intelligence on the speech behavior of Russian-speaking youth in the Republic of Uzbekistan. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1118-1126. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1118-1126

ВВЕДЕНИЕ

В наши дни влияние искусственного интеллекта (ИИ) на различные сферы человеческой деятельности стало одним из ключевых факторов лингвистических преобразований. «Искусственный интеллект облегчил познавательную деятельность человека, но заметно её трансформировал» [1, с. 522].

В условиях Узбекистана многоязычие играет особую роль как в формировании языковой личности, так и в создании локаль-

2025;11(4):1118-1126 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

ных вариантов интернет-речи. Русскоязычные сообщества, прежде всего в Телеграм и ВКонтакте, служат платформой для обсуждения образовательных, развлекательных и социальных тем. Здесь же проявляются эффекты «цепного заимствования»: английские слова, введённые в рамках ИИ-генерируемых рекомендаций, быстро становятся неотъемлемой частью повседневного лексикона. Целью данного исследования является выявление трансформаций речевого поведения русскоязычной молодёжи Узбекистана под влиянием ИИ и речевые предпочтения молодых людей.

«История искусственного интеллекта берёт своё начало ещё с 1956 г. и связана с деятельностью группы учёных Дартмутского летнего исследовательского проекта по искусственному интеллекту» [2, с. 360]. В XX веке интеграция ИИ и Интернета послужила началу технологической революции. М.В. Ерещенко и В.В. Богуславская подчёркивают, что неоспоримым фактором формирования новых форм речевого поведения является интернет-коммуникация [3], которая способствует пересечению искусственного интеллекта и языкознания.

Глобальные цифровые платформы становятся локусами быстрой семантической диффузии слов: появляются новые мемы [4] и термины, которые распространяются в молодёжной среде за считанные минуты, часы и адаптируются русскоязычными пользователями. Заметим, что термин «мем» (английское слово “meme” в русском языке закрепилось как термин «мем») в научный обиход ввёл английский биолог Ричард Докинз (1976). Однако ещё в 1898 г. этот термин использовал В.М. Бехтерев, основатель русской отечественной школы психоневрологов, в работе «Роль нарушения в общественной жизни».

В контексте русскоязычного пространства Узбекистана значима работа Ю.Н. Цыряпкиной, в которой рассматриваются проблемы узбекско-русского билингвизма [5]. Узбекская молодёжь сохраняет высокий уровень владения русским языком, однако под давлением медиа и ИИ-генерации речи трансформирует свою языковую практику. Эта трансформация наглядно отражается в корпусной лингвистике, которая сегодня активно развивается [6] и расширяют инструментарий исследователей. Обращает на себя внимание появление нового типа языковой личности (коммуникативной языковой личности) в различных дискурсах цифровой эпохи [7, с. 24].

В цифровой среде формируются новые каноны неофициального интернет-общения, закрепляется молодёжный компьютерный сленг [8], появляется новая «устность» речи. ИИ существенно расширяет языковые возможности молодых людей в пространстве социальных сетей, то есть пользователей ИИ в образовательных целях, тогда как пользователи, увлечённые компьютерными играми, обращаются к ИИ преимущественно вне учёбы и в развлекательных целях [9]. Эти факты обостряют языковую рефлексию русскоговорящего носителя, и требует особого рассмотрения в русскоязычной молодёжной среде результат этой деятельности, выраженный в рефлексивах – метаязыковых контекстах, в которых носитель языка отражает языковые или речевые факты, направленные на отражение языка-объекта как элемента окружающей действительности, и даёт им оценку. Под метаязыковой рефлексией в современной лингвистике понимается деятельность метаязыкового сознания, направленного на осмысление фактов языка и речи [10].

Само наличие метаязыкового контекста – важный источник информации о влиянии ИИ на речевое поведение русскоязычной молодёжи в Республике Узбекистан.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основе исследования лежит контент-анализ, направленный на изучение содержания различного рода текстов и информационных материалов, и описательный лингвистический метод. Языковые данные были собраны в период с января 2023 г. по декабрь 2024 г. (публичные группы и личные посты) в социальных сетях. Критериями отбора пользователей ИИ стали носители русского языка в возрасте 16–30 лет, живущие на территории Республики Узбекистан. Общее количество проанализированных текстов (сообщений,

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1118-1126
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

комментариев, постов) составило 350 единиц. Контент-анализ включал несколько этапов: сбор фактического материала: термины, связанные с ИИ, заимствованные слова (англицизмы), синтаксические конструкции, эмодзи и метаязыковые маркеры; классификация материала: распределение языкового материала по семантическим и прагматическим признакам (шаблонные фразы, усечённые высказывания, стилистические маркеры; статистическая обработка).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние ИИ на речевое поведение русскоязычной молодёжи Узбекистана выходит за рамки простого заимствования лексических единиц. Полученные данные свидетельствуют о том, что ИИ и язык социальных сетей формируют новый тип языковой личности, языковой идентичности, где естественные и синтетические элементы речи органично переплетаются.

Термин «AI-лексема» в контексте искусственного интеллекта понимается как языковая единица, которая используется в обработке естественного языка. Этот термин может служить метаязыковым маркером, который отражает процесс «цифрового билингвизма», при котором пользователи одновременно владеют традиционной русской речью и «новоязом» – гибридом русского, английского и сетевого сленга, прежде всего на лексическом и синтаксическом уровнях.

Активное внедрение англицизмов и AI-терминов в язык обусловлено прагматической потребностью в быстром и ярком коммуникативном общении. Молодёжь, стремящаяся к «экономии усилий» в условиях ограниченного времени восприятия информации, предпочитает короткие, ёмкие английские слова (англицизмы), например: «*скипнуть*» (пропустить что-либо, скажем, песню), «*апдейт*» (новшество, обновление программы, информации), «*чатить*» (общаться в мессенджерах или онлайн). Эти лексемы не только сокращают высказывание, но и служат маркерами принадлежности к молодёжному сообществу и маркером языковых изменений.

Учёные подчёркивают, что изменения в языке являются естественным процессом и служат одним из способов отражения тенденции его развития [11]. Семантические изменения слова [12], трансформация структуры предложения, синтаксическое упрощение высказываний текста [13] указывают на укрепление статуса языка Интернета и его сдвиг в направлении паралингвистических средств коммуникации. Так, частое функционирование эмодзи как универсального модификатора эмотива выполняет роль невербального компонента речи.

Особенно выделяются дискурсивные практики «имитации ИИ», которые выступают не только стилистическим приёмом, но и способом метаязыковой рефлексии, способом самоутверждения в межкультурном сообществе. С одной стороны, метаязыковая рефлексия сигнализирует о высокой осведомлённости молодёжи о возможностях и границах ИИ; с другой стороны, демонстрирует лексические, синтаксические, графические и другие особенности сгенерированных текстов, позволяющих пользователям критически осмыслить их содержание.

Обращают на себя внимание процессы креолизации (насыщение текста изобразительными элементами) и алгоритмизации речи, указывающие на формирование новых норм сетевого этикета. Молодёжь активно воспроизводит собранные фрагменты AI-контента, создавая «шаблонные мемы», которые формируют семантические блоки мемов, функционирующих как самостоятельные дискурсивные единицы[1].

ИИ-технологии выступают катализатором не только лексических и синтаксических изменений, но и глубоких дискурсивных трансформаций, отражающих динамику языковых, когнитивных и социокультурных изменений в речевых и мыслительных практиках. Иными словами, в настоящее время формируется новая парадигма коммуникации.

[1] *Кронгауз М.* Мемы в Интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2025. № 11. Ноябрь. Учёный считает, когда Интернета ещё не было, мемы уже существовали в виде речевых клише, крылатых фраз, выражений и даже паремий (см. подробно: https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/).

2025;11(4):1118-1126 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Новая парадигма коммуникации характеризуется переходом к современным моделям, где ключевыми становятся мобильность, скорость, мультимедийность и ориентация на человека. В основе этой парадигмы лежит использование мессенджеров и цифровых платформ, которые обеспечивают коммуникацию в реальном времени. Между тем интернет-дискурс «претендует стать новой, совершенно другого уровня площадкой для общения и самореализации» [14, с. 93]. Современная языковая коммуникация – это интернет-коммуникация, или интернет-язык.

В нашей выборке из 350 текстов зафиксировано около 420 вхождений англицизмов общего характера и более 300 AI-терминов (GPT, промт, нейросетка, миджорни, генерация). Наиболее частотными лексемами оказались:

«*скипнуть*» (пропустить фрагмент видео/аудио) – 45 случаев;

«*апдейт*» (обновление контента) – 38 случаев;

«*чатить*» (переписываться онлайн) – 52 случая;

«*бот*» и «*чатик*»– 60 случаев;

«*нейросетка*» (искусственная нейронная сеть, ИНС, нейросéть), «*промт*» (инструкция, набор входных данных, который пользователь даёт нейросети для выполнения конкретной задачи), «*миджорни*» (нейросеть, которая создаёт изображения по текстовым описаниям (промптам) – 120 случаев.

На базе заимствованных слов за счёт русских суффиксов или приставок появляются новые слова, например, «*апдейтить», «сгенерить*», «*генерилка*». Помимо прямых заимствований, частотно используются мемы («*AI-треш*»), функционирующие в интернет-сленге. Примечательно, что более 70 % AI-терминов отмечаются в заголовках сообщений или в начале комментариев, что с очевидностью указывает на прагматическую функцию – привлечь внимание.

Анализ синтаксической структуры показал существенное упрощение предложений. Доля простых предложений в выборке составляет 68 %, доля сложных – 32 %. Часто встречаются предложения-обрывы, то есть в предложении отсутствуют связующие слова и предложно-падежные формы, например: «*скипнуть до финала*», «*GPT бы лучше написал*», «*промт норм, но шаблонный*».

Вместо лексических маркеров эмоции или модальности активно используются эмодзи типа «круто🔥», «не знаю🤷‍♂️». Присутствуют конструкции с параллелизмом и перечислением без союза: «*лайк, подписка, колокольчик*».

Под образовательными контентами в комментариях отмечается псевдоформальный стиль, который служит для генерации картинок в ChatGPT. Ср.:

«*Уважаемые подписчики, на основе анализа GPT-ответов можно сделать вывод, что…*».

Такие высказывания сочетают академическую лексику (анализ, вывод) с разговорной структурой, что создаёт эффект диссонанса и иронии.

Метаязыковые маркеры, отражающие осознание роли ИИ, активно употребляются в повседневном дискурсе. Появляются такие речевые формулы, как: «*как сказал бы GPT*», «*по данным нейросетки*», «*спрошу у чатика*». Подобного рода конструкции выполняют несколько функций, а именно:

– создают ироническую дистанцию, позволяя пользователю выразить скепсис или юмор: «*ну, по данным GPT, я гений*💡»;

– выражают оценку автора по отношению к действительности, указывая на знакомство с технологиями ИИ: «*спрошу у чатика, он умнее меня»;*

– служат показателем лингвистической инновации – закрепляют новые модели высказываний, которые частотно присутствуют в комментариях, нередко встречается мотив шутливого обращения к ИИ: «bot, расскажи анекдот», «чат-бот, напиши мне куплет».

«В ВКонтакте-статьях и постах молодёжь активно цитирует AI-генерируемые тексты, сопровождая их собственными оценками и вопросами, например:

«*Скучно? Давай промтим что-нибудь смешное у чатик-бота*😂»

Таким образом, ИИ значительно влияет на речевое поведение пользователей социальных сетей, что находит отражение в из-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1118-1126
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

менении способов общения и создании новых форм взаимодействия.

Интернет-коммуникация как среда общения и интернет-язык как форма общения, которая применяется в рамках интернет-коммуникации [15, с. 233], содержат сообщения, в котором языковые единицы выполняют следующие функции:

– знакомство адресата с концепцией прототекста и его особенностями;

– изложение основных идей и содержания высказывания;

– интерпретация высказывания, сжатие и упрощение понимания текста;

– выражение положительной или отрицательной оценки;

– ироническая или сатирическая имитация основного текста.

Участники, которые чаще используют технологии ИИ, интернет-язык, быстрее решают поставленные перед ними задачи и адаптируются к ситуации.

ИИ, ставший реальностью, требует умения с ним сосуществовать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воздействие ИИ в социальных сетях двунаправленное: с одной стороны, он способствует успешной коммуникации, а с другой стороны, происходит стандартизация общения. В этом случае пользователю нужно стремиться сохранять баланс между цифровой и живой речевой коммуникацией.

Влияние ИИ на речевое поведение молодёжи в Республике Узбекистан отражает язык, формирующий новые нормы сетевого общения и отражающий процесс алгоритмизации языка. Появляется новый язык, в котором отражаются особенности, а именно:

– значительный рост частотности англицизмов и AI-лексем, что свидетельствует о прагматическом стремлении к лаконичности речи;

– синтаксическое упрощение, которое отражает «упрощенную» структуру предложения, сложные предложения преобразуются в более простые и понятные формы, что облегчает усвоение информации и способствует более точному пониманию языка;

– формирование новых этикетных формул и норм общения в Сети;

– активное использование эмодзи как невербального средства передачи эмоций и интонации, адаптированных под динамичный формат сетевого контента;

– наличие метаязыковых маркеров, выполняющих роль дискурсивных стратегий.

Важным феноменом является появление метаязыковых маркеров «имитации ИИ», выполняющих функции иронии, социальной демонстрации технологических знаний и лингвистической инновации. Эти маркеры отражают формирование «цифрового билингвизма» – гибридной языковой практики, сочетающей русский, английский и элементы сетевого сленга.

Исследование показало, что алгоритмическое медиаполе социальных платформ оказывает существенное воздействие не только на содержание, на форму высказывания, ускоряя процессы креолизации и алгоритмизации речи, но и на форму коммуникации. В цифровом локальном контексте Республики Узбекистан это проявляется в усиленном код-свитчинге между русским и узбекским, что обогащает интернет-речь уникальными гибридными конструкциями.

Полученные результаты имеют практическое значение для специалистов в области цифровой лингвистики, социолингвистики и образовательных технологий. Понимание механизмов воздействия искусственного интеллекта на речевое поведение позволяет разрабатывать более эффективные методики преподавания русского как иностранного и межъязыковой коммуникации. Кроме того, выявленные тренды могут быть учтены при создании сервисов автоматизированного анализа текста и мониторинга социальных платформ.

2025;11(4):1118-1126 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Список источников

1. *Емельяненко В.Д.* Влияние искусственного интеллекта на когнитивную сферу человека в контексте ценностно-мировоззренческого анализа // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 2. С. 519-527. https://doi.org/10.30853/mns20250074, https://elibrary.ru/esokxt
2. Искусственный интеллект: от фундаментальных проблем к прикладным задачам: в 2 т. / под ред. Е.Н. Макаренко. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростов. гос. эконом. ун-та (РИНХ), 2025. Т. 1. 394 с.
3. *Ерещенко М.В., Богуславская В.В.* Коммуникация с искусственным интеллектом в социальной сети: информирование, самопрезентация, воздействие // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 255-270. https://doi.org/10.24147/2413-6182.2024.11(2).255-270, https://elibrary.ru/hevocy
4. *Малышева Е.В.* Политическая меметика сетевого взаимодействия: от хаотичности к регулятивности // Вестник Ивановского государственного университета. 2024. № S5. С. 154-163. https://doi.org/10.46726/H.2024.4.18, https://elibrary.ru/tvtsxw
5. *Цыряпкина Ю.Н.* Русский язык в современном Узбекистане: политика, идентичность, сферы применения // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (48). С. 103-109. https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-103-109, https://elibrary.ru/xbqpac
6. *Молдован А.М.* Русский язык: современное состояние и академические исследования // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 3. С. 272-278. https://doi.org/10.31857/S0869587320030111, https://elibrary.ru/lkbaag
7. *Клушина Н.И.* Автор, языковая личность и искусственный интеллект // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2025. № 2. С. 20-31. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-2, https://elibrary.ru/cxptbz
8. *Клушина Н.И.* Тенденции развития лексики русского языка в коммуникативном пространстве Интернета // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 52-60. https://doi.org/10.18721/JHSS.14305, https://elibrary.ru/dtbssl
9. *Ачилова Е.Л., Регушевская И.А.* Гибридные глагольные образования в сленге русскоязычных геймеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 325-332. https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-325-332, https://elibrary.ru/ippkra
10. *Захарова Ю.Г.* Метаязыковой макропараметр в исследовании неологии второй половины XIX в. (на материале писем русских литераторов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 63-88. https://doi.org/10.17223/19986645/82/4, https://elibrary.ru/xbaweq
11. *Кучигина С.А.* Язык социальных сетей: тенденции развития // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31. Вып. 5. С. 1112-1116. https://doi.org/10.35634\2412-9534-2021-31-5-1112-1116, https://elibrary.ru/bxybzw
12. *Егорова Н.В., Щипанова Ю.В., Горошко В.С.* Семантическое изменение слова как основной способ создания комического эффекта в речевых жанрах интернет-коммуникации // Litera. 2024. № 4. С. 195-203. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.4.70552, https://elibrary.ru/ugvwhq
13. *Катермина Т.С., Тагиров К.М., Тагиров Т.М.* Элементы искусственного интеллекта в решении задач анализа текста // Computational nanotechnology. 2022. Т. 9. № 2. С. 35-44. https://doi.org/10.33693/2313-223X-2022-9-2-35-44, https://elibrary.ru/euozhv
14. *Байдавлетов А.Ю.* Интернет-дискурс как объект лингвистических исследований // Проблемы востоковедения. 2020. № 1 (87). С. 90-94. https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10114, https://elibrary.ru/oefxlo
15. *Борисова Д.С.* Интернет-лингвистика как самостоятельное направление науки о языке: обзор основных направлений и понятий // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31. № 2. С. 228-236. https://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-228-236, https://elibrary.ru/jwlxkn

References

1. Emelyanenko V.D. The influence of artificial intelligence on the human cognitive sphere in the context of value-based and worldview analysis. *Manuskript = Manuscript*, 2025, vol. 18, no. 2, pp. 519-527. (In Russ.) https://doi.org/10.30853/mns20250074, https://elibrary.ru/esokxt

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1118-1126
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

2. Makarenko E.N. (ed.) *Artificial Intelligence: From Fundamental Problems to Applied Tasks: in 2 vols*. Rostov-on-Don, Publishing and Printing Complex of the Rostov State University of Economics (RINH), 2025, vol. 1, 394 p. (In Russ.)
3. Ereshchenko M.V., Boguslavskaya V.V. Communication with artificial intelligence in a social network: information, self-presentation, impact. *Kommunikativnye issledovaniya = Communication Studies*, 2024, vol. 11, no. 2, pp. 255-270. (In Russ.) https://doi.org/10.24147/2413-6182.2024.11(2).255-270, https://elibrary.ru/hevocy
4. Malysheva E.V. Political memetics of network interaction: from chaotic to regulative. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta = Ivanovo State University Bulletin. Series: the Humanities*, 2024, no. S5, pp. 154-163. (In Russ.) https://doi.org/10.46726/H.2024.4.18, https://elibrary.ru/tvtsxw
5. Tsyryapkina Yu.N. Russian language in modern Uzbekistan: politics, identity, sphere of using. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Altai State Pedagogical University Bulletin*, 2021, no. 3 (48), pp. 103-109. (In Russ.) https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-103-109, https://elibrary.ru/xbqpac
6. Moldovan A.M. The Russian language: current status and academic studies. *Vestnik RAN = Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 3, pp. 272-278. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S0869587320030111, https://elibrary.ru/lkbaag
7. Klushina N.I. Author, linguistic personality and artificial intelligence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Moscow University Philology Bulletin*, 2025, no. 2, pp. 20-31. (In Russ.) https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-02-2, https://elibrary.ru/cxptbz
8. Klushina N.I. Trends in development of Russian language lexicon in Internet communicative space. *Terra Linguistica*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 52-60. (In Russ.) https://doi.org/10.18721/JHSS.14305, https://elibrary.ru/dtbssl
9. Achilova E.L., Regushevskaya I.A. Hybrid verbal formations in the slang of Russian-speaking gamers. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 325-332. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-325-332, https://elibrary.ru/ippkra
10. Zakharova Yu.G. Metalanguage macroparameter in the study of neology of the second half of the 19th century (based on letters of Russian writers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, 2023, no. 82, pp. 63-88. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/19986645/82/4, https://elibrary.ru/xbaweq
11. Kuchigina S.A. The language of social networks: development trends. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2021, vol. 31, no. 5, pp. 1112-1116. (In Russ.) https://doi.org/10.35634\2412-9534-2021-31-5-1112-1116, https://elibrary.ru/bxybzw
12. Egorova N.V., Shchipanova Yu.V., Goroshko V.S. Semantic word change as the main way to create a comic effect in the speech genres of internet communication. *Litera*, 2024, no. 4, pp. 195-203. (In Russ.) https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.4.70552, https://elibrary.ru/ugvwhq
13. Katermina T.S., Tagirov K.M., Tagirov T.M. Elements of artificial intelligence in solving problems of text analysis. *Computational nanotechnology*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 35-44. (In Russ.) https://doi.org/10.33693/2313-223X-2022-9-2-35-44, https://elibrary.ru/euozhv
14. Baidavletov A.Yu. Internet discourse as an object of linguistic research. *Problemy vostokovedeniya = The Problems of Oriental Studies*, 2020, no. 1 (87), pp. 90-94. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10114, https://elibrary.ru/oefxlo
15. Borisova D.S. Internet linguistics as an independent field of the study of language: review of main directions and concepts. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 228-236. (In Russ.) https://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-228-236, https://elibrary.ru/jwlxkn

2025;11(4):1118-1126 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Информация об авторе

РАСУЛОВА Камола Юнусжоновна, преподаватель кафедры русского и общего языкознания, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, https://orcid.org/0009-0003-8827-5817, devonxona@samdu.uz

Поступила в редакцию 04.09.2025
Поступила после рецензирования 12.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Kamola Yu. Rasulova, Lecturer at the Russian and General Linguistics Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, https://orcid.org/0009-0003-8827-5817, devonxona@samdu.uz

Received 04.09.2025
Revised 12.11.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):127-1139
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 081
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1127-1139
Шифр научной специальности 5.9.1

Творческая биография Б.А. Лазаревского: специфика формирования прижизненного собрания сочинений

Яна Васильевна Махрачёва
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
nika36323@yandex.ru

Аннотация
ВВЕДЕНИЕ. Актуальность работы обусловлена тем, что ранее списки произведений Б.А. Лазаревского не подвергались сравнительному и сопоставительному анализу; работа выполнена в рамках такого направления отечественного литературоведения, как литература русского зарубежья. Целью исследования стало выявление специфики формирования прижизненного собрания сочинений Б.А. Лазаревского. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Были проанализированы прижизненные списки произведений, отражающие порядок и содержание томов собрания сочинений Б.А. Лазаревского, произведено сопоставление списков друг с другом, а также непосредственно с томами собрания, которые удалось найти в фондах Российской государственной библиотеки. Для исследования использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Анализ материала дал возможность представить причинно-следственные связи начала и прекращения выпуска собрания сочинений Б.А. Лазаревского. Определены датировка и количество томов. Выявлено, что в прижизненные списки произведений издательства весьма вольно и необоснованно включали сборники рассказов и иные произведения Лазаревского в качестве томов собрания сочинений. Сведения разнятся как между списками, так и при сравнении их с настоящими книгами. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведённое исследование показывает, что говорить о собрании сочинений Б.А. Лазаревского можно: 1) в классическом понимании только о тех книгах, которые выпустило издательство «Просвещение», 2) с оговорками и уточнениями библиографических ссылок о всех восьми книгах (если опираться на идею писателя). Списки произведений – средство систематизации творчества, не дающее верных представлений о собрании.

Ключевые слова: русская литература, литература Серебряного века, литература русского зарубежья, проза, Б.А. Лазаревский, сборники рассказов, собрание сочинений

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Я.В. Махрачёва – разработка концепции, анализ научной литературы, проведение исследования и обработка его результатов, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Махрачёва Я.В.* Творческая биография Б.А. Лазаревского: специфика формирования прижизненного собрания сочинений // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 1127-1139. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1127-1139

© Махрачёва Я.В., 2025

2025;11(4):1127-1139 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

ORIGINAL ARTICLE
https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1127-1139
OECD 6.02; ASJC 1208

Creative biography of B.A. Lazarevsky: the specifics of forming a lifetime collection of works

Yana V. Makhracheva
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
nika36323@yandex.ru

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study is due to the fact that B.A. Lazarevsky's lists of works have not previously been subjected to comparative analysis; the work was carried out within the framework of such a direction in Russian literary studies as Russian émigré literature. The aim of the study was to identify the specific features of the formation of B.A. Lazarevsky's lifetime collected works. MATERIALS AND METHODS. The lifetime lists of works reflecting the order and content of the volumes of B.A. Lazarevsky's collected works were analyzed, the lists were compared with each other, as well as directly with the volumes of the collection that could be found in the holdings of the Russian State Library. Descriptive and comparative methods were used for the study. RESULTS AND DISCUSSION. The analysis of the material made it possible to present the cause-and-effect relationships between the beginning and termination of the publication of B.A. Lazarevsky's collected works. The dating and the number of volumes have been determined. It has been revealed that the publishing house's lifetime lists of works very loosely and unreasonably included collections of short stories and other works by B.A. Lazarevsky as volumes of collected works. The information varies both between the lists and when compared to the actual books. CONCLUSION. The conducted research shows that it is possible to talk about B.A. Lazarevsky's collected works 1) in the classical sense only about those books published by the "Prosveshchenie" publishing house, 2) with reservations and clarifications of bibliographic references about all eight books (if based on the writer's idea). Lists of works are a means of systematizing creativity, which does not give correct ideas about the collection.

Keywords: Russian literature, Silver Age Literature, Russian émigré literature, prose, B.A. Lazarevsky, short story collections, collected works

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: Ya.V. Makhracheva – concept development, scientific literature analysis, conducting research and processing results, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Makhracheva, Ya.V. Creative biography of B.A. Lazarevsky: the specifics of forming a lifetime collection of works. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):1127-1139. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-1127-1139

ВВЕДЕНИЕ

Последние десятилетия литературоведы ведут активную работу по изучению такого культурного и литературного феномена, как русское зарубежье. Исследуются различные его аспекты: биографические [1; 2], философские [3]. Учёные продолжают работу по анализу специфики художественной литературы, созданной писателями в эмиграции [4–7], выявляют новые факты об их сотрудничестве с различными журналами [8], вводят в научный оборот сведения о значимой социально-культурной деятельности отдельных представителей русского зарубежья [9], анализируют критические статьи, созданные в

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1127-1139
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

эмигрантской среде [10], публикуют письма [11], освещают соответствующие фонды крупнейших библиотек [12] и др.

В рамках исследований литературы русского зарубежья исследователи активно занимаются возвращением имён писателей, их неизвестных произведений. К числу таких «забытых» имён относится и Б.А. Лазаревский (1871–1936). Его наследие до сих пор нельзя назвать полноценно изученным, многие произведения Лазаревского остаются неизвестными для российского читателя, хотя в последние годы научный интерес к творческой личности писателя-эмигранта очевидно возрастает.

Среди советских учёных, материалом для исследования которых послужили дневники и эпистолярий Б.А. Лазаревского, можно назвать Н.И. Гитович. Именно она выбрала и опубликовала дневниковые записи, посвящённые А.П. Чехову. Такой же подход к исследованию наблюдается и в труде, составителем, автором предисловия и комментариев которого является Т.А. Кайманова. Работа посвящена А.И. Куприну, опорой для неё стали дневниковые записи и письма, в том числе принадлежащие Б.А. Лазаревскому, но материалы собирались из ранее опубликованных источников.

Относительно небольшую информацию о жизни и творчестве Б.А. Лазаревского можно почерпнуть из его опубликованных писем (1899–1904), принадлежащих или адресованных А.П. Чехову. Информацию о жизни и творчестве писателя представляет и Г.П. Струве.

Исследований, в которых фигура Б.А. Лазаревского была бы центральной, не так много. В этой связи можно назвать публикации М.В. Михайловой, обнародовавшей сохранившиеся в дневниках письма И.А. Бунина и А.И. Куприна; К. Азадовского, исследовавшего переписку с В.С. Миролюбовым (редактором «Журнала для всех»), С.В. Шумихина, расшифровавшего письма А.И. Куприна Б.А. Лазаревскому, он же попытался реконструировать жизнь эмигрантов в таких зарубежных центрах, как Прага, Ницца, Париж, опираясь в том числе и на дневники, письма Б.А. Лазаревского.

А.В. Чанцева и Т.Л. Никольская впервые попытались осветить творчество писателя до его эмиграции в связи с критическими откликами его современников. Б.А. Лазаревского как самобытного и незаурядного писателя в отрыве от устоявшегося мнения о подражательстве А.П. Чехову рассматривают А.А. Фокин и Н.М. Малахова [13].

Есть многочисленные короткие статьи о жизни и творчестве Лазаревского в словарях, энциклопедиях и иных трудах.

Если биография и основные вехи творчества Б.А. Лазаревского имеют некоторое освещение в научном мире, его дневники, письма подвергались анализу и комментированию, то художественное наследие требует всестороннего изучения. Этот тезис применим и к российскому, и к зарубежному периодам. Актуальность исследования обусловлена: 1) соответствием работы современным тенденциям в научных поисках, производимых в рамках такого направления отечественного литературоведения, как литература русского зарубежья, 2) а также восстановлением библиографических сведений о творчестве писателя, который является значимым представителем первой волны русской эмиграции. Целью исследования стало выявление специфики формирования прижизненного собрания сочинений Лазаревского. Это сделать затруднительно без выявления несоответствий в научных трудах и прижизненных списках произведений, освещающих содержание собрания сочинений Лазаревского. Новизна обусловлена тем, что прежде специфика формирования прижизненного собрания сочинений писателя не подвергалась рассмотрению, что обусловливает значительные лакуны в творческой биографии Б.А. Лазаревского.

Художественное наследие писателя условно можно разделить на то, которое он создал и опубликовал в России, и то, которое он создал и издал за рубежом, в эмиграции. Обстоятельства сложились таким образом, что в отечественном литературоведении исследователями игнорировалось его творчество в силу идеологических условий XX века, а также в силу сложившегося стереотипа о том, что как писатель Б.А. Лазаревский не

2025;11(4):1127-1139 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

был оригинальным, а его художественные достижения вторичны. Поэтому единичные научные труды позволяют составить лишь некоторые представления об основных вехах биографии и творчества. Художественное наследие Лазаревского ни отечественного, ни зарубежного периодов комплексному и углублённому изучению литературоведами не подвергалось.

Сведения о библиографии писателя часто копируются из одного источника в другой без какой-либо конкретизации содержания томов (если говорить о собрании сочинений). Порой встречаются противоречия и в разных научных трудах. Так, можно найти информацию о том, что в России до эмиграции Б.А. Лазаревский выпустил семь томов собрания сочинений с 1913 по 1914 г. Даты и количество томов не соответствует электронному каталогу Российской государственной библиотеки (далее – РГБ). Вопрос о том, какие книги составляют собрание сочинений и какое количество томов оно насчитывает, остаётся неизученным.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе работы использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы исследования. Первый применялся для последовательного изложения информации о: 1) содержательном наполнении собрания сочинений, которое представлено в фондах РГБ, 2) прижизненных списках произведений, которые включают в себя разные книги писателя и представляют их как единое собрание сочинений с характерной томовой нумерацией. Второй метод использовался для сопоставления и сравнения 1) как самих списков произведений друг с другом, 2) так и этих самых списков с соответствующими сборниками Б.А. Лазаревского.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В фондах РГБ хранится восемь томов собрания сочинений Б.А. Лазаревского, изданные предположительно с 1911 по 1915 г. Необходимо уточнить, что ссылка на него приводится в той форме, которая кажется наиболее корректной с учётом всех нюансов, которые будут далее освещены и объяснены. Датировка даётся на основе сведений электронного каталога, поскольку 1, 2 и 7, 8 тома не имеют дат. В этом же каталоге выходные данные восьми книг подаются под единым заглавием: «Собрание сочинений Б.А. Лазаревского: Полное собрание сочинений. С портретом автора», 2-е изд. Санкт-Петербург: Просвещение». Возникающие несоответствия с действительностью нивелируют общие примечания (ссылку на собрание сочинений мы приводим без них, давая общее заглавие, однако при оформлении ссылок на отдельные тома будем учитывать и отражать актуальные библиографические сведения). Издательство «Просвещение» выпустило только первые шесть томов, седьмой – «Освобождение», восьмой – издание М.В. Попова. Информация о повторном выпуске имеется лишь в первых четырёх книгах.

Различаются названия. Тома, изданные «Просвещением», имеют общее заглавие: «Собрание сочинений Б.А. Лазаревского: С портретом автора». Однако седьмой том носит другое – «Полное собрание сочинений», восьмой – лишён общего заглавия, содержательно связанного с собранием сочинений, но обозначен как восьмой том. Разнится оформление и в других аспектах. Так, книги, изданные «Освобождением» и «М.В. Поповым», имеют подзаголовки, которых не было в предыдущих шести томах: у седьмой книги «Красота», у восьмой – «Три тополя». Здесь необходимо отметить, что последняя книга была переиздана предположительно в том же году, в 1915, полностью сохраняя внутреннее наполнение и оформление, за исключением указания на восьмой том, а также имеет дополненный список произведений в конце.

У всех перечисленных книг, поданных в качестве составляющих прижизненного собрания сочинений Б.А. Лазаревского, несмотря на разное оформление, сохраняется порядковая нумерация томов, что и даёт возможность объединить их в одно собрание. Однако разноформатность книг объясняется тем, что над их выпуском работали разные издательства. А потому уже по одному этому признаку вкупе с другими различиями возни-

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1127-1139
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

кает вопрос, можно ли о всех вышеперечисленных восьми томах говорить как о собрании сочинений в устоявшемся понимании: «Вид издания, которое концентрирует в однотипно оформленных единицах (томах) все или основные произведения одного автора»? Видимо, корректнее в таком случае все же собранием сочинений называть те книги, которые выпустило издательство «Просвещение».

Списки произведений будут анализироваться в работе не в порядке хронологии, а в порядке, облегчающем демонстрацию имеющихся сходств и различий. Однако хронологические аспекты будут учитываться при построении выводов.

Первый список произведений размещён в конце одной из упомянутых книг – седьмого тома «Красота». Там под заголовком «Собрание сочинений Б.А. Лазаревского. С портретом автора» представлена информация с первого по шестой том. Описания совпадают с книгами, хранящимися в РГБ и описанными нами выше. Однако в третьем томе нет рассказа «Сёстры». Причины отсутствия установить пока не представляется возможным. Это либо техническая ошибка, либо речь идёт о первом издании, в котором не было данного произведения. Второе маловероятно, так как отсутствие этого рассказа будет сохраняться и в некоторых других списках произведений, даже в тех, в которых есть пометы о повторной публикации.

В конце восьмого тома «Три тополя» размещён список произведений, дополненный сведениями о седьмом томе. Заглавие списка аналогично, однако его уже нельзя назвать корректным, так как седьмая книга имела другое общее название: «Полное собрание сочинений». Также не упоминается рассказ «Сёстры» из третьего тома, а из содержания пятого убрана помета «и другие», из-за чего сведения становятся неполными. При последующем анализе других списков произведений выяснилось, что такие сборники рассказов Лазаревского, как «Девушки» и «Семья», существуют в качестве отдельных его книг, что соответствует действительности. Но в других списках они будут представлены как единицы единого собрания сочинений и даже как тома получат порядковые номера (вольно приписанные издательствами книгам Лазаревского номера томов не только не отражают оформление реальных книг, но ещё и разнятся между собой). В разделе «Готовятся к печати» есть сведения о девятом томе «Во время войны». Книга такая вышла в 1915 г., но указание на то, что она является девятой по счёту и входит в серию собрания, нет. Содержание её тоже несколько отличается от заявленного в списке (нет рассказа «Птичка», но добавлены пять других).

Примечательным является то, что в сборнике рассказов «Три тополя» второго издания (не входящего в собрание), который копирует восьмой том, тоже есть список произведений такого же содержания, но дополненный информацией о восьмой книге: «Три тополя: рассказы».

К книгам, хранящимся в РГБ в качестве собрания сочинений, наиболее всего приближен список произведений, охватывающий диапазон в девять томов, из сборника «Во время войны». Исключая отсутствие упоминания о рассказе «Сестры» из третьего тома и дополненное, но по-прежнему неполное содержание пятого тома, описание первых восьми соответствует. В качестве девятой книги обозначен сам сборник «Во время войны» с корректным содержанием. Заголовок списка не претерпел изменений, почему его тоже нельзя назвать правильным. Сборники «Девушки» и «Семья» вновь обозначены в качестве отдельных изданий, не связанных с собранием.

Весьма необычным в плане построения является список произведений, размещённый в книге с повестью «Вдова капитана», изданной уже в эмиграции. По своей подаче он не нов, явно была опора на те материалы, что были составлены ещё в России, тем не менее охват произведений даёт возможность обратиться к списку, минуя хронологию. Основным критерием для систематизации произведений Лазаревского выступили издательства. Таким образом, список удалось разделить на блоки в соответствии с ними. Нумерация томов присваивается книгам также вольно. Заглавие – обобщённое, не обозначающее какую-то конкретную серию: «Собрание сочинений Б.А. Лазаревского».

2025;11(4):1127-1139 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

Всего представлено пять блоков в следующем порядке: «Издание товарищества Просвещение», «Издание товарищества Освобождение», «Издание акционерного общества А.С. Суворина», «Издание журнала «Лукоморье»», «Издание М.В. Попова». В первый блок вошло семь томов, в описании первых четырёх сохранилась информации о повторном издании. Содержания соответствуют книгам за исключением тех недочётов, которые выше уже обозначались в третьем и пятом томах. В качестве седьмого тома представлен сборник рассказов «Девушки», хотя в книге во внутреннем оформлении нет соответствующего указания. А сборник рассказов «Красота», который действительно имеет помету о том, что является седьмым томом, в этот блок под этим номером не мог войти в силу выпуска другим издательством. Эта книга в списке будет обозначена как восьмая во втором блоке.

В разделе с изданиями общества А.С. Суворина значатся девятый и десятый тома. В качестве них выступили сборники рассказов: «Семья» и «Любимое». В первом есть помета о втором издании (из второго издания было исключено два рассказа). Однако содержание обоих «томов» в списке не представлено. Также стоит сказать, что в самих книгах нет указаний на принадлежность к собранию сочинений.

Среди изданий журнала «Лукоморье» значатся в качестве одиннадцатого тома (тоже безосновательно) сборник «Новые девушки», двенадцатого – «Во время войны». В описании первого содержание соответствует реальной книге, в описании второго – частично.

В свод с изданиями М.В. Попова помещены три тома с тринадцатого по пятнадцатый: третье издание сборника «Три тополя» (его найти не удалось, однако представленное содержание полностью соответствует книге второго издания), сборник «Вечное» (содержание соответствует лишь отчасти), книга «Вэня. Роман». Последнюю найти не удалось, о ней есть лишь упоминания, в других списках произведений можно найти чуть больше информации, однако нигде не будет описано содержание. Название книги также оформляется по-разному.

Список заканчивается разделом, информирующем об изданиях, которые только должны выйти в свет. Здесь отмечены сама повесть «Вдова капитана», «Моё сердце. Душа женщины» (подразумевается повесть «Моё сердце», изданная в Константинополе либо в 1920 г., либо в 1921 г. Обе даты значатся внутри книги, там же отражается название в двух вариантах), «Без слов говорящие» с припиской о шестнадцатом, семнадцатом, восемнадцатом томах соответственно. Отметим, что последняя книга тоже не была найдена, а упоминания о ней есть только в этом списке произведений, что свидетельствует о том, что она или не была издана, или её название претерпело изменения, или является утерянной на сегодняшний день.

Составители списка произведений, размещённого в конце книги с повестью «Вдова капитана», скорее всего, опирались на ранее опубликованные списки, которые были представлены в конце сборников «Сердце Анюты» или «Семья». Такой вывод можно сделать на основе схожей структуры, в которой основным критерием систематизации произведений Б.А. Лазаревского стали издательства, а также идентичность оформления: общее заглавие, блоки расположены в той же очерёдности, наличие или отсутствие перечня произведений в «томе», выделения жирным шрифтом, отсутствие рассказа «Сёстры», содержание пятого тома неполное. Скопированы даже опечатки, так, например, в описании первого тома между названиями двух рассказов «Умершая» и «Элегия» отсутствует знак препинания, из-за чего складывается впечатление, что речь идёт об одном произведении, а не о двух разных (кавычки не расставлены). Имеются и некоторые другие различия. Поочерёдно сопоставим их со списком из книги «Вдова капитана».

Так, в сведениях об изданных трудах из сборника «Сердце Анюты» иначе оформлено описание сборника рассказов «Красота»: сохранено частное заглавие, но в содержании отсутствует одноимённое произведение. В описании десятого «тома» указан художник обложки и дано содержание. Под пятнадцатым томом значится «Сердце Анюты» (содержание неполное, рассказы представлены в другом

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1127-1139
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

порядке), а «Вэня. Роман» (название дано в иной форме: «Вэня. История одной женской души», стоит отметить, что иногда написание первого слова может отличаться: «Веня») находится в разделе книг, готовящихся к печати, и отмечен как шестнадцатый том.

При сравнении со списком произведений, размещённом в конце сборника рассказов «Семья», обнаруживаются следующие отличия. В нем в качестве десятого тома в разделе изданий А.М. Суворина значится сборник «Любимое» (отсутствовал в сведениях из сборника «Сердце Анюты»). Вследствие этого вся дальнейшая нумерация «томов» сдвигается на один вниз. Всего тринадцать позиций, поэтому нет информации о сборнике «Вечное» (в списке из книги «Вдова капитана» был под тринадцатым номером), нет информации о печатающемся.

Имеется список произведений, размещённый в конце сборника рассказов «Вечное». Заглавие списка взято из изданий «Просвещения» с припиской: «С портретом автора». Состоит из описания тринадцати томов. Первые семь позиций соответствуют тем книгам, которые были найдены в РГБ. Ошибки в описании третьего и пятого томов сохраняются. Порядковая нумерация томов, начиная с восьмого, отличается от всех других версий, рассмотренных выше. Порядок представлен следующим образом: «Семья», «Девушки», «Во время войны», «Новые девушки», «Три тополя», «Вечное». Содержание представлено не у всех. На этом примере и на некоторых других видно, как сборники, ранее отмеченные как самостоятельные и независимые книги, обретают в некоторых списках произведений порядковый номер тома и представляются как составляющие собрания сочинений.

Наиболее поздним списком произведений можно назвать тот, что опубликован в сборнике «Тёмная ночь» (1923). По содержанию, структуре и заголовку он совпадает с тем, что был размещён в книге «Вдова капитана». Различия незначительны. Так, не представлено содержание в нескольких томах: 5 и 12–14, у одиннадцатого тома иное примечание: второе издание изменено на третье, уточняется место и время публикации 15 тома – книги «Вэня. Роман»: Петроград, 1917. После неё отсутствует информация об изданиях, вышедших в свет в Константинополе, и сразу излагаются издания О. Дьяковой в Берлине: «Душа женщины и другие рассказы», «Mademoiselle Мари и другие рассказы», «Обречённые и другие рассказы» перечислены по наименованию одноимённых рассказов, открывающих данные сборники, но, что примечательно, тома им не приписываются; они подаются под новой нумерацией арабскими цифрами.

С вышеупомянутым списком сравним ещё один, который был опубликован двумя годами ранее в сборнике рассказов «Птицы ночные» (1921), но он занимает всего одну страницу и весьма сжат. В качестве заголовка указано «Того же автора». Список разделён на два блока: «Издания т-ва «Просвещение», Суворина и др.» и «Издания 1921 г. в Берлине». Сходства наблюдаются вплоть по 15-й том, если не брать во внимание оформление, которое здесь было изменено, видимо, в угоду экономии бумажного пространства. Но далее наблюдаются различия. Первый блок: 16 том – «Вдова капитана», 17 том – «Моё сердце» (название дано не полностью. Скорее всего, речь о третьем издании, выпущенном в 1921 г. в Константинополе. Усечение названий наблюдается и у других книг). Второй блок: 18 том – «Душа женщины», 19 том – “Mademoiselle Marie”. Стоит отметить, что последние две книги входят в другую серию, томовая нумерация, как почти во всех списках, не является корректной.

Списки произведений имеются и в других зарубежных сборниках. Один из таковых размещён в сборнике «Голос родины: новые рассказы». Его аналогично будет корректно сопоставить со списком из сборника «Темная ночь». Заглавие: «Собрание сочинений Бориса Лазаревского». Структурирован по издательствам. Неоднократно встречается помета «распродано». До 12 тома включительно не наблюдается существенных различий, кроме некоторых нюансов: наличие точки между рассказами «Умершая» и «Элегия» в описании первого тома, отсутствует рассказ “Egalité” в описании третьего тома, поменяны местами частное название сборника и по-

2025;11(4):1127-1139 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

мета о втором издании в 11 томе. Значительные изменения в перечне начинаются с изданий М.В. Попова. Томовая нумерация не продолжается в этом блоке. Порядок книг следующий: «Сердце Анюты», «Три тополя: рассказы», «Вечное» и «Вэня. Роман из народной жизни» (подзаголовок уникальный, в таком варианте имеется только в этом списке). Следующий и по совместительству последний блок в этом сборнике назван «Издания заграничные». Информация неполная, перечисляются только «Моё сердце» (подразумевается «Моё сердце. Душа женщины», 3-е изд.), «Душа женщины и другие рассказы», «Птицы ночные», а также «Тёмная ночь» без подзаголовка.

Этот же список был впоследствии продублирован в сборнике рассказов «Грех Парижа». Дополнен упоминанием «Голоса родины». Подзаголовка нет, однако есть указание на издательство – издание Н.П. Корбасникова. Эта информация является важной, так как в самом сборнике выходные данные представлены в неполном виде. Однако дата публикации разнится: в списке – 1927 г., в книге – 1928 г.

Материалом для собрания послужили уже изданные произведения, опубликованные в более ранних сборниках и, по мнению самого писателя, более ценные в художественном плане (о некоторых своих первых рассказах Б.А. Лазаревский высказывался негативно). Основой послужили «Повести и рассказы». Так, первый том собрания сочинений состоял из девяти рассказов из первого тома и двух из второго; второй том собрания – один из первого тома и три из второго; третий том собрания – один из второго тома, шесть – из третьего тома, а также шесть уникальных рассказов, то есть тех, которые ранее не входили в отдельные сборники; четвёртый том – один из первого тома, два из третьего тома, семь уникальных; 5–8 тома собрания полностью состоят из уникальных произведений.

Таким образом, первые тома собрания сочинений, по сути, стали перевыпуском уже имеющихся работ. В дальнейшем, начиная с третьего тома, уникальность наполнения начала увеличиваться. В конце концов тома полностью стали состоять из произведений, которые ранее не публиковались в отдельных сборниках (это актуально для 5–8 томов).

Проведённый анализ позволяет говорить о существовавшей идее издавать повести и рассказы в систематизированном виде. Логично предположить, что списки произведений – тоже один из способов систематизации. Такой вывод можно сделать, если проанализировать, как в разных списках презентовались сборники «Семья» (1-е изд. 1910 и 2-е изд. 1916) и «Девушки» (1910). В этой связи необходимо рассмотреть списки произведений в хронологическом порядке. Так, в списке восьмого тома собрания сочинений, изданном предположительно в 1915 г., вышеупомянутые сборники подаются как отдельные, не являющиеся частью собрания. Но с этого же года данный подход меняется и в сборнике рассказов «Вечное», который предположительно был издан в это время, двум сборникам в списке приписывают нумерацию восьмого и девятого томов соответственно. Из-за года выпуска отсутствует указание на то, какое издание «Семьи» подразумевается, но можно смело утверждать, что в это время уже появилась идея включить эти книги в свод собрания.

На фоне этого кажется закономерным исключение двух рассказов («Вечер», «Тангейзер») из сборника «Семья» (2-е изд.) в 1916 г. Сокращение книги обусловлено тем, что два произведения уже были ранее опубликованы в собрании, а именно в четвёртом томе. Когда это исключение было запланировано, стало возможным упоминать сборник как часть собрания сочинений, ибо больше не было повторов. Второе издание «Семьи» и «Девушек» уже с 1916 г. будут презентоваться в списках как составляющие части собрания сочинений. Таким примером является список произведений, размещённый в самом сборнике «Семья» (второе издание). В нём эта книга подаётся как девятый том собрания сочинений. Важно заметить, что присутствует конкретизация: девятым томом называется именно второе издание. Сборник «Девушки» отмечается как седьмой том. Список из сборника рассказов «Сердца Анюты», который был предположительно издан в

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1127-1139
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

1917 г., презентует второе издание (соответствующая пометка есть) «Семьи» как девятый том, а сборник «Девушки» – как седьмой том. Аналогично информация подаётся в списке произведений, который размещён в конце книги «Вдова капитана», которая была издана в 1920 г. в Константинополе.

С 1916 г. происходят и другие изменения в списках произведений, например, меняется структура. Изначально в этих списках в качестве основы выступала серия томов собрания сочинений, изданных «Просвещением», «Освобождением», этот перечень дополнялся другими книгами, которым приписывалась томовая нумерация. Но начиная со второго издания сборника «Семья» модель выстраивания книг хронологически или просто последовательно друг за другом меняется. Теперь основным принципом систематизации становятся сами издательства, выпускающие книги. Вследствие этого списки получается разбить на разделы. С одной стороны, это способствовало лучшей визуализации, с другой стороны, привело к ещё большим подвижкам в томовой нумерации, разнящейся внутри списков.

В настоящий момент затруднительно ответить на вопрос, кто был родоначальником идеи систематизировать творчество Б.А. Лазаревского в таких списках: издатели или сам писатель. Но можно с уверенностью сказать, что с писателем такие вопросы должны были согласовываться. Не исключено, что сам Б.А. Лазаревский мог быть и родоначальником идеи, и составителем. В качестве гипотетических причин их появления можно выделить два фактора: психологический и коммерческий. В связи с первым можно вспомнить настоятельные советы А.П. Чехова Б.А. Лазаревскому больше писать. Тогда подобные списки могли выступать в качестве презентации собственной работы и её объёма. Не стоит исключать наличие у художника юридического образования и опыта военно-юридической службы, так или иначе развивающих стремление к порядку и системности. Такие списки могли выступать в качестве приёма маркетинга, способствуя популяризации творчества писателя. Особенно это было актуально для зарубежного периода.

В качестве ещё одного доказательства того, что прижизненное собрание сочинений, восемь томов которого выпускались тремя издательствами, изначально было попыткой публиковать произведения в систематизированном виде, можно рассмотреть публикационную активность в этот период. Так, «Забытые люди» (1899), «Девушки» (1910), «Семья» (1910) вышли отдельными сборниками до 1911 г., который стал началом выпуска собрания сочинений. Как только началась реализация этого проекта, до 1915 г. Б.А. Лазаревский не выпускал другие книги, сосредоточившись на систематизации своего творчества. Поэтому первые тома собрания включили в себя ранее изданные в других сборниках произведения, а следующие – уже новые (отметим, что речь не идёт о периодической печати).

С 1915 г. параллельная публикация самостоятельных сборников возобновляется, в них будут входить и некоторые произведения из собрания сочинений. Это исключает попытку не допускать повторений, что было предпринято со вторым изданием сборника «Семья».

Восьмой том собрания сочинений с частным заголовком «Три тополя» является одновременно и последним выпуском в собрании сочинений (в первом издании есть помета о том, что книга является восьмым томом), и отдельным сборником (помета была исключена из второго издания). Список произведений, размещённый в своде второго издания, включает первое как том собрания сочинений, что подтверждает вышеизложенный тезис. С 1916 г. меняется структура списков произведений, которая строится теперь с опорой не на хронологию, а на издательства.

Косвенным подтверждением идеи без повторений издавать произведения в систематизированном виде в формате собрания сочинений служит заголовок списка произведений, находящегося в седьмом томе «Красота», – «Полное собрание сочинений». Исключается помета «С портретом автора», данная издательством «Просвещение», добавляется конкретизация «полное», таким образом разрывается связь с конкретной издательской серией. Значение словосочетания

2025;11(4):1127-1139 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

«собрание сочинений» из узкого переходит в широкое, обозначая все книги писателя (за исключением первых произведений, не оценённых самим Б.А. Лазаревским по достоинству, и тех книг, в которых позже дублировались уже изданные рассказы). Безусловно, с такими исключениями списки с аналогичными заглавиями назвать полными нельзя. В них, например, не учитывались некоторые книги, выходящие параллельно с томами собрания сочинений с 1915 г. (не учитывались, так как произведения дублировались).

Идею систематизации собственного творчества в виде собрания сочинений Б.А. Лазаревский продолжал реализовывать даже несмотря на вынужденное сотрудничество с разными издательствами («Просвещение», «Освобождение», М.В. Попова). Но полноценное её воплощение прерывается на издательстве «Освобождение», так как в издании М.В. Попова хоть и сохранилась в первом издании порядковая томовая нумерация, общего заглавия уже не имелось. Изданный этим книгоиздательством восьмой том обозначил конец «серийности». В итоге от идеи системно публиковать свои произведения в формате собрания писателю пришлось отказаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ содержательного наполнения томов собрания сочинений, списков произведений в хронологической последовательности позволяет сделать вывод о стремлении Б.А. Лазаревского систематизировать издание своих трудов. Эта идея не смогла полноценно воплотиться в жизнь из-за разрывов сотрудничества с некоторыми издательствами. Тем не менее, поначалу она продолжала реализовываться даже во время работы с разными книгопечатными организациями. Списки произведений стали наиболее оптимальным и лёгким вариантом систематизировать пополняющееся художественное наследие, однако на протяжении всего времени менялись их структура, оформление, допускалось копирование ошибок, вследствие чего при обращении к ним необходимо учитывать вышеизложенные факторы.

Обращаясь к вопросу, какое количество томов можно называть собранием сочинений, следует дать ответ с рядом оговорок. В классическом определении собрания сочинений правильнее называть таковым только первые шесть томов, изданные «Просвещением», ибо книги подготовлены к выпуску одним издательством, одноформатны, имеют единый (без внутренних различий) общий заголовок. Однако при таком подходе за «бортом» остаются книга «Красота» с пометкой «7 том» и первое издание сборника «Три тополя». Необходимо все же учитывать идейные предпосылки к созданию собрания. В таком случае корректно с оговорками называть все восемь томов таковым, но возникает трудность с библиографическим оформлением каждой книги и всей «серии» в целом. Мы предлагаем ссылки на все восемь томов обозначать через максимально общее заглавие «Собрание сочинений Б.А. Лазаревского», исключая индивидуальное оформление книг, указывать все три издательства через запятую, отмечать, что 1–6 тома переизданы. Когда же необходимо сослаться на конкретный том, то стоит оставлять максимально общее заглавие, которое мы указали выше, а далее прописывать вариант общего заголовка, актуальный для конкретного тома.

Собрание сочинений, представленное в списках произведений, необходимо понимать как перечень всех книг, исключающий первые сборники Б.А. Лазаревского и книги-дубляжи, имеющиеся на момент составления. При этом необходимо игнорировать конкретизирующие элементы в заголовках, так как не всегда они являются корректными, а также не забывать о ряде ошибок технического или человеческого происхождения. Списки произведений – это скорее попытка систематизировать и объединить все значимые книги писателя. Преследуя эту цель, издатели вольно обозначали их как тома и не всегда корректно оформляли заголовок, часто за основу беря тот, который был дан издательством «Просвещение» для шести книг, выпущенных предположительно с 1911 по 1914 г. Если рассматривать собрание сочинений как совокупность всех произведений писателя, то тоже нельзя сказать о том, что в

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1127-1139
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

списках представлена максимально полная информация (не все содержания отражают реальное наполнение книг, не все произведения включены в списки, так как составлялись при жизни писателя).

Теоретическую значимость работы составляет уточнение принципов формирования собрания сочинений писателя, критериев вхождения в него отдельных произведений, что способствует корректному изучению всего творческого наследия художника. Возможность использовать полученные результаты в практике изучения и преподавания литературы русского зарубежья в рамках общего и профессионального образования составляет практическую значимость исследования.

Список источников

1. *Климович Л.В.* Жизненный путь и общественная деятельность российского эмигранта К.Д. Померанцева // Интеллигенция и мир. 2022. № 2. С. 103-122. https://doi.org/10.46725/IW.2022.2.5, https://www.elibrary.ru/mlchgr
2. *Обатнина Е.Р.* Алексей Ремизов и Борис Зайцев: юбилейные хлопоты 1926 г. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 4. С. 466-485. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485, https://elibrary.ru/gxzpur
3. *Пономарёв Е.Р.* Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 3. С. 222-243. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243, https://elibrary.ru/xvudqo
4. *Проскурина Е.Н., Силантьев И.В.* Своеобразие сюжета воспоминания в поэме Б. Волкова «Возведенные на эшафот» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 94-109. https://doi.org/10.17223/18137083/80/9, https://elibrary.ru/osndiw
5. *Мастепак Т.Г.* Социокультурное пространство Берлина в романе В. Набокова «Дар» // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 169-181. https://doi.org/10.17223/18137083/74/13, https://elibrary.ru/pqnjul
6. *Устинов А.* «Зелёная шляпа» Петра Потёмкина и детская литература русской эмиграции // Детские чтения. 2020. № 2. С. 180-229. https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-2-18-180-229, https://elibrary.ru/zepuop
7. *Махрачёва Я.В., Желтова Н.Ю.* Приём предварения в сборнике Б.А. Лазаревского «Обречённые и другие рассказы» // Неофилология. 2024. Т. 10. № 1. С. 107-116. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-107-116, https://www.elibrary.ru/omikwi
8. *Лепилкина О.И.* Начальный этап журналистской деятельности И.Д. Сургучёва в эмиграции // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4 (52). С. 24-30. https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-52-4-24-30, https://www.elibrary.ru/zkhuhk
9. *Фокин А.А.* Театр Ильи Сургучёва в истории русского зарубежного театра // KANT: Social Sciences & Humanities. 2020. № 1 (3). С. 40-51. https://doi.org/10.24923/2305-8757.2020-3.5, https://www.elibrary.ru/nadlzp
10. *Паункович З.* Творчество Гайто Газданова в интерпретации Льва Захарова // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 33-44. https://doi.org/10.46725/IW.2023.3.2, https://www.elibrary.ru/lmvazo
11. *Любомудров А.М.* «Всё простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». Переписка Л.Ф. Зурова и В.А. Мануйлова (1961–1967) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 119-181. https://doi.org/10.22455/25418297-2020-16-119-181, https://www.elibrary.ru/mssdlm
12. *Махотина Н.В., Артемьева Е.Б.* Литература русского зарубежья в библиотечных спецхранах // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 320-328. https://doi.org/10.17223/22220836/40/29, https://elibrary.ru/hyqykp
13. *Фокин А.А., Малахова Н.М.* К проблеме возрождения забытых имён: Борис Лазаревский и «Чеховская школа» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 58-61. https://elibrary.ru/pagojz

2025;11(4):1127-1139 🕮 Неофилология / Neofilologiya = Neophilology
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 🕮 https://neophilology.elpub.ru

References

1. Klimovich L.V. Life and public activity of Russian emigrant K.D. Pomerantsev. *Intelligenciya i mir = Intelligentsia and the World*, 2022, no. 2, pp. 103-122. (In Russ.) https://doi.org/10.46725/IW.2022.2.5, https://www.elibrary.ru/mlchgr
2. Obatnina E.R. Alexey Remizov and Boris Zaitsev: 1926 anniversary preparations. *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 4, pp. 466-485. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-466-485, https://elibrary.ru/gxzpur
3. Ponomarev E.R. Motherland in the philosophical constructions of I.A. Ilyin: literary projections. *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 222-243. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243, https://elibrary.ru/xvudqo
4. Proskurina E.N., Silantev I.V. Peculiarity of the memory plot in the poem by Boris Volkov "Brought on the Scaffold". *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 94-109. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/18137083/80/9, https://elibrary.ru/osndiw
5. Mastepak T.G. The socio-cultural space of Berlin in V. Nabokov's novel "The Gift". *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 169-181. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/18137083/74/13, https://elibrary.ru/pqnjul
6. Ustinov A. Piotr Potiomkin's "Green Hat" and Russian émigré children's literature. *Detskie chteniya = Children's Readings*, 2020, no. 2, pp. 180-229. (In Russ.) https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-2-18-180-229, https://elibrary.ru/zepuop
7. Makhracheva Ya.V., Zheltova N.Yu. The method of introduction in the collection of B.A. Lazarevsky "Doomed and Other Stories". *Neofilologiya = Neophilology*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 107-116. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-107-116, https://www.elibrary.ru/omikwi
8. Lepilkina O.I. The initial stage of journalistic work of I.D. Surguchev in emigration period. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University*, 2021, no. 4 (52), pp. 24-30. (In Russ.) https://doi.org/10.53315/1995-0713-2021-52-4-24-30, https://www.elibrary.ru/zkhuhk
9. Fokin A.A. Ilya Surguchev's theater in the history of Russian foreign theater. *KANT: Social Sciences & Humanities*, 2020, no. 1 (3), pp. 40-51. (In Russ.) https://doi.org/10.24923/2305-8757.2020-3.5, https://www.elibrary.ru/nadlzp
10. Paunkovich Z. Creativity of Gaito Gazdanov in the interpretation by Lev Zakharov. *Intelligenciya i mir = Intelligentsia and the World*, 2023, no. 3, pp. 33-44. (In Russ.) https://doi.org/10.46725/IW.2023.3.2, https://www.elibrary.ru/lmvazo
11. Lyubomudrov A.M. "Everything simple and clear has been turned into incredibly complex by someone". Correspondence between Leonid Zurov and Viktor Manuilov (1961–1967). *Literaturnyj fakt = Literary fact*, 2020, no. 2 (16), pp. 119-181. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/25418297-2020-16-119-181, https://www.elibrary.ru/mssdlm
12. Makhotina N.V., Artemeva E.B. Literature of Russian Diaspora in library special stores. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2020, no. 40, pp. 320-328. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/22220836/40/29, https://elibrary.ru/hyqykp
13. Fokin A.A., Malakhova N.M. Towards the problem of renaissance of forgotten names: Boris Lazarevskiy and "Chekhov's School". *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*, 2012, no. 1, pp. 58-61. (In Russ.) https://elibrary.ru/pagojz

Неофилология / Neofilologiya = Neophilology 2025;11(4):1127-1139
Print ISSN 2587-6953, Online ISSN 2782-5868 https://neophilology.elpub.ru

Информация об авторе

Махрачёва Яна Васильевна, аспирант, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, https://orcid.org/0000-0002-8634-110X, nika36323@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.05.2025
Поступила после рецензирования 03.09.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Yana V. Makhracheva, Post-Graduate Student, Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, https://orcid.org/0000-0002-8634-110X, nika36323@yandex.ru

Received 27.05.2025
Revised 03.09.2025
Accepted 19.11.2025

The author has read and approved the final manuscript.

Print ISSN 2587-6953
Online ISSN 2782-5868
DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-4

Научно-теоретический журнал

Неофилология
2025. Т. 11. № 4

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Государственная регистрация: Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70137 от 16 июня 2017 г.

Редакция:
Главный редактор *А.С. Щербак*
Ответственный секретарь *И.В. Ильина*
Редакторы: *Ю.А. Бирюкова, М.И. Филатова*
Редактор английских текстов *Н.А. Михайлова*
Администраторы сайта: *М.И. Филатова, Н.А. Михайлова*

Адрес редакции и издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции: 8(4752)72-34-34 доб. 0440
Электронная почта редакции: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru

Подписано в печать 26.11.2025. Дата выхода в свет 12.12.2025
Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman».
Печать на ризографе. Печ. л. 40,0. Усл. печ. л. 37,2.
Тираж 1000 экз. Заказ № 25266. Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов
Компьютерная вёрстка: *М.И. Филатова, Н.А. Михайлова*

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.
Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Информацию о журнале «Неофилология» см. на веб-сайтах: https://neophilology.elpub.ru, https://journals.rcsi.science/2587-6953

